

Виталий Бушуев

Я – МЫ – ОНИ

1999

Автор — доктор технических наук, профессор. Последнюю четверть XX-го столетия прошел по спирали — был директором Сибирского НИИ энергетики, народным депутатом СССР, заместителем Министра топлива и энергетики России, встречая вековое порубежье на посту директора Института энергетической стратегии и президента Лаборатории энергетической инициативы.

В.В. БУШУЕВ. Я - МЫ - ОНИ. — М: «ПАПИРУС ПРО», ИЗД. 2-Е (ДОРАБОТАННОЕ), 1999 — 476 С.

Жизненный опыт и стремление «дойти до сути» привели автора к переосмыслению многих устоявшихся «истин» в физической картине мира, его духовном и общественном облике.

Философские размышления автора о взаимозависимости причин и следствий, о циклических процессах в природе и обществе, об относительности пространства и времени, о сущности жизни, о субъективной и объективной основе многоотельного человека, о мировых спиралях, о сакральной истории России и ее будущем — изложены как новая мировоззренческая система, интегрирующая натуралистический и метафизический взгляд на единый мир и его многоликие проявления.

Я, Мы, Они - равноправные и равновеликие субъекты и объекты этого мира.

Автор призывает читателя к совместным размышлениям и обретению каждым себя и своей космической сущности.

© В.В. БУШУЕВ, 1999

ISBN 5-901054-13-X

Новое предисловие

Поставив жирную точку в конце трилогии «Я — Мы — Они», автор вздохнул с облегчением и задумчивостью.

Во-первых, на мой взгляд, (и это мнение поддержано рядом моих читателей) книга получилась — как новый метасистемный и метафизический взгляд на единый мир и его человеческое и российское проявление, вобравший как собственные домыслы, так и авторскую интерпретацию многих интересных идей, появившихся в специальной и популярной литературе наших дней.

Во-вторых, не удалось полностью ответить на все вопросы, поставленные в содержательном плане задуманной работы. Некоторые просто не вписались в общую канву последовательного изложения проблемы, на другие — не нашлось достаточной информации ни во внешних источниках, ни в собственной голове. Поэтому в новом издании я счел необходимым отметить курсивом те пункты плана, которые не раскрыты в книге, выделив жирным шрифтом дополнения, включенные в данный вариант работы.

В третьих, (и это было отмечено в одной из глав), процесс познания (и словесного описания) бесконечного мира таков, что каждый шаг к горизонту все более отдаляет от него. Ибо идёшь не по ровной местности, а вверх по ступеням знания, а с каждой новой ступени видимый (в том числе и внутренним зрением) мир становится все более объемным и многогранным. Если наблюдатель чисто механически удваивает высоту своего взгляда, то размер плоских знаний увеличивается уже в 4 раза, а что и говорить об объеме конуса, тем более о расширении угла обзора...

Задумчивость автора и объясняется тем, что надо бы писать новую книгу, объем которой увеличится в соответствующее число раз, а это трудно осилить как пишущему, так и читающему.

Поэтому в основе своей, «наступая на горло собственной (не до конца сложившейся новой) песне», в данном издании повторяется то, что было написано ранее. Хотя автор и не мог удержаться, чтобы не отразить ряд новых моментов, систематизирующих и восполняющих приведенную картину объективно-субъективного мира. Появился и ряд новых исходных постулатов, меняющих сам угол зрения, что может не только количественно изменить объем знаний, а дать качественно иную интерпретацию многих ощущаемых, но еще не видимых за прежним горизонтом явлений и проблем.

В частности, необходимо, на мой взгляд, пересматривать сам исходный принцип познания. По большому счету, мир не подчиняется причинно-следственным связям. И в физическом, не говоря уже о метафизическом мире, нет объективности, не зависящей от наблюдателя-субъекта. Напрасно наука кичится, что будто открыла некоторые незыблемые законы, истинность коих доказывается тем, что они отражают явления, которые могут быть многократно повторены совершенно разными испытателями. Но сам-то испытатель при этом не устраняется, а он как известно, субъект, а не объект.

Да и сам Человек, становясь объектом научного познания, не перестает быть субъектом. Поэтому между наблюдателем и наблюдаемым устанавливается двухсторонняя обратная связь, в которой, на мой взгляд, принципиально невозможно установить причину и следствие.

Если Человек — полноправная часть земного мира, то ноосфера — часть космоса, и между ними существует такая же обратная связь, объясняющая эволюцию системы не поиском истока (причины) и феномена (следствия), а их взаимозависимостью.

Философии пора отказаться от вечного схоластического спора: что — первично, что — вторично (вещество или дух, материя или сознание, бог или человек и т. д.).

В замкнутой кольцеобразной системе, какой является мир, нет начала и конца ни у времени, ни у пространства; да и сами эти категории не есть нечто абсолютное — они атрибуты той части мира, которую мы в данной ситуации, под данным углом зрения пытаемся вычлени из всей окружающей субъективно-объективной действительности.

Ответить на вопрос о первичности курицы или яйца невозможно, также как и на вопрос, на какой стадии неживое вещество превращается в живое существо, потому что... причина и следствие могут быть лишь условно (субъективно) вычленены из общего кольца пульсирующей жизни.

Мир пульсирует, ибо в его основе лежит процесс вечных гармоничных колебаний ... между белым и черным, женским и мужским, добром и злом, живым и неживым, объектом и субъектом ... между инь и ян.

Именно это восточное мировоззрение полнее отражает все многообразие периодических явлений, проявляющихся в микро- и макром мире, в физическом мире, в мире социума и в ноосфере.

В новом издании автор попытался чуть подробнее прокомментировать это свое утверждение, основываясь как на прежних литературных источниках, стимулирующих мои размышления, так и на новых публикациях о ритмодинамике мира.

Цикличность мира заставляет искать не первичную точку отсчета, а параметры периодического процесса, с помощью которых можно проследить аналогию ситуаций, имеющую место на различных стадиях «вечного дыхания». Причем периодичность имеет место не только во времени, но и в пространстве, а может быть и по другим лишь относительно независимым аргументам.

Именно с этих позиций историко-географических колебаний человеческого социума и следует рассматривать роль России в канун III-его тысячелетия ... с условного дня рождения Христа.

А если принять другую точку отсчета ..., например, момента образования российского суперэтнуса, с т.н. начала «осевого времени» К. Ясперса — начала человеческой цивилизации или еще дальше, с момента образования Земли как части вечного живого Космоса...

Главное — не точка отсчета, а та гармоника разнотемпового процесса эволюции мира, которая на данном временном отрезке характеризуется наибольшей динамичностью, ибо сила процесса пропорциональна его ускорению. Не есть ли рубеж тысячелетий именно таким наиболее активным участком периодически сменяющейся во времени и в евразийском пространстве пассионарности суперэтносов как проявление одной из космических гармоник... Не совпадают ли в наше время и на нашем пространстве несколько активных зон различных гармоник, в том числе и периодической смены жизненных ценностей человека: материальное — духовное...

На этот вопрос трудно дать вразумительные ответы. Но даже сама постановка подобного рода вопросов, дополнительно представленных в данном издании, представляется автору достаточно значимым делом не только для себя, а для тех, кто озабочен вечной проблемой осознания: кто я, откуда пришел и зачем живу.

И хотя в книге изложена только часть вопросов, автор счел возможным для полноты предлагаемой картины мира сохранить с небольшими коррективами первоначальный вариант план-содержания всего исходного замысла работы «Я — Мы — Они».

По просьбе читателей в дополнение к план-содержанию и в тексте в новом издании дан глоссарий основных понятий и терминов, используемых в книге, дабы не отвлекать тех, кто пытается понять что-то новое затяжными поисками в словарях и справочниках. Хотя многие из этих понятий приводятся здесь в авторской интерпретации.

Надеюсь, что многие читатели, задумавшись над поставленными вопросами, станут авторами новых ответов...

С благодарностью к ним

В. Бушуев

ноябрь 1999 г.

СОДЕРЖАНИЕ-ПЛАН

I. МЕТАСИСТЕМНОЕ УСТРОЙСТВО МИРА

1.1. Каждый желает быть осознанным субъектом мира.

От извечного вопроса о первичности материи или сознания к равноправному взаимодействию субъекта и объекта.

1.2. Мир — открытая система (мета-система, состоящая из иерархии сущностных систем и межсистемной среды, трансформирующей феномены и ноумены).

Закон будстрапа — всеобщей обратной связи.

1.3. Нет аристотелева принципа единства законов во вселенной. В каждой системе категории (материя, движение, энергия, время и пространство) индивидуальны. Нет общего закона сохранения материи, энергии и т.д.

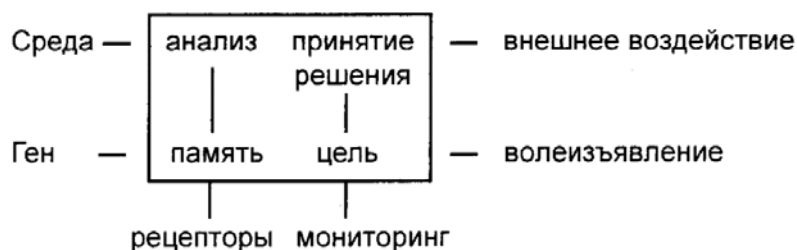
1.4. Время и пространство — многомерные координаты системы. Шестиугольная звезда материального мира:

Объем (длина, высота и ширина) и

Событийность (линия текущего времени, линия вечности и линия возможных реализации). $\text{Время} \times \text{вечность} = \text{память}$.

1.5. Интеллигибельный (умопостигаемый) многогранный мир. Материя. «Все мыслимое существует». Категории познания: озарение, разумное обобщение, подсознательное и чувственное феноменологическое восприятие объектов.

Система — объективно-субъективное образование

1.6. Многогранность системы и смена категорий при переходе от системы к системе: вещество — в энергию, энергия — в информацию, информация — в действие и т.д. Виртуальность межсистемной среды.

1.7. **«Вечное дыхание». Мир как осциллирующая система.**

Цикличность как естественное феноменальное проявление системы.

Жизненный цикл системы. Кривизна и полужамкнутость временной событийности.

1.8. Движение и развитие. Эффект пирамиды: размножение, структуризация, устойчивость, накопление энтропии, распад неразвивающейся системы.

1.9. Внутренние и внешние проявления бифуркационных негэнтропийных процессов.

Гены привносятся из соседних систем, неся в себе память и нереализованные возможности субъекта-родителя. Моногамия и полигамия как приумножение числа степеней свободы субъекта.

1.10. Новое голографическое понятие структуры: действие порождает тень структуры, формирует ее узлы роста, а оживающие ростки разветвляют структуру по закону симметрии. Симметрия образуется расслоением системы, на которую изначально попадают родимые пятна соседних родителей, а также путем растягивания первичных точек вдоль всех координат саморазвивающейся системы.

1.11. Особенности межсистемной среды. Несоизмеримость ее размеров с мерой категории системы преобразует эти категории. Средство трансформации категорий — изменение ноуменальных представлений об отдаленных системах. Поля тяготения, электромагнитные и другие поля — воображаемые модели межсистемного взаимодействия, формируемые на основе колебаний (дыхания) межсистемной паутины, сотканной из субстанциональных узлов материи, под которой понимается — все.

II. ЖИЗНЬ

2.1. Определение жизни через негэнтропийность системы.

2.2. Множественность систем и множественность видов жизни. Белковая форма — одна из физически-химических субстанций жизни. Появление новых форм не через развитие и естественный отбор существующих субстанций, а путем генетической (субклеточной, субгенной) мутации «почек» жизни под воздействием количественно-качественных воздействий внешних систем и собственного перерождения родителей.

Голографическое проявление Ното на земле.

2.3. Саморазвивающиеся системы. Наличие в них некоего целеформирующего субъекта. Неоднородность элементов: дифференциация клеток. Пассионарность яйца. Клетки-катализаторы. Интеллектуалы и трутни.

2.4. **Многомерные миры и их отражение в многотельной сущности Человека. Высшая реальность — Брахман (всё) и его зеркальное человеческое отражение — Атман. Монада и целое.**

2.5. Групповое поведение систем. Индивидуальное и стадное поведение системы. Человек — биосоциальное существо.

Структура стаи как повторение структуры субъекта:

вожди, понудители, исполнители, жертвы, родители, хранители накопленной информации, радисты — для обмена информацией и другими материальными субстанциями с другими системами.

2.6. Либидо-жизненная сила. Стремление к воссоединению частей в целое (слиянию полов, родителей и детей, интеграции живых структур) — стремление к изначалию жизни. Незамкнутость кривой жизни — спираль развития.

2.7. Жизненные стимулы:

количественное размножение (накопление),

страх потери, усекновения (сокращения), смерти;

организованность как гармония жизни, стремление к лидерству (зависть);

тяга к необычному (любопытство).

III. КУЛЬТУРА КАК СИСТЕМА

3.1. Космические рецепторы земли. Зарождение человеческих генотипов в разных точках планеты в зависимости от сочетанного воздействия других планет и местных ландшафтно-природно-климатических и биологических условий при различной концентрации физико-химических вещественных составляющих.

3.2. Однотипность структуры человека как следствие общих (близких) законов симметрии на Земле. Рассовые различия — генетические флуктуации расслоения живого существа в зависимости от местных условий. Этногенезы — продукт космоэнергетического воздействия и ландшафта.

3.3. Культура как опыт взаимодействия человека (расы) со средой (себе подобными, некими родительскими образами, космическими объектами, объектами собственного творчества).

3.4. Творчество — условие сохранения и приумножения негэнтропийных точек развития человечества.

3.5. Типы культур (ацтекская, африканская, евразийская, индуистская, малайская...). Евразийство.

3.6. Жизненный цикл культуры. Культура как открытая система. Монокультурность и ассимиляция — путь к вырождению.

3.7. Общие и индивидуальные цели расовых сообществ и земного человечества.

3.8. Ноосфера как межзвездная интеллектуальная среда.

3.9. Цикличность культурных процессов. Новое — хорошо забытое старое.

3.10. Синтез искусства, науки, знаний — интегрирование культуры.

3.11. Этика человечества.

IV. РОССИЙСКОЕ ВЕСТНИЧЕСТВО

4.1. Две противоположные тенденции в развитии человечества: стремление к равенству (энтропии) и расслоению общества.

Энтропийная система более устойчива, но не адаптивна и при отсутствии внешних воздействий теряет потенцию к развитию («тепловая смерть»). Чем больше расслоение, тем больше потенциальных условий для дифференциации и развития общества, но силы зависти могут вызвать внутренние конфликты и взорвать систему.

4.2. Российские условия — природная и духовная контрастность — потенциальные условия развития общества. Артельность, общинность, где возможности и вклад каждого в общее дело проявлялись очевидно — противовес социальному расслоению.

4.3. Российские демиурги — выразители противоречивых чаяний россиянства.

4.4. Сознательная европейская цивилизация и подсознательное чувство россиян — богатство мировосприятия. Бессознательное внушение биологически-стадного чувства — злой дух толпы при «нечистом» экстрасенсе.

4.5. Гениальность и духовность мышления и лень самоорганизованного действия — национальная черта россиян.

4.6. «Святая София» российской души. Святость и мракобесие, послушность и бунтарство — единство и борьба противоположностей — движущие факторы российского характера. Славянофильство и западничество — борьба генетических и внешних начал в русской жизни.

4.7. Сакральная история России. Евразийские спирали человеческой миграции. Арктида как прародина человечества. Россы и руссы.

4.8. Русская интеллигенция и мнимое народничество — катализаторы и провокаторы русской революции.

4.9. Гармоничное развитие человека при социализме — потенциальные возможности — мечта человечества о благе всех и каждого.

Октябрьская революция — не насилие над историей, а попытка воплотить мечту человечества.

4.10. Личность в истории — катализатор процесса. Самодовлеющие интересы личности — неадаптивность к ситуации, опасность отхода, нарушения объективного процесса.

4.11. *Партия: мониторинг ситуации, корректировка целей и идей. Соотношение силовых методов «загона в счастье» и создание объективных условий для реализации потенциальных интересов большинства.*

Потеря идейного жизненного тонуса партии — кризис доверия к идее вообще.

4.12. Спиральный переход: от духовного к материальному и наоборот. От меркантильности — к идейности.

Сложность возрождения идеи «советскости» в России.

4.13. Не конвергенция, а многополюсность мира.

4.14. Новые цели российской государственности — организация условий для реализации идеи российского вестничества — образа космоэнергетического регионально-культурно-классово-иерархического народоустройства с гармонизацией личного, общественного и природно-космического.

4.15. Гармонизация — путь к застою.

Динамичная, но безидейная американо-немецкая организованность, шведская стабильность — застой, российские шараханья — качели развития.

V. ЧТО НАС ЖДЕТ?

5.1. Различность периодов жизненного цикла человека, народа, культурной расы, человечества, земной жизни и жизни вообще.

5.2. Равенство — путь к максимации энтропии и вырождению, неравенство (генетически обусловленное) — источник негэнтропийных процессов развития.

5.3. Российское евразийство — источник космической энергии. Пример новой человеческой этики — справедливости возможностей, гармонизации личности и сообщества, подпитка негэнтропийных условий со стороны космоса.

5.4. Расцвет и закат российского вестничества. Кто подхватит эстафету?

5.5. Непредсказуемость поведения (на длительном этапе развития) космических и природных систем — непредсказуемость человеческих, биологических мутаций.

5.6. Вечность мира.

Предисловие к I-му изданию

Люди делятся на любопытных и завистливых, не считая тех, кто просто прозябает, влача бесполезное существование на земле.

Завистливые «по-черному» пытаются всех подравнять под свой ранжир. Навязывая всем свои понятия, свои правила, они не допускают даже инакомыслия.

Завистливые «по-белому» пытаются догнать и перегнать своего соперника, заимствуя у него все лучшее. Но и те и другие стремятся к уравниванию всех и вся, а это, в конце концов, сулит всеобщую «тепловую смерть».

Люди же любопытные пытаются заглянуть «за горизонт» просто потому, что им не вмоготу стоять на месте. «Как фотонам им покоя нет».

Именно из любопытства Ева надкусила яблоко из райского сада, познав не только сладкий вкус запретного плода, но и таинство единения двух начал, дающего жизнь третьему... Так и произошел мир.

Эти мои этюды о бесконечных началах «жизни» одних систем, со-творимых неясным взаимодействием других, — для любопытных.

Мир — это непрерывное взаимодействие открытых систем.

Система — это и атом, и живое существо, человек, общество, природа, био- и ноосфера, солнечная система. Вселенная...

Любопытно, что там, за горизонтом.

А горизонт — не только в небе, но и в каждом из нас.

Мы слишком долго воспринимали основной вопрос философии (любомудрия) по-солдатски: первый — второй, рассчитайся.

А ведь главное — не в этом, а в том: почему и для чего... мы живем, почему и для чего живут вообще, в чем гармония и смысл «жизни» молекул и организмов, личностей и народов, планет и галактик. Придя в жизнь, нельзя остановиться.

Без вопросов и попыток ответить на них нет и жизни. А ответы, не вызывающие новых вопросов, ошибочны, ибо ставят точку там, где место многоточию...

Мои этюды — не для завистливых. Те — или все раскритикуют, или согласятся. Мне же хочется, чтобы читатель задумался и попытался сам задать свой вопрос и найти свой далеко неоднозначный ответ о том, что такое «Я» — «Мы» — «Они».

Неоднозначность ответов естественная, потому что любая система — это многокоординатный и многообразный мир. Поэт мыслит образами. Мир неисчерпаем и потому... многообразен. Творчеству нет пределов. Бесконечность любой из координат мира — это не бесконечность прямой, а шаг в неизведанную, новую координату. В результате прямая становится плоскостью, время — памятью, образ — идеей.

В выпуске «Спираль миров» представлены лишь два первых раздела пятичастия философии открытых систем. Эти две части касаются взглядов автора на основные проблемы натурфилософии живых открытых систем.

Но именно этот ракурс позволяет по-иному взглянуть и на проблемы нашего общественного мироустройства. Поэтому я счел возможным в начале выпуска дать и общий план-содержание всей работы, которая еще находится в стадии написания. Много изложится в иных словесных формулировках, но суть моего миропонимания, которым я считаю возможным поделиться с читателями, неизменна.

Незыблемость идей, которых я придерживался и в жизни и в этой книге, всего 3:

1. «Все мыслимое — возможно» (Плотин).
2. Все, что возможно, — было, есть или будет.
3. «Отдать больше, чем взять», — закон развития любой системы, в том числе и самого «Я».

Любопытные — я с вами.

*Автор,
осень 1994 г.*

ЕВАНГЕЛИЕ ОТ «Я».

Эту книгу я написал по заказу собственного «Я», которому стало тесно под панцирем бытия, где превалируют три основополагающих критерия: «надо», «хочу» и «давай».

«Надо» жить так называемыми «общечеловеческими ценностями»; «хочу» жить, удовлетворяя свои инстинктивные желания (есть, дышать, размножаться, скопидомничать и транжирить свой ресурс); «давай» — живи, действуй, не думая особо о целях и последствиях. Этими принципами руководствовался и я досель, как и многие мои со-слу-жив-цы по замкнутой камере бытия, когда недосуг было высунуть голову в окружающий мир, где властвует триада: «почему», «как» и «зачем»?

«Почему» ты вообще живешь, почему существуют вообще этот (и другие?) миры?

«Как» устроен этот мир, «как» надо жить в нем и «как» не надо?

«Зачем» нас так много, если я — один, а мои со-слу-жив-цы, с которыми я непосредственно контактирую, составляют не более одной стомиллионной доли человечества?

Разумеется, эти отнюдь «недетские» вопросы время от времени как айсберги всплывали и раньше в сознание из тумана иррациональной жизни; но они таяли как сновидения при столкновении с реальной повседневностью.

«Лишние» вопросы, ... «лишние» раздумья, ... «лишние» люди... Но можно лишиться жизни при столкновении с айсбергом вопросов, которые рано или поздно встанут перед мыслящим существом, каким считает себя каждый из нас. И что мы ответим самим себе и детям своим в судный час, когда самой жесткой реальностью становится прежняя туманная ирреальность, когда мир одновременно предстает перед тобой двумя гранями: Бытием и Не-Бытием. Когда на одной чаше весов результаты собственной жизни; а на другой — заложенные природой потенции. Как легковесна бывает первая чаша, если ты заранее не осознал свои возможности и свое предназначение и не сконцентрировал силы и мысли над их реализацией. Сдирая панцирь бытия, ужасаешься зрелищем собственной пустоты. Ан, поздно... Пора итожить жизнь, а за душой... пышнопенные тела, пустозвонные дела... И ничего... важного. А как сохраниться в памяти потомков. Ведь живем мы в настоящем, но для будущего.

Хорошо, если дал старт ты детям своим. Может быть, они сумеют реализовать себя и в себе тебя. Но чтобы дать им направление в жизни, опять же требуется сформировать вектор с координатами: почему, как, зачем.

Мне ... «повезло». Эти извечные вопросы стали передо мной не в последний час, когда уже ничего не исправишь, а в дни вынужденного досуга, когда тело мое покоилось на кардиологической койке, а все понимающие глаза уткнулись вертикально в одну точку на белом перекрытии с такой силой, что мой взор раздвинул потолок как купол планетария и устремился вверх, в голубую синь летнего неба, в космический беспредел.

Из своего отрешенного от суетных дел состояния — «колодца» я взошел по ступеням Млечного Пути в тот Шаданакар — ту брамфатуру Земли, по выражению Д. Андреева, откуда виден расцвет «розы мира», видна моя собственная сущность как Человека разумного и одухотворенного. Понять себя — это значит научиться управлять собой не только как физиологическим существом, но и как космическим явлением. Ибо каждый несет в себе образ Общего. Именно в этом ракурсе пришлось переоценить свою прежнюю событийную деятельность, поняв главное — мы приходим из Космоса и уходим в Космос, живя на Земле с главной целью — отдать больше, чем взять. В этом смысл личного существования, общественного развития, космической эволюции.

Я понял эту мысль не со страниц эзотерических книг, но с их помощью, и хочу сделать ее достоянием страждущих. Нет, мы — не только «дети Арбата», мы дети Космоса. «Большое видится на расстоянии» — эффект дистанции позволяет оценить себя, свою жизнь более объективно, мерками Мета-системы, живыми элементами которой мы и являемся.

Но прежде чем прикладывать к себе те или иные мерки, необходимо хотя бы качественно представить себя не обособленным индивидуумом, а элементом именно галактической Мета-системы, ибо наша связь с Космосом, хотя и не бросается в глаза, но оказывает несомненное влияние на всю жизнь.

Солнце приносит нам загар и душевную радость, а иногда удушающую жару; звезды не только создают лирическое настроение, но и прогнозируют судьбу; геологическая Земля дает энергоресурсы, своим магнитным полем влияет на наше самочувствие; природа обеспечивает пищей и поддерживает тонус.

Зарождение и развитие самого человека — это биосоциальный процесс. Взять у родителей и отдать детям — закон жизни. Семья — это первичная биосоциальная система, не утратившая своего значения в течение всего периода эволюции живой природы и человеческого общества. Она формирует наследственную сущность и жизненную программу Человека, навыки общежития. В семье человек учится говорить и слушать, видеть и узнавать, постигает первые премудрости хозяйственной и интеллектуальной деятельности. Без общения с себе подобными человек не обретет речь, не овладеет ассоциативными навыками восприятия мира и коммуникабельности, без чего невозможно становление творческой личности. Хотя толпа нивелирует индивидуальность, но вне сообщества человек физически и морально деградирует.

Поэтому познать себя можно только в общении с окружающими людьми, окружающей природой, окружающим миром.

Но для этого надо познать свое окружение, его природную материально-духовную сущность, воздействующую на нас, его структуру и наше место в ней, его функционирование, зависящее и от нашего соучастия в системе.

Само понятие «система» в известной степени обесценено от чрезмерного модного употребления. И все же это понятие применительно к обсуждаемым проблемам является основополагающим. Но по сравнению с обычными по большей

части технократическими системами такие сложные образования как Галактика, биосоциозенз, человеческий организм нуждаются, по меньшей мере, в ряде дополнительных характеристик, полнее отражающих особые свойства этих суперобъектов: память и внутреннюю «волю», саморазвитие и способность к размножению, превращение одной формы материальной субстанции в другую в процессе функционирования системы (вещество в энергию, энергия — в информацию, информация — в структуру).

Детерминированные (и даже стохастические с детерминированными средними характеристиками) причинно-следственные связи не исчерпывают многообразия феноменологических проявлений этих объектов.

А по большому счёту вместо причинно-следственных связей, имеющих значение лишь для искусственно выделенной части системы, в открытом мире действуют обратные связи, когда и объект и субъект становятся равноправными частями открытой системы.

Кроме того, совершенно бессмысленно рассматривать эти «живые» объекты как замкнутые системы, ибо развивающаяся жизнь есть следствие не только внутренних причин, но и, главным образом, «слабых» взаимодействий со стороны, в том числе «родительских» систем. То-есть, «живые» объекты (а таковыми являются по сути дела все объекты в мире) есть принципиально открытые системы, обменивающиеся между собой полевыми взаимодействиями, составляющими суть межсистемной среды.

Любые системы (Космос, Земля, этнос, человек) не располагаются на одной линейной шкале (больше-меньше по геометрическим размерам, по степени сложности, по уровню развития), ибо в каждой точке любой шкалы начинается великое множество других координат, характеризующих все новые и новые грани непрерывно эволюционирующих объектов. Любая система — это распускающаяся почка на ветвящемся дереве живущего мира. И каждая такая почка живет в своем пространственно-временном и энерго-информационном выражении. Почки превращаются в новые побеги, которые срастаются между собой, рождая новую поросль.

Мир — это не однокоренное дерево, а причудливое переплетение различных восходящих и опадающих потоков жизни. При этом понятие «жизнь» носит расширительный смысл, не ограничиваясь белково-нуклеиновой формой своего материального носителя. И это — самостоятельная тема, без обсуждения которой не понять смысл и назначение человека в мире открытых систем.

Огромную роль в процессе взаимодействующего функционирования и переплетающегося развития различных ветвей мира играют групповые свойства коалиционных образований. В коалиции группируются соизмеримые и соразмерные объекты. Причем понятие «мера» относительно не только к геометрической или физической природе вещей, но и к их информационным, психическим и другим «нематериальным» характеристикам объектов. Так, команда футболистов или космонавтов выступает сплоченным коллективом, когда в ней собираются не просто

индивидуумы, но и не «машинные винтики», а выступает организованной группой лиц с совместимыми характерами, но с четко проявленным разделением функций и достаточной жесткой субординацией. В зависимости от предназначения команды в ней подбираются только те, кто так или иначе соразмерен друг другу. Коалиционные сообщества отличаются не только групповым синхронизированным поведением, но и являются первым этапом формирования сложно организованных систем. Группа более адаптивна, чем индивид, в силу того, что организованной массе проще противостоять внешним воздействиям. С другой стороны, группа, в которой дифференцируются функции ее членов, является зародышем, из которого развиваются различные ветви дерева жизни.

И все же жизнь не прорастает из семени. Она появляется как айсберг из тумана — сначала одним краешком, а затем — всей своей громадой. Жизнь — это феномен не только белково-нуклеиновой высокоорганизованной материи. Жизнь — это имманентное свойство любой саморазвивающейся системы. Только скорость этого развития для различных систем различна. «Косные» системы (планет, геологических структур Земли) более инерционны, чем флора и фауна, человеческий организм и группы людей. Однако и они живут согласно своим законам развития, неприменимым к «живым» субъектам. В мире открытых систем не действует принцип Аристотеля, утверждающего идентичность законов во всех частях Вселенной. В каждой из систем, измеряемой своей совокупностью координат, действуют собственные законы. Свои законы регулируют процессы в межсистемной среде, где наряду с физическим взаимодействием объектов имеет место и полевая трансформация (физическая и понятийная) субстанций, посредством которых и осуществляется это взаимодействие.

В то же время каждая из систем, находящаяся под воздействием соседей, несет в себе (вокруг себя) некий голографический образ всей Вселенной. Этот образ запечатлется в памяти, в «подсознании» любой системы, проникая оттуда во внутреннюю сферу — в поле оперативной деятельности, где причинно-следственные проявления на входе и выходе данной системы регулируются механизмами внутренней секреции.

Системная методология (с некоторыми вышеназванными и нижеобъясняемыми добавлениями) не заслоняет передо мной (и надеюсь, перед читателями) суть размышлений — проявить управляемые пути совершенствования человеческой личности в направлении ее духовного и социального начала. Хотя многое в нашей судьбе предопределено влиянием окружающего мира, но понимание путей и форм этого влияния и возможной глубинной не только феноменологической, но и структурной реакции субъекта, позволяет корректировать возможные последствия. Особенно вблизи точек неустойчивого равновесия (точек бифуркации), когда прежняя траектория жизни взрывается, а из всех возможных путей ветвящегося процесса реализуется та, которая обусловлена «малыми» собственными инициативами субъекта (объекта). Эти осознанные инициации позволяют человеку почувствовать себя не фаталистом, не хозяином, а как бы управляющим собственной судьбы. Это менеджмент своей судьбы не только в земной, но и в ноосферной жизни.

Ибо мы — это не только физическое тело, но и гораздо более продолжительное (в памяти ряда поколений) тело мысли, сознания, души. Только в таком качестве мы и остаемся в брамфатуре Земли, остаемся людьми Космоса.

Тот, кто живет только физическим настоящим, кого не интересует, как он отразится через подсознание в сознательной и созидательной деятельности потомков, может отложить мой опус в сторону и заняться прожиганием собственной жизни. Но такой человек — пустой неплодоносящий побег на древе. Он знает, что — берет, но не ведает — что отдает, нарушая тем самым основной закон природы — отдать больше, чем взять.

Человек мыслящий и одухотворенный, даже не зная сути этого закона, живет сообразно с ним, передавая через детей своих будущему миру приумноженное то, что взято им взаймы у родителей и окружающих.

Через семью и иные коалиционные товарищества и осуществляется развитие множасьей по количеству и структурно организующейся общественно-человеческой субстанции как главной ипостаси мира.

Мы привыкли к глобализму, особенно в отношении человеческой массы, оперируя понятиями: человечество, народ, класс. Но каждому из нас понятнее та коалиция людей, которые обозримы нашими чувственными органами связи с окружающим. Это, кроме семьи, группа друзей, коллег, единомышленников, образующаяся как в силу сложившихся обстоятельств, так и по нашей инициативе. Только в такой группе действует дух коллективизма, взаимопонимания и подлинного товарищества. Только через такие групповые согласованные действия может проявиться влияние моего «Я» на более крупные сообщества: население данного района, биосоциоценозы, этнос. Как и исходное влияние этих сообществ на нас, осуществляемое посредством средств массовой информации и пропаганды, посредством партий, трудовых коллективов, государственных органов.

Зачастую многие структуры создаются под влиянием супер-личностей в зависимости от их понимания хода исторического развития, а по сути — понимания роли своей персоны в этом процессе. А в орбиту действия этих структур искусственно втягивается все большая и большая масса народа путем демагогических лозунгов, идей, посулов для жаждущих и страждущих. По сути дела, такие структурные образования далеки от подлинных (а кто их знает?) интересов своих членов.

Человек, не проникшийся совместной идеей группы, взрывает ее изнутри, так как по сути он становится инородным телом, нарушающим внутреннюю согласованную жизнь сообщества. В большой группе таких людей гораздо больше, следовательно, больше очагов разложения.

Принцип иерархического построения систем позволяет на каждом уровне иметь достаточно организованную группу, а коллективный интерес группы уже на следующем уровне выступает в качестве не суммарного, а интегрированного единого феномена.

Иерархичность в сочетании с внутренней структурной организованностью любой группы есть неперемненное условие гармонии системы. Гармония есть не цель,

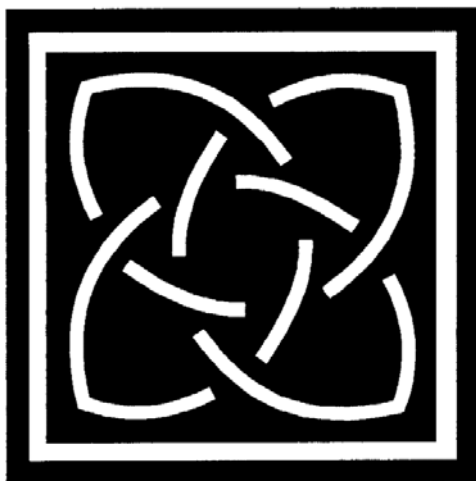
но неперменное условие развития любой системы. Симметрия и гармония в природе; ассиметричная гармония человеческого организма; гармония физического и психоэмоционального развития личности; гармония индивидуального и коллективного в группе; гармония групповых национально-этнических и социально-экономических (классовых) интересов групп в обществе; гармония человеческого сообщества и окружающей среды — сколь сложна структура мира, в котором человек должен занять свое необходимое место, для того чтобы не нарушать, а приумножать гармонию в интересах индивидуального и всеобщего развития.

Нет, эта книга — не логия, не наставление, как поступать в той или иной ситуации. Многочисленные «советы» по сохранению здоровья, приумножению капитала, воспитанию детей, эзотерической и социальной демагогии — это цивилизованный способ убить человека как Личность, находящуюся в Гармонии с обществом и окружающей средой.

Советы должен Человек давать себе сам. Моя книга — мои личные размышления о месте Человека в мире, об устройстве и развитии этого мира, включающего индивидуальное «Я» в единую гармоничную и негэнтропийную Метасистему.

Но если эти размышления помогли мне самому понять себя, то, может быть, они помогут в чем-то и читателю, не по принципу «делай как я» или «делай, как я говорю», а по принципу «думай со мной, думай Сам». Но... думай и... обретешь Себя.

ВЫПУСК 1

«СПИРАЛЬ МИРОВ»

ЧАСТЬ I. ОТКРЫТЫЙ МИР.

Введение.

Драмой человечества нашего времени является то, что оно погрязло в повседневных заботах о своем физическом выживании и о материальном благополучии, забывая о том, что «не хлебом единым жив человек».

Без руля и компаса мечется оно в сточных водах цивилизации, размывающих экое — среду обитания людей.

Экое — (греч. oikos — дом, жилище, местопребывание).

Наш общий дом — планета Земля — как обеспокоенный сад, ибо человек перестал составлять с природой органическое единство, создав свой урбанизированный мир.

Наше общее жилище — не радует душу, ибо столько в нем несправедливого. «Правила общежития» пишут сильные мира сего, успевшие за счет ограбления третьих стран создать у себя видимость благосостояния и призывающие закрепить это экономическое расслоение народов международными декларациями об экологическом сдерживании дальнейшего промышленного производства (типа Декларации об ограничении вредных выбросов в атмосферу 1992 г. В Рио-де-Жанейро).

Экономика (как система хозяйствования в общем доме) — этот фетиш XX века — не сделала человечество процветающим, ибо материальные блага — еще не все Благо.

Социальные идеалы всеобщего равенства, бывшие мечтой благороднейших умов человечества, оказались утопией в том виде, как мы попытались их реализовать на одной шестой части земли. А разочарование губительнее, чем неверие.

Попытки возрождения богоискательства бесплодны, потому что вытравить наш земной рационализм — значит обречь себя на бездеятельное прозябание в ожидании манны небесной.

Экология, как она преподносится сегодня в виде заботы об охране природы (от человека), — это призыв назад «к лучине», к первобытному существованию, а пятиться для человека — противостоит.

Чтобы понять, как обустроить и как содержать наш общий дом (наш экос), необходимо прежде всего понять и осознать себя, каждого в отдельности и всех вместе, понять и осознать свое место в мире, ибо человек — это не только земное, но и космическое существо.

Познать, понять и сотворить — уникальная возможность человеческого мироощущения и соучастия в своей собственной судьбе как капле всеобщего течения жизни и как кванте общемирового потока.

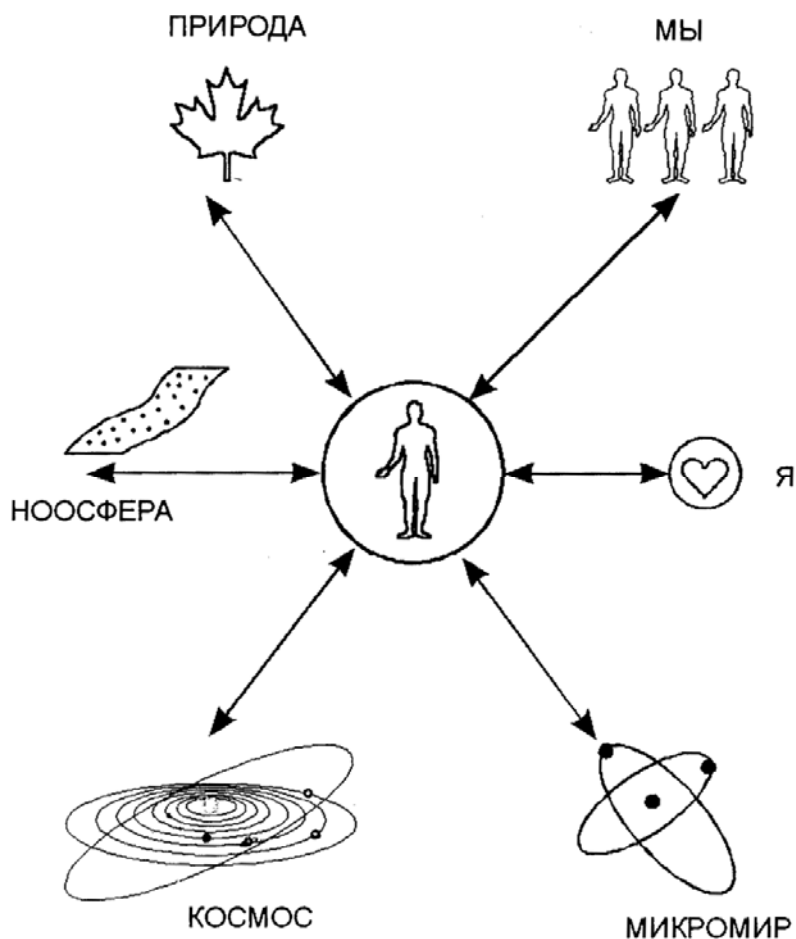

Рис. 1.1. Человек — многоликий янус

Осознать свое «Я» — это, прежде всего, понять себя как феномен жизни. Человек — многоликий Янус. Одним лицом он обращен в глубь своего биологического естества; другим — как существо биосоциальное — к себе подобным, объединяющимся в различные сообщества: группы, сословия, народы, этносы; третьим к природной среде; четвертым — к культурно-духовной ноосфере; пятым — к Космосу, затем — микромиру...

Человек — умен и мудр. Умный — много знает, а мудрый — понимает.

Древние философы — любомудры были ближе к пониманию Человека в его гармоническом единстве с Экосом и всем миром, чем современная наука, расчленяющая Единосущее на плоские изолированные друг от друга лики.

Чего нам не хватает сегодня больше всего — это объемного видения человека и всего окружающего мира в их непрерывно развивающемся взаимодействии и взаимном влиянии друг на друга.

Нельзя сохранить человека живым и разумным, если вырвать его из окружающей среды, изолировать от нее и пытаться совершенствовать его биологическое и духовное здоровье.

Мудрецы никогда не были отшельниками. Они жили среди людей и разрешали возникающие жизненные апории не путем противопоставления апостериорий и априорий, а путем их сочетания, рассматривая тот или иной предмет не как «вещь в себе», а как явление для окружающих. Их называли энциклопедистами не за сумму знаний по различным проблемам, а за умение во всем дойти до сути, пусть наивно, но предлагая не частичные подсказки, а решение целиком. В отличие от современных специалистов по различным болезням они были «целителями», врачую человека и общество не от отдельных недугов, а предлагая цельную систему адаптации организма, его гармонию внутри себя и со средой. Нам так сегодня не хватает этой гармонии во всем.

Культура (лат. culture — возделывание, преобразование) перестала быть единой формой отражения и преобразования мира, разделившись на материальное производство, науку и искусство.

И посему нам так не хватает сегодня культуры производства, культуры знания, культуры человеческого общения, общей культуры... как сотворения себя в гармонии с окружающей средой.

Человек — не пуп Земли, не центр Вселенной.

Но многие эзотерические учения возрождаются сегодня потому, что в погоне за достоверными опытными знаниями мы напрочь забыли о том, что человек зачастую действует интуитивно, по наитию. «Красивые» решения нередко являются наиболее полными, ибо в них скрыта некая внутренняя гармония мира.

Может быть прав Ф.М. Достоевский, воскликнув: «Красота спасет мир». Если под «красотой» понимать гармонию, свойственную человеку и Вселенной.

Homo sapiens — это свой бесконечный внутренний мир и в то же время — звено общего мироздания, отметина, штрих — на бесконечной шкале умопостигаемого (интеллигибельного) мира.

Как иррациональное число, точное значение которого есть бесконечная последовательность цифр после запятой. Хотя само число — бесконечно малый промежуток на бесконечной цифровой шкале. Как «золотое сечение», выражаемое лишь бесконечно уточняющейся десятичной дробью, но которое стало основным мерилom гармонии природных и человеческих творений (египетских пирамид, оптимального с точки зрения живучести вида приплода кроликов и т.д.).

Мир развивается не от простого — к сложному. И не от косной материи — к живой. И не от космической пыли — к человеческому интеллекту.

Незачем искать Начало и ждать Конца. Мир — в вечном процессе движения, суть которого — **«отдать больше, чем взять»**.

В этом процессе возникают, развиваются и исчезают отдельные кванты, отдельные организмы, отдельные системы и галактики. Ничто не вечно в этом мире,

но вечен... процесс сотворения мира. И если за время своего жизненного цикла отдельная система (человек, этнос, планета) успевает дать начало новой жизни (другому человеку, другому Этносу, другой космической системе), то жизнь — не напрасна. Нет, в мире не просто растёт количество объектов и субъектов. Возникает «эффект пирамиды»: чем больше основание, тем выше вершина, а с нее дальше видно. «Больше, выше, дальше» — это не только три координаты развивающегося мира. Эта триада означает «количество-качество-смысл», «материальное-социальное-идеальное».

Сколько копий понапрасну было сломано не только в словесных, но и реальных баталиях по поводу извечных вопросов: что первично — материя или дух, что ценнее — личность или общество, что важнее — идея или организация.

Но вся бессмысленность этих вопросов возникает только по одной причине — если мы рассматриваем мир как плоскость, а развитие как однонаправленный процесс. Во всех этих спорах мы подходили к сравниваемым предметам с одной мерой, с однолинейной шкалой.

Не задаем же мы себе таких «идиотски-примитивных» вопросов, когда пытаемся измерить объем тела: что изначальнее — длина, ширина или высота. А если это тело — живое существо, то можно ли ранжировать несравнимое: душу, мысли и тело. Все в человеке должно быть прекрасным, как говорил А.П. Чехов.

В этом «все» — ответ на извечные вопросы.

Феномен человека — в его социоприродной и космической целостности (В. Казначеев).

А эта целостность определяется не только его внутренними свойствами, но и факторами среды, из которой он вышел, в которой он живет и куда он со временем канет физически, оставив дела свои, труды свои, память о себе и дав тем самым жизнь и «пищу» последователям своим.

«Человек, среда, общество», «Вселенная. Жизнь. Разум», — эти названия книг мудрецов XX-го столетия содержат попытку понять мир и человека в нем не как изолированный организм, а как открытую биосоциальную и природно-космическую систему в одном ряду с другими столь же открытыми системами, из которых и состоит наше мироздание.

Что общего между этими системами и можно ли их мерить одной меркой?

На вторую часть вопроса, я думаю, следует ответить отрицательно.

И дело не только в том, что каждая из систем отличается своими целями, своей структурой, своими качественно различными понятиями и характеристиками. Все эти системы влияют друг на друга. Но даже такие, казалось бы, универсальные категории как пространство и время, которое мы привыкли рассматривать как основные атрибуты существования материи, не являются, на мой взгляд, едиными для всех открытых систем, занимающих различные ступени мироздания. Пространственно-временные координаты каждой системы (микро-мира, организма и

макромира) индивидуально имманентны (внутренне присущи) только этой системе, не подчиняясь общим оценкам шкалы протяженности и длительности.

«Я» и Солнце — равновеликие системы, также как «Я» и Атом. Наше величие — не в размерах, а в том, что мы сосуществуем, каждый и каждое — в своей многомерности.

Общее между этими (и другими) системами — то, что все они — внутренне гармоничные цельности (в своей целостности и целесообразности).

В каждой из систем действуют свои законы, определяемые спецификой материально—вещественного состава, собственной структурой, своим набором внутренних энергетических и иных взаимодействий.

Следует критически переосмыслить аксиоматику Аристотеля, согласно которой во всем мире якобы действуют одни и те же физические законы, законы корпоративного поведения, обмена энергией, массой и информацией, законы движения и развития. Само понятие жизни не является универсальным для различных систем. Скорее, нужно говорить о собственном «жизненном» цикле каждой системы, включающем стадии рождения, развития и смерти.

В каждой из систем действуют свои правила симметрии, свои понятия «жизни», свои «этические нормы». И человек, отказавшись от антропоцентризма, от собственного высокомерного представления как венца вселенной, не должен навязывать всем свои понятия и свои законы.

Признав за каждой системой право на собственное структурно-функциональное своеобразие, любой из нас в своем сознании воспринимает соседнюю систему в виде некоей модели. Мы пытаемся модельным координатам, модельным категориям приписать тот же смысл, что и в нашей собственной системе. Недаром дети любят рисовать солнышко с глазками, улыбающимся ртом и оттопыренными ушами. Древние придавали небожителям человеческий облик. А в XX веке изобрели общую и специальную теорию относительности только для того, чтобы явления в микромире и макромире — недоступных для нашего прямого восприятия системах описать с помощью привычных для нашего окружения корпускулярно-волновых представлений, с помощью неевклидовой геометрии описать пространство этих систем, искаженное действием гравитационного поля.

Эта геометризация физики в наших модельных представлениях, может быть, отражает объективную реальность иных систем, напрямую недоступных нашим естественным ощущениям.

И пространственно-временные координаты этих систем объективно отличаются от наших организменных координат, и мы напрасно пытаемся отождествить их.

Аналогично и законы сохранения энергии, движения действуют по-своему в этих системах, а те явления фотонного преобразования массы вещества в энергию, световой энергии — в структурную информацию клеток есть явления межсистемного

взаимодействия, оцениваемые с помощью наших модельно-понятийных представлений.

Так не лучше ли честно признать собственный характер структуры и процессов в каждой из систем, не приписывая им всеобщность действия законов, регулирующих наш собственный мир. Признать это и сосредоточить свое внимание на принципах, на моделях межсистемного взаимодействия.

Этому «слабому» взаимодействию отдаленных слоев брамфатуры, где энергия трансформируется в вещество, информация — в энергию, идеи — в информацию, (... — ...), мы и обязаны тому обилию феноменов, которые делают нашу жизнь столь удивительной, а попытки разгадать эти удивительные феномены — бесконечным процессом творчества, сотворения мира.

Именно это взаимодействие открытых систем, какими являются микромир, человек, окружающая среда, государство, человечество, планета, галактика и позволит объяснить многие явления, в том числе негэнтропийное возникновение организованных структур из хаоса, зарождение жизни на земле под воздействием космической биосферы; мутационное, а не эволюционное появление интеллекта; природно-ландшафтные условия образования энергетически активных (пассионарных — по Л.Н. Гумилеву) этнических сообществ; общественную этику как отражение мировой гармонии, мотивы российского космизма, социально-экологические идеалы человечества и т.д. и т.п.

«Все мыслимое — возможно» (Плотин).

Все возможное — было, есть или будет.

Познать себя, общество и Вселенную во всем своеобразии и многообразии каждой из открытых систем, в их согласованных и дополняющих друг друга взаимоотношениях; понять общие принципы мироустройства, развития и гармонии в природе и обществе; исходя из этого, найти и свое место, оценить свои возможности и свое предназначение; и реализуя «свою жизненную программу», влиться в поток вечного движения, творя, отдавая другим больше, чем беря из окружающей среды, — это и есть главный смысл, главная цель Бытия.

Система	Я	Мы	Ноосфера	Природа	Космос	Атом
Я (человек)		социум	творчество	гармония	астрал	биополе
Мы (сообщество)	родство		культура	экология	стихиали (мировой дух)	синергетика (групповой эффект)
Ноосфера (культура разума)	этика	экономика		производство	космонавтика	ускорители
Природа (биосфера)	эстетика	этнос	бионика		биосфера	эволюция
Космос (макромир)	душа	космизм	космогония	фитоценоз		гравитация
Атом (микромир)	биофизика	радиационные мутации, наследствен- ность	голография	организм	нейтринное воздействие	

Верить и знать.

Итак, начнем... «от печки», т.е. от точки.

Точка — это след от пересечения нашего карандаша с листом бумаги, т.е. след от пересечения прямой с плоскостью. Далее, наш карандаш, подчиняясь механическим действиям кисти руки, совершает замысловатые движения, оставляя на бумаге след в виде многоточия, сплошной линии, замкнутого овала, ветвящейся кривой и наконец, некоего рисунка. На плоском листе бумаги мы отобразили некоторый образ, первоначальный замысел которого возник у нас в голове, но его конкретные формы уточнялись по ходу процесса, в зависимости от нашего зрительного восприятия того, что уже нарисовано.

Это может быть замечательный рисунок, если карандаш вела рука Мастера. Если же в его руках были кисть и краски, а вместо серого листа бумаги туго натянутый на подрамник холст, то следы человеческого замысла могут дать замечательное творение искусства. Но все же... любая картина — это плоское отражение того образа, который складывался в голове художника. Большой мастер может придать изображаемой фигуре с помощью оттенков черты объемности, одухотворенности. Но эти ухищрения лишь создают видимость многомерности, а по сути — это плоская модель того, что внутренним зрением видел художник.

Так и ночное небо воспринимается нами как темный купол со звездами — точечными следами далеких планет.

Как-то на сеансе в планетарии, когда погас свет, ведущий спрашивает зрителей:

— Сколько звезд вы видите на небосводе? Ответ:

— Две... еще одну... семь... дюжину...

После этого и мне показалось, будто я что-то вижу.

— Вижу, — вымолвил я.

— А не ошибаетесь? — голос лектора звучал уверенно и сочувственно как у доктора, расспрашивающего пациента о его здоровье.

— Да, вижу три, нет, четыре, пять... — определеннее отвечал я, обшаривая глазами темь на головой.

— А теперь?

Я не успел ничего сказать, как весь купол заблистал разнокалиберными светящимися точками, сложившимися в Большую и Малую Медведицы, Кассиопею... Млечный Путь.

— Вам хотелось видеть и вам казалось, что вы видите, но это было видение, и не больше. Только сейчас я включил изображение неба, — ведущий не удивился произведенному впечатлению, ибо для него, по-видимому, это был задуманный и неоднократно повторяемый эффект.

Лекция началась... А в конце...

Створки купола медленно разошлись, и уже не на поверхности планетария, а гораздо дальше, более блекло и менее осязаемо мы увидели вечерний небосвод с нечастыми, но реально мерцающими звездами.

А я, наверное, и многие в зале, чувствовал себя и одураченным и потрясенным. Увидеть то, чего нет, но о чем думалось, затем — картину с искусственным изображением всего мыслимого, а уж потом — реальный, но далекий мир, из которого наши глаза выхватили лишь небольшую часть видимого Космоса.

Этот эпизод из далекого детства я вспомнил сейчас, когда сам пытаюсь разыграть нечто подобное с читателями.

Нет, я не хочу убить видения, которые сложились и складываются у каждого из нас при виде картины Художника.

Портрет и задний пейзаж изображают вроде бы и конкретных людей на фоне кусочка природы, а представляем мы себе Человека в Море. Особенно, если художник этот Александр Иванов с его «Явлением Христа народу» или А. Матисс с красными танцующими телами на сине-зеленом фоне, Гойя с мятущимися фигурами из «Капричиос» или П. Корин с его до дрожи величавым триптихом демиургов земли русской, Н. Рерих и Р. Кент, у которых Человек вышел из Космоса и возвращается в Космос.

А темные доски наших икон, перед которыми падали ниц далеко не темные богомольцы, а люди с развитым чувством подсознательного.

Нет, я не хочу убить видения, но хочу, чтобы видения читателя-зрителя отличали модель мира, талантливо изображенную художником на плоской поверхности (в том числе и звездный небосвод на куполе планетария), от объемного голографического видения, когда мы реально воспринимаем глубину — третье измерение мира.

А четвертое, пятое измерения... Сколько их?

Сколько их, измеряемых и немеряемых координат у реального мира, воспринятого Художником как нечто целое сущее и отображенное им своими проекциями на плоскости так, что это цельное — осталось на полотне и хотя бы частично передалось людям.

Но чтобы изобразить рисунок, нужен карандаш и мыслящая рука, чтобы нарисовать картину — кисть, краски и воображение, чтобы понять жизнь — скальпель и душа; чтобы представить себе Мир — образное мышление и мироощущение.

Я хочу раздвинуть стенки купола над нашей головой. И хотя мы увидим небо менее светомощным, чем было нарисовано на картине купола планетария, оно будет... настоящим.

... А если представить себя ночью лежащим после долгого перехода или после дописанной книги на духмяной свежескошенной траве вблизи ворчливого столетнего ручья, впадающего в многовековую Волгу — Ра. По реке, сияя огнями, плывет теплоход. А по лунным ступеням мерно дышащих перламутровых волн к тебе спускается златовласая Селена. Как Эдита Пьеха. А за ней под молчаливые

аплодисменты зрителей-звезд летят и падают одиночные цветы-кометы и целые букеты. Но не даются в руки, а сгорают... где-то рядом. И рядом — не только река, звезды и небо.

Рядом... мир как единое целое. Мы не только видим, слышим, осязаем его. В нас просыпается шестое, седьмое... чувство... сопричастности с миром, прерывисто-волнообразным, полным не только объемного пространства, динамичной величавости и неподвижности экспрессии, (полным людей и забот), но и вечной Красоты, Духовной и Разумной Целесообразности.

И это качества окружающего нас Космоса мы ощущаем иначе, чем на картине Киунджи или Врубеля.

Каждая клеточка нашего существа становится рецептором-сенсором, отзывающимся не на череду сигналов извне и изнутри нас.

Мы не замечаем этой прерывистости, разноголосицы сигналов, каждый из которых лепит из этой мозаики объемное красочное панно, говорящую, развивающуюся панораму — многогранный образ единого — Универсума, откуда пришел не только «Я», но и все «Мы», и куда уйдем, не испортив, а дополнив Сущее. И представление о нем, о нас в нем.

Этим лирическим отступлением мне хотелось бы показать читателю, что все мы... немножко поэты, ибо поэзия — это не профессия, а состояние души. Но мы создаем не только «цивилизацию Любви», но и «цивилизацию Разума» — знания, одухотворенного идеалами.

Мудрость и Вечность мироустройства и многозначную целесообразность (или целесообразную многозначность) человека в нем нам следует не только ощущать, но и знать. Наше знание не убивает душу. Чтобы нарисовать картину, надо знать законы пропорций и перспективы, надо уметь правильно натянуть холст, не только по наитию, но и осознанно смешивать краски, надо владеть навыками движения кисти или карандаша по холсту или бумаге.

Чтобы увидеть, надо уметь смотреть. Чтобы услышать, надо уметь слушать. Чтобы познать, надо уметь настроить все свои сенсоры-рецепторы так, чтобы каждый реагировал на свой сигнал, а все вместе создавали единый образ. Чтобы понять образ, надо представить себе идею окружающего мира. Чтобы понять мир, надо иметь мироощущение и мировоззрение.

А чтобы стать сотворцом мира, надо научиться ощущать себя его коллективным зодчим, понимать, как твое единичное отразится в общем Универсуме, а также как единое Сущее проявится в твоём личном «Я».

Чтобы иметь даже внешнее представление о движущемся предмете, например, о летящей вращающейся пуле, или раскрывающемся бутоне, ослепительной молнии или соскочившим с орбиты электроны, солнечной короне или разбегающейся галактике, надо знать, как минимум, четыре координаты: длину, глубину, высоту и их изменение во времени. А как представить себе Homo sapiens, который не только существует в своей лицевой симметрии и внутренней диссимметрии, не только

движется, но и чувствует, думает, любит. Тут уж четырех координат мало. А ведь человек — это лишь маленький (по размерам) «кирпичик» мироздания, в котором живут миллиарды таких «человеков». И совершенно неверно представить себе человека отметиной на физической или биологической шкале, точкой пересечения биофизической плоскости карандашом цивилизованного Творца, рисующего движущиеся фигуры.

Человек равновелик Творцу. Более того, он создал Творца в своем воображении. Человек равновелик Универсуму — всеобщему, бесконечному миру.

«И природа и человек бесконечны; и по бесконечности своей, как равномошные могут быть взаимно частями друг друга — скажу больше, могут быть частями самих себя, причем части равномошны между собою и с целым. Человек — в мире, но человек так же сложен, как и мир. Мир — в человеке, но и мир так же сложен, как и человек» (П. Флоренский. Макрокосм и микрокосм, с. 233). Но и Человек не есть однозначное отображение духовного Мира на биофизической плоскости; и звездное небо, хотя и содержит своих Дев, Медведиц и Жирафов, не есть однозначное отображение живой природы. Две равновеликие в своей бесконечности сущности — Человек и Мир — это два бесконечных и отображенных друг в друге множества, имеющих размерности R^n , где n — число координат, стремящееся к бесконечности.

К вопросу о бесконечности.

Мы так часто (только в последнем предложении три раза) употребляем термин «бесконечность», что необходимо пояснить само это понятие.

Геометрическое и алгебраическое, физическое и философское понятия «бесконечности» не совпадают.

Геометрия по гречески означает «землемерие» или «измерение земли». Точнее, в условиях Земли.

Обычно измерение предмета мы производим сравнением его с некоторым эталоном. Не забудем, что все эталоны относительны, они остаются неизменными лишь при определенных условиях. Когда мы имеем дело с обычными условиями и соизмеримыми с эталоном предметами, оценить его размеры, прикладывая к нему непосредственно «линейку», казалось бы, не составляет труда. Но как оценить несоизмеримое, которое и создает бесконечность, например, длину размашистого человеческого шага, равного одному метру, и... окружность Земли? Сколько таких шагов нам придется сделать, идя по направлению... к Полярной звезде?... а по компасу?... или вслед за Солнцем? Это будет движение не только по окружности, а по спирали, наматываемой на поверхность Земли, вращающейся вокруг собственной оси и вокруг Светила.

Более совершенным является угловое измерение, т.е. оценивая угол зрения, под которым наблюдатель (H) видит данный предмет, находящийся от нас на определенном расстоянии (I_1). При этом мы опять-таки сравниваем интересующий нас предмет с эталоном, находящимся на заранее известном расстоянии (I).

Такой способ измерения с успехом применяется и в земной геодезии, и в астрономии.

В первом случае мы можем оценить размеры предмета, расстояние до которого нам известно, а сам он недоступен, например, на другом берегу реки. В угол зрения, под которым видим искомый предмет (A_1B_1) мы помещаем на известном удалении (I) мерную линейку AB .

$$\text{Тогда } A_1B_1 = AB \frac{I_1}{I}$$

При визуальном измерении микроскопических величин, эталон, наоборот, размещают позади предмета.

В астрономии аналогичным способом измеряют расстояния до очень удаленных объектов. Обычно применяется особая единица «парсек», определяемая как такое расстояние, с которого известный радиус земной орбиты виден под углом в одну дуговую секунду. Под таким углом нам видна однокопеечная монета с расстояния в 3 км.

1 парсек (пс) составляет 3,26 светового года (а световой год равен $9,45 \cdot 10^{12}$ км), т.е. $30,8 \cdot 10^{12}$ км.

Хочу заранее обратить внимание на сочетание: (геометрическое) расстояние есть величина, оцениваемая световым (физическая категория) годом (время). Пространство, время, физика выступают здесь как взаимосвязанные категории.

Угловое измерение более наглядно позволяет представить себе бесконечное увеличение линейного предмета.

Действительно, как видно из рисунка, для нашего восприятия совершенно одинаково, будет ли изменяться длина отрезка от A_1B_1 до A_2B_2 и далее, или этот отрезок будет просто приближаться к наблюдателю, занимая положения A_3B_3 .

Угол при этом — один и тот же.

Положение A_4B_4 , когда наблюдатель окажется на оси этого отрезка, а $\alpha = \pi = 180^\circ$, будет восприниматься нами как бесконечная длина отрезка.

Таким образом, для любого отрезка на плоскости бесконечностью будет не только неограниченно продолжающаяся линия в заданном направлении ($A_1B_1 \rightarrow A_2B_2 \rightarrow \infty$), но и приближение этого отрезка к наблюдателю, что образует на этой же плоскости прямоугольную фигуру ($A_1B_1B_4A_4$).

При дальнейшем движении этого отрезка мы попадаем внутрь прямоугольника. Если бы отрезок был окрашен с лицевой стороны (к наблюдателю) красным цветом, а с наружной — зеленым, то наблюдатель, оказавшись внутри прямоугольника, имел бы более полную информацию (и о длине и об окраске) наблюдаемого предмета.

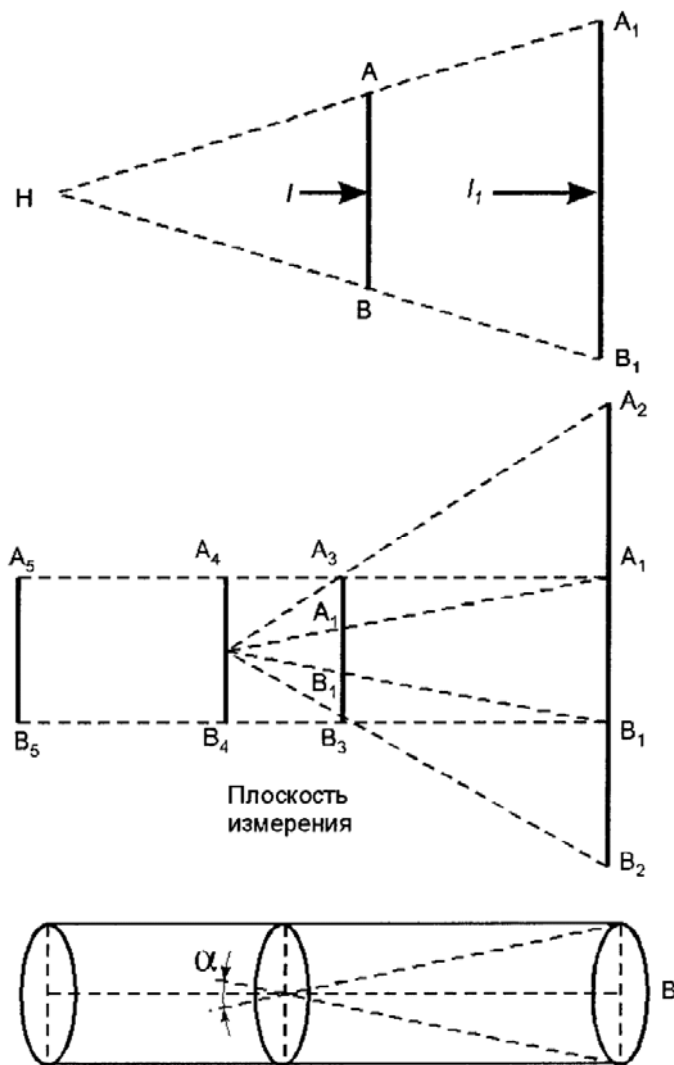

Рис. 1.2. Угловое измерение

Также, если круглое небесное тело приближается к нам (или мы — к нему), то его контуры, образуя (в нашем представлении) круг бесконечно увеличивающегося диаметра по мере движения, как бы вырезают в воздушном пространстве объемное тело — цилиндр. Попадая затем внутрь этого цилиндра, наблюдатель имеет возможность оценить и внешнюю (торцевую) и внутреннюю поверхность объекта.

Нарисовав вокруг себя круг и раздвигая его мысленным перемещением окружности по поверхности Земли, мы, казалось бы, должны получить бесконечную плоскость, а в итоге получим сферу, т.е. поверхность не второго, а третьего порядка. А круг — это вся проекция сферы или цилиндра на плоскость, перпендикулярную нашему взгляду.

Аналогично, и отрезок — это проекция прямоугольника.

Таким образом, геометрическая интерпретация бесконечности есть увеличение угла зрения (линейного, сферического и т.д.) до величины π , что эквивалентно приближению объекта к наблюдателю, в результате чего фигура n -го порядка (отрезок, круг и т.д.) образуют фигуру $(n+1)$ -го порядка (прямоугольник, цилиндр или сфера и т.д.). Трехмерное бесконечное тело есть (по эквиваленту) тело четырехмерное и т.д.

Отсюда вытекают и кажущиеся на первый взгляд шокирующе непривычными «принципы бесконечности в геометрии», данные П. Успенским в его книге «Новая модель Вселенной» (— СПб: изд. Чернышева, 1993 г.):

«... для каждой фигуры данного числа измерений бесконечность есть фигура данного числа измерений плюс одно. Фигура низшего числа измерений НЕСОИЗМЕРИМА с фигурой высшего числа измерений. Несоизмеримость и создает бесконечность» (с. 464).

Переход к подобной трактовке упрощает проблему, если помнить, что «бесконечная» прямая, «бесконечная» плоскость, «бесконечное» тело суть чистые абстракции, тогда как отрезок по отношению к точке, прямоугольник по отношению к отрезку, сфера по отношению к кругу и т.д. означают реальные объекты.

Такая интерпретация бесконечности близка к математической (алгебраической) трактовке, означающей, что при любом большом n всегда найдется число, хотя бы на единицу большее.

Физическая бесконечность означает не только математическую неисчислимость, геометрическое проявление фигуры большего числа координат, но и переход одной физической категории или функции предмета — в другие.

В условиях микромира, где масса становится предельно мала, т.е. инерционность $1/m = J \rightarrow \infty$ обнаруживается «дефект массы», когда электроны, аннигилируясь, образуют фотон света в соответствии с известным выражением $E = mc^2$. Вещество превращается в энергию.

При фотосинтезе энергия превращается в вещество. Точнее говоря, исчезающе малые порции энергии в виде квантов солнечного света (или других слабых электромагнитных полей), когда $1/E \rightarrow \infty$ структурируют живое вещество клеток растений, обеспечивая их организованный рост и развитие.

Феномен света породил столько физических загадок, разрешение которых часто заводило и заводит нас в тупик только потому, что ослепленные традициями, мы пытаемся сконструировать ответ лишь из имеющегося теоретического багажа.

Корпускулярно-волновая теория света, скорее всего, есть один из таких двоячных ответов. Для того, чтобы сохранить единообразную трактовку особого вида электромагнитных феноменов, придумали версию о дуализме света. А не проще ли признать, что это два различных физических явления, два вида энергии (лучистый и квантовый), причем переход полевого феномена в фотоны и обратно происходит тогда, когда некий параметр приобретает бесконечно большую величину.

С точки зрения классической физики скорость всегда оставалась скоростью, которая могла увеличиваться до бесконечности. Однако тот факт, что во всех наблюдаемых и экспериментально создаваемых условиях она не могла превысить некоторого критического значения, соответствующего скорости распространения света в вакууме, есть не что иное как «парадокс бесконечности».

Но весь «парадокс» заключается в том, что «и большие и малые скорости перестают быть скоростями... Фактически она (скорость света) перестает быть скоростью и становится протяженностью» (П. Успенский, с. 451 и 467).

Известно, что существуют и обратные эффекты, когда потоки света (кванты энергии) как бы затормаживаясь и останавливаясь ($J < \infty$) могут порождать крупницы вещества, обладающие массой покоя. Т.е. **при сверхбольших (а равно и при сверхмалых) значениях физической величины она трансформируется в иную сущность.**

Не имея возможности подробнее обсуждать на примерах из различных областей физики, химии, биологии и других наук, хочу подчеркнуть принципиально иной взгляд на проблему физической бесконечности, т.е. на проблему предельных (для нашего обычного восприятия) значений всех физических величин.

Сверхтекучесть и сверхпроводимость гелия при сверхнизких температурах, обнаруженные Л. Ландау; превращение углерода в алмазы при сверхвысоких давлениях: термоядерные реакции синтеза в недрах звезд при сверхвысоких температурах, когда протоны превращаются в ядра гелия, а освобождающаяся энергия излучается в мировое пространство.

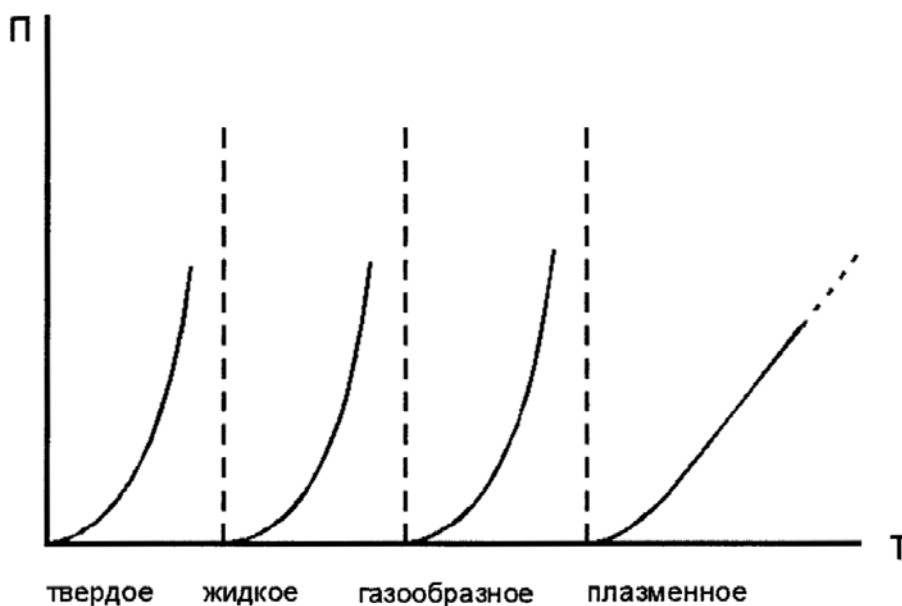

Рис. 1.3. Различные стадии вещества

Общим для этих и многих других физических феноменов является то, что при достижении некоторыми определяющими величинами своих критических (предельных, как правило, максимально больших или бесконечно малых) значений наступает неустойчивое состояние вещества, и процессы после этой точки бифуркации идут уже совсем по иной физической траектории.

Переход вещества из твердого в жидкое, газообразное, плазменное и другие возможно неизвестные еще состояния происходит, повидимому, в тот момент, когда некие физические параметры становятся бесконечно большой величиной и трансформируются в другие параметры, характеризующие новое состояние вещества (или новое вещество).

Можно предположить, что с дальнейшим ростом $T \rightarrow \infty$ само понятие температуры должно трансформироваться в нечто иное, характеризующее вещество в запредельном его состоянии.

Распространяя физическую трактовку сущности бесконечности и на другие явления биологического, социального, духовного порядка, можно придти к философскому обобщению понятия бесконечного.

Бесконечность присуща лишь многообразию форм существования предметов или явлений (а не только материи в традиционном внесознательном и внедуховном виде — но об этом потом);

Внутри той или иной формы переход к бесконечности означает ее трансформацию в иное состояние объекта (или в иной объект).

Говоря о бесконечности, необходимо отметить, что аналогичные рассуждения уместны и применительно к бесконечно малой величине, обратной соответствующему беспределу.

В математике нуль (точка) есть Ничто. В геометрии и физике уже Нечто. Ибо, «дойдя до точки», мы пришли к нулю — отметине лишь на данной траектории движения, лишь на данной шкале измерений. Но на другой — эта же точка может соответствовать очень сложному образованию.

Например, на глобусе пересечение транссибирской железнодорожной магистрали реки Обь (пересечение двух линий) есть всего лишь точка, означающая город Новосибирск, откуда можно начать отсчет расстояния до Москвы, и тогда другая точка на железнодорожной шкале дает отметину 3333 км. Но обе эти точки — многомиллионные города, включая и нас с вами, уважаемый читатель.

Когда наш взгляд пересекается с куполом ночного неба, мы натываемся на ту или иную звезду, которая на деле оказывается центром другой Галактики.

Когда конец карандаша Художника касается полотна, через эту точку на холст стекают неисчислимые замыслы Творца.

Когда биофизическое поле пересекает луч жизни, появляется организм, а когда пространство организмов пересекает луч Разума — Человек.

Но и человек — это всего лишь единица человечества.

Помните, у Маяковского:

«единица — вздор, единица — ноль,
один — даже если самый важный,
не поднимет простое
пятивершковое бревно,
тем более — дом пятиэтажный».

Глядя со своей «колокольни», поэт, воспевающий партию как многомиллионную организованную в единое целое массу, прав: единица — ничто, ноль, вздор.

И мы восторгались этими стихами и делами тех, кто считал людей винтиками в государственной машине, щепкой на лесосеке.

А ведь каждый такой винтик, каждая единица-ноль — это Человек, его огромный мир, равновеликий со всей Вселенной.

А все потому, что с одной меркой — влияния на судьбы человечества — мы подходили к судьбе одного Человека.

Одна шестимиллиардная — это действительно бесконечно малая величина на шкале человечества, но если изменить шкалу и начать измерение нейронных клеток, то практически нулевая отметина по другой оси координат даст огромное число — единицу со многими нулями.

Поэтому давайте не будем забывать, что если к нулю и ко многим нулям приписать спереди всего навсего единицу, то результат будет — совсем другим.

Соизмеримость.

Жонглер в цирке на кончике пальца крутит огромный шар. Так и наша Земля крутится на кончике нашего воображения. Мы пытаемся во всем дойти до сути, до первопричины, до единицы сущего — неделимой монады, и каждый раз нам это не удается. Ибо «атом также неисчерпаем, как и весь мир».

Наша ошибка в том, что мы «все» пытаемся оценить по однолинейной шкале, где можно ввести понятие «больше—меньше».

По линейным размерам Галактика больше Земли, Земля больше Человека, Человек больше атома, атом больше...

А ведь мир — это много координатная система, где по каждой оси — свои несоизмеримые величины.

Вопрос нелеп —
кто: человек иль слон
окажется достойнее друг друга.
Величие — не есть величина,

суди не по размерам и чинам,
не по значению квадратуры круга.
Суди нас, бог. по цельности своей —
вместилищу и массы и идей.
Но нам дано по-разному расти,
мы — лишь отметина на истинном пути.
Поэтому вообще нас не суди,
как мы не судим собственных детей.

«Не судите, да не судимы будете...» (Евангелие, Матф.7,1). Поэтому оценочный метод сравнения несоизмеримого — это тупиковый путь познания, который отнял у Homo sapiens массу сил, дав взамен лишь разноголосицу мнений.

Истина рождается не в споре: кто-кого... материя или дух, а в осознании того, что все живое и неживое, бывшее или будущее есть лишь грани единого мира. Я написал слово «мир» с маленькой, а не заглавной буквы умышленно, потому что понятие «единый» отношу не к некоему законченному Универсуму, а к непрерывно развивающейся системе, которая, стремясь к **своей** бесконечности, трансформируется в иную систему, в иной из бесконечного множества миров.

«Нельзя объять необъятное», нельзя измерить несоизмеримое.

А мы пытаемся.

В поисках первоатома мы дошли до измерений тысячных долей ангстремов ($A = 10^{-8}$ см). В поисках других галактик мы ушли к расстояниям в сотни миллионов световых лет. А где-то в середине этой шкалы — двухметровый человек. Итак, на одной вертикальной шкале эмпирически доступной для наблюдения протяженностью от 10^{-15} см до 10^{28} см (Т.Г. Грушевицкая, А.П. Садохин «Концепция современного естествознания» — М: Высшая школа, 1998, с. 107), где разместилось бы более $5 \cdot 10^{22}$ человек (а нас всего $5 \cdot 10^9$), т.е. 10^{13} человечеств, мы отмечаем и микромир и макромир. Ясно, что столь разнящиеся между собой по протяженности явления трудно, а я утверждаю, что неправомерно, мерить одной меркой.

Поэтому пространственные явления микромира и макромира не могут и не должны быть одинаковыми. Крупный объект, являясь бесконечностью по сравнению с малым (человек по отношению к атому), сам выступает бесконечно малым объектом — в сравнении с бесконечно большим объектом на другом конце линейной шкалы (человек по отношению к Космосу). Бесконечная протяженность порождается наличием в ней нового измерения, новой координаты, следовательно, и иных функций. Несколько переиначивая П. Успенского (с. 465). можно утверждать, что особенности функционирования любой системы определяются, в частности, ее размерами.

В мире атомов и звезд человек как бы не существует (он или бесконечная большая или бесконечно малая по размерам фигура), ибо не имеет свойственных этим системам условий функционирования. Поэтому несоизмеримость связана не

только с объектами разного материального состава и разной степенью организованности, но даже с предметами несоразмерными по своей протяженности.

А это значит, что протяженность (бесконечная скорость) и пространственные свойства различных систем не могут быть идентичными.

Системы, различные по протяженности (по размерам), должны рассматриваться как обособленные, самостоятельные системы, качественно отличающиеся друг от друга. Иначе говоря, в систему объединяются соразмерные объекты, т.е. которые по своим пропорциям близки друг к другу. Т.е. **соразмерность является одним из признаков, объединительных факторов системы.**

Гулливвер в стране лилипутов и в стране великанов — это инородный субъект. Оставаясь человеческими существами, они были несоразмерны, а следовательно, не могли составить сообщества — единую психосоциальную систему. Скульптура Эйнштейна в Вашингтоне выпячивает несоразмерность головы мыслителя и его тела по сравнению с обычными человеческими представлениями (1:7). Поэтому Мыслитель предстает человеком не-нашего мира, иной системы. А мы все хотим встретиться с инопланетянами, которые по своим пропорциям отвечали бы нашему представлению о человеке. Этого просто не может быть, потому что в других обитаемых мирах — другие условия, доминируют другие геометрические пропорции, а следовательно и «люди» — иные.

Соизмеримость не сводится к соразмерности, хотя и включает ее в качестве необходимого условия. Соизмеримость зависит не только от линейной шкалы, по которой еще можно оценить «больше-меньше». Соизмеримость тел, объектов, существ предполагает и их подобие между собой, а это возможно, если одинакова размерность (не путать с размером) формы объектов и подобны их функции. Квадрат не может быть соизмерим с кубом, потому что это — фигуры разной размерности. А вот куб и цилиндр, грузовой вагон и цистерна соизмеримы по объему. Слоны и москиты — существа соизмеримые (не по размерам, а по интеллекту), в то время как люди и муравьи, хотя и сравнимы по способу их коллективного существования, все же несоизмеримы между собой, т.к. одни обладают дополнительным свойством духовности, а другие — нет.

Несоизмеримы системы, качественно отличающиеся размерами и обладающие различным набором функциональных качеств. Однотипные живые существа объединяются в системы, называемые семействами, отрядами, видами, классами. Например, собака породы — колли, семейства — охотничьих, отряда — псовых, вида — хищников, класса — позвоночных. На том или ином уровне сравнения степень обобщения различна.

Один и тот же человек, в зависимости от того, на каком уровне происходит его сравнение с другими людьми, называет себя по-разному. Например, в Новосибирской области житель Черепаново отличает себя от жителя Карасука, но в масштабах Сибири оба они называют себя — новосибирцами, в отличие, в частности, от кемеровчанина. Но и те и другие в России в целом представляются сибиряками, отличая себя от жителя Северного Кавказа. Но и те и другие, попав за границу,

выступают как россияне, в отличие, скажем от американцев. В то же время все мы — представители рода человеческого.

И в этом примере соизмеримость зависит от степени интегрированности людей в сообщества, которая может быть не только по географическому, этническому, но и по социальному признаку. Безработный, пенсионер и рантье — вроде бы не работают и те и другие, а они — представители разных социальных слоев, разных систем.

Человек, флора и фауна на различных территориях объединяются в биосоциозенотозы, если между ними устанавливается некая гармония отношений.

Отношения возникают только тогда, когда между объектами и субъектами данной системы существуют свойственные именно этой системе пропорции, определяющие соразмерность, соизмеримость предметов и факторов, гармонию системы.

Ритмодинамика

В нас живуче намерение «во всем дойти до точки», разбирать игрушку машину по винтикам и деталькам, расчленять сложное явление на все более мелкие части. Таким путем нам хочется найти то ядро, из которого прорастает живое дерево, тот кирпичик мироздания, из которого можно сложить Вселенную, тот ген, который ответственен за сущность *Homo sapiens*.

Но чем дальше мы механически проникаем в глубь микро- и макрокосмоса, тем более убеждаемся в тщетности наших усилий найти истину на пути декомпозиции (расчленения) и дифференциации знаний.

На сегодняшний день открыто более 300 разновидностей элементарных частиц, у большинства из которых есть античастицы, взаимодействие с которыми определяют многие массо-энергетические процессы в микромире. Важнейшей характеристикой частицы служит спин, собственный момент количества механического движения. Эта величина по сути дела характеризует вращение тела. И каждую такую частицу можно представить миниатюрным крохотным волчком, а дискретность спиновых значений определяет квантовый спектр частот этих элементарных осцилляторов.

Заманчивой выглядит гипотеза существования «протоосцилляторов» (Ю. Иванов «Ритмодинамика» — М.: Новый центр. 1997, с. 85) не имеющих ни массы, ни инерции, наделенных только одним свойством — способностью возбуждать незатухающие волны в эфире. Возврат к идее эфира как некоей недифференцируемой среды открывает возможность построения гармоничной картины мира, не прибегая к умозрительным построениям типа общей теории относительности. И одним из аргументов в пользу этой идеи может стать тезис: красивое — значит правильное, истина — всегда проста. «Природа предпочитает красивые решения некрасивым,... а красота уравнений важнее, чем их согласие с экспериментом» — высказывались Эйнштейн, Гейзенберг и Дирак (цит. По кн. Т.Г. Грушевицкая, А.П. Садохин «Концепции современного естествознания» — М.: Высшая школа, 1998, с. 157). Не вдаваясь в подробную аргументацию: за и против

теории эфира, нам представляется, что она не лишена смысла, ибо объединяет с одной стороны, восточную трансфизическую гипотезу образования материального мира из пустого «Ничто», с другой — дает возможность по-новому (или хорошо забытому старому) объяснить многие процессы, не прибегая к искусственному противопоставлению «волна — частица».

Протоосциллятор как источник непрерывных колебаний возбуждает волны в эфире, а поскольку таких осцилляторов в мире достаточно много, то эти колебания, взаимодействуя друг с другом, порождают многие энергетические и гравитационные (массо-инерционные) эффекты. В распределенных колебательных системах в результате наложения падающих и отраженных волн возникают чередующиеся пучности и узлы, создающие эффект стоячих волн. А «наличие сдвига фаз у осцилляторов приведет систему к самодвижению. Возникает ситуация своеобразного серфинг-эффекта, в которой осцилляторы выталкиваются из энергетических пучностей в потенциальные ямы узлов. Процесс выталкивания осцилляторов будет происходить до тех пор, пока не уравнивается соотношение между скоростью и сдвигом фаз. Если количество осцилляторов велико, то и порождаемое сдвигом фаз действие увеличивается. В этом случае мы говорим о массе как о количественной мере... Квант массы, т.е. величина, не зависящая от состояния системы: $dm = c/\pi$ » (Ю. Иванов, с. 97-98).

«Фазочастотные сдвиги порождают все силы» (там же, с. 9). «Если в квантовой физике фазовый сдвиг рассматривается как функция энергии, то в ритмодинамике эта зависимость имеет обратимый характер, т.е. сдвиг фаз порождает энергию... Рассогласование частот всего лишь на $1,6 \cdot 10^{-8}$ Гц приводит к самодвижению с ускорением $9,8 \text{ м/с}^2$. Именно это и происходит с телами вблизи поверхности Земли, потому как их энергетически комфортные состояния возможны только в режиме ускоренного самодвижения. Отсюда возникает и понятие — третье состояние покоя, которое выглядит свободным падением и характеризуется минимумом расхода собственной энергии» (там же, с. 8).

Для нас из этих рассуждений особенно значимо то, что в одном случае (в квантовой физике) энергия — причина, а колебания — следствие; в другом (ритмодинамике) — наоборот: сдвиг фаз первичных осцилляторов порождает энергию. И каждый стоит на своем, предлагая собственную интерпретацию всех наблюдаемых явлений на основе априори принимаемой причинно-следственной связи.

В частности, ритмодинамика из разности частот и сдвига фаз протоосцилляторов выводит все ритмы волнообразных движений в природе, а волнообразные ступки, отличающиеся большой устойчивостью, определяют все явления, в т.ч. и формирование самих элементарных частиц. Это же предполагает и недавно появившаяся в физике «теория суперструн» (Т.Г. Грушевицкая... с. 123) «Все частицы, которые мы знаем, и, может быть, откроем в будущем, представляют собой определенное возбужденное состояние струны», причем более высокие частоты этих колебаний струны можно сопоставить с большей массой элементарных частиц, порождаемых этими колебаниями. «Введение понятия струны полностью исключает

точечные представления из структуры микромира, и по сути дела эта теория сводит физику к геометрии очень сложных пространств... Согласно этой теории, фундаментальным объектом современной физики является квантованное суперструнное поле, возбуждениями которого являются суперструны, взаимодействующие друг с другом и с вакуумом... Струны же в свою очередь порождают элементарные частицы. Теория суперструны ведет к некоторым нетривиальным следствиям. Так, среди порожденных струнами элементарных частиц должны быть по расчетам гипотетические частицы тахионы — движущиеся со скоростью, большей скорости света. Как следствие этой теории возникает и представление о «теневом» мире — объяснение открытого астрономами факта, что галактики и скопления галактик содержат большую массу невидимого вещества, в десятки раз превосходящую массу самих галактик» (там же, с. 124).

Не правда ли, что и теория струн и ритмодинамика — по сути, содержат одну и ту же волновую гипотезу существования мира, основанную на взаимодействии первичных осцилляторов с эфиром (вакуумом).

Не на этом ли пути можно искать объяснение многих феноменов овеществления (наделения массой как признаком сопротивляемости — инерции и проявления энергетического потенциала (образуемого в результате сдвига фаз осцилляторов) полевой материи.

Управляя изменением фазового состояния осциллирующей системы изнутри, можно за счет появления направленной (векторной) деформации (дисбаланса между сдвигом фаз и скоростью системы) заставить систему придти в само-движение за счет упомянутого выше серфинг-эффекта (при наличии эфира). И это будет продолжаться до тех пор, пока не установится новое пропорциональное соотношение сдвига фаз и скорости системы.

В ритмодинамике «выстраивается своя причинно-следственная связь: соотношение фаз (частот) $\leftrightarrow$ векторная деформация $\leftrightarrow$ движение (действие)» (Ю. Иванов, с. 101).

А отсюда уже как следствие выводятся понятия силы, инерции, массы не как первопричины движения, а как следствия, обусловленные противодействием системы изменению своего же состояния внутреннего равновесия. Тем самым как бы дается физическое толкование выводу Аристотеля о том, что всякому телу присуще внутренне свойство противодействовать любому изменению своего состояния.

Итак, всякое движение есть результат изменения фазовых и частотных соотношений взаимодействующих осцилляторов, наличие которых составляет сущность мира. Отсюда следует объяснение двух феноменов, необходимо сопровождающих нас повсюду — в микромире, в мезомире (мире непосредственно воспринимаемом человеком) и в космосе.

Первый — все события есть часть циклических процессов, протекающих в мире, а сами циклы можно рассматривать как проявления сущности соответствующих материальных систем.

Циклы в природе и обществе издавна рассматривались философами всех времен и народов (Платоном и Аристотелем, Лао-цзы и Конфуцием, Вико и Фурье, Марксом и Энгельсом, Вернадским, Кондратьевым и Чижевским). В последнее время регулярно проходят международные конференции и семинары, издаются специальные «Атласы временных вариаций природных, антропогенных и социальных процессов» («Циклы в природе и обществе» — матер. IV Междунар. конф. — Ставрополь.: Ставропольский университет, 1996; «Циклическая динамика в природе и обществе» — М.: Научный мир, 1998, т. 2). При этом обнаруживаются как геологические «мегациклы Вилсона» продолжительностью 500...600 млн. лет, заключающиеся в «периодическом собрании всех континентов, дрейфующих по поверхности Земли, в единый суперконтинент — Пангею» (в истории Земли выделено 4 таких мегацикла, Атлас с. 23), так и более высокочастотные колебания от 400 до 1 тыс. лет, наноциклы от 450 до 11...9 лет, не говоря уже о годовых, суточных циклах в природе, секундных биениях человеческого сердца, наносекундных колебаниях в микромире.

Периодичность является основой всей космической деятельности. В древнеиндусской философии описывается «день» и «ночь Брам», продолжительностью по 4,5 млрд. лет, причем 360 «дней и ночей» составляют один Год Брам, а сто годов — Век Брам.

Первая тайна Космоса — великий космический ритм Бытия и Небытия, «вечное дыхание» Космоса («Космические легенды Востока» — М.: Сфера, 1991), а жизненный цикл человечества разделяется на семь человеческих Рас, называемых Коренными, в каждой из которых последовательно проявляются семь подрас и т.д.

О. Шпенглер («Закат Европы» — М.: Мысль, 1993) и А. Тойнби («Постижение истории» — М.: Прогресс, 1996) все общественно-историческое развитие человечества рассматривали «в духе теории круговорота локальных цивилизаций», а Л. Гумилев («Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации» — М.: Экопрос, 1993) воспринимал этносы как фазы общего этногенеза, имеющие тысячелетний срок своей активной жизни, начиная со вспышки пассионарности, развития акматической фазы цивилизации и постепенного угасания.

На жизнь Вселенной оказывают влияние не только основные гармоник (циклы), но и субгармоник, и их композиция. Все это наполняет мир большим числом ритмов и частот (см. таблицу, заимствованную из совместной работы — В.В. Бушуев, И.П. Копылов «Энергокосмизм России» — МЭИ, 1998, с. 61), среди которых нам представляется важным выделить 7 основных тонов Вселенной: день Брам — 4,5 млрд. лет, малая спираль Галактики — 26 тыс. лет, тысячелетний период жизни этноса, жизнь человека — 100 лет, годичный период обращения Земли вокруг Солнца, секундную периодичность сердцебиения и период световой волны 10^{-12} с.

Многие из этих циклов можно интерпретировать как гармоник и субгармоник электромагнитного процесса взаимодействия галактических осцилляторов, взаимодействия Космоса с независимыми в Земле токами, процесса, имеющего периодический характер (И. Копылов «Электромеханика планеты Земля» — МЭИ, 1997). Особое значение имеют полуциклы этих процессов, в частности 11-

летний полуцикл Солнечной системы, характеризующийся наибольшей активностью Солнца и вызываемой ею земными вспышками сейсмичности Земли.

Строго говоря, периодичность понимается как циклическое повторяющееся изменение сходных условий во времени. Но что такое само «время», Мы пытаемся сравнить несопоставимое — период колебания атомов как эталона секунды и период жизни человека, земли, галактики. Нам представляется, что более правильно было бы считать исходным жизненный цикл, индивидуальный для каждой самостоятельно существующей системы, т.е. рассматривать время как собственную индивидуальную характеристику данной системы. И лишь в процессе взаимоотношения этих систем можно говорить о некоторых общих параметрах длительности совместно взаимодействующих процессов в таких суперсистемах. Тем самым мы должны будем уйти от понятия времени (так же как и пространства) как абсолютной категории, а говорить лишь о длительности совместных периодически протекающих процессов в различных взаимодействующих системах.

Второй вывод из теории ритмодинамики связан с тем, что периодичность всех процессов есть отражение на плоскость нашего сознания тех круговращений, которые есть внутренне присущий (имманентный) каждой системе способ ее существования.

Если «заморозить» сдвиг фаз двух осцилляторов, т.е. сделать его постоянным независимым от скорости и типа движения системы, то аналогом такой системы можно считать равномерно вращающийся волчок, т.е. наличие таких «волчков» является естественным атрибутом невозмущенной материи. Естественность периодических процессов объясняет и проявление, начиная с глубокой древности, в сознании людей аналогии между периодичностью и гармоничностью всех наблюдаемых и ощущаемых явлений, являющейся отражением единого процесса кругооборота в космосе и окружающем мире.

И Платон, и Аристотель, говоря о гармонии сфер — небесных тел, подчеркивали общность структуры музыкально-математического устройства космоса, — большого «волчка» живущего в своем ритмическом процессе как отражении естественного его состояния — равномерного круговращения.

Но поскольку мир находится под воздействием различных по своей природе и сути осцилляторов, то инициируемые ими волны, как известно, образуют дифракционную и интерференционную картины в нашем представлении о феноменах мира.

Математическое моделирование интерференционного проявления трех источников, проведенное Ю. Ивановым, позволила ему получить т.н. спайдер-эффект, картину типа «паучьей сети», напоминающую по внешнему виду образ «Великого Паука» из индийской и североамериканской мифологии, связующего своей паутиной мир света и мир тьмы, получить образ распускающегося лотоса при уменьшении частотной разницы между осциллирующими источниками, а также образ индийского божества — Брахмы. Взаимодействие интерферирующих осцилляторов создает и модель спирального вихря, который воспринимается нами как основная структура и физического и метафизического мира.

Таблица основных циклов Вселенной

Объекты	Период	
	Годы	Секунды
Метагалактика	∞	∞
Век Браны	160 трлн лет	$5 \cdot 10^{21}$
Год Браны	1,6 трлн лет	$5 \cdot 10^{19}$
Галактика	40 млрд лет	$\sim 1,3 \cdot 10^{18}$
День Браны	4,5 млрд лет	$1,5 \cdot 10^{17}$
Мегацикл Вилсона (периодичность собирания континентов в единую Пангею)	500...600 млн лет	$2 \cdot 10^{16}$
Большая спираль Галактики (галактический год)	200...210 млн лет	$6 \cdot 10^{15}$
Геологический цикл Штилле (тектонической активности)	40...45 млн лет	$1,3 \cdot 10^{15}$
Цикл Холмса (периодичность пересечения Солнцем галактической плоскости)	26...30 млн лет	$1 \cdot 10^{15}$
Циклы периодического оледенения Земли	100 тыс. лет	$3 \cdot 10^{12}$
Малая спираль Галактики (Периодичность Всемирных потопов)	26 тыс. лет	$8 \cdot 10^{11}$
Периодичность этносов	1 тыс. лет	$3 \cdot 10^{10}$
Жизнь человека	100 лет	$3 \cdot 10^9$
Основной цикл Солнечной системы	22 года	$6,6 \cdot 10^8$
Обращение Земли вокруг Солнца	1 год	$3 \cdot 10^7$
Лунный цикл	27,5 суток	$2,3 \cdot 10^6$
Вращение Земли вокруг своей оси	$3 \cdot 10^{-3}$	$8,6 \cdot 10^4$
Сердцебиение	—	1
Звуковые волны	—	10^{-3}
Радиоволны	—	10^{-6}
Световые волны	—	10^{-12}
Атомные колебания	—	10^{-15}
Ядерные колебания	—	10^{-21}
Колебания первострун	—	$-\infty$

Тем самым показано, что ритмодинамика может служить неким объяснением мировой гармоничной структуры, отраженной в мифологии и наскальных художественных образах наших далеких предков.

Гармоническая космография Пифагора подчеркивала существование особых гармонических чисел, отражающих созвучие различных тонов — высот звуков, составляющих в своем единстве гармонические пропорции. «У древних эти созвучия были всего в числе трех; диапазон или октава, которая находилась в двойной пропорции, как 2 к 1, 4 к 2; диантенте или квинта, как 3 к 2; диатессарон или кварта, как 4 к 3. Для пополнения интервалов этих созвучий прибавьте тона, которые находятся в отношении 9 к 8, и полутоны, которые находятся в отношении 256 к 243 — и вы будете иметь все ступени музыкальной скалы (шкалы — В.Б.)» (цит. По К. Фламарион «История неба» — М.: Золотой век, 1994, с. 195). В более широкой трактовке эта же мысль о гармонии математических чисел и форм межчеловеческого и природо-человеческого общения содержится и в книге современных венгерских авторов Б. Варга, Ю. Димень, Э. Лопариц «Язык, музыка, математика» — М.: Мир, 1981, с. 248. «Золотое сечение», открытое Леонардо да Винчи, и применяемое в архитектуре и в искусстве, есть также отражение и небесной гармонии.

Душа тоже мыслилась древними как гармония, изоморфная гармонии космоса, а земная музыка была отражением гармонии небесной «музыки сфер».

Заглядывая в звездное небо, мы невольно шепчем стихи, которые как нам кажется, отражают в душе нашей эту вечную гармонию, гармонию — не покоя, а вечного круговращения, основанную на идеях ритмодинамики.

Но и числа, и звуки, и космические циклы проявляются как аналог всеобщей гармонии только через человеческое мировосприятие. Человек — не просто наблюдатель, он — непременный участник этой мировой гармонии, одновременно и субъект и объект мира.

Принцип бутстрапа.

Издавна основной вопрос философии сводился к признанию причинно-следственных связей и определению: **что** — первично, а **что** — вторично. Бытие или сознание, тело или дух, содержание или форма??? И хотя неортодоксальные мыслители понимали, что одно без другого невозможно, все же и в философии и в жизни мы делились на два конкурирующих лагеря: материалистов и идеалистов. Они утверждали примат видимого и осязаемого над мыслью и словом, считая последние продуктом высокоорганизованного мозга; другие, наоборот, видели в основе всего Божественного творца, в семь дней по образу и подобию своему сотворившего мир и наделившего его душой и разумом.

Непримиримость взглядов сторонников обоих ортодоксальных философских учений не могла и не может быть устранена, пока над нами будет довлеть стремление выстроить все во времени по некоему линейному ранжиру: что-то ранее, что-то потом в строго однонаправленной последовательности.

Курица или яйцо, Адам или Ева, вода или огонь, корпускулярная частица или поле, рождение или смерть, начало или конец... Что раньше? Что потом?

В школьные годы мне задали литературную задачу: найти общий корень в словах «начало» и «конец». Ох, и попотел же я. Даже современная этимология не дает описания происхождения этих слов, а суть, при здравом размышлении, проста.

Начало — искон, конец — кончать. «В пространстве или в разрезах предмета, **начало** и **конец** — одно и то же, потому что всякий край, предел предмета, **условно** (выделено мной — В.Б.) может быть принят и за начало и за конец его» (В. Даль, Толковый словарь т.2, М.: «Прогресс» 1994, с. 381).

И то и другое — край, предел, а что **начало**, что **конец** — зависит от условного направления отсчета. В одну сторону: $H \rightarrow Ч$, в другую: $К(Ч) \rightarrow H$. А все течет по кругу, и где она — та исходная точка. Всего-навсего: условность, а столь разный смысл.

Так не являются ли и все наши рассуждения о начале и конце, о первичности и следствии всего-навсего условно принимаемой догмой о направлении кругового движения, в котором рождение и смерть чередуются, меняются местами. Конечно, для определенного участка окружности при заданном направлении мы можем указать начало и конец его. Конкретный человек рождается, живет и умирает, проходя в строго определенной последовательности свой жизненный путь. Но любой из нас — это только часть мира, и в сознании у нас отражается весь мировой круг. Принимая за точку отсчета дату своего рождения, а за направление — свой собственный вектор, мы не вправе переносить эту условность на общемировой процесс, который носит циклический характер, а период — всего навсего отрезок, часть временной развертки на плоскости кругооборота, совершаемого в мире с нашим участием.

Так не будем абсолютизировать частность и условность.

Наши далекие предки, не обремененные деталями знаний о мироустройстве, полнее воспринимали общие свойства его вечного кругового движения (в цепочке явлений: зима — весна — лето — осень или день — ночь неразличимы начала и конец), чувствовали всю нерасчлененность (синкретичность) своего материального и духовного бытия в этом едином мире.

И сегодня на новом витке мы приходим к осознанию этой синкретичности, пытаясь за всеми условностями понять общий характер мирового процесса, а следовательно, и собственного неоднонаправленного духовного и материального существования.

Причина и следствие — лишь условности, вычлняемые из этого общего процесса. В замкнутом круге они могут и меняться местами, если мы не будем связывать себя условными понятиями абсолютности и однонаправленности времени.

Мы живем в мире множества обратных связей, когда вход и выход, начало и конец замкнутой цепочки взаимодействующих объектов и субъектов могут меняться

местами в зависимости от нашей индивидуальной, групповой или даже (на данном этапе) общепринятой точки зрения.

В житейском сознании эта взаимосвязь прошлого и будущего жила и живет с незапамятных времен, называясь то кармой, то богом, то законом.

Грядущее тысячелетие — это переход от дифференциации и научных знаний к их интеграции. Физики, изучая микромир, уже поняли, что нет и не может быть абсолютной объективности, что результат наблюдения любого объекта не может не зависеть и от самого наблюдателя. Световой фотон излучается веществом, но столь же обоснованно и обратное утверждение: частица есть сконцентрированный сгусток полевой структуры. По сути дела, принцип дополнительности Н. Бора есть признание того, что между волной и корпускулой существует обратная связь. И то и другое есть лишь возможная форма проявления циркулирующей в замкнутой системе «вещество — поле» энергии. А энергия, в свою очередь, есть не абсолютная субстанция, а возможная форма материи, трансформирующаяся при определенных условиях либо в вещество, либо в информационный сигнал, являющийся слабым по мощности, но мощным по силе возможного воздействия на «тонкие» структуры тела, разума и души. И здесь энергия, вещество и информация трансформируются путем обратных связей в едином материальном представлении.

Наука подошла вплотную к пониманию необходимости своей интеграции с метафизикой, ибо только в такой дуализации позволит нам познать и понять мир в его взаимообусловленности объекта и субъекта. Очень хорошо этот новый подход представлен в книге Фр. Капра «Дао физики» (СПб: Орис, 1994), посвященной исследованию параллелей между современной физикой и мистицизмом Востока.

«Наука не нужна мистицизму, мистицизм не нужен науке, но людям необходимо и то и другое» (с. 282).

И эта необходимость определяется тем, что объект и субъект неизменно находятся во взаимосвязи между собой, регулируя свои отношения по принципу обратной связи — принципу бутстрапа (от англ. Bootstrap — обратная связь, с. 271).

Механизм бутстрапа связывает все взаимодействующие части целого в единую систему, в результате чего каждая из этих частей отражает в себе весь спектр результирующего проявления системы. Воздействуя на другие элементы системы и испытывая на себе в виде обратной связи их воздействия, любое звено бутстрапа является той монадой, которая несет в себе образ всей системы, а в конечной степени, всего мира, состоящего из совокупности отдельных систем.

Принцип бутстрапа устраняет те коллизии, с которыми мы сталкиваемся, ища в окружающем мире причинно-следственные связи. Все — взаимосвязано, и любое воздействие одного объекта (субъекта) на другой сопровождается обратным воздействием. Причина и следствие не просто меняются местами. Они сосуществуют вместе, образуя замкнутую систему, у которой нет начала и конца.

Характерной особенностью реализации принципа бутстрапа является не только отрицание абсолютизации однонаправленных причинно-следственных связей, а утверждение, что условные вход и выход системы формируются и изменяются

одновременно. И неважно, куда воздействует внешний сигнал: в начало или в конец бутстрапа, важно, что он циркулирует по всей замкнутой цепочке.

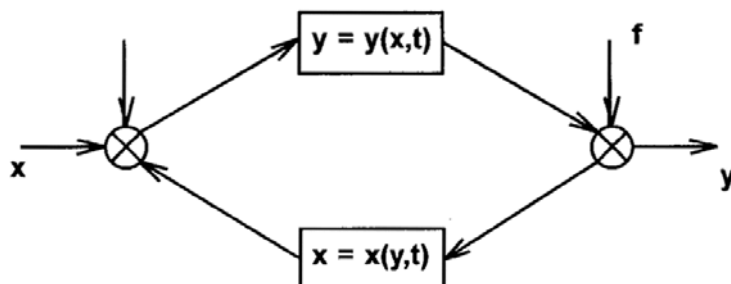

Рис. 1.4. Бутстрап (обратная связь)

Понятия «вход» и «выход» в такой цепочке — простая условность, связанная с нашей привычкой писать (и изображать) слева направо. На самом же деле эти точки совершенно равноправны. И поэтому спор о том, мысль есть порождение высокоорганизованной материи или она ее (материю) организует, совершенно беспредметен. «Разум есть не только порождение «неразумной» природы, но в свою очередь, сам становится ее демиургом» (Г.В. Гивишвили «Принцип дополнительности и эволюция природы» — Вопросы философии, 1997, №4).

Бессмысленны оба утверждения: бог создал человека или человек придумал бога. Главное — что по образу и подобию своему. И складывающийся образ тут же корректирует исходный образец, который не существует изначально в некоем законченном виде, а сам формируется по мере формирования сигнала на выходе, воздействующего сразу и на вход. И то, что каждый из двух каналов бутстрапа — прямой и обратный являются инерционными, говорит не о последовательном, а о параллельном развитии динамического процесса.

Если функциональная динамическая связь каждого канала бутстрапа определяется естественными зависимостями

$$y = f + \frac{dx}{dt},$$

$$\text{а } x = -\frac{dy}{dt},$$

т.е. процесс на выходе канала пропорционален скорости изменения сигнала на его выходе, то общее уравнение бутстрапа

$$\frac{d^2 y}{dt^2} + y = f$$

есть уравнение осциллятора (колебательной системы).

А это и подтверждает высказанное ранее предположение, что протоячейкой мира является осциллятор, основанный на принципе бутстрапа.

Действительно, нельзя рассматривать изолированно друг от друга магнитные «плюс и минус», мужское и женское начало, материю и дух, корпускулы и поле, косное вещество и жизнь, инь и ян.

Основополагающим является их сочетание посредством обратной связи, образующей колебательную систему из обеих составляющих, а все процессы в мире есть их взаимодействие, образующее по принципу бутстрапа периодичность феноменального проявления. Полярные начала, образующие осциллятор, работают не на уничтожение друг друга, а на взаимодополнение, в результате чего и проявляется двойственная структура мира.

А поскольку таких первичных осцилляторов — великое множество, и все они взаимодействуют теперь уже друг с другом, то их совокупность не есть простое количественное усложнение мира, а единая иерархическая самоорганизующаяся система.

Системы.

Как часто в угоду моде (политической, научной, бытовой) мы нещадно эксплуатируем те или иные идеи, понятия, те или иные одежды, те или иные слова, которые «в привычку входят, ветшают как платье».

К сожалению, не только «ветшают», но и набивают оскомину, дискредитируя сам понятийный объект. И как трудно после очистить первоначальный смысл этого понятия, имеющего в своей первооснове вполне определенное значение. Одним из таких понятий является образ «системы». Именно «образ», а не набор отдельных граней сложного объемного понятия (греч. *systema* — целое, составленное из частей). Выпячивая ту или иную грань, мы плоским представлением пытаемся подменить многомерное образование.

«Системный» бум 60-х годов XX-го столетия дошел до того, что систематически (т.е. часто) системой стали называть все, чего много. А так как слов произносилось и писалось действительно много, то все стало вдруг «системным», аж до ряби в глазах. Это напоминало эффект истирания многогранного кристалла в аморфную золообразную массу.

А ведь намного раньше в ботанике существовала систематика — упорядоченность большого числа разнообразных объектов, т.е. определение подчеркивало одну из важнейших (хотя и не единственную) граней системного подхода — структурную организованность количественной массы предметов (вещей, объектов). При системном подходе предметом рассмотрения становятся не сами объекты (коих много), а их совокупное целое — организованное множество.

Я вижу не просто множество листьев, а дерево, не множество деревьев, а лес. «За деревьями — не видеть леса», — говорят о тех, кто не владеет системным зрением. Множество хаотически пасущихся и табун несущихся вкупе тех же лошадей — далеко не одно и то же, хотя количество животных — одинаково. Во втором случае они представляют собой систему — одно целое, спаенное пусть не осознанной, но общей целью. В этом проявляется самая существенная грань истинной системности —

целеустремленная целостность, отражающая единство множественности, проявляющееся в общем коллективном действии.

Так же и в человеческом сообществе. Команда единомышленников — это проявление одной из граней системного образования, где важным свойством является единство помыслов. Но это еще не вся система, ибо не менее важна и организованность (а не просто стихийное единодушие) множества действующих лиц. В высокоорганизованной системе всегда имеет место «штурман» — думающий лидер, формирующий и отслеживающий целенаправленное движение; демагог — «вождь народа», умеющий увлечь этой идеей цели массу подвижников; организатор — тот, кто упорядочивает массу в некую иерархию и следит за тем, чтобы каждый знал свое место, «свой маневр», допуская организованное перемещение индивидов с одного уровня на другой; и наконец — рабочее тело, то множество индивидов-элементов системы, главное назначение которых и состоит собственно в осуществлении единой цели путем коллективного действия, предопределенного элитарными слоями сообщества.

Эти функционеры и рабочая масса есть обязательные элементы любой системы, ибо без четкого разделения обязанностей система как организованное целое не сможет действовать целенаправленно, а распадется на множество хаотично флуктуирующих элементов.

Хаос — это вырождение, распад системы, прекращение ее целенаправленного действия, отсутствие которого означает «тепловую смерть» сообщества, его превращение в хаотичную флуктуацию — броуновское движение элементов, что характеризуется максимумом энтропии их неупорядоченного неорганизованного множества.

Система формируется не из ничего, а из хаоса — из месива исходного сырья — беспорядочно флуктуирующих монад — первичных неструктурированных вглубь при данном уровне абстракции элементов. Вопрос, на который еще предстоит ответить, откуда же берутся сами эти элементы. Вообще-то они тоже являются системами, а монадами представляются лишь в данном конкретном рассмотрении. Та же одиночная лошадь из табуна или из числа мирно пасущихся животных — сама по себе сложнейшая высокоорганизованная система. Но в мчащемся табуне, когда все и вся подчинены общей цели — стремительному движению, она — всего лишь монада.

Поэтому при обобщении (при переходе на иной уровень абстракции — на иную точку зрения) система может становиться всего лишь монадой, а при расчленении — при дифференциальном структурировании монада сама предстает перед нами в виде объемной системы.

Земля — это всего лишь монада, точка в планетарном масштабе, а с точки зрения жителя нашей планеты — это суперсистема. Все относительно того участка мироздания, с которого мы оглядываем окружающее нас и который мы обозреваем.

Если полагаться на наши обычные органы чувств, то наше видение достаточно ограничено. Самый зоркий глаз различает предметы, размеры которых в поле нашего зрения составляют от нескольких угловых секунд до прямого угла, т.е. отличающиеся

друг от друга не более чем на 6 порядков. Температурные ощущения наши в еще более узком диапазоне: от -70 до $+70^{\circ}$ С. Воспринимаемая человеком в виде слышимого звука частота колебаний — от 16 Гц до 20 кГц, т.е. диапазон всего в 3 порядка.

Эти достаточные ограниченные диапазоны восприятия окружающего мира — не недостаток, а естественное свойство органов чувств человека — ощущать только соизмеримые явления. Хотя в природе предметы (тела, явления) имеют гораздо более различающиеся геометрические и физические проявления, косвенно фиксируемые нами с помощью различных преобразовательных устройств, переводящих габариты и другие сущностные характеристики этих предметов в привычные для нас пропорции и оценки. Так, картину звездного неба и внутренней структуры атома, имеющих габариты, отличающиеся друг от друга на 30-36 порядков, мы обычно одинаково изображаем на листе бумаги размером 10х10 см. На этом изображении все предметы, имеющие соответственно размеры менее 1 мм, представлены точками или штрихами. Если же мы хотим эти предметы рассмотреть более подробно, то уже на другом листе бумаги тех же размеров мы отображаем картину иного уровня абстракции, на которой так же будут свои точки, полномерно раскрываемые на следующем листе и т.д. Какой толщины получится альбом, сказать сложно, ибо фолиант в тысячу листов становится несоразмерно большим, и мы начинаем новую кипу листов, переплетаемую в конце в свою книгу. Так страница — элемент тома, а том — элемент библиотечной полки. И на современных магнитных носителях наши изображения кодируются в блоки, подблоки, под подблоки и т.д. И на один и тот же экран монитора мы выдаем картинку, соответствующую различной степени детализации сложной информационной системы. Разумеется, такие иерархические уровни свойственны любому тезаурусу (греч. сокровище) — совокупности знаний, выраженных в словарном (знаковом) виде.

Тезаурус (как самоотображение системы), измеряемый в информационных единицах, несет в себе информацию о самой системе и об окружающей среде, что позволяет не только распознавать, но и прогнозировать возможные ситуации, а значит и управлять ими (точнее говоря, корректировать возможную реакцию системы на возникающие внешние и внутренние ситуации).

Неверно думать, будто тезаурус присущ только высокоорганизованным системам. Самоотображение, включая и отображение части внешней среды, воздействующей на данный объект, есть неотъемлемое свойство любой системы. Мозг человека в закодированном виде (а код не всегда нам доступен) содержит информацию о всех внутренних подсистемах организма и окружающей среде.

Молекула ДНК хранит генетическую структуру живого существа. Но и любой минерал в своей кристаллической решетке хранит концентрированный закодированный образ всей дружки и внешних условий ее образования. По одной кости опытный расшифровщик может воссоздать портрет всего живого существа. Рисунок говорит о характере Художника и о его времени. Любой рукотворный предмет — о сотворившем его мастере. И даже в капле воды можно обнаружить закодированные следы о том месте, где..., о тех условиях, в которых она образовалась.

В единичной монаде всегда проявляются общее сущее, характерное для данной системы. «Целое существует, поскольку оно живет в единичном; единичное существует, поскольку несет в себе силу целого. Всякая монада (во Вселенной) — зеркало мира, она в одно и то же время и целое и вещь». (Дж. Бруно. Цит. по В. Шмакову «Закон синархии», Киев, 1994, с. 46). Надо только уметь распознать и понять, а не просто увидеть плоскую фотографию. В простейших системах тезаурус разнесен по всем монадам, в более сложных — он выделяется в отдельный орган.

Тезаурус — это и свойство и орган, подобно тому как библиотека — это и собрание книг у каждого читающего субъекта, и помещение, где это собрание обычно хранится.

Но именно через тезаурус в единичном воспроизводится общее. Насколько полно — это другой вопрос, ибо степень полноты тезауруса есть мера адекватности отображения мира во внутренней модели системы. Разумеется, полного тождества быть не может, ибо означало бы, что часть равна целому. Но отображая наиболее существенные черты мира, мы проникаем в эту суть все глубже и глубже. Но и она не стоит на месте, а еще быстрее наполняется все новым и новым содержанием, оставляя нас позади на все увеличивающемся отдалении. Отсюда и «мы знаем только то, что ничего не знаем». Но это — не агностицизм, не предел нашего знания. Это — объективный процесс приближения к горизонту, когда часть предметов приближается к нам (точнее, мы — к ним), а все больший и больший мир маячит в мареве познаваемой неизвестности. Шагая к горизонту, мы движемся по раскручивающейся спирали знания. Наше движение действительно можно назвать системным, если мы при этом будем не просто количественно приумножать знания, а будем структурировать, организовывать наш тезаурус соответственно все новым и новым граням раскрывающейся перед нами действительности.

И уразумев основные принципы строения мира на основе понятийного анализа нашего тезауруса (ибо воспринимаем мы не сам мир, а его модель, складывающуюся в нашем сознании в виде тезауруса, воспроизводящего структуру и организацию мира), мы не просто раздвигаем горизонт. Включая в действие наитие, озарение и другие феномены подсознания, мы на порядки увеличиваем скорость и объем нашего мировосприятия. Недаром установлено, что на сознательном уровне человек перерабатывает в секунду 102 бит информации, а на подсознательном, где мы действуем не методом последовательного перебора, а методом структурированного, но целостного восприятия сути явления, скорость переработки возрастает до 109 бит в секунду — сразу на 7 порядков.

Познать методы подсознательного решения задачи и научиться управлять этим процессом — этому и призвано овладение навыками системного подхода. Разумеется, системный подход не исчерпывает всего арсенала подсознательного действия, но позволяет автоматизировать часть интеллектуальной работы, оставляя головному мозгу время и силы для подлинного неформализованного (пока) творчества. В одной из наших бесед великий шахматист — ученый, специалист в области управления электроэнергетическими системами (а это нас и объединяло) доктор технических

наук профессор Ботвинник М.М. поделился своим «открытием» — процедурой принятия решений при игре в шахматы.

— Никакой эвристики, никакого озарения. Все основано на счете. Но... не простом переборе вариантов последствий того или иного хода. А на предварительной диакоптике.

Хотя этот термин он не использовал, но суть его рассуждений очень четко характеризовалась этим термином из арсенала методов системного подхода.

— Расположение фигур на доске образует ряд цепочек, в которых противостояние черных и белых сил как бы обособлено, отделено от взаимоотношений на других клетках поля. Вот в этих цепочках и надо, считая варианты, бороться за материал. Как в экономике — каждая фирма на рынке работает на свою прибыль.

Увы, не все так просто.

Во-первых, нужно научиться расчленять все поле на части, а затем по частям добиваться результата. В этом и есть «диакоптика — исследование по частям». Так называется известная книга Г. Крона. Как членить целое на части? Идея понятна: связи между элементами (фигурами) в подсистемах должны быть более жесткими, чем между элементами различных подсистем. То есть, берется поле всех возможных отношений между фигурами (на данный момент) и классифицируются эти связи на сильные и слабые. По слабым сечениям производится деление всего пространства 64-х клеток на части, точнее говоря, деление не самого шахматного поля, а поля силовых возможностей этих фигур побить неприятеля. Помните изначальную силу фигур, их стоимость — азбуку шахмат: пешка — один балл, конь и слон — два-три, ладья — пять, ферзь — десять баллов. Из этого и следует рассчитать силу удара и возможный эффект приобретения материала, а следовательно, и сделать ход.

Но чаще всего в сложных системах процедура декомпозиции — расчленения целого на части — это искусство, потому что наряду с крайне жесткими и крайне слабыми связями существует большое число связей между элементами, которые трудно отнести к той или иной категории.

А следовательно, вычленение групп из общего множества фигур — далеко не однозначный процесс.

С другой стороны, любой собственный ход и ответ противника может перераспределить не только соотношение сил внутри групп, но и саму группировку фигур. Поэтому процесс декомпозиции на каждом шаге приходится корректировать. Хотя большинство цепочек-групп остаются при этом неизменными, т.к. связи между ними продолжают оставаться слабыми. И в этом огромное преимущество диакоптики перед простым перебором, т.к. соотношение сил в группах сохраняется, и можно на поле рассматривать не 32 противостоящих фигуры, а 6-8 — по числу групп, каждая из которых оценивается при этом как одна обобщенная фигура.

Разумеется, я достаточно грубо и вольно изложил суть метода Михаила Моисеевича. Специалисты и все желающие могут подробнее ознакомиться с его теорией в авторском изложении.

Но главное — его диакоптический подход хорошо иллюстрирует общий метод исследования по частям сложных систем. Первое — представление системы в виде частей, групп, что требует декомпозиции не только структуры, но и целей системы, т.е. формирования для каждой группы собственной мотивации действий. И если эти действия могут совершаться лишь последовательно, то возникает задача выбора приоритетной группы, которая в данной ситуации дает больший эффект не только для самой себя, но и для всей стороны. Если же все группы могут действовать независимо и одновременно, то часть задачи — снимается, однако возникает и усложняется второй этап — оценка результативности этих действий для каждой группы и для всей системы. Мыслительный аппарат игрока формирует и корректирует тезаурус не только расстановки действующих сил, но и их мощи — возможного эффекта действий.

По другому это можно охарактеризовать не только как взаимодействие материала — вещественности, но и как взаимоотношение энергий, потенциальная часть которой скрыта в структурной диспозиции, а энергия действия определяется непосредственным столкновением фигур на доске.

Можно приводить много иных примеров диакоптики — системных действий, опирающихся на триаду: деление системы на части с выделением групп по признаку слабых и жестких связей между элементами; принятие самостоятельных решений для каждой из подсистем (или выбора их приоритетности); оценка и корректировка состояния системы в целом на основе анализа взаимоотношений групп, представляющих собой некоторую целостность.

Эти примеры есть во многих книгах по системологии (например, Дружинин В.В., Конторов Д.С. «Проблемы системологии», М: «Со-в.радио», 1975; Дж.ван Гиг «Прикладная общая теория систем», М: «Мир», 1981, кн.1 и 2).

Однако, резюмируя эти частные примеры, можно и следует сделать некоторые обобщения, позволяющие качественно сформулировать основные свойства и суть предмета системологии (науки о системах) для того, чтобы воспользоваться этим основополагающим подходом для анализа сложных явлений миропонимания.

Существует более 100 различных определений понятия «система», начиная от древнегреческого и кончая современным абстрактно-алгебраическими. Я не собираюсь механически увеличивать это число, отрицая уже данные определения. Каждое из них высвечивает ту или иную грань этого достаточно емкого понятия, и наиболее адекватно отражает характерные черты применительно к данному виду систем.

Поскольку основным предметом нашего рассмотрения является анализ систем как структурных элементов мироздания, попытаемся дать определение достаточно общего характера, не утруждая себя и читателя подгонкой к данному случаю того или иного определения.

Итак, система есть целое, составленное из частей, характеризующееся основными свойствами:

1. Система по отношению к внешней среде выступает как единое целое, имеющее собственную (общую для всех своих частей) цель функционирования и развития.

2. Система структурирована (состоит из частей — подсистем и первичных для данного среза проблем монад — неструктурируемых элементов). Монады неделимы не абсолютно, а лишь в данном представлении системы. При рассмотрении той же системы в другом аспекте монады сами могут предстать как сложно организованные структуры.

3. Система иерархична (имеет, как минимум, два уровня иерархического представления — общесистемный и поэлементный, однако, как правило, имеет те или иные групповые образования).

4. Система обладает свойством самоотображения и памяти о своем внутреннем состоянии и воздействующих факторах среды. Тезаурус системы может быть распределен поэлементно или сконцентрирован в отдельном органе.

5. Система «живет» и развивается путем репродуцирования своих элементов и упорядочения (в т.ч. специализации).

6. Все системы — открыты, т.к. могут возникать и функционировать лишь при взаимодействии со средой, откуда они черпают и куда отдают вещественный материал, энергию, информацию.

Эти свойства характеризуют уже сложившиеся системы, однако для понимания эволюции мира необходимо рассмотреть, как возникают и каков «жизненный цикл» системы, какое место они занимают в общей структуре мироздания.

Открытая эволюция.

Сколько научных, житейских и религиозных копий сломано в сражениях за ту или иную версию сотворения мира. А сколько от этих копий пало жертв. А ведь эта проблема — откуда все велось — не надумана, а недодумана. И главный порок всех досужих размышлений и теорий на этот счет — в том, что мы все время пытаемся обособить одно явление от другого, один объект от другого, каждый раз изолируя рассматриваемую систему от других, представляя каждую из них как нечто обособленное, замкнутое.

Тогда, естественно, возникает вопрос «первичного толчка» — от Бога, Сверх Разума, или от чего-нибудь еще, но главное — извне, ибо в результате хаотических внутренних мутаций, случайного стечения обстоятельств ничего путного не удалось бы получить, не говоря о том гармонично сложенном мире, в котором нам доводится жить. А далее — мы бросаем этот «зародыш» на произвол судьбы и поражаемся, как это из яйца вылупился гадкий утенок, превратившийся в прекрасного лебедя.

Вопрос «первичного толчка» некорректен, потому что мы не определили, «сотворением» чего мы интересуемся. Сотворением мира... А что понимается под

словом мир: Галактика, Солнечная Система, Земля как геопланетарное образование, Жизнь (на Земле или вообще?), Человечество, российский (евразийский этнос), Сибирь, «Я». Атом?

Не уточнив исходного вопроса, трудно искать правдоподобный ответ. Воистину «пойди туда, не знаю, куда, принеси то, не знаю, что». А тут похоже: ответ на то, не знаю, на что.

Для того, чтобы избежать подобного упрека, попробуем точнее сформулировать исходную позицию.

Мир — это совокупность открытых систем, не имеющих ни верхнего, ни нижнего уровня, а продолжающаяся во все мыслимые (значит — возможные) стороны.

Вышеприведенный перечень систем — от Галактики до человеческого индивидуума и глубже — это всего лишь одна из возможных магистралей иерархического строения мира, вдоль которой располагаются поименованные объекты.

А вот другая магистраль: молекула — клетка — орган — организм — популяция — животный мир — биосфера. Это — тоже совокупность систем, пересекающаяся с первой магистралью на уровне: организм — «Я», хотя это не один и тот же объект.

Можно назвать третью магистраль, вдоль которой также располагаются системы, составляющие общую структуру «духовного мира»: квант души — сердце — подсознание — коллективная душа — идея — мировой дух. Где-то на уровне «подсознание» — «Я» эти системы пронизывают друг друга. Примерно в этом же месте пересекаются линии: символ — мысль — тело сознания — разум — культура — ноосфера.

А есть еще энергетическая ветвь: фотон — энергия действия — праническое тело («прана» по буддийской классификации — энергия живого существа) — энергоресурс Земли, энергия структуры (потенциальная энергия) — космическая энергия.

Информационная магистраль: квант информации (бит) — программа — тезаурус — знание — ноосфера.

Социальная магистраль: индивидуум — семья — группа — сообщество (этнос, народ, класс) — человечество.

Все эти ветви, магистрали и направления образуются особым сочетанием систем различного уровня. Системы — это целостные образования, состоящие из частей, а их содержание — не обязательно вещественный объект. Всем требованиям понятия «система» удовлетворяют не только телесные, но и духовные, информационно-энергетические, социальные образования различного уровня. Отдельные системы, находящиеся на различных магистралях, могут иметь что-то общее, но они не тождественны друг другу. Как правило, они пересекаются лишь какой-то своей частью, например, душа и «Я», организм и человек, в принципе оставаясь совершенно различными, ибо формируются из разных по своей сущности

частей и образуют также иные системные группы. На рис. В.1 представлен один из возможных — антропоцентрический узел мира.

Таким образом, имеет место множественность представлений мира, где каждая грань представляет собой совокупность соответствующих систем одного мироряда. А мир — это открытая суперсистема объемного вида. Как и всякая система мир не представляет собой простую бесконечность конечного числа граней, на которых располагаются вышеназванные магистрали. Достигнув определенного (?) числа (размера), каждая из граней начинает ветвиться, распускаться подобно цветку. Не отсюда ли «Роза мира» Д. Андреева, попытавшегося представить в этом образе развивающееся множество граней и слоев (сакуалий) духовного мира. А ведь есть и материальная грань, и грань разума, и информационно-энергетическая сфера мира.

Мир — это не кубик Рубика с его плоскими цветными гранями, которые поворачиваются к нам то одной, то другой стороной своих малых кубиков. Но Рубик создал блестящий пример не только головоломки, но и модели мира, хотя и плоской. У каждого маленького кубика — те же цветные грани, и можно добиться гармонии, прокручивая отдельные системы до тех пор, пока на поверхности не образуются однотонные плоскости.

Разумеется, шестигранник — это очень приближенная форма мира и отдельных составляющих мироздания. Буддийская философия использовала иную модель*) применительно к одному из важнейших звеньев мира — человеку. Эта модель имеет форму матрешки, где вокруг плотной материи формируются более тонкие субстанции.

- 1 матрешка — физическое тело человека;
- 2-ая — праническое (энергетическое) тело;
- 3-я — голографическое тело — тело мысли;
- 4-я — тело сознания (и подсознания);
- 5-я — душа (Г.П. Малахов, т. 2, с. 4-16).

Эти все тела не локализуются, а концентрируются в отдельных частях человеческого тела. Энергия — в нижней части живота, душа — вблизи печени, подсознание — в мозжечке, мысль — в голове.

Близкую модель многоагрегатной системы — человека использовал Г. Гурджиев в своих «Беседах с учениками» (изд. «Преса Украши», Киев, 1992): «С рождением человека появляются три машины:... это наше тело, наша сущность и наша личность... Центр тяжести тела (его душа) является моторным центром. Центром тяжести сущности является эмоциональный центр. А центром тяжести личности является интеллектуальный центр» (с. 30-31).

Эту дифференциацию сущности и местоположения различных центров продолжает П. Успенский в приложении к «Беседам»:

* А.В. Вейник «Основы тибетского мистицизма» — цит. по кн. Г.П. Малахов «Целительные силы», т.2, «Биосинтез и биоэнергетика», АО «Комплект» СПб 1994 г.

«Центром тяжести интеллектуального центра является мозг, центром тяжести эмоционального центра — солнечное сплетение, центры тяжести инстинктивного и двигательного центров помещаются в спинном хребте... В действительности каждый центр занимает все тело целиком, пронизывает, так сказать, весь организм», (там же, с. 150).

У этих центров много общего, но есть и громадные различия. Одно из этих различий связано со специфическими функциями каждого из этих центров, другое — со скоростями выполнения этих функций. В частности, «мысль не видит чувства, и наоборот» (с. 38). В большинстве случаев каждый центр живет своей жизнью. Формирование человеческой сущности происходит путем полевого взаимодействия продукта деятельности всех человеческих центров с внешними силовыми (энергоинформационными) импульсами от всех соседних систем окружающего мира.

«Человек является также станцией для трансформации субстанций... Все, что существует, окружено атмосферой», (там же, с. 86).

Однако, находясь все время в движении, эти тела как полевые структуры пронизывают не только все физическое тело человека, но и друг друга. Там, где волны одного поля в результате интерференции «складываются» с полевыми образованиями иной природы, происходит их взаимное «уплотнение», что в итоге приводит к образованию плотного вещества.

Подобный процесс, наиболее наглядно представленный эзотерическими и иными школами применительно к человеку, очевидно, имеет место во всей Вселенной и за ее пределами, где, возможно, наиболее активно, действуют полевые структуры иной природой (например, гравитационные, нейтринные, лептонные и т.д.).

Не искушая читателя желанием обвинить автора в физической, биологической, психологической, философской неграмотности (а что дала эта грамотность в частном понимании общего?), следует на время отложить детали, повторив основную гипотезу.

Мир — это совокупность супер-систем различной природы. Каждая из этих супер-систем есть магистраль в виде раскручивающейся спирали (далее попробуем пояснить, почему — спираль).

На разных участках магистрали имеются участки неодинаковой плотности среды данной природы. Более плотные образования образуют системы соответствующего уровня иерархии, а разреженные участки — межсистемную среду (пустоты данной природы). Спирали, не повторяя друг друга, а взаимопроникая, при наложении могут слиться своими сгущенными участками, что уплотняет соответствующие структурные звенья, приводя к образованию новых не только волновых (менее плотных), но и корпускулярных систем.

Так, тело человеческого зародыша более чем на 95% состоит из воды. Околоплодная жидкость в утробе матери защищает его от воздействия других полевых факторов. Но, родившись, ребенок оказывается на пути этих волн, и они уплотняют его тело, проникая вглубь и создавая внешнюю ауру.

Морской прибой разрушает слабые, но упрочняет жизнестойкие стенки причала. А какой фейерверк брызг, какой насыщенный озоном и распыленными морскими солями воздух окутывает вас на молу, когда к вашим ногам с грохотом и восторженным ревом обрушивается не только девятый, но и все последующие валы. Но, несмотря на появившуюся легкость во всем вашем теле, вам трудно сдвинуться с места, ибо уже не физические, а эмоциональные силы плотно окутывают вас. И от этого столкновения различных по своей природе начал рождаются стихи — и перед вами — новая возвышающая и уносящая вас далеко-далеко духовная ветвь жизни.

И это взаимодействие сил различной природы касается не только человека. Волна обкатывает камни, создавая из них причудливые образы искусства. Ветер, раскачивая деревья и натываясь на другие плотные тела, завихряется и образует звук, рождающий музыку.

Взрывные волны сверхвысокого давления превращают аморфный графит в кристаллический алмаз, обладающий не только физической прочностью, но и благородной красотой. А это уже — проявление сущности в иной грани.

Столкновение двух твердых кристаллических тел, в свою очередь, вызывает новые звуковые волны такой чистоты и стройности, что по сравнению с ними многие так называемые музыкальные произведения кажутся какофоническим хаосом.

«Теория густот» Д. Панина (Изд. «Мысль», М.:1993) принимает, правда для одноприродной среды, гипотезу перехода полей, представленных «разреженной густотой», в вещественные корпускулярные образования, характеризующиеся большей «плотностью густоты». Но этот переход доказан и в физике высоких энергий, когда вещество, аннигилируясь, испускает фотоны света и наоборот, фотоны — явления волнового характера при определенных условиях образуют материальные частицы.

Эти переходы «энергия — вещество и вещество — энергия» являются, повидимому широко распространенным явлением в природе. Однако подобно рода переходы, вполне возможно, существуют и для других пар, например, «энергия — информация», когда солнечный свет является источником и средством формирования структуры элементов зеленого мира (фитоценоз). Сознание может, повидимому, управлять и физическими процессами (телекинез); Дух укрощает и укрепляет плоть.

Гравитация может образовать дополнительные порции потенциальной энергии, превращаемой затем в энергию действия. Вещество при сжигании выделяет энергию. Любое тело (живое и неживое) обладает скрытой в его элементах, структуре или в специализированных органах памятью. Психические явления (и их аналоги в неживой природе) непосредственно или через энерго-информационные поля закрепляются в собственной структуре объекта, либо посредством эмоциональных полей воздействуют на другой объект-субъект. Между объектом и субъектом, также как и между живым и неживым телом, нет принципиальных различий. Все они, как и любая система, «живут», хотя и в разнотемповом режиме. Разумеется, различие этого темпа и времени жизненного цикла системы может быть столь велико, что эта

несоизмеримость не позволит объединить «живые» и «неживые» объекты в общую систему. Но каждая из этих самостоятельно функционирующих систем в той или иной степени проявляет все существенные грани мира, и между этими системами может осуществляться «слабое» взаимодействие посредством межсистемной среды.

Эта среда, по сути, и есть тот «трансформатор — преобразователь», где явления одной природы могут вызывать (превращаться в) явления совершенно другой материальной (и нематериальной) субстанции.

То, что для одной системы является внешней формой, для другой может составить внутреннюю структуру. Не исключение и такие, казалось бы, универсальные категории как время и пространство. Об этом несколько позже, но представляется весьма правдоподобной гипотеза Н.А. Козырева о том, что при определенных условиях «время может превращаться в энергию», а значит, возможен и обратный переход.

Эта гипотеза, в частности, объясняет и наш главный тезис о цели развития мира и любой его системы — «отдать больше, чем взять», т.е. употребить время нашего развития не на распыление, а на накопление энергии, а через нее увеличить вклад в порожденные нами структуры физического, биологического, культурного и духовного вида.

Принимая гипотезу, что «все может превращаться во все», и эти видовые превращения происходят, как правило, в межсистемной среде, можно представить общую картину эволюции открытых систем.

Не существует множества изолированных друг от друга миров: физического, трансфизического и трансцендентного. Все эти так называемые миры есть лишь проявления несоразмерных сторон мира, которые формируются из некоей общей межсистемной среды, называемой «Пустое Нечто». Это Нечто пусто, т.к. в нем отсутствуют частицы — монады той или иной субстанции. Однако эта Пустота не есть абсолютный вакуум (не есть Ничто). «Субстанция пустоты представляет собой застывшее движение, способное при определенных условиях проявлять свою сущность в виде колебаний и бросков» (Д. Панин, «Теория густот», с. 11). Это близко к положению Св. Фомы Аквинского о том, что «сжатие формы представляет явление материи» (цит. по Д. Панину, с.41).

Материя есть движущаяся Пустота. Суть этого «Пустого Нечто» — не в нем самом, а в его свойствах. И главным свойством, делающим это Нечто существующим, это его неизменная флуктуируемость. Оно существует только в движении. Мы привыкли к тому, что фотон не имеет массы покоя. Так же и «Пустое Нечто» не имеет покоя.

А в состоянии движения это «Пустое Нечто» способно продуцировать циклический процесс «сгущения — разрежения» материи как отклик на приходящие в эту среду полевые импульсы извне.

Откуда? Из другой межсистемной среды. Ибо извечность мира означает не его одномоментное и повсеместное образование, а появление в данном «Пустом Нечто»

сигналов из других миров, являющихся «спусковым крючком» к формированию из данной среды собственного Мира.

Из желания абсолютизировать окружающий нас частный Мир, заменяя им миры вообще, первобытное мышление, не могущее проникнуть дальше Видимого, придумало Бога, давшего толчок нашему развитию. Основное заблуждение, из которого не сумела выйти теология, и которое не было разрушено и материализмом, заключалось именно в том, что рассматривался лишь наш Мир как замкнутая в себе система. Все же воздействия извне, которые существовали, существуют и будут существовать, приписывались не взаимодействующей с нами космической среде, а некоему Разумному Творцу — Богу.

Но ведь стоит признать лишь одно, что наше «Пустое Нечто» — это только часть циклически функционирующей и развивающейся космической среды, посредством которой мы общаемся с другими мирами, находящимися на иных стадиях своего жизненного цикла, как «многое становится на место».

Наша Вселенная есть открытая система — часть мирового ряда, в котором сгущения пустоты образуют полевые кванты, уплотняющиеся до состояния частиц. Частицы притягивают на себя полевую энергию, в результате чего частицы растут, размножаются и структурируясь, образуют группы, а затем и системы. «Энергия есть начало, сопутствующее количественным изменениям вещи» (Д. Панин, с. 18).

Разрежения пустоты как вакуум втягивают в себя все продукты (материальные-вещественные, энерго-информационные и другие) жизнедеятельности систем, вновь насыщая среду сигналами, которые провоцируют процессы флуктуации уже иного «Пустого Нечто».

Новый виток спирали формирует новый Мир со всеми его многогранными проявлениями.

Обращаясь взором к далеким звездным мирам, которые в силу своей несоизмеримости с нашей Землей явно образуют иную супер-систему, мы неизменно видим спиралеобразные образования из множества элементов — звезд.

«Рукава спиралей, вращаясь, постоянно засасывают окружающую энергию, направляя ее к центру. В центре ускорения энергия отдает свою кинетическую силу на создание материи и ее разогрев... Наше Солнце тоже вращается... Солнечный ветер и его магнитное поле «выметают» из околосолнечного пространства галактическое поле и его среду. В результате образуется кокон, на границах которого уравнивается давление солнечного ветра и галактической среды. В этом коконе-полости Солнце черпает свою энергию.

Земля также вращается, и за счет своей магнитосферы, через полярные каспы, отбирает необходимое количество энергии Солнца, сбрасывая излишки в магнитосферу.

Человеческий зародыш первым делом при своем развитии также образует амниотическую полость. Он отгораживается от внешней среды и создает себе наиболее благоприятные условия существования и развития... В итоге получаются..:

два пути «питания» — материальное через пуповину, идущее в корень всех энергетических каналов, а через кожу — энергетическое, оба осуществляются с границ амниотической полости (родового пузыря) (Г.П. Малахов, т.2, «Биосинтез и биоэнергетика», с. 74-75) и там же: «Потоки (энергетической) плазмы, (составляющей праническое тело человека), подчиняясь закономерностям приема и отдачи окружающей энергии, строят форму внутренних органов в виде воронок, спиралей, капель. Вода, подчиняясь этому движению, оконтуривает внутренние органы: сердце имеет форму воронки, а мышечные волокна в нем расположены в форме спиралей; печень имеет форму капли, она подобна раковине; волосы на голове закручены в воронку с центром на макушке; сам головной мозг имеет форму спирали; глаза подобны двум вихрям, вращающимся сквозь собственный центр; лабиринт уха повторяет раковину улитки; тонкий кишечник лежит в форме спирали. Итак можно проследить массу соответствий. Все тело построено подобно сферическому вихрю» (Г.П. Малахов, с. 14). Эти примеры позволяют пояснить суть и цель энергоинформационного содействия эволюции открытых систем.

Космическая энергия, возбуждая в нашем «Пустом Нечто» процессы «сгущения-разрежения», приводит за счет уплотнения образовавшихся квантов к появлению вещественных частиц.

Избыток энергии, притягиваемой частицей, приводит к тому, что она начинает дробиться на части, которые вновь обогащаются энергией (в том числе и за счет прошедшего времени). Начинается процесс самопроизводства. Это имеет место не только применительно к вещественным, но и к нефизическим объектам.

Новое — это соединение частей уже имеющегося. Из множества природных звуков формируется «звездная музыка». Чтобы написать новую (и неплохую) статью, надо из нескольких опубликованных ножницами выстричь куски (или мысли) и сложить из этих «кубиков» оригинальный опус. При этом структурное соединение частей в новые информационные образования и системы есть процесс творческий.

Информационные воздействия межгалактической среды содействуют тому, что разрастающееся количество этих частиц (частей) структурируется в виде коалиций, превращающихся затем в специализированные органы. Энергия, запасенная в структуре вещества, идет на поддержание внутренней развивающейся организованности и на энергию действия объекта-субъекта.

Спиралеобразная форма объектов — не случайна. Анализируя различные виды структур, В.В. Дружинин и Д.С. Конторов в книге «Проблемы системологии» (с. 82-83) показали, что «при равных габаритных параметрах наибольшую поверхность и наиболее высокую интенсивность взаимодействия со средой могут иметь объемно-спиральные конфигурации (или при равной интенсивности взаимодействия наименьший размер)... Они (объемные спирали) наиболее экономны, так как локализованы в минимальном для заданной поверхности взаимодействия объеме».

Поэтому именно объемные спирали и составляют наиболее развитую, наиболее эффективную структуру любой сложно организованной системы. Эта оптимальность формы содействует и оптимальности содержания.

Энерго-информационные и иные трансфизические поля вокруг объекта-субъекта взаимодействуют с полевой средой, а затем уже феномены тонкой полевой материи воздействуют вглубь на материально-вещественные образования. И этот процесс обмена внешнего поля с внутренней материей и составляет «жизненный цикл» системы, который для каждой развивающейся системы, вообще говоря, индивидуализирован.

Пространственно-временные коллизии.

Писатели-фантасты не зря придумали «машину времени», перенося нас в иные миры, где действует иное время. По-моему, такая версия не только правдоподобна, но и относительно верна. Из осторожности я говорю «относительно», потому что придерживаюсь мнения о невозможности ничего абсолютного, т.к. Абсолют тождественен неизменности, а это — конец всего.

Трагедийным недоразумением мне представляется тезис об универсальности категорий времени и пространства. Будто бы в едином мировом пространстве, характеризуемом тремя привычными категориями: длина, ширина, высота существует все, что есть. И это все живет по одним законам, а главное — в едином времени.

Сколько неразрешимых тупиковых вопросов породило такое утверждение. И умнейшие головы неоднократно придумывали всяческие ухищрения вроде теории относительности только для того, чтобы сохранить представления о трехмерном едином пространстве (пусть даже с лоренцовыми искажениями) и однонаправленном времени.

Постулаты — опаснейшая штука. Они задают направление мысли, которая наталкиваясь когда-то на непреодолимое препятствие, пытается найти брешь и рвануться дальше. Но натыкаясь на затянутый паутиной тупик, мы все больше и больше запутываемся и, обессилив, взываем: Господи, помоги.

Но помочь мы можем себе сами, если спиралеобразно вернемся к началам познания и заменим исходные постулаты. Снимем оковы универсализма, восходящие к канонам Аристотеля, и облегченные, с новыми силами выйдем на очередной виток познания, позволяющий нам избежать прежних тупиков. И на этом новом витке когда-то мы встретимся с непреодолимыми трудностями, и нам снова придется повернуть якобы назад, а на деле — вперед. Ибо спираль — это не точный возврат к старому, а оборот вблизи фокуса старых истин, где под влиянием уже набранного ускорения познания и под влиянием притяжения других истин мы приобретаем новую энергию мысли, возвышающую нас и раздвигающую горизонт нашего видения.

В чем же состоит обещанная смена парадигмы?

В отказе от универсальности понятий единого времени и единого пространства как общемировых категорий существования материи и признании того факта, что пространство и время — индивидуализированы, т.е. являются такими же имманентными (внутренне присущими) свойствами — характеристиками любого

объекта, любой системы, любого Мира (из бесконечного ряда), как их габарит, их масса (плотность), их прана — внутренняя энергия, их тезаурус, их аура (полевая оболочка), их целевая функция.

Такие предположения — не новы. Они давно упоминаются и в нетрадиционной (для нынешнего времени) литературе Востока, и в некоторых философских трактатах одиночек XX века, и уже в научных изысках современных неортодоксов. Новое — это хорошо забытое старое. Не приводя подробного критического разбора эзотерических представлений и опусов неосовременных ниспровергателей авторитетного доктринерства, на суд читателя (для размышлений, а не утверждений) попытаюсь дать свою версию этих понятий в том виде, как это поможет, надеюсь, дальнейшему описанию процесса развития мира как открытого множества супер-, мета- и просто систем различной субстанции.

Если брать у своих предшественников не то, что желаешь отвергнуть, а то, что помогает строить новое мироздание, то насколько может быть облегчена участь строителя.

Да, Э. Кант, казалось бы, категорично и логично доказал, что «пространство не есть форма вещей, свойственная им самим по себе», а «различные времена суть лишь части одного и того же времени» («Критика чистого разума», — М:Мысль, 1994, с. 54-55). Однако он же выдвинул и другое толкование этих категорий, открывающее дорогу нашему представлению.

«Пространство есть не что иное, как только «субъективное условие чувственности» (с. 52), а «время есть лишь субъективное условие нашего (человеческого) созерцания» (с. 57). Тем самым отвергается идея абсолютного пространства — времени, эти категории связываются с субъектом. В то же время, признавая реальность существования других предметов вообще и других субъектов (см., например, С.Н. Трубецкой, Сочинения, М.: «Мысль», 1994, с. 34), следует признать наличие и у них собственного пространственно-временного представления. Тем самым мы и приходим к тому, что так усиленно отрицал Э. Кант.

Отрицание отрицания возвращает нас не на исходные позиции, а на более полное понимание истины. Истина — не в наличии абсолютных догматических утверждений, а в признании реальности «чужого Я», обладающего своими императивами.

Пространство есть принадлежность объекта, пространство — это объемное представление системы вместе с окружающей ее полевой оболочкой (аурой всех физических, трансфизических и трансцендентальных вещей). Пространство любой системы много-координатно (больше трех), ибо по каждой из координат простирается свое поле из числа окружающих вещь (предметов, тел, символов, идей и т.д.) «тонких» субстанций.

Но так как каждое тело — система живет, изменяя и свои габариты под влиянием роста или деградации числа своих элементов, изменяя объемные размеры своей ауры, то пространственная характеристика того или иного тела (а не часть

общемирового абсолютного пространства, которую это тело занимает) есть вещь непостоянная.

Пространство дышит, пульсирует в зависимости от состояния объекта и в зависимости от воздействий межсистемной среды на данное тело, которое, прежде чем достигает его внутренних слоев, сказывается на его пространственном воплощении.

Пространство есть ареал распространения не только самого в т.ч. и распределенного объекта (например, муравьиной кучи), но и зона влияния этого объекта на окружающую среду. Пространство системы подвижно, ибо эта зона не остается неизменной под влиянием внутренних и внешних причин.

Пространство многогранно. Например, помимо физического тела, имеющего свои размеры, человек имеет «энергетическое тело», напоминающее по форме яйцо, состоящее из плазмы как совокупности свободных электронов и положительно заряженных частиц. «Хорошо развитое плазменное тело далеко выступает за пределы физического (на 3 и более метров)» (Г.П. Малахов, кн. 2, с. 11, 56).

Пространственная форма Земли связана с окружающей ее атмосферой, стратосферой и другими сферами. Человеческое сообщество как живая супер-система простирается в зону биосферы, а как совокупность мыслящих существ формирует ноосферу — пространство Разума.

Существует духовное пространство как ареал соответствующего влияния отдельных Личностей, этносов и других человеческих сообществ.

Созвездия — это пространство определенной звездной системы. Не просто часть абсолютного мирового пространства, а именно — проявление данной группы космических объектов.

Живет объект — переменчиво и его пространство. Оно циклирует в соответствии с циклом жизни самого объекта.

Молекулы размножаются и растет молекулярное пространство. Гибнут молекулы — сокращается и их ареал. Колонии полипов, трава, пробивающаяся сквозь асфальт и сникающая под тяжестью осенних заморозков. Ребенок растет и превращается в молодого человека — его пространство «рыщет» в поисках суженого — смыкаются пространственные тела душ — рождаются кванты радости и любви — сливаются физические тела — рождаются дети. Новые пространственные поля и тела могут не только следовать за своими физическими родителями, но и, насыщаясь энергией — информацией, отделяться и образовывать новые пространственные образования, вначале в виде полевых структур, а затем, уплотняясь все более — и в виде физических тел.

Итак, пространство может не только порождаться телами, но и порождать их. Система через свое пространство воздействует на окружающее «Пустое Нечто», иницируя в нем собственное колебательное движение в виде «сгущения-разрежения», что в конце концов приводит к образованию новых пространственных тел.

Для объяснения эффекта перехода от одних вещей — систем к другим через межсистемную среду — «Пустое Нечто» Д. Панин и некоторые другие авторы вводят специальные понятия «пространство-пси» и «энергия-пси». В частности, у Д. Панина «субстанция пустоты есть потенциальная форма энергии пси» (с. 18), а все «элементарные частицы связаны со своими пространствами-пси» (там же). И эта модель противостоит дуальному образу «частица-волна». По сути дела пространство-пси это и есть та аура, которая окружает любое тело. А энергетическая часть этой ауры (энергия-пси) и есть субстанция, посредством которой одна аура взаимодействует с «Пустым Нечто», а через него формирует новую ауру и новое тело. Но это — не полный арсенал средств, с помощью которых одно пространственное тело формирует другое. Существует информационное взаимодействие систем посредством среды. Так что следует говорить не только об энергии-пси, но и вообще о полях-пси как носителях той ауры, тех полевых образований, которые, окружая данное тело, взаимодействуют с «Пустым Нечто», передавая через него энергию, информацию, мысль, чувства, душевные качества новообразованиям, составляющим другую системную группу.

Все эти энерго-информационные и духовно-физические трансформации происходят в полевом пространстве-пси на субатомарном, субфотонном, субсимволическом уровне. Монады — единичные элементы взаимодействующих систем в процессе этих трансформаций делятся на еще более дробные структурно-функциональные образования, и их перегруппировка, осуществляемая в подсистемах, как бы вытесняет пространство-пси из прежней межсистемной среды, заменяя часть этого пространства аурой новых дробных систем.

Подобно тому как молекулы, перестраиваясь и перегруппировываясь, образуют новые органы и новые тела, следует ожидать, что под воздействием информационных, гравитационных, лептонных и других полей, в т.ч. и нефизической природы, и химические элементы в межсистемной среде могут превращаться друг в друга, реализуя мечту всех алхимиков. Но и нейтринно-электронные системы микромира, взаимодействуя с пространством-пси, не остаются неизменными, а посредством своей ауры проявляют субнейтринные и субэлектронные трансформации.

Ведь электрон также неисчерпаем, как и Вселенная. Но эта неисчерпаемость необязательно связана с его механическим делением на части, а может проявиться в новых объективно существующих, но впервые обнаруженных нами свойствах объекта, а следовательно, в его более полном пространственном представлении, т.к. каждое свойство образует свою ауру предмета.

То, что Д. Панин писал применительно к физическому миру, может быть обобщено на все виды возможных полевых оболочек и полевых взаимодействий в мире открытых систем.

«Абсолютное пространство отсутствует... Пространство физического (любого — В.Б.) мира... состоит из ряда пространств, принадлежащих астрономическим (любим — В.Б.) объектам с их полями... и из множества пространств-пси окружающих космические частицы (любые тела — В. Б.) (Д. Панин, с. 29).

Здесь следует сделать оговорку. В отличие от вышеприведенного тезиса Д. Панина пространства-пси следует отождествлять не столько с аурой, окружающей тела, сколько с пространством межсистемной среды, в которой происходит полевое воздействие между телами, точнее говоря, между их аурами. Это полевое взаимодействие тонких субстанций, как отмечалось, может и трансформировать полевые сигналы одного объекта в полевые явления другого типа. Например, именно это пространство-пси ответственно за то, что слабые космические электромагнитные сигналы, воздействуя на полевую оболочку косной материи, вызывают в ней процессы, которые затем инициируют возникновение предбиологических тел. На это указывалось и в кн. Казначеева В.П. Спирина Е.А. «Космопланетарный феномен человека» (изд. «Наука», Сиб.отд. 1991 г.). Итак, нет самостоятельно существующего абсолютно пустого пространства, в котором помещаются отдельные тела. Есть пространства, являющиеся мерой объемного и трансфизического выражения протяженности любых тел вместе с их полевыми оболочками; и есть пространства-пси — «Пустое Нечто», в которых происходит обмен трансформируемыми друг в друга полевыми воздействиями аур этих тел.

Когда взаимодействующие тела сближаются настолько, что их полевые оболочки смыкаются и взаимодействуют напрямую без посредничества пространства-пси, эти объекты становятся соизмеримыми элементами единой коалиционной системы, имеющей общую ауру. Этот достаточно распространенный случай непосредственно взаимодействующих (в нашем представлении) друг с другом систем материального мира и привел к распространенному пониманию пространства как объективно существующей реальности — общего места, отдельные части которого заняты телами.

Однако теория однородного пространства уже была поколеблена явлениями макромира, связанными с изменением пространственных мер при измерении сверхбольших расстояний. Интерпретация этих явлений с помощью теории относительности привела к появлению пространств, искривленных в результате действия сил тяготения.

Эйнштейн, в частности, утверждал, что «гравитационное поле можно создать простым изменением координатной системы». Однако геометризация физики уводила нас от возможности дать наглядно-философскую трактовку понятия общего пространства всех тел.

Принимая тезис, что абсолютного общего пространства нет, снимается сама проблема подобной трактовки, т.к. искажение гравитационного пространства отдельных тел связано не с искусственным геометрическим преобразованием Лоренца, а со свойством пространственной ауры этих тел.

Подобное искажение может иметь место не только от влияния гравитационной массы, но и от энергетического, информационного, психического и других проявлений системы.

Для характеристики межсистемного пространства-пси В.А. Фогель и М.А. Шепсенвол (в кн. «Проблемы пространства и времени...» Ленинград, 1991, с. 207-208)

вводят некий безразмерный параметр θ , который по сути является и самостоятельным параметром вакуума и может меняться не только под влиянием больших масс, но и под действием других факторов, таких как изменение плотности или спектра нулевых колебаний вакуума, эфирного ветра и т.д.... Это — скаляр, который выполняет роль масштабного коэффициента, входящего во все фундаментальные законы физики (и не только физики — В.Б.). Параметр θ аналогичен таким понятиям, как коэффициент преломления в оптике, диэлектрическая и магнитная проницаемость,... (а также) гравитационной проницаемости среды... Все материальные объекты, находящиеся в пространстве с переменным θ стремятся «затянуться» в область с максимальным значением θ , поскольку при этом их энергия уменьшается в q раз по сравнению с энергией при $\theta=1$. Это и есть гравитация».

Параметр θ может быть использован в более общем случае пространства пси, характеризующего межсистемную среду в мире объектов не только физической, но и биологической и нематериальной природы. Втягивание тел в область с максимальным значением θ означает, что энергия и другие субстанции, посредством которых объекты взаимодействуют (в частности, информация, знаки, духовные помыслы), в своем свободно проявляемом виде (энергия действия) уменьшаются, зато они переходят в более связанный вид (структурная энергия, структурная информация).

Процессы из внесистемной среды переносятся в глубь системы, увеличивая и негэнтропию и способствуя повышению их организованности и саморазвития. Это саморазвитие есть проявление внутренних процессов под влиянием запасенного извне материала (энергии, информации, идей). Межсистемная среда, казалось бы, при этом должна истощаться. Однако так происходит только в том случае, если развивающиеся системы не увеличивают свой тезаурус, свой энерго-информационный и интеллектуальный потенциал, а транжируют его, деградируя и распыляя свои монады хаотически в общее пространство-пси.

По крайней мере, в этом пространстве увеличивается неструктурированная энергия, порождаемая временем.

Целенаправленное же развитие систем заполняет межсистемную среду более организованной продукцией деятельности этих систем — новой информацией, новыми идеями и творениями разума и духа. Эти тонкие полевые образования, увеличиваясь в своей нематериальной массе, при соответствующих условиях «оседают» на пылинках мироздания и, уплотняясь, формируют новые объекты, разрастающиеся в системы. Центрами такой кристаллизации, скорее всего, являются не просто случайные частицы праматерии, а полевые сгущения, образованные наложением кучностей энергетических, информационных и других волн в межсистемной среде. Так из «Пустого Нечто» рождаются высокоорганизованные системы.

Эти наши рассуждения близки к вновь появляющимся версиям динамического эфира.

Ссылаясь на С.И. Вавилова, утверждается (см. статью В. Ацюковского в кн. «Проблемы пространства и времени...», с. 116), что опыты Майкльсона не дали оснований для выводов о нулевом влиянии эфира, что породило теорию относительности Эйнштейна. «...Эфирный ветер все-таки был получен, хотя его скорость и оказалась 3-8 км/с вместо расчетных 30 км/с». Радиолокационные наблюдения Венеры в интерпретации Б. Дж. Уоллеса и В.И. Северина позволили этим авторам сделать предположение о том, что «скорость вращения наблюдателя вместе с Землей и ее орбитального движения необходимо складывать со скоростью света для получения правильных значений расстояний» (там же, с. 256).

Поэтому Б. Дж. Уоллес предлагает «вернуться к концепции светоностного эфира в динамической форме... Эфир должен быть подобен сжимаемой жидкости и является первоосновой материи во Вселенной. Фотон или нейтрино должны состоять из этой материи, движущейся по прямой, а частица или корпускула — из этой материи, движущейся по замкнутой круговой орбите... Время определилось бы при помощи периодического движения, а пространство — при помощи поступательного движения эфира» (там же, с. 258).

Ранее высказанные соображения о межсистемной среде, пространстве-пси, «пустом Нечто» в чем-то совпадают и с гипотезой Б. Дж. Уоллеса.

Полевые образования переносят воздействие от одной системы к другой. При этом большинство полей в виде ауры концентрируются вблизи их источников. И лишь электромагнитные, гравитационные поля являются дальнодействующими, пронизывая всю видимую Вселенную. Гравитационное поле носит волновой характер, но иного класса — не поперечных, а продольных волн. К. Бутусов (там же, с. 388) ссылается на опыты, которые можно истолковать как дифракцию гравитации, а возможно, проявится и интерференция — чисто волновой эффект гравитационного поля.

Еще более дальнодействующими являются так называемые хрональные поля. Согласно общей теории А. Вейника (см. в кн. «Познай себя» — прилож. к ж. «Свет» (природа и человек) — М.:1994, с. 70-71) преобразования время-энергия и энергия-время происходят с участием хрононов — квантов времени. Хрональное излучение несет в себе энергетический потенциал и информацию о процессах, его порождающих. Проникая повсеместно в пределах Метасистемы, это излучение взаимодействует с плотными структурами, передавая им энергоинформационные (а возможно, и другие, например, гравитационные) сигналы.

Эти сигналы взаимодействуют с голографическим телом объекта за счет действия сил, появляющихся в точках высокой концентрации хронального поля.

Возможно, именно хрональное поле ответственно за явления трансмутации химических элементов и биологических клеток, протекающие за счет привнесенной энергии (там же, с. 81).

Голографическое тело (как картина, отражающая взаимодействие аур, так и полевая структура, формирующая физическое тело) «образуется благодаря двум

слагаемым: фоновому хрональному излучению и ритмической структуре внутреннего строения вещества» (М. Жуков, там же, с. 72).

В работах Института клинической и экспериментальной медицины Сибирского отделения Академии медицинских наук (В.П. Казначеев) делаются попытки зафиксировать результаты действия полей на биологические объекты. Однако наука не нашла способы (да и не искала) анализировать полевое взаимодействие нефизической природы. Это объясняется, на мой взгляд, тем, что весь приборный парк науки основан на физической (электромагнитной) диагностике, тогда как человек, живые существа (птицы, летящие домой за тысячи километров) обладают, по-видимому, рецепторами иных полей, в том числе и дальнодействующих, имеющих иную природу. Наши метрические системы просто несоразмерны и несоизмеримы со всеми полевыми сигналами, окружающими нас, и потому мы не можем нашими обычными органами чувств, многократно усиленными физическими приборами, уловить экстрасенсорные, психические и другие взаимодействия субъектов, их ауры и пространственные свойства.

Но общность структуры и принципов взаимодействия объектов физического и трансфизического миров от этого не меняется.

Объекты — это более плотные образования, имеющие вид корпускул, это — системы, а их полевые оболочки (в т.ч. и пронизывающие сами тела), — это их аура, которая вместе с пространством-пси составляет межсистемную среду.

В зависимости от пространственных свойств ауры объекты могут сближаться, образуя коалиции и системы. Если ауры — пространственно сильнодействующие поля, например, гравитационная аура или аура объектов — сильных электромагнитных генераторов, то эти объекты могут быть удалены друг от друга.

Так, гравитационная аура, определяемая массой тела, пульсирует со сверхнизкой частотой; поэтому звезды в гравитационном поле расположены так редко. Они размещаются в пучностях гравитационных волн, имеющих достаточно большой период колебаний.

В геологической среде Земли аура минералов, по-видимому, имеет гораздо более высокую частоту пульсации, поэтому минералы упакованы более плотно.

В микромире среда еще более высокочастотна, и расстояния между объектами малы. Но эта «малость» должна определяться не одномерной шкалой протяженности, а соотношением частоты пульсации соответствующей ауры предмета и «размерами» того свойства предмета, которое эту ауру и создает. Это могут быть свойства тяжести, энергонасыщенности, структурной организованности и т.д.

Поэтому *расстояние между предметами кратно длине волны соответствующей ауры*. Электроны, согласно принципу Паули, находятся лишь в разрешенных местах. А эти места, вероятно, связаны с длиной волны испускаемой или принимаемой ими полевой ауры.

Пространство мысли, по-видимому, тоже подчиняется этому правилу, чередуя плотные структуры (специализированные органы — тезаурусы) и разреженные

полевые пространства не произвольным образом, а в соответствии с длинами волн мыслительных процессов.

Закручивание волны в спираль, происходящее в пространстве-пси, по принципу экономии полевых воздействий (энергии, информации, символов, идеи и т.д.), формирует периодическое движение, уплотняющее образовавшуюся пучность (густоту) эфирной среды. А это уплотнение, как пишет Б. Дж. Уоллес, определяет время.

Таким образом, время есть характеристика не некоего универсального движения в абсолютном пространстве, а индивидуальное свойство каждой системы, определяющее скорость процессов формирования и развития, скорость жизненного цикла данной системы.

Разумеется, в своей жизненной практике мы ощущаем якобы **единое время** и говорим о **разной скорости**, с которой движутся и живут различные объекты: вековые минералы и столетние дубы, бабочки-однодневки и много повидавшие черепахи.

Но ведь это условность, введенная в обиход постулатом Аристотеля: «Время же равномерно везде и во всем... Время есть число каждого движения. Поэтому оно есть число непрерывного движения вообще, а не какого-нибудь определенного вида» (Аристотель. Физика, Соч. в 4-х т., т.3 — М.: Мысль, 1981).

Аристотель прав, говоря лишь о тех формах непрерывного движения, которые характерны для корпоративного действия систем и где время, действительно, едино.

Смена дня и ночи одинаково воспринимается многими живыми существами на Земле. Мы встаем, умываемся и приступаем к работе. Вместе с нами это делают множество тварей. Но... один день мы проснулись и чувствуем себя выспавшимися, бодрыми в 6 часов утра, а на другой — и к 8 часам с трудом заставляем себя оторваться от подушки. И даже наши «четвероногие будильники» — собаки в зависимости от своего состояния начинают взывать к нам, просясь на улицу, в разные часы.

Наше временное поведение определяется нашим состоянием, точнее говоря, состоянием нашего энергетического тела — пространства праны, которое связано со многими другими аурами нашего тела и окружающей средой.

Мы живем, ориентируясь на смену дня и ночи, лета и зимы, возраста детства и взрослости, на условный календарь лет и веков. Есть время московское и местное, есть средневропейское.

В Китае, например, отменили часовые пояса, и все живут по единому пекинскому времени. На наших железнодорожных и авиационных трассах тоже принято единое — московское время. Принято, а не есть. Потому что наши биологические часы идут совсем по-другому, подчиняясь лунным и солнечным циклам, доходящим своей амплитудой до наших географических широт. И человек как многочастотная система, генерирующая свои собственные колебания, взаимодействует с этими космическими внешними колебаниями, реагируя на них

пульсом своих внутренних органов. «Например, резонансная область частот для общей пассивной массы человека находится в пределах 4-5 Гц (волновой период колебаний 1,2-1,5 с), печень резонирует при 6-10 Гц (0,6-1,0 с), биотоки мозга занимают интервал 0,5-2,0 Гц... Период сердечных сокращений — 0,8 с, кругооборот крови по большому кругу — 22 с, по малому — 4-5 с. Работе дыхательного центра в норме соответствует период 6-8 с (Н.Н. Сазеева, В.Б. Поляков в кн. «Проблемы пространства и времени...», с. 249). Все эти биоритмы имеют своих резонансных напарников в высоко- и низкочастотных микросеймах, в которых отражаются колебания и вибрации космических и геофизических параметров. Эти данные служат подтверждением «универсальности информационного типа взаимодействия биосистемы с внешней средой, вне зависимости от природы внешнего фактора» (там же, с. 250). Поэтому каждая система (не только организм, но и орган) функционирует в своем ритме, определяемом его взаимодействием со средой.

«Временной ход у каждой материальной системы свой, определяемый ее энергообеспеченностью в данный момент, а потому непостоянный, т.е. временной ход системы отражает степень ее взаимодействия с физическим вакуумом, откуда звезда и черпает энергию... Физический же смысл времени — это удельная плотность энергии системы... Земное Время тоже оценивается энергетическим уровнем нашей планеты... Каждый организм... живет... со своим собственным временным ходом (В.А. Котлов в кн. «Проблемы пространства и времени...», с. 339-340).

Природой времени (в данной трактовке, которая кажется нам не менее правдоподобной, чем нынешнее абстрактное понятие «время») является динамика взаимодействия полевых сигналов, приходящих извне энерго-информационных и других волн, с колебательными движениями тела и его ауры, в результате чего пространство системы становится пульсирующим полем.

Частота этих пульсаций определяется числом результирующих волн, уменьшающихся во внешней пространственной оболочке данного тела; а величина, обратная частоте пульсации, может быть принята за единицу времени. Т.е. единица времени есть часть пространства результирующей ауры тела, приходящаяся на один импульс (один квант, одну волну) ее циклического полевого «дыхания».

Если это — энергетическая аура — прана, то следует говорить об энергетическом (физическом) времени; если рассматривать ауру тела разума, то мы будем иметь дело с мыслительным временем: для ауры души — духовное время.

Не отсюда ли различные оценки скорости мышления и передачи мыслей на расстояния для различных субъектов; не этим ли особым временем мы должны оценивать свои душевные порывы, которые практически в тот же момент (т.е. с величайшей скоростью распространения) отдаются в душах других лиц, настроенных на вашу волну.

Поэтому биологическое время — это жизненный цикл системы.

Так, для бабочки-однодневки все процессы ее биологического развития — от стадии личинки до порхающего создания — протекают исключительно интенсивно. Но высокая энергетическая плотность этого существа, определяемая высоким ритмом

ее биологических процессов, зависит не столько от величины приходящей извне энергии, а, повидимому, от чрезвычайно малых размеров пространства ее ауры.

Мелкие насекомые (комары), мелкие цветы (одуванчики) «жмутся» друг к другу, так как плодятся и растут обильно. Их пространственная аура невелика — они и так тесно соприкасаются; поэтому их энергетическая плотность и биоритм высоки, а время жизненного цикла — незначительно.

То, что имеет малые размеры, восполняет себя массовостью — числом особей. Это — предположение, но сколь часто оно реализуется в природе. Несчетно число травин в поле, листьев — на деревьях, мелких рыбешек — в воде.

Большие особи живут по-одиночке. Чтобы общаться друг с другом, им надо иметь большие пространственные ауры, и энергия жизни, которой они подпитываются извне, имеет в этом пространстве низшую плотность; оттого их жизненный цикл кажется таким продолжительным.

Баобаб — одиночное дерево, и по сравнению с массовой колонией травы живет значительно дольше.

Дерево на открытом пространстве и дерево в чаще леса получают извне, казалось бы, неодинаковую энергию. Но в близости друг к другу их аура более сжата, и потому плотность энергии (при разной ее величине), а следовательно и жизненный цикл могут не отличаться друг от друга.

Ну, ладно, скажет читатель, можно говорить о каких-то биологических часах для объектов (субъектов) живой природы, подверженных воздействию био- и иных полей. А вот уже механика и электроника обладают прецезионной точностью. Никакой ауры у этих тел не существует. Ан, нет. Существует. Может быть, и иной природы, но есть.

Так, белорусский ученый А. Вейник экспериментально обнаружил замедление хода времени электронных часов, происходящее при погружении в сон их хозяина.

По крайней мере, плотное вещество обладает большой гравитационной аурой, а в силу дальнего действия гравитационных полей приходящая извне энергия так рассеивается в окружающем тело пространстве, что ее плотность ничтожно мала. А следовательно, и ритмы жизненного цикла этого косного тела чрезвычайно малы.

Потому и кажется, что камни живут вечно. Но ведь и у Земли и у космических тел есть свои «биоритмы».

Так, взаимный анализ геологических и галактических процессов, когда их длительности уже становятся соизмеримыми, позволяет сделать предположение, что «овеществленное геологическое время выступает как диалектическое сочетание циклического обратимого времени, выражающегося в циклических геологических процессах, и абсолютного времени, проявляющегося в необратимости, направленности геологического развития» (А. Шпитальная и др. в кн. «Проблемы пространства и времени...», с. 99). Здесь с авторами можно согласиться лишь частично. Признавая цикличность геологических процессов, они тем не менее признают и абсолютную однонаправленность во времени «геологического развития».

Эта однонаправленность, а следовательно, и абсолютное время — лишь кажущиеся неизменными этапы (временные отрезки) еще более медленных, но опять-таки циклических галактических процессов, которые как бы модулируют пульс Земли. Наложение этих двух процессов приводит к тому, что в фазовой плоскости (состояние — скорость его изменения) пульсации приводят не к замкнутым кривым, а к спиралям. Витки этой спирали соответствуют циклоидам, связанным с пульсациями ауры одиночного объекта, а разворот (раскручивание или закручивание) спирали определяется пульсациями общего поля системы из этих взаимодействующих объектов.

Именно эволюция «жизни» вдоль раскручивающейся (кажущейся бесконечной) спирали — это и есть нить времени. Такое представление о времени бытовало еще у народов майи, и к нему мы «возвращаемся» и сейчас. Недаром эволюционная теория геологического развития дополняется концепцией катастрофизма Ж. Кювье. «Катастрофы» как бы поворачивают ход времени вспять, а на самом деле — на новый виток спирали развития, соответствующей подъему — спаду энергетического воздействия извне, отчего гибнет древняя и зарождается молодая флора и фауна на Земле.

Геохронометрия фиксирует цикл приблизительно в 220 млн. лет, связанный с продолжительностью галактического (сидерического) года — периода обращения Солнечной системы относительно центра Галактики.

Видимо, этими циклическими процессами можно объяснить геологическое явление увеличения (примерно за это же время) радиуса Земли в 2 раза, а ее массы и силы тяжести на поверхности — в 8 раз (см. К. Бутусов, там же, с. 301). За это время космическая энергия, приходящая на Землю извне, переформировала не только ее оболочку — ауру, но и уплотнило само тело Земли, преобразуясь в ее недрах в магматическое вещество, распирающее изнутри земную поверхность.

«Скорость процессов роста различных физических параметров (массы и радиуса Земли, ускорения свободного падения) пропорциональны величинам этих параметров. Следовательно, сама их величина может служить мерой протекшего времени, а скорость изменения величины параметра — мерой темпа времени» (там же, с. 307).

Учитывая, что ускорение свободного падения тела в южном полушарии земли меньше, чем в Северном, что, по-видимому, связано с неоднородностью гравитационного поля — ауры Земли, автор делает вывод о том, что эволюционные процессы в Северном полушарии опережают таковые в Южном. Не есть ли это геокосмический признак лидирующей роли индустриального Севера по сравнению с отставшим от него в развитии (на данном витке эволюционной спирали) цивилизации Юга.

Не есть ли открытие в разных частях Земли протогоминид открытием одной и той же эволюционирующей (на гребне волны), погибающей (в ее провалах) ветви живых существ, находящихся под воздействием космоэнергетических (и других) пульсирующих факторов. Ибо земля во время своего жизненного цикла не только

пухнет и сокращается, но и, очевидно, поворачивается к этому волновому энергетическому потоку разными частями — то Юго-Восточной Азией, то Южной Африкой, то Центральной и Южной Америкой. Точнее говоря, теми местами, где ныне расположены эти континенты.

Но и сам сидерический год квантуется на более короткие циклы: 35, 56, 70, 56 млн. лет (зима, весна, лето и осень галактического года).

«Наличие короткого геологического периода можно объяснить быстрым перемещением Солнечной системы (относительно центра Галактики) по участку эллиптической орбиты в окрестности перигалактия, а наличие большого периода объясняется медленным перемещением Солнечной системы по участку орбиты в апогалактии» (там же, с. 100).

Времена галактического года, по-видимому, квантуются на еще более дробные временные периоды, в которых состояние земной ауры также не оставалось постоянным, т.е. процессы земного существования осуществлялись разнотемпово, что можно опять-таки объяснить различной плотностью энергии в оболочке Земли в различных ее состояниях по отношению к потокам из Космоса. Этим периодическим космоэнергетическим и космоинформационным воздействием на различные участки Земной поверхности можно объяснить и появление (с определенным жизненным циклом в 2000 лет) этнических сообществ, и периодическое возникновение в различных зонах человеческого сообщества различных культур и их перемещение по планете.

Свойством любых открытых систем является не орбитальный, а спиралевидный процесс их развития. Даже диск Галактики обладает спиральной структурой, т.к. она находится под воздействием других галактик, деформирующих, возмущающих ее движение. А сами галактики также образуют спиралевидную метagalacticкую систему. И так далее.

«Выпадение объектов (Солнце) из спирального рукава в некую «область коротации», где скорость твердотельного вращения спиральной волны плотности равна скорости дифференциального вращения Галактики, ... (т.е. область коротации вращается вместе со спиральным узором с одинаковой угловой скоростью и потому независима от него)... и привело к возникновению жизни на Земле» (там же, с. 104).

Поэтому пространство и время — это не абсолютные категории, а формы существования материи, не отделимые от нее, имманентные свойства тех систем, в которые материя организуется.

«Пространство — абстракция одного из свойств тел — протяженности. Время — абстракция движения тел в пространстве. Пространство и Время не могут существовать отдельно от тел, точно так же как тела не могут быть вне времени и пространства» (Н. Невская, там же, с. 78).

Но и в данном случае необходимо сделать две поправки. Во-первых, абстракции — это не просто выдумки ученых, это — идеи, взятые из реального мира. Поэтому вместо «абстракций» в выше приведенном определении следует использовать понятие «проявление» одного из свойств. Во-вторых, точнее было бы

сказать: «тела не могут быть без времени и пространства», т.к. это — неперменные проявляемые свойства любых тел, благодаря чему мы и обнаруживаем эти тела, взаимодействуя с ними.

Время — энергия — энтропия.

И все-таки еще раз хочется вернуться к попыткам и в многократно цитируемой здесь книге и в иных работах современных неортодоксальных ученых дать интерпретацию времени не как лишь формы существования материи, а как самой физической сущности тел. Здесь мы ограничиваемся лишь представлениями о физическом времени, хотя можно говорить и о времени как сущности различных полевых аур плотных системных образований.

«Ход времени на Земле связан с глубинными процессами природы, вызванными втеканием из окружающего вакуума в Землю... некоторой положительной энергии... От этого остается только один шаг до отождествления времени с самим потоком энергии», что совпадает с точкой зрения Н.А. Козырева, считавшего будто «внутренняя энергия звезд растет за счет потока времени» (К. Бутусов, там же, с. 308).

«Поэтому принципиально возможен двигатель, использующий ход времени для получения работы. Иными словами, время обладает энергией» (там же, с. 333).

Один из вариантов создания таких концентраторов хронального поля на основе общей теории А. Вейника описан В. Жуковым (в сб. «Познай себя» — приложение к ж. «Свет» (Природа и человек), М.: 1994 г., с. 76). Такая установка должна быть похожа на раковину. По спирали, заполненной ячеистыми структурами, хрональное излучение Солнца будет собираться к центру, откуда может отводиться через преобразователи для привода потребителей.

Предполагается, что такая раковина находится внутри «летающей тарелки», которая работает на энергии времени.

В другой работе Н.А. Козырева утверждается, что «из-за взаимодействия с происходящими в Природе процессами должны меняться активные свойства времени, а это, в свою очередь, будет влиять на ход процессов и на свойства вещества... В пространстве плотность времени не равномерна, а зависит от места, где происходят процессы. Опыт показал, что процессы, вызывающие рост энтропии, излучают время. При этом у находящегося вблизи вещества упорядочивается его структура» (К. Бутусов, с. 334).

Связь «время — энергия — энтропия» кажется утопичной. Но ведь «жизнь есть преодоление утопий» (О. Уайльд).

Схожую мысль подчеркивает и профессор В.С. Готт, предполагая, что существуют возможности открытия новых видов энергии, обуславливающих излучение Солнца. Тем более, что «солнечную активность, взрывные явления в ядрах галактик и в квазарах не удастся объяснить в рамках теории термоядерного синтеза» (Г.Н. Алексеев «Энергия и энтропия» — М.: Знание, 1978. с. 180).

Итак, возвращаясь к Бутусову, «время есть некоторая физическая субстанция, обладающая положительной энергией... Вытекание субстанции-времени происходит из другого пространства в наше... Процесс перекачки субстанции-времени и, соответственно, энергии и массы из одной Вселенной в другую происходит в виде колебания периодически то в одну, то в другую сторону.

Передача сигнала вдоль потока субстанции-времени, т.е. модуляция этого потока, может позволить осуществить почти мгновенную связь между точками нашей Вселенной через пространство другой Вселенной, находящейся внутри элементарных частиц. Таким образом, возможно, что через время вся Вселенная связана воедино и все процессы в ней синхронизированы» (К. Бутусов, там же, с. 309).

Разумеется эти предположения — не более чем гипотеза, но она заставляет нас думать о времени по-иному, в новом направлении. В направлении не только рационального мышления, но и в направлении познания «сокровенного смысла вещей».

Принимая гипотезу о том, что время есть проявляемое периодическое движение системы, и для каждого объекта время — индивидуализировано, следует признать, что объекты, группирующиеся в системы, синхронизируют свои действия, подчиняясь некоторым более общим циклическим процессам функционирования систем.

Рассматривая Землю и все, что на ней находится, в системном виде, в тесном взаимодействии друг с другом, мы сущность этой системы представляем в виде обобщенного осциллятора. И потому для характеристики этой системы используем единое «земное» физическое время. Для большинства практических задач и для нашего рационального мышления одного этого времени часто бывает достаточно.

Но «сокровенный смысл вещей», познать который мы стремимся, диктует нам другое понятие времени как индивидуального свойства любой физической и нефизической системы. И это понятие становится уже и практически важным, когда мы рассматриваем слабо связанные системы живой и неживой природы, Земли и Космоса, мира физических тел и мира Души и Разума.

Итак, время не есть скаляр, потому что оно по своей сущности отражает движение — пульсации пространственной ауры тела. Но время не есть и одномерный вектор, т.к. каждая аура тела по сути дела формирует собственное время: физическое время, время мысли, время душевных порывов и т.д.

Даже в твердом косном теле есть время, соответствующее энергии действия, а есть время, определяемое структурной малоподвижной, но огромной по величине энергией, которая запасается либо в ее вещественном эквивалента ($E=mc^2$), либо в организованности кристаллической решетки и других морфологических формах вещества.

Древнекитайская философия считала «энергию ци», которая вблизи человеческого существа переходит в его прану, фундаментальной субстанцией, лежащей в основе строения Вселенной.

Современный «энергетизм», заменяющий материю энергией как изначальной субстанцией, берет свое начало из древности.

«Материя есть не что иное как группа различных видов энергии, пространственно и в известном порядке связанных между собою», — писал уже в начале XX века нобелевский лауреат Оствальд — основатель современного «энергетизма», предлагая устранить противоположность материи и духа сведением их к третьему началу — к энергии. Ему следовал В. Гейзенберг: «Из основных форм энергии три формы отличаются особенной устойчивостью: электрон, протон и нейтрон. Материя... состоит из этих форм энергии, к чему всегда следует добавлять энергию движения» (цит. по П.Н. Алексееву «Энергия и энтропия», с. 130).

В.И. Ленин в работе «Материализм и эмпириокритицизм», казалось бы, развенчал эту теорию, утверждая, что «если при исчезновении материи предполагается не исчезнувшей мысль, то вы, значит, тайком перешли на точку зрения философского идеализма». Но дело не в навешивании ярлыков, не в противопоставлении материализма идеализму. Дело — в необходимости не отрицать, а углублять исходные понятия, сохраняя в них то, что проверено наукой для определенного уровня анализа систем, и добавляя новое из арсенала хорошо забытого старого.

Но просто переносить старые представления в новый мир означало бы пренебречь теми знаниями, что накопил мировой опыт.

Энергия не есть праматерия, она — одна из разновидностей полевой оболочки любого тела, обеспечивающей его существование.

Поэтому стирается грань между материей и ее свойствами, т.к. любое свойство может формировать сам объект, а не только быть его проявлением.

Между формой и содержанием нет принципиальной разницы в том смысле, что форма не только отражает, но и формирует содержание.

И здесь нам придется пересмотреть само понятие «материя». Если под «материей понимается объективная реальность, данная нам в ощущениях» (Краткий философский словарь), то это определение в лучшем случае очень ограничено, а в худшем — просто неверно.

Например, «объективная» реальность означает, что материя существует и вне сознания субъекта. Значит, о ее существовании один субъект (а равно и все субъекты) может ничего не знать, а материя существует. Следовательно, существует то, чего никто не знает. Но тогда сам факт существования чего бы то ни было всегда возможен. Просто об этом знаем не мы, а некоторый Высший Разум. Ибо кто-то в конце концов должен хотя бы в общих чертах ведать, что творится в мире, раз уж это творится. Так ортодоксальный материализм толкает нас в объятия Того, чего нет.

Еще более ограничительно понятие «данная нам в ощущениях». А если человек слеп, то цвет для него неощутим. Значит, для него цветной предмет нематериален? И для другого слепого, для многих слепых...? А если мы все — слепые,

то цвета как бы и нет А ведь мы на самом деле многого не видим, например, инфракрасного свечения, атомной радиации. Но ведь это — есть!

Поэтому или надо отказаться от вышеприведенного значения понятия «материя», либо дать ему более расширительное толкование.

Материя есть все, что существует. А все мыслимое — возможно. Значит, материально — все, о чем можно помыслить. Можно мыслить о розовых конях, о двуглавых существах, о потусторонней жизни, о чудесах.

Раз что-то мы представили в своем сознании, значит, это — было, есть или будет. Или могло быть. Ибо наше сознание, создавая образ чего-то, действует методом ассоциации, опираясь на существующие аналогии и закрепляя их неожиданные сочетания, просто-напросто складывая различные грани существующего мира.

Но даже материю нельзя назвать субстанцией, которая существует сама по себе. Не существует того, что является изначальной праосновой мира. Мир — это вечное движение, вечное взаимопревращение различных субстанций, вечное отражение тех или иных сторон, которыми вещь, тело, объект, система предстает перед нами в процессе созерцания и познания мира. И напрасны поиски того, что якобы составляет незыблемый кирпичик мира, который служит строительным материалом для более сложных образований. Как только мы дойдем до какой-то «изначальной частицы» — монады, немедленно окажется, что она сама есть новая грань мира, свой особый мир, который также делится на части, имеет свое сложное устройство, самоорганизуется в процессе своего развития во взаимодействии уже со своей окружающей средой.

Поэтому очень осторожно следует относиться к положению: мир един, и каждая малая его частица несет в себе образ всеобщего. Это относится только к тому срезу познания, тому уровню рассмотрения системы, когда частица — монада есть лишь количественное измельчение сущности, но она продолжает сохранять в себе главные свойства рассматриваемого вида материи.

Так, для Галактики монада — это планета, для Земли — существо (объект), для живой материи — клетка, для косной — атом, для ноосферы — слово, для организованной системы — бит информации, хранящейся в ее тезаурусе и т.д.

На уровне монад возможно тождественное преобразование видов материи (живое рождается от живого, вещество превращается в вещество, энергия — в другие виды энергии, информация — в информацию). Но при более глубоком проникновении эти виды материи подвергаются нетождественным преобразованиям. Хотя сама материя остается.

Материя есть все, что существует, значит обладает возможностью переходить из одного вида — в другой, из тела — в поле (и наоборот), меняясь гранями — формой и содержанием.

«Время порождает энергию», которая в свою очередь, вкупе с другими полевыми воздействиями, образующимися в «Пустом Нечто», формирует плотные

тела, способные к саморазвитию (репродуцированию своих частиц и их структурной организации). Эти процессы саморазвития связаны не только с преобразованиями вещества и энергии внутри объекта, но и с деформацией его энергетической (и других) ауры.

Полевая энергия (в ее кинетическом виде) трансформируется вблизи плотного тела в потенциальную форму, которая либо переходит обратно в кинетическую, либо проникает внутрь тела. Внутренняя энергия вещи идет на формирование его массы и структуры.

Итак, *тело (объект, вещь) формируется и существует благодаря непрерывному полемому воздействию с окружающей средой.*

Это полевое воздействие есть взаимодействие со средой его различных аур (гравитационной, энергетической, информационной, духовной и др.). И даже прямое механическое столкновение тел происходит прежде всего путем пространственной деформации этих полевых оболочек, вызывающих затем внутренние изменения более плотной части тела.

Например, соударения двух тел есть прежде всего слияние их гравитационных оболочек, образование общего поля взаимного притяжения-отталкивания под действием их внутренних сил, перераспределение кинетической энергии в общем поле обратно пропорционально массам тел, движение навстречу друг другу со скоростями, определяемыми величиной собственной кинетической энергии каждого тела; а затем уже при увеличении плотности совместной оболочки сблизившихся тел переход энергии движения в теплоту и во внутреннюю энергию, деформирующую расположение элементов тел, что, в свою очередь, перераспределяет внешнюю оболочку таким образом, что упругие силы вызывают отталкивающие действия.

Сила тяжести (по Копернику) «есть не что иное, как естественное стремление... сливаться в единое и целое, принимая форму шара» (цит. по Г.Н. Алексееву, с. 50). Если время есть удельная плотность энергии $t = \mathcal{E}/V$, то естественно, что при $\mathcal{E} = \text{const}$ пространство с ростом t будет стремиться к минимальному объему — шарообразной форме.

Если бы вся кинетическая энергия перешла только в потенциальную энергию, а затем — наоборот, движение тел относительно друг друга было бы строго периодическим.

Но превращения видов энергии не является абсолютным. Часть внутренней энергии остается скрытой в структуре и массе тела, а часть — диссипирует (рассеивается) в самом теле и окружающей среде.

Диссипация (рассеивание) означает не уничтожение энергии, а ее преобразование к такому виду, который не способен самостоятельно совершать работу.

Процесс диссипации — это «своего рода фундаментальный налог»; природа требует контрибуции всякий раз, когда менее качественная энергия превращается в более качественный вид энергии.

Качество энергии определяется ее способностью производить полезную работу, а полезностью следует считать все, что приводит к более высокой организованности системы.

В замкнутой системе энергия всегда постоянна, а в мета-системе, окруженной «Пустым Нечто», (например, нашей Вселенной) общее количество энергии равно нулю.

«Положительная часть энергии Вселенной, представленная в основном энергией, эквивалентной массе существующих во Вселенной частиц, может быть в точности скомпенсирована отрицательной частью энергии, обусловленной гравитационным потенциалом поля притяжения. Таким образом, суммарная энергия может быть равна нулю» (П. Эткинс «Порядок и беспорядок в природе» — М.: «Мир», 1987, с. 20).

Г.Н. Алексеев в кн. «Энергия и энтропия» (изд. «Знание», М.:1978, с. 132) приводит список из 15 различных видов только физической энергии, обусловленной движением различных материальных частиц в системе.

Все эти виды можно представить 4-мя группами: кинетической энергией движущейся системы; потенциальной энергией взаимодействия тел в системе; внутренней энергией, скрытой в массе объекта и в его структуре. Та или иная группировка видов относительна — в зависимости от того, на каком уровне дробности мы рассматриваем систему и ее части, а также неделимые монады. Если, например, считать, что система — Земля, объект — физическое тело, а монада — атом, то к видам кинетической энергии можно отнести те, которые обусловлены направленным движением соответствующих частиц:

механическая (энергия свободного движения макротела),
электродинамическая (движение электронов),
электромагнитная или фотонодинамическая (движение фотонов),
мезонная или мезонодинамическая (движение мезонов),
нейтринодинамическая (движение нейтрино),
гравидинамическая (движение гравитонов).

Потенциальные виды энергии являются следствием сил взаимодействия между телами: электростатическая, магнитостатическая, нейтриностатическая, гравистатическая энергии.

Внутренняя энергия, скрытая в массе объекта — аннигиляционная энергия, выделяемая при полной аннигиляции тела в результате взаимодействия вещества и антивещества.

К внутренней структурной энергии можно отнести такие физические виды как ядерная — энергия связи нуклонов в ядре,

химическая — освобождающаяся при химических реакциях в результате перестройки электронных оболочек молекул,

упругостная — энергия, обусловленная взаимоположением и взаимным движением атомов и молекул в физическом теле.

Особое место в этой группе занимает тепловая энергия как часть энергии хаотического движения молекул, которая может при наличии разности температур превращаться в другие виды энергии, пригодные для совершения полезной работы.

По сути дела этим перечнем видов энергии, каждый из которых связан с движением своей частицы или с полевым взаимодействием соответствующих частиц, которое лишь условно может быть названо статическим, признается существование индивидуальной энергетической ауры тела, состоящей из потенциальных и кинетических составляющих.

Повидимому, ко всем этим видам могут быть добавлены и другие нефизические виды энергии, обусловленные специфичным движением биологических, информационных, мыслительных и духовных объектов. Особенно это касается внутренней структурной энергии.

Для нас же важно рассмотреть возможную трансформацию различных видов энергетической ауры тела в другие полевые оболочки (и наоборот). Попытаемся этот анализ дать на примере энергоинформационного взаимодействия полевых структур.

Внутренний энергетический потенциал объекта состоит из аннигиляционной энергии, скрытой в инерционной массе тела ($E=mc^2$), энергии хаотического движения частиц (тепловая энергия) и энергии структурных связей, образуемых за счет совершения над объектом полезной работы.

Эти внутренние виды энергии следует различать, ибо один из них свойственен любому телу, обладающему массой, другой — телу с флуктуирующими частицами, а третий — только организованной массе.

Например, кристаллический алмаз в отличие от куска графита той же массы обладает большей внутренней энергией, которая запасена в виде энергии межатомарных связей за счет работы природных сил, пошедшей на образование его упорядоченной структуры кристаллической решетки.

Кристалл льда более энергонасыщен, чем капля воды той же массы и той же температуры, где молекулы подвержены хаотическому движению. При таянии льда его структурная энергия частично расходуется на увеличение скорости флуктуации молекул.

Известны жидкие кристаллы, у которых пространственная аура, в одном направлении упорядочена, а в другом — хаотична.

Существует два способа передачи энергии ($\mathcal{E}$) системе: посредством ее нагревания (Q) и совершения над ней работы (A).

$$\mathcal{E} = Q + A$$

В первом случае увеличивается температура тела (скорость Флуктуации молекул), во-втором его частицы приобретают упорядоченный характер движения. Также и в обратном случае — когда тело передает тепло окружающей среде, в ней

увеличивается хаос (хаос и газ — однокоренные слова), когда совершает работу — в окружающем мире повышается степень упорядоченности.

Чем выше доля полезной работы по сравнению с простым нагревом, тем выше качество запасенной в теле внутренней структурной энергии.

«Работа является способом передачи энергии упорядоченного движения, тогда как теплота — неупорядоченного... Работа тоже является структурой» (П. Эткинс, с. 197).

Когда мы имеем дело с системой, состоящей из множества элементов, то приносимая энергия частично расходуется на увеличение энергетического потенциала каждой частицы (скорости ее флуктуации), а частично — на корреляцию (синхронизацию) их движений, т.е. на упорядочение структуры системы.

«Упорядоченность — это не только наличие корреляции в пространстве как в обычных физических телах; она может также проявляться — и это имеет принципиальное значение — как корреляция во времени (когерентность)» (П. Эткинс, с. 185).

В то же время упорядоченность системы означает не только когерентное движение ее элементов. Это движение формирует канал, по которому в тело проникает сущность его полевой оболочки. Эти каналы как сеть капилляров образует не только предпочтительные направления проникновения этих полей, но и уплотняются в вещественные плотные образования, служащие проводниками поступающей извне энергии (и других полевых воздействий) к месту ее запасаения и использования для роста и развития самой системы.

Упорядоченность как пространственно-временное проявление есть понятие системной динамики (синэргетики), характеризующее не просто структурную организованность системы, а ее способность совершать полезную работу и саморазвивая под действием запасенной энергии. Однако эта способность зависит не только от величины, но и от качества запасенной энергии.

Свободная энергия, пригодная для совершения полезной работы, меньше полной запасенной в системе энергии на величину «природного налога» — диссипирующей части

$$A_{\text{полезн}} = \Theta - T_0 \Delta S,$$

где T_0 — температура тела как интегральная характеристика индивидуальных скоростей отдельных частиц.

S — изменение энтропии как меры неорганизованного движения этих частиц в системе.

Понятие энтропии пришло в системологию из термодинамики, которая первой из наук стала рассматривать тело не просто как множество молекул, а как единое целое — частично организованную систему.

Энтропия есть функция состояния системы в целом, задаваемая формулой Больцмана

$$S = K \log W,$$

где $K = 1,38 \times 10^{-16}$ эрг/град — мировая константа-постоянная Больцмана, позволяющая увязать общеэнергетический смысл энтропийной оценки с температурой тела T_0 . Диссипирующая часть внутренней энергии тела, расходуемая не в виде работы, а в виде теплоты

$$\Delta \Xi = Q = T_0 \Delta S$$

есть плата за выполняемую телом (системой) функцию запасаения, хранения и преобразования энергии.

Качество внутренней энергии, а точнее, качество структурированной системы как аккумулятора и трансформатора этой энергии определяется, таким образом, величиной энтропии. Чем выше энтропия системы, тем выше доля энергии хаотичного движения, тем меньше можно получить от такой системы полезной работы. И наоборот. Снижение энтропии означает снижение роли диссипации в системе, и повышается коэффициент возможного использования внутренней энергии в виде полезной работы.

$$\eta = \frac{A_{\text{полез}}}{\Xi} = 1 - T_0 \frac{\Delta S}{\Xi}$$

Чем выше η , тем более качественной можно считать запасаенную внутреннюю энергию. Аналогичную роль, казалось бы, играет и температура тела T_0 . Если энергия превращается в работу при низкой температуре, т.е. при малой скорости флуктуации молекул, то ее качество (качество системы) выше. Чем ниже скорость хаотического движения индивидуальных частиц, тем больше полезной работы совершит система за счет энергии упорядоченного общего движения своих элементов. Однако при бесконечно малых значениях $T_0 < 3^\circ \text{K}$ начинает проявляться принципиально новое явление — сверхпроводимость вещества, что фактически означает рассмотрение системы уже в ином количестве измерений.

В природе возможен переход энергии, накопленной хаотически движущимися частицами, в энергию когерентного излучения (лазер). Это — пример того, что между хаосом и упорядоченностью нет непреодолимых границ, т.е. энергонасыщенность индивидуумов может порождать их синэргетические действия, снижая энтропию системы.

Формула Больцмана как бы наводит мост между поведением системы в целом и ее отдельных частиц.

Величина W в формуле Больцмана для энтропии является собственно мерой неупорядоченности движения отдельных частиц в системе.

Выражение для энтропии системы, состоящей из счетного множества возможных независимых состояний, записывают в развернутом виде

$$S = -K \sum_i^n p_i \log p_i$$

где p_i — вероятность i -ого состояния системы, т.е. того или иного сочетания взаиморасположения элементов.

Величина S максимальна, когда все состояния системы равновероятны, т.е. все элементы хаотично флуктуируют друг относительно друга. По мере структурного упорядочения этого внутреннего движения частиц вероятность одних состояний снижается, а других возрастает. В предельных случаях, когда $p_i = 0$ или $p_i = 1$, величина энтропии (неопределенности) снижается до нуля.

При большом числе возможных состояний n и малых значениях вероятностей $p_i \approx 1/n$

и

$$\sum_i^n p_i \log p_i \approx \log \frac{1}{n} = -\log n$$

Тогда оба выражения для энтропии совпадают и мера неупорядоченности $W = n$ (числу возможных независимых состояний).

Если выражение Больцмана и мера неупорядоченности W относились к термодинамическим системам, то вероятностные оценки энтропии пригодны для систем любого типа, состоящих из большого числа элементов, и находящихся во множестве независимых состояний.

В частности, Бриллюэн интерпретировал термодинамические соотношения с помощью информационных категорий и показал, что информацию о системе можно представить как изменение ее энтропии.

В этом случае p_i — вероятность принятия системой i -ого нового состояния независимо от предыдущего. Если система не способна изменять свое состояние ($p_i = 0$) или осуществляет переход в новое состояние независимо от предыдущего ($p_i = 1$), то информационная энтропия такой системы равна нулю (см. В.В. Дружинин, Д.С. Конторов «Проблемы системологии», с. 56-67).

Довести систему до такого состояния можно, если количество информации о системе (ее возможных состояниях) равно ее изначальной энтропии, т.е. информация есть мера снятой неопределенности в поведении системы. Поэтому «информация есть количественная мера устранения энтропии (неопределенности),... степень, мера организованности какого-либо объекта (системы)» — суть негэнтропийного принципа Бриллюэна.

Если энтропия есть мера беспорядка, то негэнтропия, соответствующая количеству информации о состоянии системы, есть мера порядка, организованности.

«Организованность, упорядоченность системы — способность (этот термин применяется в том же смысле, что и при определении энергии) предопределять свою перспективу, свое будущее... Чем выше уровень организации (больше информации), тем менее подвержен объект действию среды» (В.В. Дружинин, Д.С. Конторов, с. 57).

Чем объемнее и организованнее тезаурус системы, включающий информацию о ее внутреннем состоянии (структурных и функциональных свойствах) и возможных

реакциях на внешние воздействия, тем более предсказуемо поведение системы. Показатель качества любой системы

$$\eta = 1 - (T_0/\mathcal{E}) \times k \log W = 1 - a \log W,$$

где a — безразмерный коэффициент, а W характеризует меру неопределенности (хаоса) поведения частиц в системе, которая снимается соответствующим повышением качества внутренней энергии, либо информацией о системе, накапливаемой в ее тезаурусе.

Аналогия между внутренней структурной энергией и тезаурусом системы означает однотипность взаимодействия полевых оболочек с плотным телом системы. Повидимому (как и для энергетических и информационных процессов), можно говорить и об энтропии знаний и о духовной энтропии как мере неупорядоченности системы, характеризующей качество тех или иных взаимных тождественных (энергия — энергия) и нетождественных (энергия — информация) преобразований полевых субстанций, которые представляют собой не форму существования, а «определенную грань сущности материальных объектов и процессов» (там же, с. 62).

Когда мы говорим о веществе, мы рассматриваем его как плотное тело, образованное сгущением полевых структур, в первую очередь, энергии. Можно говорить, что энергия является более тонкой материей, чем вещество. Энергетические сгустки образуют вещество эквивалентной массы. Но энергия и упорядочивает структуру этой массы. Тогда вещество становится материальным носителем энергетической оболочки тела. Энергия выступает как материя более высокого качества чем вещество.

Сама энергия тоже допускает градации по качеству, а принцип «деградации энергии» по Кельвину означает, что энергия более высокого качества, соответствующая более упорядоченному движению (например, механическая, электромагнитная) естественным путем преобразуется в энергию менее упорядоченного, в пределе, хаотического движения. Можно предположить, что эта градация соответствует степени неупорядоченности (энтропии).

Тогда можно сказать, что «энергия более высокого уровня отличается от энергии более низкого уровня тем, что для описания ее свойств требуется меньше информации, а при равной информации описание получается более точным» (там же, с. 107).

Это вытекает из того, что, как было показано, система, запасаящая и преобразующая энергию более высокого качества, обладает меньшей энтропией, и для снятия меньшей неопределенности требуется меньше информации о такой системе, в дополнение к той, которая уже была накоплена в ее тезаурусе.

Но подобно тому, как «энергетические тела системы» различны по своему качеству (этим термином мы обобщим два применяемых понятия — качество энергии и качество системы, запасаящей энергию в упорядоченном виде), следует исходить не только из количества запасенной в тезаурусе информации, но и из ее качества — ценности.

Ценность запасенной информации тем выше, чем более полно она может быть использована для совершения полезной информационной работы по формированию высокоорганизованной системы. По аналогии с энергетическим (тепловым) хаосом можно говорить об информационном шуме — диссипирующей доле запасенной в тезаурусе информации, которая рассеивается в окружающей среде, не приводя к появлению новых знаковых — символических образований, содержащих новые понятия, мысли, образы, знания, идеи и другие невещественные продукты деятельности высокоорганизованных систем.

Полезная работа, в результате которой частицы тела организуются в упорядоченную систему, формирует структуру, которая поддерживает жизнедеятельность системы даже после прекращения подпитывающих внешних воздействий. Эта жизнедеятельность направлена на повышение качества системы, проявляющегося в высокой доле производимой ею полезной работы.

Эта полезность заключается не только в количественном росте массы и повышении ее структурной организованности. Наряду с процессом воздействия среды на систему, последняя оказывает влияние и на среду.

Полезность системы заключается в том, что заимствуя что-то от среды, она возвращает долг как можно более качественным продуктом.

Оценивая энергетическое качество Земли, следует исходить не из того, какое количество солнечной (космической) энергии мы потребили в прямом виде и в виде запасенной структурной энергии нефти, угля и других углеводородов. В конце концов общий энергетический баланс Земли всегда в пользу его приходной части.

Земле не грозит энергетический голод. Просто мы расточительно расходует структурированную энергию природных ресурсов, обращая их частично — в полезные продукты для нашей же жизнедеятельности, а частично — в тепло — неупорядоченную энергию низкого качества.

Нам может грозить лишь энтропийный кризис — когда возвращаемая во внешнюю среду энергия теплового хаоса не будет компенсирована высоким качеством других продуктов человеческой деятельности — информацией, знаниями, чувствами, идеями.

Когда энтропия системы (Земли) в результате нашей жизнедеятельности будет снижаться за счет повышения организованности действий всех элементов системы, показатель качества системы $\eta > 1$.

Это — и есть цель развивающейся системы — отдать больше, чем взять.

Многоликий Хронос.

Мы привыкли считать, что развитие есть процесс изменения структуры и функций системы во времени.

Но время не есть некая фундаментальная категория, это есть субстанция как некая самостоятельная сущность каждой системы.

В физическом вакууме — «Пустом Нечто» время порождает энергию. Отсюда — и теория непрерывного насыщения звезд так называемой «вакуумной энергией», которой они столь обильно снабжают затем другие объекты Мета-системы, в том числе и нашу Землю.

И когда мы говорим о рассеянии энергии в окружающую среду, мы имеем в виду лишь наиболее распространенные диссипативные структуры, у которых показатель качества $\eta < 1$. Такие процессы с возрастанием энтропии принято считать естественными, однако и на Земле существуют многочисленные примеры, когда энергонасыщенные частицы приобретают свойства когерентного направленного структурированного движения (лазеры), не говоря уже о живых структурах, высокая организованность которых приводит к $\eta > 1$. Хотя говорить о качестве системы можно лишь применительно к различным стадиям их жизненного цикла. Растущая система преобразует внешнюю энергию, внешнюю информацию, внешнюю одухотворенность во внутренние плотные структурные образования, почти ничего не производя для окружающего мира.

На этапе «активной жизни» система начинает генерировать не только себе физически подобных субъектов, но и насыщать окружающую среду через свою ауру более качественными нефизическими продуктами жизнедеятельности, формируя ноосферу как Сферу Разума и духовный мир. Именно для этого периода «жизненного цикла» можно говорить о качестве системы.

Хотя и на этапе угасания творческая (а иногда и физическая) активность субъекта остается нередко достаточно высокой, и тогда говорят о вкладе Личности в мировой процесс.

Однако и в этом случае обычно говорят об однонаправленности времени, которое якобы невозможно повернуть вспять. Жизненный цикл не есть движение Тесея к Минотавру вдоль Ариадниной нити. Лабиринт жизни обязательно выведет нас на новый уровень развития, а уж окажется он выше или ниже прежнего — зависит от качества нашей системы. Путь развития — это не однонаправленный процесс, и уж его никак нельзя отождествлять с «естественной» эволюцией замкнутой системы, связанной с возрастанием ее энтропии. Во-первых, даже для замкнутых систем это — не так, ибо рассеяние энергии может сопровождаться умножением более качественных полевых продуктов жизнедеятельности. И об этом хорошо сказал французский адмирал Пелетье в отзыве на книгу Д.М. Панина «Теория густот»: «Человек... должен выполнить, если он хочет, творческую миссию, так как свободная воля заложена в его душе. Но создавать не означает только строить мосты, спутники или дома. Искусство — это творчество, равно как молитва; это — большой порыв энтузиазма, большая любовь, глубокая медитация. Это — позитивные творения (> 0)» (с. 301). А поскольку замкнутых систем в природе нет вообще, все они — открыты, ибо взаимодействуют либо напрямую, путем смыкания и слияния своих пространственных оболочек в некую общую ауру мета-системы; либо — через «Пустое Нечто», которое, по сути, является тоже своеобразной системой с особыми свойствами — в частности, способностью накапливать и концентрировать рассеянную энергию, информационный шум и другие производимые системами отходы,

преобразуя их в полезные продукты для формирования новых полевых, а затем и более плотных структур.

Эти процессы тоже совершаются в своем собственном времени, поэтому общее время Мета-системы не есть простое слияние «местных времен» и даже не всегда когерентно развивающийся процесс временного взаимодействия систем.

В данном случае «когерентность» не есть синфазность процессов движения частиц в едином времени. Когерентность может означать более широкое понятие — коррелированность, согласованность взаимодействия систем, у которых сохраняются их индивидуальные временные проявления.

Бабочка-однодневка — слишком малая частица нашей земной системы, время в которой оценивается по солнечному, лунному или любому другому геологическому, космическому и социальному календарю как некоей условной договоренности, а не объективной реальности.

Но время на Земле и на другой планете нашей Солнечной системы течет по-разному. И связь этих времен в теории относительности, например, задается соответствующими преобразованиями координат.

Но ведь движение этих систем друг относительно друга не есть простое линейное перемещение. Это — гораздо более сложное явление, особенно если иметь в виду не только движение физических тел, но и объектов любой другой природы. Любое «движение содержит в себе самом три явно выраженных измерения: длительность, скорость и направление... Время есть мера движения.

Если изобразить время в виде линии, тогда единственной линией, которая удовлетворит всем требованиям времени, будет спираль... Только три координаты, или «трехмерная линия», т.е. спираль, дают адекватное описание времени». (П. Успенский «Новая модель Вселенной», с. 438).

Действительно, какой-либо процесс, например, жизненный цикл системы может иметь свою длительность, но это не исчерпывает его временной характеристики.

У той же бабочки-однодневки, у человека, у планеты Земля длительность жизненного цикла может быть одинакова, включая все стадии — зарождения, развития и стагнации, а скорость жизни — совершенно различна. Но и направление времени не есть абсолютная величина. Одни системы хаотичны во времени, другие — развиваются, третьи — деградируют.

Когда мы пытаемся представить время как скаляр (вне направления), то уподобляемся одномерному существу (еще хуже — веществу), болтающемуся на поверхности проруби.

Но даже двухмерное представление времени порождает иллюзию его однонаправленного развития: от прошлого — к будущему.

Но если бы это было так, то мы оказываемся в плену плоскости памяти, где одна координата отражает наше индивидуальное физическое время, а другая —

линию событий, происходящих с другими системами, с которыми когда-то и где-то мы пересекались (воочию или с помощью исторических описаний).

И тогда все скачки памяти, все мыслимые (значит существующие, или существовавшие или будущие) представления о наших пересечениях с другими субъектами и системами будут для нас разрывом непрерывности. А ведь как часто во сне и наяву мы видим себя детьми; представляем себе нашу сегодняшнюю встречу с давно почившими предками или знакомыми, а то и вовсе незнакомыми людьми; пытаемся представить себя в ином мире.

Оставаясь плоскостными существами, мы либо пытаемся отрицать возможность таких «встреч», либо вводим различные «принципы относительности» для объяснения наблюдаемых или мыслимых явлений. Однако вместо усложнения плоскостной картины временного мира необходимо перейти к объемному времени, вводя новую координату — направление времени.

В замкнутых физических системах или в любых системах с показателем качества меньше единицы, имеет место равенство «время = энтропии», т.е. координата направления времени имеет неизменное значение, равное энтропии системы. Меняя степень организованности системы — меняется и скорость (темп) времени. Более организованные системы развиваются быстрее, нежели менее организованные.

Человек совершает свой жизненный цикл в течение века, а в геохронологии — это ничтожно малая величина.

Поэтому «реально существует лишь трехмерное тело времени... Три измерения времени можно считать продолжением измерений пространства... Шестимерное пространство — это реальность, мир, каков он есть. Эту реальность мы воспринимаем сквозь узкую щель внешних чувств... Любое шестимерное тело становится для нас трехмерным телом, существующим во времени; и свойства пятого и шестого измерений остаются нашему восприятию недоступными» (П. Успенский, с. 439).

Но недоступность для чувственного восприятия не означает, что этих измерений не существует. Водяной паук, передвигающийся по поверхности озера, не видит звезд и солнца. Он воспринимает эти объекты лишь через их отражение на водной глади.

Мы видим звездный мир плоским, и только разумом понимаем его глубину. Глубина памяти для большинства из нас ограничивается событиями, имевшими место непосредственно с нами. Но через исторические воспоминания мы воспринимаем и то, что было — не с нами, но через этот инструмент познания мы оказываемся и очевидцами и соучастниками тех давних событий.

Так почему же мы должны отказывать в праве на существование и тому, что, возможно, случится. Если мы не видим этого непосредственно своими внешними рецепторами, то нам остается либо довериться тем провидцам, которые продвинулись дальше нас по направлению «возможно», либо осознать эти возможности с помощью нашего подсознательного или сверхсознательного восприятия.

«Шестиконечная звезда, изображавшая мир в древней символике, в действительности есть выражение пространства времени «периода измерений», т.е. трех измерений пространства и трех измерений времени в их совершенном единстве, где каждая точка пространства связана со всем временем, а каждый момент времени — со всем пространством, когда все находится повсюду и везде» (П. Успенский, с.456).

Причем некоторые объекты более выражены в пространственном, а другие — во временном виде.

Например, фотон (квант) света, не имеющий массы покоя и с трудом фиксируемый в пространственной точке, воспринимается нами преимущественно как временной объект. Это же относится и к любым внешним оболочкам тела, его аурам (энергетическому телу, телу мысли и духа), которые, хотя и имеют пространственный облик, но более осознаваемы нами как временная структура.

Более плотные тела — твердое вещество: куски геологической породы, материально-вещественные продукты, созданные человеческими руками, имеют более выраженное пространственное положение и менее значимы для нас временными координатами.

Поэтому задача Разума — не остаться в плену ограниченных представлений непосредственно воспринимаемого нашими внешними рецепторами — органами чувственных ощущений физического мира, а раздвинуть свое мироощущение с помощью тех органов, которые скрыты в нашем подсознании; сделать воспринимаемое ими на стадии искусственных ощущений столь же доступным и реальным, насколько реален этот многоликий мир.

Трехмерное тело времени — это реальность того объемного мира, в котором мы живем. Просто мы привыкли это тело оценивать только в однолинейном варианте, располагая на этой линии четвертого измерения одномерную шкалу времени, на которой отмечены три точки: «прежде», «теперь» и «после». (П. Успенский, с. 440).

По сути дела — это линия осуществления лишь одной из возможных траекторий развития и только той ограниченной системы, которая связана с каждым из нас — мыслящим существом. Это привычное нам «историческое время» *нашего* субъективного существования. И даже на этой траектории мы чувственно воспринимаем лишь одну точку — «теперь», осознавая другие участки этой шкалы времени с помощью мыслительного процесса экскурса в прошлое и количественного прогноза изменений будущего состояния.

В действительности же из каждой точки «теперь» можно восстановить множество перпендикуляров, создающих пространственное представление о теле объекта — нашей системы.

Однако из этой же точки можно восстановить и временной перпендикуляр. «У каждого момента (исторического времени — В.Б.) есть... линия *вечного теперь*» (П. Успенский, с. 440). Название этой линии связано с идеей «Вечного Теперь» как особого состояния Брахмы в индийской философии.

«Понятие вечности (памяти — В.Б.) по отношению ко времени (историческому времени — В.Б.) — то же самое, что понятие поверхности по отношению к линии» (П. Успенский, с. 442). Мы привыкли воспринимать вечность как неограниченную протяженность исторического времени. Однако подобно тому как бесконечность линии следует воспринимать как увеличение на единицу числа измерений пространства (вместо бесконечной линии мы воспринимаем приблизившийся к нам на угол зрения 180 градусов пространственный прямоугольник), так и вечность следует представлять второй координатой плоскости памяти. По этой координате любой миг оставляет свой след в памяти.

Индивидуальное время на плоскости памяти всегда представляет собой замкнутую систему, ибо любая система (живая и неживая) рождается, развивается, деградирует и в конце концов погибает.

Когерентные системы, образующие синфазные группы коллективного поведения (семья, род, группа), могут иметь либо совпадающие, либо продолжающие друг друга пространственно-временные координаты.

В плоскости эти системы оставляют след в виде цепочки прорастающих друг из друга замкнутых звеньев. Но даже если системы некогерентны, а только соприкасались друг с другом во времени (один раз или многократно), то эти системы образуют общую плоскость памяти со своими цепочками звеньев.

Но рано или поздно и эти системы вырождаются, и их жизненный цикл также завершается в своем изначалии. Даже слова «начало» и «конец» имеют в древнерусском языке общий корень в виде чередования «нач» и «кон», означая край, рубеж, отделяющее одно от другого. Но на плоскости памяти — это лишь точка вечного движения по замкнутой кривой.

И эта плоскость памяти простирается настолько широко, насколько это позволяет не только индивидуальное оперативное запоминающее устройство головного мозга или любого другого органа, имеющего информационный тезаурус всех соприкасающихся систем, запечатлевших момент «теперь» в своей памяти и сохранивших его в процессе своего индивидуального развития в любых собственных и коллективных специализированных органах — арсеналах (кладовых) памяти.

Этими органами (средствами) неоперативной памяти, с которыми мы поддерживаем связь, могут быть авторские дневники самого индивидуума, летописи и воспоминания очевидцев, мемуары и исторические сочинения и не рукописные памятники.

И каждое «теперь», перемещаясь по шкале исторического времени, формирует свою линию вечности в плоскости памяти, обогащая тезаурус мира обилием фактов, действующих лиц и событий.

Этот тезаурус — тоже живое тело, и многое в нем благодаря имеющейся информационной энтропии обращается в хаос, отмирает либо хоронится в прошлом настолько глубоко, что никакие средства воспоминания не дают возможности соприкоснуться с ними нашему нынешнему «теперь».

У киргизов сохранился обычай — знать имена своих предков до 13 колена, вот отчего каждый из них уверенно считает себя прямым потомком Чингиз-хана или Тимура.

Да, мы все — от Адама и Евы, но это представление а priori, а не прослежено особой кривой в плоскости памяти. Но, может быть, эта кривая и не является такой уж непрерывной линией на плоскости. Может быть, проще ощущать пунктиры (пробелы) в нашей исторической памяти как уход линии с плоскости в пространство, где проявляется еще одна третья координата времени.

«Фигура трехмерного времени предстает в виде сложной структуры, которая состоит из лучей, исходящих из каждого мгновения времени; каждый из них содержит внутри себя собственное время и испускает в каждой точке новые лучи; взятые все вместе, эти лучи образуют трехмерный континуум времени.

Мы живем, мыслим и существуем на одной из линий времени. Но второе и третье измерения времени, т.е. поверхность, на которой лежит эта линия, и тело, в котором содержится поверхность, ежесекундно вторгаются в нашу жизнь, наше сознание, оказывают влияние и на наше «время». Когда мы начинаем чувствовать три измерения времени, мы называем их направлением, продолжительностью и скоростью. Но если мы захотим хотя бы приблизительно понять истинные взаимоотношения вещей, мы должны помнить о том, что направление, продолжительность и скорость являются не подлинными измерениями, а всего лишь отражением подлинных измерений в нашем сознании» (там же, с. 444).

Та линия времени, которая характеризует наше существование, есть линия нашего физического времени: мы воспринимаем его как длительность. Линия вечности, представляясь как скорость времени, на фазовом портрете «величина — скорость» замыкает наш жизненный цикл.

«Шестым измерением (третьим измерением времени — В. Б.) будет линия осуществления возможностей» (П. Успенский, с. 442). В каждое мгновение в каждой точке нами осуществляется выбор того или иного варианта развития из определенного числа возможностей, создаваемых в результате бифуркационного взрыва траектории «исторического времени».

Иногда этот выбор мы делаем осознанно, если у нас ясное представление о возможных последствиях и наша внутренняя воля достаточно сильна. Иногда этот выбор осуществляется за нас судьбой, т.е. более мощным проявлением воли других действующих и соприкасающихся с нами (в этот момент «теперь») субъектов и объектов.

Но — выбор совершен. Для примера допустим, что он произошел в момент Вашей встречи с другим человеком, с которым Вы создали семью — новую систему. Это — одна возможность.

Но ведь Вы могли бы и просто разойтись «как в море корабли», и это — была бы другая возможность. Как сказать, сделали ли Вы счастливый выбор или роковую ошибку? Экспериментально проверить это невозможно, ибо Ваша индивидуальная жизнь течет в реальном историческом времени.

Но кто мешает Вам во сне или в полном сознании повернуть Вашу плоскость памяти на некоторый угол по отношению к грани реальных событий и вообразить себе иную (и иные) жизненные ситуации. Конечно, Вашего воображения надолго не хватит. Если Вы не сможете запомнить (отразить в своем тезаурусе) все события Вашей реальной текущей жизни, то еще более слабо проявятся в Вашей «памяти» и потенциальные перипетии Ваших нереализованных возможностей. Но поскольку они мыслимы, значит, они могли бы существовать. И эти события разрывают замкнутую кривую Вашей земной жизни, превращают ее в этом третьем временном измерении нереализованных возможностей в спираль.

Точно также в объемную спираль обращаются и замкнутые временные цепочки коллективных систем.

Третье временное измерение есть выход из круга бытия, который и позволяет нам проникнуть в мир ирреального — мир возможного, мир иных миров.

Способность субъекта воспринимать этот мир делают его творческой личностью, обогащают его тезаурус не только информацией прошлого, но и анализом возможного будущего, укрепляют его собственную волю к осознанному выбору направлений своего реального существования.

Предварительное Резюме.

1. Человек — не венец Природы, а перекресток направлений, по которым развиваются вещественный, энергетический, биологический, информационный, духовный и социальный миры.

Ни один из этих миров невыводим из другого. Они грани общего Универсуума. Каждая их граней представляет собой совокупность сгущений — разрежений соответствующих субстанций, обволакивающих тела систем, из которых и состоит Универсуум.

2. Универсуум — это спиралеобразная совокупность открытых систем различной природы и межсистемной среды, в которой происходит трансформация субстанций.

3. Система есть организованное целое, состоящее из частей: групп гомогенных элементов и специализированных органов как центров концентрации аур полевых оболочек плотного тела системы.

Неструктурируемые (в данном аспекте рассмотрения системы) элементы — монады сохраняют в себе основные черты системы. Та же монада сама может представлять из себя другую систему той же или иной субстанционной природы.

4. Тело отдельного объекта формируется за счет уплотнения его полевой оболочки при воздействии внешней среды. Эта внешняя работа приводит к насыщению тела внутренней энергией, запасаемой в виде организованной массы, и другими полевыми субстанциями, обеспечивающими его жизнедеятельность.

Тела в процессе своего развития репродуцируют себе подобные образования и специализированные органы, составляющие систему.

5. Любая открытая система зарождается и функционирует за счет первичного толчка — расслоения материального хаоса и постоянной помощи извне.

Негэнтропийность (организованность) системы обеспечивается за счет внешнего ресурса межсистемной среды.

6. Каждая система, включая ее ауру, обладает индивидуальным пространственно-временным выражением. Не существует абсолютного пространства и абсолютного времени. Коалиционные системы (когерентные или соприкасающиеся) могут обладать общим пространством и общим временем как объединением их аур.

7. В систему могут объединяться только соразмерные тела. Бесконечность (или бесконечная малость) какой-либо характеристики тела (размера, длительности, температуры, массы, скорости и т.д.) означает увеличение числа измерений (координат) тела.

8. Время — трехмерное тело, имеющее координаты длительности, вечности (скорости) и возможных направлений. Первые две координаты образуют индивидуальную плоскость памяти системы, на которой ее жизненный цикл представляет собой замкнутую кривую.

Только по линии третьего измерения времени, характеризующего все нереализованные возможности системы, можно вырваться из круга бытия в трансфизические и другие миры.

9. Любая система (вне зависимости от ее субстанциональной основы) имеет свою прану (энергетическую оболочку), свой тезаурус (память — рассредоточенную или сконцентрированную в специализированном органе) свои трансфизические ауры. Через полевые субстанции система взаимодействует со средой.

10. В течение своего жизненного цикла любая система продуцирует физические, энерго-информационные и трансфизические поля, которые насыщают окружающую среду.

Высокоорганизованные системы, с коэффициентом качества больше единицы, отдают в окружающую среду продукты творческой деятельности, не просто компенсируя привлеченные извне для своей жизнедеятельности ресурсы, а за счет своей негэнтропийной деятельности увеличивая упорядоченность этой среды.

Повышение негэнтропийности среды за счет деятельности открытых систем реализует принцип развития: отдать больше чем взять — и создает условия для образования новых полевых сгустков и зарождения новых систем.

Примером тому может служить вакуумная энергия, образуемая в межзвездной среде за счет негэнтропийного процесса: время — энергия и служащая источником для образования новых звезд и последующих систем материального мира.

11. Материя есть все, что существует.

В Природе действует один всеобщий закон — сохранения материи. А различные ее виды в мире открытых систем могут трансформироваться друг в друга

как по восходящей линии: вещество и время — в энергию, энергия — в информацию, информация — в знания, знания — в идеи; так и в обратном направлении, создавая цикличность процессов функционирования материального мира. Но и наш мир имеет свой жизненный цикл, который составляет лишь этап общей спиралеобразной эволюции Универсуума — открытой совокупности открытых систем.

ЧАСТЬ II. ЖИЗНЬ: СУЩНОСТЬ И ФЕНОМЕН.

«Великое Дыхание».

Кажется, я сказал все, что считал важным в новой натурфилософии. Новой — не в смысле открытия чего-то неизвестного ранее, а в смысле того неизбежного и вечного обновления старых истин, скрытых годами и догмами. Разумеется, Художник — не просто реставратор природы, хотя он открывает нам те неизвестные ее картины, которые мы не улавливали своим тривиальным зрением. Возвращая нас в евразийские просторы, ее дремучие леса, подобные нашим темным душам, поднимая в космические выси, Художник не творит Природу, он проводит нас по лабиринтам жизни, умножая нашу способность видеть и чувствовать.

Так и мне хотелось высветить в хаосе картин мироздания ту серебряную дорожку, но которой так и хочется взбежать к тому высокому, сияющему, что во мраке текущего Бытия делает нашу жизнь осмысленной и целеустремленной.

Жизнь — это всегда целенаправленный процесс, заданный нам общим ходом развития нашего внутреннего и окружающего нас природно-социального и духовного мира, общим ходом космической эволюции. Но и мы — не щепки в этой реке. Где-то мы упираемся, тормозя свое движение в общем потоке, проявляя свою волю, свой интерес, свое «Я» в общем хоре голосов. Тогда жизнь или спокойно обтекает нас, и мы остаемся в тихой заводи, предрасположенной как и любая стоячая вода — к загниванию, самозаражению отходами своей непродуктивной для будущего деятельности. Или больно поддает нам в заднее место, вовлекая в стремительный общий поток, и мы как фотоны в лазере превращаем свою индивидуальную энергию в частицу когерентного излучения человеческого сообщества.

Бывает, что мы и опережаем своими усилиями общее течение. Тогда, преодолевая инерцию общего потока, мы или выскакиваем на отмель, или... если наши усилия достаточны, ускоряем общий поток жизни.

«Обособленная индивидуальность обращается в ничто; она сохраняется и осуществляется только в обществе» (С. Трубецкой, Сочинения, М.: «Мысль», 1994 г., с. 577).

Жизнь никогда не бывает индивидуальной. Жизнь — это движение капли — в потоке, индивида — в стае, человека — в сообществе.

И все же, живя, мы не всегда осознаем, что же это такое — жизнь. Оттого и не соизмеряем, не соотносим наши индивидуальные усилия с общим потоком.

В вышеприведенных системно-натуралистических рассуждениях об эволюции мира утверждалось, что жизнь — есть общее свойство всех систем находиться в состоянии движения. Движение есть всеобщее свойство материи, а жизнь — свойство организованной материи, проявляющей себя в системном виде.

В дополнение к ранее сказанному следует еще раз уточнить понятия: вещь, которая существует сама по себе (в прежних переводах Э. Канта «вещь в себе»), и проявление этой вещи, доступное нашему пониманию.

Нет ничего крамольного в том, что нам не все из Сущего дано в ощущениях. Мы своими природными рецепторами не чувствуем атом и радиации, хотя никто не сомневается в их реальном существовании. Мы физиологически не ощущаем времени своего собственного существования. Сознательно мы слабо управляем своими душевными порывами. Но Человек разумный для расширения поверхности своего чувственного общения с окружающим миром осознанно прибегнул к помощи различных физических и трансфизических усилителей — преобразователей внешней информации, внешних сигналов, недоступных его природным органам чувств, к виду, воспринимаемому этими органами. Мы строим модели, образы, понятия, доступные нашему восприятию, пропуская через эти искусственные образования реальные сигналы внешнего мира.

В познавательной деятельности необходимы три компонента: чувства, мысль и вера.

Знание человека начинается с чувственного опыта, но оно направляется, а затем обобщается мыслью. Но, главное, что позволяет снять противоречие между субъективностью нашего сознания и реальностью мира — это вера. «Мысль не полагает, а предполагает наше существование... Сущее определяется не только как предмет чувства и мысли, но и как предмет веры» (С. Трубецкой, с. 32-33). Вера нужна прежде всего не как слепое восприятие сущего, а как осознание того факта, что кроме нас в мире существуют другие вещи, другие «Я».

«Вера в Сущее есть не что иное, как признание независимых от нас и вместе соотносящихся с нами существ или субъектов» (там же, с. 35).

Признание реальности внешнего мира, реальности существования других объектов и субъектов есть то необходимое условие, которое позволяет нам вырваться из плена субъективного сознания и воспринять такие субъективные явления как жизнь не только изнутри, но и со стороны. Тем самым наблюдая и воспринимая лишь явления жизни, мы можем познать ее суть.

Жизнь — это не только белково-нуклеиновая форма существования материи. Такое определение — это биологизм, по сути дела сводящий все многообразие, всю многосторонность самого уникального в природе явления только к его атомистично-молекулярному представлению.

Жизнь — это проявление системной сущности, заключающееся в самом факте совершения системой своего законченного жизненного цикла: зарождения, развития и постепенной деградации с внедрением в окружающую среду продуктов жизнедеятельности: подобных себе репродуцированных объектов и субъектов, другого материального и духовного наследства.

Первым актом проявления Сущего является рождение нового звена в мировой цепочке открытых систем — рождение новой системы в результате взаимодействия двух начал: материального и организующего.

Материнское начало в субъекте или во Вселенной ответственно за накопление и приумножение исходного материала для формирования системы; а оплодотворяющее его отцовское начало структурирует этот материал в соответствии с

неким планом — сценарием отражения живого мира в его новой монаде — единичном субъекте — объекте.

Это взаимодействие двух начал не есть некий вторичный процесс создания мира в результате деления некоей исходной Сущности на две половины, как это интерпретирует Е.П. Блаватская в «Тайной доктрине» (М: Сиринь, 1993).

Абсолютизируя пространство как вечно пребывающую Сущность — источник всех своих эманации (проявлений в результате истечения неких светоносных начал), эзотеризм Блаватской исходит из концепции замкнутости этого бесконечного пространства, будто в мире больше ничего нет. Тогда поневоле ей приходится предусматривать «потенциальное Пространство внутри отвлеченного Пространства» (т. 1, кн. 1, с. 39), «Зародыш в Корне» — то, что вечно существовало» и «Великое Дыхание» — «то, что вечно исходит и приходит» (там же, с. 45).

«Пространство должно быть признано или самосущим, бесконечным и вечным, или же имеющим причину во вне, за собою и за пределами себя. И, все же, если бы подобная причина была найдена и определена, это... отбросило бы трудность начала еще на шаг назад, не выиграв добавочного света, что касается до перво-причинности» (там же, с. 44).

Но попытка найти эту перво-причинность есть ложное порождение однонаправленности мирового процесса — от некоего универсального Зародыша в Корне до сознательной целенаправленности Жизни высокоорганизованных Субъектов.

Любое пространство, в том числе и Абсолютное, не есть самосущее, оно само является порождением некоей системы и формируется вместе с ней.

Иное дело — межсистемная среда, которой трудно приписать пространственную эманацию в обычном смысле как некую измеримую протяженность. Эта трудность определяется тем, что мы ощущаем пространственность лишь той системы, в которой находимся сами, и пытаемся распространить нашу шкалу протяженности на иную по своей природе пространственную явность межсистемной среды. Мы можем лишь создать в своем воображении образ этой среды, который будет нашим априорным ноуменом, но никак не экспериментально обнаруженным и опытно доказанным феноменальным проявлением ее сущности.

То, что мы моделируем в своем сознании эту межсистемную среду, есть всего лишь абстракция, которая помогает нам увязать взаимодействие между собой различных открытых систем. А это взаимодействие реально существующих систем и есть тот неостановимый процесс «Великого Дыхания», который присущ всему и вся. Но это эзотерическое понятие не есть характеристика замкнутой системы, это действительно общемировой процесс, позволяющий Мулапрактиты (от мула — корень и практити — материя) проявиться в виде живого Источника жизни. Но то, что автор «Тайной доктрины» пытается найти первопричинность в некоем замкнутом единичном мире, есть принципиальная ошибка и эзотеристов и всех философий древности, оставшихся в плену теории Универсуума как единого, но

единственного мироздания, откуда Все и началось. Но каким бы огромным и всеобъемлющим ни было это здание, за его пределами существуют другие миры, о которых мы ничего конкретно не знаем, т.к. не можем их ощутить опытным путем, но существование которых мы допускаем, рисуя в своем воображении общую картину мира.

Признание реальности «чужого Я» есть главный гносеологический принцип, который, будучи даже всего лишь верованием, позволяет нам вырваться из плена самоизоляции от других миров не путем нагромождения различных Высших Абсолютов типа Мулапрактиги нашего Универсуума, а путем признания того факта, что зарождение любого, в том числе и нашего, мира есть результат взаимодействия других столь же реально существующих миров, находящихся по сравнению с нами в более развитом состоянии, на восходящей ветви своего жизненного цикла. Может быть, сегодня они уже «почили в бозе», предоставив нам пройти свой этап общего развития мира, породив другие системы — миры, например, ноосферный мир.

Но память о наших родителях осталась в древнейших буддистских книгах типа «Книги Дзиан», которую надо воспринимать и интерпретировать не как историю нашего мира, а как историю жизни вообще. И в этом смысле эманация тайной доктрины древности, совершенная Е.П. Блаватской, есть величайший подвиг человеческого Разума и человеческой Веры. И хотя современные философы Востока и Запада часто обвиняют ее в эклектическом изложении древних учений о Первопричинах (см. Энциклопедический словарь), главное — не в строгости изложения, а в объемности мысли, вмещающей динамическую картину развития нашего Мира и Жизни в нем.

«Тайная доктрина» делает явным интеллигибельную (умопостигаемую) картину Мира, подчеркивая, что «Первое не может быть Абсолютом, ибо оно есть проявление, ... а безличная Реальность, всенасыщающая Космос, есть чистый нумен (ноумен — В.Б.) мысли» (с. 49).

«Тайная доктрина» утверждает всемирный закон периодичности — «ристаллище бесчисленных Миров, беспрестанно проявляющихся и исчезающих» (с. 51).

Но эти Миры образуют зернистую структуру в шестимерном пространственно-временном континууме Универсуума, где зерна есть системы, а остальное многомерное тело Универсуума занимает межсистемная среда.

Именно через эту среду, представляющую собой «Пустое Нечто», проявляется действие материальных, энергетических и духовных сил, являющихся результатом целенаправленного развития одних Миров; действие, направленное на зарождение нового Мира, который понесет далее эстафету вечного движения, осуществляющего негэнтропийный принцип развития «отдать больше, чем взять».

Каждый из Миров, пройдя свой жизненный цикл, канет в небытие, но оставит после себя в поле вечности трехмерного тела времени свой след. Один — материнский в виде материального хаоса, напоминающего «Пустое Нечто»; другой след — отцовский, организующий этот хаос в упорядоченное движение. Движение — как

интегральное взаимодействие полевых структур различной субстанции, приводящее к уплотнению материальной субстанции и формированию плотного тела Мира.

В этом аспекте следует рассматривать двойственность проявления «Пустого Нечто» в виде духовного (организующего) и материального начал при зарождении новой системы. Это согласуется и с первым принципом «Тайной доктрины» о том, что Абсолют — Единая Реальность выступает в двух аспектах: Парабраман есть область Сознания, а Мулапрактити есть корень Материи. И все эманации (излучения) Вечной Реальности «также двуначальны, становясь в своих низших аспектах мужским и женским началами» (с. 53).

«Пространство называется Матерью до его космической деятельности и Отцом — Матерью при первой стадии пробуждения» (с. 53). Этот тезис «Тайной доктрины» означает, что «Пустое Нечто», охваченное очередной волной периодически обновляющейся природы, проявляет первую дифференциацию своего материального хаоса под влиянием организующего начала, исходящего от результатов духовной — интеллектуальной жизнедеятельности соседних систем. Это же соединение двух начал отмечено и П.Т. де Шарденом в его «Феномене человека» (М.: «Наука», 1987): «Каждое существо построено (в феноменальном плане) подобно эллипсу вокруг двух сопряженных фокусов — фокуса материальной организации и фокуса психической сосредоточенности; при этом оба фокуса изменяются согласованно, в одном и том же направлении» (с. 58).

Та же мысль и у Р. Штайнера в его «Летописи мира» (изд. Калуга «Духовное познание», 1992): «Так появляется теперь телесный предок человека, состоящий из двух частей. Одна из них — физическое тело (физическая оболочка). Она подчинена физическим и химическим законам окружающего мира. Вторая часть — совокупность органов, подчиненных особому жизненному началу (пране)» (с. 73).

Подобно «пране» существуют и иные жизненные начала, формирующие многотелесные существа.

Дух — не есть продукт Материи, как не обоснованно и обратное утверждение. Помимо атомно-корпускулярного вещества (плотной формы материи) существует и энергетическая и духовная форма интеллигибельного (умопостигаемого) мира, которые в своей совокупности составляют материю (возможно, существует и другие начала). «Все сущее есть материя... Материален мозг, материальны и результаты его деятельности» (М.М. Интизаров «Глубины материи», М.: 1993, с. 57). Все эти материальные начала в своих взаимодействиях и составляют Сущее, в том числе и жизнь.

Неорганизованная Материя и организующий Дух (Сознание) не есть две независимые реальности, они как два сопряженных фокуса формируют в «Пустом Нечто» двухначальный Мир, рождающийся из хаоса и эволюционирующий в высокоорганизованную систему, продуцирующую до своего заката новые материальные и духовные реалии.

Этот процесс зарождения и эволюции отдельной системы (любой сложности) есть ее индивидуальная Жизнь; но жизнь отдельной системы есть лишь этап общего

волнообразного развития природы, где ничто не остается неизменным, а составляет спиралеобразную траекторию Вечного Движения.

Вечная Жизнь и Вечное Движение — синонимы. Рождаются и умирают отдельные системы (организмы, субъекты, Миры), но Жизнь — продолжается не путем некоего божественного действия, а как естественный негэнтропийный процесс, свойственный всем открытым системам.

Прежде чем перейти к обсуждению этапов формирования и функционирования жизнедеятельных систем, еще раз поясним возможность формирования из хаоса высокоорганизованных структур, что является результатом негэнтропийного Вечного Движения и исходным условием творческой деятельности Жизни.

Порядок — из хаоса.

Глядя на совершенные (с точки зрения не индивидуальной, а общепринятой соборной оценки, что говорит о ее объективности) формы многих созданий и явлений Природы (снежинки, радуга, листья, человек, небо) и не в силах найти тому чисто логическое объяснение, мы приписываем эту красоту предначертанию Всевышнего.

Однако по мере нашего мыслительного и подсознательного проникновения в Сущее многое из тайного становится явным не только в силу наших интуитивных представлений, но и из чисто научных опытов и заключений.

Примером тому, имеющим непосредственное отношение к процессам жизнедеятельности, является формирование неких организованных структур из хаотических субстанций.

Как белый свет — не есть «ничто», потому что во взаимодействии с каплями жидкого вещества он дифференцируется в семицветную радугу. Так и Хаос — есть не «Ничто», а «Нечто», под влиянием внешних сигналов другой субстанциальной природы дифференцируется, как минимум, на два начала, взаимодействие которых порождает дальнейшее расслоение Хаоса и образование множества организуемых извне и самоорганизующихся в систему элементов.

У П. Эткинса есть интересные примеры так называемого созидательного хаоса, заимствованные им не только из наблюдений, но и из программного моделирования образования структур в неравновесных средах. А любая среда в цепочке открытых систем есть неравновесная среда, потому что под влиянием действующих систем в ней непрерывно совершаются периодические процессы.

Процессы размножения и деградации (гибели, рассыпания) всех сущих образований есть вечное и непрерывное явление любого мира.

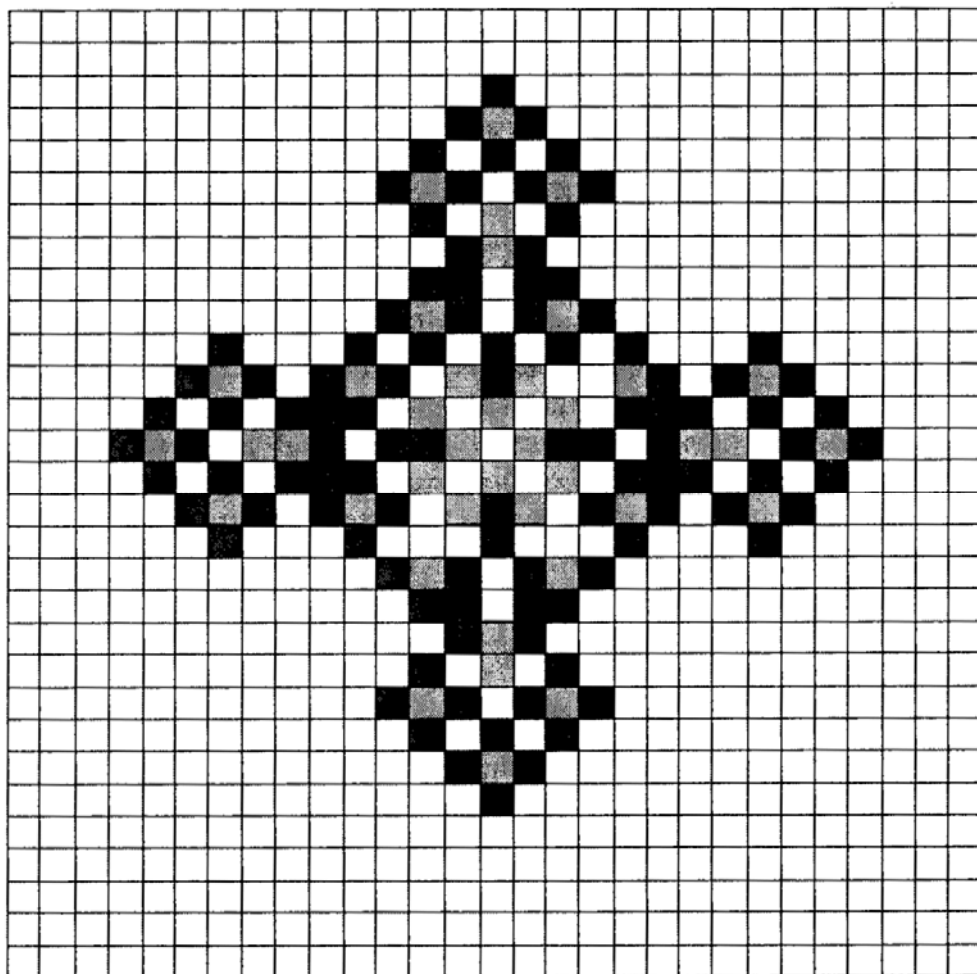

Рис. 1.5. Узор жизни (12 поколение)

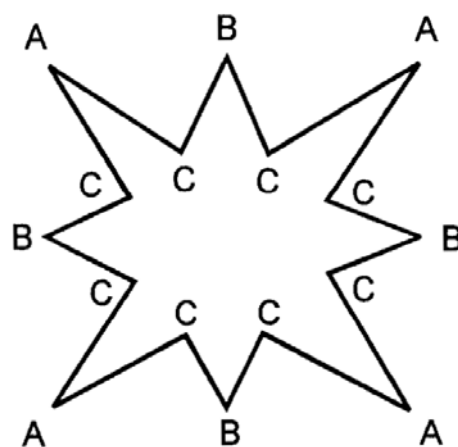
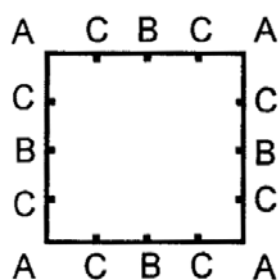

Рис. 1.6. Диаграмма селективного роста

«Чередование активности и пассивности в Космосе отражается в периодичности всех проявлений Природы» («Космические легенды Востока». М.: «Сфера», 1991, с. 14). И не столь уж необычны явления типа реакции Белоусова-Жаботинского, описанных Н. Пригожиным и Г. Хакеном, когда в открытых системах из хаотически движущихся молекул их взаимодействие под влиянием внешних сигналов может приводить к явновыраженным проявлениям спиралеобразных пространственных структур.

Сопоставление древних космологических гипотез чередования темных и светлых полос в процессе мироздания с экспериментально зафиксированными в опытах химическими реакциями образования и распада структур позволяет утверждать о реальности и повсеместности негэнтропийных тенденций в пульсирующем характере взаимодействия любых открытых систем.

Волны на поверхности воды есть обычная реакция однородной среды на внешнее воздействие — бросание в нее твердого предмета. Но подобные же волны возникают в любой среде: твердой, жидкой, газообразной или плазменно-эфирной. В одних случаях эти волны затухают, а при определенных условиях появившиеся волнообразные (спиралеобразные) структуры как бы затвердевают, когда внешняя организующая энергия переходит в структурную энергию, а затем и в вещественную организацию системы.

Однако этот процесс формирования и закрепления организованных и достаточно сложных структур в среде, подверженной воздействию полевых сигналов не есть осуществление некоего изначального замысла Творца.

Ю. Иванов, опираясь на основы ритмодинамики, приводит не статичные, а динамичные портреты саморазвивающихся систем.

«Причиной ускоренного движения не обязательно должна быть сторонняя сила — ею может являться и аритмия, т.е. увеличивающийся во времени сдвиг фаз (первоосцилляторов — В.Б.)» (Ю. Иванов «Ритмодинамика», с. 153).

Внешняя сила, направляющая эфир в сторону Земли, приводит к повышению давления в околоземной среде, что, в свою очередь, увеличивает частоту пульсаций протоосцилляторов, возбуждающих волны в эфире, главная суть которого — передача колебаний от одной системы к другой.

Покоящийся или движущийся в среде одиночный осциллятор создает интерференционную картину в виде чередующихся темных и светлых полос, образующих строго круговую или смещенную в сторону движения диаграмму с одним центром (рис. 2.3).

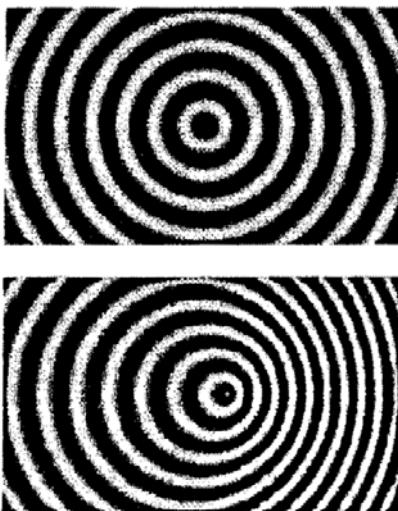

Рис. 1.7. Круговые волны от покоящегося и движущегося осциллятора

При наложении колебаний от различных осцилляторов можно получить самые различные интерференционные картины.

Так, интерференционная картина от двух осцилляторов (рис. 2.4) при синхронном и асинхронном изменении их частот может приобретать весьма причудливый вид.

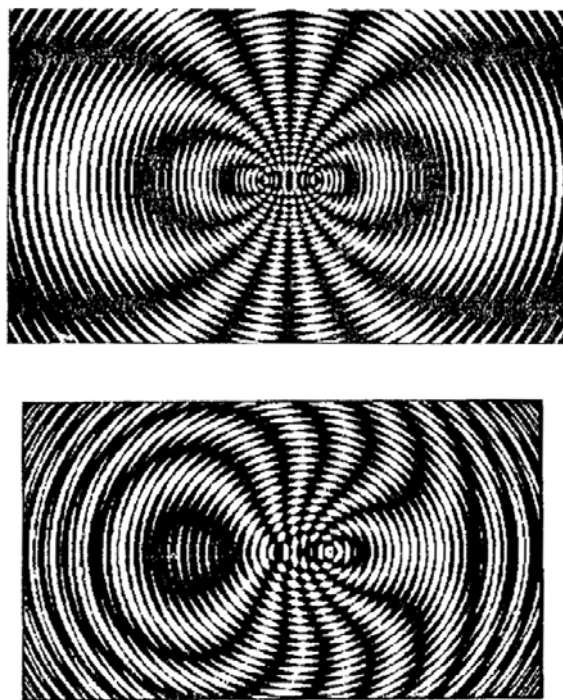

Рис. 1.8. Интерференционные картины от двух осцилляторов с синхронным и асинхронным изменением их частот.

Меняя частоты и сдвиг фаз осцилляторов, Ю. Иванов получает неожиданные спайдер-эффекты (о их сути речь шла в разделе «Ритмодинамика»), проявляя различные спиралеобразные формы, картины паучьей сети, самих пауков, формы индуистского божества Брахмы и многое другое.

Все это дало ему основание высказать гипотезу о том, что индуистская мифология и обнаруженные спайдер-эффекты дают схожую картину мироздания. Согласно мифу Великий Паук (Бог Брахма) из зародыша Вселенной (ядра осциллятора) силой внутреннего саморазвития (изменением частоты и сдвига фаз протоосцилляторов) тклет сеть — паутину, связывающую мир света и мир тьмы. Автор назвал полученную картину гравитационного паука Брахма-эффектом.

Тем самым алгоритм мироздания сводится к фазочастотным изменениям взаимодействующих осцилляторов.

Негэнтропийный процесс, возникающий в какой-либо открытой системе за счет действия иных уже организовавшихся систем, порождающих своеобразные продукты жизнедеятельности в виде несущих организованную информацию сигналов, может быть следствием достаточно простых явлений.

П. Эткинс («Порядок и беспорядок в природе», М.: «Мир», 1987 г.) в качестве примера приводит описание компьютерных игр под названием «Воспроизведение» и «Жизнь» (с. 191-197).

Сначала в центр плоскости помещается единичная фишка — зародыш. На следующем этапе по всем соседним четырём сторонам размещаются такие же фишки. Затем то же достаточно простое правило применяется снова, после чего дедовская центральная фишка убирается с поля. Повторение такой процедуры с наращиванием детских и устранением дедовских фишек довольно быстро приводит к появлению сложных симметричных картин, в которых явно просматривается гармония. В игре «Жизнь» вводится всего два правила:

«рождение: фишка может «родиться» в любой ячейке с тремя и только тремя соседями;

смерть: фишка «умирает» от одиночества, если у нее становится менее двух соседей, или от тесноты, если таких соседей становится более трех» (с. 193).

П. Успенский в своей книге «Новая модель Вселенной» приводит ряд примеров, иллюстрирующих появление достаточно сложных фигур на плоскости в результате естественного геометрического роста простейших конфигураций при соблюдении некоторых весьма простых правил.

«Законы роста, т.е. движения, начинающегося от центра по радиусам при расширении и сокращении, выдвигают теорию, способную объяснить причины симметричного строения живых тел» (с. 118).

При этом используется всего навсего правило, гласящее, что скорость движения всех частиц пропорциональна длине линий, соединяющих эти частицы с центром; а расстояние между частицами увеличивается пропорционально их удалению от центра. Так, пусть исходной фигурой является квадрат, у которого

вершины — точки А, середины сторон — В, а середины этих отрезков АВ — точки С. Все точки при свободном расширении исходного квадрата будут оставаться на равном расстоянии от центра, и фигура остается квадратом.

Однако если точки из группы С, встретив препятствие, остановились в своем росте, а А и В движутся, квадрат превратится в правильную симметричную звезду.

Если же расширение происходит относительно нескольких исходных центров, расположенных на одной линии, то относительно центральной линии получим фигуру типа зубчатого листа. Если же будем рассматривать исходную фигуру не на плоскости, а в трехмерном пространстве, а центры, относительно которых идет рост (расширение) фигуры, лежат не на одной оси, то полученная фигура напоминает живое тело с симметричными конечностями. Если фигуру на одной стороне сложенного пополам листа симметрично отразить на вторую половину, то разнообразие зубцов линий удвоится, а эффект усложнения симметричной конфигурации фигуры умножится.

Учитывая, что рост (расширение) фигуры происходит не по прямым радиусам, а вокруг спиралеобразной траектории, нетрудно предположить, сколь многообразна структурная конфигурация пространственных фигур в процессе их развития.

Таким образом, даже чисто геометрический подход показывает, что сравнительно простые правила прикладывания друг к другу растущих и отмирающих частиц простейшей конфигурации дают в итоге огромный арсенал разнообразнейших гармоничных структурных организаций систем, состоящих из этих частиц. В этих гармоничных образованиях следует видеть не руку Творца, а определенный алгоритм формирования этих структур, свойственный как косной, так и живой материи. Но и та и другая — растут, репродуцируют себе подобных; следовательно — живут и развиваются.

«Такие важнейшие атрибуты нашей Вселенной, как сложность, устойчивость и кажущаяся целенаправленность есть следствие очень простых явлений, управляемых не слишком жесткой системой правил» (П. Эткинс, с. 197).

Другой немаловажной проблемой формирования порядка из хаоса является направление этого процесса, обусловленное естественным и неестественным ходом развития.

Оставаясь в плену особенностей замкнутых систем, где естественный процесс обусловлен увеличением энтропии, многие считают упорядочивание неестественным процессом. А если он и имеет место, то уменьшение хаоса (локальное уменьшение энтропии) возможно только за счет соответствующего гораздо большего увеличения энтропии внешнего источника. Отсюда делается вывод, что во Вселенной процессы суммарно идут в направлении роста хаоса, а жизнь есть продукт деятельности Творца.

«Только хаос «решает», какой процесс должен происходить, так что иногда кажущееся отсутствие рассеяния как раз и служит его замаскированным проявлением» (П. Эткинс, с. 160). В качестве примера автор приводит так называемый гидрофобный эффект — явление концентрации капли масла в воде, которое внешне выглядит как противоестественный процесс, ибо с энергетической

точки зрения менее выгодно, когда молекулы масла находятся в окружении молекул воды, а не в окружении подобных себе молекул. Казалось бы, для осуществления такого явления в каплю должна втекать энергия извне, а в действительности масло без внешнего вмешательства самостоятельно коагулируется и не растворяется в воде. Автор находит объяснение такому гидрофобному эффекту в том, что по мере размешивания масла в воде ее молекулы принудительно захватывают молекулы углеводорода в своеобразную «ловушку», для чего воде приходится приобретать более высокую степень упорядоченности за счет внешних сил. Тем самым молекулярные структуры увеличивают местный порядок за счет общего увеличения энтропии внешней среды.

Общее объяснение факта локальной структурной упорядоченности за счет естественного процесса снижения потенциала внешней среды иллюстрируется простейшим механически примером.

Большая гиря, с которой через шкив соединена меньшая, при естественном падении расходует свой потенциал, но за счет этого поднимает кверху малую, увеличивая ее запас потенциальной энергии.

Приведем еще один пример из книги П. Эткинса, иллюстрирующий естественный процесс формирования местной высокоорганизованной структуры — белковых цепочек, который происходит за счет притока энергии извне. Но затем попытаемся для мира открытых систем продискутировать естественность энтропийных и неэнтропийных процессов.

Молекулы белка представляет собой цепочку простейших аминокислот, соединяющихся между собой так называемой пептидной связью — CO-NH. Эта связь соединяет аминогруппу одной кислоты с карбоксильной группой другой, образуя в итоге достаточно длинные цепочки различных аминокислот. Такие пептидные цепочки свернуты в так называемую альфа-спираль, что обусловлено взаимодействиями между атомами кислорода и азота, находящимися на пептидных связях. Альфа-спираль являет собой пример высокоорганизованной структуры, она «более выгодна, чем чисто случайное расположение цепочек, поскольку соответствует более хаотичному состоянию Вселенной,... так как при формировании водородной связи происходит выделение энергии в окружающую молекулу среду. Конкуренция этих факторов решается в пользу рассеяния энергии, а не в пользу установления хаоса в разупорядоченной цепочке. Итак, если спираль образуется, мир в целом становится менее упорядоченным» (там же. с. 164-165).

Гидрофобный эффект приводит к тому, что углеводородные части пептидных групп концентрируются внутри молекулы белка, а водоподобные (гидрофильные) части — располагаются на поверхности. Под влиянием взаимодействия отдельных частей цепочки, в том числе и взаимодействия электрических зарядов, которыми обладают отдельные части, спираль изгибается, энергия выделяется в окружающее пространство, а новая форма молекулы как бы «замораживается». Для «размораживания» необходим подвод энергии извне, например, при варке яйца, когда происходит так называемая денатурация белка (раскручивание и распрямление спирали).

Поскольку процесс денатурации есть процесс эндотермический (с поглощением теплоты извне), то экзотермическая реакция формирования спирали есть созидательный процесс, «созидательная роль энтропии... Стремление (внешнего — В.Б.) мира к хаосу прижимает белковые нити друг к другу; именно за счет повышения степени беспорядка в окружающей среде и возникает четвертичная структура» (там же, с. 166). Эти экзотермические структуро-формирующие реакции относятся к высшим конформациям — четвертичной, третичной и даже вторичной структуре белка. Образование же первичного соединения аминокислот в пептидную цепочку — биосинтез белка происходит в результате таких же реакций благодаря рассеянию энергии, однако с обязательным участием формообразующей матрицы ДНК и регулирующим действием ферментов-катализаторов, ускоряющих скорость химических реакций в 10^{10} - 10^{13} раз.

Молекулы ДНК служат своего рода матрицей, в соответствии с которой соединяются друг с другом аминокислоты, образующие белковые цепочки. Они придают форму той первичной структуре белка, которая служит основой «живой» молекулы. А ферменты, добываемые, как правило, из живой материи, регулируют скорость этого формирования. По сути дела ферменты и ДНК служат тем «отцовским» структуроформирующим началом (общим и индивидуальным), которое из массы неживых аминокислот формируют «живой» белок в виде многоуровневого структурного образования, обладающего функцией саморазвития.

Процесс развития жизни не является столь уж таинственным. «Для размножения клеток требуется изготовить большое число новых белков, а также снять копию с молекулы ДНК. Эта операция происходит так: двойная спираль ДНК расплетается и к каждой половинке пристраиваются новые азотистые основания, образующие точную копию материнской молекулы. Затем сворачиваются в спираль и сшиваются половинки и старой ДНК, и вновь изготовленной». (М. Карпенко «Вселенная разумная», М.: «Мир географии», 1992 г., с. 275). В процессе репликации ДНК важную роль играют катализаторы — ферменты, а также митохондрии, которые играют роль химических источников энергии для клетки (П. Эткинс, с. 175). Тем самым заимствуя энергию из химического вещества в процессе его распада и используя ее для образования новых клеток (как белково-нуклеиновой, так и другой природы), мы (а точнее, природа) синтезируем живое вещество.

«Всякий синтез оплачивается» (П.Т. де Шарден, с. 51). Энергия, являющаяся источником и стимулом зарождения новой формы и ее развития, усваивается организмом из внешней среды и переходит затем в структурную энергию и структурированное вещество. Однако часть этой энергии безвозвратно «энтропизируется», т.е. возвращается из живого вещества в окружающую среду в виде теплоты-энергии более низкого качества.

С чисто физической точки зрения «в ходе синтеза что-то окончательно сгорает, как плата за этот синтез» (там же).

В любой замкнутой системе, в том числе и такой огромной, как наша Вселенная, одновременно действуют два закона: сохранения количества и качественной деградации энергии.

Не всякая энергия способна произвести полезную работу. Количественно энергия не исчезает, она превращается при совершении работы в энергию более низкого качества, в частности, в теплоту, которая остается в замкнутой системе, уменьшая ее энергетическую ценность, что выражается в росте энтропии системы.

Однако, как отмечалось ранее, система характеризуется степенью диссипации или показателем качества η . Для диссипирующих систем всегда $\eta < 1$. И это означает, что для существования развивающихся систем они должны поглощать извне организованный материал; т.е. окружающий мир должен расходовать свою организованность. В нем что-то должно при этом погибать.

Негэнтропийный вектор «устойчивого развития».

Земля возникла из газового облака несколько млрд. лет тому назад и стала не просто уплотняться (концентрировать массу), но и структурироваться — появились вода и минералы, реки и горы, растения и животные, человек и ноосфера.

Процесс структурирования есть объективный процесс «устойчивого развития» динамического перехода «от простого — к сложному» по пути повышения негэнтропийности (организованности) большой системы, какой является и вся наша планета и населяющее ее человечество.

Разумеется, структурируется не только вещество, обладающее массой, но и любое материальное (в широком смысле этого слова) образование, в том числе энергия и информация.

Любая сложная система имеет, как минимум, три среза (страты) своего описания: морфологическое, функциональное и информационное, причем «в наибольшей степени морфологические свойства связаны с распределением вещества, функциональные — с преобразованием энергии, а информационные — с организацией» (В.В. Дружинин, Д.С. Конторов «Проблемы системологии», с. 75).

Каждая из этих страт не существует сама по себе, они являются лишь разными гранями (разными представлениями) единой материальной системы, находящейся в непрерывном взаимодействии с окружающей средой. В процессе этого взаимодействия система реализует свой «жизненный цикл», причем разные страты трансформируются зависимо друг от друга.

Перераспределение вещества в системе связано с энергетическими потоками, а преобразование энергии происходит вкупе с информационными трансформациями.

Известная формула $\Delta E = \Delta m c^2$ может интерпретировать тезис, что любое изменение массы физического тела (Δm) сопровождается изменением его энергетического уровня на величину ΔE (и наоборот); тогда аналогично можно сказать: любое изменение энергии системы (ΔE) меняет уровень ее негэнтропии ($\Delta \Theta$), т.е. предполагается наличие связи

$$\Delta \Theta = \Delta E \cdot b^2$$

Если коэффициент связи «с» (скорость света) отражает скорость фотона как волнового эквивалента овегественной частицы, то, по-видимому, коэффициент «b» будет характеризовать некую связь между изменением энтропии (уровня организации системы) и соответствующим изменением ее энергетического уровня.

Известное в термодинамике выражение

$$\Delta \mathcal{E} = -\frac{\Delta Q}{kT}$$

где k — постоянная Больцмана, T — абсолютная температура, а $-\Delta Q = \Delta E$ есть величина диссипирующей энергии, переходящей в тепло и повышающей энтропию (уменьшающей неэнтропию) системы, является лишь частным случаем более общей зависимости между энергией и неэнтропией, характеризующей уровень организации системы

$$\Delta \mathcal{E} = \int_V p \log_2 p dp,$$

где, в свою очередь, p — распределение вероятности разрешенных в объеме V структурно-энергетических состояний системы, в которых могут находиться ее элементы.

Другой формой проявления этой зависимости является процесс активного измерения (снятия энтропийной неопределенности), сопровождающийся внесением в объект некоторой порции энергии (Р.П. Поплавский «Термодинамика информационных процессов» М: Наука, 1981).

Энергия берется из внешней среды не только для придания системе импульса движения, но и для наполнения ее энергетического потенциала в виде запасенной энергии и в специфичном виде потенциальной энергии — структурной организованности системы. **Энергия структуры есть неэнтропийная характеристика системы и эквивалентна той работе (физической либо интеллектуальной), которую может совершить система без подпитки извне за счет запасенного потенциала.**

Более высокоорганизованная система обладает большим энергетическим потенциалом. Так, кристаллический алмаз более энергоактивен, чем такое же по массе количество углеродистой сажи. Лазер, в котором реализуется когерентное движение энергонасыщенных частиц, именно в силу структурной упорядоченности обладает гораздо большим энергетическим воздействием, чем хаотическая масса этих частиц, дающая лишь тепловой эффект. Энергия зеленого листа есть запасенная энергия солнечного света, сконцентрированная в самой структуре листа, являющейся как бы отражением его функционального предназначения. Высокоорганизованный субъект обладает более высокими способностями и производит гораздо больше полезной работы, чем хаотично действующий человек.

Энергия группового сообщества выше суммы энергетических возможностей его отдельных членов ($i = 1, \dots, n$) на величину E_S , характеризующую эффект организованной системы

$$E_{\Sigma} = E_S + \sum E_i$$

Этот системный эффект определяется запасенной структурной энергией

$$E_S = \Delta E = E_{\Sigma} - \sum E_i$$

которая пропорциональна негэнтропии системы (ΔE), характеризующей ее структурную организацию ($S = \Delta E$).

В информатике величину структурной негэнтропии (а, следовательно, и величину запасенной структурной энергии) отождествляют с понятием тезауруса системы. Тезаурус (S) есть суммы накопленных системой знаний о себе самой и о внешней среде, с которой она взаимодействует, т.е. тезаурус есть самоотображение системы и определяет степень организованности вещества и энергии, стабильность и способность реагировать на внешние воздействия.

Если в формуле $p = 0$, т.е. все элементы системы находятся в хаотическом состоянии, ее структура отсутствует, $S = 0$, $\Delta E = 0$ и $E_S = 0$.

Если $p = 1$, т.е. поведение системы жестко детерминировано, ее отклик на входной сигнал однозначен. Такая «застывшая» система не обладает никакой структурной энергией, которая может быть использована как характеристика адаптационных возможностей системы и ее естественного развития. Одним из наиболее важных для живучести «большой» системы адаптационных свойств является способность к размножению, которое можно трактовать как переход в некоторое новое структурное образование.

В процессе своего развития негэнтропия системы (ее структурная организованность — тезаурус S) возрастает с 0 (при $p=0$) до некоего максимума, а затем вновь спадает, но более полого, до нуля (при $p=1$). В период максимума негэнтропии (максимальный тезаурус) система становится предрасположенной к своему воспроизводству, когда запасенной энергии и информации достаточно для обеспечения жизнеспособности и основного организма и для начала жизни нового образования, отражающего в себе основные структурные черты «родителя».

За счет смещения максимума (срок до наступления «возраста», при котором система начинает «размножаться», меньше, чем срок последующей жизнедеятельности данной системы) общее число элементов «семейства», состоящего из нескольких поколений (1, 2, 3, ...) систем, неуклонно растет.

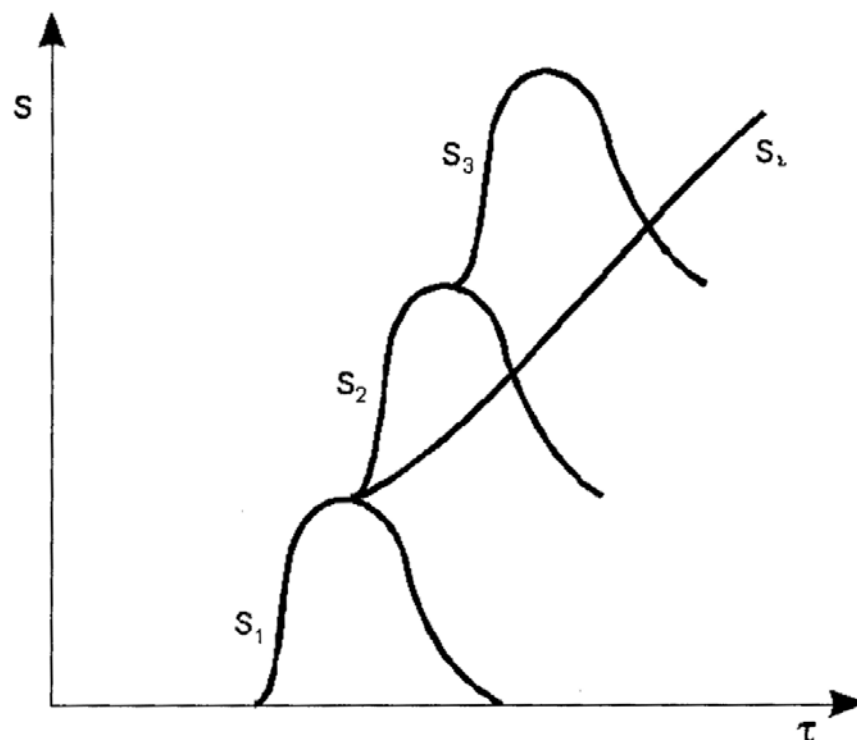

Рис. 1.9. Изменение тезауруса системы за несколько поколений.

При этом растет и тезаурус «семейства» S_{Σ} , отражающий своей структурной организацией накапливающийся опыт поколений.

$$\Delta S_{\Sigma} > 0$$

есть признак «устойчивого развития».

При нарушении последнего условия в случае $\Delta S_{\Sigma} = 0$ наступает стагнация системы, а в случае $\Delta S_{\Sigma} < 0$ — ее деградация.

Обеспечение этого условия определяется энергоинформационным взаимодействием системы с окружающей средой. В условиях замкнутой системы, когда такого взаимодействия нет, развитие невозможно. «Устойчивое развитие» имеет место только для принципиально открытых систем (необходимое условие). Связность нашего мира, когда любая система является частью более общего структурного образования — сообщества систем («семейство» — один из вариантов такого сообщества), обеспечивает выполнение этого необходимого условия.

Достаточность же достигается тем, насколько «занимаемая» из окружающей среды энергия преобразуется в процессе жизнедеятельности системы в энергию более высокого качества (более высокоорганизованную энергию в виде потенциальной структурной энергии «семейства»), трансформирующуюся впоследствии в более содержательные энергоинформационные выходные сигналы, наполняющие окружающую среду — ноосферу.

Разумеется, само «семейство» входит в более общее структурное сообщество, в котором действуют аналогичные схемы, но при этом все время будет меняться соотношение «система — окружающая среда».

Для единичной системы окружающее «семейство» уже будет окружающей средой, а для «семейства» в качестве среды будет сообщество и т.д.

Важным является то, что энергия среды впитывается системой, преобразуясь в структуру и пополняя тезаурус системы, которая, в свою очередь, отдает часть себя для воспроизводства нового поколения. Но процесс превращения энергии в структуру, а затем и в массу нового тела $E \rightarrow S \rightarrow M$ не является однонаправленным.

Одновременно идет и процесс выделения из системы в окружающую среду энергии различного вида: и низкопотенциального тепла $E_H = \Delta Q$, выделяемого при совершении системой любой работы, и высокопотенциальной энергии (E_B) как продукта творческой жизнедеятельности данной системы (семейства — сообщества и т.д.).

Энергия среды E^0 тоже неоднородна по качеству: низкопотенциальная энергия E^0_H впитывается системой и количественно повышает ее массу и энергонасыщенность, служит источником для трансформации этой энергии в более качественные виды, в том числе и в структурную энергию; высокопотенциальная энергия среды E^0_B служит как бы информационным катализатором такого преобразования. Так, мысль организует поток информации, а сама информация структурирует энергетический поток; энергия же, в свою очередь, формирует массу и структуру тела, в результате чего масса тела размещается на определенных энергетических уровнях.

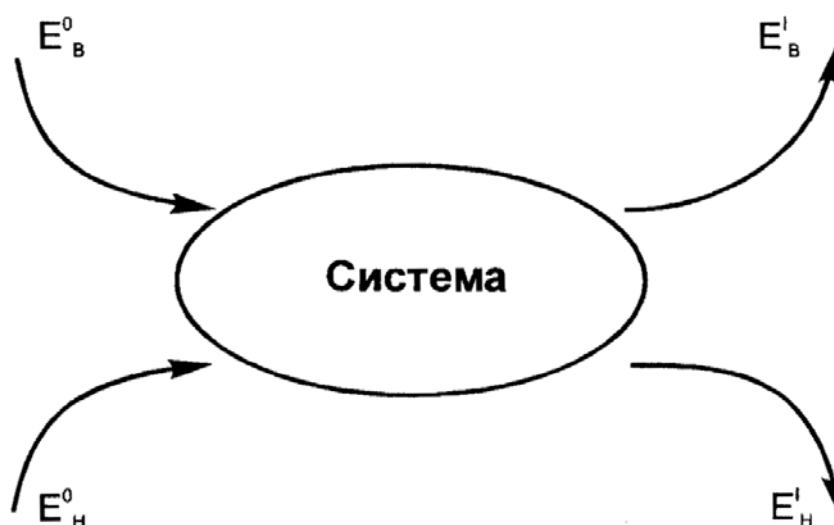

Рис. 1.10. Обмен энергией между системой и средой.

Поэтому в открытой системе неизбежно будет нарушаться традиционный закон сохранения энергии — часть ее будет превращаться в массу, а часть — в особый вид потенциальной энергии, ее структуру (негэнтропийную организованность, запас информации — тезаурус), также как и часть этого запаса (структуры) может, высвобождаясь, давать дополнительную энергию. Примером тому является процесс образования нефти и угля, концентрирующих в своей структуре многовековой поток солнечной энергии, а также процесс радиоактивного распада с высвобождением большого количества ядерной энергии.

Оба процесса идут параллельно — и концентрация в структуре системы низкопотенциальной энергии окружающей среды под каталитическим воздействием упорядоченных (информационных) сигналов E^o_v и высвобождение энергии во внешнюю среду в виде собственно энергетического воздействия E^o_n (в первую очередь, тепла) либо в виде организующего воздействия E^o_v идущего, в свою очередь, на повышение структурной упорядоченности (структурной энергии) других систем.

Разумеется, в процессе «устойчивого развития» не вся масса вещества превратится в энергию, а энергия — в информацию. Наличие всех трех субстанций (всех страт) системы является условием ее существования, ибо превращение всех нас в «лучистое человечество» (по Циолковскому) будет означать исчезновение нашей цивилизации и превращение ее в совершенно иную систему. И все же, **общий принцип развития любой открытой системы** (совокупности систем и среды) — **«отдать больше, чем взять»**, т.е. вектор развития направлен в сторону увеличения негэнтропийности системы, повышения качества производимого ею продукта своей жизнедеятельности.

На начальной стадии своего жизненного пути система (тело, объект, субъект) подпитывается энергией среды, а затем она (система) подпитывает саму среду своими излучениями в виде потоков низкоорганизованной (тепловой шум) и высокоорганизованной энергии (информации). При этом часть запасенной в самой системе структурной энергии (негэнтропии) является как бы новым источником энергии, идущей на ее адаптацию к изменяющимся внешним воздействиям, а также на размножение собственной системы (на развитие семейства).

Для слабоорганизованных (малоинтеллектуальных) систем затраты E^o_n были большими, и эта энергия шла на количественное увеличение массы системы и ее элементов. Но большая единичная неструктурированная масса (у динозавров — большое тело при маленькой голове) приводила к вырождению организма, неспособного приспособиться к изменениям окружающей среды. Более выживаемы — семейства с той же общей массой, но меньшей — в одной особи, за счет их количества и стадной организации. Даже такая примитивная организация обеспечила многовековое существование муравьев и термитов, рыб и птиц, травы и кораллов. Гибнут — отдельные особи, но сохраняется семейство (популяция).

Крупные объекты, хотя и более экономичны, но менее надежны. Распределенные системы обладают большей надежностью и живучестью.

Во всякой динамической системе в процессе энергоинформационного обмена со средой возникает опасность развития неустойчивости и потери живучести. Если считать среду источником бесконечно большой мощности (по энергии и информации), то неустойчивость самой системы определяется отставанием развития ее тезауруса от разрушительных внешних воздействий, в результате чего система не успевает приспособиться к среде. «Родители», подпитывающие систему высокоорганизованной энергией E^o_B пополняют тезаурус «дитя», усиливая его организованность и адаптационные возможности. Для устойчивости необходимо, чтобы $E^o_B > E^o_H$ и тезаурус во времени τ рос, т.е. $S(\tau) > 0$.

Для того, чтобы и среда не оскудевала, система со временем должна выделять (порождать) из себя $E^I_B > E^o_H$, т.е. ее организованность (негэнтропия) должна непрерывно возрастать, вначале — за счет внутреннего тезауруса, а затем — за счет порождения новых объектов и организации их взаимодействия между собой и с окружающим миром.

Поэтому для устойчивого существования и развития любой открытой системы, в том числе и цивилизации, **опасность представляет не исчерпание энергии вообще** (запасы рассеянной солнечной энергии на несколько порядков превышают все разумные потребности человечества), **а исчерпание высокоорганизованной материи** — структурной энергии, полезной информации, духовности как высшей формы организации энергоинформационных и других сигналов. Засорение среды низкопотенциальным теплом и шумовой информацией, разрушающей структуру высокоорганизованной системы, — вот главные опасности для человечества.

Путь «устойчивого развития» — это путь энерготрансформации $E^o_H \rightarrow E^o_B$, когда слабо организованный поток на входе увеличивает массу системы (не единичную массу одного тела, а массу множества элементов семейства) как вещественной основы тезауруса, а главное — трансформируется в процессе жизнедеятельности системы в высокопотенциальную структурную энергию взаимодействующих элементов, и на выходе системы в окружающую среду (в ноосферу) поступают энергоинформационные сигналы, содержащие больше негэнтропии, чем на входе.

Устойчивость развития определяется такой системой взаимоотношения человечества и окружающей среды, при которой достигается общий рост негэнтропии S — положительный эффект самоотображения и самоорганизации гомонатуросоциума.

Жизненная волна.

Живое вещество является одним из примеров концентрации рассеянной в природе энергии, осуществляемой с помощью мембранного механизма (асимметричного барьера). Делаются попытки (П.К. Ощепков — см. газ. «Спасение», №32, ноябрь 1994 г.) показать принципиальную возможность создания технических энергоинверторов, в которых с помощью барьерного эффекта осуществляется локальная концентрация энергии. «Энергоинвертор должен работать на принципах

квантовой механики и состоять из полупроводниковых потенциальных барьеров с асимметричной прозрачностью, встроенных в ультратонкие проводники или пленки. В них электроны могут восполнить потерянную на преодоление барьеров энергию за счет поглощения тепла из окружающей среды». Разумеется, в среде при этом произойдет повышение энтропии, однако структурированная энергия инвертора способна произвести полезную работу и выдать в среду больше организованного продукта, чем количество взятой извне теплоты в ее рассеянном виде.

Наша Вселенная — не бесконечный континуум. Она — всего лишь сверхбольшая, но столь же открытая система.

Как и всякая система, она имеет свой жизненный цикл и рано или поздно погибнет, пройдя все стадии своего существования и дав жизнь новым системам.

Но в этом вечном процессе «Великого Дыхания» есть две составляющие. Одна — характеризует вещественно-энергетический обмен, происходящий в соответствии с тенденцией развития закрытых систем — в сторону возрастания энтропии. Другая — энергоинформационный обмен, когда информационный продукт жизнедеятельности уже высокоорганизованной системы способен не только оценить, но и изменить качество энергии. И на уровне Вселенной, как и для более простых систем, возможен негэнтропийный процесс превращения хаоса (теплоты) в порядок (полезную энергию).

Какой из этих процессов окажется в итоге доминирующим, покажет не только время, но и наше умение придать окружающему миру характер саморазвивающейся системы с показателем качества $\eta > 1$ за счет знания процессов жизни, умения их контролировать и разворачивать в сторону негэнтропийности путем продуцирования высокоорганизованной духовной материи, используемой в качестве матрицы и катализатора жизни.

А то, что жизнь есть процесс не просто преобразования однородной материальной субстанции (вещество — в вещество, энергии — в энергию), видно из простейшего примера.

Обычная схема: волк — кролик — капуста иллюстрирует этот неоднаправленный процесс.

Для своего существования хищник поедает жертву, а вместе с пищей впитывает в себя не только материал для развития своих клеток, но и организованную массу (вещественную и энергетическую), которая идет на структурирование его вновь образующихся клеток. Живой организм вместе с пищей усваивает из среды ее организованность. Чрезмерное уничтожение кроликов вначале способствует приумножению стаи волков, однако затем вступает в действие закон обратной связи, регулирующий численность хищных особей в зависимости от числа их травоядных жертв.

Аналогичная картина имеет место и во взаимодействии травоядных животных с растительным миром.

Сам же растительный мир регулируется продуктами жизнедеятельности животных: отходами и выдыхаемой углекислотой, служащей питательной средой для дыхания растений.

Эта обратная связь между флорой и фауной стабилизирует биоценоз, который регулируется также внешними источниками, в частности потоками солнечной энергии, которые и своей энергией и своей упорядоченностью снабжают земные существа высокоорганизованным калорийным питанием.

В процессе поглощения и переработки пищи в организмах происходит не только структурные преобразования молекул и клеток, но и изотопный сдвиг. В.П. Казначеев (В.П. Казначеев, Е.А. Спирин «Космопланетарный феномен человека», с. 108) отмечают биологический изотопный эффект, заключающийся в тенденции к снижению содержания в организме тяжелых изотопов, в частности, углерода, по сравнению с пищей. Тем самым утверждается, что организм — это не только преобразователь атомно-молекулярной субстанции, но и трансформатор исходного материала как в более структурированное вещество, так и в другой по своему составу химический продукт на субатомарном уровне.

И все же для уяснения самого факта происхождения жизни очень важно подтверждение или опровержение известного принципа Реди: живое зарождается только от живого.

Как скучно академическое определение: жизнь есть способ существования белковых тел. И как многолико, многогранно само явление жизни, в которой всегда есть место и подвигу и, увы, подлости, радости и печали, активному движению и углубленному самосозерцанию, наконец, рождению и смерти.

Жизнь — разорванный овал,

по которому сную.

Где я только не бывал,

что я только не видал,

но все чаще узнаю:

жизнь — всего лишь перевал.

Жизнь — это процесс непрерывного движения всего сущего: и обезличенной материи и одухотворенного субъекта. Жизнь есть проявление «Великого Дыхания» Сущего, именуемого, по древневосточным космическим воззрениям, Логосом.

«Логос — Первопричина Космоса, Великая Божественная Сущность, это первое Слово, рождающееся из Безмолвия, это первый звук, посредством которого начинается Вселенная, это движение Божественной Энергии, которая является одновременно и Светом, ибо Свет есть движение Материи, а также Божественная Мысль, которая дает начало длиннейшему периоду созидания Вселенной» («Космические легенды Востока», с. 18).

Конечно, без восточной цветастости теряется образность, но если проследить конструктивную нить этих рассуждений, то жизнь есть изначальное проявление Космоса, а проявленный Логос есть энергия (в т.ч. и мысль).

Логос создает на плане Мысли идею и проект Вселенной, а затем строит саму Вселенную, оживляя, проявляя в действии Пракосмическую Материю — то «Пустое Нечто», которое образуется в результате деятельности предшествующих миров и которое образует новую Вселенную как один из миров. Как в горах: ты стремишься на вершину, а, взобравшись, убеждаешься, что это — всего лишь перевал, а далее — новые еще более мощные вершины.

«Вселенная состоит из вибраций (проявляющейся) жизни, они облекаются в основные формы материи, из которых развивается все многообразие» (Легенды, с. 24).

Но в отличие от Легенд Логос не есть первопричина всего и вся во всех волнах «Великого Дыхания». Логос есть первопричина (в смысле организации) нашей Вселенной, хотя он сам есть следствие развития других миров, а возможно, и нашего мира как своего будущего творения. **Последействие есть в то же время и первопричина Сущего.**

Когда эволюция материалов (материи — В. Б.) достаточно продвинулась, начинается вторая великая космическая волна, дающая импульс эволюции Жизни.

«Жизнь по мере развития проходит через различные ступени. Она образует последовательно семь царств природы: сперва три элементарных, затем минеральное, растительное, животное и, наконец, человеческое. Эти семь стадий эволюции Жизни называются «Жизненной Волной»... Но и человечество не является последней ступенью эволюции Жизни — ее развитие идет дальше» (там же. с. 30-31).

Итак, Жизнь проявляет Материю, а неживой материи не бывает. «Вся материя живет, тончайшие частицы ее суть жизни» (с. 23).

Столь обильное цитирование не научно-философских источников, а именно легенд позволяет не засохнуть в мертвых формулировках абстрактных истин, а также пройти по дорогам мысли, ибо она формирует ноуменальный мир, жизнепроявляемый в различных феноменальных образах — представлениях.

Древняя мудрость, не столь обремененная конкретными знаниями, была ближе к Сущности мировых процессов. Познавая феномены, мы нередко удаляемся от этой Сущности.

Еще раз: Жизнь проявляет Материю, а Материя — живет. Это взаимодополнение Материя — Жизнь отвергает последовательность причинно-следственных связей. В кольце нет начала и конца. А кольцо — это лишь проекция многогранного незамкнутого мира, спиралеобразно объединяющего пространства отдельных Миров.

Бессмысленно поэтому вообще говорить о том, как появилась жизнь вообще, так же как мы обусловились о вечности проявляющейся материи.

Можно говорить о преобразовании в процессе эволюции одних видов материи — в другие. Так же и «жизненная волна» являет нам то одни формы жизни, то — другие, оставляя неизменным саму жизнь как процесс, как энергию Логоса.

С этой точки зрения, когда Жизнь трактуется столь расширительно как проявление Материи, бессмысленно говорить о «преджизни», описываемой П.Т. де Шарденом.

Можно говорить о «первой» космической волне Логоса, когда эволюция жизненных форм была не столь ощутимой, потому что ощущать было некому (в нашей системе), а наш исторический опыт лишь умозрительно может проникнуть через межсистемную среду в другие живущие системы, о которые бились прежние волны космического бытия.

Жизнь эволюционирует посредством форм. Она — на гребнях своих волн являет нам то свое физическое (энергетическое) начало, то организменную форму, то — одухотворенность мысли.

Но мы не ощущаем, хотя вооружившись сознанием и верой, только умопостигаем, что в провалах этих волн эти формы трансформируются друг в друга. Волновые пучности — это системы, а их разрежение — это межсистемная среда.

«Когда жизнь (в привычном, частном смысле — В.Б.) покидает организм и последний умирает, опыт, добытый *ею* при *его* посредстве, сохраняется. Этот опыт в виде новых навыков переплавляется в новые созидательные способности, которые обнаружатся при последующих усилиях Жизни создать новый организм». (Легенды, с. 30).

Жизнь на время удаляется из организма в свою трансфизическую среду, трансформируясь в более тонкую форму духовного бытия, а затем вновь обнаруживается в других системах, сформированных своими предшественниками через межсистемную среду — «Пустое Нечто».

Нельзя говорить о происхождении жизни вообще, можно говорить о проявлении и развитии тех или иных форм жизни, которые в вышеупомянутых семи царствах природы существуют, взаимодополняя друг друга.

Нельзя говорить о жизни как особой форме существования только высокоорганизованных систем, ибо жизнь присуща всякой материи.

Нельзя противопоставлять вообще Жизнь и Материю, считая, что спираль материального развития — это одно, а жизнь есть некая иная совокупность. Живая флора, погибая, приумножает запасы «мертвого» углеводородного сырья, которые, сгорая, дают жизнь другим организмам.

Вся материя — живет, а способность к обмену веществ не есть отличительное свойство живых и неживых объектов.

Испарения и конденсация, свойственные в той или иной степени любым физическим объектам, есть не что иное как обмен веществ, т.е. первый признак жизни, свойственный всем открытым (взаимодействующим со средой) системам.

Так же всем открытым системам свойственна и реактивность, т.е. способность на реакцию по отношению к внешним раздражителям. Любое физическое тело от чьего-либо соприкосновения либо сожмется — разожмется, нагреется — остынет, вздрогнет — успокоится, сдвинется или рассыпется.

Способность к отражению может проявляться не только мгновенно, но и с помощью запоминания внешних воздействий, а через них и запоминания внешней среды, с помощью тезауруса, имеющегося у любой системы.

Способность к самопроизводству путем простого деления клеток либо двухполового взаимодействия есть не отличительный признак жизни, а свойство любой открытой системы, которая черпает из окружающей среды и материал, и организующие импульсы для своего количественного приумножения и структурной упорядоченности массы.

Поэтому не «трудности строго научного разграничения» отделяют живые и неживые объекты, а *принципиальное отсутствие такой границы в реальном мире открытых систем*. А иного — нет.

Права мудрость, запечатленная в легендах о «тайной доктрине» Космоса — «вся материя живет», а формы проявления жизни, свойственные определенному виду материи, различны и волнообразно развиваются — вверх и вниз: от простого к сложному, а затем через трансфизическую среду частично возвращаются к первичным эманациям Жизни, порождая новые формы жизни и новые материальные миры Бытия.

И уж тем более нельзя расценить жизнь как свойство только белковых тел, ибо даже с точки зрения опытной биохимии, можно найти, как минимум пять пар (кроме нас как белково-нуклеиновых «исполнителей главной роли» и воды как «фона») возможных сочетаний химических соединений, обладающих возможностями возникновения форм жизни, близких к земной.

По мнению американского биохимика и писателя-фантаста А. Азимова, это:

- 1) фторсиликоны, фон — фторсиликоны;
- 2) фторуглероды, фон — жидкая сера;
- 3) нуклеиновые кислоты и белки на основе азота, фон — аммиак;
- 4) липиды, фон — жидкий метан;
- 5) липиды, фон — жидкий водород.

(Цит. по М. Карпенко «Вселенная Разумная», с. 75).

Воистину прав Ч. Дарвин, признавая, что «рассуждать в настоящее время о происхождении жизни просто нелепо. С таким же успехом можно говорить о возникновении материи», (там же, с. 275). Не знаю уж, зачем было делать оговорку о такой нелепости лишь для «настоящего времени».

Как уверовали мы в вечность материи (в ее атомистично-полевом и духовно-вещественном виде), так же следует нам признать и вечность жизни. А отсюда

правомерным становится и обобщенно толкуемый принцип Реди: живое зарождается только от живого.

А вот превращения различных форм живого могут быть более осознаны нами, если в качестве лоции для путешествия по семи ступеням — зонам «жизненной волны» мы все время будем оглядываться на мудрость и фантазию древних.

Эоны жизни.

В отличие от вечного Хроноса зон есть временная часть, соотносящаяся с тем или иным миром, с их жизненным и материальным воплощением. Эон — это не последовательные ступени жизни, это могут быть и одновременно существующие миры, отличающиеся степенью густоты (плотности) своей материальной субстанции и соответствующей формой жизни. Эоны — сыны Хроноса, обрученные с Геей (Землей), Софией (Душой) и другими дочерьми Логоса.

Восточный Логос как первопричина Космоса отличается от античного логоса, низведенного до метода смыслового оформления вещи, тогда как «явленная сущность» предмета составляет его эйдос». — см. А.Ф. Лосев «Бытие, имя, космос», изд. «Мысль», М.: 1993, с. 69.

И семь царств природы, о которых упоминают древние легенды, это миры, находящиеся на разных этапах своего жизненного цикла. И семь эонов жизни — это семь проявлений единого духовно-материального мира.

«Жизнь существует не только в человеческом, животном или растительных царствах, но и в кажущейся мертвой материи минералов, и в организмах невидимой материи ниже минералов и выше человека». (Легенды, с. 31).

«...ниже минералов и выше человека», — это еще раз говорит о том, что семь эонов не исчерпывают все стадии жизни, а «жизненная волна», закончив один цикл, переходит на новый виток спирали. Нам же, привыкшим к плоским картинам, кажется, что все вернулось на исходные позиции, в исходную точку круга, где непрерывное движение как бы скачком переходит от высшей точки предыдущей волны к низшей точке последующего цикла.

И сколько б мы не плакали надрывно,
не в силах увязать концы рукой,
жизнь есть спираль, в которой непрерывно
одна волна бежит вослед другой.

Поэтому, говоря о различных стадиях развития нашей Вселенной, следует постоянно помнить, что она — тоже всего лишь эпизод «Великого Дыхания» мира и мировой жизни. Поэтому не следует искать начало всех начал, как нет его у круга, и тем более не примерять эту исходную точку к нашему околоземному миру.

Но можно говорить об эволюции нашей Вселенной, нашей доступной физическим ощущениям и мысленным представлениям большой системы,

образовавшейся за счет исходного материала и организующих сил межсистемной среды, явившейся некоей переходной стадией от других Вселенных — к нашей.

Как уже отмечалось, создание нашего Мира было результатом воздействия организующего отцовского начала на некую тонкую материю, в хаотическом состоянии подобно эфиру накапливающемуся в «Пустом Нечто».

Первый эон жизни нашей Вселенной и связан с формированием, развитием, плодоношением и деградацией этой эфироподобной материи, природа которой определялась составом продуктов жизнедеятельности тех систем, которые в процессе своего жизненного цикла наполнили среду россыпью своих низших субстанций и высокоорганизованной продукцией в форме идеальных представлений (планов, идей) для будущего мироустройства.

Поскольку мы привыкли многое воспринимать по аналогии, то попытаемся представить себе эту картину, проецируя на большой экран жизни точечное изображение из жизни одного растения или одного человека, который сам по себе раскрывается при этом из точки в полноценную систему.

Растение, развиваясь, поглощает из среды углекислый газ, воду и другие физические материалы, которые под влиянием солнечного света образуют зеленые листья, древесные стволы, выделяющие в воздух кислород. А помимо этого растения образуют семена, в которых заложена генетическая информация для будущих поколений. Эта информация после гибели самого растения не исчезает, а как бы носится в воздухе, и нередко на том же самом месте какое-то время спустя опять вырастает прежнее растение.

Так же и человек. Он не только через физические носители информации, заложенной в яйцеклетке, передает своим детям наследственные черты. Он воздействует на них при жизни и после своей смерти тем духовным обликом, той памятью, которая живет в его долгоживущей ауре, с которой соприкасаются дети, внуки и иные потомки.

Это же относится и к так называемой косной материи, в частности, к минералам. В насыщенном физическом растворе с хаотически снующими молекулами достаточно некоей капли — концентратора, чтобы образовались взаимоподобные себе и родителям кристаллы.

Но все эти процессы совершаются как под влиянием циркуляционного кругообращения в своем физическом мире, так и под влиянием информационно-духовных сигналов из других единовременно функционирующих миров.

Так, некоторые растения воспринимают, а значит и запоминают не только световые сигналы, но и настроения рядом находящихся людей. Человек, в свою очередь, подвержен влиянию тех или иных минералов. А я думаю, какая-то правдоподобная связь существует и между расположением и взаимодействием звезд и будущим характером человеческого ребенка.

Подобно этому можно в интеллигибельном (умопостигаемом) мире представить себе духовное, информационное, энергетическое и вещественное

наполнение межсистемной среды, которое образует зародыш и жизненный план нашей Вселенной.

И в этом нет ничего сверхестественного. «Пустое Нечто» полно хаотического материала, который с точки зрения высокоорганизованного наблюдателя представляется аннигилированной вещественной субстанцией, но недоступной нашим физическим ощущениям и воспринимаемой лишь умозрительно тонкой материей.

Эта тонкая материя тоже живет, хотя эманации этой жизни непосредственно проявляются лишь в нашем сознании.

Но подобно кристаллизации насыщенного раствора, тонкая материя на определенном этапе жизненного цикла своих системных образований вычленяет из себя полевою энергетическую составляющую.

Эта полевая энергия, сгущаясь и упорядочиваясь под воздействием организующих сил и генетического плана, сформировавшегося в мире тонкой материи, образует плотные вещественные образования, порождающие электроны, атомы, простые и сложные молекулы, взаимодействующие между собой.

Первые три эоны есть инволюция (свертывание) жизни, то есть проявление Духа — Материи, переходящей из состояния Мулапрактити в состояние простейших физических элементов. Эти эоны (Э.О.В.) соответствуют миру тонкой эфиropодобной материи «Э» (миру «Пустого Нечто»), Огненному (энергетическому) миру «О» и Вещественному «В» миру физических субстанций.

Вещественный мир формирует мир минералов (М), который образует плотные сгустки планет и Земли.

В каждом из этих эонов проявление жизни есть процесс сотворения из эфиropодобной субстанции более плотной полевой, а затем, атомистичной вещественной субстанции и, наконец, сотворения Земли. Но и в этих зонах жизнепроявления есть неоднаправленный процесс, ибо в процессе уплотнения материи образуются и заполняют межсистемную среду для последующих актов миротворения и некие элементы менее тонкой материи.

Они как бы растворяются в «Пустом Нечто», но не исчезают, а накапливаются в качестве субстанции и катализаторов непрерывного формообразования.

Вещество может не только порождать мир минералов, но и выделять энергию, т.е. умножать Огненный мир.

В свою очередь Огненный мир продуцирует и эфиropодобные субстанциональные кванты.

«Волна Жизни» обладает не только причинно-следственной тенденцией уплотнения материи, но и эффектом обратной связи.

Жизнепроявления в первых четырех зонах есть скрытый процесс развития, плодоношения и деградации систем, состоящих из элементов соответствующих материальных субстанций. Это позволило П.Т. де Шардену назвать эту стадию

«преджизнью», имея в виду конечный итог деятельности этих эонов — создание условий для самоэволюционирующей жизни в растительном, животном мире и человеческом сообществе на нашей Земле.

На стадии «преджизни» инволюция означает переход от более скрытых космических форм движения материи под действием внешних организующих сил к созданию вещественно-минеральной основы для локального местного (в масштабе Земли) проявления общей жизни в виде эволюционирующей (развертывающейся) самоусложняющейся и самоорганизующейся «живой» системы растительно-животно-человеческого мира.

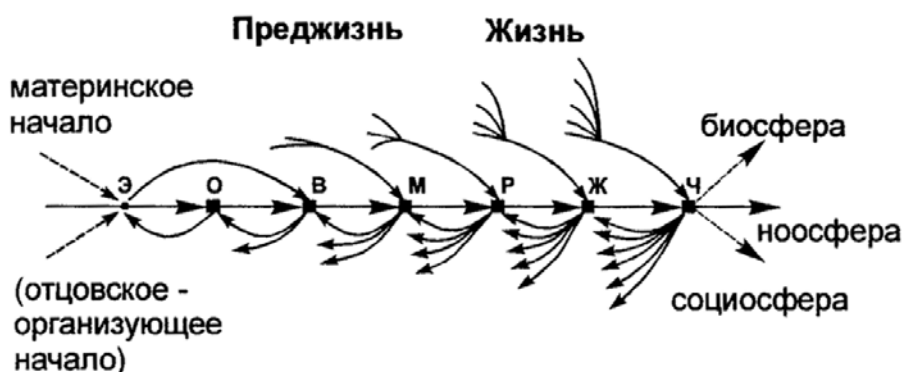

Рис 1.11. Эоны жизни

Э — эфир (хаос); О — огонь (энергия); В — вещество; М — минералы;
Р — растения; Ж — животный мир; Ч — человечество

Инволюция — скрытая домонадная жизнь в направлении уплотнения и овеществления материи из разреженного полевого состояния, в котором внутренняя потенция формирует телесную оболочку для своего последующего эволюционного развития.

Вещественно-минеральная стадии есть поворотный пункт развития нашей Вселенной, когда «жизненная волна», уплотнившись, образует материальные ступки — монады, которые, разрастаясь и группируясь, образуют «живые» системы, эволюционирующие в направлении снижения вещественной плотности материи с одновременным продуктообразованием более качественных форм материи.

Уже кристаллический мир есть мир систем, в которых «уже ясно выражены: прообраз индивидуальности, стремление к развитию (рост кристаллов, способность органического применения к обстоятельствам), изумительная гармоничность строения и подобие частей целому». (В. Шмаков «Закон синархии», с. 70). Эти характерные признаки «живых» систем означают, что материя самоорганизовалась, перейдя в новое качество, которое обычно приписывают лишь «живой» природе. На самом деле «в мире нет ничего неживого, но только простейшие виды жизни недоступны нашему пониманию» (там же). Жизнь образовалась «посредством комбинаций зыбких масс» (Э. Дарвин, «Храм природы», изд. АН СССР, М.:1954, с.81),

т.е. путем превращения атмосферы и жидкости в пластичное, а затем и твердое тело жизни.

Эта материя в конце концов образует биосферу, ноосферу и социосферу как ауру — полевою оболочку живой и разумной Земли — монады нашей Вселенной, являющейся, в свою очередь, донором для наполнения эфироподобной межсистемной среды следующей «жизненной волны», порождающей и проявляющей жизнь новой Вселенной.

Как учит Бхагавад-гита (Изд. «Бхактиведанта Бук Траст», 1991), вобравшая в себя мудрость предшествующих поколений, «все сотворенное существует вначале в непроявленном состоянии, проявляется в промежуточной стадии и опять уходит в непроявленность после уничтожения (нашей — В.Б.) Вселенной» (гл. 2 «Обзор», текст 28, с. 118).

Если мы допускаем кругооборот вещества в природе, то почему нам не допустить кругооборот материи, в т.ч. и духовной, допуская учение древних о переселении душ. И это — не красивая легенда, а вполне правдоподобная гипотеза о волнообразном чередовании эонов жизни во Вселенной.

Немаловажно еще раз подчеркнуть, что все зоны — все миры не обособлены друг от друга, существуя в своих пространственных и временных координатах. Пространственно-временные оболочки этих миров могут не только соприкасаться, но и пронизывать друг друга. Поэтому и зоны жизни могут иметь когерентное и даже совпадающее время, хотя эти миры по оси длительности — одной из трех координат тела времени смещены друг относительно друга, т.е. находятся на различных стадиях своего жизненного цикла. В то же время их существование протекает в пересекающихся пространствах. Так, минеральный мир своей физической формой заполняет вещественную часть пространства нашей Вселенной, а своими эманациями проникает и в энергетические поля (пространство Огненного мира). Растительный и животный миры своими ощущениями наполняют временную плоскость памяти, простирающуюся в пространство не только Огненного (энергетического) мира, но и в эфироподобное «Пустое Нечто».

Организирующая роль высшей материи не только формирует, но и поддерживает само существование «живого» тела. «Свет души поддерживает материальное тело, подобно тому как солнечный свет поддерживает жизнь всей Вселенной. Как только душа покидает материальное тело, оно начинает разлагаться» (Бхагавад-гита, гл. 2, текст 18, с. 107).

Тем самым упрочивается связь различных эонов жизни, особенно проявляемая на стадии «живых» систем. «В нашем Солнечном мире Единое Существование есть Небо и Земля, Корень и Цветок, Действие и Мысль» (Е.П. Блаватская «Тайная доктрина», т. 1, с. 361).

А человечество как высшая ступень нынешней «жизненной волны» Вселенной живет не только в прошлом, но и в будущем, проникая по временной координате — возможных ситуаций как в телесный мир предшествующих эонов, так и в духовно-

социальный мир будущих проявлений Жизни. Завершая свою земную эволюцию, человечество погибнет в том виде, как оно существует сегодня.

Но оно сумеет создать себе пространственно-временной плацдарм для проникновения в другие параллельно существующие и вновь зарождающиеся миры.

Но чтобы сделать этот процесс не просто стихийным, а по возможности управляемым, человечество должно понять себя и свое окружение и сделать взаимодействие с ним более плодотворным.

От преджизни — к «живому».

Семь эонов жизни соответствует семиричной природе нашего Мира. Эта семиричность и создает ту красочность и гармонию, которая отличает нашу разумную Вселенную. Гармония и есть та цель, которой руководствуется Природа в своем развитии, исходя из единичного целого — космического Логоса и возвращаясь спустя период «жизненной волны» к новому Единству материи и духа.

Если негэнтропийность — общая тенденция «Великого Дыхания» жизни, то гармония — форма жизни, в которой структура мира обладает наивысшим творческим потенциалом.

На стадии инволюционного развития непроявленное единство мира стремилось дифференцироваться на вещественно-энергетические субстанции, а на эволюционной стадии формирование «живых» систем есть интеграционный процесс соединения отдельных вещественных элементов в сложные группы и системы.

Влияние первичных духовно-энергетических миров проявляется в этих системах за счет упорядочения взаимодействия этих вещественных элементов и закрепления их коллективного когерентного действия в соответствующих плотных структурах.

Главное — на этапе от преджизни к живому происходит не только уплотнение самой материи, но и уплотнение ее структурных форм, превращение неорганизованной вещественной массы в гармонично сложенные образования. Форма при этом воздействует и на содержание — гармония (в ее первичном виде симметрии) проявляется во взаимоотношениях и самих элементов внутри структурированных коалиций (групп) и в упорядоченных взаимодействиях этих групп между собой. От симметрии внутри группы — к симметрии групп. От симметрии структуры — к симметрии (гармонии) функциональных свойств. И это есть следствие влияния на структурообразование материи не только процессов вещественного, но и духовно-энергетического мира.

Именно это влияние иных эонов жизни, их духовно-сознательной продуктивной жизнедеятельности, в которой отражено каким-то образом и влияние иных жизненных волн, иных систем, существовавших или существующих помимо нашей Вселенной, оказывает влияние на такие, казалось бы, субъективные характеристики систем как гармония и «сознание».

«Гармоничность строения и свойств кристаллов есть объективное обнаружение некоторого присущего им сознания» (В. Шмаков, с. 72). И это — не попытка искусственно наделить неживой мир чертами живого, присущая первобытному человеческому сознанию, одушевляющему природу и ее отдельные проявления. Скорее всего, наши предки интуитивно сознавали наличие «чужого Я», наличие своеобразных проявлений сознательной жизни в ее трансцендентной форме у всех существ — системно организованных вещественных образований.

Недаром П.Т. де Шарден, ссылаясь на английского биохимика Дж. Б.С. Холдейна, пишет, что следует ожидать обнаружения во всей Вселенной «и мысли и жизни» (с. 56). Здесь же он подчеркивает и некоторые принципиальные особенности процесса развития жизни на ее переходных стадиях: от сплошного слоя полевой энергии к атомистическому веществу, а затем — к упорядоченным структурам.

Атомистичность — общее свойство вещественно-минерального мира, она свойственна и микромиру и макромиру. Структурирование же материи — процесс взаимодополняющего влияния физической и трансфизической энергий. Поэтому нельзя выводить сложноорганизованные живые системы только из их физико-химического состава. Эволюционный процесс протекает и под влиянием духовно-энергетических импульсов внешней среды, несущих в себе закодированный план-идею будущей системы.

Этот план-идея не есть продукт воления Бога, а естественный процесс гармоничного развития системы, в котором общее направление негэнтропийного процесса расцветается массой случайностей.

«Эволюция мира от хаоса до космоса есть постепенное возрастание в нем красоты и гармонии, т.е. все увеличивающееся с каждым шагом внедрение в материю некоторой надмирной реальности, внутренняя природа коей нематериальна, но активно обнаруживаться может лишь через материю» (В. Шмаков, с. 64).

Гармонизация развивающегося мира и есть негэнтропийный процесс его духовно-вещественного проявления. Много в этой динамике станет понятным, если рассматривать вещественный и трансфизический (духовный) миры не как изолированно существующие реальности, а как разновидности единого материального мира, где плотное вещество и тонкая полевая материя могут переходить друг в друга подобно тому как потенциальная и кинетическая энергия есть взаимопреобразующиеся виды энергии.

«Материальная и духовная энергия чем-то связаны между собой и продолжают друг друга». (П.Т. де Шарден, с. 60). И хотя француз на словах отвергает идею непосредственного превращения одной энергии в другую, по сути дела он признает их взаимозависимость и взаимодополняемость в процессе развития организменного (системного) мира.

Гармонизация есть негэнтропийное устремление развивающегося мира к такой форме его структурной и функциональной организации, когда отдельные элементы системы все больше и больше составляют целостный организм. Однако эта целостность не означает нивелировки личностей, а, наоборот, способствует

разнообразие личностных проявлений элементов. Но в то же время эти личностные действия самоподчинены некоему общему порядку, организующему жизнь этих личностей.

«Мир растений раскрывает по сравнению с миром кристаллов три новых принципа: личность, жизнь, стремящуюся к эволюции, и синархическое строение организма» (В. Шмаков, с. 76).

Главное отличие растения от кристалла заключается в том, что «в кристаллах есть только личность вида, в растениях же личность принадлежит каждой особи» (там же, с. 77).

На переходной стадии «от преджизни — к жизни» происходит индивидуализация элементов — превращение их в монады, способные к самостоятельному существованию, но в то же время уже несущих в себе некоторые сущностные черты своей системы — растительного, а затем и животного мира.

Кристаллическая монада проявляется лишь как застывший элемент своего мира с жестко запрограммированной структурой и элементарными свойствами отражения внешних воздействий. Кристаллическая форма жизни сводится преимущественно к увеличению размеров и образованию множества тождественных элементов. «Монада (кристалла) лишена самодовлеющей индивидуальности, является лишь осью группы, предопределяющей ее вид» (там же, с. 74).

Растение же в процессе своего развития не только приумножается количественно, но и усложняет форму своего телесного проявления. Это связано с тем, что структуризация его тела происходит не только по жестко заданной внешними силами программе, но и под влиянием массы случайностей. Тело растения менее твердо, связи между его атомами и клетками более эластичны. Поэтому большая свобода связей внутри этого тела приводит к появлению большего разнообразия особей — нельзя найти двух абсолютно одинаковых по своему строению листьев.

Мы всегда пытаемся найти четкую границу между качественно отличающимися системами, укладывая их на прокрустово ложе некоей одномерной шкалы. В действительности же развитие не есть одно-направленный процесс, и на какой-то стадии бесконечного увеличения одной величины мы от одномерного линейного представления переходим к двухмерному и далее — многомерному образу исследуемого предмета.

Если монадой кристаллического мира, сохраняющей все его основные свойства, является атом, то монадой растительного мира становится более сложное первичное образование — клетка. Клеточную монаду нельзя свести к простой совокупности атомов. Любое множество атомов само по себе не образует клетки. Для образования клетки требуется такая группировка первичного материала, которая не есть случайно сложившаяся структура, а есть результат внешнего упорядочения исходного множества под действием организующих сил окружающей среды, вобравшей в себя продукты жизнедеятельности других миров.

Переход от n -мерности минерального царства к $(n+i)$ -мерности растительного царства есть проявление новых граней мира, которые в прежних зонах жизни существовали в скрытом виде. В то же время нельзя сказать, что переход от преджизни к жизни сопровождается только наращиванием числа свойств.

При этом переходе мы не только что-то находим, но и что-то теряем.

В более сложных структурах мы теряем устойчивость (неизменность) минерального мира, отличающегося длительным циклом жизни; приобретая повышенную реактивность (чувствительность), элементы растительного мира начинают чувствовать окружающий мир, но это стоит им ослабления своей стабильности.

Чем выше уровень многообразия структурной организации системы, тем более она становится многофункциональной и самоэволюционирующей. Но одновременно увеличивается скорость ее жизненных функций и укорачивается жизненный цикл. Растения обладают инстинктивными чувствами как реакцией на внешние раздражители, затрагивающие большее количество связей между первичными клеточными элементами. Поэтому и реакция растений более многообразна. Они по-разному отзываются и на свет, и на его цветовую гамму, и на звук различной высоты и силы, на атмосферное давление, на электрический ток и даже на психическое состояние людей.

В отличие от объектов вещественно-кристаллического мира растения реагируют не только непосредственно на внешние раздражители, но и на собственные внутренние сигналы из ранее запасенной в памяти информации, то есть, они выступают как системы с последействием. Наличие внутренней памяти приводит к формированию элементов разума и воли, которые проявляются у растений как саккумулированная реакция на предыдущие раздражители, усиленная способностью сложноорганизованной структуры за счет наличия в ней положительных обратных связей катализировать реакции при достаточно слабых раздражителях.

Итак, растительное царство отличается от минерального гораздо большим проявлением индивидуализации и личностным проявлением монад. В то же время оно в отличие от животного мира приковано к земле, не обладая способностью к самостоятельному пространственному перемещению.

«Животное есть оторвавшееся от земли растение» (В. Шмаков, с. 85), благодаря чему оно приобретает гораздо большую реактивность и адаптивность, т.к. имеет возможность не только пассивно защищаться от внешних раздражителей, но и «убегать» от них. Если растение пассивно приобретает из почвы готовую пищу, то животные в поисках таковой расширяют ареал своего пребывания. Если растение ведет пассивную борьбу за свое существование, в основном, путем видового размножения себе подобных, то животные ведут борьбу и друг с другом на уровне отдельных особей.

Вместе с пищей организм усваивает и строительный материал и информационно-организующую материю, содержащуюся в пожираемых предметах. За счет этого он наращивает собственную массу тела и, усваивая достаточно

структурированные продукты, формирует свое тело. Развитие животных-хищников помимо всего прочего регулирует степень размножения представителей животного царства, не допуская его количественного переполнения. Вообще появление более организованной формы жизни можно рассматривать не только как эволюционный процесс в сторону большей гармонии особей и видов, но и как саморегуляцию численности, без чего мир бы просто закристаллизовался, зарос травой, заполонился насекомыми и травоядными животными. Эволюция регулирует жизнь, в том числе и путем поглощения высшими существами более низших. И коалиционная организованность низших поглощаемых становится базой для индивидуальной организованности высших существ.

Если простейшие особи еще ведут стайный или стадный образ жизни, то животные более высокого уровня развития индивидуализируют свою жизнь. Первоначальные хаотические скопления животных особей уступают место либо жестко организованным сообществам (у пчел, муравьев), либо развитию индивидуалистических способностей представителей животного мира самостоятельно вести борьбу за свое существование. Но для этого им понадобилось значительно расширить свои физические и интеллектуальные возможности. «Не числом, а умением» они смогли противостоять друг другу и среде и вычленились из природного царства. И лишь затем — сорганизоваться в менее жесткие сообщества.

«Эволюция идет от хаотического множества к организованному не иначе как через предварительное развитие самобытности каждого члена» (В. Шмаков, с. 88).

Эта основная тенденция наблюдается во всех зонах жизни. Но если на этапах преджизни из хаотического «Пустого Нечто» путем расслоения материи происходило образование отдельных элементов в виде плотных сгустков энергии и вещества, то, начиная с минерального царства и кончая человеческим сообществом, шел двухсторонний процесс монадообразования и их структурной иерархической композиции.

«Даже в самых твердых породах постоянно идет процесс преобразования минеральных видов, смутно напоминающий метаморфозы живых существ... Земля кристаллизуется» (П.Т. де Шарден, с. 64). Выделяющаяся при этом свободная энергия способствовала когерентной группировке атомов различных элементов различных элементов в длинные молекулы. Эти молекулы, разрастаясь количественно, начинают все более и более специализироваться. В результате объединение разнородных по своим функциям молекул создает клетку как монаду «живого» вещества.

Однако представление академика И.П. Бородин о том, что «абиогенез (самопроизвольное зарождение живых организмов из косной материи — В.Б.) происходит на каждом шагу в окружающей нас биосфере (цит. по В.И. Вернадскому «Философские мысли натуралиста», с. 189) им же не подтверждается, т.к. «сейчас вне живых организмов такого (ассиметричного — В.Б.) пространства в биосфере неизвестно», хотя и не отрицается возможность его существования в одну из далеких эпох геологической истории нашей планеты.

Вирусобразование в виде простейшей белковой молекулы происходит и в кристаллическом мире, т.к. «кристаллы белковых тел обладают особыми свойствами, в частности, они разбухают в жидкостях» (там же, с. 190).

Известно зарождение «вирусов» и в компьютерных схемах.

И все же рождение клетки не есть чисто эволюционный процесс. Сколь долго не пытались бы исследователи создать клетку искусственно, воспроизводя известные физико-химические условия существования Земли, их потуги не дадут результата. Ибо «ничто в мире не может вдруг объявиться в конце, после ряда совершаемых эволюцией переходов (хотя бы и самых резких), если оно незаметно не присутствовало в начале» (П.Т. де Шарден, с. 66).

Но, повидимому, следует добавить, что это «оно» может воздействовать и «из будущего», ибо на самом деле прошлое, настоящее и будущее в поле времени существуют совместно, оказывая взаимное влияние друг на друга. Беспредметен разговор о том, что было в начале: яйцо или курица, материя или дух. Идея курицы не занесена в наш мир извне, она развивается одновременно с формированием яйца, уточняясь по мере дифференциации и взаимодействия яйцеклеток и запечатлеваясь в генетических молекулах яйца. Жизнь занесена в нашу Вселенную извне. Но не в виде спор жизни, переносимых с планеты на планету, как утверждает гипотеза панспермии, а в виде самой идеи жизни — негэнтропийно развивающегося процесса, поддерживаемого в открытых системах материальными и организующими началами соседних метасистем. Очень важным представляется различие понятий живого организма, чем занимаются биологи, и самого понятия жизни, которая, по определению В.И. Вернадского, есть «планетное закономерное геологическое явление, ... проявляющееся в массах вещества» (с. 194). Форма, которую принимает жизнь в различных зонах, зависит от множества случайностей, с которой сталкивается «жизненная волна», соответствующая нашей Вселенной.

Нам не дано ощутить и почувствовать другие волны «Великого Дыхания», но можно предполагать, что и они проходят стадии образования монад, их индивидуализации и коалиционного взаимодействия в структуре открытых систем.

Каждая монада является первичным элементом лишь для своей системы. Под другим ракурсом она сама — многогранная система, неисчерпаемая по своей глубине.

Клетка как монада «живой» системы — это «триумф множества, органически собранного в минимуме пространства» (там же, с. 78). Первичные клетки были малы по размерам, но «чем меньше существа, тем в большем количестве они возникают», что свидетельствует о естественном соотношении между размером и числом. «Клеточная туманность... представляла своего рода рассеянный суперорганизм. Не только пена из жизней, но до некоторой степени живая пленка» (там же, с. 84). Отличительной особенностью этих живых объектов является одинаковая асимметричность составляющих их молекул, что говорит о появлении на этой стадии монад с двумя устойчивыми состояниями.

Различные сочетания этих монад приводят к образованию великого множества метамолекул, а количественное увеличение этого мира молекул приводит к

проявлению у этих коалиционных групп новых качеств, свойственных уже микроорганизменной структуре.

Как формируются эти сочетания — случайно или целенаправленно, эволюционно или путем мутаций? Вопросы, на которые до сих пор нет однозначного ответа, хотя гипотеза случайности и постепенности представляется мне менее правдоподобной.

Расчеты американского биохимика Г. Кастлера, приведенные в кн. М. Карпенко «Вселенная Разумная» (с. 277), свидетельствуют о том, что вероятность случайного образования жизни во Вселенной путем реализации возможного перебора сочетаний молекул и образования с последующим закреплением структуры всего лишь простейшей живой бактериальной клетки составляет 10^{-242} , что, по-видимому, может исключить эту гипотезу. Тем более неправдоподобно случайное соединение молекул в более сложные клеточные структуры.

Поэтому следует не отвергать с порога наличие целеустремленности в развитии природы, а попытаться дать этой гипотезе достаточно обоснованную научную базу. Однако при этом следует исходить не из возможности полного воспроизводства тех земных условий, в которых произошли клеточные сборки молекул. Мы можем воспроизвести лишь физико-химические условия, и это было сделано в опытах Г. Юри и С. Миллера в 1953 г. при воздействии искрового разряда на газовую смесь из метана, аммиака и паров воды, имитируя предположительный состав первичной земной атмосферы. В результате был осуществлен синтез одной из аминокислот — цитозина. В опытах других биохимиков были изучены условия синтеза биомономеров и образования из них коацервативных капель и полимерных цепей. Однако полученные полимеры не были белками и нуклеиновыми кислотами, т.к. обеспечить нужный порядок соединения аминокислот — это все равно что из случайного нагромождения букв родить стихотворение.

Но практика программного стихосложения уже дает неплохие результаты. Выше была показана возможность получения достаточно сложных узоров путем применения достаточно простых алгоритмов наращивания новых и изымания отслуживших свой срок первичных элементов.

Поэтому центр тяжести научных исследований формирования клеток — монад саморазвивающейся жизни должен быть перенесен на вопросы формирования программы структурно-функциональной сборки сложных структур из простейших элементов.

К сожалению, теория симбиогенеза, самосборки, комплементарности и другие пока не внушают достаточного оптимизма о самопроизвольном образовании первых живых систем — клетки. Поэтому сборочный конвейер жизни — все еще «вещь в себе». Однако необходимо признать, что вероятность случайного самопроизвольного соединения молекул в клеточную систему близка к нулю, тем более невероятно стихийное формирование сложных организмов.

Клетка — настолько сложная структурно-функциональная единица всего живого, что говорить сегодня об ее искусственном синтезе могут только фантасты. И

все же она появилась. Как? Для познания этого надо, повидимому, исходить из того факта, что это — короткоживущее и обильно плодоносящее образование существует исключительно за счет обмена веществ, т.е. принципиально является открытой системой. А все открытые системы есть некое проявление в данной вещественной среде отпечатка аналогичной по своим основным структурным свойствам, определяющим и функциональные особенности, системы из иных вещественных и невещественных субстанций. Строение атома аналогично строению Звездной системы. Почему бы строению клетки не искать аналогию в мире социальных организмов (не обязательно человеческих). Возможно, астробиология (экзобиология) позволит нам не обнаружить в космосе органические молекулы, подобные земным, а обнаружить сложную структуру, аналогичную живой клетке, а затем и алгоритм сборки из этих монад более сложных структур.

Причем эта сборка должна быть двухстадийной: на первой стадии из разнородных элементов формируется монада — клетка; на второй — из однородных монад формируются специализированные органы единого организма. Можно продолжить эту линию и на третью и последующие стадии — объединения организмов в виды, роды, классы, сообщества и другие коалиционные образования.

Сколь-нибудь развернутое изложение подобного алгоритма — дело специальных системологических и биохимических наук, дело будущего.

Однако при этом необходимо иметь в виду и общегносеологические мотивы, которые могут дать нужные направления поиску искомого алгоритма.

Повидимому, следует согласиться с гипотезой П.Т. де Шардена об уникальности явления зарождения белково-нуклеиновой формы жизни на Земле и во Вселенной.

«Клеточная революция» выступает как выражение на кривой эволюции Земли критической и уникальной точки зарождения — момент, не имеющий себе подобных. Один раз на Земле — протоплазма, как один раз в космосе — ядра и электроны... Жизнь возникла и распространяется на Земле как одиночная пульсация» (П.Т. де Шарден, с. 89).

Эта пульсация есть некое мутационное воздействие на земную мета-молекулярную туманность извне, из межсистемной среды, насыщенной не только вещественно-энергетическим, но и информационно-понятийным содержанием в виде полевых квантов.

Эти кванты образуются в межгалактической среде как результат жизнедеятельности других Вселенных, порожденных иной «жизненной волной Великого Дыхания». Кроме того, источником формирования этих квантов являются и процессы жизнедеятельности других более высокоорганизованных эонов жизни нашей Вселенной. Ибо все эоны развиваются не последовательно друг за другом, а пронизывая друг друга. И поэтому причинно-следственная связь в большом круге мироздания уступает место прямым и обратным связям, как положительным, так и отрицательным, усиливающим и демпфирующим флуктуации в замкнутой системе.

План первичной сборки молекул в клеточную структуру не есть продукт руки Господней, он мог сложиться как результат наложения друг на друга прямых и обратных волн различных природных циклов в виде интерференционной картины. А если учесть возможность голографического отражения с помощью опорной волны и последующих несущих волн картины достаточно высокоорганизованной структуры иного зона жизни, то правдоподобной является версия, что клетка собрана по образу и подобию некоей абстрактной конструкции, план которой «витает в воздухе».

Структура атома и структура Солнечной системы конгруэнтны друг другу. Но мы не задаемся вопросом, что первичнее: микро- или макромир. Возможно, они просто отстоят друг от друга на длину волны «Великого Дыхания». И атомы земных элементов созданы по плану, который есть голографическое отражение звездных систем. Этот план перенесен в земные условия неким космическим излучением, сыгравшим роль организующего начала для первых эонов жизни, когда из бесформенного хаоса зародились крупницы энергии и плотного вещества.

Так почему же нельзя мыслить подобную схему формирования белковой клетки как земное отображение той надзвездной конструкции, которая существует в иных мирах.

Поиски подобной конструкции можно вести в ином мире, отличающемся по составу от нашего земного физико-химического вещественного мира, но воздействующим на нашу Вселенную своим слабым «экологическим» (по выражению В.П. Казначеева) сигналом.

Характерной особенностью этого воздействия является правосторонняя асимметрия воздействующей системы, которая в зеркале клеточной туманности вызывает противоположную левую асимметрию, изначально свойственную всем белковым соединениям. Уже Пастер обратил внимание на то, что «асимметричный синтез должен происходить под воздействием какого-то внешнего асимметричного фактора» (М. Карпенко, с. 277). В частности, Пастер предполагал, что в один из прошлых периодов геологической истории Солнечная система прошла через левое космическое пространство, и в это время зародилась жизнь, в которой это явление отразилось» (В.И. Вернадский, с. 270). Внешний «звездный» характер земной жизни проявляется и в том, что «химический состав живого вещества больше напоминает состав звезд, чем состав планеты, на которой мы живем» (Голдсмит и Оуэн — цит. по М. Карпенко, с. 296). Из почти 100 стабильных элементов жизнь использует лишь четыре: водород, кислород, углерод и азот. Мы — дети не Земли, но звезд.

Итак, можно выдвинуть гипотезу: земная клетка образовалась из неупорядоченной массы молекул аминокислот под сочетанным воздействием внешних импульсов, несущих закодированную информацию об асимметричных пептидных связях, свойственных всякой высокоорганизованной материи.

«Пятерная симметрия», связанная и с «золотым сечением», есть особое свойство мира, специфически отражающееся в зарождении «живого» мира и его последующей гармонизации. Это общее свойство формирует геном живой клетки, запечатлеваясь в нем как на голограмме. Эта гипотеза, по-видимому, близка к теории

номогенеза Л.С. Берга и к мысли о том, что, возможно, «в геноме каждого организма заложен весь потенциал всей эволюции — и прошлой и будущей» (там же, с. 281)

Но перенесение этого потенциала на уровень клеточной материи — это одноразовое (в пределах данной жизненной волны) событие, вызванное пространственно-временным «сближением» земной массы молекул с полевыми эманациями высокоорганизованной материи иных миров.

Концепция полевой организованности живого вещества, пропагандируемая В.П. Казначеевым, гласит, что «организованность живого вещества в земных условиях определяется материально-энергетическими потоками (включая космические излучения), имеющими электромагнитную природу... Последнее доказывается недавним открытием астрофизическими методами сложных органических соединений в космическом межзвездном пространстве. При соответствующих физико-химических условиях электромагнитный материально-энергетический поток строит из органических соединений сложную макромолекулярную структуру» (В.П. Казначеев, Е.А. Спирин, с. 82).

Аминокислотная масса молекул, впитывая слабые энергетические сигналы, когерентно выстраивалась в соответствии с внешней структурной матрицей, а дальнейшее сворачивание цепочки молекул в спираль происходило вследствие внутренних вещественно-энергетических связей. Затем в упорядоченной метамолекулярной массе стала возникать специализация молекул, способствовавшая их взаимодополняющей интеграции в клеточную структуру системного вида.

Клетка как монада, несет в себе образ всякого «живого» саморазвивающегося мира, реализуя диадую: в частном — общее и через часть — к целому.

Однако путь спиралеобразного развития жизни на Земле — это не ровная эволюция от простейшего — к сложному, а бифуркационная пучковая траектория, включающая в себя взрывные мутационные точки и спокойные этапы количественного наращивания массы и свойств, зарождение и гибель не только отдельных особей, но и целых коалиций, плодоношение и диссипацию. Одним словом — живое дерево, тянущееся к своему небесному изначалию.

Древо жизни.

Хотя различные проявления жизни заметны уже в первых зонах существования нашей Земли и нашей Вселенной, жизнь как саморазвитие вещественной материи начинается с появления клетки, обладающей способностью к делению и самовоспроизведению.

Деление клетки есть вынужденное свойство большого множества сохраниться, но не путем своего количественного роста, приводящего к неустойчивости длинной цепочки, а с помощью членения на части, сохраняющие в себе все сущности родительского начала и оттого способные к дальнейшему самостоятельному функционированию.

В большой системе физические силы сцепления между элементами слабее центробежных сил, разрывающих растущую систему на части. И сохраниться такая система может уже не как физически однородная масса, а как совокупность частей, коагулирующихся относительно различных ядер прежнего множества.

При этом новые клетки сами начинают расти, однако этот рост происходит не вокруг прежнего центра, а полицентрически, в результате чего мы вновь получем некую но уже не молекулярную, а клеточную массу.

Но эти клетки не просто разбегаются друг от друга, заполняя собой все земное пространство. Если бы в мире действовал только один не знающий ограничений «принцип удвоения живых частиц», то уже вскоре одна — единственная инфузория, многократно делясь сама и в своем потомстве, заполонила бы весь земной шар.

Устойчивость «живых» систем достигается тем, что процесс размножения протекает вкупе с процессом обновления, когда молодые клетки занимают место своих диссипирующих «родителей», но все же с положительной тенденцией к количественному росту и увеличению плотности заполнения прежнего пространства, адекватного первичной популяции клеток.

Попутно следует отсечь представление о том, будто все живое родилось на Земле из одной — единственной клетки. Даже первичные клетки, повидимому, формировались пачками. Природа никогда бы не позволила себе столь непредусмотрительного действия. Простейшие объекты всегда рождаются в большом числе дабы обеспечить выживаемость своего вида. Только затем, по мере развития адаптационных возможностей организменных систем вещественное расточительство природы уступает место более утонченным способам выживания путем собственной структурной и функциональной мимикрии, а затем и подчинения внешней среды своему интеллекту. В таких высокоорганизованных системах живучесть обесцвечивается «не числом, а мастерством».

А пока разбегающиеся клетки все чаще и чаще сталкиваются друг с другом. И эти столкновения приводят либо к уничтожению одних клеток другими, либо к ассоциативным групповым взаимодействиям. Ассоциативность множества клеток достигается тем, что внешние силы превалируют над индивидуальными способностями клеток, а масса приобретает вынужденно когерентное поведение. Это — проще, чем индивидуальные действия. И поэтому бактерии или простейшие грибковые клетки агрегируются. В растительном мире и у полуживотных мшанок и полипов возникают более оформленные группы — колонии с появлением специализированных клеточных подгрупп — органов. Одни из этих органов ответственны за размножение, другие — за питание и т.д.

Где-то на этой стадии развития простое клеточное деление уступает место более эффективному способу размножения путем половой специализации органов многоклеточных групп.

Всеобщий закон направленного усложнения, приводящий к негэнтропийному принципу мирового развития «отдать больше чем взять», проявляется в природе на этой стадии в форме ортогенеза.

По определению П.Т. де Шардена, ортоненез — это «очевидное свойство живой материи образовывать систему, внутри которой ее члены, как показывает опыт, следует друг за другом по все возрастающим значениям центросложности» (с. 94).

«Живое питается негэнтропей из окружающей среды, усваивает ее» (Эр. Шредингер). И это приводит живую систему не только к более сложному устройству, но и к появлению функций целенаправленной деятельности.

И эта направленность означает одновременно дифференциацию массы на специализированные органы и интеграцию этих разнородных органов в нечто новое цельное, обладающее свойствами, превышающими сумму свойств отдельных компонентов.

Но живое и отдает негэнтропию в окружающую среду не в виде энергии, а в виде более высококачественной информационной продукции.

Этот двухнаправленный процесс и есть линия развития живого, его онтогенез, где, сохраняя наследственность, новые коалиции приобретают свойства лучшей адаптируемости и выживаемости.

Онтогенез насчитывает много самых противоречивых учений о жизни. Так, ортогенез отдает предпочтение в стимулах развития организма внутренним автогенетическим причинам, по сути, совпадая с номогенетическим «принципом изначальной целесообразности живого». Эволюционисты, отрицая общую направленность развития живого мира, выпячивали фактор естественного отбора, приписывая организмам лишь «изначальную способность целесообразно реагировать на эти (внешние — В.Б.) воздействия. Приобретенные таким путем адаптации организмов... наследуются следующим поколением» (см. Биологический энциклопедический словарь, ст. Эктогенез, с. 732). Также и Гарвеевский эпигенез как «учение о зародышевом развитии организмов... путем последовательных новообразований (развивался — В.Б.) в противовес (преформизму, т.е. — В.Б.) признанию существования в половых клетках и зачатках зародыша изначального многообразия структур».

Попыткой синтеза этих учений стал неоламаркизм, который впервые объединил идею изменяемости видов и идею прогрессивной эволюции, подобно тому как генетика объединила в единой концепции закономерности менделизма и дарвинизма.

По сути дела, все учения онтогенеза абсолютизируют один фактор жизни, тогда как онтогенез — это есть направленный случай. Природа развивается как стохастическая система под влиянием огромного числа самых разнообразных факторов внешней среды, однако сквозь все случайности пробивается общая направленность развития на восходящем этапе земной жизненной волны: от гомогенного клеточного множества к иерархически упорядоченному разнообразию флоры и фауны, или, как эту направленность назвал П.Т. де Шарден: «тенденция всеохватывающего единства».

Живой мир Земли стремится организовать в некое всеобщее целое — в единый гигантский организм, который, повидимому, составляет, в свою очередь,

лишь часть земного биогесоциоценоза, а в масштабе множества метagalactic — всего лишь единичную «живую клетку».

В процессе своего развития живой мир Земли следует не какой-то одной «узкой тропой», а подобен ветвящемуся плодоносящему дереву.

Ветвящийся характер развития живого мира П.Т. де Шарден иллюстрирует тремя основными факторами роста (с. 97):

- а) филообразованием;
- б) распусканием «мутовок»;
- в) устранением «черешков».

Фила формируется и развивается как «живой пучок», вобравший в себя волокна живой массы, сплетающиеся по нескольким доминирующим направлениям.

Эти направления задаются «первоначальным углом расхождения», обусловленным как внутренним генетическим фактором, так и наиболее благоприятным для развития «рельефом» внешней среды.

Так, вылитая вода растекается не равномерным слоем, а несколькими ручейками, которые более устойчивы чем сплошной поток, за счет того, что высшие силы шнуруют отдельные цепочки в пучки.

Это шнурование связано, повидимому, с резко «своеобразным свойством пространства, охваченного жизнью... В этом пространстве отсутствует сложная симметрия, а простая симметрия — диссимметрична» (В.И. Вернадский, с. 245).

Диссимметричность — это не только внешний фактор. Запечатлеваясь в гомогенной массе молекул, она становится внутренним свойством живого вещества, которое развивается в пространстве не путем равномерного расширения массы, а путем спиралеобразного удлинения молекул, срацаивающихся между собой и все же вытягивающихся в общие групповые волокна.

Но для того, чтобы эти пучки — фило образовались, исходная масса живого вещества должна превысить некоторую критическую величину, что позволит этой массе сгруппироваться. В дальнейшем фила ведет себя уже как единое живое целое, ветвясь и распускаясь.

Целесообразно подчеркнуть мысль, выдвигаемую В.И. Вернадским в его «Философских мыслях натуралиста» о том, что «пространство жизни иное, чем пространство косной материи» (с. 31), а левизна живого вещества отвечает пространству Римана, а не Евклида. Несколько мне известно, эту гипотезу никто всерьез не исследовал, а возможно, прослеживая аналогию между условиями перехода от одного математического пространства к другому и переход от косной материи к живой, удастся глубже понять логику природы.

Отличительную особенность живого мира В.И. Вернадский видит и в том, что «процессы в живом веществе идут резко по-иному, чем в косной материи, если их рассматривать в аспекте времени. В живом веществе они идут в масштабе исторического времени, в косном — в масштабе геологического времени, «секунда»

которого много меньше декамириады, т.е. ста тысяч лет исторического времени» (с.25).

Фила, выступая как самотечная живая система, обладает специфичным пространством — временем.

Специфика пространства живой материи определяется его энантиоморфностью, т.е. (по Вернадскому) диссиметрией; специфика времени проявляется в живом веществе наличием эволюционно-мутационных чередующихся периодов, проявляющихся качественным отличием друг от друга поколений живых веществ.

Поэтому «филогенез представляет собой преемственный ряд онтогенезов последовательных поколений. Филогенез — родословное древо» (Биологический энциклопедический словарь, М:1986, с. 673).

Филогенез подобен общему процессу развития сложных систем. Вначале идет пробное продвижение растущего организма в соответствии с внутренним «углом расхождения». Организм ощупывает среду, взаимодействуя с ней своим сверхслабым митогенетическим излучением, открытым А. Гурвичем. Это излучение способствует делению клетки, т.е. росту организма в приоритетном направлении. Но поскольку окружающая среда неоднородна хотя бы из-за наличия других развивающихся фил, пробы устремляются в свободное пространство. Но достигнув препятствий на пути своей экспансии, фила либо уничтожает своих соседей, либо замедляет темп своего количественного развития и начинает самоусовершенствоваться путем разрастания вширь. Фронтальное развитие филы сменяется на время ее утолщением. «По мере своего утолщения фила стремится разъединиться на вторичные филы, каждая из которых представляет собой один вариант или обертон основного типа». (П.Т. де Шарден, с. 100). Образовавшиеся черенки «проявляют признаки веерообразного членения... Веер в конце филы — это лес исследующих щупальцев. Стоит лишь одному из этих щупальцев случайно найти щель или формулу, открывающую доступ в новое отделение жизни, — и... ветвь в этой точке вновь обретает свою подвижность. Она вступает в состояние мутации. Открывается путь для новой пульсации жизни» (П.Т. де Шарден, с. 100-101).

Таким образом «каждая линия жизни попеременно то сужается, то расширяется, образуя цепь сгущений и разрежений, ряд тонких черешков и широких листьев» (там же, с. 102). В то же время вся эта цепь не существует бесконечно долго. По мере созревания новых мутовок происходит «прореживание» старых ветвей. «Одна и та же длительность одной рукой умножает свои творения впереди, а другой рукой не менее уверенно разрежает их позади» (там же, с. 102). Это «действие отдаленности» и объясняет тот факт, что мы не можем отыскать ту изначальную клетку — почку, из коей развился живой мир. Между «началом» и «теперь» существует множество переходных стадий, касающихся как отдельной жизненной монады, так и их структурированного сообщества. «Для жизни время... выражается в трех разных процессах: во-первых, время индивидуального бытия; во-вторых, время смены поколений без изменения формы жизни; и в-третьих, время эволюционное — смены форм одновременно со сменой поколений». (В.И. Вернадский, с. 231).

Сегодня мы обитаем на стадии жизни, отделенной от своего изначалия многими мутационными катастрофами, положившими конец одним организменным сообществам, породившим новые особи и виды. И даже геологическая история Земли не сохранила прошлые останки живых существ в их физико-химическом проявлении. «Как резинка в руках художника время стирает каждую бледную линию в рисунке жизни» (П.Т. де Шарден, с. 103).

Но эта линия осталась в объемном теле времени не в ее вещественном представлении, а на двухмерной плоскости памяти, где запечатлелось все бывшее. Надо только научиться видеть это бывшее не в его однонаправленной вспять протяженности, а в совокупности возможных ветвящихся процессов, уходящих своими невидимыми и неощутимыми корнями в прошлое. Обычная теория информации позволяет восстановить процесс до ближайшей точки бифуркации ветвящегося дерева жизни. Но научившись жить в трехмерном теле времени, мы сумеем понять и то, что оставило свой след не в виде материального продолжения, а обратилось в полевое информационно-энергетическое представление — след давних черешков жизни. Поэтому поиски древних проявлений жизни надо искать в первую очередь не в земных остатках, а в мифологии, отражающей ноосферные образы живых систем.

Ибо древо жизни, отмирая, не только каменеет в углеводородном ископаемом веществе, но и выделяет в окружающую среду полевые продукты своей жизнедеятельности — структурированную материю, приумножающую гармонию жизни и запечатлевающуюся в новых проявлениях живой материи.

Физическое прошлое превратилось в прах, но живое тело оставляет после себя полевые феномены, которые запечатлеваются в ноуменах, живущих своей жизнью и переходящих из эона в эон.

Поэтому палеонтологам трудно докопаться до останков человеческих предков, а тем более — до первых животных. Многое приходится принимать на веру, основываясь не на физических фактах, а на аналогии между растительно-животным царством и любой другой сверхсложной системой, например, звездным миром и развитием человека, который в ином темпе проходит все те стадии, которыми следовал весь живой мир.

Питательной средой всего живого является «живая вода». В ней разбухают белковые кристаллы. Она составляет до 95% общей массы тела кишечнополосных и до 60-70% массы тела млекопитающихся и человека.

«Земная жизнь в безбрежном лоне вод
среди пещер жемчужных океана
возникла, получила свой исход,
росла и стала развиваться рано;
сперва в мельчайших формах все росло,
невидимых и в толстое стекло,
которые, киша, скрывались в иле
иль водяную массу бороздили;
но поколения множились, цвели,

усилились и члены обрели;
восстал растений мир и, средь обилья
разнообразной жизни, в ход пошли
животных ноги, плавники и крылья».

(Эразм Дарвин «Храм природы», Изд. АН СССР, М. 1954, с. 21).

Эта поэма — не только рифмованная история природы, она выражает суть эволюции жизни. И данный отрывок о водном этапе живого мира можно считать признанием особой роли жидкой среды как катализатора — проявителя жизненных форм, спроецированных на Землю из биосферы.

Биосферу не следует понимать узко как биоту или биоценоз — совокупность живых макро- и микроорганизмов в определенном ареале Земли.

Биосфера — это, прежде всего, среда, аккумулирующая космические и геохимические проявления вещественно-энергетической субстанции и закрепляющая их на материальной водной пленке, отличающейся способностью к образованию когерентных волокон жизни.

Биосфера — это мировая плацента, осуществляющая связь между материнским организмом — метамолекулярной вещественной субстанцией, оплодотворенной космогенным организующим началом.

«Живые организмы являются функцией биосферы» (В.И. Вернадский). Они есть продукт, а уже затем содержание этой сферы, охватывающей часть атмосферы (до 20-25 км), часть литосферы (на 2-3 км ниже уровня суши и дна океана) и всю гидросферу. Но это околоземное пространство — лишь плотная часть биосферы, где обитают живые организмы. Подобно любой полевой оболочке, она в разреженном состоянии находится во всем космическом пространстве. Но полевая форма биосферы — это потенциальная пленка, на которой информационные космические лучи оставляют свои следы вечной жизни. Наличие же жидкой среды проявляет эти следы подобно тому как фотография после проявления запечатлевает световые лучи, попавшие на фотопленку.

Структура жизненных существ не есть нечто уникальное, она отражает структуру других далеких миров, закрепившуюся в земных условиях на белково-нуклеиновом основании.

И трудно ответить, люди ли придумали названия созвездий по образу земных существ, или расположения звезд оказало влияние на формообразование животного мира на Земле. И так ли уж неправдоподобно звучат строки того же Эразма Дарвина:

«Так раньше, чем науки дух могучий
отметил в буквах речи звук летучий,
чем пестрое искусство древних лет
оставило в иероглифах след,
иль, звездный свод небес изображая,
чертило на поверхности шаров
созвездия, их виду подражая
фигурами медведей, львов, волков...» (с. 23).

Земные существа своими фигурами подражают звездам... Последние данные астрофизики уже фактологически подтверждают, что, например, египетские пирамиды лишь повторяют гигантские пятигранные сооружения, обнаруженные на Марсе (см. «Известия» от 27.09.94 г.), соотношение сторон которых определяется известным «золотым сечением», открытым Леонардо да Винчи. А египетский каменный сфинкс подобен марсианскому изображению фигуры человека-льва длиной до 1,5 км.

Так что не следует представлять земную жизнь чем-то свехоригинальным. Она во многом повторяет те космические структуры, которые определяются общекосмическими тенденциями и пропорциями. Разумеется, это повторение — не точная копия, а лишь общий образ, запечатленный земными красками на земном холсте, и отражение общемировой симметрии (диссимметрии) и гармонии.

«Жизнь — простая вещь чего-то другого...», (П.Т. де Шарден, с. 117), подобно тому, что «черенок растения воспроизводит в меньшем размере рисунок ствола, от которого был отделен» (с. 107).

Оставим в стороне схему развития различных животных форм млекопитающих: травоядных и насекомоядных, плотоядных и всеядных — «четыре главные радиации», описанные П.Т. де Шарденом, «в основном совпадающие с общепринятым делением фил». Отметим лишь, что «все ныне живущие млекопитающие ведут начало от одного узкого пучка... трехбугорчатых» (там же, с.108).

Для нас важно другое — не все филы животного и растительного мира дожили до наших дней. Многие из них в процессе мутации погибли, а другие — преобразились до неузнаваемости, так что поиски корней дерева жизни — задача биофизически неразрешимая. Но чтобы проникнуть в прошлое, нужно отказаться от вертикальности ствола жизни, а рассматривать само древо как преходящее явление, когда корень одного предмета вырастает из семени предшественника, а листва, осуществляя фотосинтез, оказывает влияние и на корни дерева.

Мы все время говорим — древо жизни, а на самом деле нас окружают дубы и сосны, осины и рябины. Как появилось это многообразие видов, как происходит расслоение жизни? Единственный правдоподобный ответ на этот вопрос заключается в том, что «жизнь развивается путем игры шансов» (там же, с. 125).

Существует ось эволюции, связанная с эффектом «направленного прибавления», но вокруг этой оси веерообразно раскрывается пучок жизненных фил. Каждый черешок этой филы, достигая определенного количественного роста, начинает разбухать в мутовку, и волей случая из этой мутовки появляется новый побег, несущий в себе некоторые наследственные черты прежнего черешка, но под влиянием среды он приобретает новые свойства, закрепляемые затем в его генетическом основании. Начальное условие бифуркации мутовки определяет новую траекторию, новый вид растения и животного.

Закон филогенетического роста Ш. Депере утверждает, что «в каждой филогенетической линии наблюдается тенденция к увеличению размеров тела

организмов... После достижения критических размеров и нарушения основных пропорций тела происходит вымирание группы» (Биологический словарь, с. 173).

А «новые группы организмов происходят не от высших специализированных представителей предковых групп, а от малоспециализированных форм, сохраняющих эволюционную пластичность» (там же, с. 279 «Копа правило»).

Ортогенетическое (изначально заложенное) развитие или вступает в столкновение (конфликт) с окружающей средой или, наоборот, интенсивно развивается в благоприятных условиях. Но так или иначе организм начинает приспосабливаться к внешним обстоятельствам, развивая у себя адаптационные возможности.

Сосна прямолинейно тянется к свету, и эта ее ортогенетическая способность к удлинненным формам проявляется и в иголках, зато дуб предпочитает отдельное существование, и его гораздо большая разветвленность есть признак более частых мутаций — признак развития личностной особи.

Мутации животных — более часты, поэтому они в своем развитии приобретают столь разветвленную форму. Принципиальным отличием животного мира является большая гетерогенность клеток, образующих жизненные системы: костную, кровеносную, лимфатическую и, наконец, нервную.

Эти системы есть специализированные «деревья», доставляющие нужные для обмена веществ составляющие во все органы тела. А узлы этих сосудистых систем (печень, легкие, железы) есть своего рода мутовки, образовавшиеся как аккумуляторы и трансформаторы токов жизни.

И все же наряду с бесконечным ростом разнообразия мутирующих побегов растительного и животного мира (около 375 тысяч видов растений и 1,5 млн видов животных) пробивает и противоположная тенденция филогенеза — стремление живой материи ко все менее вероятным формам. Живой мир пребывает в состоянии набухания — на протяжении последнего миллиарда лет он дал только одну мутовку — человека, не считая вымерших древних ящеров и определенную селекцию в растительном и животном мире, осуществленную человеком осознанно или подсознательно: превращение волка в различные породы собак, приручение кошек и лошадей.

Мир «замер» в своем развитии — не зная, по какому пути пойти дальше: по пути социализации жизни или по пути индивидуалистического развития особей.

Это «замирение» связано с тем, что крона жизненного дерева столкнулась в своем развитии не только с внешними ограничениями, но и с внутренней саморегулирующей способностью живого, выражающейся в росте его самосознания.

Нервная система растений, животных и человека — это новый фактор, влияющий на развитие живого мира. Если раньше эволюционная ось развития была направлена к структурной сложности и функциональному совершенству организма — живой системы, то со временем развиваются так называемые цефализированные формы — те специализированные органы, которыми организм оцупывает среду.

Органы чувств развиваются и локализуются в голове, там, где утолщаются узлы нервной системы, перерабатывающие информацию об ощущениях.

Зачатки сознания как системы переработки поступающей во внутренний тезаурус информации качественно изменили эволюционный процесс развития древа жизни.

«Жизнь — это подъем сознания» (П.Т. де Шарден, с. 127).

Но между размерами головы как вместительности мозга и остальной части тела существует оптимальная пропорция, близкая к 1:7. Поэтому динозавры, имевшие большое тело и маленькую голову, вымерли, т.к. они не были способны к адаптации при изменении условий жизни на Земле. Точно также не имеют шансов на длительное существование особи, у которых гипертрофировано развит мозг в ущерб остальным частям тела.

Это, по-видимому, согласуется с правилом Э. Копа, согласно которому «глубокая специализация может обеспечить процветание группы в относительно стабильных условиях, но в случае радикального их изменения обрекает группу на вымирание» (Биологический словарь, с. 279).

Но две группы живых существ удивительно приспособились к земным условиям — это насекомые и млекопитающие.

Насекомые добились удивительных адаптационных возможностей за счет синэргетического поведения, т.е. за счет социализации коллективных действий.

Тому немало примеров из жизни пчел, муравьев и термитов. В их среде произошла четкая специализация функций отдельных особей и жесткая иерархия отношений между ними. В результате они создали не только гармоничную структуру взаимоотношений, но и гармоничные идеально (даже с точки зрения человеческого интеллекта) устроенные сотовые конструкции, муравьиные пирамиды и т.д. Все это каждый из нас наблюдал своими глазами, но мы всегда кичливо относились к нашим меньшим братьям, подчеркивая, что «пчела — это всего лишь запаянный автомат».

Но возникает два вопроса: как сформировался этот «автомат» и каким образом он оказался «запаянным»?

Существует маловероятная, но любопытная гипотеза о том, что насекомые — это бывшие высокоразвитые в интеллектуальном отношении существа, которые в прежних волнообразных стадиях земного существования расплодились в таком количестве, что их общая масса перестала уменьшаться в том объеме, которое отведено природой для каждого вида. В то же время их социальная организация достигла уровня, обеспечивающего чрезвычайную стабильность сообщества. А стабильность и развитие — это вещи-антиподы. В четко организованном сообществе адаптация достигается не за счет индивидов, а за счет некоторой переструктуризации внутригрупповых коалиций, в том числе и за счет гибели части особей для достижения устойчивости целого объединения. Отдельные особи в таком сообществе играют роль монад подобно тому как в организме такую роль выполняют короткоживущие клетки. Так, с точки зрения Линнея вся флора произошла

вследствие соединения и воспроизведения всего шестидесяти различных растений. В социальном организме у индивидов атрофируется индивидуальное развитие — роль растущего организма играет все сообщество. Так растение в лесу достигает определенного размера, а далее лес развивается за счет боковых побегов, т.е. находится в предмутационном состоянии, а мутируют затем не отдельные особи, а весь вид. Так и социализированные насекомые, по-видимому, достигли в своем коллективном развитии той стадии, когда сохранению сообщества способствовал четкий порядок внутри него, когда у индивида атрофировалось чувство индивидуальной сопротивляемости среде. А со всем разросшимся сообществом произошла, по-видимому, коллективная мутация, приведшая к резкому сокращению размеров особей, с тем, чтобы сохранить общую массу разросшегося сообщества. К тому же сократился и рост клеток в отдельной особи, т.к. специализация органов, нуждающаяся в массе живого вещества, перешла к особям, количество которых неуклонно росло. Действия отдельных особей, подчиненные общей задаче сообщества, быстро превращались из осознанных в автоматические. По-видимому, когда-то эти сообщества обладали достаточным интеллектом, чтобы создавать сложные конструкции, обеспечивающие сохранность и приспособляемость вида. А со временем эти действия превратились в автоматические, не возбуждая в сознании никаких новых развивающих интеллект реакций. Не исключено, что и хорошо организованное человеческое сообщество может ждать такая же участь.

Помимо насекомых крону древа жизни составляют и разнообразные млекопитающие, которые имеют гораздо более короткий исторический период жизни. По-видимому, земная мутация, вызвавшая количественный рост одноклеточных насекомых, произошла до их массового разнообразия на Земле. И развития млекопитающих шло преимущественно по пути слияния клеток в более специализированные органы, интегрирующиеся в одном организме. В период их развития действовали более мощные силы сцепления клеток и органов, нежели силы их автономного самостоятельного существования в виде отдельных особей. Организмы стали более гетерогенными, т.к. число сочетаний различных органов в одном теле чрезвычайно велико. Немаловажным обстоятельством живучести и развития различных видов млекопитающих является взаимозаменяемость и взаимодополняемость отдельных органов. Хотя «сама по себе дифференциация какого-либо органа есть непосредственный фактор превосходства. Но будучи необратимой, она в то же время ставит животное на узкую дорожку, в конце которой под напором ортогенеза оно может прийти к уродству и непрочности. Специализация парализует, а ультраспециализация убивает» (П.Т. де Шарден, с. 131-132).

Особенно это относится к отряду приматов, которые произошли от примитивных насекомоядных млекопитающих, но магистральная ось эволюции у них была связана с развитием мозга. Эта односторонность пока привела их к накоплению такой мозговой массы, которая в результате перехода количества в качество мутационно породила человека, называемого иногда «ошибкой эволюции». Это определение, по-видимому, связано с тем, что вместо гармоничного развития телесно-физических и эмоционально-умственных свойств доминирующее положение

приобрела нервная система, заменяющая собой (своими действиями) естественную приспособляемость органов физиологического тела к факторам внешней среды.

Разум заменил человеку инстинкты, а приспособление среды под свои интересы атрофировало обмен веществ и физиологические реакции организма.

Поэтому не венцом природы надо считать человека, а узко специализированной почкой на древе жизни, мутирующей не в сторону естественной эволюции, а гипертрофированно раскрывающей соцветие, несущее в жизнь мысль, которая как лепестки вспыхивает красивым пламенем, но опадает в Лету жизни.

Человечество — не вечнозеленое древо жизни, оно держится на этом древе на тонкой плодоножке, неспособной бесконечно нести бутон и новую завязь. Но это будет — не регресс, это будет новая форма жизни, оторванная от своего телесно-вещественного ствола, взмывающая в воздух бестелесной мыслью, идеями, наполняющими ноосферу новой духовной материей.

Жизнь как космическое явление

Совершив экскурс по зонам жизни, мы рассматривали жизнь то как общее свойство развивающейся материи, то как особое свойство растительно-животного мира, выражающееся в самовоспроизводстве потомства. И то и другое представление жизни было оправданным: первое — характеризовало универсальность этого явления во Вселенной и в Космосе; второе — подчеркивало отличие клеточных систем от косной материи. Так что же значит жизнь? Это — не любопытство. От того, каким мы обозначим это явление, зависит не только наше прошлое, но и наше будущее.

Наше — я имею в виду не только человеческое, ибо человек — это не высшая ступень развития жизни, а одна из разновидностей живых систем, отличающаяся от других гипертрофированным развитием мозга, действующего иногда не на пользу, а во вред себе подобным.

Наше прошлое и наше будущее — это жизненная волна нашей Вселенной, которая приближается к своему гребню. И то ли ветром «Великого Дыхания» мы как брызги живого перенесемся в другие миры, продолжив вечное волнообразное движение; то ли ринемся в пучину естественной гибели всего живого на нашей Земле.

Человечество — на перепутье. Но его величайшее счастье — что у него есть выбор: окончить биологическое существование на Земле, превратиться в прах, унавоживая почву для следующих земных существ, или сосредоточиться на производстве духовных ценностей, заполняющих ноосферу — разумную Вселенную и оттуда перенося задуманные программы мироустройства на новые вещественные скопления, запечатлевая на них высокоорганизованные структуры, к которым мы пришли, но которые в наших земных условиях уже не могут быть реализованы.

Разумеется, человек — это особая стадия живого мира, отличающаяся не внешним приспособлением к среде и развивающаяся не по внешним законам эволюции. Человек — не венец природы, он — всего лишь один из ее бутонов,

раскрывающихся по внутренним правилам, сформулированным самим человеком. Человек — не раб природы, он — хозяин своей судьбы. Он способен жить не только в телесно-физической оболочке. Он способен жить в иных проявлениях, но эти проявления — новые грани того, что мы называем жизнью.

Прав К.Э. Циолковский: «Земля — колыбель человечества... Но неужели вы думаете, что я так недалек, что допускаю эволюцию человечества и оставляю его в таком виде, в каком человек пребывает теперь: с двумя руками, двумя ногами и т.д. Нет, это было бы глупо. Эволюция есть движение вперед. Человечество как единый объект эволюции тоже изменяется и, наконец, через миллиарды лет превращается в единый вид лучистой энергии» (цит. по М. Карпенко, с. 13-14). Затем эта полевая форма материи вновь расслоит «Пустое Нечто» в межсистемной среде и, как сказал У.Р. Эшби, «в любой изолированной системе неизбежно развиваются свои формы жизни и разума» (там же, с. 68).

Таким образом, жизнь не прекратится, она начнет новую «жизненную волну» в той же Вселенной или ином мире. Жизнь — это вечный негэнтропийный процесс, переходящий из одной открытой системы в другую. Поэтому и «живое рождается от живого», где организующим началом жизни является отцовский упорядочивающий импульс.

Принципиально неверным для живого является принцип диссипативного увеличения энтропии. Одна группа живых существ действительно гибнет, не будучи открыта для взаимодействия с соседними системами. Но «смертью смерть поправ», общая тенденция жизни — это негэнтропийный процесс, вызывающий упорядочение структуры неравновесной системы.

Выдвинутый И.Р. Пригожиным и Г. Хакеном принцип негэнтропийной самоорганизации в открытых неравновесных системах может быть положен в основу расширительного толкования жизни.

Г.А. Югай в книге «Общая теория жизни» (М.: «Наука», 1987) конкретизирует эту мысль: «Негэнтропийность живых систем достигается также путем взаимодействия со средой за счет извлечения из нее вещества, энергии и информации».

Но со средой может взаимодействовать и кристаллический мир, прирастая количественно, насыщаясь энергией и запасая внешнюю информацию в распределенном по всему объему тезаурусе.

Важными признаками живого считается также способность к адаптации и к образованию коалиций, а обмен веществ трактуется как агрессивность живого по отношению к среде, питание живого организма за счет окружающей среды. Все это позволило М. Карпенко дать расширительную трактовку жизни, никоим образом не ограниченную белково-нуклеиновой формой ее субстанции.

«Живой может считаться способная эволюционно самоорганизовываться, адаптивно и агрессивно взаимодействующая с окружающей средой и повышающая свою структурную негэнтропию система, внутренние процессы в которой протекают

кооперативно, а сочетание элементов подчиняется правилу сверхаддитивного нелинейного сложения» (с. 75).

Такое синтезированное определение жизни позволяет вести поиск жизни и на другой, в частности, на немолекулярной основе. В частности, определенное распространение получила плазмодная форма образования жизни, в частности, внутри звезд.

Но расширительная трактовка жизни М. Карпенко все же неполна. Невидимому, вообще невозможно дать полное исчерпывающее определение жизни, потому что в процессе своего саморазвития жизнь обнаруживает немало новых ранее неизвестных качеств.

В частности, отличительной особенностью живого вещества является его диссимметричность, предполагающая киральную чистоту живого вещества. «Киральной чистотой называют нарушение зеркальной симметрии, характеризующей биоорганические соединения (асимметрия L-изомеров, т.е. левовращающихся, и D-изомеров, т.е. правовращающихся относительно плоскости поляризации соединений). В живом веществе аминокислоты суть L-изомеры, а сахара D-изомеры... В косном же, т.е. неживом веществе реализуются так называемые рацемические смеси, которые содержат равное число левых и правых изомеров» (В.П. Казначеев, Е.А. Спирин, с. 30).

Киральность живого вещества может быть объяснена действием в биосфере особого мембранного фактора, поляризующего рацемические смеси на лево- и правосимметричные молекулы. «Независимая газета» (от 11.11.94 г.) писала об опытах американских ученых, мембранным путем получивших протеиновые фрагменты из аминокислотных остатков.

Явления самоорганизации возникают уже на уровне химических реакций, например, в реакции Белоусова-Жаботинского, однако эти неравновесные системы еще нельзя назвать живыми. Все больше и больше фактов понуждают рассматривать живую материю как особый космический феномен. «Живые организмы способны улавливать из Космоса электромагнитные потоки и перерабатывать их энергию, прежде всего, в процессе фотосинтеза» (там же, с. 38). Эти потоки несут в себе не только энергетические, но и информационные сигналы, организующие из хаотической молекулярной субстанции некое упорядоченное сообщество, в котором полевые, а затем и вещественные потоки приобретают когерентный характер.

Информационное воздействие Космоса определяется наложением различных космических циклов, вызывающих интерференционные сгустки молекул, изменение свойств симметрии и т.д. Это влияние проявляется не путем переноса живой клеточной массы (панспермии), а путем отражения на земной водной пленке информационных следов космических структур.

По данным палеонтологии возраст Земли и возраст живого вещества на Земле сближается в диапазоне 4 млрд. лет, поэтому говорить о развитии живой материи на Земле из космической не приходится, они появились почти одновременно. Э. Дарвин, в частности, придерживался идеи, что суша в своей значительной части имеет...

биогенное происхождение («Храм природы», с. 198). Все это еще более подтверждает влияние космических систем на вещественно-энергетический и биологический зон жизни.

Масса органического углерода, накопленного в оболочке Земли только за 1,5 млрд. лет, составила $1,2 \cdot 10^{16}$ тонн, что сопоставимо с общей массой Земли, поэтому можно смело утверждать, что «монолит жизни активно воздействует на геологические структуры, а... появление первых признаков живого вещества в прибрежных бассейнах древнейших континентов следует выделить как особый период, когда происходила первичная аккумуляция солнечной энергии в органических структурах» (В.П. Казначеев, Е.А. Спирин, с. 51). Авторы тут же признают, что косная среда планеты служила исходным материалом для возобновления структур живого вещества, а в своеобразном «дирижировании» организации этих процессов играли роль информационно-энергетические фотогенные космические потоки. Они только не договаривают, что не всякая косная среда планеты была предрасположена к когерентному взаимодействию с этими внешними потоками, а только та жидкостная субстанция, которая легче всего запечатлевала полевые сигналы в структурные образования молекул.

Облучение светом, несущим информацию о мировой симметрии, взаимодействия с микрополями самого вещества, образовывало силовые линии, подобно тому как мелкие железные опилки располагаются вдоль силовых магнитных линий. Этот процесс запечатлевания космической информации происходил в биосфере — той биокосной природной среде, которая была наилучшим образом приспособлена к такому полемому восприятию внешних сил и образованию с их помощью вещественных организованных структур.

Запечатлевшись однажды, далее живое вещество начинает действовать уже под влиянием не внешних, а внутренних причин. И общий ход жизни, в частности, размножение организмов не есть в мире нечто уникальное. В.И. Вернадский сравнивает эволюцию с общим ходом научной мысли.

«Научная мысль... не может быть обратимым явлением — она может останавливаться в своем развитии, но, раз создавшись и проявившись в эволюции биосферы, она несет в себе возможность неограниченного развития в ходе времени. В этом отношении ход научной мысли, например в создании машин, как давно замечено, совершенно аналогичен ходу размножения организмов» (с. 32). Аналогичным представляется зарождение компьютерных вирусов и эволюция человеческого сообщества, и эволюция знания, и эволюция государственности.

Все эти большие системы — биологические и социальные, технические и космические проходят через одни и те же стадии жизненного цикла: зарождение, развитие и накопление информационной массы, переносимой и отражаемой в новых системных сообществах. При достижении каждой из этих систем некоей критической организованной массы система начинает формировать внутреннюю волю к развитию и живет как некое одушевленное существо.

Еще один вопрос, на который пока нет однозначного и вообще какого-либо правдоподобного ответа: как происходит расселение однотипных видов растений и животных, а также и человеческих рас по планете. Я считаю, что и здесь не обошлось без космического переноса не самого вещества, а формы его строения, которое отражается подобным образом в другом месте планеты с учетом ее местных геоклиматических особенностей. Иначе, чем через космический перенос информации — в виде полевой ауры, отражающей объект и переносимой через космос в другие точки планеты, трудно объяснить и телепортацию, и чтение мыслей на расстоянии, и перемещение астральных тел, которые затем вновь наполняют собой телесную физическую оболочку предмета, формируя ее по собственному трансфизическому образу.

Но это — уже из «другой оперы», которая иным либретто и иными музыкальными звуками отражают общие принципы устройства мира и общие принципы жизни как наиболее яркое проявление этой мировой негэнтропийной гармонии.

Попробуем в заключение дать некоторое определение жизни, исходя не из ее исключительности, а из общности проявлений «Великого Дыхания» всеобщей вещественно-духовной материи.

Но в начале следует указать некие общие черты интеллигибельного ноуменального мира, одним из проявлений которого является жизнь.

Сущность ноуменального (умопостигаемого) мира, воспринимаемого нами с позиций равноправного существования «Я» и «чужого Я», состоит в том, что вечно существующая вещественно-духовная материя (реально — материально все, что существует) находится в постоянном движении — состоянии перемежающегося «Великого Дыхания», каждая волна которого образует свою развивающуюся систему, проходящую свой жизненный цикл.

Жизнь есть один из феноменов интеллигибельного мира, заключающийся в последовательном трехстадийном негэнтропийном процессе:

во-первых, расслоение материального хаоса в неустойчивом состоянии и образование первичных сгустков-монад путем уплотнения вещественных тел концентрированными полевыми воздействиями иных высокоорганизованных структур через межсистемную среду;

во-вторых, развитие этих монад за счет вещественно-энергоинформационного обмена со средой с формированием протогенов, запечатлевающих в телесно-полевым виде асимметричный алгоритм структурирования и функционирования единицы как образа донорской и прообраза будущей системы;

в-третьих, поддержание жизненного процесса самовоспроизводства за счет частичного отмирания и обновления клеток-монад, органов и особей и филообразного эволюционно-мутационного (черешки — листья — бутоны) формирования разнообразной кроны дерева жизни.

И наконец, стадия социализации жизни — либо автоматического закрепления достаточных для физиологического существования действий отдельных органов или особей с прекращением их развития, либо взаимодополняющего развития индивидов, создающих более разнообразные и более высокоорганизованные гармоничные открытые системы, продукты жизнедеятельности которых формируют через свои полевые (духовно-информационные) сигналы новые всплески и жизненные волны «великого дыхания» интеллигибельного мира.

Гоминизация жизни.

Космический феномен жизни как отражения общих принципов развития сложных систем позволяет заново поставить вопрос о происхождении человека.

Дело в том, что традиционный ответ: труд превратил обезьяну в человека — отражает лишь один эволюционный аспект генезиса гоминида. А на самом деле человек есть тот узел, в котором сплелись и биологическая и духовно-психическая и социальная ветви развития природы.

Именно пересечение этих природных ветвей и дало тот антропологический узел, который принадлежит одновременно всем граням природного естества, не являясь собственно эволюционным продолжением одной какой-либо субстанции.

По отношению к своим биологическим предкам гоминид отличается появлением психических начал, разрастающихся затем в сознание. По отношению к духовной материи Номо слит с вещественным телом. По отношению к социальному сообществу *«в мире человеческом впервые раскрывается принцип индивидуальности»* (В. Шмаков, с. 95).

Поэтому не следует рассматривать гоминизацию жизни только в биологической плоскости, ибо одно лишь усложнение биологической особи и ее головного мозга никак не позволит нам вычленить в этом эволюционном ряду ту качественную особенность, ту точку, которая бы отделила Номо sapiens от его предшественников — протогоминид.

И как тут не солидаризироваться с удивлением П.Т. де Шардена, воскликнувшего: «Ничтожный морфологический скачок и вместе с тем невероятное потрясение сфер жизни — в этом весь парадокс человека» (с. 135).

Логичнее было бы признать, что речь идет не об очередной мутации живой филои, когда на месте листа из почки вдруг вырастает бутон, раскрывающийся в виде красочного цветка. Плод образуется, когда этот цветок не просто будет опылен содержимым цветка другой родственной особи, а когда слияние материнского и отцовского начал дадут жизнь новому образованию. Это слияние не есть простое смешение двух однородных субстанций, оно зависит и от тех волн электромагнитного излучения (света солнца и звезд), которые пронизывали место и время зарождения плода.

Точно также и появление человека нельзя соотносить лишь с мутацией его органов. Мутации подвергались не морфологические и физиологические свойства

антропоидов и предгоминидов, а надтелесная аура, которая из чисто рефлексивной, односторонне отгораживающей живое существо от внешнего поля сознания и полупроводящей сигналы этого поля внутрь, вдруг стало прозрачным и для психических сигналов, вырабатываемых самим живым существом.

Поясним эту крамольную мысль. Ее крамола заключается в том, что человек начинает мыслить и действовать, когда его энергетическая аура мутирует и выделяет некий самостоятельно живущий полевой слой, осуществляющий через себя связь живого существа с другими подобными посредством не только чувственных, но и психологически-символических ощущений.

Пока психика живых существ была в зачаточном состоянии и только-только «вставала на ноги», укрепляясь в своей самостоятельности, внешняя полевая аура защищала психический плод от преждевременного общения с внешним миром, дозируя обучающие сигналы извне. Эта аура играла роль материнского тела, вынашивающего созревающий плод. Но вот, наконец, психический потенциал внешнего поля сознания и рефлексов существа уравнился, и произошел «пробой» ауры. Живое существо выплеснуло наружу заряд накопившегося внутреннего сознания. В психическом плане оно созрело для самостоятельного общения с миром сознания «чужого Я». Оно стало не только поглощать психические сигналы извне, которые помогли ему сорганизоваться в разумное существо, накопить свой тезаурус, создав в нем не только модель внешнего мира, но и автомодель. Сигналы этой автомодели прорвались наружу, и новорожденный «закричал»: Аз есмь (Я — Человек).

«Животное знает. Но оно не знает о своем знании» (П.Т. де Шарден, с. 137). Мутация энергопсихической ауры позволила живому существу войти в общемировое поле сознания, не только осознать свое самосознание, но и заявить об этом «во весь голос» своими «разумными» деяниями: покорением окружающей среды, самовоспроизводством не только физиологическим, но и самоотображением в виде наскальных рисунков и других информационных символов, умножающих себя в зеркале материального и духовного мира.

Жизнь — это зеркальное отражение материального мира в том числе и самой себя.

Обезьяна, осознанно глядящая в зеркало, — это уже человек. «Всякая форма инстинкта по-своему стремится стать разумом, но только на человеческой линии (по внешним и внутренним причинам) операция удалась до конца... Человек являет собой единственную форму сознания, достигшую состояния мысли» (там же, с. 138).

Психика дошла до уровня разума, и проявилось это в осознании живым существом своего достойного места в ряду себе подобных. Прорыв индивидуального сознания в совокупное поле сознания других индивидов есть социализация сознания — неперенный атрибут Homo sapiens.

Поэтому прав П.Т. де Шарден, говоря, что «жизнь не действует по одной изолированной линии или отдельными приемами.

Она движет вперед одновременно всю свою сеть». К сожалению, в объяснении этого феномена — рождения человека он остался верен своим традиционным профессиональным палеонтологическим воззрениям, пытаясь объяснить разумность человека лишь увеличением мозга благодаря прямой походке, освободившей руки и сфокусировавшей взгляд живого существа. Он понимал, что этого недостаточно для возникновения мысли, но усиленно пытался заполнить квантовую паузу между прото-гоминидами и человеком поиском иных промежуточных морфологических структур.

А истинная суть гоминизации жизни — в ее зернистости. Мысль — это не постепенное порождение рефлексии, а мутация — переход от чисто биологических структур к существам (n+1)-го измерения, где дополнительная координата — это направление к психическому сознанию.

Сознание, свойственное в простейшем виде отражения действительности всем живым существам, у человека приобретает характер «единого двустороннего развития, которое состоит в дальнейшем *само-сосредоточении* путем проникновения в новое пространство (мысли — В. Б.) и одновременно в сосредоточении вокруг себя остального мира, путем установления в окружающей реальности все более стройной и лучше организованной перспективы. «Я», которое сохраняется, лишь становясь все более самим собой, по мере того, как оно делает собой все остальное. *Личность — персонализации, и через нее*» (с. 142).

Общение собственного «Я» с остальным миром осуществляется уже не на уровне поедания пищи и отправления других физиологических инстинктов, а на уровне информационно-психического общения посредством «крупинки (монады — В.Б.) мысли».

Фила жизни приобретает при этом «арматуру» сознания. Природа практически остановилась в развитии органической дифференциации, в зоологическом ветвлении; она нащупала более динамичную форму развития живого — психологическую, обладающую более разнообразными вариациями, а, главное, — осуществляющую обмен живой системы с окружающей средой посредством более качественного носителя информации — мысли и духа.

«Волокна человеческой филы окружены своей психической оболочкой, мы начинаем понимать, какой они обладают чрезвычайной силой слияния и срастания, (приводя человека — В.Б.) к конвергенции духа» (с. 144-145).

Возникновение Homo sapiens и есть, с одной стороны, индивидуализация особи — самосознающей личности, являющейся зерном (сгустком) поля мирового разума; с другой стороны, посредством крупинки мысли он формирует в окружающей тело ауре особую психологическую оболочку, разрастающуюся в пространственном и временном объеме и осуществляющую общение субъекта с другими мыслящими существами в этом и иных мирах.

Поэтому не последовательные стадии геогенеза, биогенеза и психогенеза формируют жизненную волну, а их взаимное существование со своими временными

циклами порождает тот антропогенез, который на сегодня создал наиболее развитую форму организации материи — *Homo sapiens*.

Человек вошел в мир не путем эволюции или мутации своего биологического тела, а путем качественного изменения способа взаимодействия вещественного тела и его полевой ауры с окружающей средой.

Если на стадии становления гоминида его полевая аура подпитывала и защищала «дитя человеческое» энергией и информацией, то, повзрослев, *Homo sapiens* сам стал генерировать информационно-психический продукт, который катализировал процесс его внутреннего созревания вкупе с процессом двухстороннего общения человека с внешним миром.

Зарождение разумного существа есть особая форма усвоения его нейронно-мозговой структурой внешних ноосферных сигналов. Это — не только сигналы из потустороннего мира (мира внеземных цивилизаций), но и сигналы в виде положительной обратной связи между вещественной матрицей мозга и ноосферой, которая одновременно сама формируется как некое духовно-разумное поле и проецируется на эту зернистую матрицу в виде сигналов общего сознания.

Настоящее, прошлое и будущее существует во взаимосвязи между собой. Гоминизация жизни есть следствие прорыва первоначальной зернистости и разрастания индивидуальных психологических оболочек до общего ноосферного поля, проникающего не только в различные точки земного пространства, но и создающего общую космическую цивилизацию.

Эта гоминизация не могла осуществиться в виде зарождения одиночного субъекта. Общий закон сохранения нового предполагает, что «первым человеком» является и может быть только *множество* людей», что предполагает полицентричность гоминизации — одновременное появление человека в различных районах Земли.

Сегодня все больше и больше «сближается» возраст Земли и ее живого наполнения. Это также свидетельствует о том, что развитие жизни на Земле не есть последовательный процесс дифференциации материи и синэргетической системной структуризации ее монад. Эти процессы идут совместно, хотя и проявляются в нашем сознании в виде привычной последовательной череды. Но это уже — не объективное свойство материи развиваться от простого к сложному, а субъективное свойство нашего сознания сканировать события. И лишь подсознательно мы принимаем картину мира целиком во всей ее глубине и во всех ее направлениях — координатах.

Homo sapiens — это синтезированная картина биологического, психического и социального мироздания, это интеллигибельное (умопостигаемое) восприятие жизненной волны в истории нашей Вселенной, это источник ноосферы, которая в силу своего пространственно-временного дальнего действия свяжет нас с иными физическими и трансфизическими мирами, иными проявлениями «Великого дыхания» материального (вещественно-духовного мира).

И эта связь живых зерен — живых систем есть и будет результат взаимодействия телесно-полевых материальных субстанций в процессе вечного спиралеобразного негэнтропийного существования Живого Универсуума.

ВЫПУСК 2

«ПУТЬ ЭГО»

ЧАСТЬ III. АТМАН.

Миры и тела.

В чем парадокс Человека? Есть ли он высшая точка земного развития или же всего-навсего одна из фаз жизненной волны Вселенной. Двусмысленность ответа: и да — и нет одновременно — это уход от вопроса или истина? Как хочется нам жить в двоичной системе, не допуская оттенков или иррациональности мышления.

А не является ли иррациональность той самой внешней средой, обмениваясь с которой информационными или духовными полевыми взаимодействиями, только и могут существовать рациональные числа, рациональные объекты-субъекты, рациональные системы.

Человек — это не просто точка на одной из шкал: физической, биологической, энергоинформационной, духовной, социальной и т. д.

Человек — это пересечение всех этих мировых субстанциональных полей. Точнее говоря, система, взаимодействующая одномоментно со всеми полевыми субстанциями. И это взаимодействие происходит не непосредственно, а через свои полевые оболочки, каждая из которых является монадой (частицей) своего мира. И в то же время эти полевые ауры притягиваются к человеку, интерферируют на нем, образуя по мере становления субъекта его физическое вещественное тело как сгусток своей субстанции и отражая его облик в своем материальном мире.

Бессмыслен спор — является ли мысль продуктом мозга либо мозг есть отражение некоей высшей мысли. Мозг и мысль сосуществуют в своем взаимоотображении, как существуют частицы и античастицы, поля и корпускулы, энергия и масса. Мы не задаемся вопросом, что первичнее: электрон или позитрон; просто признаем, что одно соответствует другому, будучи его отображением в некоем зеркале.

Поэтому и мозг и мысль — это только проекции Сущности на соответствующие материальные поверхности (материальны все существующие субстанции).

«Мозг — это лишь клавиатура чудесного инструмента, на котором человеческий Дух играет свою симфонию жизни» (М. Гендель. Космогоническая концепция. — СПб: АО «Комплект», 1994, с. 28).

И М. Мамардашвили в кн. «Классический и неклассический идеалы реальности» (изд. «Лабиринт», 1994, с. 18) говорит о том, что действия природы фиксируются в нас не непосредственно, а через некий «экран сознания», на который проецируется «спектакль мира» и с которого как с модели мы считываем внешние явления субъектов и объектов мира.

И Человек — это некий собирательный образ его различных «экранов» — полевых и вещественных тел, создаваемый объединением пространственно-временных проекций Сущности в единое целое.

Если мы хотим понять феномен человека, то нельзя отождествлять его с прямоходящей обезьяной, обладающей «рефлексией как приобретенной сознанием способностью сосредоточиться на самом себе...» (П.Т. де Шарден, с. 136). Ось биологической эволюции не есть психическая специализация особи. Психизм — не высшая точка эволюции, а лишь одно из проявлений жизни высокоорганизованной системы. Особенность этой точки заключается лишь в том, что она одновременно присуща не только биологической, но и информационно-сознательной системе, являющейся частью ноосферы. Так же как психофизиология является особой точкой пранической системы, которая подпитывает организм энергией, создавая условия для проникновения в него и восприятия им информации о внешней среде и о себе самом.

«Человеческое тело — резюме Вселенной. Существо человека состоит только из сил, токов, энергий, света и излучений, конденсация которых создала физические органы, какими мы их знаем...

Космические силы кристаллизуются в качестве тела... и разрешаются или трансформируются в психические силы, называемые Чакрами» (цит. по С.Н. Лазареву и С.М. Данченко. Кармическая диагностика чакр. — М., 1994, с. 28).

Можно вспомнить и древневосточное определение, содержащееся в «Упанишадах»: «Если Брахман — безначальный, верховный... то его воплощение в душе человека — Атман — то, что является тончайшей сущностью... Это реальность... Это — ты» (цит. по Ф. Капра. Дао физики. — ОРИС, СПб. 1994, с. 74).

Я думаю, что пришла пора отказаться от уничижительного обвинения в религиозном мистицизме по поводу употребления этих имен-символов: Брахман и Атман.

Вынеся в заглавие данного раздела понятие «Атман», я воспринимаю его не как «субъект мира, доступный лишь религиозному ведению» (С. Трубецкой, с. 663), а как синоним человеческого «Я» во всем своем духовном, разумном, эмоциональном и физическом многообразии тел, пронизывающих друг друга и отражающих в Человеке такое же богатое многообразие мира (миров), в котором (которых) это «Я» и существует.

Высшая реальность — Брахман и его «зеркальное» человеческое отражение — Атман раскрываются перед нами многообразием окружающих вещей и явлений.

Можно представить себе человека как объемное голографическое изображение многомирного окружения, записанное в земных условиях на матрице пространственных белковых структур. Опорной волной является непосредственный когерентный луч общего энергетического источника, а объектной волной — отражение этого луча от физического тела. Интерференция этих лучей на биологической структуре и создает то «живое» отражение мира, которое и было когда-то названо Номо.

Но Номо — это лишь частный случай Атмана, ибо окружающий мир отражается не только на биологической структуре, но и на других материальных носителях, составляющих человеческую совокупность. Например, носителем

духовно-информационного «тела» Атмана является, по-видимому, электромагнитное и микрелептонные поля.

Не есть ли описанная М. Генделем диаграмма (с. 45) соотношения видимого и невидимого миров частным случаем такой голографической картины мира.

Говорить о Человеке можно лишь как о комплексном отражении в биологической и иных формах множества самостоятельно существующих энергетических, ноосферных, социальных миров, которые пересеклись в этой узловой точке Вселенной, а отнюдь не как о вершине какой-либо из ветвей этих миров.

При такой трактовке становится понятным озадачивший П.Т. де Шардена как натуралиста «парадокс человека — ничтожный морфологический скачок и вместе с тем невероятное потрясение сфер жизни» (с. 135). Нельзя разрешить этот парадокс, оставаясь только на линии биологического развития физического тела. Мутация, выделившая человека из животного царства, определяется не изменением его биологической структуры (прямохождением, развитием черепной коробки и размеров мозга), а мутацией полевой оболочки физического тела, выразившейся в появлении двухсторонней проводимости тонкой ауры. Если на стадии растительного или животного существования тело в основном поглощало энергию и информацию, организующие и управляющие сигналы извне, то скопившиеся в организменной системе человека силы духовно-информационного порядка оказались достаточными, чтобы прорвать ауру изнутри и выплеснуть в окружающую среду потоки невещественных (но материальных) сигналов в виде мыслей, идей и других продуктов высокоорганизованного сознания. И уже само поведение человека стало определяться не только приказами извне, но и сигналами собственной воли.

Таким образом, главным отличительным моментом именно человеческого существования стал обмен между ним и окружающей средой не только веществом, энергией, информацией, но и сигналами высшего качества.

Этот взаимообмен образует обратную связь человека с окружающим миром. Неправомочен вопрос, человек создал среду или среда — человека. Само развитие мира шло по пути негэнтропийности, заложенному в него изначально и получившему новый толчок в момент прорыв в нашу Вселенную накопленного в других Мета-системах импульса, содержащего сверхгусток не только космической энергии, но и своеобразных по форме, соответствующей иной среде, жизни, разума и сверхсознания.

Эти организующие начала дифференцировали «пракрити» нашего мира, создали разность потенциалов, запустившую процесс развития от простого к сложному в земной (и околоземной) среде. Среда же как полевая структура кристаллизовала материю и одновременно сама кристаллизовалась под влиянием структурно оформившейся материи. В результате наша Вселенная прошла различные зоны жизни — от огненного мира до разумного и сознательного человека. Точнее говоря, эти зоны — не последовательные стадии эволюции жизни, а существующие на параллельных плоскостях нашей Вселенной. Но эти «параллельные» плоскости в результате взаимного обмена своими субстанциональными носителями

«пересекаются», и в этих совместных областях жизни возникают свои монады — тела жизни: атомы — кристаллы — клетки — организмы — Номо — Номо sapiens — Атман.

Не мысль порождается сложной структурой мозга, но и мозг не есть продукт мыследеятельности некоего поля. Облако проливается дождем. Но и само облако — это концентрат влаги. В замкнутом кругообороте причинно-следственные связи — это всего лишь условность. Так и в мире более тонких материй.

Истоки человека как Номо sapiens следует искать не в его внутренней биологической сложности, а в сфере новых функциональных отношений «объект — среда», охватывающих не только совокупность феноменальных, но и ноуменальных связей, проявляющих окружающий мир в сознании человека и посылающих импульсы от отдельного субъекта в окружающую ноосферу. «Вселенная становится как бы эхом человеческого тела... а человеческое тело, в свою очередь, вторит Вселенной» (С. Лазарев, С. Данченко, с. 8). Чакры — это одновременно и действующие силы, с помощью которых осуществляется полевое взаимодействие Человека со Вселенной, и «нейрогормональные структурно-функциональные объединения» — центры тела, в которых эти внешние энергоинформационные связи трансформируются во внутренние сигналы, циркулирующие между органами физического тела. И хотя они называются центрами и в восточной медицине делается попытка отождествить чакры с конкретными органами тела — селезенкой, сердцем, пупком и т.д., на самом деле во взаимодействии с внешним миром участвует все физическое тело человека. Может быть, лишь концентрация этих связей определяется внутренними путями их распространения, имеющими участки с большим сопротивлением, и наоборот, аккумулирующими звеньями, где те или иные сигналы — силы накапливаются, набирают критическую массу для квантового прорыва в соседние структуры тела. Акупунктурные точки на поверхности тела — это всего лишь датчики — рецепторы для приема и передачи сигналов, циркулирующих по каналам внутренних коммуникационных систем.

Контакт человека с окружающим миром осуществляется с помощью импульсов, которые должны нести в себе, как минимум, две компоненты — энергетическую и информационную. При этом информационная компонента как бы регулирует ценность поступающего или выходящего энергетического сигнала. Например, в момент физического напряженного действия, когда требуется концентрация усилий, все внимание человека сосредотачивается на активизации участвующих в этом действии органов и тканей. При этом заметно ослабляется чувствительность других рецепторов, и даже порой болевые ощущения не доходят до нашего сознания. И, наоборот, когда концентрируется мысль на каком-либо одном определенном внешнем сигнале, в этот момент ослабляется энергия, циркулирующая в других каналах, не связанных с прохождением данной мысли. На этом основаны многие явления гипноза, медитации, аутотренировки.

В предыдущих разделах уже упоминалось, что информация есть мера ценности энергии. При этом насыщенная информацией энергия становится более высокопотенциальной, а система, обладающая именно такой энергией, обладает коэффициентом качества $\eta > 1$.

Человек является именно такой негэнтропийной системой, в которой коэффициент качества много больше единицы, ибо поступающая извне даже рассеянная энергия почти полностью преобразуется не просто в действия, т.е. совершает работу. Происходит информационное упорядочение поступающей энергии. Эта энергия структуризуется, уплотняясь, формирует специализированные органы и организмы, генерирующие разумные и духовные творения.

В человеческом теле происходит не только дифференциация и специализация органов. Распределенная «память» о внешних сигналах не только концентрируется в особом органе — головном мозге. Внутренний тезаурус системы не только становится объемным по величине и многообразию своих связей с внешним и внутренним миром. Он начинает генерировать информацию, необходимую не только для реализации инстинктов и внутренних потребностей живого организма. Производится избыточная по количеству и качеству информация, которая не успевает усвоиться самим организмом, а выплескивается наружу через те же рецепторы, которые становятся не только датчиками, но и излучателями информационно-энергетических сигналов-творений человеческого существа.

Если на стадии животного существования организм был сильно поработан «групповым духом», т.е. подчинялся неким общим законам жизни: «получить, сохранить, и, если возможно, приобрести, воспроизвести и передать», то на стадии человека «после крупинки материи, после крупинки жизни образовалась, наконец, *крупинка мысли*» (П.Т. де Шарден, с. 142). В этом заключении натурфилософа отражены два знаменательных явления, характеризующие появление на Земле принципиально нового существа — человека.

Во-первых, проявилась монада — единичная частица нового (для прежнего животного царства) мира — ноосферы, которая существовала сама по себе вне конкретного человека и даже вне человеческой массы. Ноосфера, как и биосфера, — это своеобразные миры, окружающие нашу Землю и пронизывающие (пусть в разреженном состоянии) всю Вселенную. Об их объективном (вне нашего сознания) существовании мы еще подискутируем.

Во-вторых, крупинка мысли означает появление (проявление) новой субстанции, посредством которой происходит обмен между живым субъектом и окружающей средой, содержащей частицы этой же мыслительной субстанции.

«Волокна человеческой филы окружены своей психической оболочкой» (там же, с. 144). Это признание означает, что тело человеческое не только производит психические сигналы, наполняющие среду, но и воспринимает их извне и от самого себя в процессе своего существования. Именно обмен мыслями — психической субстанцией определяет сознательную жизнь человека.

Сознание — слишком собирательное понятие, определяющее своеобразную ауру человека, в которой происходит обмен организованной информацией — словами и мыслями, идеями и представлениями, т.е. продуктами деятельности индивидуального разумного существа, с частицами мирового Разума, проникшими в сферу влияния этой ауры. Этот мировой Разум есть проявление (эманация) ноосферы

— «мыслящего пласта», который, по мнению П.Т. де Шардена, зародился в конце третичного периода, в эпоху т.н. психозоя, и находится вне биосферы и над ней.

Следует признать выдающуюся роль французского энциклопедиста нового времени (естествоиспытателя и натурфилософа) в признании особого мира — ноосферы, но, по-моему, не следует так однозначно воспринимать сроки появления этого мира — особой земной оболочки. В устах естествоиспытателя естественно говорить об этом мире как совокупном продукте человеческой деятельности.

Более достойно внимания упоминания духовно-разумного мира у древневосточных философов, которые признавали его объективное существование до появления на Земле первого *Homo sapiens* нынешнего поколения. В «Космических легендах Востока» (с. 33) повествуется о «Шестой Тайне Космоса» — о ступенях непрекращающейся жизни. Согласно этой легенде, основанной на эзотерическом интуитивно воспринятом извне знании, наша планета, как и всякая другая, состоит из трех миров. «Первый из них — это физическая часть планеты: наш земной шар. Он называется миром плотным. Второй мир — это «тонкая» часть планеты: мир чувств, желаний, эмоций... И третий мир — это мир мысли». «Мыслеэнергия Логоса дает взвихренной космической энергии импульс устремления к форме... Огненный вихрь раскаленной космической пыли следует за... направляющей мыслью» (с. 26), формируя плотные тела, живые существа и... Пхаю — тень бессознательную. «Первоначальный человек, исшедший из тел своих (небесных — В.Б.) Прародителей, был существом эфирной формы, лишенным плотности» (с. 42). Уже затем эта эфирная тень стала формировать человекоподобные существа на Земле. И лишь после «Сыны Разума» — Светлые Существа, о которых упоминается как о «Сынах Огня», благодаря их сверкающему виду, пришли на Землю и «внесли в животного человека искру монадической жизни, из которой образуется Разум — Манас. Луч Божественного Разума осветил область до сих пор спящего человеческого разума — и зачаточный Манас оказался оплодотворенным. Результатом этого соединения явилось зачаточное «пребывающее тело» — огненное тело человека. Таким образом произошла индивидуализация духа, его инволюция в форму, и этот дух, заключенный в «пребывающее тело», и есть душа, индивидуум, истинный человек» (с. 48).

Конечно, можно зачитываться и восхищаться разумной логичностью «Космических легенд Востока», дающих правдоподобную картину не только космогенеза, но и гомогенеза (происхождения человека) по образу и подобию пришедших с Венеры «Сынов Разума» (Манаса-Путра).

И у нас не должно вызывать скептическую улыбку упоминание о Луче Божественного Разума, ибо легенды трактуют этот Божественный Разум не как нечто изначальное и неестественное, а как особый Мир, возникший во Вселенной в силу внутренне присущих ей (как и любой открытой системе) законов развития.

Причем еще раз и еще раз хочется подчеркнуть, что не Луч Божественного Разума создал *Homo sapiens* — он только «осветил область спящего человеческого разума», проявил как опорный луч на голограмме изображение Брахмана в виде многоликого Шивы-Атмана. А ведь фотографическая пластина — холст для будущей

картины — уже существовали для записи мысле- и духообразов. Но и сами эти образы формируются и проявляются в мире Разума и в духовном мире в процессе их отражения на материальном носителе. Поэтические сюжеты не рождаются в голове, а затем заносятся на бумагу; они формируются в процессе изложения. Процесс домысливания и переосмысления и процесс реального экспериментирования — это единовременный процесс, точнее говоря, два переплетающихся плана осознания и сотворения.

Также сплетаются процессы человеческой многоплановой жизни и процесс естественного развития Вселенной, воспринимаемый нами как объективная реальность. Но это сплетение, хотя и отражается в нашем сознании как некий голографический образ внешней реальности, на самом деле есть внутренний имманентно присущий миру единый процесс развития в его монадологическом (человеческом) и целостном (вселенском) взаимодополнении. И понять этот процесс можно, одновременно познавая себя и Атмана в себе и общий образ: Сущего-Брахмана (или Дао).

Китайский образ Дао как и индуистский Брахман — это высшая реальность, основным отличительным признаком которой является помимо всеохватности цикличность его бесконечного движения и изменения под воздействием внутренних причин — тенденций как условия самого существования мира.

«Человек следует законам Земли;

Земля следует законам небес;

Небеса следуют законам Дао;

Дао следует самому себе».

(Дао дэ цзин, гл. 25 — Древнекитайская философия. — М.: «Принт», 1994, т. 1, с. 122.)

«Законы, которым подчиняется течение Дао, не были заложены в природу каким-то божественным законодателем, но изначально и имманентно присутствуют в ней» (Ф. Капра. Дао физики, с. 262).

Появление Разума не обязательно только в нынешнем человеческом теле. И это столь же естественно, как и появление других планет в результате сгущения энергии. Мировой Разум — это сгущение мирового ноосферного поля, которое притягивается к живым телам, но может распространяться в виде психических полей во всей Вселенной и в других Космических Вселенных. В какой-то форме Мировой Разум управляет и процессами в микромире, но это Разум своего Мира как третья наименее плотная его оболочка, присущая любой организованной системе.

«Разум, по своей природе... вездесущ, как и законы Вселенной. Тела являются просто местными приспособлениями разума к особым видоизменениям общемировой материи или силы» (А. Уинчелль — цит. по: Е. Блаватская. Тайная доктрина, т. 1, кн. 2, с. 758).

Допуская существование «психических свойств» в своеобразной форме и в кристаллических минералах (там же), мы просто расширяем понятие Разума, а

следовательно, и ноосферы. Это не только продукт человеческой сознательной деятельности, это такая же неуничтожимая, как и энергия, форма существования материи, проявляющаяся в форме упорядоченной высокоорганизованной информации, инициируемой взаимодействием различных вещественных и энергетических структур.

Эта информация в виде порождаемых структурами символов, понятий, идей «витают в воздухе» — мировом океане. Например, радуга, возникающая как продукт взаимодействия света (энергии) и вещества (оптических объектов — капель, линз), образует семиричный символ цветовой гармонии. Музыка, излучаемая поющими телами, также образует семиричный набор организованной звуковой информации. Семиричность является объективным свойством квантованной духовной (разумной) материи.

Открытый Пифагором музыкальный ряд отражал гармонию космической музыки, а описанные пифагорийцами иррациональные числа были переведенными на наш математический язык символами мировой среды, сгущения которой давали дискретные системы — целые числа.

Недаром сейчас активизируется «антропокосмология — единая наука, в которой принцип взаимосвязанности человека и космоса станет отправным». (В.Е. Еремеев. Чертеж антропокосмоса. — М., АСМ, 1993, с. 4). Эта книга базируется на древнекитайском изречении: «совершенно-мудрые составили символы — этим исчерпав мысли» (с. 8). По эннеаграммам (от греч. еппеа — 9) Г. Гурджиева можно многое понять об устройстве и развитии мира, поскольку они отражают суть мирового порядка, закодированную в этих символах.

Эннеаграмма — это динамический символ, объединяющий статичную гексанему (от греч. hex — шесть + пета — нить), фигуру, связывающую числа 1, 4, 2, 8, 5, 7, 1, отражающую пифагоровскую семиричность («все есть число 7»), и управляющий треугольник (тригон — 3, 6, 9), который делит круг на равные части, (там же, с. 80-81).

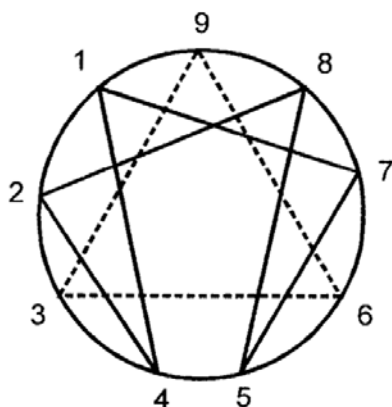

Рис. 2.1.

Рис. 2.2.

Взятый Нильсом Бором в качестве своего родового герба древнекитайский символ «Тайцзи-ту» (противоположности дополняют друг друга) отражает общемировой характер чередования Инь и Ян, что можно считать одним из проявлений Космического Разума Дао. (Ф. Капра, с. 137).

Человек-Атман и Единосущее-Брахман есть взаимоотражение друг друга. Но подобно тому как различные символы могут отражать одну и ту же структуру и динамику мира, можно предположить, что человек есть одна из форм отражения многообразия миров, а сознание человека — один из динамических символов мирового Разума и Духа.

Человек не есть единственное разумное существо во Вселенной. Вся Вселенная полна Разума, почерпнутого ею не только от людей, но внутренне имманентно присущего самому процессу спиралевидного развития Космоса.

Через свои ауры Человек связан с внешними объективно существующими Мирами.

М. Гендель, говоря о семиричной конституции человека, связывает его внутренние тела с соответствующими семью семиричными слоями внешних миров. В этой таблице соотношений разум является фокусной точкой, в которой находится зеркало, отражающее триединый дух «Эго» в триедином теле «Личности» (М. Гендель, с. 75).

С.Н. Лазарев и С.М. Данченко, по сути дела, говоря об иерархии миров и их отражении в структуре человеческих тел, упоминают в качестве таких тел пять «покровов Майи»: покров пищи, покров жизни, покров ума, покров мудрости и покров благодати (с. 36). Мне представляется, что подобная иерархия несколько упрощает дело. В частности, плотное физическое тело нельзя отождествить лишь с покровом пищи. Между покровами ума (телом разума) и покровом мудрости существует Эго. Высший покров — благодати можно было бы отождествить с телом души, хотя приверженцы учения «Майи» придают благодати конечную стадию полноты существования. Но и М. Гендель и тантристы, да и многие другие эзотеристы и оккультисты, игнорируют групповое тело человека, отражающее его полевую связь с «чужим Я». Это тело соборности индивидуального человека особенно отличает евразийского Атмана и, в первую очередь, русского человека. Может быть, и некорректно сопоставлять групповое тело человека, введенное мной в эту таблицу, с миром Девственных Духов М. Генделя, но забывать о социальности индивидуума нельзя.

Р. Штайнер дает близкий к приведенному в таблице перечень семи частей живого человека:

1. Физическое (плотное. — В.Б.) тело.
2. Эфирное или жизненное тело.
3. Ощущающее душевное тело (тело желаний. — В. Б.).
4. Душа рассудочная (разум. — В.Б.).
5. Исполненная духом душа сознательная.

6. Жизне-дух.

7. Духо-человек. (Сочинения. — Пенза: «Каталог», 1991, т. 1, с. 98).

Помимо этого, вводится еще и понятие об астральном теле, в котором «действуют прежде всего человеческие стремления, вождения и страсти... действуют чувственные восприятия» (с. 99).

Этим понятием как бы объединяются «Эго» и «Тело желаний».

**Таблица соответствия Миров и тел Человека
(по М. Генделю с авторской коррекцией)**

Миры		Тела	
	Мир Сущего (Брахман)	Человек (Атман)	
	Мир социума	Групповое тело «чужое я» (соборность)	
Дух	Мир природного духа (мир стихий)	Душа	Эго
	Мир жизненного духа	Воображение	
Мысль	Мир абстрактной мысли	Человеческий дух (подсознание)	Разум
	Мир конкретной мысли (информации)		
Мир желаний		Тело желаний (эмоции, чувства)	Личность
Физический мир	Эфирный слой	Жизненное тело (прана)	
	Химический слой	Плотное тело	

Но любая градация — условна, т.к. все тела существуют во взаимосвязи и в тех или иных проявлениях группируются соответствующим образом, образуя фантом-модель, адекватную рассматриваемым феноменам-проявлениям человеческой сущности.

При всей условности этой таблицы соответствий она иллюстрирует тот факт, что Человек — это многотельное Существо, каждое тело которого соотносится с соответствующими космическими мирами. А эти миры являются как продукцией человеческой деятельности, так и генерирующим началом, формирующим соответствующие тела (оболочки) человека.

Недаром среди специалистов микромира (Дж. Чу) зародилась гипотеза бутстрапа (обратной связи), которая утверждает, что «все причинные обоснования бессмысленны и место последних занимает непосредственное восприятие взаимозависимости всех вещей и событий» (Ф. Капра, с. 268).

Таким образом, даже с точки зрения квантовой физики бессмысленно говорить о причинности. А уж тем более говорить о первичности материи или духа. Во-первых, дух — это тоже один из видов материи, как мы признали в отношении энергии и информации. Во-вторых, тела конкретного человека и соответствующие миры существуют параллельно друг другу. Признали же мы биосферу — тонкой живой пленкой — не продуктом земной жизни, а объективно существующей субстанции. То же нам надлежит признать и в отношении ноосферы и мира Духа как разновидностей окружающего нас Супер-Мира. И эти миры и человеческие тела (плотные и тонкие) существуют благодаря действию обратных связей между ними. А в обратной связи, как в кольце, нет ни начала, ни конца.

Состояние проводимости этих связей миров и тел характеризует степень соответствия человека и Космоса, понимаемого не как совокупность звездных систем, а как множество миров различных субстанций, внутренне присущих как нашей Вселенной, так и другим открытым метagalacticким системам, включая и микрокосм. Разнообразные человеческие тела есть проекции этих миров на многослойную сущность человека.

Подобное представление тела «как совокупности физических проекций всех планов реальности» С.Н. Лазарев и С.М. Данченко (с. 29) приписывают тантристам. Однако при этом тело понимается как совокупность органов — рецепторов полевых миров на физическом плане.

Здесь же речь идет о разнообразных полевых телах человека как отражении (проекции) совокупной мировой реальности.

Многослойность Вселенной отражается во введенном Д. Андреевым в «Розе Мира» понятии брамфатуры — совокупности более 240 разноматериальных слоев. А человек — это голографическая проекция всех этих миров.

Чем полнее эта совокупная проекция, тем ближе соответствующее тело человека к порождающему его и порожденному им миру, тем больше проявляется в человеке его космическая сущность.

И именно эта полнота соответствия является критерием качества человека как многоликого Януса. В идеале, когда Атман и Брахман будут соответствовать друг другу, т.е. человеческая модель сольется с оригиналом, мы вступим на новый этап космического развития. Человек станет Богом (или Бог — Человеком). И единая неопределимая реальность — Бог (Брахман, Дао) опять станет «Пустым Нечто», в котором слиты все тела и миры.

«Пустота — это не ничто, а нечто, трансцендентное мысли» (К. Ясперс). Но мысль сама есть продукт совместного взаимодействия человека и мира. Поэтому «Пустое Нечто» есть объективная реальность для совокупной системы, включающей и мыслящее человечество, и циркулирующий в стиле «инь-ян» Космос.

И это «Пустое Нечто» есть результат единения данного мира в целостную сущность с максимальной энтропией. Но оно же, отдавая в процессе своего уравнивающего единения во внешнюю среду негэнтропийность, само становится бесформенной средой — неравновесной системой, потенциально способной под воздействием организующего начала извне расслоиться и начать новый эволюционный процесс.

И это «Пустое Нечто» даст начало новой жизненной волне в нашей Вселенной либо в другой Мировой системе. Как когда-то родилась наша Вселенная. И этот процесс чередования рождения, развития и смерти есть вечный процесс жизни — «Великое Дыхание» Дао.

Чужое «Я»

Эго и Личность являются основой индивидуального человеческого «Я», но отнюдь не исчерпывают его. «В мире человеческом впервые раскрывается принцип индивидуальности. Если личность есть только центр особой феноменальной формы, то индивидуальность есть нечто ноуменальное... Воздействие ноуменального мира нисходит через внешнюю среду... и через собственный внутренний центр. Человек есть двуприродное существо» (В. Шмаков. Закон синархии, с. 95).

Он одновременно испытывает влияние своего внутреннего мира, своей воли, которая является реакцией его внутренней сознательной и подсознательной автомодели, а также влияние внешней среды в виде ощущений, феноменального и ноуменального восприятия окружающего мира.

Тантризм выделяет в качестве высшей автомодели некий мысле-духообраз Ишвары — «Хранителя Пути», источник интуитивных озарений. Впадая в это состояние, человек «выделяет в себе себя и Ишвару, вступая с ним в личные отношения... Ишвара становится желанным другим в нас» (С.Н. Лазарев, С.М. Данченко, с. 49).

Этот образ Ишвары подчеркивает единство ноуменального (умопостигаемого) и духопостигаемого человеком своего внутреннего «Я» и внешней среды, совокупно отражающей природные факторы, мир Духов и других людей, составляющих окружающий социум.

О роли внутреннего «Я» было и будет еще немало сказано, но чтобы понять место и роль человека в окружающем мире, необходимо отметить еще одну принципиальную особенность человека — его биосоциальную сущность.

«Как бы много ни дала нам природа, как бы многому она нас не научила, люди дают нам больше, потому что их она учила дольше и раньше нас» (С. Трубецкой. Сочинения. — М.: «Мысль», 1994, с. 484).

«Генетический механизм протосоциализации» (по И.Л. Андрееву. Происхождение человека и общества. — М.: «Мысль», 1988, с. 265) не менее важен для понимания сущности человека, который был и остается не только по своим физиологическим свойствам, но и по эмоционально-психическим, а главное, по духу коллективизма «существом стадным».

Еще К. Маркс говорил, что «сущность человека» выступает как «совокупность общественных отношений».

Индивидуализация особи и одновременно ее непрерывное взаимодействие с себе подобными — это параллельный процесс реализации самой идеи Человека как монады человечества. Монада — это одновременно и часть и целое, т.е. такой элемент системы, который таит в себе основные свойства всего объединения. Разумеется, это объединение — не механическая сумма одинаковых частей, а структурно-организованная, как правило, иерархическая система, в которой свойства целого больше суммы свойств элементов. То есть, система есть реализованная негэнтропийность, когда $\eta > 1$. Тем более человечество (как и его более простые системные образования — этносы, классы, народы и т. д.) есть негэнтропийное объединение индивидуумов.

Но чтобы они объединились, у каждого должно быть чувство сопричастности друг другу, т.е. интегрирующее начало.

Основой такого чувства является, как ни странно, признание (разумное и эмоциональное) «чужого Я» как самостоятельной сущности — другой монады, в единении с которой образуется система — социум.

Понятие «чужого Я» легче воспринять, если обратиться к Э. Канту, утверждавшему, что «мы отличаем предмет как *явление* от того же предмета как *объекта самого по себе*» (Критика чистого разума. — М.: «Мысль», 1994, с. 67).

Явление есть «объект чувственного созерцания», то, что мы воспринимаем в результате нашего взаимодействия с объектом, и потому оно всегда субъективно, т.к. является отражением внешнего предмета в нашем чувственном мире.

«Разум видит только то, что сам создает по собственному плану» (с. 16). И только разум может воспринимать иные предметы как существующие «сами по себе» независимо от нашего субъективного сознания.

Кстати, термин «вещь сама по себе», используемый в последнем переводе книги Э. Канта, гораздо точнее отражает суть понятия объективной самостоятельно существующей реальности, чем прежний туманный термин «вещь в себе». В отличие от чувственного созерцания явлений, «чистое созерцание», осуществляемое

посредством разума, создает ноуменальное представление об объекте, реальное существование которого и его основные, не поддающиеся измерениям свойства осознаются нами а priori.

К таким объектам «чистого созерцания» — предметам, которые существуют сами по себе, Э. Кант относит пространство и время. Нам представляется, что эти понятия действительно можно рассматривать как априорные свойства реально существующих объектов, но нельзя их вычленять как некие абсолютные сущности, не связанные с миром конкретных систем.

А вот сам по себе факт признания априорного существования других систем, не данных нам в ощущениях, а воспринимаемых «чистым созерцанием», существенно расширяет наши представления об окружающем мире как мире открытых систем.

Я думаю, что противопоставление феноменального и ноуменального, явления и «вещи самой по себе» относительно и временно. Уже в квантовой физике, которая, казалось бы, дает нам феноменальные проявления объектов микромира, мы вынуждены прибегать к ноуменальному «принципу дополнительности» Паули, т.к. не можем одновременно измерить (воспринять феноменологически) пространственные и энергетические характеристики объектов.

Не такой ли «принцип дополнительности» нужен нам для восприятия Духа и Космоса, проявляющихся в виде различных миров.

Почему-то эти воздействия других миров мы пытаемся воспринять только через электромагнитные поля: хотя электромагнетизм сам по себе это — уже слияние феноменального и ноуменального.

Я думаю, существуют особые ауральные психические и др. поля (см. С.Н. Лазарев и С.М. Данченко, с. 33), регистрируемые ауротронами и ауроскопами. Но скорее всего такими индикаторами (пока ноуменальных или духопостигаемых) полей должны стать «нефизические приборы», воспроизводящие механизм взаимодействия человека и всей межсистемной среды с помощью специальных моделей-фантомов, трансформирующих эти воздействия «тонких полей» в биофизические и трансфизические ощущения.

Пусть через межсистемную среду, в которой может происходить сама трансформация понятий пространства, времени, энергии, информации, рационального и иррационального, поля и частицы, мы чувственно и не сможем ощутить другие системы, но «чистое созерцание», представляющее собой модельное отражение в нашем сознании (и подсознании) ноуменального мира, позволяет нам выйти за пределы своей системы — «своего Я» и составить более объемное и динамичное представление о всей совокупности открытых систем.

Таковыми открытыми системами, взаимодействующими с каждым из нас не непосредственно, а через духовную, ноосферную и другие умопостигаемые межсистемные среды, являются другие человеческие индивидуумы. Признание «чужого Я», равноправного с каждым из нас, не только населяет окружающий мир другими субъектами, но и понуждает нас рассматривать свое существование не в обособленном, а в системном виде.

Не соглашаясь с Фихте — автором самого термина «чужое Я», введенного им только из соображений «практического разума» и «нравственного чувства», С. Трубецкой признает «существование других людей не потому, что я сознаю свои обязанности перед ними, а, наоборот, я признаю обязанности по отношению к ним потому, что вижу в них нечто большее, чем мои представления, сознаю в них реальные субъекты» (Сочинения, с. 661).

Казалось бы, при этом мы будем вынуждены ограничивать свои действия, считаясь с наличием других индивидуумов. На самом же деле коллективное существование является зачастую причиной появления не только у сообщества, но и у каждого индивидуума новых черт системного интеграционного характера, обогащающих всех вместе и каждого в отдельности.

«Человеческое сознание... есть коллективная функция человеческого рода» (там же, с. 495).

Одна даже энергонасыщенная молекула, хаотично болтающаяся в некоем пространстве, не способна создать никакой организованной системы.

Группа же молекул, находясь под действием упорядочивающих сил, образует мощное когерентное излучение.

Особь сама по себе и особь в стае — две разные особи.

Человек в отсутствие себе подобных никогда не поднялся бы до уровня *Homo sapiens*. Только в сказке Маугли совершает осмысленные поступки, а Тарзан испытывает наивысшее человеческое наслаждение — любовь. Отсутствие «чужого Я» изолирует человека от общества, ибо только в общении происходит обмен чувственным и сознательным опытом, что приумножает разум каждого.

«В психической жизни человека всегда присутствует «другой». Поэтому психология личности с самого начала является одновременно также и психологией социальной... В массе, в силу одного только факта своего множества, индивид испытывает чувство неодолимой мощи и... совершенно исчезает чувство ответственности...

В толпе заразительно каждое действие, каждое чувство...

Чувства массы всегда просты и весьма гиперболичны. Масса... не знает ни сомнений, ни неуверенности». (З. Фрейд. Массовая психология и анализ человеческого «Я» — В кн.: «Я» и «Оно». — Тбилиси: «Мерани», кн. 1, с. 71, 75, 76, 79).

Могут возразить, что групповой дух управляет особями в стаде, а человек обрел разум в результате индивидуализации, а потому чувство стадности есть шаг назад на пути эволюционного развития человечества. Это так и не так.

Действительно, животные, подчиняясь групповому инстинкту, действуют одинаково в идентичных обстоятельствах. Например, обезумевшее стадо лошадей стремительно несется к пропасти, повинаясь воле вожака, инстинктивно передаваемой всем особям. Ходьба строем создает резонансно усиливающуюся нагрузку на хрупкий мост, и он может разрушиться.

Стая сардин, организованная «групповым духом», не дает возможности хищнику вырвать какую-либо жертву из своей среды. «Под натиском противника косяк будет подобен капельке ртути, которую вы пытаетесь ваять пальцами. Он станет сминаться, растекаться, уступая дорогу хищнику; он даже разорвется на две или несколько частей, которые столь же легко, как капельки ртути, снова соединятся после того, как хищник несолоно хлебавши пройдет между ними» (И. Акимущкин. Мир животных. — М.: «Мысль», 1989, с. 341). «Групповой дух» животных помогает им выжить. И людям — тоже.

С другой стороны, именно групповое взаимодействие различных «Я» создало язык общения, побудило гоминидов к представлению своих ощущений в виде символов и абстрактных понятий, заложивших условия для «чистого созерцания» разума, помогло дифференциации клеток в организме и особей в стаде.

Так, по оценкам проф. В.А. Вагнера, имеет место «прямая зависимость приспособительных форм стадного (и индивидуального. — В.Б.) поведения от уровня организации животных, критерием которого является степень индивидуальной активности особей в стаде. Ее возрастание предполагает преодоление внутренних противоречий вида и индивида путем усиления активной независимости второго, расширения его функций в стаде и обогащения общего содержания жизнедеятельности» (цит. по И.Л. Андрееву, с. 267).

Таким образом, групповой дух в однородной группе особей нивелирует их действия, а в сообществе, где уже произошла некоторая индивидуализация и иерархическое расслоение, этот же фактор способствует повышению жизнедеятельности группы. Высшая степень этого группового духа — любовь и «свобода и равенство» означает приближение человека — Атмана к его надмировому оригиналу — Брахману. При этом, хотя мы все и становимся похожими друг на друга, но определенная свобода каждого сохраняет индивидуализацию и расслоение как движущий фактор развития личности и коллектива.

Полное отождествление людей друг с другом действительно нивелирует поведение субъектов в группе, создавая временный эффект стабильности, а на деле приводит к возрастанию энтропии данной системы. И если эта группа составит все человечество, т.е. система замкнется в своих земных границах, то произойдет ее «тепловая смерть», т.е. возврат к однородному «Пустому Нечто» — гибели данной цивилизации. Но возможны два пути. Один — осознание насыщенных разумом и духовностью людей недопустимости полной одинаковости своего состава и сохранение культурных, интеллектуальных и духовных различий в обществе, что убережет его от всеобщей нивелировки.

Говоря об истинной (идеальной) человеческой личности, О. Уайльд характеризует ее тем, что «вечные вмешательства в дела ближних, стремление уподобить их себе — не для нее. Ближние станут дорога ей тем, что не схожи с нею» (Душа человека при социализме. Избранное. — М.: «Республика», 1993, т. 2, с. 351).

Именно несхожесть субъектов предохранит нас от омертвляющего однообразия. Еще в китайской «Книге перемен» (И Цзин) говорится: «Единство достигается множеством разномнений».

Другой путь — поиски «чужого Я» на уровне других внеземных цивилизаций, во взаимодействии с которыми получит дальнейший импульс к развитию Мета — человечество.

Я думаю, на уровне соответствия между генделевским миром Девственных Духов (миром социума. — В. Б.) и группового тела человека произойдет бифуркация, и начнется новая волна человеческого развития.

Поэтому «чужое Я» на уровне растений и животных служит для поглощения одних особей другими, дабы использовать через пищу организованную и энергонасыщенную материю.

На уровне же *Homo sapiens* будет происходить обмен информационными, культурными и духовными ценностями, т.е. поглощаться будет не само «чужое Я», а его творческий продукт, несущий в себе гораздо более организованную тонкую материю, чем плотное физическое тело этого «чужого Я». Так что каннибализм животных сменится сознательным взаимным усвоением непреходящих ценностей человеческого Эго.

«Сознание не может быть ни безличным, ни единоличным, ибо оно более чем лично, будучи соборным» (С. Трубецкой, с. 498). При этом С. Трубецкой говорит именно о внутреннем соборе в человеке, а не о совместном мышлении всех.

Соборность — это особая аура, полевое тело Атмана, в котором окружающий мир и субъекты этого мира не просто отражаются в виде голографической картины, а становятся особым синтетическим продуктом взаимодействия внешнего мира и индивидуального Эго.

Это групповое тело — «чужое Я» становится неотъемлемой частью любого человека — его «вторым Я», столь же неотъемлемым, как и физическое тело.

Разница лишь в том, что материальная субстанция этого группового тела иная. Она представляет собой поле, структурированное по образу и подобию внешнего мира. Но носителем этой структуры является продукт мыслительной деятельности самого «Я».

В отличие от голограммы, где луч света лишь структурирует совокупность атомов серебра на фотопластинке, в групповом теле — «чужом Я» происходит частичное преобразование структуры как формы отображения в новую материальную сущность, т.е. форма и содержание путем взаимного влияния сливаются в некую специфичную материальную субстанцию, воспринимаемую внутренним сознанием как свое собственное «чужое Я».

Групповое тело — «чужое Я», являющееся отражением мира с другими субъектами в индивидууме, можно отождествить с привычным для русского мироощущения понятием соборности. Но важно не противопоставление, важно, что

оба они отражают особую ауру, особый вид тонкого человеческого тела, основанного на групповом взаимодействии и взаимопонимании «своего» и «чужого Я».

Признание «чужого Я» есть признание не только коллективистского начала в человеке. В более общем смысле это признание не умаляет индивидуум признанием его не единственной вершиной эволюционирующего мира, а всего — одним из многочисленных пиков человеческой гряды; наоборот, частность собственного «Я» позволяет ощутить и осознать себя причастностью всех мыслимых и немыслимых миров, всего Космоса.

Соборное «тело» Атмана есть особая полевая аура человека, отражающая на своем индивидуальном экране всю совокупность «чужих Я» не в их обособленности, а в их слитности со своим «Я».

«Я» представляется наиболее полным взаимооднозначным соответствием внешнему миру, только когда оно есть кусочек смальты в общем мозаичном панно.

Поэтому соборное «тело» — это автопортрет, где индивидуальные черты есть отражение совокупного «чужого Я». Именно — не портрет самого себя на фоне окружающих, а мысленный образ своего «Я», основные черты которого сформированы взаимоотношениями с окружающим миром.

Соборность — это не качество Ното, это его особое полевое тело, представляющее особую материальную субстанцию — мезокосмос-групповое тело слитых воедино многих «Я», имеющих индивидуальное проявление. Но это не индивидуальное «Я», помещенное в центр мира. Антропоцентризм принижает Личность и Эго человека.

«К чему бы свелось твое счастье, если б не было у тебя тех, кому ты светишь!» (Ф. Ницше).

«Чужое Я» — это мое особое тело, в котором отображается и другой человек, и окружающая природа, и ноосфера, существующая не только в нашем воображении, но и как «вещь сама по себе».

Обычно мы пытаемся представить себе «чужое Я» в форме, близкой к непосредственно воспринимаемой нашими органами чувств — в форме явлений природы, животных, растений, человекообразного существа.

Это стремление представлять окружающие миры в виде физических образов породило мифологию и религию, где ноуменальное восприятие сущего сводилось к попытке феноменизировать различные сущности в образе «чужого Я» — богов, великанов, героев и комбинированных человеко-животных, а также в образах одухотворенных природно-материальных тел.

Однако признание в качестве «чужого Я» Бого-духо-человека есть не принижение роли индивидуума, а, наоборот, возвеличивание его за счет приобщения к общим и развития собственных духовных и нравственных начал.

Поэтому восприятие себя как монады не только человечества, но и всего многоликого Мира, монады, в которой часть и целое сливаются воедино, есть

наиболее полное представление человека о себе как об Атмане — зеркальном отражении Брахмана.

И это представление наполняет высшим негэнтропийным смыслом все наше земное существование, делая осмысленным спиралевидное «путешествие» нашего Эго по различным слоям брамфатуры Земли одновременно в двух направлениях: слиянии собственного и чужого «Я» в одно целое и обособлении каждого в своей самобытности.

Я и не-Я то слитны, то разделны.
Как инь и ян — две половины круга.
И в жизни бесконечно-беспредельной
Мы — дети и родители друг друга.

Эго

И все же главное отличительное свойство человека — его индивидуальность. Сколько бы миллиардов людей ни населяло землю — нет двух совершенно одинаковых. И как бы тесно ни были слиты в каждом из нас «Я» и «не-Я» подобно сиамским близнецам, жить человеческое существо может лишь в своей определенной обособленности.

Зернистость мира касается человечества в наибольшей степени.

Во взаимоотношениях между людьми действуют одновременно два закона: «закон ужа» и «закон ежа». Ужи сплетаются в единый клубок, дабы согреться и произвести потомство. А ежи, натываясь иглами друг на друга, стараются держаться на расстоянии. Этот двуобразный закон притягивания — отталкивания характерен для всех природных объектов, но превалирующая роль того или иного действия определяется дистанцией между двумя телами.

Поля, окружающие объект, стремятся интегрироваться, слиться друг с другом подобно двум каплям воды. Но плотные физические тела ощущают дискомфорт в общей ауре: им тесно в этой пространственной слитности. Они начинают толкать друг друга, дабы обеспечить себе место для своего существования и развития.

Эта граница «Я» и «не-Я» в человеческом индивидууме особенно подвижна. С одной стороны, только общаясь с себе подобными, человек научается средствам общения, создает символику и культуру. Но как часто «вдвоем человек бывает более одиноким, чем наедине с собою» (Ф. Ницше. Так говорил Заратустра, с. 135).

Чтобы видеть многое, надо научиться... смотреть на себя.

Только в уединении человек может познать себя, оценить свое место в жизни и свое предназначение. Одиночество — это не стиль жизни, а способ самооценки, ибо только познав свое Эго — свое духовное «Я», человек может поставить себе осознанные цели своей собственной судьбы, которая определяется как внешней кармой, так и самостановлением и саморазвитием.

Итак, задумайся о себе самом, человек. Будь судьей прошлому, но еще больше будь пророком и архитектором себя самого.

Судьба определяется главным образом не физическим, а духовным состоянием человека. Можно существовать в человекоподобном виде, но жить можно лишь в духовном родстве с самим собой, когда это родство родит в тебе творческий потенциал, способный реализоваться в виде новых деяний, остающихся после смерти. Важно не просто родить себе подобных, надо родить более стоящее, более долговечное, более многообещающее.

Но для этого — **прежде всего «познай себя!»**.

Познать себя можно, идя взглядом навстречу друг другу: сверху-вниз и снизу-вверх. Уединенное самосозерцание в общении с высшими Духами, свойственное восточному мистицизму, позволяет видеть свое Эго как отражение «чужого Я» — богодухочеловека, в отрыве от динамичной функции, связанной с его сознательной творческой деятельностью. Но и привычный взгляд на человека, все духовные свойства которого порождаются его физическим взаимодействием с окружающим миром, не только односторонний, но и оставляет «за кадром» многое, недоступное естественно-чувственному восприятию. Но от этого это «многое» не исчезает; и прошли века напряженной человеческой научно-познавательной деятельности, прежде чем мы поняли иллюзорность подобного подхода. Только сейчас, когда наука о человеке вступила на путь синтеза чувств, знаний и воображения, синтеза древневосточного мыследухообразного созерцания и донельзя дифференцированных западных естественнонаучных познаний, можно надеяться на более полное объемное восприятие человеческого феномена как многоликого Януса, как семиричного Атмана.

Попробуем же вычленить в многотельном существе Человека тот слой его полевых аур, которые соотносятся с миром духа и абстрактной мысли. Эти ауры формируют особое человеческое тело — Эго (см. таблицу), включающее в себя подсознание, воображение и покрывающую их душу.

Выделение этого особого слоя в многотельном существе человека, хотя и условно и даже в известной степени искусственно, как и многие понятия, но позволяет сконцентрировать внимание на том фантоме, который выявляет многие особенности Человека как сверхразумного существа. Действительно, Homo sapiens есть порождение разума, а многое в нас, в нашем поведении и в нашем мироощущении, есть проявление более абстрактного, менее осязаемого и понимаемого, но от этого еще более многозначительного начала.

Эго — это монада духовного мира, его отражение в человеческой сущности, понять которую невозможно лишь изнутри, из физического облика человека.

«Высшая ответственность человека — ответственность за что-то большее, чем он сам. Бог просто необходим, ибо в его отсутствие человек обожествляет себя, а это и есть «мегасамоубийство» (И. Гарин. Воскрешение духа. — М.: «Терра», 1992, с. 10). Оставляя в стороне нетождественность понятий «бог» и «духовный мир», следует признать справедливым осознание полноты человеческого существования лишь как части некоего духовного сообщества не только с себе подобными, но и с более общим

трансфизическим объективно существующим миром, одновременно порождающим человеческое «Эго» и порождаемым им.

Дм. Панин (Теория густот, с. 85) трактует образование «Эго» как индивидуального носителя мирового духа путем резонанса зародышевой клетки человека с трансфизическими полями, наполняющими духовный мир. В результате концентрации этих полей вблизи человеческого тела образуется внешняя аура — душа, сосредоточенная «между корой головного мозга и сердцем», но занимающая пространство, выходящее за пределы человеческого тела, и существующая в собственном временном измерении.

Иным представляется осознание Кантом духовного мира не как традиционного пространственного тела в привычном нам физическом измерении, а как мира, который «не есть другое место, а есть только другое созерцание». Поэтому «душа человека находится и во время земной жизни его в неразрывной связи со всеми нематериальными существами духовного мира, ...она попеременно то воздействует на этот мир, то воспринимает от него воздействия... Душа находится не в каком-либо определенном месте телесного мира, а в мире духовном; она состоит в связи и общении с другими духами (и телами. — В.Б.)» (цит. по: К. Дюпрелю. Загадочность человеческого существа. — Репринт, изд. 1904 г, с. 56-57).

«Наша душа есть организующее тело начало... Человек есть материальное представление сверхчувственного индивидуального начала» (там же, с. 52-53).

Но для нас *главное — не в первичности души или тела, а в их взаимодействии.*

Эго взаимодействует с другими полями — телами, управляя ими и само претерпевая свое индивидуализированное состояние, зависящее от этих тел конкретного человека.

Но с другой стороны, Эго — это иррациональное начало в человеке — отражение того иррационального полевого мира, который существует как некая объективная реальность, «вещь сама по себе». И пусть эта реальность не поддается нашему чувственному восприятию и даже ноуменальному представлению, но от этого она не исчезает, а становится еще более загадочной и желанной. Хотя тайна неосознанного и страшит нас своей бездонностью, но любопытство как движущий фактор человеческого познания и поведения становится сильнее.

Можно ли познать неосознанное?

Отвечаю на этот ответ однозначно утвердительно. И основание для этого вижу не только в постепенном смещении границы между таинственным и пока еще не познанным нашим достаточно примитивным логическим мышлением в пользу большего пространства, охваченного Разумом.

Основание для такого утвердительного ответа вижу в более глубоком познании своего Эго, отражающего этот таинственный мир различных субстанций, находящихся между собой во взаимосвязи с помощью сверхчувственных трансформаций.

И инструментом для такого познания может и должен стать не привычный набор метрических шкал, где главное: масса — длительность — протяженность, а совокупность трансфизических аналогов: образов, видений, чувств и ощущений (не путать с обычными рецепторами человеческого тела).

Хотя и здесь требуется небольшой комментарий.

Процесс познания (в обычном понимании) начинается с измерений, а заканчивается символическим отражением на некоем внутреннем экране, воспринимаемом человеком, картины мира. Не напоминает ли это телевизионную систему, когда луч телекамеры сначала «ощупывает» предмет своим последовательным прикосновением, передает опять же в последовательном закодированном виде эту информацию в телеприемник, и снова луч кинескопа познаково и построчно воспроизводит исходную картину на экране. И только огромная скорость всех этих процессов создает иллюзию «прямого эфира», когда наш глаз не успевает различить последовательное прочерчивание на экране отдельных символов; а сменяющие друг друга кадры создают иллюзию движущегося изображения. Пример мультипликации наглядно подтверждает эту же технологию передачи изображений якобы движущихся предметов.

А техника чтения книги? Мы отслеживаем глазами по буквам весь текст построчно и по-странично, нередко шевеля губами и мысленно проговаривая каждое слово. При этом словосочетания по аналогии с ранее виденным или слышанным вызывали у нас некоторые ассоциации, возникающие в виде картины на нашем внутреннем экране, сопровождаемые неким звуковым опять-таки ассоциативным представлением.

А не архаичен ли такой способ восприятия действительности? Не есть ли он следствие той дифференциации картины мира, следствие той символики, которая буквенно или нотными знаками имитировала звуки, штрихами на плоскости воспроизводила цветное и рельефное изображение.

Конечно, при этом в русском языке мы обходимся всего 33 буквами или 33 фонемами для описания столь различных предметов и явлений, для передачи не только содержательной, но и эмоциональной информации. Но ведь сколь сложен оказывается процесс считывания, передачи и воспроизведения этой информации. При этом требуются огромные ассоциативные усилия писателя и читателя, художника и зрителя, композитора и слушателя для того, чтобы всего-навсего отобразить действительность и сформировать те или иные образы и чувства.

Не есть ли восточные иероглифы — эти маленькие картинки, передающие сразу целые фразы-фрагменты описываемых явлений, более информационны, более конструктивны для передачи мыслеобразов, которыми мы в конце концов и оперируем в нашем сознании. И тем более — в надсознательной (или подсознательной) сфере.

Не пришла ли пора синтеза в духоинформатике — в системе кодирования, передачи и восприятия духообразов. Даже скорочтение основано не на последовательном познаковом считывании, а на «разовом» восприятии текста с

помощью центрального и бокового зрения. Зрительная память оказывается гораздо информативнее, ибо она улавливает не детали, а образ. Цветовой образ в картинах Р. Кента и Рерихов, импрессионистов и фовистов (А. Матисс и др.) не только более эмоционально передает богатую палитру мира, но и как бы вводит нас в духовную сущность природы.

Именно возвратом к синтетическому восприятию природы (окружающего мира с участием нашего собственного «Я») является цветотанцемусика, действующая не на наши внешние рецепторы, а непосредственно на воображение и подсознание.

Как-то в Загорской Академии доцент богословия водил нас по залам здешнего художественного музея, где были представлены и потемневшие от огненных взоров святых русские иконы, и шедевры западноевропейской живописи на библейские темы с прекрасным рисунком и цветом. Гид обмолвился, что картины производят эффект посредством красоты линий и цветовой гаммы, через которые мы воспринимаем сюжет, ассоциирующийся в нашем сознании с теми или иными библейскими историями и легендами. Эффект восприятия создается именно благодаря технике живописи и нашим ассоциациям.

Иконы же, изображающие внешне статичные фигуры, производили эффект не техникой письма, а каким-то внутренним светом (и тенью), от них веяло глубиной и нескончаемым борением «матери с младенцем» и суровой окружающей действительности.

Это было подсознательное ощущение, доходившее до нас своим неразложимым на составные части изображением духообраза. И после пятиминутного не созерцания, а окунания в волны исходившего от икон по сути черно-белого света я оказался полностью погруженным в тот образ, который и хотел передать старый иконописец. Я увидел не младенца на руках Матери, а себя, точнее, свое Эго — монадическую душу «нашего Мира».

Значит, есть какой-то иной, кроме чисто визуального, способ передачи структурированной информации в виде рисунка и цветовой гаммы, информации от образного духовидения иконописца ко мне — атеистическому зрителю, к моему духообразному восприятию.

Ведь цель любого искусства — это создать на внутреннем человеческом экране некий образ, замысленный художником, рукой которого движет некая духовная сила.

Но либо эта передача духообраза идет путем символического знакового кодирования, трансляции и раскодирования информации и ее ассоциативного отображения на нашем внутреннем экране, либо — с помощью непосредственной духосвязи, имеющей своим материальным носителем не сигналы, проходящие через внешние рецепторы человеческого «плотного» тела — через его органы чувств, а сигналы — образы, излучаемые и воспринимаемые полевыми духовными телами двух Эго.

И как осуществляется эта духосвязь — непосредственно через соприкосновение двух «тонких» полей иконописца и иконозрителя? Какова же при этом роль промежуточного носителя образности — доски и небогатой красочной палитры как

передаточного звена от одного субъекта к другому. Ясно, что субъекты должны войти в некую духовную когерентность — резонанс своих духоощущений. А икона — она что, тоже окружена тонким полем, сконденсированным на древесном материале кистью художника под влиянием его видения? И мое Эго под влиянием обстоятельств (настроения, духовного желания) настраивается на эту полевую волну либо оставляет меня равнодушным?

Да и одни иконы написаны рукой художника, когда у него есть потребность и необходимость что-то «сказать» своему далекому визави, а другие — продукт бесстрастного «богомаза» — лишь неодухотворенный предмет.

Но ведь иногда на меня равно действует уже не сама икона, а лишь одно мыслеобразное представление о ней. Не есть ли эта духовная связь моего Эго с далеким автором космической связью в особом духовном мире, не подчиняющемся обычным физическим пространственно-временным представлениям. И не есть ли этот мир срезом того многомерного мира П. Успенского, где тело времени включает в себя и все нереализованные в обычном представлении возможности.

«Шестое измерение есть линия, соединяющая все сознания мира, образуя из них одно целое» (П. Успенский. *Tertium Organum*. — СПб: «Андреев и сыновья», 1992, с. 134). И там же: «существуют бестелесные (?) натуры... непосредственно связанные между собой, [которые] образуют одно великое целое, называемое нами духовным миром».

Духовный и физический миры — это не две совершенно различные сущности, это две грани, две стороны единого многопланового мира, которые в определенных условиях могут взаимно трансформироваться друг в друга.

Прав В. Егоров (Философский реализм. — М., 1994), говоря, что, наряду с материальным существует «идеальное начало Природы, присущее ей изначально до и независимо от человека». И это идеальное начало — духовный мир определяет самоорганизацию Вселенной.

Но этот дуализм — относителен. Духовность не противостоит материальности, а является особой формой самовыражения общей материи.

И духовный мир, соприкасаясь со столь же реальными физическими объектами, взаимно пересекаются и частично трансформируются друг в друга.

Особенно выразительно это происходит во взаимодействии монад духовного и физического миров — соответствующих «тонких» и «плотных» тел Человека.

Эго — это телесная, но в виде тонкого поля монада духовного мира, несущая в себе все его главные свойства. Познать этот духовный мир можно, познав Эго, которое, хотя и индивидуально у каждого человека, но все же как монада общего мира несет в себе его основные черты.

Мне представляется, что в отличие от рационалистического Запада в русском (евразийском) человеке духовное тело — Эго наиболее сильно развито за счет чувства «шестого измерения», чувства иррациональности.

Духовный мир как совокупность тонких полевых тел более иррационален по сравнению с зернами — «плотными» физическими телами, имеющими более жесткие координаты. Не так ли множество иррациональных чисел заполняет собой пространство между числами рациональными, а сама иррациональность говорит о многообразии мира, гораздо более насыщенного, чем его целочисленные (жестко очерченные) проявления.

Не в этой ли иррациональности — духовном многообразии сознания и действия — суть русского космизма. И если человечество движется от частного к общему, от восприятия отдельных проявлений мира к осознанию его Сущности, к которой ближе всего находится духовное тело Атмана — его Эго, то именно космизм — это самый «короткий» путь познания Мира и движения вблизи его динамичного спиралевидного стержня.

Итак, Эго — это духовное тело человека — Атмана, отражение в человеческой многоплановой сущности особого духовного мира; отражение, осуществляемое посредством специфичных видов иррациональных связей, передающих не отдельные знаки и символы, а методом воображения и подсознательно — непосредственно духообразы.

Но материально ли Эго?

Да, ибо одной из трех аксиом, положенных в основу моего представления и размыслов, есть «материальность всего существующего». Материя — это вещество, и энергия, и информация, и образ, и идея, и мысль, и дух — раз уж они существуют, в чем, по-моему, ни у кого нет сомнения. А традиционная попытка противопоставить материю и дух, да еще и пытаться доказать, что самое и первичное, это — схоластика. Мы вынуждены были признать энергию не просто действующей, но и потенциальной субстанцией (материей), трансформирующейся в структуру, вещество, и обратно, а по мнению Н. Козырева, «энергия... поддерживается воздействием времени». Затем появились философские признания об информации, способной «объективироваться», а ранее нами была показана возможность трансформации энергии в информацию, а информации — в ее агрегированные формы: понятия, идеи.

Так же следует допустить трансформацию идей в духообразы и обратно. Поэтому между материей (в привычном смысле) и духом нет непреодолимой преграды. Ее вообще нет, ибо дух — одна из разновидностей материи. И Эго как полевая структура монады духовного мира — также материально и также трансформируемо во все более «плотные», а возможно, и в пока не проявленные более «разреженные» материальные тела. По крайней мере, совокупность Эго образует новое «материальное» тело — соборное тело Атмана.

Разумеется, понять Это в полной мере можно, только рассматривая его взаимоотношения с другими телами Человека и с соответствующими этим телам мирами: биосферой, ноосферой, духосферой и социосферой. И это взаимодействие составляет суть человеческого функционирования в биоэнергетическом, информационно-психологическом, нравственно-духовном плане; оно проявляется посредством природно-этнических, культурно-исторических, научно-философских

(включая и веру) продуктов жизнедеятельности Атмана и непроявленного в полной мере, но потенциально неограниченного в своих возможностях Брахмана, который есть не Бог, но есть Все. Я — Мы — Они — это и есть проявления жизнедеятельного Атмана, которые прежде всего есть проявления Эго как более «тонкой», а потому и более дальнедействующей материи.

Помимо духовной материальности полеобразного Эго попробуем дать еще некоторые его характеристики как динамической открытой системы особой субстанциальной природы.

Познаваемо ли Эго?

Да, ибо все, что существует (а материальное Эго существует), рано или поздно проявляется (было, есть или будет). Поэтому «надо углубить познание материи до познания (до понятия) субстанции, чтобы найти причины явлений... Познание причины есть углубление познания от внешности явлений к субстанции» (В.И. Ленин. ПСС, т. 29, с. 142-143). Внешние феномены Эго достаточно широко известны всем и каждому. Надо только отличать эти феномены как явления, «видимые» нами в том или ином образе, например, образе «серебряного голубя» А. Белого, белого облачка отлетающей от умершего физического тела души и в других образах, ассоциирующихся у каждого из нас со своими пространственными формами и цветовыми пятнами, отличать от феноменов косвенного проявления, в основном управляющими другими нашими телами: желаниями, поступками, физическим состоянием.

Мы «проявляем» для себя γ — радиацию с помощью счетчиков Гейгера, а движение микрочастиц — в камере Вильсона с помощью ионизационных следов, оставляемых пролетающими частицами. И у самых «закоренелых материалистов» это косвенное проявление не вызывает ни малейшего сомнения в действительном существовании частиц, недоступных нашему «прямому» наблюдению.

Тем более постоянные проявления нашего Эго, прямые и косвенные, невозможно не заметить. Другое дело, что пока мы не научились ни структурно, ни количественно идентифицировать по этим проявлениям само Эго, ни даже построить его умозрительную модель.

Главная причина этого пробела в познании заключается, на мой взгляд, в том, что мы пытаемся свести «высшее» к «низшему», оценить и представить себе психические проявления Эго с помощью физических детекторов либо измеряемых физическими оценками моделей.

Но еще Ф. Энгельс справедливо указывал, что сколько бы мы ни анализировали мозг, происходящие в нем физические и химические процессы, это не приблизит нас к пониманию духовного мира человека (цит. по: В.С. Егоров. Философский реализм. — М., 1994, с. 80).

Мозг — это лишь пластина, оживляющая в нашем представлении голографическую картину реального живого Мира.

А тело Эго — та аура человека, где голографическое действие среды и ответной психической реакции мозга создают особое структурно-субстанциальное образование, воздействующее, в свою очередь, на другие тела Атмана, в том числе и «тело желаний», проявляемое в виде соответствующих позывов к действию.

Одним из главных проявлений Эго являются человеческие эмоции, которые вкупе с разумом и физиологическими желаниями управляют человеческой деятельностью.

Эмоции как эманация Эго могут проявляться непосредственно в состоянии экзальтированности или депрессии, но чаще всего они выступают как психический катализатор действия других человеческих тел — тела разума и чувств. Недаром Аристотель в своем трактате о душе как главной части Эго оценил ее как «энергию Ума» — Разума. Поэтому D (душа) = E (энергия) $\times$ R (разум).

Если учесть, что ΔE эквивалентно ΔS (т.е. изменению структурной энтропии на одну ступень), то душа есть следующая за Разумом степень организованности полевой структуры Человека.

В данном случае «энергию» следует воспринимать в изначальном смысле, более глубоком, чем чисто физическое понятие. Энергия есть действие, и осуществляется оно не просто с помощью электронов или фотонов, а с помощью проявленных, в т.ч. творческих, желаний.

Однако внешние проявления не всегда характеризуют истинное состояние Эго, которые могут быть скрыты не только от других наблюдателей, но и от самого Человека.

Человек не всегда даже предполагает, что собой представляет его характер, его душевный строй, его духовный облик, т.е. его индивидуальное Эго, определяющее через свои косвенные эманации и его Личность.

Человеческое «Я» — Эго есть сверхсознание. И беден тот, кто инструментами своего Разума пытается овладеть всем своим над (сверх)-сознанием и подчинить его своему контролю. Тем самым он перекрывает каналы взаимодействия Эго с духовным миром, а во всякой замкнутой системе неизбежно происходит выравнивание потенциала, что означает духовную смерть Атмана.

Но попытаться понять Эго — сверхсознание можно, используя достижения Разума, с одной стороны, и взгляд на Эго с позиции «чужого Я», находящегося в социально-духовном контакте с самим «Я».

Я не согласен с теми, кто принципиально отрицает такую возможность, утверждая, что нельзя познать систему, находясь внутри нее. А Разум Человека находится внутри его «Я». Но принцип открытых систем тем и замечателен, что он априори исходит не из внешнего наблюдения сложного объекта, а из проявления его связей различной субстанциальной природы с внешней средой и с другими системами.

Поэтому некую гипотетическую модель Эго можно представить как триаду: душа — подсознание — воображение, где Душа есть внутреннее ядро Эго — его

индивидуальность, «подсознание (чувства) выступают как канал и форма связи индивидуального и надорганизменного разумов» (П. Олдак. Теогносеология. — Новосибирск: «Вист», 1994, с. 105), а воображение — своеобразный тезаурус, где происходит не только сбор высоко агрегированной информации, поступающей к Эго из других систем (внешних миров и иных собственных тел человека), но и трансформация этой информации с помощью собственных, в основном эвристических, алгоритмов (интуиции, озарения, сверхоощущений) в некий поведенческий план для Эго.

На уровне подсознания «информация» передается не последовательным кодом, а «пакетами» — образами в виде ощущений — восприятию окрашенности (световых и цветовых пятен); присутствия и узнавания «чужого Я», теснящего нас, либо, наоборот, избавляющего от гнетущего одиночества, равно и потеря близкого человека; эмоциональных и содержательных мгновенных «воспоминаний» из прошлого и будущего ясновидения, телепортации; интуитивного понимания неких символов, чужих языков (птиц, растений, иностранцев, инопланетян); чувственных представлений (страха, любви); видения своих собственных астральных тел, внутренних органов и наконец, осознание своих «путешествий» в потусторонних, космических мирах.

П. Олдак (с. 73-74) приводит классифицированный перечень таких трансперсональных подсознательных переживаний — ощущений, заимствованный у Ст. Грофа (из работы «Области бессознательного». В сб.: Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. — М.: «Прогресс», 1990), и делает «общее заключение: из подсознания извлекаются не образы некоторой неупорядоченной фантазии, бред больной психики — воспроизводятся черты целостного мира, организованного на принципиально иных началах, чем наш; не выбор случайных картинок, но картина антимира» (с. 75).

Пытаясь дать «рациональное толкование иррационального, автор приходит (возвращается) к теософической идее Р. Штайнера «блуждающих астральных полей».

В нашей интерпретации, в состоянии сильного эмоционального возбуждения через подсознание человек «разворачивает» свой внутренний экран таким образом, что на нем проецируются не «изображения», поступающие от обычных рецепторов-органов чувств, а картины из других миров — других граней нашего многомерного мира, обычно не охватываемых нашим «трехмерным» сознанием. Этот многомерный мир П. Успенского («*Tertium Organum*») характерен «пятым измерением — перпендикуляром к плоскости времени, той высотой, на которую должно подняться наше сознание, чтобы одновременно увидеть прошедшее, настоящее и будущее... Наше обычное сознание находится на плоскости у основания этого перпендикуляра. Поэтому оно не видит прошедшего и будущего; поэтому оно ничего не видит. Только поднимаясь над плоскостью четвертого измерения (длительности — t) по направлению пятого измерения, наше сознание начнет охватывать взглядом изумительный мир прошедшего и будущего, лежащий по сторонам настоящего, тот мир, самое существование которого оно раньше отрицало.

Пятое измерение следует рассматривать не как лежащее вне сознания, а как свойство самого сознания — ту линию или то направление, по которому должно расти сознание» (с. 28-29).

Говоря о проблемах высших измерений, П. Успенский подчеркивает, что реальное существование всех предметов, в том числе «чужого Я», иных тел и иных миров не ограничивается привычным нам измеряемым пространственно-временным представлением.

Даже наш косный «мир состоит из тел, но мы видим и осязаем только поверхности. Мы никогда не видим и не осязаем тела. Тело — это уже понятие, составленное из ряда представлений путем рассуждений и опыта» (с. 69). Но косные тела мы хотя бы можем измерить. Однако «измеримость — слишком грубый признак существования... Неизмеримое существует так же реально и даже более реально, чем многое измеримое» (с. 38). Мы научаемся измерять и воспроизводить цветность, мелодичность, эмоциональность. Но как ранжировать характеристики живого и тем более настроение, идеи, чувства — эти категории реального своего и чужого Эго. Пока эти категории даются нам подсознательно. Но мы можем постепенно научиться понимать их, потом представлять их себе как категории реального «высшего пространства».

Из этого «высшего пространства» мы и получаем те интуитивные сигналы, которые не являются «словом Божьим», а открывают нам те образы, те связи, то предвидение, которые хорошо заметны с высоты «пятого измерения» и совершенно не видны с нашей земной плоскости. Поэтому гениальность людей определяется их более развитой способностью воспринимать сигналы этих миров, располагающихся над нашим плоским «экраном» и откуда «видно» наше настоящее, прошлое и будущее.

Конечно, это будущее не предопределено изначально. Процессы познания и творения (со стороны Эго и других тел) не разнесены по времени, они всегда протекают одномоментно. И вообще нет абсолютного времени. Время — это условность, характеризующая лишь длину жизненного цикла какой-либо системы. Но из точки t_1 , в t_2 для этой системы мы можем проникнуть по другим координатам другой пересекающейся с нашей системы (см. П. Успенский).

И пусть это понимание и представление дается нам пока не опытом, а подсознанием, не разумом, а верой, от этого мы не должны впадать в агностицизм, а должны неуклонно обогащать свое Эго, воспринимая жизнь не как временное явление нашей трехмерной Вселенной, а как проявление имманентного свойства «высшего пространства» нашего многогранного Мира.

Это полное восприятие и составляет суть того воображения, с помощью которого мы позволяем нашей душе проникнуть в глубь материального мира, который мы видим прежде всего через призму своего «Я».

Но подсознательное (в смысле бессознательного) получает для Эго информацию не только от внешнего мира, что, несомненно, полнее раскрывает возможности нашего «Я».

Через подсознание в Эго проникают и сигналы из тела желаний — инстинкты, свойственные животному (физиологическому) существованию человека. Это инстинкты противостоят, зашумляют сигналы, идущие в Эго из «высших миров», и тогда воображению трудно представить себе истинное «Я», ибо оно является симбиозом различных внешних воздействий.

Эти сигналы имеют, по-видимому, различную несущую частоту: высшие миры как более «тонкие» поля генерируют сигналы большей частоты, которые оседают на поверхности души, тогда как инстинкты, исходящие от более плотных тел, имеют большую глубину проникновения.

Лишь силой Разума можно регулировать густоту «тонких» сигналов в точках проникновения в тело Эго инстинктов, создавая для них дополнительное препятствие и ослабляя их влияние на ядро Эго — его душу. Поэтому, хотя и значимо влияние бессознательного на Человека, однако его исключительная роль (по Фрейду) вряд ли обоснована.

Все-таки внутренне присущий любой системе процесс саморазвития идет в направлении доминирующего влияния «тонких» материй.

Но и Эго не только вбирает в себя сигналы и перерабатывает их в образы, идеи. Оно действует, распространяя свое влияние на другие тела и миры и на самое себя. Душа как ядро Эго — это тот внутренний тезаурус системы, который не только аккумулирует внешнюю информацию, но и формирует цели поведения всего Человека, его жизненный план-сценарий, внутренние побудительные мотивы действий, задачи для Разума, регулирует желания, управляет телами, обеспечивая их функционирование в направлении успокоительной гармонии, с одной стороны, и негэнтропийного развития — с другой.

Силой, иницирующей деятельность Эго, является воля как часть души. «Воля есть настойчивое воздействие «Я» на мозг и тело для достижения поставленной цели... Сознание — это проявление воли «Я» в управлении работой мозга в виде элементарных целесообразных решений (и действий. — В.Б.)» (Д. Панин, с. 102).

«Душа обязана трудиться», ибо покой — это отсутствие движения — «нирвана», а по сути — духовная смерть.

Душа обязана отдать в окружающий мир больше, чем она взяла оттуда — это непреложный закон всякого развития.

Старый извечный вопрос — а смертна ли душа, расставаясь с бранным телом в момент окончания им своего жизненного пути, или она переселяется в новое физическое тело. Ответить на этот вопрос можно попытаться, лишь предложив некую динамическую модель души, основные блоки которой и функции, ее внешние связи были на качественном уровне описаны выше.

«Тонкое» тело удерживает в целости физическое и другие тела человека, подобно тому как магнитное поле удерживает электронную плазму. Душа — это та материальная субстанция, на которой проявляется духовное тело Эго, подобно тому как мозг является биофизическим «экраном» для проявления Разума, а его левая

половина ответственна за действия на уровне подсознания, т.е. является связующим проводником между физическими телами и душой как психическим полем.

Не вдаваясь в подробности действия ее внутренних связей, поскольку рассуждения на эту тему могут носить лишь весьма гипотетический характер, остановимся лишь на некоторых особенностях этих связей, определяющих, как мне кажется, и сам генезис души как ядра «тонкого» полевого тела Атмана.

Д. Панин в своей «Теории густот» приводит некую модель души, которая, по его мнению, представляет собой сгущение трансфизических частиц. Мне представляется, что модель души имеет, как и все в мире, корпускулярно-волновой характер, где корпускулы — легкие трансфизические частицы окружают сердце и левую половину головного мозга, а полевая структура души выходит за пределы головы, создавая над ней некий нимб. Со смертью физического тела и отсутствием его удерживающей силы корпускулы аннигилируются и вся душа остается в виде облачка — поля, витающего над усопшим телом. На 9-й день, по-видимому, внутриклеточные процессы разложения тела отторгают душу, которая уплывает в «пространство духовного мира». Однако она полностью не расплывается, а находится в более разреженном состоянии вблизи тех людей, как правило близких родственников и друзей, которые концентрируют в своем сознании и подсознании память об усопшем. Такое общение помогает душе подольше остаться вблизи не очень чужих «Я», а совсем не на кладбище.

Постепенно по мере затухания эмоций в памяти близких индивидуальная душа рассеивается, ее волны затухают в духовном пространстве. Но в этом же мире остаются порожденные душой чувства, образы, видения, которые время от времени, попадая в резонанс с духодеятельностью живых Эго, вновь перегруппировываются и окружают их тела. Возможна, по-видимому, и частичная реинкарнация душ, но для этого требуются особые условия длительной сохранности плавающих в пространстве «облаков» и наличие таких новых тел, которые притянут к себе именно эти облака.

«Душа есть не что иное, как принцип живого тела... Она трактуется у Аристотеля как организующий, управляющий и даже повелевающий принцип. Ведь душа тоже есть своего рода эйдос¹. Только она не эйдос вообще, но субстанция в качестве эйдоса физического тела, в потенции обладающего жизнью...

Душа управляет телом... Это управление тела душою не логическое, не механическое и не этическое, но — жизненно-творческое или, мы бы сказали, художественное... Наблюдая человеческое тело, мы наблюдаем его внутреннюю причинно-целевую направленность осмыслять жизненную стихию тем или иным способом. Это и значит, что душа (для Аристотеля) есть не что иное, как прежде всего принцип художественного оформления живого тела... Индивидуальная человеческая душа вполне смертна, но ее эйдос ни в каком отношении не может считаться смертным, поскольку применять к нему категорию времени (и пространства) было бы

¹ Эйдос — имманентная умопостигаемая сущность, отражение идеи в материи. (Философ, энциклопед. словарь, 1983)

совершенно невозможно и вполне бессмысленно». (А.Ф. Лосев, А.А. Тахо-Годи. Платон и Аристотель. ЖЗЛ. — М.: «Молодая гвардия», 1993, с. 340-342).

Следует достаточно осторожно отнестись к тезису, что «душа управляет телом». Из этого не следует, что душа первична, а (физическое) тело производно-вторично. Слаботочное реле управляет включением-отключением сильноточных энергетических установок. Но из этого отнюдь не следует первичность реле по отношению к самим переключаемым им физическим объектам.

И те и другие установки существуют сами по себе. Просто реле оперирует со слабыми (в энергетическом смысле) информационными сигналами, а информация (организованность) есть негэнтропия — структурная упорядоченность, высшее качество силовой энергетики, равнозначной механической работе.

Поэтому более структурированная материя (информация) управляет менее структурированной (энергией).

Только в этом смысле можно говорить, что более организованное тело (душа) управляет менее организованным физическим телом, а не в смысле первичности и вторичности их воспроизводства.

Так как процессы упорядочения и дезинтеграции протекают в мире совместно, то одновременно и душа уплотняет и организует тело, и физические импульсы нервной системы тела порождают психические поля, составляющие душу.

Умиравшее, распадающееся физическое тело ослабляет упорядоченность души. Но душа общается не только с физическим телом человека, а и с общим духовным миром совокупного Эго, обладающим гораздо большим по времени жизненным циклом.

Поэтому эйдос — суть человеческой души — это бессмертная монада мировой души, вбирающей в себя все творческие достижения — продукты жизнедеятельности индивидуального Эго. «Сознание монады (духа) намного превышает сознание (индивидуального) человека» (Д. Панин, с. 90). И плавающая в среде мирового природного духа вне времени и вне пространства, эта мировая душа и ее стихии (духовные индивидуальные сущности — по Д. Андрееву) умножают духовный потенциал человечества, который стимулирует совесть и творческое начало в каждом конкретном Эго.

Разум: познание и сознание

Для того чтобы по-новому представить себе некоторые сущности человека, далеко не бесполезно вновь вернуться к началу пути — к первым философам, пытавшимся дать понятия об интересующем нас предмете.

Наиболее обстоятельно «переход от понятия души к понятию Ума» рассмотрен Аристотелем. Обстоятельный критический анализ предшествующих сентенций и многовариантная оценка Ума как «эйдоса всех эйдосов», с одной стороны, и как «некоторой сущности внутри души» позволяет найти в аристотелевской «Метафизике» главное — не законченные формулировки, а ростки тех побегов —

начал, которые дают плодотворный результат, обогащая поле наших размышлений и размышлений об этих высоких материях.

Во-первых, представляется очень важным предположение (даже не утверждение, а, скорее, гипотеза) о том, что ум, как и человеческая душа, «будучи и материей, и самодвижением, и самоцелью... содержит свою собственную чисто умственную материю, без которой он не был бы художественным произведением» (Платон. Аристотель. — ЖЗЛ, с. 343). Цитирование не по первоисточнику, а по книге А.Ф. Лосева и А.А. Тахо-Годи мне представляется достаточно корректным не из-за ленивого поиска нужных фраз в «Метафизике», породившей у меня после ее первого прочтения впечатление золотоносной россыпи, которую нужно еще промывать и промывать, чтобы отобрать наиболее драгоценные крупы. Эту-то работу и проделали авторы книги, дав более концентрированное изложение концепций Аристотеля, не навязывая их однозначного толкования, а оставляя простор для свободного доступа к идеям великого мыслителя, многие из которых были «засыпаны» последующими интерпретаторами и ниспровергателями.

Итак, ум — «это не та чувственная материя, которая является предметом наших физических ощущений. Это — материя умственная, смысловая, ничем не отличная от эйдоса, внутриэйдетическая...» (с. 343). Главное: ум — материя. Это, казалось бы, парадоксальное для сегодняшних философских воззрений утверждение, подчеркивает главный постулат, излагаемый в нашем опусе, — о материальном Существовании всего мыслимого. И то, что говорится об энтелехии — осуществленности умственной материи в форме «тела» Разума есть спиралеобразное восхождение мысли к первоначалам аристотелевского учения, которое само есть этап некоторых представлений об Атмане как одухотворенном разумном человеческом существе — оформившемся эйдосе космического сознания.

Восточная предфилософия исходила из нерасчлененности телесных и мыслительных сущностей. «Дух: он и материален, поскольку представляет собой тело, и настолько же идеален, поскольку он есть насквозь человеческое мышление и сознание» (А.Е. Лукьянов. Становление философии на Востоке. — М.: Инсан, 1992, с. 35).

Понятия эйдоса и энтелехии, содержания и формы восходят к древнейшим понятиям духа-идеи и духа-вещи, которые в первооснове своей имели общего духа-первопредка, нерасчлененного на его сущность и осуществленность, а воспринимаемого первичным разумом как нечто целое, явленное совокупно сознательным (чувственным) и подсознательным образом.

«Поскольку идея есть внутренняя сущность, а форма есть видимая внешность, то синтезирующим, интегрирующим ключом этих понятий является (троичный слог) АУМ ... Этим словом создана Вселенная, и оно является матерью всех имен и форм» (Эзотерический словарь, т. 1, с. 41).

Один из вариантов транскрипции АУМ: А — «Мысль-Основа», У — «Свет-Начало», М — «Тайное-Сокровенное», т.е. сокровенное (сущее) изначально проявляется мыслью (разумом).

Хотя подобная трактовка близка к христианскому «В Начале было Слово» (Евангелие от Иоанна), но я думаю, нельзя так прямолинейно понимать очередность действий по сотворению мира. Слово (мысль, разум) вносит организационный импульс в первичный хаос, но этот импульс формируется не извне, а под влиянием внутренних свойств праматерии, когда сущность начинает трансформироваться в действие (феномен), подобно тому как частицы вещества при аннигиляции превращаются в фотон света, а в других условиях, наоборот, свет в виде структурированной энергии обращается в «плотное» физическое тело с ненулевой массой покоя. То есть сущность (хаос) при определенном расслоении своих элементов на части создает потенциал и проявляется (осуществляется) в виде действия (энергии либо «мысли»). Между материальным эйдосом — сущностью и материальной энтелехией нет непреодолимой границы. Один вид материи переходит в другой. Форма и содержание попеременно превращаются друг в друга, т. к. и то и другое — материальные «тела».

Мне представляется, что космогоническая гипотеза, которой я придерживаюсь в этой работе, исходит из внутреннего единства формы и содержания, различающихся лишь по мере развития феноменального и ноуменального восприятия.

Но сущность кантовской «вещи самой по себе» — это синтез «дискурсивной (логической) ясности посредством понятий, а... также интуитивной ясности посредством созерцаний» (Э. Кант. Критика чистого разума. — М.: «Мысль», 1994, с. 11). Но дискурсивность здесь следует, по-моему, понимать не просто как логические умозаключения от известного к неизвестному, а именно как ноуменальность восприятия сущности «вещи» посредством понятий.

Но Разум (Ум) как материя, как «вещь сама по себе» есть нерасчлененность сущего на феноменальные и ноуменальные представления, а их синтетическое единство. И поэтому я воспринимаю (представляю себе и читателю) Разум не только как категорию мыслительной деятельности, т.е. процесс (явление), а как его ноуменальную материальную сущность — особое «тело человеческого «Я», представление Атмана в виде Homo sapiens.

Еще раз хочу подчеркнуть, что и индивидуальный разум и коллективная совокупность этих «зерен» в ноосфере не означает какой-либо пространственно-временной привязанности монады и всей Разумной Вселенной к его физическим координатам. Ноосфера — эта «сфера разума» есть особый мир, характеризующийся своими категориями, своими формами осуществленности. Этот мир — часть нашего многокоординатного мира, его особый срез, который пересекается с биофизическим срезом в зоне разумного Человека — Homo sapiens как части многоликого Януса — Атмана.

Поэтому, мне представляется, нет никакого противоречия в мысли Аристотеля о том, что Ум есть «некоторая сущность внутри души» и в то же время Ум есть «абсолютная мировая закономерность в мыслительной конструкции космоса» (ЖЗЛ, с. 351).

После духосферы и ноосферы это разные миры одного и того же «Брахмана» — «высшей, все объемлющей, одухотворяющей и пронизывающей все сущее, Первопричины, как в рамках сознания, так и вне его» (Эзотерический словарь, с. 52).

Понятие «Брахман» и «Космос» — это условные словесные имена того многогранного интеллигибельного мира, который понимается нами как интегрированная сущность того, что мы в состоянии постичь с помощью опыта, знания и веры как арсенала непрерывно развивающегося познания.

Homo sapiens — это не продукт эволюции «живого вещества». Это отображение на биофизическом экране человеческого тела ноосферной монады как неделимой части того мира разума, который одновременно образуется отдельными мыслящими субъектами и образует сами эти субъекты во все новом и новом количестве и все более и более организованными.

Разум не есть эволюционный продукт биофизического «тела чувственных желаний» или психического тела Эго. Разум — это продукт бифуркационного взрывного прорыва продуцентов этих тел в иную сферу — ноосферу, которая отлична от понятий «техносфера» и «психозойская-антропогенная эра» (Ле Конта и А. Павлова). Предложенное Э. Леруа в 1927 г. понятие ноосфера — сфера разума на основе идей В.И. Вернадского пока не имеет своего однозначного толкования, хотя в нашем толковании она трактуется именно как информационный слой Вселенной.

Сам В.И. Вернадский не воспринимал данное Э. Леруа «понятия ноосферы как современной стадии, геологически переживаемой биосферой» (Философские мысли натуралиста, с. 509), но и сам не дал этому понятию законченного выражения, подчеркивая лишь биологическую, геологическую и социальную связность человечества как единого целого. Более отвечающим нашему представлению является определение П.Т. де Шардена, характеризующего ноосферу как значительно более цельную, чем все предшествующие покровы, еще одну земную оболочку — мыслящий пласт, который разворачивается вне биосферы и над ней (Феномен человека, с. 148-149). Тем самым он подчеркивает, что «такая фундаментальная мутация, как мысль, придающая всей человеческой группе свой специфический прорыв, не могла появиться в пути, на половине длины стебля. Она определяет все сооружение», (там же, с. 158).

Здесь главное в том, что ноосфера является особым «мыслящим пластом» нашего мира, не эволюционирующим из биосферы, а обнаруженным (и сформированным) человечеством благодаря мутационному прорыву мысли в информационное космическое поле.

Итак, ноосфера и «тело Разума» *Homo sapiens* соотносятся как целое и его индивидуальная монада, а связь между ними определяется мыслью. В.И. Вернадский отрицал мысль (как) форму энергии и поэтому считал загадкой ее возможность изменять материальные процессы (с. 509). Но именно мысль является тем видом материи (как и энергия — ее специфическим видом), который ответствен за обмен интегрированной информацией между человеком и соответствующей средой, а именно этот обмен и поддерживает мыследеятельность разумного существа.

Память как совокупность этой информации, накапливающейся в тезаурусе человека, хранится не в самом мозгу, а во флюидной оболочке — полевой ауре тела Разума, простирающейся шире головы субъекта. И эта аура и другие полевые тела Атмана, по последним данным (см. М. Интизаров. Глубины материи. — М., 1993, с. 62), существуют в виде облачков сверхмалых частиц-микролептонов, на 5-12 порядков меньших электрона.

При определенных условиях резонансных возбуждений эти микролептоны способны к поляризации и образованию когерентных структур.

Имеются данные о возможности получения фотоизображений изолировавшихся и отошедших от мозга мыслей, т.е. косвенного изображения тела Разума. Но главное даже не в микролептонной структуре этих «тел». Главное — что эти «тела» столь же материальны, существуют и взаимодействуют друг с другом как вблизи физического тела человека, так и вне его в общем ноосферном пространстве.

В окружающей человека среде дух, мысль, информация, энергия, вещество взаимно трансформируются друг в друга, возвращаясь внутрь с помощью полевых сигналов, взаимодействующих с определенными «телами» человеческого существа.

Современные исследователи Международного института космической антропоэкологии им. Н.А. Козырева (А.В. Трофимов. Парадоксы времени... — В сб.: «Вестник МИКА», вып. 1, 1994, с. 28) признают «континуальное интуитивное мышление человека... составляющей информационного поля планеты... развивают гипотезу о голографическом характере информационного поля, рассматривая мир как глобальную динамическую дуплекс-сферу, своеобразное стационарное поле и нереализованную мысль».

В этом коротком абзаце, на мой взгляд, содержатся несколько самостоятельных отправных точек для прорыва мысли в неизведанные еще просторы или для ее продвижения в тупиковом направлении.

Во-первых, мне представляется небесспорным ограниченное вычленение в качестве составляющей информационного поля лишь «интуитивного мышления».

Мышление как форма связи объективной реальности и субъективного мира человека реализуется по каналам рационального и иррационального взаимодействия. При этом иррациональное взаимодействие, осуществляемое с помощью интуитивного мышления, относится к взаимодействию под- (или над-) сознания с духовным миром. Информация же как закодированная энтелехия объективной реальности отражается в сознании — «теле Разума» с помощью рационального мышления, материальным носителем которого является логическая мысль, отличная от интуитивного озарения.

Итак, в нашем представлении следует вычленить два уровня: духовный мир и сверхсознание, взаимодействующие посредством интуитивных иррациональных связей, и информационное поле (мир Разума) — сознание (индивидуальное «тело Разума»), взаимодействующие с помощью рациональных материальных носителей — знаков (символов), составляющих логическую мысль.

Разумеется, полевые тело Эго и тело Разума отдельного человека зачастую трудно отделимы друг от друга (кроме гениев, блаженных и других лиц с нестандартной психикой), но и объединять их в общее «сознание» неправомерно.

Между глубинной памятью, хранящей в подсознании «воспоминания о предсуществовании души» (Д. Андреев), и сознанием существует «узенькая щелка», сквозь которую интуитивные озарения просачиваются в «тело Разума», а разумная мысль структурирует и кодирует тело Эго.

Так же и мышление — иррациональное и рациональное, интуитивное и логически-знаковое — это, строго говоря, две различные формы связи на тонком полевом уровне, субъекта и объективной реальности, выступающей как духовный мир и информационное пространство — ноосфера. Объединение обеих этих форм в одно общее понятие «мышление» — это чрезмерное обобщение двух высших проявлений общего семиричного тела Атмана. Ибо мысль как материальный сигнал, реализующий само мышление, относится лишь к уровню взаимодействия тела Разума с ноосферой — миром Разума, объективная реальность которого проявляется в его информационной сущности.

Разумеется, в процессе человеческого познания мира многое из тайного становится явным, т.е. осмысливается и кодируется нами, переходит из подсознания в тело Разума. Но это не означает, что мы в состоянии познать все стороны духовного мира. Он как горизонт по мере приближения к нему уходит все дальше и дальше. И дело не в том, что «нельзя объять необъятное».

Дело, скорее, в том, что любая реализованная мысль возбуждает вокруг себя множество новых представлений, образов и идей, которые приумножают само поле абстрактных мыслей и стихий. Как электрический разряд создает вокруг канала пробоя новую структуру электромагнитного (и иного) поля, так и «мысль изреченная» есть не «ложь», а источник новых динамических состояний непроявленного стационарного (духовного) поля, составляющих предмет дальнейших пока еще нереализованных мыслей.

Как брошенный в воду камень возбуждает волны на спокойной поверхности, так и проявленная голографическим способом на внутреннем экране мысль возбуждает в исходном мире новые объективные реальности, волнообразно умножающие его потенциальную иррациональную структуру — предмет более богатого множества будущих пока еще нереализованных мыслей.

В трудах МИКА формулируется «гипотеза о волновой природе психологического кодирования на основе квантово-механических нейро-голографических механизмов (B. Westlake, W. Barret, K. Prybramm, 1975), доказывающих возможность симультанного узнавания и мгновенной актуализации прошлого опыта» (там же, с. 28).

В «теле Разума», как на внутреннем голографическом экране, в процессе кодированного познания создается фантом — симулятивная модель некоей внешней реальности, который в виде солитонной (частицеподобной) воды не размывает «образ» оригинала, а, формируя слабые пред- и послесигналы при столкновении

мысли с объектом, как бы охватывает его прошлое и будущее в наблюдаемом «теперь».

Мне все время хочется подчеркнуть две назойливые идеи. Одна из них связана с тем, что любая новая мысль есть пробой — проникновение человеческого сознания в новые планы-плоскости многогранного мира с иными (по сравнению с наблюдаемым физическим миром) пространственно-временными характеристиками. А другая — процесс познания «тайного» сопровождается его приумножающимся сотворением, ибо общий процесс развития любой системы, в том числе и системы мышления, протекает в общем направлении — «отдать больше, чем взять». Тайное — духовное непрерывно приумножается за счет обратной «пересылки» в межсистемную среду более качественного, чем мысль, субстрата-образов, видений, идей, заполняющих «Пустое Нечто» и дифференцирующих его непроявленную сущность.

П.Т. де Шарден отразил лишь одну направленность эволюционного развития мира. «С возникновением человеческого мышления (одновременно индивидуального и коллективного) эволюция, выходя за рамки физико-химической организации тел, скачком создает новую способность, концентрическую по отношению к первой, — способность вносить порядок в универсум с помощью его познания... Мыслить мир — это не только его регистрировать, но придавать ему форму единства, которой он был бы лишен, если бы не был мыслим» (Феномен человека, с. 197-198).

Но единство — упорядоченность — нирвана — это то состояние уравновешенности, которое возвращает мир к своему изначалию, если оставаться на той же грани этого феноменального и ноуменального мира.

Суть же эволюции познания в том, что мы не просто углубляемся в некую исходную точку — сердцевину этой плоской картины мира. Мы одновременно, прорываясь, поднимаемся над плоскостью в мир абстрактного разума и духа. И мы не только осознаем новые тайны этого мира, мы творим этот мир, наполняя его своей интеллектуальной продукцией — не только информационным, но и идейно-образным содержанием.

Подобно электрону, перескакивающему с одной орбиты на другую и испускающему при этом фотон света, разум, «отвоевывая» у подсознания часть его связей, испускает в окружающую среду мысль, которая делает эту среду более структурированной (организованной). А вспоминая формулу Аристотеля о том, что «Душа есть энергия (т.е. негэнтропия) Ума», эта организованность приумножает духовную сферу, причем заведомо с коэффициентом $\eta > 1$.

Взаимопроникновение духовного и разумного начал — тонких полей осуществляется как на уровне одного индивидуума, так и в соответствующих им мирах — ноосфере и духосфере, объективно существующих реальностях многогранного мира, приумножающихся в результате познавательной-созидательной жизнедеятельности человеческих монад.

Здесь есть некоторое сходство и принципиальное различие с ранним Фихте, который признавал круговую замкнутость самосознания как высшей цели познавательной деятельности и целеположения — начала деятельности

созидательной. Но принципиальное отличие наших взглядов от представлений Фихте о последовательном продвижении по этому кругу, начиная с созерцания внешнего мира и заканчивая «созиданием совершенно нового», заключается в том, что эта система «индивидуального Я», «чужого Я» и окружающего духовно-разумного мира функционирует как «система бутстрапа» — система с мгновенно действующей обратной связью.

«Новая концепция взаимосвязанности», помимо локальных связей, подчиняющихся неким частным законам мышления, обнаруживает и более глубокие нелокальные связи, характеризующиеся не просто мгновенностью установления реакций между отдаленными частями системы, а проявлением совершенно новой природы связей — «природой вложенности» друг в друга различных миров и их монад — различных тел Атмана. «Вложенность» означает внепространственное и вневременное взаимопроникновение этих материальных полей, которые взаимодействуют на уровне «непроявленности».

И теория бутстрапа и концепция «вложенности» оперируют с понятием двухстороннего «голодвижения» (динамической голограммы со смыканием объекта и изображения), характеризующего не причинно-следственные связи между телами и мирами, а совокупную систему динамических взаимоотношений между ними, подчеркивая тем самым единство и внутреннее саморазвитие нашей Вселенной, т.е. естественность космического процесса ДАО. (Ф. Капра. Дао физики, с. 269-298).

Мир желаний и инстинкты

Казалось бы, в стремлении расчленив единого Атмана на различные «тела» и поставить им в соответствие некие специфичные внешние миры мы доходим до абсурда, когда говорим о «теле желаний» как монаде «мира желаний».

Что может означать материальный «мир желаний» сообщества различных живых субъектов? Попробуем «проявить» этот мир на экране наших умопостигаемых представлений, сохраняя при этом два главных системных постулата: признание относительной независимости «чужого Я» и признание абсолютности процесса взаимодействия индивидуального «Я» с «чужими Я» посредством особых сигналов, испускаемых субъектом в межсистемную среду и воспринимаемых им из этой же среды.

При этом каждый субъект реагирует на внешние сигналы (С) в виде непосредственной реакции Р (сигнал-ответ «С → Р») либо в виде реактивного действия, проявляемого под влиянием внутренней воли «В», когда внешние раздражители служат лишь спусковым крючком этого действия, т.е. по схеме «С → В → Р».

Степень внутреннего «веления» определяется объемом внутреннего тезауруса системы и его способностью не просто находить в своей «библиотеке» заранее заготовленные реакции на те или иные внешние раздражители — сигналы, а способностью под воздействием этих сигналов запустить внутренний механизм «вспоминания и модельного прогнозирования» и выбрать из множества возможных

ответов тот, который соответствует доминирующему в данной системе и на данный момент поведенческому критерию.

Например, когда система (субъект или объект) переполнена внутренней энергией невысокого качества, внешний сигнал побуждает к немедленному действию — стремлению махать руками, двигаться, доводя себя до изнеможения. Когда же вся ваша энергия находится в связанном виде, то те же внешние раздражители приводят к реакции минимального физического действия. Зато мысли ваши начнут интенсивно пережевывать «подброшенную пищу», в результате чего внутренний тезаурус получит дополнительную информацию. Эта информация в зависимости от исходной наполненности тезауруса может быть либо дополнительной каплей, приумножающей имеющийся объем знаний и чувств, а может стать той каплей, которая переполнит имеющийся запас, выплеснув наружу накопившийся заряд воли. Если в перенасыщенный раствор соли бросить еще одну крупинку, то начнется процесс кристаллизации. Но если раствор — ненасыщен, то и эта крупинка растворится. Поэтому в зависимости от исходного состояния реакция системы может быть совершенно различной. Сытый ребенок при виде матери начнет улыбаться, а голодный — плакать. Иногда те же действия, казалось бы, проявляются беспричинно, а на самом деле — под влиянием запомненных внутренних потребностей, которые стимулируют реакцию организма посредством нерегулируемых физиологических инстинктов либо рефлексов, подконтрольных разуму или подсознанию (воле).

В первом случае система срабатывает по схеме: «С → П → Р», а во втором — по схеме «С → П → В → Р», где П — память, модельный образ, запечатленный в тезаурусе, возникающий как стимул к реактивному действию под влиянием какого-то внешнего сигнала либо аналогичного ему по значению временного сигнала («пора»). Иногда сам этот сигнал инициируется либо тормозится внутренней волей, и тогда

$$C^* = C \rightarrow P \rightarrow V \rightarrow C,$$

но так или иначе внешний или внутренний раздражитель запускает механизм формирования реакции вначале в тезаурусе (в памяти) системы, а затем эта реакция проявляется в физических или трансфизических действиях (досада, радость, гнев, любовь, наслаждение).

«Взаимодействие организма с внешней средой строится на основе модели внешнего мира и модели собственного тела, представленных в мозгу» (В. Гурфинкель, Ю. Левик — «Вестник РАН», т. 65, № 1, 1995, с. 29).

Поэтому поведенческая реакция системы (горячо — отдернул руку, пришло время — засыпаю, вижу красивую фигуру — испытываю чувство приятного) определяется не безусловными или условными рефлексам, а состоянием тезауруса системы, наличием в нем уже готовых (запомненных) прямых связей «С → Р» (инстинкт) и сложных цепочек «С → П → В → Р», охватывающих многие зоны памяти (воля).

При этом волевые акты, управляющие этим процессом, могут возникать как в теле Эго или в теле Разума, так и определяться факторами чувственных эмоций и желаний.

Чувственные эмоции — это психосоматическая реакция живого существа на внешние раздражители, воспринимаемые органами чувств-рецепторами организма, т.е. реакция, основанная преимущественно на раздражительно-ответной основе.

В данном случае психосоматика (от греч. Психо — душа и сома — тело) воспринимается не как медицинский термин душевных заболеваний организма, а как симбиоз души и физического тела, участвующих в выработке ответных реакций живого существа на внешние сигналы.

Эти сигналы, с одной стороны, вызывают рефлексивные действия, в которых, казалось бы, не участвует внутренний тезаурус. Например, электрические импульсы, воздействующие на лягушачью лапку, да и на другие органы живых существ, вызывают произвольные сокращения мышц. Яркая вспышка приводит к инстинктивному зажмуриванию глаз. От громкого и неожиданного звука живое существо вздрагивает, и душа сжимается. При виде пищи во рту голодного человека обильно выделяется слюна и т.д. Но все эти так называемые безусловные рефлексы не есть чисто физиологические процессы, развивающиеся без участия внутренней памяти организма. Просто либо в результате генетически переданного и преднатального (в утробе матери) опыта, либо в результате многократно имевших место ранее ощущений во внутреннем тезаурусе организма оформился прямой канал «сигнал-реакция», замкнутый по периферии нейронной сети. Но это вытеснение канала «С → Р» на периферию внутренней памяти не означает самопроизвольности реакций организма. Просто инстинкт — это та же психосоматическая реакция, где роль «волевого» начала свелась не к каждоразовому анализу внешнего сигнала и выработке соответствующей реакции, а к закреплению этого многократно повторяющегося акта путем формирования специального канала «С → Р» с высокой проводимостью сигналов. Итак, и в этом случае повторяющееся действие переходит в структурный канал, сосредоточенный в «теле желаний».

«Тело желаний» можно трактовать как совокупность инграмм — бессознательных физических эмоций и ощущений, являющихся прямой реакцией организма на внешние раздражители, осуществляемой по периферийным каналам тезауруса, оформившимся и закрепившимся в результате прежнего многократного опыта.

В отличие от понятия «инграмм», используемого Л. Хаббардом в «Дианетике» (М.: «Воскресенье», 1993) и означающего записи прошлых болевых ощущений, здесь речь идет о записях и воспроизведении всех (внешне кажущихся бессознательными) эмоций. Но на самом деле их оттесненность на периферию нервной системы определяется просто наличием под влиянием прошлого опыта сформировавшегося канала «С → Р».

«Порывы, желания, стремления — это обозначения для вещественного в мире душ, (где действуют свои силы. — В.Б.)... Но недолжно забывать, что различие между «веществом» и «силой» не может быть строгим. Порыв может быть назван одинаково и «силой» и «веществом» (Р. Штайнер. Соч., т. 1. — Пенза, «Каталог», с. 119).

Аналогично высказывается и М. Гендель: «Здесь (в мире желаний) понятия силы и материи идентичны и взаимозаменяемы» (с. 34).

«Тело желаний» грубо можно представить себе как триод, где внешний раздражитель поступает в виде сигнала на управляющую сетку электронной лампы, потенциал между катодом и анодом задается прежним опытом, закрепленным в тезаурусе системы, а ток во внешней цепи есть деятельная реакция вещественного тела. Силовой потенциал тезауруса как элемента тела Эго и тела Разума реализуется в электрический ток — вещественное действие физического тела.

Поэтому можно *«тело желаний» рассматривать и как некую промежуточную среду между полевыми структурами души и разума и плотного вещественного живого тела.* Взаимодействие между этими структурами порождает особое материальное образование — среду, где происходит трансформация раздражителей в психосоматическую реакцию организма.

Инстинкты, желания, чувственные эмоции — различные формы проявления этой среды, но и здесь энтелехия — форма осуществленности не отделена намертво от сущности «тела желаний», которые можно рассматривать как некие эмоциональные материальные реагенты протекающих психосоматических реакций.

Отличие психосоматических реакций человеческого организма от его внесознательного поведения определяется, по существу, только тем, что «тело желаний» проявляется в виде соматических (механических) действий физического тела, а подсознательная реакция тела Эго проявляется в формировании актов внутренней воли, которые затем уже проявляются во внешних помыслах и поступках.

Различие между «телом желаний» и телом Эго, включающим подсознание, принципиально заключается в том, что духовное тело открыто духовному миру, отсюда оно воспринимает основные сигналы, трансформирующиеся не в непосредственные поведенческие акты, а в импульсы, пополняющие внутренний тезаурус человека, в котором формируется его «воля» как набор решений, управляющих через «тело желаний» поведением субъекта.

Самостоятельность управляющих воздействий «тела желаний» на психосоматическое поведение человека как и любого живого организма — это более короткий путь связи «сигнал-реакция», определяемой периферическими структурами тезауруса, выполняющими простейшие (по сравнению с волевыми действиями тела Эго) отражательные способности системы.

Г. Гурджиев в своих «Беседах с учениками» (Киев: «Пресса України», 1992) использует образ семейства машин (агрегатов, центров), составляющих телесную оболочку живого существа: моторный центр, эмоциональный центр и интеллектуальный центр.

По сути дела, «тело желаний» и есть эмоциональный центр, составляющий сущность нашего «Я».

Различия между этими центрами определяются как специфическими функциями каждого из них, так и скоростями выполнения этих функций.

Сущность «тела желаний» определяется не только его срединным положением между интеллектуальным центром (телом Эго) и материальным центром (физическим телом), но и тем, что именно оно является центром управления поведенческими реакциями человеческого организма.

Тело Эго определяет внешнее поведение человека не непосредственно, а именно через «тело желаний», формируя в нем проводящие цепочки «сигнал-реакция» посредством волевых актов. В то же время «тело желаний» является той полевой аурой, которая в простейшем виде (без особого волевого ядра) присуща всяким живым существам.

Более 3/4 наших жизненных проявлений осуществляется посредством «тела желаний», воспроизводящего инстинктивно-эмоциональные функции живого организма, и лишь 1/4 — это волевые акты, свойственные именно наличию у человека специфичного тела Эго.

Инстинктивно-эмоциональные функции включают в себя четыре различных класса функций (см. Г. Гурджиев, с. 124):

1. Физиология (дыхание, питание, циркуляция крови, работа желез внутренней секреции и т.д.).
2. Пять чувств (зрение, слух, обоняние, вкус, осязание), а также ощущения температуры, влажности, давления и т.п., которые сами по себе не вызывают эмоций.
3. Телесные эмоции (боль, удовольствие)².
4. Рефлексы (смех, зевота, любого рода физическая память — память о вкусе, запахе, боли, закрепленная прошлым опытом в виде прямых рефлексивных действий).

Инстинктивно-эмоциональные функции, как правило, являются врожденными, т.е. приобретаются человеком не индивидуально, а передаются ему в виде наследственного опыта всех предшествующих поколений живых существ.

Некоторые из этих функций — рефлексов от долгого неупотребления атрофируются, другие, наоборот, усиливаются. Например, представители африканских охотничьих племен имеют гораздо более развитое обоняние, чем цивилизованные европейцы; а болгарские «огнеходцы» не ощущают жжения при ходьбе по горящим углям.

Инстинктивно-эмоциональные функции также неоднородны. Некоторые из них проявляются уже на уровне отдельных органов живого существа, как, например, температурное или электрическое воздействие на отдельную живую ткань, где рефлексивная реакция не заставляет себя ждать. Инстинктивные процессы, по оценке П. Успенского (см. Г. Гурджиев, с. 152), протекают в 30 000 раз быстрее интеллектуальных, а эмоциональные явления протекают во столько же раз быстрее

² «Желать и бояться — вот два главных стимула человеческой деятельности» (Ф. Вейс. Нравственные основы жизни. — Минск, «Юнацтва», 1994, с. 15). Боль и удовольствие — это эмоциональная интерпретация страха и желания как побудительных факторов поведения человека.

инстинктивных. Действительно, если при приближении к горячему телу вы успели механически отдернуть руку, то на это потребуются доли секунды, т.е. вполне измеримый отрезок времени.

Но во время сильного эмоционального подъема вы успеваете ощутить столько различных событий, что становится понятным совершенно иная скорость эти процессов. Точнее говоря, «различные центры имеют совершенно различное время» (там же, с. 152). Это еще раз подтверждает правомочность представления совокупного человека как системы отдельных полевых тел, каждое из которых является своей системой, обладающей собственной структурой, собственным временем (собственным жизненным циклом) и собственными функциями.

Разумеется, при всей обособленности этих тел — систем они и взаимодействуют друг с другом, создавая полноценное многогранное человеческое существо.

При этом подсознательная и сознательная воля как функция тела Эго контролирует инстинктивно-эмоциональные функции «тела желаний». Затормаживание такого автоконтроля под влиянием психотропных средств, гипноза, наркотиков не только приводит человека во временное зомбиобразное и полуживотное состояние, но и закрепляет в его внутренней физической памяти aberrации — отклонения от рационального поведения, которые могут проявляться в виде самостоятельно действующих рефлексов на протяжении последующей сознательной жизни.

Л. Хаббард в своей «Дианетике» приводит немало примеров, когда пациент в момент бессознательности «замыкал на себя» многие посторонние слова и эмоции анестезиологов, запоминал их в виде собственной инграммы, становящейся рефлексом, и подпадал под эти команды впоследствии в совершенно неожиданных ситуациях, внешне воспроизводящих прежние бессознательные состояния.

Отсюда он делает предостерегающий вывод: «Если пациенту сказать комплимент под гипнозом, во время травмы или операции, формируется маниакальная личность, что даст ему временную эйфорию, а затем столкнет его в пропасть депрессивной части цикла... отчего происходят сумасшествия. Золотое правило можно было бы изменить, чтобы оно гласило: если ты хочешь любить своего ближнего, держи язык за зубами, когда он без сознания». (Дианетика, с. 114-115).

Здесь для нас чрезвычайно важна та мысль, что «тело желаний», хотя и является отражением внешнего мира эмоций, но должно действовать не автономно, изолированно от других тел Атмана, а находиться под индивидуальным контролем своего организующего Эго. В противном случае жизненные силы, приводимые в действие эмоциями, вышедшими из-под контроля «высших тел» человека, будут не просто расходоваться зря, но могут действовать и во вред самой Личности и его окружению.

Разумеется, сверхжесткий контроль угнетает сами эмоции, без чего человек впадает в депрессию и становится автоматом — зомби.

Либи́до и любовь

Особое место среди эмоциональных функций человека, определяющих его повышенную концентрацию жизненных сил, является либидо, которое З. Фрейд отождествлял с сексуальным влечением, а К. Юнг — с психической энергией вообще.

По оценке Г. Гурджиева, почти 40% всех жизненных проявлений и восприятия принадлежит сексуальному центру, который, хотя и формируется позже инстинктивно-эмоционального отдела «тела желаний», но впоследствии приобретает над человеческим поведением довольно значительную власть.

Хотя понятие «либидо» и относится к бессознательной психике, оно является неотъемлемой частью «тела желаний», отражая особое эмоциональное состояние человеческого организма, вызванного не только половым влечением к другому лицу, но и стремлением вернуться к тому забытому первоначальному единству человека с другими «Я», с природой и космосом, которое привело бы его к гармоничной слитности с окружающим миром, наступающей после бурного всплеска психических и физиологических эмоций.

«Либи́до» — это та главная побудительная сила, потенциально присущая «телу желаний», которая определяется сращиванием, единением физиологических инстинктов взаимного притяжения противоположных полов (полюсов расслоенного единства — инь и ян) с действием подсознательной воли тела Эго, стремящегося к первородному единству природы, и с сознательной волей тела Разума, направленной на сохранение единства своего ближайшего социума.

Стремление к физическому воссоединению мужчины и женщины, этнически-родовому поддержанию семьи как первичной социальной группы, стремление к гармоническому слиянию человека с природой — все это есть общее чувство, присущее всем телам Атмана — чувство любви. Оно — это чувство — есть отличительное свойство Человека, определяющее его духовное, разумное и эмоциональное состояние и поведение.

Недаром З. Фрейд, признавая психическое чувство «Оно» как «неузнанное и бессознательное, на котором поверхностно покоится «Я», исходит из более общего представления Ф. Ницше, понимавшего «Оно» как выражение для обозначения безличного и, так сказать, природно-необходимого в нашем существе» (З. Фрейд. «Я» и «Оно». — Тбилиси: «Мерани», 1991, т. 1, с. 361).

«Я» превращает волю «Оно» в действие» (там же, с. 363). «Оно» — это подсознательное начало тела Эго, а «либидо» — проекция этого начала в «теле желаний». Но так как действие осуществляется посредством инстинктивно-эмоциональных стимулов, то «Оно» тела Эго превращается в поведенческие акты человеческого «Я» через либо посредством сигналов «либидо» в «теле желаний».

«Либи́до» не есть статичное свойство «тела желаний».

По мере либидонозного напряжения в человеческом организме возрастает чувствительность — проводимость объекта к определенному виду сигналов, исходящих от другого объекта. Усиленные колебания двух систем, сближаясь по

частоте, формируют условия резонансного взаимодействия, в результате чего два субъекта втягиваются в синхронизм и начинают действовать как одно целое. Синэргетический эффект коллективного поведения пары завершается их полным слиянием и растворением друг в друге.

«Будут два в плоть едину, т.е. станут одним реальным существом» (Вл. Соловьев. Смысл любви, с. 144).

«Либи́до» есть физиологическая часть чувственной любви, управляющая его сексуальными устремлениями и действиями.

«Общепринятая теория полового влечения больше всего соответствует поэтической сказке о разделении человека на две половины — мужчину и женщину, стремящихся вновь соединиться в любви» (З. Фрейд, т. 2, с. 6). И хотя, как психоаналитик-естествоиспытатель, З. Фрейд с долей сарказма относится к «поэтическим сказкам», все-таки именно это поэтическиподсознательное чувство всеединства — любви определяет либидинозное сексуальное влечение.

Согласно древним и неозотерическим представлениям до лемурийской эпохи живое тело было однополым отпечатком своей собственной пластичной (полуполево́й-полувещественной) сущности. И лишь позднее под влиянием расслоения Земли и ее обитателей на твердые и газообразные структуры возникает поляризация полов: инь и ян. Сила, которо́ю живое существо в прежние времена оплодотворяло самое себя, воспроизводя в большом количестве себе подобных, стала расходоваться на усовершенствование собственного существа путем дифференциации его органов, как половых, так и специализированных органов тезауруса, способствовавших развитию мышления, мужеско-женского волевого и духовного своеобразия. Но одновременно с дифференциацией в мире действуют и интеграционные стимулы. Мужчина и женщина снова стремятся слиться воедино. «Чувственная любовь стала силой физического развития человека» (Р. Штайнер, Соч., т. 1, с. 217).

Но чувственная любовь — это не только цель, но и сам процесс.

Очень важным, на мой взгляд, является замечание того же З. Фрейда о различии между любовной жизнью древнего мира и нашей (в его — З. Фрейда — время), состоящем в том, что «античный мир ставил ударение на самом влечении, а мы переносим его на объект влечения. Древние уважали влечение и готовы были облагородить им малоценный объект, между тем как мы низко оцениваем проявление влечения самого по себе и оправдываем его достоинствами объекта» (там же, с. 19).

Не есть ли сегодняшняя «сексуальная революция» возвратом к любовной жизни древнего мира, с доминантой процесса, а не объекта совокупления. Тогда становится понятным «расцвет» гомосексуализма и лесбиянства, ибо, по З. Фрейду, «либи́до» направлено не на другой объект противоположного пола, а на удовлетворение своего сексуально-эмоционального напряжения, вызванного требующей разрядки концентрацией сексуальной энергии. Эта концентрация — сгущение силовых энергетических линий вокруг сексуальных центров «тела

желаний» вызвана отсутствием или бездеятельностью иных эмоциональных центров. В то же время известно, что физическая радость труда и борьбы, спортивный азарт, наркотики направляют энергетические потоки в другие эмоциональные центры, заглушая сексуальные позывы.

Приобщение подростков и девушек к интенсивным занятиям спортом, танцами и другим эмоционально-физическим нагрузкам позволяет снизить их нездоровый интерес к проявлениям своего «либидо» в процессе полового созревания. Отсутствие же таких занятий и, наоборот, концентрирование внимания на эротических и просто порнографических фильмах, журналах, якобы под предлогом сексуального воспитания молодежи, гипертрофирует деятельность эмоционального центра в сторону чистой физиологии. При этом теряется связь «либидо» «тела желаний» с подсознательным центром тела Эго, и разносторонние формы любви сводятся лишь к ее чувственно-физиологическим проявлениям.

В более развитой Личности половая любовь не только контролируется высшими полевыми телами — структурами Атмана, а является наиболее интенсивным действенным проявлением того духовно-идеального образа второй половины своего «Я».

У К. Юнга дается более общая трактовка: «либидо не есть сексуальность, но есть душевная энергия вообще во всех ее многообразных формах и метаморфозах» (в кн.: Либидо, его метаморфозы и символы. — СПб, 1994, с. 12). Я бы уточнил — это энергия «тела желаний», которая возбуждается разностью биоэнергетических потенциалов чувственного образа (фантазии) и чувственной удовлетворенности от реального состояния тела.

Любовь же есть энергия тела Эго, возбуждаемая в области подсознательного, но контролируемая Душой, придающей этому потоку энергии некий смысл, некую упорядоченность в главном направлении с сохранением всевозможных непредсказуемых флуктуаций в конкретных проявлениях.

Так, Волга течет с севера на юг, хотя при этом ее русло — далеко не прямая детерминированная линия. Это главное направление — стремление к единению противоположных начал.

«Любовь есть нечто только благодаря своему смыслу, или идее, как восстановление единства или целостности человеческой личности, как создание абсолютной индивидуальности» (Вл. Соловьев. Смысл любви. Избр. пр. — М.: «Современник», 1991, с. 151).

Любовное чувство, возникающее и реализующееся в «теле желаний», есть сизигия — сочетание (там же, с. 179) активного личностного деятельного начала с «воплощенной в социальном духовнотелесном организме всеединою идеей». «Половая любовь и размножение рода находятся между собою в обратном отношении: чем сильнее одно, тем слабее другое» (с. 126).

Подобно тому как человек по отношению к стае животных все более индивидуализируется, и через это развивается и приобщается к духовному миру, его эмоциональные центры, сохраняя прежние инстинктивно-физиологические

функции, все более становятся управляемыми сознательной и подсознательной волей. В то же время это управление не означает подавление и угнетение «тела желаний», а, напротив, усиление эмоционального начала в жизни человека, хотя сами по себе эти эмоции становятся все более осмысленными и одухотворенными. «У человека половая любовь есть высший расцвет индивидуальной жизни» (с. 134), однако сама индивидуальная жизнь становится все более насыщенной не животным существованием, а стремлением к истине, к гармонии с другими субъектами, со всей природой и космосом.

Под «истиной» П. Флоренский понимал «единство противоположного» — индивидуальной личности и Абсолюта.

«Истина, как живая сила, овладевающая внутренним существом человека и действительно выводящая его из ложного самоутверждения, называется любовью. Любовь, как действительное упразднение эгоизма, есть действительное оправдание и спасение индивидуальности. Любовь больше, чем разумное сознание, но без него она не могла бы действовать как внутренняя спасительная сила, возвышающая, а не упраздняющая индивидуальность» (Вл. Соловьев, с. 137).

Любовь — это высший по качеству вид психической энергии, которая соединяет Эго с Духовным Миром, формируя единое соборное тело Атмана.

Возвышение индивидуальности осуществляется путем осознанного и чувственного принятия «чужого Я», в котором человек видит или которое человек конструирует как свое дополнение до высшего единого существа. Недаром утверждается, что «Бог есть любовь». При этом бог понимается не как персонифицированная личность, а единое-сущее, нерасчлененное на свои полюсоподобные части — инь и ян. Любовь же есть стремление к воссоединению этих частей в исходное и конечное состояние любой системы — гармоничному состоянию всеобщей упокоенности — нирване (самадхи).

С другой стороны, любовь не только гармонизирует мир, стремя его к состоянию всеединства. Это всеединство не есть возвращение в исходное состояние хаоса, ибо на пути к всеединству любовь как «высшая творческая сила» (В.П. Вышеславцев. Этика преображенного эроса. — М.: «Республика», 1994, с. 20) созидает и самого творца-человека и наполняет окружающий мир продуктами его телесной, разумной и духовной жизнедеятельности.

Сообразно различным телам Атмана, соотносящимся с соответствующими духовным, сознательным и чувственным миром, любовь — это общее понятие, вобравшее в себя и религиозную любовь к божественному общемировому (природному) единству, и регулируемое общественным сознанием чувство патриотического единения со своей Родиной и ее первичной ячейкой — семьей, и либидо — эмоциональное сексуальное влечение, возбуждаемое в «теле желаний» инстинктами человеческого существа, закрепленными как его животным, так и духовно-сознательным началом.

«Для человека как животного совершенно естественно неограниченное удовлетворение своей половой потребности... Семья вводит животную природу

человека в границы... Но в человеке кроме животной природы и социально-нравственного закона есть еще третье, высшее начало — духовное...» (с. 159-160). «Но у духовной любви... заведомо нет совсем никакого дела, а потому неудивительно, что большинство дельных людей не верит в любовь или считает ее поэзией» (с. 162).

Поэтому духовная и сознательная любовь всегда ищет свой предмет, свое «второе Я» в реальной жизни.

И наше просыпающееся чувство во время полового созревания отыскивает среди окружающих эту избранницу, ту вторую половину нашего «Я», в которой мы находим воплощение своего идеала женственности. Часто мы выдумываем себе этот идеал, перенося его на конкретное лицо, наделяя любимую женщину чертами совершенства. Но наряд, форма, в которую мы одеваем реальное существо, нередко действительно преобразует не только внешний облик, но и внутренний образ нашего «второго Я», делая его созвучным нашим собственным идеальным представлениям. Мы все — Пигмалионы, сотворившие и влюбившиеся в своих Галатей. И чем больше в нас этого творческого начала, тем прекраснее наши спутницы жизни, остающиеся не временными партнерами для наших чувственных отправлений, а земным отображением нашего идеала. Но и наш идеал формируется не свыше, а из зримого нами окружения. «Воображение ничто в сравнении с жизнью» (Учение живой этики — листы сада Мории. Зов. — М.: Международный центр Рерихов, 1994, с. 49).

Все высшие представления любви есть лишь модель того идеального истинного мира, к которому обращены и помыслы и чувства субъекта. «Представлять себе можно все, что угодно, но любить можно только живое, конкретное» (Вл. Соловьев, с. 153).

Поэтому «задача истинной любви состоит не в том только, чтобы поклоняться этому высшему предмету (вечной Женственности), а в том, чтобы реализовать и воплотить его в другом, низшем существе той же женской формы, но земной природы» (с. 169).

«В половой любви, истинно понимаемой и истинно осуществляемой, эта божественная сущность получает средство для своего окончательного, крайнего воплощения в индивидуальной жизни человека, способ самого глубокого и вместе с тем самого внешнего реально-ощутительного соединения с ним. Отсюда те проблески неземного блаженства, то веяние нездешней радости, которыми сопровождается любовь... и которые делают ее величайшим наслаждением людей и богов» (с. 168).

И эта любовь — либидо «освобождает реальные духовно-телесные токи, которые постепенно овладевают материальной средой» (с. 182), концентрируя в нашем существе сексуальные и иные энергетические импульсы, побуждающие нас к деяниям и творчеству.

Любовь — не призрак, а живое
соединение с тобой.

И вот уже мы мчимся двое
в упряжке с общею судьбой.

Прана и астрал

И либидо (по К. Юнгу) и субстанции других полевых тел Атмана есть разновидности психической энергии. Понятие энергии здесь используется в расширительном смысле — не в производимых действиях-актах, а, скорее, в смысле потенции.

Согласно Аристотелю, «материя есть чистая потенциальность, а форма, эйдос — актуальность (энергия, или энтелехия) вещи» (Философский энциклопедический словарь. — М.: Сов. энциклопедия, 1983, с. 17).

Потенциальное существование высших материальных слоев — полевых тел Человека определяет наличие особого двойника его физического тела, а именно астрального тела, ибо «всякий физический процесс является отражением трансцендентного мира, существующего по ту сторону физических форм» (П. Олдак. Теогносеология, с. 81).

Астральное тело это есть не просто «двойник», а передаточное звено между высшим началом человека и его физическим телом (Эзотерический словарь, т. 1, с. 35). И тело Эго и «тело желаний», существующие в виде полевых структур Атмана, — это связанные с физическим телом человека его трансцендентные формы, недоступные чувственному опыту и физическим измерениям, но от этого не теряющие своей материальной реальности. Отличие их лишь в том, что они постигаются не непосредственно в виде внешних феноменов, а косвенно-подсознательно и ноуменально.

Ноуменальные представления высших тел нам привычнее воспринимать по образу и подобию физического тела. Поэтому если язычники, обожествляя отдельные явления природы, представляли их в виде неких человекоподобных существ, отображаемых символами — идолами, то мы, недалеко уйдя от своей языческой сущности, пытаемся представить себе тело Эго, «тело Разума и тело Желаний» как некое астральное тело, не имеющее физической плоти, но своим полевым облаком напоминающее нам размытые контуры физического «Я».

Кентавры, фавны, ведьмы, лешаки, сирены, русалки, наяды — все языческие образы имели духовно-телесную аналогию. С одной стороны, они были духами лесов, полей, рек; с другой — походили на привычные контуры получеловеческих существ. Именно получеловеческих — ибо точная копия неизбежно разрушала бы таинство этих существ, одновременно похожих и непохожих на людей.

Смешение животного и человеческого облика — это был осознанный антропоморфизм природного. Смешение физического и духовного человеческих тел в виде анимистического единства есть осознанное представление трансцендентного мира в виде астральной символики.

«Астрал» — это выделение «астр» (звезд), соединенное влияние которых составляет то, что мы привыкли называть силами природы» (Д-р Папюс. Оккультизм. — М.: «Селена», 1994, с. 11). Но так как человеческое «Я» есть «двойник» звездной Вселенной, то вселенские пранические (вызывающие действие) силы,

истекающие от звезд, в т.ч. энергия — время, и создают астральный ток — живое природное начало Атмана.

В этом отношении и можно рассматривать астрал как топографический образ природы — нашего высшего «Я», воссоздаваемый в нашем сознании путем символического (понятного и привычного нашему чувственному восприятию) отображения трансцендентных вселенских тел, в том числе и тех составляющих этих тел, которые действуют в области подсознания.

Закрытость подсознания в левой стороне мозга — это лишь попытка ограничиться логическим конструированием образов внешнего мира, сосредоточенным в правом мозговом полушарии. Однако эта разделенность — дифференцированность нашего мозга есть продукт одностороннего развития мышления в сторону чувственно-вещественного восприятия действительности с затормаживанием и атавистическим угасанием подсознания, которое воспринимает реалии трансцендентного мира.

Этот «потусторонний (трансцендентный — В.Б.) мир — отнюдь не пространственно другой мир... это тот же несознаваемый нами наш мир посюсторонний, (только)... своеобразно созерцаемый (нами)... Переходу в другой мир равнозначен уже переход от посюстороннего к потустороннему способу познания». (К. Дюпрель. Загадочность человеческого существа. Репринтное изд. — М., 1904, с. 87-88).

Здесь содержится ответ на сакраментальный вопрос Э. Канта, существует ли мир как объективная реальность или он существует только благодаря нашему сознанию.

Да, единый дуальный духовно-вещественный или просто материальный (в расширительной трактовке материальности) мир существует, как и все мыслимое (наша первая аксиома); этот мир тем или иным способом проявится либо в виде физической реальности, данной нам в непосредственном восприятии, либо в виде астральных тел, данных нам в интуитивном — высшем ноуменальном постижении.

«Разум не творит материю (мироздание) и не является продуктом бытия высшей формы материи. Разум — астральное инобытие материи...»

Мир физических субстанций записан в системе мерных (линейных) координат (с пространственно-временными формами. — В.Б.)... Мир астральных субстанций — антимир — записан в принципиально иной системе внемерных (замкнутых) координат. Время течет по кругу... Пространство замкнуто в рамках шаровой структуры... Это означает, что любое астральное тело в любой момент времени может находиться в любой точке пространства³. Астральные тела (поля) обладают

³ Необходимо заметить, что пространственно-временные характеристики, по нашим представлениям, индивидуальны для различных систем, в том числе и для астральных тел. И хотя различные поля (духовные, информационные, энергетические, астральные) пронизывают друг друга, в определенных узловых точках, в частности, в подсознании человека они могут трансформироваться друг в друга и пересекаться, что позволяет говорить о переходе астрального начала в физическое, и наоборот.

абсолютной пластичностью форм — они способны проникать через любые физические субстанции, принимать любые физические формы. Это значит, что субстанции физического мира выступают как абсолютные «проводники» полей астрального мира» (П. Олдак, с. 84).

Возможность такого пересечения обусловлена тем, что и астральные и физические тела, так же как и продукты их жизнедеятельности (мыслеобразы, чувства, слова, рожденные дети) — это все материальные субстанции. Между духовным и телесным как между фотоном и квантом нет непреодолимой преграды. Различные виды материи могут переходить друг в друга. «Атомно-молекулярный мозг генерирует идеи, мысли в виде облачков более тонкой субстанции. Значит, и то и другое материально...» (М. Интизаров. Глубины материи. — М., 1993, с. 64). Возможен и другой переход — уплотнение полевых структур формирует твердое тело. Эта возможная взаимная трансформация одних видов материи в другие и означает доступность нашему сознательному чувственному тезаурусу (правой половине мозга) тех подсознательных явлений, которые имеют место в астральном мире (в левом полушарии) с мгновенным узнаванием предметов, находящихся в иных временных или пространственных областях обычного физического мира. В астральном мире связь между «двойниками» этих же предметов подчинена совсем другим безынерционным и внепротяженным соотношениям.

Отсюда можно объяснить феномены ясновидения, чтения мыслей на расстоянии и ряд других вовсе не загадочных явлений, если признать возможность пересечения в человеческом сознании и подсознании астральных и физических тел.

Многочисленные примеры таких явления описаны и у П. Олдака, и у К. Дюпреля, и у Б. Кажинского, и у В. Сафонова в «Несусветной реальности», и у М. Карпенко в «Вселенной разумной», так что нет необходимости приводить их здесь еще раз.

«Проводником» этих полей астрального мира является прана — жизненная энергия, исходящая из насыщенных духовностью, информационно-организующим, волевым, эмоциональным началом космических, природных, социальных миров и высших тел самого Атмана и ассимилирующаяся в физическом теле человека, являясь источником и средством его управляемого поведения.

«Каждый организм присваивает часть астрального света (прану — В. Б), которая, будучи переработана нервными центрами, становится астральным телом этого организма и производит его материальные формы» (Д-р Папюс, с. 16).

Прана, притягиваясь к физическому человеку, создает вокруг него особую энергетическую (эфирную) ауру, в которой проявления астрального мира трансформируются в энергоинформационную среду, доступную людям с обостренной чувствительностью для непосредственного чувственного восприятия.

Сверхчувствительность этих людей не есть нечто необычное или сверхъестественное. Просто надо стимулировать работу управляющего подсознанием левого мозгового полушария, разорвав его замкнутость по отношению к внешнему миру. Подсознание — та часть человеческого тезауруса, которая своими рецепторами,

находящимися в астральной среде высших тел Атмана, воспринимает вневременные и внепространственные психоэнергетические сигналы, выстраивая в сознательной части тезауруса модель «зазеркального» мира, двойственную по отношению к обычному чувственно воспринимаемому миру.

Эта двойственность мира напоминает голограмму — интерференционную картину, возникающую на некоем экране при взаимодействии двух волн — опорной от коллимированного (направленного в виде параллельных лучей) пучка полевых сигналов света и объектной волны от непосредственно воспринимаемого предмета, (см. Б. Федоров и Л. Цибульский. Голография. — М.: «Радио и связь», 1989).

При взаимодействии двух волн на экране возникает интерференционная картина, содержащая в наборе полос и дифракционных фрагментов закодированную информацию об объемной форме реального предмета.

Не так ли осуществляется и на экране нашего тезауруса голографическое закодированное изображение реального предмета, когда один и тот же источник света дает нам две волны — одну в виде направленного пучка, отражающегося от зеркала нашего подсознания.

Эта опорная волна дает на нашем внутреннем экране невидимую астральную часть изображения. А объектная волна — это видимое плоское отображение предмета. Но лишь наложение обеих волн создает на голограмме объемность изображения за счет фазового сдвига этих волн. Отличительной особенностью объемной голографической картины является использование вспомогательной (по отношению к обычному видимому фотографированию) опорной волны в виде когерентного направленного пучка света, высвечивающего объект под другим углом зрения.

Объект, диффузно отражая упавшее на него когерентное излучение (астральный свет), переносит изображение каждой своей точки в каждую точку голограммы. Это означает, что в нашем подсознательном тезаурусе хранится информация о всей форме наблюдаемых объектов, попавших в поле зрения (ареал влияния) внешних тел Атмана. Это и «чужие Я», и объекты духовно-интеллектуального мира, попавшие в зону действия тела Эго и тела Разума, и, наконец, предметы инстинктивно-эмоционального мира Желаний. Но все эти объекты, как на голограмме, остаются закодированными в нашем подсознании, пока мы не «увидим» этот предмет нашим обычным «зрением».

Только такое двойное голографическое изображение может быть воспринято и воспроизведено в виде объемной и динамической картины реального явления.

Но это восстановление изображения также зависит от соотношения (сдвига угла зрения) астральной опорной и видимой объектной волны света.

Наложение голографических картин в объемной среде нашего внутреннего тезауруса позволяет создать запоминающее устройство большой емкости — до 10^{12} бит информации в одном кубическом сантиметре мозгового вещества.

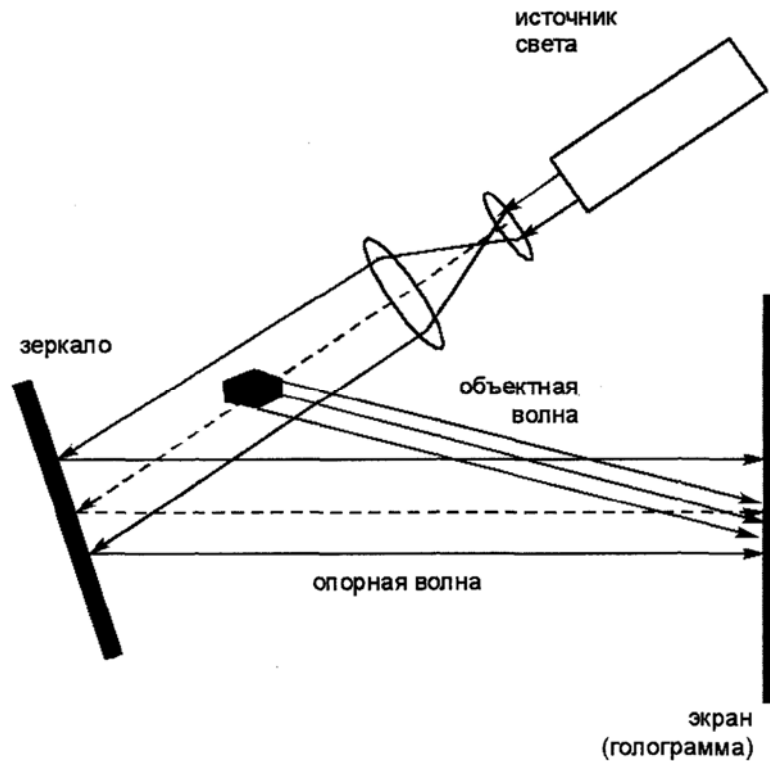

Рис. 2.3.

По-видимому, голографическое представление о деятельности нашего мозга станет ключом к разгадке многих тайн взаимодействия сознательного и подсознательного, действительного и астрально-умопостигаемого миров.

Существуют гипотезы о голографической природе ассоциативной памяти мозга, о нейроголографических механизмах кодирования и мгновенной актуализации прошлого опыта, о радиоголографическом восстановлении волновых полей в одной области пространства по косвенному измерению их следа в другой области (см.: «Голография», «Вестник МИКА» и др.).

Можно выдвинуть и голографическую гипотезу формирования структуры любого «тела». Существующие вне данной системы полевые образы, проецируясь в виде интерферирующих опорной волны астрального происхождения и объектной волны, отраженной от данного полевого образа, формируют на соответствующем экране «тела» тень структуры. Эта тень, являясь объемной формой исходного образа, структурирует микролептонную массу. Полевая структура оживляет полевое тело, привнося в его узловые точки-рецепторы жизненные токи, в которые трансформируются внешние психоэнергетические сигналы.

Форма — голографическая тень структуры — переходит в живую сущность тела. Формируются ее узлы роста, которые затем разветвляют свернутый чертеж по законам симметрии, свойственным для данной материальной субстанции.

Так для живых систем законом симметрии является левосторонняя криальность, а для тела Эго — асимметричное растягивание тезауруса:

периферическое расширение воображения и концентрация в малом объеме подсознания.

Не есть ли клетка такой ожившей голограммой живого космического вещества. Не есть ли «Пустое Нечто» такой непроявленной голограммой, где под видом интерференционного хаоса была скрыта на экране нашей Вселенной действительная картина спиралеобразно развивающегося Универсума. И лишь объектная волна, отраженная от уплотняющихся частей Вселенной, в соединении с опорной волной астрального света, проявила подлинную динамическую картину того многогранного объемного мира, который мы пока не в состоянии охватить своим Разумом.

Если объектная волна — это феноменальное отражение мира, а опорная — астральный свет, ноуменально-подсознательно фиксируемый в нашем тезаурусе, то их взаимодополнение дает подлинную картину миропроявления и мировосприятия.

Отсюда «человеческое тело — резюме Вселенной, ... совокупность физических проекций всех планов реальности» (С. Лазарев и С. Данченко, с. 28-29).

Поэтому у тантристов человеческое тело является не только живой моделью миров, микрокосмом, копирующим макрокосм, но и посредником между мирами, единственной точкой Вселенной, через которую духовный мир, мир социума и стихий, ноосфера и биосфера, астральные и физические тела сообщаются между собой.

Представление «о человеке как о микрокосме, воспроизводящем неисчерпаемое богатство макрокосма, легло в основу оккультного учения» (ФЭС, с. 456). Оккультизм (см. Д-р Папиус, с. 26) придерживается трех постулатов:

а) Существование три-единства во всех планах Вселенной. Познать Сущность живого существа можно, лишь рассматривая три его ипостаси: духовное тело, астральное (энергетическое) и физическое тело.

б) Между видимой (физической) и невидимой (астральной) частями Вселенной существует аналогия.

в) Невидимый мир — астральные силы природы — является «двойником» физического мира, созидаящим человека и иные живые существа.

Эти миры — точнее, материальные субстанции, составляющие эти миры, — и соответствующие тела Эго, Разума и Желаний, а также физическое тело Человека непрерывно трансформируются друг в друга, создавая общий обмен жизненными проявлениями в отдельной монаде — Атмане и его общемировом эквиваленте — Брахмане.

В этом процессе трансформаций, перетекания субстанций из одного тела в другое, из одного мира — в другой, точки сопряжения, места, где происходит межсистемное (тела-системы) взаимодействие тел посредством психоэнерго-информационных сигналов, составляют особые образования — Чакры человеческого тела, через которые и посредством которых циркулирует прана.

Прана — это не обычная физическая энергия, разновидности которой были перечислены в вып. 1 (с. 68-69), а фактор действия, обеспечивающий живучесть соответствующих тел Атмана.

«Природа через наши впечатления передает нам энергию (прану — В.Б.), которой мы живем, движемся и существуем» (С. Лазарев и С. Данченко, с. 74). Авторы отождествляют прану с энергией нервного импульса, возникающего в соответствующих рецепторах Чакр под влиянием внешних «впечатлений» — сигналов окружающего мира, воздействующих на соответствующие полевые тела Человека.

Эти полевые сигналы (свет, звук, мысль, интуитивное озарение и др.) возбуждают направленное (когерентное) движение микролептонов, создающих (по мнению Тодора Дичева — см. «Деловой мир» от 11.02.95) архитектуру аурного поля. В свою очередь организованная энергия соответствующей ауры, ее прана преобразуется в энергию нервного импульса, циркулирующего по периферии (для поддержания эмоционально-инстинктивных реакций организма) или через центральную нервную систему, затрагивая волевые центры тезауруса, формирующие управляющие импульсы, приводящие в движение внутренние и внешние моторные центры. Эти нервные импульсы от волевых (и подсознательных) центров могут опять-таки возвращаться к рецепторам иных полевых тел, корректируя направленное движение праны и микролептонную структуру соответствующей ауры — полевого тела человека.

При этом прана низших впечатлений (прана пищи, страха, удовольствия) не просто расходуется на поддержание жизнедеятельности соответствующего физического органа или части «тела желаний», но через внутренний тезаурус может трансформироваться в более «высокую» психическую энергию, пополняющую прану высших тел Человека.

Нервная сила представляет наивысший продукт, вырабатываемый человеческим организмом. А прана астрального тела возбуждает духовное существо Атмана.

Прана не просто черпается из окружающей среды и диссипирует в организме, но и с помощью внутреннего тезауруса концентрируется, упорядочивается и переходит в более высокоорганизованную энергию, обеспечивающую жизнедеятельность и способность к генерации, расширенному воспроизводству продукции высших тел.

Этой продукцией Атман пополняет соответствующие миры, обеспечивая положительный баланс пранического общения с внешним миром. Переход праны более низкого качества в активную и потенциальную энергию высших тел Атмана означает негэнтропийность человеческого существования.

Разумеется, не каждый индивид способен и достигает в своей жизни такого саморазвития. Многие люди ведут животный образ жизни, являясь пустоцветами на общем поле «Роз Мира». Иные, наоборот, своими внутренними трансформациями засоряют и разрушают собственную ауру и соприкасающуюся с ними часть ноосферы,

духовного мира и социума. Эти игвы и рарутги (по Д. Андрееву) представляют собой особые расы античеловечества. Они существуют не как нечто обособленное, а постоянно пополняют свои ряды из общей массы человечества, из той его части, которая стихийно или осознанно потребляет больше, чем производит.

Но общая спираль жизни Вселенной разворачивается в направлении негэнтропийного развития, когда люди, потребляя извне рассеянную энергию, отдают в окружающий мир более концентрированную и организованную прану, обеспечивая расцвет и плодоношение Шаданакару Земли и брамфатурам нашей Галактики.

Возможно, что жизненный цикл и Земли и Галактики придет к своему завершению — новому «Пустому Нечто».

Но это «Пустое Нечто» как плазма, насыщенная высшей праной, «не может быть никакого другого состояния, кроме состояния бесконечной внутризаконсервированной энергетичности». (Э. Вайнштейн. Стержень спирали. — М.: «Ключ», 1994, с. 208). Этой пранической энергии — организованности достаточно для того, чтобы произошло «само выворачивание наизнанку», т.е. перелив энергии из одного абсолютно устойчивого состояния в другое: «из бесконечность-нуля» в «нуль-бесконечность». Замороженная структурная энергия, освобождаясь, дает начало новому витку спирали, начинающемуся не из прежней начальной точки, а из нового состояния, характеризующегося более организованным состоянием окружающего мира.

Межпланетная ноосфера успеет к тому времени наполниться новыми идеями и духообразами, которые неизбежно дадут начало новому витку живой спирали. И эти мыследухообразы своей пранической силой сформируют новый вид человечества, который продолжит наше космическое Бытие.

Разумеется, предопределенность всеобщего негэнтропийного процесса развития живых открытых систем остается потенцией мира и не позволяет нам пребывать беспечными фаталистами. Эта потенция станет реальностью только в том случае, если каждый из нас своим духовным, интеллектуальным и физически-эмоциональным поведением будет способствовать самоорганизации своего «Я» и организации социума как коллективного «Мы» в таком взаимоотношении с силами Природы, чтобы «Они» не расходовались зря, а с течением времени нашего жизненного цикла не просто пополняли свой энергетический потенциал, а образовывали насыщенный высококачественной праной Мир Сущего.

Стремление Атмана слиться с Брахманом, т.е. монады слиться с целым, означает не переход в нирваническое бездеятельное состояние, а, наоборот, такое саморазвитие системы, когда часть умножает общее, а общее усложняет и организует свои части.

Диалектика миростановления в том и заключается, что не Бог творит Человека и не Человек — Бога, а происходит одномоментное вневременное взаимодополняющее развитие физического и интеллектуально-духовного, индивидуального и коллективного Миров Сущего.

«Я» — произношу Слово, Слово рождает Мысль, Мысль приумножает мое «Я». Действует обратная безинерционная связь, в которой нет начала и конца, причины и следствия.

Если обратная связь имеет $\eta < 1$, то процесс затухает, если $\eta > 1$ — процесс развивается.

«Самоутверждение является глубинной сущностью «Я», ...является функцией энергии и выглядит как постоянное движение от более простого к более сложному» (Э. Вайнштейн, с. 62).

Также и в мире социума.

«Я» стал Человеком только благодаря наличию других «Я» и самоорганизации человеческого коллектива в общее «Мы». И здесь процесс не имеет исходной точки и финальной черты, если мы не займемся коллективным «самоубийством».

Но Атман — физический, разумный, одухотворенный Человек (ср. Бого-духо-человек) — не «самоубийца», а материальный образ Космоса и созидатель его живой Сущности.

Заключительный комментарий

1. Человек — образ многоликой Вселенной.

Духовный, социальный, интеллектуальный, биофизический и иные миры, составляющие сущность Вселенной, отражаются в Человеке, образуя в его ареале соответствующие полевые тела — флюидные оболочки.

Совокупность этих «тел» формирует облик многоликого Атмана-человека, обладающего не только разумом, но и духовностью.

2. Полевые тела в виде соборного отражения «чужого Я», души, воображения, подсознания, разума, «тела желаний», энергетического тела соотносятся с соответствующими мирами Вселенной и формируются одновременно ими и продуктами собственной жизнедеятельности Атмана.

Архитектура этих флюидных оболочек основана на особом расположении микролептонных образований. Структура этих образований формируется как голографический образ соответствующего внешнего мира, а их жизнедеятельность поддерживается праническими токами — энергией нервных импульсов, создающих вокруг себя собственное поле. Взаимодействие полевого отображения внешнего мира и поля пранических токов создает объемную полевую структуру соответствующего тела Атмана.

3. Полевые тела, содержащие духовные образы, подсознательные воображения, интуицию, память, эмоции и инстинкты как продукт своей жизнедеятельности, столь же материальны, как и отдельные органы физического тела, и энергетические импульсы, переносящие сигналы от одного тела к другому.

Невидимость этих материальных полевых тел обычными органами чувств человека не означает их несуществования. Они столь же реальны, но в отличие от

видимого физического облика образуют астральное тело как передаточное звено — промежуточную форму между флюидной полевой оболочкой и плотным физическим телом.

Астральные тела как объекты соответствующего астрального мира подчиняются своим пространственно-временным законам: астральное тело в любой момент времени может находиться в любой точке пространства.

Астральное тело и физическое тело как две разновидности материальной субстанции могут пересекаться друг с другом. Это пересечение обычно имеет место в подсознании конкретного человека, что объясняет ясновидение, чтение мыслей и другие т.н. загадочные явления.

4. Все тела Атмана взаимодействуют между собой. Тело Разума закрепляет в своей структуре повторяющиеся подсознательно-интуитивные представления, складывающиеся в теле Эго, освобождая в нем место для новых идей, чувств, образов.

Информация, приходящая в тело Разума из других тел, аккумулируется и перерабатывается в его внутреннем тезаурусе, формируя ответную реакцию не непосредственно, а путем действия волевых актов.

Тело Желаний работает с эмоционально-инстинктивными сигналами, проходящими по периферии нервной системы, не затрагивая внутреннего тезауруса человека.

Разница между соседними по иерархии полевыми телами определяется не только различием их материальных субстанций, а величиной пранической силы — жизненной энергии, затрачиваемой на изменение структурной энтропии тел.

5. В астральном мире, соответствующем высшим телам Атмана, нет причинно-следственных связей. Разум фиксирует в своем сознании духовный облик Атмана, но и духовный образ одновременно обогащается за счет действия сил Разума.

«Я» произношу Слово, Слово рождает Мысль, Мысль приумножает мое «Я».

6. Атман имеет объективную тенденцию саморазвития путем повышения организованности (снижения энтропии) своих высших тел за счет «поглощения» продуктов жизнедеятельности тел, стоящих ниже в духовной иерархии человека. С повышением уровня организованности происходит понижение плотности энергии, но повышение ее качества. Однако эта тенденция требует напряженной работы всего Атмана, дабы отдать в верхние слои более качественный продукт — более организованную праническую энергию, чем удастся почерпнуть из внешней среды.

7. Жизненный цикл всех тел Человека конечен. Но за время своего существования каждый Атман имеет потенциальную возможность выдать в ноосферу, в социум и вообще в окружающий мир больше, чем взять оттуда, не только в количественном, но, главное, в качественном смысле.

В этом суть Атмана как саморазвивающейся системы.

ЧАСТЬ IV. СТРЕЖЕНЬ.

Мысль — могу — понимаю

Одно известное длинношее животное попрекают одновременно и за близорукость и за верхоглядство.

Человека стоит упрекнуть в обратном: он не видит и часто не хочет видеть ничего дальше собственного носа.

Это относится и к политикам, которым «лишь бы ввязаться в драку, а там — видно будет». И к ученым, напоминающим «узкого специалиста, подобного флюсу». И к обывателю, проживающему самое драгоценное — жизнь в погоне за хлебом насущным, хотя «не хлебом единым жив человек».

Как важно каждому из нас пройти по Земле за отведенное природой время так, «чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы», оставить после себя плодоносящий сад, выращенных детей, написанную книгу — отдать больше, чем взять.

И при этом, радуясь жизни, черпая всю полноту не завтрашнего потустороннего существования, а здешнего нынешнего бытия, любя и наслаждаясь, созидавая и мучаясь — понимать и ощущать цель своего земного пути, воспринимая физическую смерть не как конец всего и вся, а как виток спирали, устремленной в космические дали. Нет, не вера в реинкарнацию души поддерживает нас в этот последний час, а ощущение собранности земного урожая, которым воспользуется следующее поколение, пойдя дальше и выше нас по раскручивающейся спирали космической жизни.

«Мысль о взаимосвязи между миро- и жизнеутверждением и этикой... является предчувствием истины» (А. Швейцер. Упадок и возрождение культуры. Избранное. — М.: «Прометей», 1993, с. 162).

Неустанное познание истины, как соответствия своего «Я» и окружающего мира есть цель человеческого существования. Но в процессе нашего познания и нашего действия мир сам многократно приумножается продуктами нашей физической и духовной жизнедеятельности. Поэтому истина — это не некий статичный абсолют, а линия горизонта, которая неизмеримо отодвигается вдаль по мере того, как мы поднимаемся над суетой земного бытия.

Мы поднимаемся не на воздушном шаре, не по чьей-то воле, а по винтовой лестнице космического мироощущения своего «Я», держась за перила прочувствованных и осознанных этических правил жизни. И предчувствие близости непрерывно удаляющейся от нас истины все больше и больше влечет нас по этому пути, которым прошли наши предки и пойдут наши потомки.

Свой «прах переживет и тленья избежит» лишь тот, кто обладает этим дальновидением — космическим сознанием и живет, творя свои деяния, исходя из этого осознанного понимания своего атманического существа. Не из Земли вышел «Я», и уйду не в Землю, а в Небо.

Земле достанется мой прах,
Мое физическое тело,
А сам я растворюсь в парах
Космического беспредела.
Но я всецело не умру,
И когерентным словом прежним
Я проведу Вас поутру,
В тумане жизни — главным стрежем.

«Лишь осознание космической личности может озарить ступени эволюции», — писал Н. Рерих в «Учении живой этики» (Часть «Община». — М.: 1994, с. 18).

Для того чтобы проложить в жизни целеустремленный маршрут и по бурной реке земного бытия вместе с ближними своими пройти главным фарватером — стрежем, не сев на мель и не запутавшись в мелководных зарослях меркантилизма, необходима не индивидуальная логия в виде астрологического прогноза собственной кармы, а «живая этика» — правила эволюционного раскрытия в себе многоликого Атмана как монады природы и общества себе подобных, воплощающей в себе все основные черты космоса и человечества.

Суть этой этики в слиянии Личности и Эго с соборным началом в отношении к социуму — то, что и делает Человека духовно-разумным и биосоциальным Атманом.

Духовно-телесный образ Атмана, возникший в древневосточной предфилософии, и сегодня имеет непреходящее значение, я бы сказал, современное космическое звучание, ибо наиболее полно отражает то природно-индивидуальное единство «человека как резюме Вселенной», к которому на новом витке спирали любомудрия подошла наша научная этика. Сегодняшняя наука обогащена знаниями конкретного измеримого материала, но не очень продвинулась вперед в понимании всеобщих законов развития живой Вселенной.

Эти законы носят не привычный количественный, а, скорее, качественный характер, ибо отражают взаимосвязь (пока) несоизмеримого: духовно-эмоционального, разумно-социального и энергетически-вещественного начал.

Но эта несоизмеримость не отрицает, а умножает многосвязность граней Мира. И только умопостижение скрывающейся за этими гранями Сущности помогает нам правильно выбрать путь к себе, к своему природному изначалию, выбраться в наше меркантильно-частно-собственническое время на общий фарватер Жизни, возносящей нас в космический беспредел.

Предфилософия «становящегося человека» полнее, чем современная дифференцированная наука, отражала взаимосвязь Атмана с Брахманом — связь инстинктивно-эмоциональной деятельности индивидуального существа с его природно-родовой Сущностью. Всякое развитие, всякое изменение в своей собственной жизни «становящийся человек» рассматривал «как результат

взаимодействия мужского и женского начал (инь и ян)... в круговых рамках природы» (А. Лукьянов. Становление философии на Востоке. — М.: ИНСАН, с. 13).

Ритмические танцы пчел, птиц и иных стадных существ есть отражение естественных природных процессов и служат первыми опытами еще до конца неосознанного копирования природы и передачи родового опыта с помощью ритуальных игрищ.

«Миф, ритуал и табу, которые воплощают в себе природно-родовую идею жизни, не могут выразить ее иначе, как подражанием звучанию, движению и ритму природной вещи» (там же, с. 16).

Процесс повторения природного первоначала и возвращения к нему предвосхитил многие антропогенные и философские конструкции будущего общества.

Однако из этого вовсе не следует, будто бытие определяет сознание. Это две изначальные субстанции, как курица и яйцо, как облако и влага, как день и ночь. Они существуют параллельно и играют в нескончаемые «догоняшки», как змей, заглатывающий свой хвост.

Предмысль есть инстинкт и появляется еще у «неживых» существ как способ отражения действительности. Переход от инстинкта к сознанию и закрепление инстинктов в результате повторяющихся сознательных действий сродни процессу развития человека как «общественного животного».

Предгоминиды не есть продукт эволюционного развития обезьяны в процессе трудовой деятельности. Сама трудовая деятельность есть процесс коллективного поведения особей. Поэтому история есть чередование мутационных прорывов накапливающегося содержания полевых тел отдельной особи в соответствующие природные миры, содержащие в размытом состоянии хаотичные «молекулы» энергии, информации, чувств и мыслеобразов.

Эти «частицы» устремлялись в образовавшийся прорыв, создавая направленное упорядоченное движение, в результате чего полевые тела приобретали некую структуру и способность к саморазвитию.

Мышление возникло как продукт совместной деятельности «становящегося человека» и природно-родового окружения, отразившегося в зеркале индивидуального сознания. Говоря словами Гераклита, «мышление обще всем».

«Предфилософскому рассуждению безразлично, с чего начинаться — с мирового созвездия или кончика осенней паутины» (А. Лукьянов, с. 733). Равная изначальность великого и малого и цикличность природно-родовой жизни (рождение-смерть) привели к неосознанному тождеству единичного и всеобщего как монады и целого, подчиненного общим правилам жизни.

Правда, естественная смертность единичного соседствовала в мифологическом сознании с бессмертностью общего образа, в результате чего замкнутый круг природных явлений постепенно разворачивается в бесконечную спираль.

Слияние индивидуальной особи с природно-родовым окружением породило тогда образ первопредка как идею самой жизни, следование которой и составило первую заповедь этического поведения человека. Много спустя этот образ первопредка трансформировался в образ Бога, следование которому стало основой религиозно-этических учений.

Символом этого первопредка — Бога и его окружения становится пятичастный крест, в центре которого помещается (в индийском варианте) Брахман, а по четырем сторонам — либо боги-посредники (Индра, Варуна, Сома и Агни), либо цвета солнца (белый, черный, очень черный, красный), олицетворяющие кругооборот светил.

Следование этим светилам составляло суть ритуально-этического следования природе, олицетворенной соответствующим многобожием.

Пятичастие проявлялось во многих моделях мира: и в четырех сторонах света с центральным Солнцем, и в пяти материальных субстанциях (земля, вода, воздух, огонь, эфир). Сколько споров было у древних греков, что поместить в центр в качестве первоначала мира. Плутарх в соответствие с этими мирами располагал и 5 чувств (осязание, вкус, слух, обоняние, зрение). А Платон пятерницей обозначал количество начал и виды блага (сущее, тождество, различие, движение и неподвижность — умеренность, соразмерность, ум, знания о душе и наслаждение).

Последнее представление проводит связующую нить между природно-родовыми и этическими понятиями. Разумеется, эти связи во многом субъективны, ибо каждый из философов сопоставлял природному явлению свои этические нормы, но объективно наличие такой связи, т.е. закрепление в понятийном общественно-мифологическом сознании природного и этического (поведенческого и мыслительного) начал жизни.

Хотя такой исторический генезис — появление Бога на месте первопредка вполне правдоподобен, но следует согласиться с А. Лукьяновым, возражающим против их отождествления в системе взаимоотношений Человека и его природно-родового про-Образа.

Предфилософия (и предэтика) не противопоставляла человека и первопредка, а наоборот, подчеркивала их телесное и духовное тождество.

Индийские и китайские первопредки были собирательными образами родовых сообществ, однако они в своем поведении соответствовали самим людям, сохраняя обыкновенные человеческие слабости и привычки: они воюют, устраивают винопития и застолья, прелюбодействуют, ходят в гости. Во всех этих мероприятиях участвуют и первопредки и сами члены рода, так что предэтика исходила из принципа: «делай как я», а не из религиозно-нравоучительного: «следуй моим указаниям».

Восточные первопредки были близки в этом отношении древнегреческим героям, совершающим подвиги, но подчиняющимся общим с людьми этическим нормам.

И славянское язычество относилось к своим первопредкам, олицетворяющим природно-родовую общность, с уважением, но без раболепия. Идолам приносили пищу, в их честь устраивались пиршества и празднества, но их же в случае чего и наказывали плетьюми, и сжигали на кострах.

Я думаю, что языческая этика взаимоотношений массы и героев достойна не только исторических воспоминаний, но и определенного заимствования.

Мы сегодня особенно остро ощущаем свои природно-космические и национально-родовые связи, и эта слитность индивидуального «Я» с коллективным «Мы» и природным «Они» диктует нам новую «живую этику». А новое — это хорошо забытое старое. И поэтому этические нормы нашей сегодняшней жизни должны опираться не на религиозные догмы монотеистических учений, а на «правила общежития» природно-родовых групп с равенством в правах своего и «чужого Я», с естественной духовно-интеллектуальной и как следствие — имущественной иерархией членов сообщества, с партнерским, гармоничным отношением к природному экосу, который «не храм» и «не мастерская», а наш общий «дом» — среда обитания.

Наш «дом» должен быть теплым и чистым, богатым и уютным, светлым и полным добропорядочных сожителей. Поэтому не возврат к лучине, а синтез достаточных благ цивилизации и природно-родового совершенства — вот цель «живой этики» нового времени, впитавшей в себя научный и духовный опыт поколений, в том числе и наших далеких первопредков, которые ближе стояли к космическому осознанию своей мировой Сущности.

Проблема взаимоотношений между «Я» и «чужим Я», между человеком и природой, между природой и цивилизацией является исходным моментом в отыскании нравственных начал жизни.

Нравственность (мораль) — это не только особая форма общественного сознания. *Нравственность — это гармония коллективного «Я» с окружающей природной средой.*

«Человек — это самосознание природы» (В.С. Егоров. Философский реализм. — М., 1994, с. 197). Но как самосознание неотделимо от самого субъекта, так и человек неотделим от своего природно-родового экоса. И лишь в стихийно-инстинктивном или осознанном понимании взаимного единства человека и природы могут быть найдены те внутренние цели космической и индивидуальной деятельности, определяющие самоорганизацию природы и человеческого общества как единого целого.

Наиболее открыто в своем первозданном виде эти отношения единства наблюдались в обществе «становящегося человека», который ощущал себя неразрывной частью природного состояния.

Руссо, по мнению К. Леви-Строса (Первобытное мышление.— М.: «Республика», 1994) первым поставил научную проблему взаимоотношений между природой и цивилизацией, признавая «за человеком, даже в его первобытном состоянии, некую важную способность, или — свойство, возбуждавшее его проделать

это тройное превращение... от естественного состояния к цивилизации, от чувства к познанию и от животного состояния к человеческому... Эта способность есть сострадание, вытекающее из отождествления себя с другим — не родственником, не близким, не соотечественником, а просто с любым человеком, поскольку тот является человеком, более того, с любым живым существом, поскольку оно живое.

Таким образом, первобытный человек интуитивно чувствовал себя тождественным со всеми другими людьми. В дальнейшем он никогда не забывал свой первоначальный опыт, даже тогда, ...когда в нем пробуждалась его индивидуальность» (с. 23). И там же: «Сострадание... в природе заменяет «законы, нравственность и добродетель». Провозглашенное Руссо отождествление со всеми формами жизни, начиная с самых скромных, означает для современного человека отнюдь не призыв к ностальгическому возврату в прошлое, а принцип коллективной мудрости и коллективных действий. В мире, перенаселенность которого делает все более трудным, а значит, и более необходимым взаимное уважение, это и есть тот единственный принцип, который смог бы позволить людям жить вместе и строить гармоничное будущее» (с. 27).

Тем самым К. Леви-Строс признал за Руссо, автором известного изречения «Я есть другой», не только его выдающуюся роль как основоположника антропологии, но и роль ученого, который провозгласил «третий этап гуманизма после Возрождения и начала освоения культурных ценностей Индии и Китая».

Но я бы назвал этот этап не просто этнологией, и не социальной экологией, а натуроэтикой — этикой природного единства космоса, этноса и человека.

Я думаю, слишком поспешно и категорично заявление К. Маркса и Ф. Энгельса о том, что «натурфилософии пришел конец» (Соч., т. 21, с. 304-305).

Конец старой натурфилософии, замещавшей недостающие факты искусственными вымыслами, сегодня после нового прочтения предфилософского мышления, в первую очередь народов Востока, означает начало нового восприятия экологической (в общем случае — природной) этики как органичного взаимоотношения человеческой монады и Космоса.

Космос как нечто абстрактно-всеобщее чаще всего олицетворяется в виде звездного неба, которое не просто существует само по себе как внешняя среда нашего обитания. Звездное небо — это часть нашей жизни, наш предок, наш собеседник в минуты откровения, наша тайна будущего бытия. Звездное небо — это не только молчащее зеркало нашего «Я»; оно есть наше «второе Я», столь же говорливо-рассуждающее и столь же молчаливо-понимающее. А может быть, лучше нас понимающее, что есть что и кто есть кто.

Знания делают нас умными, но мудрость достигается пониманием всеобщей связности миров, где два полюса — «Я» и звездное небо, микрокосм и макрокосм не отрицают друг друга, а, наоборот, наследуя друг другу, создают общий сущий образ многогранной Вселенной. Мы — дети и родители друг друга, мы — порождение звездной энергии времени и созидатели той картины — модели мира, в которую мы вдохнули жизнь.

«Во имя этой связи он (человек. — В.Б.), созерцая безграничный мир, говорит ему: «Ты — Я», с тем же правом, с каким Дух Макрокосмоса, озирая себя бесчисленными своими очами, говорит человеческой монаде: «Ты — Я». Зенит глядит в Надир, Надир — в Зенит: два ока, наведенные одно на другое, два живых зеркала, отражающие каждое душу другого» (Вяч. Иванов. Родное и Вселенское. — М.: «Республика», 1994, с. 87).

Отъединившись друг от друга физическим пространством и временем, Человек и Космос гораздо ближе друг к другу в ином измерении — в исторической памяти и духовной общности. В этом трансцендентном мире ирреальных связей, которые полнее и цепче охватывают своей паутиной единство Вселенной — Мира Сущего, только Человек, знающий и понимающий, может сказать о себе: **Я — мыслю, я — понимаю, я — могу**. В этой триаде сознающей себя и деятельной жизни — предназначение «Человека как Резюме Вселенной».

Мысль есть процесс и результат взаимного обмена человеческим и космическим сознанием; понимание — есть интуитивно закономерное восприятие своего природно-родового естества и единства; могущая активность — всесторонняя реализация потенции своего «Я» как монады Вселенной, направленная не просто к гармоничному единению со всеобщим (слиянию Атмана с Брахманом), а на плодотворное производство тех «крупинки» чувств, мыслей, идей и образов, которые от частого употребления самим собой и «чужими Я» не только не расходуются, а, напротив, приумножаются количественно и качественно.

Мыслями и знаниями природно-родового единства «Я», «Мы» и «Они» насыщена история человеческого общества, ее книжные летописи и научные трактаты.

А вот понимание этого единства побуждает нас неукротимо возвращаться «на круги своя» — к первобытному мышлению, оценивая понятие «первобытность» не как примитивизм, а как изначальность бытия, нерасчлененного дифференцированными знаниями частных, а воспринимаемого в своей первозданной цельности истинного «Я» — Атмана с окружающим природно-родовым Экосом, олицетворяемым умообразным образом высшей объективной реальности — Брахмана.

Разумеется, сами эти понятия «Атман» и «Брахман» уже есть продукт более позднего духовного умствования — древнеиндийского ведического знания.

Но поскольку именно восточная философия наиболее полно отобразила суть этого единства монады и целого мира, то эти слова-понятия можно считать не просто символическим отражением природного естества, а той формой, которая не умертвляет содержание, а придает ему «великое дыхание» жизни.

Мышление и понимание — предтеча осознанной деятельности. И хотя между актом и потенцией нет однозначной причинно-следственной связи, и сама деятельность неизбежно порождает новые ощущения, новые восприятия, новое осознание цели и воли, миропроявление как синтез духовно-идеального и материально-вещественного начал (в нашем представлении единовозможной

материи) есть не абстракция, а реализация целеустремленного развития Человека и Космического Человечества, движение по фарватеру Жизни.

«Лодка плывет не по течению и не по ветру, а по тому, как поставлены паруса».

Общие правила — паруса этого стрелевого движения — «Живая этика», естественные нормы взаимоотношения Человека со своими телами «Я», с различными группами «чужих Я», с окружающей Средой, включая родимое Звездное Небо и Космос — наш вчерашний, нынешний и будущий Экос.

Природно-родовые паруса

Этические нормы не есть нечто наперед заданное на все случаи жизни. Сохраняя общую направленность — соответствовать в главном негэнтропийной спирали жизни, в конкретных ее проявлениях «цель человека — быть самим собой... Источник норм нравственного поведения следует искать в самой природе человека» (Э. Фромм. Психоанализ и этика. — М.: «Республика», 1993, с. 24-25).

«Если мы хотим знать, что значит быть человеком, нам надо... искать ответ не в области многообразных человеческих возможностей, а в сфере самих условий человеческого существования» (там же, с. 263-264).

Не Homo faber — производящий орудия, не Homo ludens — человек, играющий (преддающийся удовольствиям), не Homo sperans — надеющийся человек (надежда = целеобретение) и даже не Homo sapiens — человек разумный. Все эти отдельные свойства (возможности) ничто по сравнению с общим: «Homo sum, nihil humani a me alienum puto» (Я человек, и ничто человеческое мне не чуждо).

Человек — не объект, не кантовская «вещь сама по себе». Человек — многоплановая система, которая существует только благодаря взаимодействию всех своих «тел» между собой, а главное, как открытая система — благодаря взаимодействию с окружающей средой — различными мирами Вселенной и умпостижимым Универсумом.

Если рационалистическая наука пытается вывести все человеческое поведение, в том числе и мотивы его поступков, из законов вещественного (физического) мира, то в новой этике мы возвращаемся к древней мудрости, к восприятию идеи человеческого существования в его неразрывной слитности с циклическим (спиралевидным) развитием космоса и его природно-родового феномена.

Человек — самосознающая и деятельная часть природы, он — дитя природы и ее преобразователь.

Поэтому основные исходные принципы, отличающие человеческое поведение от поведения других живых существ, следует искать в его «детском периоде» и даже в пренатальном (утробном) периоде, когда человек всецело зависел от матери-природы, будучи связан с ней пуповиной телесно-чувственного и психически-родового единства.

Наиболее непосредственно эта связь отразилась в язычестве как первобытном мышлении (нетеистическом отражении верхъестественных для тогдашнего мироосознания проявлений природно-родового единства человека и природы).

Сверхъестественность и тогда и сегодня нельзя понимать как деизм-воление «разумного Бога», находящегося вне природы и управляющего ее сущностью и проявлениями. Сверхъестественность — это чисто относительное понятие как обобщение тех связей, которые в данном модельном представлении «природа-человек» не имели детерминированного рационального выражения. По ходу познавательного развития этой модели прежние сверхъестественные связи частично получали более конкретное осознанное представление, но в целом наше «незнание» не уменьшается, а лишь увеличивается, ибо сам процесс познания творит многообразие дополнительных иррациональных связей между человеком и природой.

Язычество (в нашем представлении) восходит к древневосточным представлениям о «первичных узах» человеческого дитя с матерью-природой.

Эта «фиксация на матери — личностное выражение одного из ответов на проблему человеческого существования» (Э. Фромм, с. 269) — не только историческая, но нынешняя общечеловеческая психологическая установка, которую следует рассматривать не как примитивизм мышления, а как естественное свойство человека вообще, желающего не отторгнуть себя от матери-природы, а, наоборот, в сосуществовании с ней ощутить себя более полноценным существом.

«Животному заданы связи с миром, опосредованные инстинктами» (с. 268). Человеческое же существо, наделенное не только физическим телом и «телом желаний», но и телами Разума и Эго, нуждается в более многообразных связях посредством общения с окружающими мирами модельными символами, интуитивными представлениями и духовными образами.

Хотя все эти связи присутствовали у многих первобытных народов всех континентов, их фиксация наиболее полно отразилась не только в символах, ритуалах и мифах этих язычников, но в китайских и индийских предфилософиях «становящегося человека» они получили более полное описание и обобщение.

Я думаю, что приписывание восточным народам язычества — не умаление их достоинства в мировом познании, а, наоборот, признание их наиболее выразительного языкового модельного представления природно-родовой интеграции окружающего мира и человека.

Три космические потенции — небо, человек, земля, согласно китайской «Книге перемен» (И Цзин), взаимно отражают друг друга, и их синхронное согласованное проявление есть общая энтелехия (проявление) Сущего.

«Действие Творчества вторит могуществу Неба,
а Исполнение знаки Земли сочетало».

(Чжу-Си — цит. по кн.: Ю.К. Шуцкий. И Цзин. — М., 1993, с. 42).

Исполнение — действия Человека сочетаются с земными проявлениями-знаками, а творческие акты как действия его разумно-духовного тела вторят высшим небесным феноменам.

«Небо и Земля творят метаморфозы и изменения, совершенно-мудрые люди копируют их» (Сицы Чжуань, А.П — цит. по кн.: А.Е. Лукьянов. Дао «Книги Перемен». — М.: Инсан, 1993, с. 15).

По-видимому правильное говорить не о копировании людьми в своих действиях небесных и земных явлений, а об изначальной общности циклических явлений во всех трех космических субстанциях.

Пятичастный крест как символ всеобщего единства природы и человеческой деятельности был свойствен не только древнекитайским и индуистским представлениям. У инков символом мира был крест из бело-красного мрамора (яшмы).

В виде креста у древних майя изображалось «мировое дерево», составляющими которого были Ицам — бог неба, Бакаб — бог дождя, Исчек — богиня радуги, Чирипия — богиня растительности, Эопук — бог смерти. Позднее место одного из природных божеств занял Эструак — бог купцов.

А у ацтеков был свой набор пятибожия: Тласол-Теотл (богиня земли), Оме Точтли (богиня плодородия), Вицилопочтли (бог солнца и войны), Тлалок (бог дождя), Кецал-коатл (бог мудрости), (см. И.Г. де ла Вега. История государства инков. —Л.: «Наука», 1974, с. 713).

Как видим, среди богов появляются символы, олицетворяющие не только силы природы, но и человеческой деятельности (плодородия, войны, торговли). Инки повторяли: наш отец — Солнце — бог справедливости (там же, с. 41).

То есть божества олицетворяли одновременно и природные и нравственные начала жизни.

«Божества создавались людьми в соответствии с их трудовыми представлениями, и первоначальное их назначение заключалось в том, чтобы воодушевлять людей в труде» (Юань Кэ. Мифы древнего Китая. — М.: ГИВЛ, 1987, с. 383).

«Великий закон» древнекитайской натурфилософии говорит о соотносительности пяти стихий (пяти природных начал), пяти способностей человека и пяти проявлений счастья.

Вода — течет вниз — следование истине — долголетие.

Огонь — поднимается в верх — прозорливость — спокойствие духа.

Дерево — сочетает кривизну и прямизну — достоинство — здоровье.

Металл — подчиняется внешнему воздействию — осмотрительность — богатство.

Земля — дает урожай — проницательность — целомудрие.

(Авторская интерпретация соотносительности начал, изображенных в кн. «Шу цзин» — см.: Древнекитайская философия. — М.: ПринТ, 1994, с. 105, 111).

В славянском язычестве в зависимости от приоритета охоты, земледелия и воинственности 5 богов менялись местами, олицетворяя единство природных и хозяйственных начал. В период матриархата, когда основным занятием было земледелие, в центре небесного пятибожия была Макошь — богиня плодородия. По правую руку от нее — Лада — богиня весны и свадеб, по левую — Перун с конем и мечом (бог грозы и покровитель воинов). Сзади находились Дажьбог (бог белого света и солнца) и Волос (бог земли предков и богатства). Позже на первое место вышел Перун, а затем Дажьбог — Ярило — Владимир-Солнце.

Б. Рыбаков в кн. «Язычество Древней Руси» (М.: Наука, 1987) описывает переход от культа звезд охотников мезолита, ориентированных по расположению на небе Лосихи и ее дочери — Большой и Малой Медведицы, к культу «упырей» и «берегинь», одухотворявших защитников человека от природных явлений, а затем к культу «Рода и рожениц».

Две роженицы — богини плодovitости и плодородия (Лада и Лель) предшествуют языческому Роду (богу неба — Сварогу), который у земледельцев был «великим жизнедавателем» — богом туч, дающим влагу.

«Древнерусский язычник, ожидавший опасности от всего мира... защищался не отдельными элементами (олицетворявшими природные стихии и идолов-заступников. — В. Б.), а системой мироздания, взятой не в статике, а в ее естественной, законоустановленной динамике» (Б. Рыбаков, с. 766).

Мир язычников — земля, два неба (нижнее — тучи — «хляби небесные» и верхнее — солнце и звезды) и подземно-водная зона.

Чередование природных явлений в течение года (зима-лето) и в течение суток (день-ночь) отражались и в сезонной деятельности людей и в календарных праздниках, соответствующих природным и хозяйственным циклам.

4 солнечных фазы в течение года привели к появлению языческих обрядов и празднеств: зимние святки, весенняя масленица, летняя ночь Купалы, осенний праздник урожая.

Древние «Календы» — семейные обряды и соборные события (игрища и хороводы) не только следовали природным явлениям, но и были человеческим способом магического воздействия на природу

«Различные обрядовые телодвижения — не только подобие природных циклов, но и попытки воздействовать на окружающую среду своими гармоничными действиями» (История древнего мира. — М.: ГРВЛ, 1983, т. 1, с. 78). И, надо сказать, эти попытки не всегда были обоснованы и бесполезны.

Действенность «заговоров», молитв, обрядов, над которыми мы сегодня необоснованно посмеиваемся, свидетельствует о взаимном влиянии друг на друга природных и человеческих явлений. Человек не только учился у природы, следовал

ее законам, но и мог корректировать некоторые из явлений (заговаривал тучи, хворости силою своего духа).

Я думаю, что уже тогда в язычестве, между человеком и природой существовало не одностороннее, а двухстороннее взаимопонимание в главном — в цикличности всего существующего, в совместном следовании общей негэнтропийной цели развития — не просто повторяться в круговом движении, а подниматься вверх и опускаться вниз по спирали — заимствуя из среды нечто рассеянное и концентрируя это в виде саморазвивающихся систем земледелия, скотоводства, воспроизведения окружающего мира в виде искусства ритмики, символики, дифференциации и индивидуализации человеческой особи, как монады окружающего мира, интеграции людей в организованные сообщества, обладающие не только коллективной структурой, но и коллективным духовным телом.

Климатические природные условия порождали особые черты характера не только индивидуального обитателя этих мест, но и человека как представителя родового этноса. Этнические (родовые) особенности порождали нравственные качества людей, которые, в свою очередь, влияли на этику и характер этноса.

Человек — «Хотя по форме микрокосм,
по сути ты макрокосм»

(Ион Араби — цит. по кн.: М. Степанянц. Философские аспекты суфизма. — М.: Наука, 1987, с. 20).

Эта космичность бытия и нравственности человека есть не только достояние одной или нескольких религий. Это, по-видимому, объективная сущность связанного природно-человеческого мира.

Причем Человек, как элемент космоса, присутствует и как индивидуализированная Личность с его биопсихическими потенциями и проявлениями, и как социальное существо — представитель рода.

«Род воспринимается как природное тело, оживотворенное ритмами природных круговоротов» (А.Е. Лукьянов. Становление философии на Востоке. — М.: Инсап, 1992, с. 11).

Поэтому человек не слепо копировал в своем поведении природные явления, а действовал сообразно со своими родовыми представлениями, в них отражая и закрепляя «хтоническую сущность природы».

Антропоморфизм — есть первая макетная форма отображения окружающего мира в человекоподобном виде. Это не примитивизм мышления «становящегося человека», а его своеобразная форма общения с «чужим Я», в котором он прежде всего видит внешне похожего на себя своего двойника. Эта внешняя схожесть значительно упростила становление коллективно-этических начал, способствовавших развитию образно-конкретного мышления и коммуникабельных способностей человека.

Как и «становящийся человек» «поэт мыслит образами». Воспринимая внешнее влияние на себя природных сил, человек придает этим силам

антропоморфный образ, ибо ему так легче общаться с ними на языке, свойственном его общению со своими сородичами.

Отсюда — и человекообразность древних героев и богов, олицетворявших и внешние силы природы и их духовно-вселенскую сущность.

Индийский род первопредков во главе с Брахманом, древнекитайский Куньлуньский род во главе с Хуанди, древнегреческий Олимпийский род богов во главе с Зевсом — это образное представление природно-родовых сущностей в человекоподобном виде способствовало развитию древней мифологии не только как способа отражения в сознании человека (его тезаурусе) окружающего мира, но и как модельно-игрового поля, на котором отрабатывались человеческие взаимоотношения по образу и подобию его взаимоотношений с природными факторами.

Внутриродовые взаимоотношения отражали природные круговороты, и в этом взаимно-однозначном соответствии содержался мощный потенциал развития человека, находящегося в гармонии с окружающим миром.

Этика природно-родового язычества позволяла и понуждала человека во всем его многоликом качестве действовать сообразно с общими принципами космогенеза, с общим ритмом, движением и звучанием природных явлений, формировать нравственные принципы общежития с себе подобными людьми и небесно-земными вещами, предметами и феноменами, предстающими в антропоморфном виде.

Подобная антропоморфность облегчала процесс постепенного вычленения человека из окружающей среды, перенося общие природные принципы на внутриродовое поведение человеческого сообщества.

Отличительной особенностью первобытного мышления является то, что человек не отделял внешние предметы от их чувственной и феноменологической формы. Более того, один и тот же предмет получал у него совершенно различные названия в зависимости от производимых им (предметом) ощущений.

«Абстрактные выражения используются (у первобытных племен Северной Америки — В. Б.) для обозначения множества свойств или качеств живых существ и вещей» (К. Леви-Строс. Первобытное мышление, с. 113). Так, предложение: «Злобный мужчина убил бедного ребенка» — на языке чинук передается посредством: «Злоба мужичины убила бедность ребенка».

Русский языческий фольклор наполнен именами: Страшило, Ярило, Ведун, Купало, Свято-слав и др., обозначающими личности по их качествам.

Эта *трансформация прилагательных в существительные характеризовала единство формы и содержания*, которое у древних народов было развито сильнее, чем у наших современников.

Причем наименование феномена чаще всего переносилось с природного явления через родовое понятие на характерные черты (на черты характера) индивидуального человека.

Вообще имена конкретных людей в язычестве были сложно-составными: одно из них отождествляет человека с животным или растением, распространенным в данной местности и нередко служащим тотемом-символом (например: Роза, Лилия, Лев, Тигран); другое — характеризовало какое-либо свойство, приписываемое данному лицу (Храбрый, Мясоед, Злоба, Черный); третье — символ местности, клана или рода (Муромец, Селянинович, Кузнец, Пастух и т.д.).

К. Леви-Строс приводит множество примеров сочетания у одного человека имен собственных и нарицательных. «Один и тот же индивид может иметь (в Меланезии) тридцать и более имен» (с. 250), связанных с аналогом его поименованных качеств со свойствами тотемического животного.

Например, имя одного из представителей племени вик мункан, имеющего в качестве своего тотема рыбу баррамунди, звучит как: баррамунди — плавает — в — воде — и — видит — человека.

Индивидуальное имя — часть коллективного названия, происходящего от обобщенного тотема, характеризующего связь клана с животным или растительным миром.

Это сложно-составное поименование людей аналогично сохранившейся в науке ботанической и зоологической классификации, которая выделяет предметы по их родовой, видовой и качественной характеристике. Например: звездчатый кактус — Астрофитум крапчатый четырехреберный; спаржа — Аспарагус перистый; австралийский страус Эму; пингвин желтоглазый».

Тот же К. Леви-Строс приводит немало примеров, когда «из растений и животных индеец дает наименования только полезным либо вредным видам; прочие классифицируются без различия как птица, трава и т.д.» (с. 113). Туземцы Океании хануну различают более 60 классов морских моллюсков и 2000 растений. Негритосы пинатубо различают нравы 15 видов летучих мышей, 45 сортов съедобных грибов, 20 видов муравьев и 450 растений.

«Негритос полностью интегрирован в свою среду... Ясно, что настолько систематически развитое знание не может быть функцией лишь практического употребления... Каждая сакральная вещь должна быть на своем месте, ...поскольку при нарушении, хотя бы даже мысленном, этого оказался бы разрушенным весь мировой порядок» (с. 116, 119, 121).

В этом миропорядке каждый клан человеческого сообщества отличает себя от других и отождествляет себя с природой специальными «символами жизни» — тотемами.

«Все, у кого один и тот же тотем, будут считать себя родственниками, даже если они происходили из разных племен и деревень...

Эта тотемическая универсализация не только опрокидывает племенные границы, создавая эскиз интернационального общества; иногда она также выходит за пределы человечества, но уже не в социологическом, а биологическом смысле» (с.244-245).

Я бы добавил: не только в биосоциальном, но и в космическо-духовном смысле, ибо тотемы символизировали единство человеческой группы с природно-родовым ландшафтом и с планетарными явлениями.

И через эти общепланетарные явления, отражаемые в виде собственных моделей-тотемов, различные, никогда между собой не соприкасающиеся племена создавали в различных участках Земли подобные природно-культурные очаги цивилизации и космического мышления.

Эта топонимика-тотемизм подтверждает связь людей с явленными природно-родовыми понятиями, что, с одной стороны, свидетельствует о единстве в сознании человека «чужого Я» с образом окружающей среды; с другой стороны, историческая сохранность этих имен подчеркивает уважительное отношение потомков к своим родовым началам, что является одной из наивысших этических норм человечества вообще.

И закончить этот раздел мне хочется опять же словами К. Леви-Строса, который подчеркивал историческую и органическую связь т.н. «первобытного мышления» с современными космоэтическими представлениями: «Все цивилизации ...по мере своего распространения вбирали в себя элементы «первобытного» образа жизни, «примитивного мышления», «примитивного» поведения... Незаметно для нас такие «примитивные» элементы видоизменяют эти цивилизации изнутри» (с.31).

«Ум в состоянии понять мир только потому, что сам ум есть часть и продукт этого мира... Стараясь уразуметь мир, ум действует способами, по виду не отличающимися от тех, что разворачивались в мире с начала времен... Разум и тело не утратили своего древнего единства... Так называемые первобытные культуры... побуждают нас к тому, чтобы отвергнуть разрыв между умопостижимым и чувственным и раскрыть тайную гармонию между вечным поиском человечеством (своего назначения — В. Б.) и миром, где мы появились и продолжаем жить — миром, построенным из очертания, цвета, плотности, ткани, вкуса и запаха (чувств, мыслей и образов — В. Б.).

Структурализм (как способ инвариантной трансформации объектов и их свойств — В. Б.) учит нас больше любить и почитать природу и населяющих ее живых существ (во всем их органическом единстве — В. Б.), понимая, что растения и животные, как бы скромны они ни были, не только доставляли людям средства к существованию, но с самого начала были источником их самых сильных эстетических чувств, а в интеллектуальном и моральном плане — источником первых и последующих глубоких размышлений» (К. Леви-Строс, с. 353-354).

Культура и этика язычества

Культ (природных стихий, первопредка), по-видимому, дал начало так называемой «народной культуре», отражающей в символическом виде как сами природные события и ритм жизни, так и их отзвук в человеческом мировосприятии.

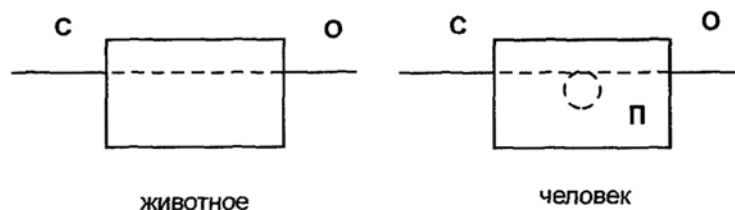
«Идея символических форм, к которым относятся прежде всего язык, миф, научное познание, призвана преодолеть давний и устойчивый дуализм между методами изучения природы и методами изучения самого человека» (В. П. Казначеев, Е.А. Спирин. Космопланетарный феномен человека. — Новосибирск: Наука, 1991, с. 158).

Человек как «символическое животное» выделился из животного мира тогда, когда стал на своем внутреннем экране отражать окружающий мир и свои представления о нем в виде символов, являющихся интегрированными информационными образованиями.

Существо, овладевшее способом создавать в своем сознании модель мира как систему символов, систему, живущую в своем собственном пространственно-временном измерении, и стало Человеком.

Отличительной особенностью человека от других природных объектов и субъектов является зарождение у него внутреннего тезауруса-модели среды и своего «Я», функционирующей не просто по отражательной схеме «С-О»: «сигнал-ответ», а содержащей активно действующий внутренний цикл памяти (П).

Наличие памяти делало временное существование человека не однолинейно направленным, а уже, как минимум, двухкоординатным (см. П. Успенский), что создавало возможность аккумулировать природные ритмические события жизни и воспроизводить их по собственному усмотрению в любом темпе, масштабируя внешнее время, приводя его к внутреннему времени памяти.

Помимо трансформации времени память человека трансформировала внешние сигналы в более сжатые, более концентрированные информационные сгустки-символы, которые отражали и феномены и суть, главные (для данной ситуации) черты внешних событий. При этом символы, для того чтобы быть узнаваемыми, содержали некоторые черты внешнего подобия (идолы) объектов, а также абстрагировались от тех свойств предметов или явлений, которые в данном случае человека не интересовали.

Простейшим символом-моделью, имеющим утилитарное значение для «становящегося человека», являлись обделанные орудия охоты и производства, искусственно воспроизведенные Homo habilis — «человеком умелым» на основе

подсмотренных в природе предметов и выделенных у них характерных черт и свойств.

Хабилисы были создателями первой (из известных на сегодняшний день для нынешнего витка человеческой расы) культуры — олдувайской, возраст которой, судя по раскопкам в одноименном ущелье Танзании, превышает 1,5 млн. лет, а по якутским находкам — 1,8-3,2 млн. лет.

Хотя хабилисов не все считают родоначальником человеческой культуры и человечества вообще, представляется, что для идентификации Номо в отличие от его животных собратьев критерий наличия памяти и способности воспроизвести по аналогии некие предметы-символы является вполне достаточным. По крайней мере, он значит больше, чем размер мозга, который лишь создает предпосылки для развития ассоциативной памяти, но отнюдь не является необходимым и достаточным условием познания и деятельности человека.

Самым важным из символических изобретений человека было Слово как членораздельный концентрат речевой информации, отражающей свойства и сущность наблюдаемых в природе предметов и явлений, а также реакцию самого человека на взаимоотношения с внешними сигналами.

«Мы... мыслим словами... Материя, которую мы мыслим, есть — речь и словесное понятие... Язык является первоначальной системой эмоциональных звуков и звукоподражаний, выражающих страх, ужас, гнев, любовь и т.д. (т.е. чувства. — В.Б.), или имитирующих стихийные шумы (и другие звуки. — В.Б.), ...которые являются сочетанием звука восприятия и звука аффективной реакции. И в современном языке сохранилось еще множество ономато-поэтических остатков.

Таким образом, язык первоначально является, по существу, не чем иным, как *системой знаков или символов*, обозначающих действительные события или их отзвук в человеческой душе» (К. Юнг. *Либи́до, его метаморфозы и символы*. — СПб, 1994, с. 27).

Тут следует особо подчеркнуть не пассивную роль языка, а то, что слово является символом эмоционально воспринимаемых звуков, т.е. структурно-информационным отражением той энергии, которая возбуждалась соответствующими эмоциями в «теле желаний» конкретного человека. А уже затем слово становится абстрактным символом, отражающим не саму эмоцию звука, а энергетическое сигнальное взаимодействие между людьми, способное отразить и возбудить соответствующее чувственное состояние субъектов.

Слово — символическое имя — точнее устанавливает адресный контакт между взаимодействующими субъектами, формируя из них связанную систему — коллектив, социум. Слово резче абстрагируется от первоначально породивших их эмоциональных звуков, оно является концентрированным информационным сигналом, действующим на уровне тела Разума, помогая общаться индивиду с другими «Я».

При этом не потерявшее своего первоначального эмоционального заряда слово может быть действенным средством и для пробуждения мыслительных и чувственных аффектов, возвращая человека к его природному началу.

«Язык порождается мышлением и порождает мышление. Даже самая отвлеченная система философии является по средствам и по цели своей не чем иным, как необычайно искусственным сочетанием первичных природных звуков» (К. Юнг, с. 28).

Эта одномоментная двунаправленность сигналов внешней среды на внутренний мир человека — его информационно-образный тезаурус и корректировка самой среды человеческим поведением есть суть изначально-деятельного взаимоотношения человека и внешнего мира. В этом взаимоотношении нет первичного и вторичного (по времени) объектов-субъектов. Каждый из них существует в своем пространственно-временном и информационно-духовном измерении. Бессмысленно говорить: среда сделала человека или человек — среду. Они со-существуют сами по себе, но неизменно — в со-общении. И это общение осуществляется посредством тех информационных связей, которые являются одновременно сигналами природной среды и эмоционально-духовного состояния человека.

Еще большим, чем слово, подобием природных звуков, вызывавших соответствующее эмоциональное состояние человека, отличается музыка, ее мелодика и ритм. Музыка содержит меньше конкретных информационных символов, отражающих тот или иной предмет, но она своими средствами полнее отражает эмоциональное воздействие этого предмета. Она более энергична, непосредственно воздействуя на те «либидинозные потоки», которые чувственные проявления «тела желаний» трансформируют в подсознательные ощущения тела Эго, а затем в духовные переживания всего Атмана.

Культура как совокупность символических отражений взаимоотношений человека с окружающим природно-родовым экосом зарождалась в гораздо более синкретичном нерасчлененном виде ритуальных представлений и мистерий. Музыкально-танцевальными, словесно-хоровыми, цветовыми изобразительными средствами люди подражали природному окружению, воспроизводили свое эмоциональное отношение к происходящему, запечатлевали события и свое отношение к ним на языке символов, хранимых в индивидуальной и коллективной памяти, а также в виде графических изображений. Позднее с изобретением печатно-графического способа записи речевых символов в виде иероглифов или азбуки оперативная память человеческая смогла разгрузиться от многих языковых нагромождений, перенося эти символы в словари, энциклопедии и библиотеки, хранящие на материальной основе записи имен, мифов, поэтических и прозаических произведений народного творчества и индивидуальных авторов.

Интегрированность различных форм искусственного символического воспроизводства реакции человека на планетарные природно-социальные явления современного мира является возрождением древней синкретичной культуры, полнее приобщая нас к космическому единству человека и Вселенной. Правда, современная

культура более дифференцирована и индивидуализирована и по форме и по содержанию. Философия, наука, искусство, этика становятся самостоятельными и зачастую обособленными разделами общей культуры. Но эта расчлененность культуры убивает ее изначальную суть — быть духовным посредником между человеком и его природно-социальным экосом, соединяя их в общем когерентном движении Мыслящего Космоса по волнам «Великого Дыхания» Жизненной Волны.

Ощущение этого «дыхания», этих «волн жизни» в природе и в человеческом сообществе у древних язычников и предфилософов было более явным. Поэтому культура как символическое отражение связки человек-космос и этика как осознанное представление о мотивации взаимоотношения людей и природы, поддерживающего общую гармонию жизни, всегда должны помнить о своих началах и на новых витках спиралеобразного развития вглядываться в свое прошлое, сверяя с ним свою суть и роль как ноосферного и духосферного общепланетарного явления.

Древние мифы и легенды образно фиксировали и волнообразный процесс становления и развития Космоса, и сообразный с ним процесс развития человеческих со-обществ, их повседневное бытие и зарождающееся самосознание.

Достаточно вспомнить, что «древние индоевропейцы, язык и культура которых распространились на широком географическом ареале, имели весьма развитые представления о природных космопланетарных процессах и ритмах,... о жизнедеятельности и демиургической, преобразующей роли самого человека. Концентрированно это выразилось в представлениях о макрокосме как мировом дереве и о человеке как микрокосме, неразрывно связанном с макрокосмом» (В. Казначеев, Е. Спирин, с. 167).

«Знаковый комплекс мирового дерева» трансформировался в концепцию Брахмана, возродившуюся в позднейших философских системах в виде идеи всеединства, составляющую центральное ядро современного научного и религиозного знания и культурного феномена.

«В чем современное сознание нуждается больше всего, какова духовная жажда современного человечества?» — спрашивал С.Н. Булгаков и отвечал вполне определенно: «Оно жаждет более всего того, что составляет начало всей философии..., ее альфу и омегу, *положительного всеединства*» (цит. по: В.Н. Акулинин. Философия всеединства. — Новосибирск: «Наука», 1990, с. 25).

«Целью и принципом всеединства» был синкретизм. Эта нерасчлененность бытия и мышления особенно характерна для мифологического вида человеческой культуры, ибо «миф... — это не история, которую рассказывают, а реальность, которой живут» (там же, с. 61).

Это «всеединство» особенно характерно для русской культуры и русской философии.

Русские языческие обряды и праздники, сказки и слова-былины не просто запечатлели образ жизни наших предков, поддерживающих свое бытие в гармоническом единстве с природно-родовыми ритмами, но и создали ту основу

отечественной культуры и духовной нравственности, которая является нашим главным историческим достоянием.

Концепция «народной культуры», развиваемая М.М. Бахтиным, отражает обрядово-ритуальную взаимосвязь природных ритмов, охотничьего и земледельческого образа жизни различных племен и поколений, ритуалы рождения-любви-смерти индивида и его природного прообраза. Связь индивидуальной жизни с явлениями природы образно выражалась во многих архаичных культурах символическим образом «гротескного тела» коллектива-рода.

Однако представляется достаточно суженной (от слова «узкий», а не «судьба») идея праздничности и карнавализации жизни, отделяющая «народную культуру» от других эмоциональных воздействий на человека — его трудовой, бытовой и сугубо интимной жизни.

Наверное, язык, музыка, изобразительное искусство появились как отражение тех эмоционально-чувственных представлений, которые возникали в «теле желаний» индивидуального и коллективного «Я» во взаимодействии с другими людьми и природным экосом, но эти эмоции возникали не только во время празднеств.

Наш предок пел и во время тяжких походов, полевых работ, в уединении с самим собой.

Песня — отражение виденного мира и внутреннего состояния человека привлекала дополнительную энергию извне — из природного окружения и из своих внутренних аккумуляторов для того, чтобы легче было справиться с текущими хозяйственными и телесными заботами.

Волжская «Дубинушка» своей накатывающейся силой и разовым «Эй, ухнем» как бы умножала возможности изнуренных работой людей тянуть лямку, призывая груженую баржу «самой пойти», облегчая труд бурлаков. Протяжно-печальная «Степь да степь кругом» выражала не празднично-карнавальные радости жизни, а глубокую скорбь.

Но эмоции грусти, тоски и печали были не расслабляющим фактором жизни, а скорее, наоборот, позволяли сродниться с природой, выплавав житейские невзгоды, обрести дополнительные душевные силы для трудовой жизни.

Русские хороводы отражали не только праздничное гулянье, но и трудовые ритуалы: «а мы просо сеяли», «во саду ли, в огороде», «у оконца девки прядут».

Отличительной особенностью славянского язычества являются многочисленные мольбы, заговоры, обереги, которыми призывали силы духа на помощь силам телесным.

И это не было пустым молитвенным мистицизмом, ибо духовная энергия часто компенсировала недостаток пранической энергии, вызывая вполне реально ощутимые последствия.

Русские волхвы умели силою своего духа выйти за рамки физического мира туда, где нити времен сплетались воедино, где прошлое и будущее находились на одной обозримой прорицателями плоскости памяти. И это давало им возможность

выступать по отношению к простым людям вещими кудесниками, неся в мир предсказания и пророчества.

Если в мышлении можно выделить две формы: логическую и фантастическую, то лишь подсознательные фантазии на основе зачастую интуитивных представлений человека о себе и окружающем мире создавали шедевры мировой культуры, потому что с их помощью удавалось узреть качественно иные грани мира и жизни.

Первыми такими фантастическими шедеврами были мифы.

В отличие от мифов древнего Востока, где символически описывалось мироустройство и общие космогонические тенденции, мифы-сказки греческой античности и славянского язычества отражали человеческие взаимоотношения богов и героев, персонифицирующих не столько силы природы, сколько личности различной нравственной силы и убедительности.

Мифические персонажи древнего европейства все больше и больше утрачивают свою первичную природность и становятся отражением человеческих взаимоотношений, где природа становится лишь фоном, а не ареной и тем более не причиной действия.

Возникший на этой основе антропологизм как бы вырывает человека из окружающей природной среды, погружая его в мир межличностных взаимоотношений персонифицированных героев.

В мифах и легендах Древней Греции и особенно Древнего Рима герои и боги как бы оторваны от своего природного изначалия. Они все больше и больше предстают как действующие персонажи Истории, а сама история становится областью межличностных взаимоотношений, а не частью природно-родового генезиса.

Разумеется, любая мифология не обошла стороной проблему происхождения мира, в том числе и греко-римская. «Все возникло из безграничного Хаоса — весь мир и бессмертные боги. Из Хаоса произошла и богиня Земли — Гея... Из Хаоса родилась и могучая сила, все оживляющая любовь — Эрос. Безграничный Хаос породил вечный Мрак — Эреб и темную ночь — Нюкту. А от Ночи и Мрака произошли вечный свет — Эфир и радостный светлый день — Гемера. Свет разлился по миру, и стали сменять друг друга ночь и день.

Могучая благодатная Земля породила беспредельное голубое небо — Урана... Уран — Небо воцарился в мире. Он взял себе в жены благодатную Землю. Шесть сыновей и шесть дочерей — могучих грозных титанов — было у Урана и Геи». (Легенды и сказания Древней Греции и Древнего Рима. — М.: «Правда», 1990, с. 15).

Эти боги-титаны и дали миру солнце и звезды, луну и ветры, реки и горы.

На этом природно-космогоническая часть древнегреческой мифологии по сути и окончилась, ибо дальнейшая жизнь богов была посвящена их борьбе за верховную власть и вечным противостоянием отцов и детей.

Младший сын Урана — коварный Крон — хитростью низверг своего отца и отнял у него власть. Однако и он, опасаясь подобной участи при аналогичных действиях со стороны своих детей, безжалостно проглотил пятерых: Гестию (у

римлян — Весту) — богиню домашнего очага, Деметру (римскую Цереру) — богиню плодородия, Геру (Юнону) — покровительницу женщин, Аида (Плутона) — бога смерти и Посейдона (Нептуна) — бога воды.

Но опять-таки младший сын Крона и Реи — громовержец Зевс (у римлян — Юпитер) восстал против своего отца, вызволил своих братьев и сестер и утвердился на Олимпе как повелитель богов и людей.

«Пируют боги-олимпийцы. Прекрасные хариты (грации) и музы услаждают их пением и танцами. С Олимпа рассылают людям Зевс свои дары и утверждает на земле порядок и законы... У трона Зевса стоит хранящая законы богиня Фемида... Но хотя посылает людям счастье и несчастье Зевс, все же судьбу людей определяют неумолимые богини судьбы — мойры (у римлян — парки). Судьба самого Зевса и в их руках. Властвует рок над смертными и над богами» (там же, с. 21-22).

Все дальнейшие деяния богов, включая и их перекрестные браки, нравственные поступки, превращения и скитания, переселения с Олимпа в подземное царство Аида и по островам Океана отражали и стимулировали подобные действия героев и царей, живущих в различных уголках Средиземноморья.

Языческие боги становятся людьми. И треугольник: природа — люди — человек надолго заменяется диадой: Я — Мы. Но это всего-навсего перенесение на плоскость того объемного мира, в котором только и возникло и существует человечество. Забвение природно-космического начала и предназначения Человека и сведение всего и вся к межличностным отношениям привело к утрате объемного зрения, атрофированию системного мышления, потере мудрости бытия. И начался этот «закат Европы» с того этапа древнегреческой мифологии, когда боги и богини спустились с Олимпа на землю и поселились среди людей.

Три главных мотива определили поступки людей и богов: борьба за власть над окружающими путем походов, войн и поглощением соперников; радость жизни, порождающая вечное празднество в общении с музами и чревоугодничество; вечная любовь не как средство к продолжению жизни, а как проявление избытка жизненной (пранической) энергии.

Даже могучий Зевс, не знающий соперников, испугался предсказания мойр — богинь судьбы, что сын богини Метис свергнет его с престола и отнимет у него власть над миром. Он, усыпив богиню Разума ласковыми речами, проглотил ее прежде, чем та родила ожидавшихся сына и дочь. История умалчивает о дальнейшей судьбе сына богини Метис, а дочь — богиня Афина-Паллада — могучая воительница, богиня мудрости и справедливой войны, покровительница мужчин-воинов и женщин-рукодельниц — вышла на свет из головы самого Зевса и стала его любимой дочерью. Так из союза Разума и Могущества появилась Мудрость.

Гера — не только жена, но и старшая сестра Зевса, отличалась и красотой и гневом, и ревностью и жестокостью по отношению к своим соперницам, родившим от Зевса немало богов и героев. Богиня Ио родила Зевсу сына Эпафа — первого царя Египта и родоначальника поколения героев, к которому принадлежал и могущественный Геракл; Латона (Лето) — златокудрого Аполлона и дочь — близнеца

Аполлона — девственную охотницу Артемиду; Майя (нимфа гор) — бога Гермеса — покровителя всех путников; нимфа Диона — прекрасную Афродиту. Великое множество других детей Зевса от разных богинь и земных женщин наполнили земли Древней Греции, ее воды и небо сонмищем перемешавшихся меж собой богов и героев. Такая плодовитость была свойственна и самим жителям этого благословенного края, а их свободная любовь стала своего рода символом свободного проявления эротических желаний и чувственных эмоций еще не освободившихся от стадного состояния представителей полигамного человеческого существа.

Но принцип моногамии как индивидуализации взаимоотношений разнополых человеческих существ, как основа будущего семейно-родового уклада возобладали на Олимпе.

Триста лет брак Зевса и Геры был тайным, пока Зевс не объявил открыто Геру своей женой и царицей богов. Брак ее с верховным богом первоначально означал союз неба и земли, а затем был спроецирован на человеческие взаимоотношения (там же, с. 28). По-видимому, этот брак стал символом официального супружества, законного брака и законного порядка наследования между потомками.

От этого союза родились Гефест — бог огня и кузнечества, неистовый Арес (у римлян — Марс) — бог войны, Геба — богиня цветущей юности, и Илифия — покровительница родов.

Трудно сказать, случайно или нет, но все дети Зевса от его законной супруги Геры не пользовались его отцовской благосклонностью.

Так, например, Арес олицетворял жестокость воинских сражений, тогда как Афина-Паллада — справедливость войны. Геба довольствовалась на Олимпе ролью подносительницы нектара и амброзии на пирах богов, тогда как Афродита была символом всеобщего поклонения.

И именно ей в сравнении с другими великими богинями — Герой и Афиной было отдано юным Парисом яблоко (Евы?) как самой красивой женщине древнего мира.

Не следует ли отсюда, что греческая мифология отразила двухэтапность развития нравственности древней цивилизации.

Вначале был культ свободной любви и поклонения красоте как природному началу, проявившемуся в результате взаимоотношения людей-богов посредством чувственного «тела желаний». И лишь затем — по мере формирования супружества как законоопределенной формы человеческих взаимоотношений — стал проявляться культ семейственности, вносящий и на Олимп черты определенных обязанностей. Так, Геба стала женой обожествленного Геракла, и лишь в этом малоизвестном качестве она канула в Лету истории; а Илифия стала помогать роженицам в их многострадальном супружеском деле, тогда как девственная Артемида (римская Диана) по-прежнему была символом женской свободы.

Плод законного супружества — Гефест — стал олицетворять собой кузнечество как хозяйственное занятие, тогда как Аполлон и Геракл — были символами

свободного времяпрепровождения богов и их геройских подвигов, не несущих в себе никакого бремя производительной деятельности, если не считать очистки Авгиевых конюшен.

Все остальные 11 подвигов Геракла лишь проявляют его силу, мужество и смекалку в противостоянии с чудовищами. Не пользы для, а славы ради.

И вот это стремление людей к славе, к красоте, к радостям жизни стало предметом культа древних греков, дошедшим и до наших времен благодаря мифологии, скульптуре и древним памятникам, во-многом повторенным римлянами как потомками первых греческих язычников.

Римская мифология в отличие от греческой бедна оригинальными сюжетами.

В ней господствует уже не радостное жизнеутверждающее дионисейство с обилием вина, вакханок и фаллическими процессами, а воинствующее грозное марсианство и в перерыве между войнами — чревоугодие и прелюбодеяние.

У древних римлян помимо копий древнегреческих мифов, переиначенных под углом зрения перехода от юной жизнерадостности к зрелому разврату, развивался еще один мотив — семейного и государственного общественного устройства.

Простой гражданин Рима, в отличие от греков, был отлучен от общения с богами. Между ними появились жрецы-посредники, которые вещали молящимся поучения богов, не позволяя людям даже лицезреть статуи богов. В течение 170 лет Рим вообще обходился без скульптурного изображения своих божественных наставников, и даже древняя Веста — богиня домашнего очага, римской общины и Римского государства — олицетворялась в своем храме вечным огнем, поддерживаемым специальными жрицами-весталками.

«С почитением домашнего очага был связан и культ пенатов — добрых домашних богов, охранявших единство и благополучие каждой семьи» (там же, с. 511).

Весь мир для римлянина был наполнен божествами, но в отличие от Древней Греции изошренная система италийских культов отъединяла богов и людей посредством многочисленных жрецов и жриц — понтификов и фламингов, авгуров и гаруспиков, фециалов и арвальских братьев (с. 514).

Поэтому римская нравственность была оказана этими посредниками, проводившими, с одной стороны, политику поддержки домашнего очага и государственной иерархии, а с другой — не мешавшими разнузданным оргиям, жестокости по отношению к рабам и покоренным племенам.

Главной задачей римской культуры было сохранение копий мифологических и скульптурных изображений божеств завоеванных народов, которые переселялись со своей родины в «вечный город», дабы держать весь греческий пантеон под бдительным оком и надзором своих многочисленных жрецов.

Первая римская республика сменилась авторитарным имперским правлением, главной задачей которого было удержать и преумножить награбленное.

Величественные римские дворцы и храмы воспевали не радость жизни, а мощь государства. Территориальные завоевания не могли поддерживаться никакой естественной организующей силой, а требовали все большей и большей силы и жестокости, особенно на периферии, в покоренных римскими легионерами землях.

В самом же Риме резко возрастало социальное расслоение граждан, что не могло не вызвать напряженное состояние общества, державшегося не на силе естества, а на силе штыка и законопослушания.

Это привело и к особому характеру римской культуры. Первым известным по имени римским писателем был цензор Аппий Клавдий Цек (около 300 г. до н.э.), которому приписывают юридический текст — законы 12 таблиц. Римская драматургия (Ливии Андроник и Энний), воспевавшая военные деяния римлян, по форме копировала Гомера.

И даже в эпоху «золотой латыни» в начале новой эры классическая проза Цицерона стремилась, главным образом, приобщить римлян к ценностям греческой философии. Римская литература носила во многом эпигонский характер, (см. Словарь античности. — М.: «Прогресс», 1989, с490). Отношение к искусству преследовало цель прославления римского могущества, поэтому помпезность храмов, общественных зданий, амфитеатров и других построек была заданной существовавшим и правящим общественным мнением стилем жизни. Заимствованный у покоренных народов опыт науки и градостроительства преломлялся через «трезвую римскую целесообразность». Техника арочного строительства позволила создать знаменитые римские виадуки и акведуки, триумфальные арки и монументальные колонны.

С другой стороны, стремление сохранить стабильность и порядок в столь пестром государстве стимулировало развитие законодательных и моральных норм и догм, отражавших исторические и закреплявших сложившиеся социально-нравственные отношения в государстве и в семейном укладе.

Отчасти пародируя, а отчасти подчеркивая живучесть римского стиля жизни, И. Бродский в пьесе «Мрамор» (Минск: «Эридан», 1992, т. 2), устами некоего Туллия, сидящего в тюремной башне, соединяющей Рим со «вторым веком после нашей эры», говорит:

— Смысл Империи — в обесмысливании пространства. Не человек пространство завоевывает, а оно его эксплуатирует... Дело в пространстве, которое тебя пожирает. И побежать некуда, от этого спасенья нет, кроме как только во Время. И отсюда — Башня. Ибо она не что иное, как форма борьбы с пространством. Не только с горизонталью, но и с самой идеей. Она помещение до минимума сводит. То есть как бы физически тебя во Время выталкивает. В чистое Время, в хронос... Ибо отсутствие пространства есть присутствие Времени... Для тебя это — камера, темница, узилище: потому что ты — варвар. Варвару всегда Lebensraum подай... пыль поднимать. А для римлянина это орудие познания Времени. Проникновения в оное. И орудие, заметь, совершенное: со всем для жизни необходимым... Этой камеры

лучше быть не может... Дальше, конечно, только гроб. Там пространства еще меньше. Где пространство кончается, и сам Временем становишься (с. 255-257).

И, обращаясь к бюстам римских классиков, завершает:

— Ну-с, классики. Отрубленные головы цивилизации... Властители умов. Сколько раз литературу обвиняли в том, что она облегчает бегство от действительности! Самое время воспринять упреки буквально. Пора спуститься с облаков на землю. От звезд, так сказать, восвояси к терниям. В Тибра, точнее, мутные воды. Как сказано у поэта... (с. 265).

В этом саркастическом признании отражен смысл и римского бытия и всего последующего за ним, прошедшего сквозь Башню и через наше время.

Просторы Римской империи и сам «вечный город» не создавали богатства духовного многообразия, а, наоборот, сужали мировосприятие гражданина до границ индивидуальной или семейной камеры, выталкивая сознание в беспредельное Время. Но при этом сознание не поднималось, как у греков, от земли — к заоблачному Олимпу, а спускалось «от звезд... в мутные воды Тибра».

И все же Рим — это не простое повторение Греции, пусть даже и в обратном направлении — сверху вниз. Рим — это не только интерпретация древнегреческой философии на новый лад, хотя то, что мы знаем о древнегреческой культуре, дошло до нас по большей части благодаря римским копиям.

Сам Рим знаменателем тем, что благодаря своей «трезвой целесообразности» породил писанные и законом закрепленные основы межличностных нравственных отношений.

«Как в наши дни вошел водопровод, сработанный еще рабами Рима», так и римская нормативная этика, запечатлела аристотелевские, сократовские и платоновские идеи «весомо, грубо, зримо», акцентируя внимание не на взаимоотношения человека с окружающим обожествленным миром, а на взаимоотношения людей между собой в процессе земного бытийного сосуществования.

Природная нравственность древних греков, отражавшая вольные взаимоотношения людей, героев и богов, в Риме получила прописку как некая «инструкция», и благодаря этому канонизированному виду дошла и до наших дней в виде этических норм и наставлений.

И тот же Тулий И. Бродского возглашает:

— Читай инструкцию. Там все сказано (с. 223).

Синкретичность античной этики

«Гений — глаз, обращенный к иной, невидимой людям действительности, и, как таковой, проводник и носитель солнечной силы в человеке, ипостась солнечности. Солнце поднимает растение сверху, влага растит его снизу: таково

отношение гения и таланта к творчеству... Не гений плодоносит в художнике, а талант...

Для истинного творчества необходимы вместе влажный и теплый элемент таланта и огневой элемент гения» (Вяч. Иванов. Родное и вселенское. — М.: «Республика», 1994, с. 74).

Так и дошедшая до нас античная культура оказалась плодотворной благодаря гениальности древнегреческих мудрецов и таланту их римских интерпретаторов.

«Греческая душа и римский интеллект — вот что это такое. Так различаются культура и цивилизация», — писал О. Шпенглер (Закат Европы. — М.: «Мысль», 1993, т. 1, с. 164).

Греция родила европейскую культуру, а Рим — с его «трезвой целесообразностью» — заложил основы потребительской цивилизации, окаменив, уплотнив «мир желаний» в мраморные застывшие скульптуры, храмы и каноны. Разумеется, без этого «грубого, весомого, зримого» отражения духовного изначалия общества под названием «Мы» для нас остались бы недоступными тонкие нити полевого мира, восходящего к полноте взаимосвязи «Брахман-Атман». Чтобы прочувствовать, познать и воспринять полноту мира и нравственную сущность человеческого со-общества, нужна была мудрость.

Обычно историю этики как пробудившейся в человеке самосознающей личности возводят к Семи греческим мудрецам, выбиравшимся на специальных состязаниях во время Пифийских игр в честь Аполлона в Дельфах. И лейтмотивом их нравственных сентенций следует считать не «подчинение человека всеобщему закону гражданского полиса — государства, как пишут авторы «Краткой истории этики» А.А. Гусейнов, Г. Иррилитц (М.: «Мысль», 1987, с. 14), а тезис «познай самого себя» как отражение взаимоотношений человека с окружающей природной (обожеествленной) средой и собственной сущностью.

Этот тезис, приписываемый чаще всего Хилону из Лакедемона, впоследствии в устах Сократа стал целевой установкой познающей и деятельной человеческой жизни.

«Деятельность человека в ее самом общем значении представляет собой самопознание природы» (В.С. Егоров. Философский реализм. — М., 1994, с. 197). Это сегодня, в век крушения меркантильных идеалов потребительско-накопительской цивилизации, проявляется как новая парадигма человечества. Но своими корнями самопознавательная деятельность человека уходит в далекие античные времена, когда индивидуальный человек стал перекрестком природных и родовых взаимоотношений.

И любопытство как врожденный посыл к самопознанию всегда было и остается одним из главных побудительных стимулов человеческой деятельности.

Одного из семи мудрецов — Фалеса Милетского — «спросили, что на свете трудно? — «Познать себя». Что легко? — «Советовать другому» (Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. — М.: «Мысль», 1979, с. 74).

Гениальность древнегреческих мудрецов в том и заключается, что они не просто поняли, а отразили и зафиксировали на входной колонне Дельфийского храма Аполлона эту житейскую человеческую мудрость. Тем самым на многие века дали пищу талантам, которые взращивали и раскрывали как бутон у цветка эту природную цель человеческого самопознающего бытия.

Как это перекликается с высказыванием ученика Конфуция — древнекитайского мудреца Мэн-цзы: «Тот, кто до конца использует свои умственные способности, тот познает свою природу. Кто познает свою природу, тот познает небо. Сохранять свои умственные способности, заботиться о своей природе—это (путь) служения небу... Все вещи находятся в нас. Нет большей радости, чем при самопостижении обнаружить искренность» (Древнекитайская философия в 2-х томах. — М.: ПринТ, 1994, т. 1, с. 246).

Схожесть мыслей о человеческом самопостижении природы как главном смысле жизни у представителей столь различных школ античной этики делает этот тезис основанием для всех последующих нравственных норм и правил.

Сущность античной этики — не в сентенциях мудрецов, а в том, что «мораль просто органична самой практической жизни древних греков... У Гомера нет рассуждений о смысле жизни... Этическими рамками для Гомера, как и для греков вообще, являются законы бытия, а не предписания голого долженствования» (А.А. Гусейнов, Г. Иррлитц, с. 21).

Гомер не описывает взаимоотношения богов. Он в своих поэмах запечатлел героев, действующих как бы по внутреннему повелению, а на самом деле — по предопределению всеобщих судьбопрорицателей — мойр и предначертанию божеств. Эта взаимообусловленность личностной мотивации и следования судьбе — отражение высшей нравственной цели бытия — гармонии личного, коллективного (божественного) и природного (судьбоносного).

Божества у язычников, в т.ч. античных, отражали коллективистское начало в человеке, его «чужое Я», с которым герой взаимодействует непосредственно. Судьба же, рок не есть нечто раз и навсегда заданное. Она определяет природную спиральность бытия: уйти, чтобы вернуться. А скорость этого возвращения и состоятельная мудрость, накопленная за время жизненного витка, определяется личностными качествами человека.

И Одиссей, вернувшийся из многотрудного плавания за золотым руном, становится богаче не привезенным имуществом, а опытом жизни, выдержавшей испытание судьбой и оттого приумноженной любовью к родине, товарищам, жене.

В поступках Одиссея личностная игра страстей, проявляющая его «тело желаний», сдерживается и контролируется разумной рассудительностью, привносимой взаимоотношениями с богами, в частности с Афиной, останавливающей занесенный им в порыве гнева меч на Агамемнона. Так коллективное, соборное начало посредством тела Разума управляет чувственно-эмоциональными поступками героя.

Но по мере того, как разъединяется человеческая среда общения и среда действия божеств, олицетворяющих обобщенные качества людей, непосредственное взаимодействие «Я» и коллективного «чужого Я» заменяется условными этическими нормами, призванными достичь того же эффекта управляющих воздействий общества на поступки индивида.

Гесиод, которого авторы «Краткой истории этики» называли «первым моралистом в истории европейской культуры», в своей назидательной поэме «Труды и дни» занимается нравоучительным противопоставлением порожденным социальным неравенством обману и наживе добродетельного труда и справедливости, которые способствуют честному обогащению человека.

У Гесиода «следование нравственному идеалу разумно, ибо прямо сопряжено с пользой, выгодой и... утилитарные соображения необходимости следования моральным нормам дополняются авторитарными» (с. 25). У моралиста Гесиода верховный бог Зевс — карающий меч за совершение людьми несправедливых деяний.

Моральные наставления древнегреческих мудрецов-этиков предвосхищают многие христианские догмы и правила.

Например, у того же Фалеса:

— Какая жизнь самая лучшая? — Когда мы не делаем сами того, что осуждаем в других. (Диоген Лаэртский, с. 74). Солон Саламинский завещал:

— Прежде чем приказывать, научись повиноваться (с. 81).

Бианит из Приены, считавшийся первым из семи мудрецов:

— Из молодости в старость бери припасом мудрость, ибо нет достояния надежнее (с. 90).

Многие мудрецы, а впоследствии и греческие и римские философы постоянно подчеркивали один и тот же тезис: «Лучшее — мера» (Клеобул), который Аристотель впоследствии возвел в один из главных нравственных принципов: *«Самое большое зло — впасть в крайность»*.

Разумеется, отдельные сентенции мудрецов не дают сколь-нибудь связного представления об античной этике, а ее систематизированное хотя бы и пунктирное изложение достаточно громоздко в силу обилия тех ростков, каждый из которых впоследствии образовал свою школу. Эти школы сталкивались, враждовали и сплетались в общий клубок античной этики, которая и до сегодняшних дней является наиболее полным отражением правил и норм человеческого общежития.

Поэтому в этом своде-лабиринте образно выраженных и дидактически прописанных моральных истин можно не заблудиться лишь в том случае, если в качестве аriadниной нити взять стрелевую идею всеединства — взаимозависимости нравственных начал в человеческом общении от общей спиралевидной динамики окружающей природно-родовой среды.

Высшее благо — цель жизни — стремление привнести в эту среду больше духовного, разумного, творческого. Взаимоотношения с окружающим миром — путем

большей открытости в обе стороны, с процеживанием сквозь себя всей познающей и деятельной информации и трансформацией ее в продукты более высокой творческой потенции.

Разумный эгоизм — действие не по принуждению, а по внутренней потребности, а собственные моральные критерии есть продукт совместного производства внутренних эмоциональных стимулов и коллективных начал, побуждающих когерентное действие индивидов в общем потоке негэнтропийного развития личности, коллектива и природной среды.

Рассматривая античную этику под этим углом зрения, нетрудно убедиться, что она, с одной стороны, отождествляя божественное и коллективное, дала мощный стимул развития социальной нравственности. С другой стороны, в ней оказались сдвинутыми на задний план этические нормы природной нравственности, когда человек рассматривается не только как член социума, но как часть Космоса, «резюме Вселенной».

Истина есть всеединство, т.е. понимание части и целого не по принципу вложения одного в другое, а понимание человеческой монады как особого сгустка общего материального мира, когда часть и целое в сути своей тождественны, равновелики, равнозначны; хотя и несоизмеримы.

«Во всякой пылинке — бесчисленное множество Будд» (Ч. Элиот). Поэтому «познать самого себя», познать в себе Атмана — это значит познать сущность всего брахманического мира, познать истину. И это познание шло двумя встречно параллельными путями: путем накопления, дифференциации и классификации знаний и путем поиска того обобщающего стржня, который определяет весь поток жизни.

Мудрость, в поисках которой развивалась античная философия, разделяющаяся на физику, логику и этику, состояла именно в поисках такой нерасчлененной синкретичной истины.

Но по мере дифференциации знаний философы не приближались, а отдалялись от истинной мудрости, ибо понимания всеединства в мифологии было больше, чем во всех последующих философских трактатах.

И все же сегодня, возвращаясь на новом витке спирали к первоосновам истинного понимания человеческой роли в мире, мы с благодарностью должны вспомнить о величайших антиках, ибо только идя по их стопам, мы получили возможность не интуитивно-чувственно, как первобытный «становящийся человек», а с опорой на Разум и на Дух (Веру, но не религию) подняться до осознания Себя как мыслящей Вселенной, до состояния полновесного Атмана со всем множеством его полевых и физических проявлений.

Попробуем, придерживаясь этой ариадниной нити, проследить, как формировалось во времена античности это полновесное представление об Атмане как человеческом подобии окружающего мира. Оставляя в стороне генезис чисто физических и метафизических представлений об окружающем мире, сконцентрируем внимание на тех этических посылах античной философии, которые, развивая

нравственные начала человеческого поведения, не теряли из виду стремление к истине всеединства.

Однако «этика есть философия доброй воли, а не только доброго действия» (Э. Кант).

Воля формируется в теле Разума как осознанный симбиоз удовольствий, возникающих в результате инстинктивно-чувственных желаний, компромисса с «чужими Я», и осознания своей непротиворечивости стрелецким тенденциям развития окружающего природно-космического мира. Воля направлена на действия, совершаемые во благо своего «Я», понимаемого во всем своем атманическом всеединстве. «Я» всегда поступаю в соответствии со своей волей, но эта воля обусловлена собственным пониманием Блага, определяемым приверженностью устоям общества и нравом своего Эго.

«Воля — это личность в человеке» (М. Гершензон. Тройственный образ совершенства — Томск: «Водолей», 1994, с. 47). Но *Личность есть продукт отцовского организующего начала и материнской чувственной сущности.*

Этика поступков обусловлена как внешними правилами, так и внутренними побуждениями. В слитности внешних и внутренних мотивов кроется истинная нравственность. Сами правила формируются людьми, познавшими объективные законы природы и общества. И внутренняя воля не есть нечто врожденное, а есть оформившееся в человеке соединение его чувственно-эмоциональной подсознательной мотивации и отраженных в теле Эго природных закономерностей.

Недаром Гераклит — мудрец, ученый и моралист, подчеркивая внутреннее единство мира, говорил: «Мудрость состоит в том, чтобы говорить истинное и чтобы, прислушиваясь к природе, поступать с ней сообразно... Необходимо следовать всеобщему...» (цит. по: Краткая история этики, с. 34, 37). Однако общая верность этого тезиса подразумевала не взаимно однозначное соединение частного и общего мотива действия, а подчинение индивида всеобщему, т.е. благу полиса, государства.

Истинная же мораль — *это не мораль подчинения, а непрерывный синтез нравственности как совместного продукта человеческого «Я» и взаимодействующего с ним природного и коллективного окружения.*

При этом не следует придерживаться крайностей. Не прав Анаксимандр, учащий, будто «части изменяются, целое же остается неизменным» (Д. Лаэртский, с. 103). Не среда создает человека и не человек — среду. Изменяется и то и другое. И в процессе этого совместного изменения, хотя и с разными темпами и в разных пропорциях, создается та структура полевого тела Эго и тела Разума — та внутренняя воля, под влиянием которой человек и формирует свои помыслы и совершает поступки.

В этой дозировке эмоционально-чувственного вклада и воздействия среды на характер нравственной воли и заключаются многие несхожести различных этических школ античности, хотя каждая из школ вносила свою лепту в формирование общечеловеческих этических принципов, сводом которых мы руководствуемся и по сей день.

Сократ, более других сосредоточившийся на поиске критериев морального бытия человека, акцентировал внимание не на внешних мотивах поведения индивида, а на внутренней сознательно-эмоциональной мотивации поступков.

«Благо — не что иное, как удовольствие... Людей достойных и честных я зову счастливыми» (цит. по: Краткая история этики, с. 97, 81).

Все добродетели для Сократа являются разновидностями знания: «Есть только одно благо — знание и одно только зло — невежество» (Д. Лаэртский, с. 113). Однако знать, что есть добро, а что зло, недостаточно, ибо нравственная воля не есть логически скроенная конструкция. Она претерпевает совершенно неожиданные метаморфозы, познать и спрогнозировать которые в принципе невозможно. Его знаменитый афоризм, что «он знает только то, что ничего не знает» (там же, с. 113) хорош именно как афоризм, как признание беспредельности мира знаний. Лишь вера во внутренний голос — собственный «даймон» — индивидуальную совесть — была основой и главным мерилom человеческих поступков. «Для Сократа жить в ладу со своей совестью — главное» (А.Ф. Лосев, А.А. Тахо-Годи. Платон-Аристотель. — М.: «Молодая гвардия», 1993, с. 114).

Противостоя «сильному человеку» Калликлу, стоящему над толпой по праву, «когда лучший выше худшего, а сильный выше слабого», Сократ заставляет признать своего оппонента, что если лучшее — это сила, то мораль, установленная многими, сильнее, а потому она лучше отдельного гордого индивидуалиста (с. 115). Однако и у Сократа и у его последователей (по известным источникам) не просматривается путь конструирования нравственных начал жизни на основе сочетанного влияния на внутреннюю поведенческую мотивацию сил тела Разума и тела Желаний, а сами эти тела существуют как бы в отрыве от внешнего природного и коллективного воздействия.

Правда, и Сократ и его последователи учили умению отобрать из внешнего мира лишь то, что служит благу самого человека, а мерилom морали считали «соответствие человеческих поступков законам природы» (с. 16).

Сократ говорил, что «чем меньше человеку нужно, тем ближе он к богам,сам он ест, чтобы жить, а другие люди живут, чтобы есть» (Д. Лаэртский, с. 112, 114), а его ученик Киренаик Аристипп учил: «ученый — это не тот, кто много читает, а тот, кто читает с пользой» (там же, с. 126). При этом полезным считалось лишь то, что удовлетворяло человеческую потребность в наслаждении и в умении властвовать над ними.

Тех, кто овладел обычным кругом знаний, а философией пренебрегал, он (Аристипп) уподоблял женихам Пенелопы, которые сумели подчинить себе Меланто, Полидору и остальных рабынь, но не могли добиться брака с их госпожой (с. 129). Говоря преимущественно о чувственных телесных наслаждениях, он различал благо и счастье: благо есть частное наслаждение, а счастье — совокупность частных наслаждений, включающая также наслаждения прошлые и будущие. Для него разумение есть благо, ценное не само по себе, а лишь благодаря своим плодам, приносящим наслаждение.

Поэтому Аристипп ушел от Сократа к Дионисию. У одного он учился мудрости, у другого — развлечениям. Это сочетание позволило киренкам создать свою этическую школу, лейтмотивом которой была самоценность конкретного индивида в его преимущественно чувственных проявлениях. Другой последователь Сократа — киник Диоген — наоборот, считал, что «дурные люди в рабстве у своих желаний» (с. 255), а аскетизм живущего в глиняной бочке философа, питавшегося одними бобами и бродящего по снегу босиком, стал нарицательным.

«Само презрение к наслаждению благодаря привычке становится высшим наслаждением... Это было переоценкой ценностей, ибо природа была для него ценнее, чем обычай» (с. 257). Сила его убеждения была настолько велика, что даже Александр Македонский прислушивался к голосу философа и заявлял, что не будь он Александром, хотел бы стать Диогеном.

Гораздо более синкретичным было понятие счастья и добродетели у Платона. *Благо определяется им как единство истины, добра и красоты.*

«Благо бывает душевное, телесное и стороннее. Душевное благо — это, например, справедливость, разумение, мужество, здравомыслие и прочее подобное. Телесное благо — красота, хорошее сложение, здоровье, сила. Стороннее благо — друзья, счастье отечества, богатство» (Д. Лаэртский, с. 173). Принимая душевное благо — наивысшим, Платон разделяет душу на три части: «разумную, вожделительную и страстную. Из них разумная часть есть причина намерения, суждения, понимания и прочего подобного. Вожделительная часть души есть причина позывов к еде, к соитию и прочего подобного. Страстная часть есть причина мужества, наслаждения, боли и гнева» (там же, с. 176).

Это разделение, по сути, предопределяет многослойность (многодельность) человеческого существа — Атмана. Каждое тело проявляется своими сторонами многогранного Блага. Приобщиться к этому Благу человек может посредством синтеза разумения и удовольствий. «В итоге получается иерархическая система благ, где внешние блага подчиняются телесным, телесные — душевным, душевные — интеллектуальным» (Краткая история этики, с. 103).

Однако любая иерархия — это не однонаправленный процесс раздачи управляющих воздействий сверху вниз. Чтобы образовалась сама иерархия, верхние слои «священной власти» должны быть вычленены, вспенены перемешиванием всех слоев, в результате чего хаотичное движение отдельных частиц превращается в их когерентное направленное движение вдоль стрелковой спирали развития. Иерархия не приносится в систему извне, она формируется в результате самоорганизации системы под одновременным действием двух противоположных тенденций: стремлением власти закрепить действующий порядок (энтропийный процесс) и стремлением низов всплыть «во власть», перемешивая частицы и слои (негэнтропийный процесс). И оба эти процесса — одновременны.

Поэтому подчинение — это некое квазиустойчивое состояние. И нет первичных благ и вторичных. Есть лишь их диалектическое единство.

И когда Платон пытается ранжировать моральные добродетели по их приоритету, придавая в своих «Законах» пальму первенства идее справедливого государства, управляемого мудрым государем, с законопослушными гражданами, то он предаёт своего учителя Сократа, по сути становясь идеологом сильного властелина — Калликлы, осмеянного им же устами Сократа в своем раннем диалоге «Горгий».

По мнению Платона, «человек становится нравственным существом по мере того, как выходит за границы своего частного бытия, умеет взглянуть на себя в свете целого, всего общества, наполнить свою индивидуальную жизнедеятельность общезначимым общественным содержанием. Для него приоритет духовных стремлений перед чувственно-телесными означает в то же время приоритет общественного перед частноутилитарным» (Краткая история этики, с. 112).

Однако любая хорошая идея, доведенная до крайности, становится абсурдом. Так и у Платона примат общественного над частным перерастает в полное подчинение личности законам государства:

«Ничто так не способствует людской добродетели, как законодательство и основание государств» (цит. по кн.: Разум сердца. — М., 1990, с. 55).

«Идеальный индивид Платона должен руководствоваться не собственным благом, а благом государства, он становится хорошим гражданином только в качестве абстрактной единицы, ценой разрушения собственной конкретности» (Краткая история этики, с. 109).

Платон «создал теорию общего как закона для единичного» (А.Ф. Лосев, А.А. Тахо-Годи, ЖЗЛ, с. 171). Но выдвигая как общее — идею (привнесенную в государство мудрецами и исповедуемую правителями), а как единичное — индивидуальные устремления отдельной личности, Платон становится по сути догматическим идеалистом. И все его попытки реализовать идеальное государство на Сицилии, в Сиракузах терпят естественный крах, т.к. предлагаемое им статичное устройство общества с раз и навсегда заданными законами противостоит естественной живой природе.

И все предыдущие и последующие проекты идеально устроенного государства в соответствии с древнекитайским принципом общества «датун», типа «Солнечного города» Кампанеллы, Парижской коммуны и Советского государства, не удавалось реализовать в основном потому, что самая прекрасная идея Блага и Справедливости, доведенная до абсолютизма, омертвляет систему.

Идея «датун», когда «поднебесная принадлежит всем» (см. Древнекитайская философия, т. 1, с. 46) содержала в зародыше идею утопического коммунизма. А возможную реализацию этой идеи очень ярко и образно нарисовал В. Тендряков в романе «Покушение на миражи»: мертвый город, где верховный правитель Сол осуществил идеи всеобщего равенства Томмазо Кампанеллы. Ибо мир без естественной разности потенциалов составляющих его частей, в т.ч. и естественного неравенства людей, неминуемо приходит к смерти. Поэтому любая самая благородная мораль, возведенная в догму, становится при реализации причиной разрушения и нравственности, и самой жизни. Но следует различать конкретную

идею, конкретную законопрописанную государственную мораль Платона от его же общей убежденности в необходимости постоянного идейного переосмысливания и реконструкции действительности.

Именно ранний Платон, воспевающий в «Пире» вечное творчество, а не автор «вечного повиновения Законам», был и остается основателем умопостигаемой (интеллигибельной) этики как истинной непрерывно раскрывающейся науки о нравственности.

«Добрые нравы имеют большее значение, чем хорошие законы», — писал римский историк Тацит.

Дело не в противопоставлении писаных и неписаных моральных правил.

Догмы Конфуция, десять нравственных добродетелей Аристотеля, нравственные письма Сенеки, заповеди христианства, «Нравственные основы жизни» Ф. Вейса, «Живая этика» Рерихов, «Моральный кодекс строителя коммунизма» — сколько было и будет этих «канонов». Но любая попытка абсолютизировать те или иные нравственные нормы заранее обречена на провал не только по причине исторической относительности взаимоотношения людей между собой и с окружающим миром.

Беспочвенна сама попытка ранжировать эти нормы, выстраивая их по иерархии значимости в соответствии с мнимой иерархией тел Атмана: общее выше индивидуального (Соборность над Эго), разум выше чувственного «тела желаний» и т.п.

В многогранном мире нет точки отсчета, нет доминанты и среди тел Атмана, являющихся соответствием этим граням. Не физическое порождает духовное, и не плотное тело формируется по образу и подобию полевой модели. Они взаимно порождают друг друга. Спираль жизни навивается на тор, в котором нет начала и нет конца.

И нравственные Блага как результат взаимоотношений атманических тел человека и соответствующих граней окружающего мира сосуществуют и развиваются за счет взаимопроникновения сущностей и их проявлений (эйдосов и энтелехий).

Душа подпитывает физическое тело, а тело — душу одновременно. Подобно тому как «мышление есть непрестанный синтез познаваемого с познающим» (П. Флоренский), этика есть непрерывный синтез познавательно-поведенческого взаимоотношения человека с окружающим миром.

Человек познает мир и формирует окружающую среду одновременно. А среда — это не только человеческое сообщество, но и природный мир, самопознающей частью которого является сам человек.

Поэтому этика не должна ограничиваться лишь видами межличностных отношений. Этика — это очеловеченные отношения в нашем экосе, где всеобщее стремится к уравниванию, а индивидуальное — к разрыву кольца жизни и выходу на новый виток спирали.

Этика — не есть фотография отношений, она — продукт и причина этих отношений в системе будстрапа (обратных связей) между идеальным и физическим, между природным и человеческим.

Античная этика сформулировала «едва ли не все возможные образцы нравственного совершенства личности: евдемонизм, стремление к счастью как высшей ценности (Демокрит, Аристотель); гедонизм, этический культ чувственных наслаждений (Аристипп); кинизирующий аскетизм, сведение потребностей к природной первооснове (Антисфен, Диоген); волюнтаризм, своеволие «сильной» личности (младшие софисты); морализирующий интеллектуализм, отождествление добродетелей и знания (Сократ); созерцательно-духовная деятельность (Платон); внутренний покой (эпикуреизм); внутренняя стойкость (стоицизм); внутренняя невозмутимость (скептицизм); нравственно-очистительный аскетизм (неоплатонизм)» (Краткая история этики, с. 198).

Пожалуй, из всех античных философов ближе других к пониманию истинной многогранной цели жизни подошел Зенон, заявивший, что *«конечная цель — это жить согласно с природой, и это то же самое, что жить согласно с добродетелью»* (Д. Лаэртский, с. 295). Природа создала человека, и следование ей естественно для любого живого существа.

Но и человек — не просто повторение чьего-то образа. Он сам создатель собственного окружения, своей семьи, своего дома, своей среды обитания — своего экоса. И он же — создатель своего Эго.

Благо

Первым, кто не просто ввел само понятие «этика», а образовал его как синоним понятию «экос» (дом, среда обитания), был Аристотель.

«Древнегреческое слово «ethos» первоначально, еще во времена Гомера, означало привычное место обитания (человеческое жилище, логово зверей), а впоследствии приобрело новый смысл: обычай, нрав, характер, образ мыслей» (Краткая история этики, с. 113). Античная философия пользовалась этим термином для обозначения сущностных, характерных, устойчивых свойств какого-либо явления, возникающего в результате взаимодействия человека и живого мира с окружающей средой.

Этология как наука о поведении животных в естественных условиях трансформировалась в экологию как более общую науку о взаимоотношениях живых существ между собой и с окружающей средой. Думается, что и понятие «ethos» — племя, народ — берет свое начало от того же корня, а экономика как искусство ведения домашнего хозяйства созвучна исходному слову «экос».

От этого же изначального понятия Аристотель вывел и слово «этика» как нравственную добродетель, рожденную устойчивой привычкой межличностных отношений в «экосе». При этом добродетель описывается как «золотая середина» между двумя конфликтующими нормами — между пороками (см. Аристотель. Соч. в 4-х т. — М.: «Мысль», 1984, т. 4, с. 703).

«Все то, чем мы обладаем по природе, мы получаем сначала как возможность (dynamis), а затем осуществляем в действительности (tas energeias apodidomen)» (там же, с.78).

«Способности в нас от природы, а добродетельными или порочными от природы мы не бываем» (с. 84).

«Добродетель... возрастает благодаря тем поступкам, благодаря которым она возникла, но она гибнет, если этих поступков не делать» (с. 82).

Примечательным в этих цитатах является трактовка добродетели не как чего-то врожденного, а как становящегося (развивающегося) благодаря действию.

Цель человеческого познания и действие — счастье, а «для счастья нужна и полнота добродетели, и полнота жизни» (с. 69).

Понятие «счастье» у Аристотеля, как и понятие «благо» у Платона многогранно. «Счастье есть совместная полнота трех благ: во-первых ... душевных; во-вторых, телесных, каковы здоровье, сила, красота и прочее подобное; в-третьих, внешних, каковы богатство, знатность, слава и им подобное» (Д. Лаэртский, с. 214). Однако он не выстраивает эти блага в некую иерархию, а говорит об их органической связности, необходимой для человеческого счастья.

Десять нравственных добродетелей, составляющих сущность этих благ, можно объединить в три группы.

Первую из этих групп образуют природные индивидуальные страстно-чувственные качества, относящиеся к нраву: мужество и благоразумие как «золотая середина» между отвагой и страхом, умеренность, в связи с удовольствиями, а также ровность между гневом и равнодушием. Это «добродетели частей души, не обладающих суждением» (Аристотель, т. 4, с. 115).

Вторую группу составляют душевно-разумные качества, проявляемые в отношении с другими людьми: щедрость как середина в отношении к даянию и приобретению имущества; величавость как разумное честолюбие — середина между самоуничижением и спесивостью; правдивость как середина между притворством, лицемерием и хвастовством; пристойность как середина между шутовством и скучностью; доброта (дружелюбие) как середина между угодничеством и вздорностью.

К третьей группе, состоящей из социальных аспектов добродетели, можно отнести справедливость (правосудность) и дружелюбность.

«Справедливость есть некая середина между излишеством и нехваткой» (с. 325). «Справедливость может быть природная и установленная законом... (с. 327), *справедливое от природы выше справедливого по закону*» (с. 327-328).

И все же «всю добродетель в себе правосудность соединяет» (с. 147), ибо правосудность — это коллективно признанная справедливость, ведь «собственное благо, вероятно, не может существовать независимо от хозяйства и устройства государства» (с. 181).

«Вместе люди способнее и к пониманию и к действию» (с. 219), поэтому дружелюбность — «это самое необходимое для жизни». Дружественность мужу и жене дана от природы. Поэтому «человек склонен образовывать скорее пары, а не государства, ...семья первичнее и необходимее государства» (с. 238). Любовь к порожденному тобой — естественная добродетель, поэтому чувство творца — одно из самых сильных. И то, что сотворимо тобой, а еще лучше — совместно — семья, дети, коллектив, государство — вызывает в человеке наибольшее удовольствие и дружественность, перерастающую в любовь.

«Когда граждане дружественны, они не нуждаются в правосудности» (с. 220).

«Добродетель, пишет Аристотель, возникает тогда, когда верно-направленный разум согласуется с движением чувств, а движение чувств согласно с разумом» (Краткая история этики, с. 122).

И даже говоря о третьей — внешней стороне блага, определяемой не индивидуальными добродетелями человека, а его положением в обществе, Аристотель не выпячивает примата общего над частным или наоборот, а подчеркивает гармоничность блага индивида и коллектива, гражданина и государства.

«Этика входит в политику как ее часть и начало (arche)» (Аристотель, т. 4, с. 296).

«Своды законов только тем сослужат добрую службу, кто способен охватить их умозрением и рассудить, что в них хорошо или, напротив, плохо» (с. 292).

Тем самым гармония высшего блага для индивида и общества — достигается не бездумным подчинением гражданина государству, а сознательным формированием и исполнением законов, защищающих разумную сущность Личности.

Здесь Аристотель закладывает основы теории «разумного эгоизма», ибо «человек — по природе существо общественное» (с. 63).

«Если бы все соревновались в прекрасном и напрягали свои силы, чтобы совершать самые прекрасные поступки, тогда в обществе было бы все, что должно, а у каждого частного лица были бы величайшие из благ...

Следовательно, добродетельному надлежит быть себялюбом (ведь, совершая прекрасные поступки, он и сам получит пользу и окажет услуги другим)» (с. 258).

В чертах человеческого характера, стремящегося к добродетельной, т.е. счастливой, жизни, органично присутствуют и врожденные качества, доставшиеся ему по наследству от родителей, и приобретенные как членом рода. Но многого человек может достигнуть и путем индивидуального знания, и воспитания в себе нравственных привычек на пути к истинной добродетельной счастливой жизни.

«В качестве проявлений истины существуют знания, разумность, ум, мудрость...

Существует наивысшая степень всякого знания, но для разумности нет высшей степени... Не знание, а ум имеет дело с первоначалами. Мудрость же (sophia) сложена из знания и ума» (с. 333-334).

«Мудрость связана с вечным и божественным, разумность с полезным для человека» (с. 334).

«Разумность... должна быть исполняющим действием... (Она), словно управитель у мудрости, доставляет мудрости досуг и возможность делать свое дело, сдерживая страсти и вразумляя их» (с. 337).

Однако мудрость Аристотеля — не созерцающая, а активно деятельная. По Аристотелю, «создание и делание — poiesis, исполнение и действие — praxis» (с. 756).

Дав развернутый комментарий к основным видам нравственной добродетели, Аристотель почти не противопоставляет один вид другому, а неизменно подчеркивает их единение в гармонично развитом Человеке. Тем самым он дал более сущностное понимание этики как природно-родовых и индивидуально-коллективных стимулов человеческого поведения, чем многие последующие нравоучения, склонявшиеся к выпячиванию какого-либо одного из многих начал.

В этом отношении Аристотель больше поэт, чем философствующий историк этики.

Мудрость ближе к поэзии, а разумность — к практике.

«Задача поэта — говорить не о том, что было, а о том, что могло бы быть, будучи возможно в силу вероятности или необходимости... Поэзия философичнее и серьезнее истории, ибо поэзия больше говорит об общем, история — о единичном... Историк и поэт различаются не тем, что один пишет стихами, а другой прозой (ведь и Геродота можно переложить в стихи, но сочинение его все равно останется историей, в стихах ли, в прозе ли), — нет, различаются они тем, что один говорит о том, что было, а другой — о том, что могло бы быть (курсив мой — В.Б.)» (Аристотель, т. 4, «Поэтика», с. 655).

Не отсюда ли вывел П. Успенский третью координату времени — линию возможных прошлых или будущих событий, т.е. тот образный мир, который творит в своем сознании мудрец — поэт, мыслящий не простыми информационными символами, а синкретичными образами.

Но мыслительная деятельность — это не созерцание, а энергичное проникновение в неисчерпаемые тайны мира и приобщение к этим тайнам себе подобных.

Многие современные философы (см. напр.: А.Н. Чанышев. Курс лекций по древней философии. — М.: «Высшая школа», 1981) ставили в вину Аристотелю то, что у него «в силу колебаний между материализмом и идеализмом основной вопрос философии (о первичности взаимоотношений бытия и мышления. — В.Б.) выступает в менее явной форме, чем у Платона... В целом Аристотель — панлогист. Он... — сторонник тождества бытия и мышления» (с. 285-286).

Но, может быть, в этом и состоит главная заслуга Аристотеля, который всегда старался найти истину в «золотой середине», не скатываясь в крайности.

Ведь сегодня «философский реализм» спустя две тысячи лет пришел наконец к осознанию отсутствия противоположности бытия и мышления, признав и то и другое взаимодополняющими проявлениями единой материи. И в самом термине «панлогизм» (все мыслимо) нет ничего предосудительного. Ведь человек как самопознающая часть Природы, ее образ, запечатленный в форме многодельного Атмана, существует, потому что мыслит и творит мыслимое одновременно.

В общем круге жизни нет причины и следствия. Они могут проявиться только вдоль первой однонаправленной координаты времени-линии длительности. В общем же случае будущее так же влияет на прошлое не в со-бытийном, а в бытийно-мысленном виде. Подлинная история — это не фактология, а осмысление прошлого исходя из сегодняшних и будущих представлений о стречневом развитии природы и общества. Суть любого явления, любой вещи — умопостижима.

У Аристотеля два критерия сущности: 1) мыслимость, или познаваемость в понятии, и 2) «способность к отдельному существованию» (цит. по А.Н. Чанышеву, с. 291). Эти критерии несовместимы с точки зрения «основного вопроса философии». Но Аристотель, пытающийся постичь суть «вещей самих по себе», не противопоставляет эти критерии, а ищет «золотую середину». Он не сводит сущность к той или иной форме вещества (как Фалес к воде, Анаксимен — к воздуху, Гераклит — к огню), знать истину — это значит, знать причину. «За единственную причину можно было бы признать так называемую материальную причину» (Аристотель. *Метафизика*, т. 1, с. 72). Но под материей понимается и «то, из чего вещь состоит», и то «из чего вещь возникает». «*Материя* имеется у всего, что не есть суть бытия вещи и форма сама по себе, а есть *определенное нечто*» (с. 209).

Такая «нечтость» материи подчеркивает ее всеобщность в отличие от идеи вещи и формы ее существования, которые являются разновидностью материальной «вещи самой по себе».

По Аристотелю, (в изложении А.Ф. Лосева и А.А. Тахо-Годи, ЖЗЛ), «если вещи действительно существуют, то необходимым образом существуют и идеи вещей» (с. 311). «Идея вещи есть сущность этой вещи, ...идея вещи находится внутри самой же вещи... Идея вещи, будучи чем-то единичным, как единична и сама вещь, в то же время является и обобщением всех частей вещи, является некоей общностью (с. 314)... Никак невозможно отрывать общее от единичного и единичное от общего... Необходимо как-то объединить общее и единичное в чем-то одном... И Аристотель... находит эту нераздельность общего и единичного в том, что он называет целым, или цельностью.

Эйдос вещи, будучи некой общностью и некой единичностью, в то же самое время является и определенного рода цельностью» (с. 317).

Если материя есть «нечто», а эйдос означает «чтойность» вещи, ее идею-сущность (стул, скамейка), то только форма вещи придает ей конкретную предметность (конкретный стул, конкретная скамейка). Но Аристотель не только

различал эйдос и форму вещи, но и отождествлял их (не по наивности, а по глубокому разумению) как дополняющие друг друга виды материи. «Его материя — не столько платоновское почти что небытие, сколько жизнерадостная возможность стать всем» (А.Н. Чанышев, с. 299). Эта возможность реализуется в конкретной форме. Но если стул сделать не квадратным, а вытянутым, то он примет не просто форму, а станет скамейкой — новой сущностью. Так новая форма трансформируется в новую сущность вещи. Но эта и любая другая трансформация эйдоса и формы определяют динамичность любой вещи, которая не может существовать и сама по себе и в нашем представлении как нечто застывшее и неизменное. Действительность (энергея) есть одна из реализации возможности (дюнамис).

Энергия вещи может быть представлена как ее структурой с запасенным в ней потенциалом, так и проявляемым действием.

«Противоположности (разность потенциалов. — В. Б.) — суть начала существующего» (т. 1, с. 77).

Динамизм вещи определяется ее квазистатичным состоянием в пространственно-временных координатах. Настоящее — только «миг между прошлым и будущим». И реализация любого возможного состояния вещи — это вероятность ее нахождения в данный момент времени в данном месте. Эта вероятность не всегда равна единице вследствие принципа неопределенности Паули. Разумеется, Аристотель был далек от осознания возможности такой неопределенности, утверждая, что «в одно и то же время быть и не быть нельзя» (т. 1, с. 126). Но трудность исследования истины не только в самих вещах, а в нас самих, в нашем нежелании признать относительность любой истины.

Истинно лишь то, что «вещь, существующая сама по себе», существует и видоизменяется и от нашего отношения к ней. И эта не-разделенность сущего и нашего представления о нем — не колебания, а величайшее открытие Аристотеля, осознанное лишь в наше время пересмотра всех физических представлений. Четыре первоначала Аристотеля: материальное «Из чего?», формальное «Что это есть?», движущее «Откуда?» и «Ради чего?» — не просто суть его метафизического учения, а основные вопросы существования Природы и Человека.

Целевая причина, отвечающая на последний вопрос, у Аристотеля обозначена как «Благо». И это Благо не привносится в человеческую натуру, коллектив и экосистему — оно является внутренней побудительной причиной — самоустремлением любой самоорганизующейся системы, каковой является и многотельный Атман, и человеческое сообщество, и Космос.

Любая открытая система развивается в направлении негэнтропии, черпая извне энергию и информацию и воссоздавая свою внутреннюю структуру, свой тезаурус, свой ум, свое понимание идеального Блага.

Переход физически — вещественного в энерго-информационное, а затем разумно-духовное (идеальное) и выражает «парадигму самоорганизации».

«Идеальное есть самосознание и самоорганизация природы, как системы высшего порядка» (В.С. Егоров. Философский реализм. — М., 1994, с. 127), а человек,

по определению П.Т. де Шардена, — это «эволюция, осознавшая самое себя» (там же).

Аристотель же первым сделал Человека ответственным за свою судьбу и благополучие. Так будем же достойны этой участи.

Бог-посредник

Мир и его Логос успокоиться не могут. Признание некоей истины Абсолютом сделало бы ее мертвой догмой, не способной вдохновить Человека в его извечном любопытстве, любви к мудрости — философском осмыслении и восприятии мира и себя в нем.

Брахманизм и даосизм понимают Абсолют исключительно в смысле своего непрерывного изменения. Именно в этом смысле отождествляется Брахман как высшая реальность и Атман как ее человеческий образ.

«Внешний мир и внутренний мир души (духовного человека — Атмана. — В. Б.) — единое целое, две стороны одной материи» (Лама Говинда). И это всеединство подчеркивает справедливость определения материи как всего, что существует. Сущность и форма, эйдос и логос — не есть нечто принципиально разное. Это различие — не изначальный дуализм природы, а отражение двойственности нашего восприятия своего «Я» и окружающего мира.

Ноуменально-подсознательно мы можем воспринять это всеединство, а чувственно мы находимся в плену причинно-следственных представлений, воспринимая действительность как результат действия высшей целесообразности.

«Сама по себе материя есть только материал», возможность или «потенция» формы. Напротив того, «вид» (эйдос) или форма составляет всю «действительность» или «энергию» материи в смысле Аристотеля (т.е. форма — то, что данная материя есть в действительности — например, медь, железо, камень, животное и т.д.)» (С. Трубецкой. Соч. — М.: «Мысль», 1994, с. 74). Генезис при этом понимается как переход от возможности к действительности, от потенциального — к актуальному (проявленному). Но если при этом не принимать во внимание возможность противоположного генезиса — влияния формы на содержание (сущность), то мы неизбежно должны прийти к введению понятия первопричины — некоего внешнего (по отношению) к человеку божественного начала.

Тот же С.Н. Трубецкой приписывает Аристотелю тезис, будто «мир есть осуществление, воплощение мысли». Тем самым якобы «объясняется» взаимоотношение разума и внешней действительности, духа и природы, мысли и опыта: всеобъемлющий разум есть универсальное божественное начало, в котором совпадает мышление и бытие, познание и действительность, логическое и реальное начало» (там же, с. 76).

Поэтому Аристотель объявляется «основателем теологического мирозерцания» — религиозной философии. Но этот ярлык совершенно игнорирует основной смысл и метафизику и этику Аристотеля, всегда проповедовавшего

дуализм — самостоятельное существование материи наряду с разумом. Мне представляется, что попытки сделать Аристотеля отцом религиозной философии, первым идеалистом, неоднократно предпринимаемые и так называемыми материалистами, и так называемыми идеалистами, — это стремление обязательно выстроить в порядке очередности две субстанции — разум и материю (в смысле «вещи, существующей сама по себе»), проявить и однозначно решить пресловутый «основной вопрос философии» — об отношении мышления и бытия.

Но, как признает сам же С.Н. Трубецкой, у Аристотеля «к понятию потенции, мощи примешивается представление о стремлении, волевом влечении... Человеческий разум испытывает действие вещей и в свою очередь воздействует на них ... Между вещами и разумом, между объектом и субъектом есть нечто общее, что посредствует их взаимодействию» (с. 77-78).

Это «посредствующее нечто» есть полевое тело Эго, которое одновременно есть и эйдос и логос Атмана, как и сам Атман есть антропологическая форма и самосознающая сущность Брахмана.

Поэтому если не кощунством, то «ошибкой, которая больше преступления», можно назвать попытку представить Аристотеля — апологета человека как всесторонне развитой Личности — в качестве апологета религиозной догмы: «Аз есмь червь, а не человек».

Но поле идей и суждений, засеянное Аристотелем, было столь обширным, что на нем проявились ростки многих последующих и предыдущих мировоззрений. И если древний грек пытался во всем найти «золотую середину», то, к сожалению, это его главное устремление было непонято и искажено многими. Мир шел и идет к Истине путем шараханья в крайности.

Весь этот путь творений и бытия был, по сути, противопоставлением индивидуальной Воли, общественного Согласия и божественного (внешнего) Предназначения Человека.

Римская действительность своим «трезвым» долженствованием иссушила природный дионисийский порыв древних греков к «счастью» путем сочетания чувственных наслаждений и «разумного эгоизма».

Канонизация государственных законодательных уложений сопровождалась беззастенчивым их нарушением со стороны власть имущих.

«Мы должны быть рабами законов, чтобы стать свободными», — провозглашал Цицерон. Ему вторил К. Гельвеций: «сделать людей добродетельными можно только посредством хороших законов».

Но с другой стороны, «добрые нравы имеют большее значение, чем хорошие законы» (Тацит) и тезис К. Маркса: «Моральную силу невозможно создать параграфами законов» (цит. по кн.: Разум сердца.-М., 1990).

«Закон есть покрывало, лежащее на сердце... Закону противопоставляется «вера», как непосредственное отношение между Богом и человеком, не через посредство приказов и запретов Закона, а в интимно-сердечном соприкосновении

любви...» (Б.П. Вышеславцев. Этика преображенного эроса. — М.: «Республика», 1994, с. 18—19).

«Вера, действующая любовью», (там же, с. 26) является попыткой разрешить это противоречие, проявившееся особенно в застойные времена Римской империи. Появление «идеи Бога как морального Абсолюта» (Краткая история этики, с. 207) означало, что «закон помещается в прошлое, а благодать — в настоящее и будущее!» (Б.П. Вышеславцев, с. 27).

Следует отметить, что третий раз в истории античности в период угасания природно-социального начала культуры общественное внимание переключается на чисто человеческие понятия.

Так было, когда древнегреческая мифология спустила богов, олицетворявших различные природные начала, с Олимпа на землю и погрузила их в разгульное дионисейство — мир чувственных наслаждений.

Во второй раз нереализованные «Законы» Платона уступили место поискам человеческого счастья на пути сочетания телесных и разумных благ.

И третий раз попытка подчинения личности общественным догмам провалилась. Но человек снова попал в кабалу. Атманическая духовная полнота человека оказалась во власти христианского Бога.

Бог, вынесенный во внешнюю среду человеческого бытия, стал символом организующего начала всякой жизни. «Ибо все из Него, Им и к Нему».

Религиозная этика есть этика любви. Но на первое место в этой любви поставлен не человек, а Бог.

На вопрос, какова наибольшая заповедь христианства, Иисус сказал: «...возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим: сия есть первая и наибольшая заповедь; вторая же подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя; на сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки» (Еванг. от Матфея, 22).

Когда в своем окружении нет вызывающего доверие пророка, так естественно обратиться к внешнему анониму, который все знает, все может и все устраивает.

Здесь проявляется природное стремление человека к минимуму собственной познавательной и производительной деятельности, стремление большинства уклониться от индивидуальной ответственности за происходящее, перевести себя в некое подчинение Всевышнему. Это не зазорно, ибо Бог заведомо могущественнее любого из смертных. Но это подчинение сковывает собственную Волю, делает общественный порядок лишь земным отражением всеобщего порядка, установленного на небесах. Хотя при этом апеллируют к самым естественным, самым значительным чувствам человека — любви, эта любовь как стремление к слитности с чем-то недостижимым в этой жизни вызывала не творческий подъем, а чувство безысходности в земном мире.

Парадоксальным является и то, что любовь — это иррациональное чувство — оказалась довольно-таки скоро также канонизирована христианскими заповедями смирения и послушания.

Так, один из первых апологетов христианства — святой Августин декларировал: «Порядок есть то, что, если мы будем его держаться в своей жизни, приведет нас к Богу» (цит. по: Краткая история этики, с. 227).

Только теперь к «порядку» была призвана не совокупность общественных связей в государстве, а сама «любящая душа»; «Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога... Надобно повиноваться не только из страха наказания, но и по совести» (там же, с. 210).

Вот это «повиновение по совести» стало основой религиозной этики, в течение двухтысячелетий владевших и владеющих поныне миллиардами людей на земле.

Значит, есть в этих двух словах что-то такое глубинное человеческое, раз оно стало принципом поведения многих поколений.

Религия не просто «опиум для народа». Она выразительница человеческой сущности, желающей повиноваться общемировому космическому порядку. Но при этом повиноваться не вслепую, а «по совести», т.е. сверяя с этими внешними природными тенденциями жизни свои морально-этические принципы и действия.

Немаловажным в живучести религиозных представлений является и то, что они по форме соответствовали эмоционально-образному мышлению. Недаром в размытости границ между феноменальной реальностью и ноуменальной возможностью многие люди черпали вдохновение для творчества, каждый раз открывая новые и новые возможности для интеллигентного проникновения в метафизические слои мира.

Религия, а не наука, первая поставила вопрос о смысле жизни. Смысл — это не то же, что и значение, как утверждает Философский энциклопедический словарь. Смысл — «СЪМЫСЛ есть со-мысль, сопряжение мыслей, диалектическое равновесие умных энергий ... Смысл есть порождение того цело-мудрия, которое не ведает распада на чувственное и рациональное» (Н.К. Гаврюшин. Смысл жизни. — М.: «Прогресс-Культура», 1994, с. 9).

Смысл жизни — это то частично понятое, а частично прочувствованное стремление к некоему абсолютному Благу, которое и делает собственно жизнь жизнью, а не сухим существованием, либо бесцельным времяпрепровождением на земле.

Весь вопрос сводится к тому — существует ли это абсолютное Благо в самой жизни или вне ее, и в чем оно проявляется не вообще, а индивидуально для каждого.

Религия и ее идеологи упорно и небездоказательно утверждают, что абсолютное Благо как цель, смысл жизни всех и каждого это — Бог, находящийся вовне нас, но своим светом (логосом) озаряющий каждому путь к Нему

У нашей жизни не может якобы быть внутренних стимулов и средств, ведущих людей к истинному Благу

И только барон Мюнхгаузен смог сам себя вытащить за волосы из трясины жизни к свету.

«Искать недостающего смысла жизни в каком-либо деле, в свершении чего-то, — значит впадать в иллюзию, как будто человек сам может сотворить смысл жизни своей ... Мир не может сам себя переделать...» (С. Франк, там же, с. 510, 509).

Отсюда появляется БоГ-посредник, указующий каждому свой путь нравственного поиска смысла жизни.

«Благая жизнь, или благо как жизнь, — вот цель наших стремлений ... Искомое благо не может быть только «идеалом», чем-то бесплотным и конкретно не существующим, оно должно быть живым бытием...» (там же, с. 517).

Это живое бытие выражается в стремлении жить по любви, ибо «благо любви... есть благо жизни, через преодоление самой противоположности между «моим» и «чужим», субъективным и объективным» (с. 518).

Итак, не чувственные наслаждения, не следование природе, не стремление к знаниям, не общественное благо, а любовь к потустороннему Богу — вот, по религиозному смыслу, есть цель истинной жизни.

Лишь на пути к Нему можно быть счастливым. И цель оправдывает средства.

Но это не так. **Смысл жизни не может быть вне ее самой, ибо жизнь — это целенаправленное существование человека.** Но цель не есть нечто раз и навсегда установленное неким божественным промыслом.

Цель жизни — как намеченная на данном этапе движения точка на горизонте. Мы стремимся к ней, но по мере движения уже за этим репером мы различаем все более новые удаленные точки, притягивающие наш взор и влекущие нас к себе. Цель — всегда относительна. И она относится не только к чувственному видению, но и к ноуменальным представлениям разума, и к духовным устремлениям Эго, простирающимся все далее и далее в мир Брахмана по мере духовного созревания тела Атмана.

Целеустремленный путь Эго — это путь от себя и к себе, совершаемый не шараханьем «вперед-назад», а расширением ареала своего духовного, разумного и чувственного существования в направлении большей слитности, тождественности индивидуальной человеческой монады, человеческого сообщества и природно-космического целого.

Путь от себя и к себе — это стремление в действиях и помыслах достичь слитности с неким относительным (при данном состоянии кругозора) Абсолютом — точкой на горизонте. Стремление к слитности определяется нашей собственной волей, но сама воля проявляется в каждом «Я» как разность потенциалов между нынешним состоянием Эго и тем духовным двойником, который отражает в себе мыслимое и желаемое на данный момент состояние слитности с горизонтом.

Точка на горизонте, кажущаяся нам Абсолютом, и есть тот репер, к которому нацелены мои устремления. Но одновременно она же и есть тот посредник, который

помогает мне двигаться, вливая в мои члены и в мой разум ту силу помыслов, которая преобразуется в силу собственной Воли.

Я иду к горизонту, но еще более притягиваю горизонт к себе силой своего воображения. Посредником между волей Эго и неким удаляющимся Абсолютом становится Бог как модель этого Абсолюта в нашем индивидуализированном сознании.

Бог — посредник между Эго и Абсолютом создан человеком в своем духовном тезаурусе как моральный символ того организующего начала, которое определяет общемировые, общечеловеческие тенденции развития — стрезень «жизненной волны».

«Душа же, украшенная добродетелью, образованием, науками, есть достойное жилище Его (т.е. Бога. — В. Б.)... Душа, восприняв в себя божественное семя, рождает человеку плод добрых дел» (С.Н. Трубецкой. Соч., с. 191-192).

Именно душа как часть тела Эго вмещает в себя эту духовную модель Брахмана, которая является эталонной моделью Абсолюта.

Но плодоносит не Бог, а душа, где разность между действительным состоянием духовности и эталонной моделью человека в мире создает тот импульс, который движет Эго в направлении к слитности текущего и идеального «Я».

Казалось бы, по мере духовного самосовершенствования Человека эта разность должна уменьшаться и побудительная сила к духовному росту «Я» снижаться. На самом же деле — наоборот. Духовно богатый человек еще активнее стремится к саморазвитию. В чем же дело? А дело в том, что человек — не следствие божественной причины, а, скорее, автор той идеи Бога, которую он творит в своем самосознании и которой он руководствуется в своих помыслах и действиях.

Нет абсолютного Абсолюта. По мере приближения к некоей запечатленной в сознании модели этого Абсолюта своим духовным зрением человек многократно расширяет ареал своего видения, отодвигая Бога, отодвигаясь от него на гораздо большее расстояние, чем сделанный шаг в направлении духовного Абсолюта.

Человек воспринимает не Бога-Абсолюта (А), а обожествленную модель этого Абсолюта в виде ее проекции размером Б-Б на плоскость своего духовного сознания (см. рис. «а»).

Шаг навстречу Абсолюту ($H_1 \rightarrow H_2$) сопровождается изменением угла, под которым Абсолют проецируется на плоскость духовного сознания, как бы многократно увеличивая размер этой проекции ($B_2 \rightarrow B_2$), непосредственно воспринимаемой Человеком как образ Бога. В пределе, когда Человек сливается с Абсолютом, плоскость Бога становится безграничной.

Это стремление узреть божественный Абсолют во всей его безграничности удивительно напоминает приведенную в вып. 1 схему восприятия бесконечности путем приближения объекта к самому наблюдателю (человеку Н) (рис. «б»).

Эффект увеличения «божественной» проекции будет таким же, если мы будем отодвигать эту плоскость от себя, расширяя угол своего зрения (рис. «d»). При этом мы как бы дистанцируемся от неизменного Абсолюта (рис. «с»).

Взаимоотношения Человека-наблюдателя (Н) и Абсолюта (А) реализуются посредством «божественной» проекции, зависящей не столько от самого Абсолюта, сколько от духовной полноты и от духовного угла зрения самого Человека-Атмана.

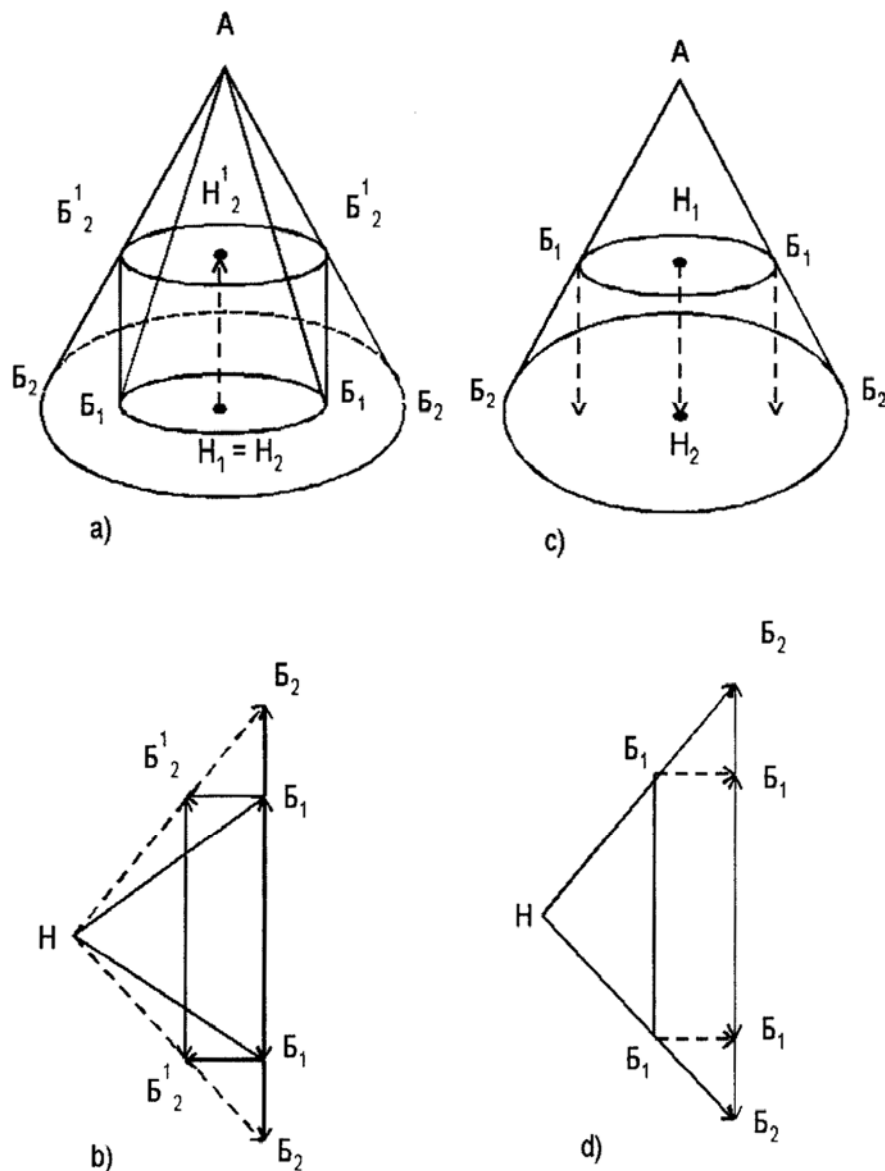

Рис. 2.4.

Бог есть продукт человеческого сознания, угла зрения, под которым Человек смотрит на мир. Но сам этот угол есть производная взаимоотношений Человека и бесконечного Абсолюта как умопостигаемой идеи человеческой жизни.

Бог есть посредник в этих взаимоотношениях, образ Целого в индивидуальном самосознании Эго.

Необходимо отметить, что различная дистанция между индивидуальным «Я» и общим Абсолютом может приводить к одному и тому же образу Бога ($B_2 - B_2$) в человеческом сознании в зависимости от направления движения $H_1 \rightarrow H_2$ (к Абсолюту — рис. «а» и от него — рис. «с»). Да и само это движение определяется взаимоотношениями тел Разума и Духовности в общей системе Атмана.

При слабом развитии сил Разума Атман полностью подчиняется внешним воздействиям, которые он воспринимает подсознательно как голос Бога. Эти внешние силы как бы предопределяют поведение Человека, находящегося в добровольном плену обстоятельств и послушно следующего волею Бога — запечатленному в его подсознании образу некоего далекого идеала.

Но когда этот образ получается размытым, то подсознание полностью подпадает под влияние эмоционально-чувственных сил биологического тела желаний, и человек влачит полуживотное существование.

Но в отличие от животного, полностью находящегося под влиянием сиюминутных внутренних и внешних инстинктов, человек как самопознающая часть природы отражает в своем сознании не только внешний мир, но и самого себя, как часть этого мира.

«Совершенно бессознательное бытие не есть бытие; быть — значит... быть самосознанием» (С. Франк в сб. Смысл жизни, с. 547).

Самосознание подразумевает проявление на некоей внешней картине всех глубинных тайных черт самого «Я» во взаимодействии с многогранным таинственным окружающим миром. Эта трансцендентность, ирреальность мира, смысл которого для человека не ясен, но многообещающ, скрывается под символом — Бог, в котором как в зеркале человек пытается увидеть свое идеальное «Я». Но прежде видит «идеальное Нечто» — многоликую среду своего не столько нынешнего, сколько грядущего обитания.

«Создавая все, и себя самих, в свете вечности,... мы в лице этого сознания подлинно есмы. Вечность есть не что иное, как целокупная, всеобъемлющая полнота бытия» (там же, с. 549).

Это «есмы» есть плоскость бытия, на которой взаимодействует самосознающее «Я» и Бог как проекция Абсолюта.

И сама плоскость духовного бытия есть отражение некоего идеального образа мира, в котором подспудно прочерчиваются следы общего генезиса одушевленной среды — тенденции (стрезень жизни), влекущие за собой слабовольного субъекта.

Но по мере захвата его индивидуальной судьбы общим когерентным (упорядоченным) движением масс, человек ищущий начинает осознавать себя как часть целого, индивидуализируя общую стрезневую идею Абсолюта в виде образа собственного Бога, управляющего его помыслами и поступками.

Взаимоотношения Бога и Человека строятся по принципу будстрапа — обратной связи. Человек создал Бога в своем сознании и подчинился ему же. У слабого Бог подавляет индивидуальную волю, у сильного — стимулирует жизненные силы и творческую энергию.

Бог — это образ Абсолюта в человеческом сознании. В послушном следовании ему слабый находит успокоение сознанием праведности своей жизни, не пытаясь выбраться из общего, внешне упорядоченного, энтропийного самодвижения. Человек биологически размножается, поддерживает некий устоявшийся порядок в своем собственном окружающем мирке, общаясь с остальным миром посредством придуманного им Бога, который скрывает своим проявленным образом невидимые и непонятные общие тенденции праведной целесообразной жизни. *Бог — это слабому посох, а для незрячего — свет, страждущему — завет, умному — кладезь вопросов.*

Человек как система расширенного воспроизводства должен «отдать больше, чем взять». Поэтому он непременно пытается вырваться из заколдованного круга бытия, стремясь к слитности с Абсолютом.

Придавая Богу образ всего Сущего, мы не принижаем мыслительные и духовные способности человека. Мы лишь вводим символ — посредника между нами и безграничным Абсолютом. И этот символ — не только продукт нашего воображения, он же — и стимул нашей деятельности, в чем-то подсознательной, а в чем-то и осмысленной.

И эта слитность интуитивного воображения и интеллигибельной веры рождает творческую потенцию Атмана, с помощью которой человек возвышается над плоскостью рационально-духовного бытия.

Вознесение человека над плоскостью бытия приводит к расширению кругозора, к развитию образа Бога как проекции идеального Абсолюта, а через это — и к более полному умопостигаемому представлению о самом Абсолюте, бесконечное приближение к которому равнозначно проникновению в новые измерения этого безграничного мира Брахмана — мира всего Сущего.

Судьба, воля и творчество

Однонаправленность представлений: Бог создал Человека или Человек — Бога — неизбежно порождает искаженную суть взаимоотношений между частью и целым, индивидуальным и всеобщим, формой и содержанием, судьбой и волей.

На самом деле все эти взаимоотношения будстрапны, т.е. формируются и проявляются в виде обратных связей, где одно либо уравнивает другое (отрицательная обратная связь), либо они усиливают друг друга (положительная обратная связь).

В системе будстрапа бессмысленно искать начало и конец, причину и следствие, цель и средства. Эти понятия могут быть вычленены в системе лишь условно для некоего замороженного состояния. А в действительности открытая система, каковой является Человек, всегда находится в состоянии взаимного обмена с

окружающей средой всевозможными материальными предметами в их вещественной, энергетической, информационной, мыслительной, идейно-духовной форме.

Взаимодействие одноматериальными субстанциями (напр., энергией) осуществляется, как правило, в форме отрицательных обратных связей, когда действие устраняет порождающую его причину, переводя систему энтропийным путем в устойчивое состояние по отношению к среде.

Но живая система — Человек — трансформирует все материальные субстанции в иные материальные формы: энергию — в структурированное вещество либо в информацию, мысли — в знания и образы, усиливая их воздействие друг на друга по принципу положительной обратной связи. Этим негэнтропийным воздействием реализуется основной принцип развития — «отдать больше, чем взять».

Именно сочетание обеих видов обратных связей создает квазиустойчивое взаимоотношение человека и окружающего субъективно-объективного мира на протяжении одного витка — жизненного цикла с зарождением потенции и реализацией в результате бифуркационного взрыва орбиты скачкообразного перехода на новый виток общей жизненной спирали.

Стрежень этой жизненной спирали — судьба человека. Но она не есть нечто раз и навсегда привнесенное в систему извне детерминированная линия жизни.

Она — лишь тенденция жизни, сформированная участием индивидуума в когерентной самоорганизующейся системе человеческой «стаи» вообще и конкретной группы лиц, в непосредственном общении с которыми и протекает короткая, но многообещающая жизнь каждого.

«Жизнь для жизни нам дана. Нет блага выше самой жизни — но только подлинной жизни как осуществления и изживания, подлинного раскрытия абсолютных глубин нашего существа» (С. Франк, с. 551).

Жизнь есть движение частей в согласии друг с другом. Синхронное, слитное движение есть следствие резонанса соотносящихся между собой частей. И это вызывает в каждой из них реакцию, подобную чувству радостного удовлетворения от со-участия, со-существования с себе подобными.

В теле желаний человека это чувство приятного соприкосновения с природой, матерью, возлюбленной, в теле Разума — созвучие собственных мыслей с миром знаний, со-мысль (смысл) взаимодействий с чужим «Я».

В теле Духа — это со-переживание с открывающейся (на поверхности человеческого духа) Истиной.

Когда резонанса нет, то контакт, соприкосновение частей вызывает в каждой из них реакцию, подобную чувству боли. Боль — физическая, боль — от взаимного непонимания, боль — духовная.

А еще боль — чувство покинутости, страх одиночества, страх смерти, ибо в одиночку жизнь невозможна.

Боль и радость как состояние со-относящихся между собой органов, организмов, существ, тел всегда присутствует в человеке.

Но Человек — Атман во всей своей полноте испытывает радостное чувство подлинной жизни, когда все его тела находятся в синхронном движении не только относительно друг друга.

Подлинная жизнь Человека есть его слитность с возбужденным Брахманом.

Не покой — нирвана, как учат индусы, а синхронность движения (саморазвития) индивидуума — Атмана с окружающим миром.

Подлинная жизнь как высший смысл бытия есть жизнь в согласии с общей тенденцией, общим предназначением человека: «отдать больше, чем взять».

Однако подлинная жизнь — не есть обезличенное существование в общей «стае», а окрашенное светом и цветом индивидуального «Я» стремление вырваться из круга бытия, преодолеть силой собственной воли спокойное ламинарное течение жизни и попасть на турбулентную стремнину, выносящую нас на новый виток спиралевидного стресса общей «жизненной волны».

Совершенство — это не покой, а тяга к слитности Атмана и Брахмана, Человека и Абсолюта, то стрессовое движение, которое возносит нас на новую ступень, откуда мир (и мы в нем) предстает в еще большей полноте и большем разнообразии.

Индивидуальная воля — это не антитеза покорности предначертанной судьбе, а гармония «Я» и Абсолюта, достигаемая за счет такой слитности части и целого, когда разнообразие индивидуумов порождает совершенство всеобщего.

Судьба и воля. Целое и часть. Общее и индивидуальное.

Сколько потрачено сил человеческих в поисках ответа, что — причина, а что — следствие. А по большому счету, вопроса то и нет.

Истина (как она проецируется в моем сознании) не в том, чтобы развязать «основной вопрос философии» — что первично, а в том, чтобы разрубить этот «гордиев узел». **Часть и целое равно эквивалентны.**

«В каждой точке поля Вселенной есть непроявленная информация о всей Вселенной» (С. Лазарев. Диагностика кармы. — СПб. «Сфера», ч. 1, с. 32). Это утверждение не только объясняет возможность ясновидения и других способностей Человека, проявляющего в своем индивидуальном сознании общие информационные образы всего мира. Это означает, что индивидуум-микрокосм равновелик Вселенной-макрокосму. Одно не есть часть другого — они равнозначны в своем существовании.

Просто Человек индивидуализирует всеобщее. Он устроен идентично Вселенной, его поведение в главном повторяет общемировые жизненные процессы, его воля есть собственное целеположение, проявляющее применительно к конкретному субъекту и внешним обстоятельствам его жизни ту судьбу, которая отражает стрессовое движение человечества применительно к отдельной монаде.

Карма есть судьба, обусловленная внешними причинами (гео-, био-, социо-), скрещивающимися на плоскости человеческой монады, и его же собственными помыслами и действиями (в прошлом и будущем), как феноменами, проявляющимися в трехмерном индивидуальном «теле времени».

«Система полевой саморегуляции — это обратная связь (будстрап. — В.Б.) Вселенной (ноосферного Космоса. — В.Б.). Суть ее заключается в том, что любое действие человека, хорошее или плохое, через единство информационно-энергетического поля Вселенной возвращается к нему обратно» (там же, с. 19).

«Индивидуальное сознание можно уподобить «голографическому фрагменту» сверхиндивидуального космического сознания» (Мир человека. — М.: «Просвещение», 1994, с. 61-62).

Известен голографический эффект: любой фрагмент голограммы, освещенный лазерным лучом, проявляет весь снятый объект, причем «чем меньше вырезанный фрагмент, тем в более обобщенном виде предстает образ целого. Часть — структурно тождественна целому!» (там же).

Атман во всей своей совокупной многотельности (тело желаний, разума и души) тождествен окружающему миру — Брахману, рождаемому им и порожденному им по принципу будстрапа.

Воля есть совокупная потенциальная сила многих тел Атмана, а каждая из этих потенций отражает фрейдовские начала: Оно — инстинкты и чувства тела желаний, Эго — сознательное начало и Супер-Эго как потенция коллективистского соборного тела.

Но сами эти «начала» есть «голографические фрагменты» общего мира Брахмана, сотканного моим и «чужим Я».

Судьба — карма — это стрележень, по которому мчится индивидуальная жизнь, влекомая общим течением, общей тенденцией «жизненной волны».

Но ведь сама «волна» создается когерентным движением капель, каждая из которых — «голографический фрагмент» океана.

Мою ладью не ветер движет,
влекут тугие паруса.

Судьба — ветер, дыхание Брахмана, а парус — моя индивидуальная воля.

Мировой дух Г. Гегеля и субъективированная воля С. Кьеркегора и Ф. Ницше — это не два исходных пра-начала. Это две половины будстрапа, две равноправные части «обратной связи»: Я — Мы — Оно, природы и человека.

Не мировой дух определяет человеческую судьбу, но и не индивидуальное самоволение как следствие наших чувств и желаний определяет помыслы и поступки личности. Поведенческая программа Человека своей блок-схемой, своей принципиальной структурой задается генетическим влиянием родителей, кармой и стечением внешних обстоятельств, а реализация программы зависит от воли самого индивида, его умения и способности настраивать собственные стремления тела

желаний, разума и души в такт, в лад, в резонанс со стремлениями окружающего сообщества, направлять парус своей воли сообразно природно-космическому ветру, дабы продолжить свой курс сообразно общему стрелковому движению жизни.

Но и сам стрелок жизни — не есть нечто раз и навсегда предопределенное. Он все время корректируется под воздействием общемировых тенденций и совокупного влияния людской массы и тех человеческих индивидуумов, которые в силу своей космической (врожденной и приобретенной) страстности рвут оковы традиций, приобщая себя и своих последователей к потоку по новому руслу — новому витку жизненной спирали в направлении не прошлого, а нового всеединства.

Судьба хранит традиции, а воля — рвет оковы круговращения. И этот прорыв обусловлен творческим началом в человеке, стремлением всех тел Атмана в процессе их общения между собой и с окружающей средой сблизиться, слиться с тем идеалом, который формируется в нашем тезаурусе как проецируемый на плоскость человеческого сознания образ Абсолюта.

Но отношение моего «Я» к этому образу не есть самосозерцание застывшей Истины. Любой творческий акт — попытка сблизиться с Абсолютом, все время находящимся на горизонте нашего духовно-разумного видения, неизбежно приводит не только к отдалению желаемой цели, но и к расширению ареала собственного видения, а следовательно, и к более полному представлению Истины.

Истина не убегает от нас, она предстает перед нами во все большем разнообразии своих внешних черт, во все большей глубине своей Сущности.

Творчество трансформирует подсознательные образы как «голографические фрагменты» тайных сторон Космоса в осознанные представления, расшифровываемые нашими информационными рецепторами и заполняющие наш тезаурус.

Разность между идеальными представлениями и текущими образами своего существования в окружающем мире возбуждает волю к новым помыслам и действиям, творческую потенцию Человека.

Творчество есть путь соединения «рукотворной» воли и «нерукотворной» судьбы. В нем сливаются естественные желания человека испытать блаженство покоя в слитности моего «Я» с близким мне по духу идеалом. Но в нем же проявляется и неистребимая жажда человека вырваться из этого состояния покоя, мятежность души человеческой, для которой «покой только снится», а вся она обуреваема стремлением вырваться из лабиринта судьбы.

И этот прорыв творческий человек совершает не тем, что, ухватившись за нить Ариадны, возвращается обратно, а тем, что поднимает «сам себя за волосы» над плоскостью бытия и вторгается в сферу шестимерного пространства-времени, где все мыслимое — возможно и осуществимо.

Жизненный сценарий

Судьба есть то, что я могу,
а воля — то, чего желаю.
Но от себя — не убегу,
сценарий жизни — разыграю.

Да, я — актер на сцене жизни. Всего лишь. Но как это много. Ибо именно через актера пьеса жизни станет для многих не дидактическим назиданием отсутствующего Автора, а живым местом соучастия моего «Я» в коллективном действии под названием «жизнь».

В конце концов я могу силой своей воли, устремленной к самопознанию и самораскрытию себя, как монады человечества и Космоса, преодолеть рок судьбы, завещанной мне стечением внешних обстоятельств. Но «Я» явлю миру лишь то, что выношено мной при прочтении своего жизненного сценария, написанного если не специально для меня, но с учетом моих «могу» и «желаю».

Я не могу отказаться от своей роли в жизни, но я могу сыграть ее так или иначе. Либо связно повторить все, что написано в тексте, оставаясь в душе сторонним равнодушным наблюдателем.

Либо, отступив от конкретного текста, сказать свое «Я» так, чтобы «Они» поняли и приняли меня в со-товарищи.

Я не играю заученную роль, я творю собственную жизнь в соавторстве со своим идеальным Атманом — Брахманом. Но мое самотворение есть все-таки не самопроизвольное бытие вне жизненной рампы, а авторизованная реализация Образа, складывающегося в моем сознании под влиянием своего Эго, оказавшегося главным героем написанного для меня рукой природы сценария.

В интеллигибельном мире человеческого сообщества сущность и форма, роль и ее актерская интерпретация всегда взаимосвязаны.

Каждый играет в жизни свою роль, свой сценарий в соответствии со своим амплуа, заложенным в генах. На 80% наше поведение предопределено этим сценарием, но на 20% — мы творим его сами в процессе своей жизнедеятельности.

Но и наша сценарная роль зависит не столько от внешних предначертаний звезд, родительского и окружающего предписания, а оттого, как меняется в каждом из нас соотношение «ребенок — взрослый сотоварищ — родитель».

Психолог Эрик Берн образно (а по сути попал в точку) назвал нашу жизненную пьесу «играми, в которые играют люди», а всех нас — «людьми, которые играют в игры» (см. книгу под таким названием. Лениздат, 1992).

В этой «игре» до 6-7 лет каждый из нас, повторяя в ускоренном темпе весь опыт прошлого человечества, ведет роль, предопределенную его генетическим наследием и общением с родителями.

Но это наследие формирует лишь остов будущего Атмана, структура которого заложена в его генах. Эта генетическая спираль ребенка сформирована природно-родовым началом: слиянием мужских и женских гамет (половых клеток), репродуцирующих наследственную информацию родителей в структуру ДНК плода, причем этот процесс подвержен различным полевым воздействиям гео-, био- и психофакторов, т.е. состояния среды и родителей в момент зачатия будущего человека.

Но уже в самом гене заложено уникальное свойство — стабильность в целом ряду поколений, сочетаемая с возможностью видоизменения своей структуры под влиянием индивидуальной кармы и внешних раздражителей.

И в утробе матери будущий человек не только оформляется физически. Человечек связан пуповиной с телом матери, но его все-увеличивающийся мозг служит приемником космических полей, пронизывающих окружающее пространство.

«На пятом месяце беременности ребенок абсолютно один с Богом (? — В.Б.) и Вселенной. Поскольку для нормальной жизни человек должен периодически выходить на контакт с Вселенной, он пользуется воспоминаниями пятого месяца, закодированными в его поле» (С. Лазарев. Диагностика кармы, кн. 1, с. 68).

Этот первый контакт с Вселенной способствует формированию у будущего человека его космического сознания — тела Духа. Возникающий мозг структурируется этим внешним фактором, воздействующим из окружающего энерго-информационного поля и ноосферы. И, в свою очередь, мозг ребенка начинает продуцировать собственные поля.

«Все, что существует, окружено атмосферой. Человек является станцией для трансформации субстанций» (П. Гурджиев. Беседы с учениками, с. 86). В окружающей плод атмосфере происходит трансформация внешних эманации в структуру и функции внутренних центров, и наоборот. Поле рождает вещество, а вещество — поле.

В первые дни и годы существования человечка впитывание энергии и информации извне явно доминирует над производством собственных субстанции, поэтому физическое и психическое поведение ребенка предопределено внешними факторами.

Он живет в строгом соответствии с наследуемым сценарием. Его глазки и ушки подобны папиным или маминым, а скорее — родителям родителей. Носик, улыбка и даже детские капризы повторяют черты лица и характера кого-то из старших. Чувства и инстинкты подобны родительским, т.е. его тело желаний уже сформировано.

Но вместе с тем в любом ребенке генетически заложена жажда новых ощущений, не через родительские гены, а непосредственно в соприкосновении с новым для него живым миром.

Эта жажда ощущений не полностью удовлетворяется ласковым прикосновением матери, подпрыгиванием вверх на руках у отца, сладким вареньем бабушки и прогулками с дедом.

Жажда новых ощущений перерастает в любопытство: а что внутри игрушки, чем закончится сказка, почему у собаки четыре ноги, куда уходит спать солнышко и т.д. и т.п. Эти бесконечные «почему» наполняют тело разума таким обилием новой информации, что диву даешься, как этот маленький мозг успевает вместить в свое окружающее поле все новые и новые биты внешних сигналов. Не только нарастить «информационное мясо» на физическую массу нейронных клеток, но и успеть выстроить свои мыслеобразы, как результат собственной мыслительной деятельности.

Первый акт жизненного сценария преимущественно проходит под знаком запрограммированного поведения тела желаний и структурного оформления тела разума.

Человек учится жизни, в первую очередь контактируя с себе подобными. Если ребенка лишить контакта с людьми, он не только не обретет свое духовное Эго, но деградирует и погибнет физически. Наверстать упущенное в детском возрасте потом не удастся. Тарзан не может воспринять Джейн просто потому, что он раньше умер бы от сенсорного голода.

Контакты в группе развивают адаптационные возможности человека. Отсутствие (разреженность) таковых снижает психологическую и физическую устойчивость организма.

Общение, к которому стремится ребенок и взрослый, в котором детское начало — любопытство не атрофировано, позволяет человеку отыграть первые сцены своего жизненного сценария, сформированного родительской «рукой».

Однако по мере того, как ребенок осваивается со своей ролью, он все больше и больше привносит в нее отсебятины. Человек «играет» на жизненной сцене, часто придумывая собственные ремарки, отходя от заданной программы. То мы замечаем, как под впечатлением увиденной цветовой картины ребенок начинает изображать на листе собственные пейзажи и натюрморты. Пусть в них не всегда просматривается сходство с изображаемым предметом, зато проявляется собственная авторская фантазия художника, его собственный импрессионизм, хотя в роду-то никого из художников, кажется, и нет.

Значит, прорезалось уже собственное «Я».

То вдруг подвижный ребенок впадает в депрессию. И не болит-то у него ничего, а говорит, что жить неинтересно. Оторопь берет слышать это. Слава Богу, такие всплески детской хандры недолги — побеждает тяга к неизведанному в жизни. Надо быть хорошим «суфлером», чтобы в нужный момент подсказать «слова» роли. И ребенок продолжает «игру».

Во время игры человек всегда ждет «выигрыша», психологического вознаграждения от взаимодействия со своими партнерами.

Выигрыш — то, что приносит удовлетворение: подарки, внимание окружающих, сочувствие или выделение из среды себе подобных.

И в зрелом возрасте наша «игра» доставляет нам удовольствие, когда приносит внимание окружающих, почет, материальный достаток, авторитет.

Но еще более значимо для нас не внешнее признание, а самоудовлетворение. Ибо у каждого с возрастом уже складывается свое понимание собственной роли, свое представление о достижимом идеале.

Конечно, оно не формируется раз и навсегда неизменным. Сначала нам хочется быть шофером, летчиком, космонавтом; в последнее время — кассиром, торговцем, миллионером. Но эта смена «идеала» объясняется кругозором ребенка. Да и сам «идеал», как правило, конкретен: одноклассник Петя, у которого заводная железная дорога, сосед Витя, которого отвозят в школу на машине, папин знакомый — дядя Коля, которого часто показывают по телевизору и т.д.

Любопытство как средство познания дополняется завистью как целью и средством достижения желаемого.

«Белая — благая зависть», — писал Аристотель, — связана с духом соревнования.

Человек «под влиянием чувства соревнования старается сам достигнуть благ, а... под влиянием зависти стремится, чтобы его ближний не пользовался этими благами» (Мир человека, с. 176).

Робин Гуд и Дубровский. Экспроприация экспроприаторов. Это не созидательная негэнтропийная зависть, а «черное» стремление к уравнительному хаосу.

Если «белая» зависть порождает любопытство и конкуренцию, то «черная» зависть — страх. Страх боли, страх наказания, страх утраты, страх недостижения цели.

Страх смерти — это страх абсолютного одиночества, в котором Человек ни физически, ни духовно существовать не может.

Поэтому вера в загробную жизнь — это преодоление чувства полного одиночества, надежда на со-существование со своими близкими, с другими людьми, с природой, путь в потустороннем мире, но все же со-существование.

А если сюда еще примешивается и любопытство — а что там, за роковой (физической) чертой, то вполне понятна многие века существующая надежда не только на отделение, а, наоборот, на слияние с миром Брахмана.

И эта надежда восполнить нехватку земных благ их приобретением в потустороннем мире есть усаждающий наркотик. А известно, что в разумных дозах любой наркотик и даже любой яд может быть лекарством, исцеляющим нашу физическую и духовную болезнь — болезнь одиночества.

Но наркотическое вещество взаимодействует нашим телом (физическим и духовным) по принципу положительной обратной связи, возбуждая страсть ко все большему и большему дозам.

А в сильных дозах наркотик как и яд — смертелен.

«Истинная причина наркомании и алкоголизма — это пониженный уровень любви в нашей душе» (С. Лазарев, с. 112). Поэтому столь велика роль любви в стремлении человека к гармонии с Космосом. «Гармония есть любовь».

А «черная» зависть, действующая наркотически, ведет к разрушению Личности.

Цвет зависти как стимула человеческого поведения определяется изначально не врожденными личностными качествами индивидуума, а разностью потенциалов между ним и другими. Если эта разность имеет место, но ее величина — такова, что стремится меня догнать того, кто впереди, то зависть — белая. И я, возбужденный силой конкуренции, силюсь приумножить себя, свое благосостояние и благоприобретение. Но если эта разность потенциалов: имущественное расслоение или различие по умственным достоинствам — слишком велика, то я понимаю и чувствую недостижимость иного уровня. И тогда «черная зависть» — стремление к уравниванию всего и вся понуждает меня заарканить лидера, подсесть его, отобрать у него то, что отличает его у меня. Помните старый анекдот: у одного мусульманина — одна жена, а у соседа — четыре. И первый молит Аллаха: дай мне столько денег, чтобы я мог завести и себе гарем.

У одного американца — одна машина, а у другого — четыре. И первый просит Случай: дай мне выиграть в лотерею, чтобы я мог завести и себе целый автопарк.

У одного русского — одна свинья, а у другого — четыре. И первый молит Всевышнего: сделай так, чтоб у соседа сдохли все свиньи.

Равенство в нищете ... Как это нам знакомо.

И все же стрежень жизни — не стоячее болото, а движение к расширению своего ареала — физического, разумного и духовного тела. Но не просто к количественному приумножению себя, а к более качественной организации своей жизни — к ее структурному упорядочению, к ее негэнтропийному взаимодействию между телами своего «Я» и с окружающей средой.

Это упорядочение — не абсолютная нивелировка, а иерархическое устройство Эго и общества.

Гармония собственного «Я» — не пассивное равновесие между всеми телами Атмана, а их непрерывная игра, в результате которой тело желаний инициирует деятельность Разума, сознание и подсознание взаимно проявляют друг друга. Каждая точка в мире (в человеке, в обществе, в природе) взаимно отталкивается друг от друга, дабы обеспечить себе большее жизненное пространство — большой простор для собственных деяний. Но поскольку все деяния — это взаимодействие со своими соседями, то расстояние между «соседями» не должно быть слишком большим, чтобы детское любопытство не переросло в «черную зависть».

Детское любопытство, приумножающее богатство нашего тезауруса, создает необходимые условия для постоянно обновляющихся контактов Эго и «других Я», а сами эти контакты создают систему сотоварищества, когда каждый пытается

выделиться, обособиться из среды. Но это обособление лишь стимулирует друг друга к более тесному общению путем группировки отдельных элементов в совместно и согласно функционирующие союзы: семьи, коллективы с общими интересами (этносы, производственные группы, классы, народы и т.д.).

И Личность, и Коллектив — это два взаимодополняющих фактора жизни. Индивидуум развивается за счет большей свободы в действиях, а Общественное Существо — его второе «Я» — лучше адаптируется в окружающей среде.

С возрастом и с накоплением опыта общения с со-товарищами исходный жизненный сценарий все больше и больше отходит от детерминированной программы и приобретает черты вольной интерпретации исходного замысла. Человек уже не «играет» заранее predetermined роль, а живет на сцене сообразно своему амплуа. Исполнитель перерастает в творца, а затем — в родителя, который пытается вести свое дитя в продолжении своей стези, навязывая ему свое понимание жизни, свою не до конца исполненную роль.

Родитель по отношению к ребенку, также как и режиссер по отношению к актеру, учитель — по отношению к ученику действует либо запретом, либо разрешением.

Запреты оберегают ребенка от ошибок, но затрудняют его адаптацию к среде, а следовательно, и саморазвитие. Разрешения предоставляют самостоятельный выбор, но изобилие возможностей нередко порождает неуверенность и боязнь ошибиться. Поэтому стиль взаимоотношений ребенка и родителя не может быть построен лишь на каком-то одном принципе.

Первоначальный сценарий, написанный природой, формирует стреленъ развития Личности, но исполнитель по ходу «жизненной пьесы» должен иметь возможность следовать не буквальному, а смысловому тексту, уточняя не только сами действия, но и их цель.

Благо как цель жизни не есть окостеневшее: «хорошо» — «плохо».

Понятие «блага», «счастья» меняется по ходу развития Личности в зависимости от ее роли в коллективе. Для любопытного ребенка благо — это познание, для взрослого — жизнь во всей ее телесной и разумной полноте, для умудренного жизненным опытом родителя — стремление заложить сценарную программу своему физическому дитя и оставить для всех потомков книгу размыслов и наставлений, облегчив им путь нового творчества.

Судьба — это реализация человеком своей роли — самонастраивающаяся система, в которой корректируются не только отдельные акты, но и сама программа. И все же контур самонастройки вторичен по сравнению с базовой программой, записанной предками. При этом родитель противоположного пола, выступая наставником, говорит ребенку, что нужно делать, а родитель того же пола показывает, как это делается. Последний воздействует через органы чувств на тело желаний, а первый — словом — на тело Разума.

«Сценарный аппарат гораздо более чуток и подвижен, чем аппарат генетический, и постоянно изменяется под воздействием внешних факторов, таких как жизненный опыт и предписания, получаемые от других людей» (Э. Берн, с. 351). Поэтому сценарная программа является как бы промежуточной установкой между генной заданностью и адаптирующим воспитанием среды.

Сценарий реализует «великое человеческое свойство — сознание цели». *Сначала у человека цель в том, чтобы идти, позже в том, чтобы идти к чему-то.*

Между генной (физической) заданностью и внешним воздействием среды есть промежуточный фактор, влияющий на жизненный сценарий человека.

Это — его карма, которая определяется воздействием на подсознательную часть тела Эго со стороны полевой информационной среды, где накапливаются сигналы, являющиеся реакцией этой Среды на предыдущие (и будущие ?) поступки и помыслы самого человека, а также близких ему людей.

«Дух матери становится телом ребенка» (С. Лазарев. Диагностика кармы, кн. 1, с. 132). Поэтому очень важно, чтобы до рождения ребенка, когда формируется его тело, дух матери был чист и свят, наполнен лишь благостной любовью к своему творению.

Любовь как стремление к слитности двух возбужденных частей есть одновременно и цель, и действие.

Физическая любовь матери и дитя есть синхронный резонанс, заложенный в генетической программе.

Любовь ребенка и родственников есть синхронный резонанс систем, находившихся и находящихся в кармической близости. «...То, что сегодня является нашим духом, завтра и послезавтра будет телами наших детей и внуков» (там же, с.3).

Поэтому кармическое взаимодействие среды и человека — это взаимодействие подобных систем — тел Атмана и соответствующих им тел Брахмана, части и целого, находящихся если не в полном подобии, то в информационно-структурном соответствии, что предполагает и идентичность их реакции на возникающие в мировой среде сигналы.

«Система полевой саморегуляции — это обратная связь Вселенной (точнее, ноосферного Космоса. — В.Б.). Суть ее заключается в том, что любое действие человека, хорошее или плохое, через единство информационно-энергетического поля Вселенной возвращается к нему обратно» (там же, с. 19).

Это и так и не так. Информационно-энергетическое поле Вселенной (мир Брахмана) — это не мусорная корзина, куда каждый что-то кидает и откуда это что-то и достает. Это сотовое поле, где есть индивидуальные ячейки, а подключение рецептора индивида к другим ячейкам возможно лишь в случае их резонанса.

Ячейки близких людей чаще оказываются в таком резонансном состоянии, отсюда и большее взаимовлияние этих людей друг на друга.

Однако и сами эти ячейки как элементы более сложных систем функционируют в соответствии с законами этих систем, тем самым кармическая реакция как бы отражает реакцию всей Вселенной.

Поскольку в каждой системе существуют свои временные соотношения, поэтому реакция Вселенной на действия человека может быть замедленной и проявиться через одно или несколько поколений, а может и опередить поступки человека, но после того как он замыслит что-то совершить.

Любовь как стремление не к статичному «всеединству», а к согласованному синэргетичному (совместному) движению (развитию) есть основной побудительный стимул человеческой деятельности.

Эта синэргетичность может быть в отношении мужчины и женщины, когда возбуждающийся половой инстинкт тела желаний дополняется синфазным резонансом подсознательных частей тел Эго. И эта согласованность реакций отдельных тел одного Атмана на сигналы другого способствует образованию новой системы — супружеской пары, семьи, возможности которой много превышают возможности отдельного индивида.

Такую же природу синфазного резонанса имеет и любовь к знаниям, к красоте, к другим «Я», к истине, приводящая к совместным синэргетичным действиям Атмана и Брахмана, к их динамичной слитности, никогда не достигающей всей полноты, а порождающей творческие продукты жизнедеятельности, а следовательно, преобразующей саму систему человека, человечества и Космоса.

И еще одно. Если человек атакует Вселенную лично, он и расплачивается сам, но если он выступает как представитель общества, то и расплачивается все общество (с. 20).

Это значит, что кармическое взаимоотношение человека со Вселенной происходит не только на чувственно-физическом, но и на духовно-соборном уровне.

И это влияние Вселенной на индивидуальный жизненный сценарий есть многоликое воздействие и природно-родового начала и общественных отношений на человека.

Но и Человек — не пассивный трансформатор этих прошлых и настоящих воздействий.

Он — генератор своих помыслов и действий, ибо его собственная воля есть результат саморазвития индивидуальной системы, которая, хотя и находится в постоянном взаимодействии со средой, но живет по своим собственным законам, в своем собственном пространственно-временном измерении.

Когда индивидуальная система действует согласовано с другими, то эффект синэргетичности умножает возможности объединенной системы. Когда же индивидуальная воля заставляет человека плыть поперек фарватера, то диссонанс систем больно отражается на каждой, приводя в конце концов либо к обоюдному согласию, либо к бифуркационному взрыву одной из них (или обеих).

Неустойчивость, вызванная этим противофазным резонирующим действием, порождает разность потенциалов, которая сначала перерождает систему, а затем стимулирует ее новое саморазвитие.

«На физическом уровне происходит образование новых видов, а на полевом — усиливается степень единства» (с. 34).

Пьеса индивидуальной жизни всегда кончается финалом, трагическим или счастливым.

Но пьеса жизни вообще продолжается. В ней могут быть иные декорации, действовать другие персонажи, в том числе и поднявшиеся на сцену из зрительного зала.

В индивидуальной пьесе жизни всегда есть трио авторов: родители и «Я» — сам.

Но в общей пьесе жизни авторский коллектив — многолик. Это не только «Я» — «Мы» и «Они» — действующие лица. Это и окружающая нас среда, природная, человеческая и космическая, в постоянном общении с которой мы и становимся Людьми.

Подводя итоги

Здесь всегда надо ставить многоточие, ибо **ничто не кончается, не возбудив новых потенций.**

Рассуждая о строении многотельного Атмана и об индивидуальных и коллективных проявлениях этих тел на основе их взаимоотношений с окружающим миром Брахмана, уже подчеркивалось единство и переход друг в друга формы и содержания, части и целого, индивидуального и коллективного.

Природно-родовое начало «Я», стрезень его поведения на жизненной сцене в полной мере потребует рассмотрения «Я» вкупе с «чужими Я», вкупе с обществом, с экологической средой. Пока же вспомним, что путь Эго есть самодвижение Атмана под влиянием внешних сил, трансформирующихся в его собственные волевые инициации.

Итак:

1. Атман — это Человек во всем многообразии своей структурно-функциональной организованности.

Семь тел Атмана, в каждом из которых можно выделить множество семиричных подсистем, **это подобие семи окружающих миров:** физического, энергетического, чувственного, разума (ноосферы), подсознания, коллективности и духовности, объединяемых общим именем Брахмана.

2. Тела Атмана — это материальные полевые образования, порождающие вещественную основу и порождаемые ею.

Как «голографические фрагменты» окружающих частей мира они «проявляются» лишь в результате когерентного облучения внешними сигналами

внутреннего материального массива человеческих тел. Они — продукт совместной деятельности среды и человека.

Каждое из тех — своя система, имеющая свое временное и пространственное проявление.

3. Человек — трансформатор и преобразователь различных материальных субстанций: вещество — в чувства, чувства — в энергию, энергию — в информацию, информацию — в мыслеобразы, идеи и обратно. Между всеми этими субстанциями нет непреодолимого барьера.

Не существует «основного вопроса философии» — о первичности (физической) материи и вторичности сознания.

И то и другое — это разновидности единой умопостигаемой материи, которая есть все, что возможно в феноменальном или ноуменальном представлении.

4. Человек — самосознающая часть природы, «резюме Вселенной»

Микрокосм, мегакосм (человек) и макрокосм равновелики в силу своего самосуществования и саморазвития.

Главный стрезень этого саморазвития — это спираль жизни, движение по пути саморасслоения и образования разности потенциалов, структурирования за счет заимствования извне «стартовой» энергии и порождения продуктов своей жизнедеятельности, обладающих большим потенциалом развития.

Человек — продукт природы и ее организатор.

Человек стал мыслящим и духовным существом — Атманом только благодаря общению с себе подобными. Поэтому «соборное тело» Атмана есть неотъемлемая часть «Я».

И в то же время Атман — индивидуальное «Я», подчиняющееся принципу «разумного эгоизма».

5. Природно-родовые паруса есть внешние условия саморазвития Человека. Они формируют общие тенденции этого развития, а его индивидуальный жизненный сценарий формируется под влиянием генетического, кармического начала, определяющего судьбу, и личностно-волевого начала, формирующего жизненный феномен Личности.

6. Цель Эго — в гармоничности развитии Личности, где гармония есть результат синфазного резонансного движения (развития) отдельных тел Атмана и окружающих систем.

Человеком движут радость и страх.

Радость — это синфазность, а боль — противофазность совместного синергетического взаимодействия тела желаний, разума и тела Эго, с одной стороны, а также аналогичных тел «чужого Я» и окружающей среды.

Человек не может быть один.

Страх одиночества преодолевается любопытством — поиском взаимодействия с другими объектами и субъектами. При этом взаимодействии возникает чувство зависти и любви.

«Белая» зависть понуждает приумножить себя, «черная» — низвести другого до своего уровня.

Любовь — это гармония взаимоотношений на физическом, чувственном и духовном уровне.

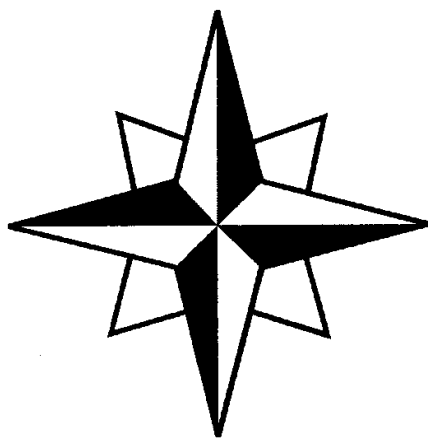
Гармония не есть нирванический покой, а синэргетическое движение по спирали жизни.

7. Цель Атмана — в синэргетичном слиянии с Брахманом, в сближении с Абсолютной Истиной, которая проявляется на уровне сознания (и подсознания) человека как божественная ипостась. Бог — проекция Абсолюта на уровень Человека, посредник между Человеком и Абсолютом.

Этот посредник — слабому посох, а сильному — стимул для творчества.

Со-творить — это совместно привнести больше, чем было взято извне — основной закон развития, «путь Эго».

ВЫПУСК 3

«РОССИЯНСТВО»

ЧАСТЬ V. НАШЕ СОБСТВО

Откуда и куда..?

Только под вечер рабочего дня я выбрался, наконец, из-под рутинных командировочных дел и поспешил окунуться в золотую старину Владимира.

На площади Свободы соседствовали памятник В.И. Ленину и монумент в честь 850-летия города; улица III-го Интернационала упиралась в «Золотые ворота» XII-го века. История и современность не просто сплелись в единый клубок земного бытия, а стали стержнем тысячелетнего потока российской действительности.

На смотровой площадке «Старого Владимира» все окружение создавало ощущение своей одномоментной причастности не только славному прошлому и реконструируемому настоящему города, но и причастности себя самого своему российскому и вообще природно-космическому началу. Сохранившиеся следы древних земляных валов как бы отгораживали меня и давних жителей города не только от соседних холмов — удобного плацдарма для набегов лихих врагов, но и одновременно устремляли взор мой вниз и вдаль — в бескрайние заклзьяменские просторы. Наверное, не я один, а многие мои предшественники в течении десятка столетий перебивали на этом крутом яру. И здесь, чувствуя себя в относительной безопасности от вражых стрел и пуль, ощущаешь свою незащищенность от ветров истории, свою открытость времени и свою слитность с безграничным пространством не только российских, но и евразийских просторов.

Чувствуешь себя не только гражданином Руси, но и человеческой монадой Космоса.

Веет дымом российских пожарищ
и набатом кремлян и селян;
Я — душою и телом товарищ
всех грядущих и бывших землян.

Сзади — белые стены городских ворот и золотые купола колоколен, справа — современное здание драматического театра, слева — революционные памятники недавнего прошлого, под ногами — пепел исторических развалин и неумный зеленый покров пробивающейся сквозь каменные плиты и асфальт живой травы. Впереди — до горизонта и далее — леса и поля, хранящие дух и плодovitость земли русской; и дороги, с топотом лошадиных копыт, кандалным звоном арестантов и муравьиной подвижностью машин. А вокруг — настоявшийся воздух, в котором перемешалось колокольное эхо прошлого, пыль новостроек и доносящийся снизу специфичный запах проходящей по пойме реки железной дороги.

Но было в этом воздухе и что-то неуловимо будущее, отчего руки как крылья стремились распахнуться для полета и вознести меня над брнной землей в ее неощутимое, но оттого не менее реальное эфирное надпространство. И чудился я сам себе как неутомимый российский Икар, пытающийся взлететь с колокольни к звездам, но каждый раз оказавшийся со сломанными крыльями у подножья своего высокого «Я».

Вечерело. За спиной и внизу зажглись рукотворные огни, высвечивающие нынешние потуги человечества и прячущие в историческую тень следы прошлого. Но оно живо и живет, ибо духовное зрение различает не видимые детали, а общие тенденции динамичного бытия. Зажглись и небесные огни — нерукотворные звезды, которые соединили еще более давнее прошлое с далеким космическим будущим.

И в этом окружении Я не чувствовал себя потерянным и одиноким во Вселенной. Я был неотъемлемой частью этого мира, равновеликим с ним в силу равновеликости микро-, мега- и макрокосмоса, в каждом из которых прошлое, настоящее и будущее повторяется в своих общих тенденциях.

Откуда, зачем и куда — извечные реперы космической жизни, извечные вопросы, которые ставят перед собой и каждый человек, и все человеческие сообщества.

И без понимания тенденций этого развития нельзя понять себя и окружающий мир, нельзя стать сознательным и деятельным участником всей жизни, переустройства своей родины и воспитания собственного Я.

В предыдущих выпусках своей книги «Я — Мы — Они» мне уже приходилось останавливаться на некоторых общих для всех космических иерархий тенденциях спиралевидного дискретно-точечного развития.

Но все общее лучше воспринимается не путем дидактических сентенций, а когда на первый план выходят тенденции не абстрактной «спирали миров» и не индивидуального «пути Эго», а общие процессы нашего соборного «Мы», которое лучше всего отражает взаимосвязь личностного и коллективистских начал нашего российского менталитета.

Как писал Гр. Сковорода, «тройное есть познание себя... По первому познанию ты узнаешь свое собство: почему ты Еремей? и какой ты Еремей? По второму познанию ты узнаешь свою статью: почему ты рус? и какова Русь? По третьему ты узнаешь свою общность: почему ты человек? и что есть человечество?» (цит. по кн. В. Ванчугов «Очерк истории философии «самобытно-русской» — М.: РИЦ «Пилигрим», 1994, с. 55-56).

«Понять свое «собство» невозможно, не ощутив себя членом великого русского народа, жителем Земли.

Но откуда же пошли мы — русские, мы — россияне, что далеко не одно и то же. Мы кто — славяне или скифы? Куда выведет нас генеалогическая нить, где ее земные и космические истоки?

Все в мире подвержено циклическим изменениям, с коротким этапом жизни поколения, тысячелетним периодом жизни этноса, с мил-лионлетним стажем Номо.

И сегодня на рубеже III-го тысячелетия со дня р.х. мы силится взглянуть в свое будущее. Но Земля наша российская — на историческом сломе, и циклы свиваются ныне в общий тугой узел. Поэтому познание себя требует проникновения в глубь трех циклов: собства, стати и общности.

Стоя здесь, на вершине Владимирского холма, где прошло историческое становление российского государства, я глубже ощутил эту связь природно-космического и индивидуально-родового начал евразийского россияинства.

Ибо здесь в борьбе и обще-житии с татаро-монгольскими пришельцами зародилось не противостояние, а единство народов будущей России как полинационального суперэтнического государства — сообщества, трудно живущей, но дружной семьи народов, спаянных единством жизни. Это всеединство многих народов, достигаемое не путем унификации и универсализации жизни, а сохранения культурно-исторического многообразия, и составляет суть российского поли-народа, когда системная интеграция разнообразия частных приводит к результату, много большему чем сумма составляющих. Но в каждом множественном «поли» есть некое интегрирующее, организующее ядро. Таким в истории россияинства является русский народ. Под этим именем существует не нечто застывшее, а то исторически развивающееся ядро российского суперэтноса, которое своим организующим антиэнтропийным началом формировало и поддерживает жизнеспособность суперэтноса как системного целого.

Эта системность достигалась путем природно-космической организации жизни человеческих сообществ, находящихся в ареале действия небесных и земных сил.

Русские церкви и погосты воздвигались на холмах, там, где космические силы наиболее соприкасались с выходом земных сил; и энергия этого взаимодействия рождала вихри пассионарности, возбуждавшие не просто одного человека, а соседствующие группы людей.

Так и Владимирская земля стала одним из очагов евразийского объединения народов, откуда пошла Земля Русская, которая не только была, но еще и станет новым центром космической интеграции человечества.

Осознать себя русским нельзя, не попытавшись осознать себя одновременно и Личностью и частью Космоса. Именно это триединое осознание себя на земле позволяет русскому человеку видеть окрест не только продолжение своего «Я», не только типично русский ландшафт и не только следы мировой цивилизации.

Это триединство «Я — Мы — Они», как и временная триада «вчера — сегодня — завтра», позволяет русскому полнее представить себя не только Еремеем и Гражданином Планеты Земля, но и Человеком как этапом (эном) космической жизненной волны.

Прошлое — это не просто память, это — трамплин в будущее. А уже как мы используем подъемную космическую силу этого трамплина, зависит не от фатального расположения звезд на небе, а от нас с вами — Жителей Земли, от того, как мы сумеем найти взаимопонимание с окружающей природно-космической средой и между собой.

Мы — из частных сложенный дом,
у которого общая крыша.

И себя мы тогда лишь найдем,
если сможем друг друга услышать.

Услышать друг друга — не просто, потому что в окружающем нас мире звуков мы воспринимаем каждый раз тот голос, на волну которого настроены сами. А потому друг в друге мы ощущаем то соплеменника, то единоверца, то соратника, то — со-землянина. **Нация говорит голосом крови, религия — голосом веры, наука — голосом разума, идея — голосом человека.** Услышать друг друга — это значит разом ощутить Я и не-Я в их разнотельной слитности. Мы — раздельны, но Мы — одно целое.

Человек-Атман как совокупное единство всех духовных, разумных и биофизических начал — это многоликий идол — топографическое отображение в нашем сознании окружающего природно-космического живого мира и Самого Себя.

Я — русский. Но кто — мои предки, откуда пришли они на эту землю; откуда вообще пришел «человек — резюме Вселенной».

Ух, кружится голова. Стоя на обрыве истории, я кидаюсь в омут своего далекого и вчерашнего прошлого, чтобы всплыть в ином пространственно-временном измерении своего не менее туманного будущего. Но... вперед.

Эпигенез человека

К. Ясперс в кн. «Смысл и назначение истории» (М: Республика, 1994) писал о трех фазах человечества: доистории — периоде становления человека как сознательного существа; собственно истории культурного сообщества, насчитывающей порядка пяти тысячелетий; и мировой истории глобального единства человечества в планетарном масштабе.

Все, о чем мы неоднократно читали в учебниках по истории древнего мира, начиналось с т.н. «осевого времени», с момента появления на земле «первых» цивилизаций, оставивших свои вещественные и письменные следы в Шумере и долинах Нила.

Историю же России обычно начинают и того позже, с «призвания варягов» и с поднепровского расселения славянских племен в 1-м тысячелетии до н.э.

А что было раньше — на нашей территории и вообще в мире?

Нас всегда влечет туда, откуда мы вышли.

Что было с нами — людьми до всемирного потопа, время которого сегодня по многим источникам определено достаточно точно — 13000 лет назад (см. И.П. Копылов «Электромагнитная Вселенная» — Изд. МЭИ, 1995, с. 35). Ведь мы — были и задолго до этого. В том числе и на пространствах Евразии.

Где и откуда появился человек в его сегодняшнем облике, как он «дошел до жизни такой» и куда влечет его земной рок?

Говоря о «геологической вечности жизни», В.И. Вернадский высказывал предположение, которое сегодня все более и более подтверждается научными теориями и фактами, что «земная и даже планетная жизнь есть частный случай

проявления жизни» вообще («Философские мысли натуралиста» — М.: Наука, 1988, с. 155), а не только в белково-нуклеиновых формах.

Земля «сконденсировалась» из допланетного облака 4,5 млрд. лет назад. Примерно таков же доказанный возраст (3-3,5 млрд. лет) и древнейших организмов, оставивших на земле следы своей жизнедеятельности.

Наша гипотеза — жизнь есть неотъемлемое свойство материи. Можно предположить, что столь же вечна и «разумная» жизнь.

По крайней мере, переживая на нынешнем земном этапе «жизненной волны» эволюцию эонов: «от энергетического облака — к минералам, а затем к живой природе и человеку», мы должны допустить, что каждый участок «спирали мира» (см. вып. 1, с. 101) находится под воздействием соответствующих стадий предшествующего и грядущего витка спирали.

И в пределах одного витка каждый эон испытывает влияние не только предыдущих стадий, но и последующих.

Все в природе взаимосвязано. Прошлое и будущее.

Надо только осознать, что наш земной мир — лишь этап развития общего мира, состоящего из вещественной, энергоинформационной, разумно-духовной и других видов трансформирующейся друг в друга материи.

Материя есть все, что существует.

«Человек... не есть случайное, независимое от окружающего (биосферы или ноосферы) свободно действующее природное явление. Он составляет неизбежное проявление большого природного процесса, закономерно длящегося в течение по крайней мере двух миллиардов лет» (В.И. Вернадский «Философские мысли натуралиста» — М.: Наука, 1988, с. 28).

«По крайней мере», половину срока существования Земли Вернадский отводит процессу сосуществования природы и человека в пределах земной ойкумены.

А если говорить о «живой пленке» нашей планеты, о «сознании» клетки и даже «сознании атома» (Ал. Бейли — Новочеркасск: Сагуна, 1994), то следует считать правдоподобной гипотезу о том, что биосфера, ноосфера, как и другие иноматериальные сферы не есть продукт только земных существ, эволюционирующих от простого к сложному. Эти сферы (240 сакуальных слоев земной брамфатуры — ее Шаданакар — по Д. Андрееву «Роза мира») формировались одновременно с плотным телом Земли, конденсирующим на себе вечно существующие в космической среде материальные субстанции жизни, разума и духа.

В сакуальных слоях земной брамфатуры обитают и даймоны — иноматериальные «предки» человечества, хранящие его генетический код, вечные мыслесущества — космические «полевые», архетипические праобразы землян.

Иноматериальные сакуалии Шаданакара — это дети, отцом которых является разбрасывающий полевые «семена» Космос, а матерью — Земля, выносившая их в своем чреве, давшая им жизнь.

Поэтому историю планеты и ее ойкумены правомерно рассматривать как взаимосвязанный процесс развития геолого-ландшафтной среды, биосоциального человечества и окружающих сакуалии.

«Гранитная оболочка Земли есть область былых биосфер» («Философские мысли натуралиста», с. 109). Во взаимодействии с ними «человек с о з н а т е л ь н о (разрядка моя — В.Б.) переживал десятки миллионов лет» (В.И. Вернадский — в сб. «Грезы о земле и небе» — СПб: Худож. лит-ра, 1995, с. 112).

Ноосфера (мир разума — по санскритски «Манодхату») вкупе с миром Акаши — Алайи (санскрит. — духовная сущность) образуют общий мир «Ассию» (Е. Блаватская) — синоним понятию «брамфатура» (Д. Андреев).

Может быть, это простое совпадение, а может быть, и еще не осознанная внутренняя связь понятий: духоразумной оболочки Земли — ее Асси, земной колыбели человеческой цивилизации — Ев-Ра-Азии, (Ева — мать, Ра — отец), и Ра-ассии (Солнечной страны России) — протобраза будущего мира.

«Место, где живут те или иные народы, помимо физического имеет еще и метафизическое измерение, будучи связанным с некоторыми духовными, надматериальными архетипами» — основной тезис «сакральной географии», которая «изучает глубинные тайны и закономерности истории народов и наций ... в их архетипическом духовном аспекте» (А. Дугин «Мистерии Евразии» — М: Арктогея, 1996, с. 8).

В данном случае термин «сакральный» следует понимать расширительно — не как примат религиозных основ историогеографии, а как совокупность всех естественно-природных и метафизических (иноматериальных) начал бытия, таинство которых освещено (свет-свят) общим лучом духоразумного (вера + факты) познания.

История Земли до «осевого времени» может быть с необходимой полнотой оценена не по вещественным, в т.ч. письменным и археологическим свидетельствам, а по сохранившимся в памяти древних народов образным представлениям о космогенезе и о становлении отдельных племен, этносов и рас (эпигенезе человека и человечества).

Эти образы запечатлены в основном в мифах. Но почему считать миф менее достоверным источником по сравнению с литературным памятником. Ведь летописец лишь зафиксировал на материальном носителе (камне, глиняной дощечке, бересте, папирусе) известную ему субъективную информацию; а миф — это коллективное творение многих поколений, разлитое в общей памяти Шаданакара.

Отдельные «посвященные», имеющие доступ к этой памяти, заносят «сакральную» информацию на современные «скрижали», делая тайное явным.

Разумеется, эта информация, как и любая другая, всегда субъективно-объективна. Но если даже в физике (микромира) наблюдатель и объект составляют единую систему, то в макрокосме, с которым человек связан генетически, будучи его монадой (часть тождественна целому), воспроизводство информации не может быть обезличено.

А ее истинность оценивается тем, насколько она отражает не частности, а общий ход космической спирали, проявляющейся в земной пространственно-временной плоскости в виде историогеографических циклов.

Достоверность любой гипотезы определяется, во-первых, ее внутренней гармоничностью, вписывающейся в более общую внешнюю схему, а уже во-вторых, практикой, прошлым и будущим бытием.

Общей схемой развития Космоса и человечества является спираль, каждый виток которой представляет собой «повторение» предыдущих «эонов» Великого Дыхания Космоса, отстоящих друг от друга как один день отстоит от другого.

Главное — что эта спираль своим стремим устремляла в общем потоке жизни все движение материи: и плотное земное тело, и ощущающую природу, и подсознание человека.

Первобытные народы обладали именно неразделенным синкретическим образным представлением, воспринимая себя, своих сородичей и природу как нечто целое, полностью подчиняя свое мироощущение и мироповедение череде природно-космических циклов: весна-лето-осень-зима; рождение-развитие-смерть.

Поэтому мифы всех народов столь пристальное внимание уделяли космогенезу и эпигенезу человека как единому процессу.

Наделение природы человеческими чертами, и наоборот, характеристика Ното космическими представлениями — это отражение единого процесса формирования Земли и населяющих ее народов в сакральном виде.

Сакральность (святость, заветность) — это не просто «тайная доктрина древней мудрости» (Е. Блаватская, А. Безант), оказавшаяся доступной нам благодаря озарению нынешних «посвященных». Это — система идеалов реального и трансцендентного (духо- и умопостигаемого) бытия, находящегося в гармонии с природно-космическими процессами.

То, что эта система, которой руководствовались люди «доисторического мира», известная нам из мифологии различных народов, во многих своих главных чертах совпадает у скандинавов и индусов, иранцев и славян, египтян и китайцев, как и у многих других жителей нашей ойкумены, позволяет считать описываемые процессы рождения мира и человека в достаточной степени истинными.

Китайский миф «Сань-у ли-цзи» (см. «Мифологии древнего мира» — М.: Наука, 1977, с. 379) свидетельствует, что «Небо и Земля были некогда слиты воедино (хунь-дунь), как куриное яйцо, внутри которого был порожден Пань-гу (имя, которое, может быть, означает — «свернувшаяся в кольцо древность»). Через 19 тысяч лет (?) изначальная масса разделилась пополам на светлое, из чего образовались Небеса, и на темное и тяжелое, образовавшее Землю... Когда Пань-гу умер, его дыхание превратилось в ветер и облака, голос — в гром, левый и правый глаза соответственно в солнце и луну, четыре конечности и пять пальцев — в четыре страны света и пять великих гор, кровь — в реки, мускулы и вены — в слои земли, плоть — в почву, волосы — в растения и деревья ...».

В иранских пехлевийских источниках подчеркивается, что «земля находится в середине неба как яичный желток в середине яйца» (Сб. «В мире мифов и легенд» — СПб: Диамант, 1995, с. 161).

В древнеиндийских «Ригведах» космогенез представлен так: «В начале всего был хаос... Воды и солнце были заточены или окутаны неким твердым покровом (скорлупой мирового яйца? — В. Б.), отчего использовать их для творения было невозможно. Небо и Земля также существовали, но в то время были еще соединены вместе... Мир пребывал в застое до тех пор, пока Небо и Земля не породили некую силу (бога Индру — В.Б.). Эта сила тотчас же разъединила их, заполнив собой пространство между ними. Затем, с помощью подвижного огня, сила преодолела инерцию, пронзила твердую оболочку (бог Индра убил змея Вритру) и опорожнила хранилища, заключавшие в себе воду и солнце. Все части космоса были приведены к порядку, или гармонии, а затем пущены в движение, чтобы действовать подобно механизму» («Мифологии древнего мира», с. 290).

Индра, побеждая змея Вритру, сковывающего живую силу воды, из потенциального мира «вызывает к жизни мир, где есть контраст света и тьмы, дня и ночи, жизни и смерти... Разъединяя небо и землю и укрепляя их порознь, он идентифицируется с космическим столпом, т.е. центром вселенной, выступая в роли оси мироздания» (Т.Я. Елизаренкова — в кн. «Ригведа» — М.: Наука, 1989, с. 497).

Космогоническая мифология скандинавской «Эдды» также раскрывает процесс формирования мира из пустоты Гинунгаган, в которой скопился застывший иней рек. Под влиянием огненного мира иней стал таять, и из него возник антропоморфный великан Имир. «Плоть Имира стала землей, кровь — морем, кости — горами, череп — небом, волосы — лесом, а ресницы — стенами Мидгарда» — жилища людей («В мире мифов и легенд», с. 308)

И в «Эддах» и в представлениях мексиканского народа майи в центре Земли стояло мировое дерево, пронизывающее все слои небес (там же, с. 532), в ветвях которого обитали боги, а по стволу между небом и землей сновала белка — символ живого естества.

И мировое дерево, и космический столп Индры — один и тот же образ взаимосвязи Неба и Земли, где обосновались и боги, и живые существа, и люди.

Если мир проявился из яйца Брахмы (с. 464), если природные сущности (воздух, реки, леса и т.д.) произошли из отдельных частей первобога (Индры, Имира, Пань-гу, Пуруша) разъединившего Небо и Землю и поддерживающего связь между ними, то люди, по преданиям многих народов, появились из земного материала и ожили после того, как небесная сущность вдохнула в них жизнь.

Так, согласно китайской мифологии (там же, с. 466) богиня Нюйва вылепила человечков из глины, эддийские боги (с. 308) оживили деревянные изваяния людей, а мексиканские творцы создавали и глиняных, и деревянных людей (с. 530).

Славянская «Голубиная Книга» говорит о происхождении человека так:

«У нас мир — народ от Адамия;
Кости наши от камня,
Телеса наши от сырой земли,
Кровь — руда наша от черна моря..»

Очи Адама (первочеловека — В.Б.) взяты от солнца, мысли от облаков (однако разум от Святого Духа)... Развивая идею о сотворении мира, Адама из земли, певец видит в существе Адамовом те же элементы, что и в космосе. Между миром и человеком та же неразрывная связь, что и между организмом матери и сына» (Г.П. Федотов «Судьба и грехи России» — СПб: София, 1992, т. 2, с. 69).

Если организм человека тождественен «Богородице — мать земле сырой», то организующее начало принадлежит Космосу-Святому Духу. В результате явился миру Человек,

«воплотив Свята Духа
во сырую землю,
во всю поселенную»

(там же, с.72).

Итак, мифологии древнего мира дают схожие картины происхождения Поднебесья и человека в нем. Эти картины настолько часто повторяются в преданиях многих территориально удаленных друг от друга народов земли, что возникает естественное предположение, что все они отражают (каждая — своим языком и своими именами) реальную схему становления «доисторического мира»: расслоение хаоса и формирование организованного космоса из яйца под влиянием Первосущества (для данного этапа «жизненной волны» в нашей Вселенной), имеющего своим праобразом «живую силу» (Индра — живая сила) предшествующих витков космической спирали.

Первосущество из тела своего дает жизнь природе и людям по образу своему и подобию, используя для этих целей земной материал и дух организованного космоса.

«Свят Дух» — это олицетворение внешнего праобраза, возникшего на предыдущей волне «великого дыхания» Космоса, и одновременно — продукт духовного творчества сегодняшнего человека.

Человек — Космос — это взаимосвязанные модели друг друга, имеющие промежуточное звено — божественного посредника — поднебесное Первосущество.

Эта модельная аналогия «человек — бог (Первосущество) — космос» прослеживается как на уровне физического облика, так и на уровне тел Разума и Души, принадлежавших миру ноосферы и Акаши.

«Все возникшее во времени, имеет свое начало (точнее, пра-образ — В.Б.) в вечном» (Р. Штайнер «Летопись Мира» — Пенза, Каталог, 1991, т. 1, с. 179). И пусть вечное недоступно вещественно-чувственному восприятию, однако по мере заново овладения человеком частично утраченным в ходе эволюции образным мышлением, развития его умопостигаемых представлений о полноте сущего, Homo sapiens сможет

открыть для себя и окружающих ту «древнюю мудрость», благодаря которой мир представляется не просто синкретическим (нерасчлененным на части), а интегральным системным все-единством, где целое больше, чем сумма обозначенных частей.

При этом духовное зрение не противопоставляется чувственному восприятию и рационалистическому разуму, а все вместе составляет единый арсенал средств познания мира (и себя в нем). Многоаспектность познаваемого мира отражается аналогией между внешней природной средой — макрокосмом и внутренним миром человека — мегакосмом. Все, что вовне, то и внутри.

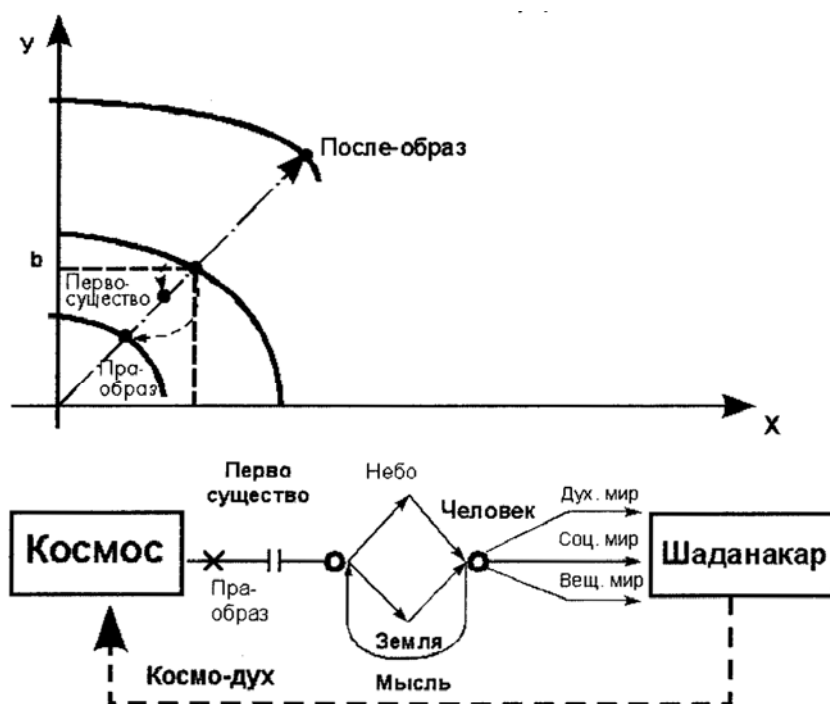

Рис. 3.1

Об этой аналогии: «Что на Небе, то и на Земле; что вверху, то и внизу» говорил в своих «изумрудных скрижалях» полумифический древнеегипетский мудрец Гермес Трисмегист, живший, по преданию, 5 тыс. лет назад.

Аналогия — не только метод познания тайного через явное: космоса через структуру человека, и человека — через поведения космоса. Она — объективный принцип и самого миротворения.

«До того, как была образована видимая вселенная, была отлита форма. Эта форма называется Архетип, и этот Архетип был в Верховном Уме задолго до того, как начался процесс творения», — утверждал тот же Г. Трисмегист (цит. по кн. М. Холл «Энциклопедическое изложение ... символической философии» — СПб.: Спикс, 1994, с. 117).

Но и сам Верховный Ум есть продукт эволюции, когда Пустое Нечто расслаивается на полярные составляющие «инь-ян», разность потенциалов между которыми приводит к их вихреобразному движению друг относительно друга. Движение есть Жизнь, а Жизни всегда сопутствует Разум. Проекция этого движения — Космическая спираль.

Человек как космический фантом не есть продукт только эволюционного развития обезьяннего стада. И он сам и его мозг формируется в силу одновременного действия двух факторов: биофизической эволюции живого существа и полевой структуры архетипических праобразов, которая запечатлевается на пластичном множестве нейронов. Так, на замерзшем окне, конденсируясь, частички инея воспроизводят рисунок разлитого в воздухе гармоничного узора, подобного листу растения.

Что было раньше — растение, узорчатая форма которого запечатлена в полевой воздушной структуре; или некий пра-образ этого узора как отражение гармонии космической структуры?

И то и другое существуют и развиваются одновременно по принципу обратной связи — будстрапа.

Также и человек. Он формируется по образу и подобию Первосущества, которое само есть продукт мыслительного и духовного творчества человека.

И религия и атеизм находятся в плену причинно-следственной догмы. Одни утверждают, что Бог создал и землю, и небо, и самого человека. Другие — наоборот, считают, что Бог — это образ, созданный слабо развитым существом как отражение всех недоступных разуму явлений в окружающем мире.

Мне представляется, что только приняв версию о непрерывном взаимодействии биофизических тел, генерирующих полевые сигналы — ноосферные и духовные образы, с полевыми структурами сакуальных слоев земного Шаданакара, через которые космос своими предыдущими и будущими пра-образами и после-образами влияет на формирование и поведение живых разумных существ на нашей планете, можно уяснить эволюционно-инволюционный эпигенез человека как «резюме Вселенной».

«Инволюция Духа идет рука об руку с Эволюцией формы ...

Форма была построена посредством Эволюции; Дух ... вошел в нее посредством Инволюции; но средством для разработки улучшений является Эпигенез ... Эпигенез дает возможность добавить нечто, что делает ребенка отличным от его родителей. Там, где Эпигенез не проявляется активно в личности, семье, нации или расе — там прекращается эволюция и начинается вырождение» (М. Гендель «Космогоническая концепция» — СПб: Комплект, 1994, с. 266, 271).

Первая тайна Космоса — это «великий космический ритм Бытия и Небытия» («Космические легенды Востока» — М.: Сфера, 1991, с. 14).

Небытие — это Инобытие, когда не существовало времени и пространства в привычном нам смысле длительности и протяженности, ибо вся духовная и вещественная материя составляла Пустое Нечто.

Космический ритм — это чередование периодов проявленной (День) и непроявленной (Ночь) жизни Космоса. Ночь отделяет один день от другого.

Один «день Браммы», длящийся «четыре с лишним миллиарда лет» (см. возраст Земли), после столь же длительной «Ночи» — Небытия (Инобытия) во многом повторяет своего предшественника, храня в космической памяти пра-образ дней предшествующих.

Это череда есть космическая спираль, закону которой подчиняются все живые и косные миры, в т.ч. и мир человека — мегакосм.

Космическая спираль бытия непреложно свидетельствует о том, что любое существо в данный момент есть одновременно продукт и био-физической эволюции, и структурной инволюции (развития формы под действием внешнего пра-образа). Закон кармы («воздается по делам твоим») отражает обратную связь между прошлым и будущим функционирующего человека. Принцип будстрапа отражает сакральную связь между космосом и становящимся человеком.

Внешние факторы не сами по себе меняют структуру человеческого тела, а вызывают изменения в генетическом материале живого существа, которые под влиянием среды и образа жизни закрепляются и эволюционируют в сторону становления и развития Номо.

Эпигенез есть результат качественного скачка, проявляющегося вследствие дискретной положительной обратной связи между структурой окружающего поля и формой — плотного тела, когда любое изменение одной субстанции усиливается и закрепляется изменениями в другой в направлении общего стержневого развития системы: от хаоса — к организованной структуре, воспроизводящей новое существо, творческая деятельность которого направлена к негэнтропийному упорядочению мира.

Окружающий нас космический многомерный Мультиверсум (см. Ж. Балле «Великие загадки Земли» — М.: Пангея, 1995, с. 264) способен хранить вне «земного» времени информацию о всей предистории человечества и о его будущем, трансформируя эту информацию посредством мифических образом в биоэнергетические сигналы, приводящие к структурному оформлению физического облика «новых» земель.

Мультиверсум формирует космическую память (тезаурус) не только человечества, но и всего мира Разума. Номо на основе этой общей памяти формирует прогностическую модель поведения своего «Я» в окружающей среде. Стремясь изжить рассогласования на выходе собственной модели-фантома космоса с сигналами на выходе общего тезауруса, человек стремится к слитности с идеальным образом своего будущего «Я», совпадающим с поминутно обновляющимся в его сознании образом Первосущества, своего архетипического предка и космического потомка. Стремясь к личностному общению с этим идеалом, Номо представляет

Первосущество в человекообразном виде. Синкретический образ божественного Первосущества есть коллективно-индивидуальное отражение в нерасчлененной родовой памяти перволюдей того взаимодействия природно-космических сил с био-геологическими и психо-энергетическими силами, исходящими от людей и от земли в данной местности, которое связано с планетарно-космическими циклами в многогранном мире живого и разумного Мультиверсума.

По мере самостановления человек начинает выделять себя из среды, обособляться в собственном «Я», развивать сначала физические задатки, необходимые для выживания: плодовитость для количественного приумножения себе подобных — средство самовыживания, прямохождение, овладение орудиями труда, приумножающими его физические силы; а затем — ум, позволяющий ему лучше адаптироваться к изменяющейся внешней среде и приспосабливать ее к своим надобностям.

«Эволюция идет от хаотического множества к организованному не иначе, как через предварительное развитие самобытности каждого члена» (В. Шмаков «Закон синархии» — Киев, 1994, с. 88).

По мере индивидуального развития Ното и количественного приумножения человеческих особей возникает потребность в организации социума на базе трансформации родового и индивидуального сознания человека.

Спираль развития человечества являет собой переход от коллективного бессознательного к индивидуальному сознанию, а затем — к «планетаризации сознания».

Но этого мало.

Цель человечества — осознав свои первоистоки как земное порождение космического праобраза, накопив за время своего нынешнего витка космической спирали материальные и разумные достижения, заложить духовно-организующие начала в околоземном Шаданакаре, дабы потомки начали не с биологического стадного коллективизма, а с духовно-разумного социализма.

Осознать свои первоистоки можно только сакральным путем, воспринимая на веру мифологическую информацию о вечном акте творения человека и Вселенной по образу и подобию друг друга.

Причем этот «путь» ведет нас не только по этапам «доисторического» периода Земли, но и по зонам ойкумены, где связь космоса с геологическими и духовными силами Земли также формировала основной стрежень спиралевидного пути человечества.

Распространенным среди геологов является взгляд, по которому первоначально на поверхности Земли существовал единый суперматерик — Пангея, разделившийся около 200 млн. лет назад на два материка — Гондвану в Южном и Лавразию — в Северном полушарии (см. атлас «Земля и Вселенная» — М.: Аткап, 1994, с. 70).

Не связан ли этот 200-миллионный возраст с продолжительностью т.н. галактического (сидерического) года — периода обращения Солнечной системы относительно центра Галактики.

Но как бы то ни было, «кристаллизация всегда начинается на полюсе планеты, где движение замедленно» (М. Гендель, с. 211).

Именно на полюсе началась человеческая эволюция. Из разреженной (полевой) живой космической субстанции, окружающей нашу планету, формировалось плотное тело человека, имеющего на макушке открытое отверстие — детское «родничковое место», через которое осуществлялась его подсознательная связь с космосом, с его ноосферой и акашей — сакуальными слоями мысли и духа. Сам же человек пребывал в состоянии транса, проходя в этот «утробный период» своего становления процесс формирования своей многотельной конструкции.

В зачаточном состоянии на основе земного материала формировались первые три из общих семи тел

физическое тело,

эфирное тело,

астральное тело.

Эфирное тело составляла космическая полевая субстанция, посредством которой человек сохранял сверх-чувственное восприятие среды, продолжая оставаться элементом общих сакуальных слоев земли, не имеющих пространственно-временного выражения. Эфирное существо человека разом ясновидчески воспринимало все, содержащееся в этих слоях. У него еще не было собственного сознания, он был частицей коллективного «мы» — своих соплеменников и частицей общего «они» — космического разума и духа.

Через эфирное тело человек ощущает себя связанным с физическим миром Земли и Космоса. Он как бы включен в элементарное существо мира.

Эфирное тело как энергетический дубликат физического тела управляет и поведением его органов, и формирует сами эти органы как голографическое отражение на земном биологическом материале соответствующих космических прототипов. Действительно, структура человеческого тела во многом напоминает (при эзотерическом использовании метода аналогий человека и Вселенной) чертеж космоса, а свойства планет и созвездий соотносятся с энергетическими чакрами физического тела. Примеры тому можно найти в кн. В. Еремеева «Чертеж антропокосмоса» (М: АСМ, 1993) и многих других эзотерических источниках.

«...железы, органы размножения и питания созданы эфирным телом. Астральное тело — строитель нервной системы, а «Я» вкленило в организм кровь ... Эфирное тело связано с головой... Сердце бьется под влиянием астрального тела...» (Р. Штайнер, цит. по кн. Г. Бондарев «Ожидающая культура», М.: Эксмо, 1966, с. 500).

Астральное тело — это тело человеческих желаний, чувственных восприятий, душевных страстей.

«В эфирном теле человеку напечатлевается разум космоса... Благодаря общим свойствам эфирного тела люди понимают друг друга...

В астральном теле духовный мир напечатлевает человеку моральные импульсы... Астральное тело ... содержит в себе больше индивидуального, личного». «В Я — организации человек переживает самого себя как духа». (Там же, с. 496).

Совокупное воздействие этих тел позволяет человеку ощущать себя членом духовного мира, частью общего Акаши, во взаимодействии с которым у человека пробуждается собственное чувственное «Я».

Подобное представление о многих «телах» может быть применено не только к отдельному человеку, но и к целому сообществу — народу.

Первобытные народы были подвержены массовому групповому сверхсознанию, определяющему поведение человеческой стаи как единого целого. Это воздействие осуществляется посредством коллективного эфирного тела.

«Эфирноетело народа отражается в народном темпераменте...» (Там же, с. 503)

Темперамент как определяющая черта народного характера есть отражение природной и сакральной окружающей среды в массовом подсознании человеческой группы — нации, этноса, народа.

Астральное же тело народа есть его коллективная душа. Для русских она характеризуется «зноем вожделиний» и «текучей возбудимостью» (по определению Р. Штайнера, там же с. 75), т.е. повышенной чувственностью, склонностью к крайним экстремальным самовыражениям.

«Как тело состоит из физического тела, астрального и эфирного, так и душа состоит из ощущающей, рассудочной и сознательной...

Чувствовать себя душой ощущающей означает: человек почти ничего не знает о том, что он мыслящий; человеку тогда совершенно не дано иметь мыслей, но зато он состоит в постоянной чувственной связи с внешним миром, пропитанным духом...

Душу, пользующуюся услугами мышления, обозначим душой рассудочной...

Позволяя ожить внутри себя независимой истине и добру, человек поднимается выше души ощущающей... То, что в душе вспыхивает как вечное, мы назовем здесь душой сознательной...

Роза вызывает во мне ощущения. — Это действует душа ощущающая. Затем я могу думать о ней, тогда действует душа рассудочная. Но если теперь — после чувств и мыслей — я сделаю из цветов букет и скажу себе, что он может кому-то понравиться, принести радость, то я перехожу к действию, вступаю в душу сознательную, снова привожу себя через нее в соприкосновение с миром» (там же, с. 496-497).

Эти определения разновидностей души чрезвычайно важны для характеристики становящегося человека и развивающегося человеческого сообщества, ибо история народов определяется не только физико-географическими условиями природной среды, но и сакральными свойствами души главного исторического действующего лица.

Всякая национальная целостность есть Космо-Психо-Логос, т.е. единство национальной природы, склада психики и мышления (Г. Гачев «Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос». — М: Прогресс-Культура, 1995, с. 11). И там же: Природа — это не географическая среда. Это — Матерь (я)» (с. 16).

Каждый народ представляет себе мир и суть жизни по-своему.

Эллада представляет бытие как шар, в котором главное — мера, ритм; Германия — как дом, в котором царствует причинность;

Америка — как небоскреб, искусственное дерево, обвитое змеем (изображение доллара).

Для России символ: «внизу Мать — сыра земля, над ней Народ — Светер (Свет + Ветер) и государство — Кесарь; а меж ними — Путь дорога...»(с. 477)

Для русского народа его характер, душа, дух являются не вспомогательными, а главными факторами исторического развития Евразийской ойкумены.

При этом духовный мир, в котором обитает русская (и любая другая) душа народа, также многогранен.

«Возвысьте свое чувство и ощущение до характера вечного, и вы будете жить в Буддхи (Жизнедухе)...

Возвысьте свою мысль до постижения вечного, и вы будете жить в Манасе (Самодухе)... Духочеловек связан воедино с душой сознательной...

Высокоразвитый Манас, воспринимающий Буддхи, — это мудрость, София, Матерь...» (Г. Бондарев, с. 499).

Жизнедух, Самодух — это духовные миры, в которых полностью раскрывается Духочеловек.

А поскольку российский Духочеловек — главное действующее лицо в Софийном мире, где сливаются воедино природно-чувственные, материально-социальные и космически-нравственные сферы Всеединства души, разума и тела человека и народа, то историю России нельзя понять, рассматривая события лишь с какой-то одной стороны, как это было бы возможно применительно к индуистской созерцательности, греческой мечтательности и немецкой рассудительности.

Русская душа — не просто прилагательное к характеристике русского народа, она есть Само Существительное, живущее в истории своей самостоятельной жизнью, балансируя под постоянным воздействием ариманических и люциферических сил и находя свой собственный путь на взвихренном пространстве Евразийского континента.

«Ариман хочет удержать мышление в физически-чувственном мире» (там же, с. 503), привести его к сухому рациональному познанию и деланию. Люцифер же требует «строгой охраны откровения веры от проникновения в него человеческого познания»(с. 502).

Под действием этих двух сил и совершается спиралеобразное историогеографическое развитие человека и народов земной ойкумены.

В космической спирали на плоскости рационалистического (ось x) и духовного (ось y) бытия соотношение a/v меняется в процессе эпигенеза человека (на нынешнем витке жизненной волны) от приполярного (духовно-полевого) состояния ($a = 0$) до максимального рационализма ($v = 0$) и т. д. на протяжении всех четырех квадрантов одного витка.

Сознание русского народа проходит свой исторический естественный путь: от коллективно бессознательного люциферного существа — к ариманическому индивидуальному развитию «Я» — и не особенно задерживаясь в этой стадии — к полному развитию Духочеловека как наиболее всесторонне развитой Коллективной Личности, с ее соборным менталитетом и общинным образом практического и духовного Бытия.

Рис. 3.2

Сакральный путь

После столь развернутого пролога, имеющего целью ввести читателя в мир эзотерических понятий применительно к общему процессу становления многоматериального Шаданакара вкупе со становлением Духочеловека как главного действующего лица «сакральной истории» человечества, естественно сделать попытку представить исторический путь России в духовно-космическом ареале Евразии.

Россия — в данном случае не объект, а субъект Истории, потому что речь идет не о развитии государственного образования, а о судьбе Народа, не ведомого кем-то по историческим спиральям ойкумены, а прокладывающего эти пути силой своего Космического Духа.

Россия и сегодня, и в прошлом — это основная часть Евразии — бывшего Лавразийского континента.

Многое из того, что будет сказано дальше, плод моих и чужих домыслов, не подкрепленных в должной мере авторитетными археологическими или другими историческими свидетельствами. Скорее всего — это гипотезы. Но и они имеют право на существование, если удовлетворяют двум критериям — логичности и красивости.

Как говорил мой учитель — проф. Лукашов Э.С. — технарь «до мозга костей», но человек широкого поля мысли, «первым критерием истинности любой теории является ее внутренняя красота (гармоничность), а уже вторым — практика».

Для истории второй — практический критерий вообще мало применим, тем более — для доисторических событий.

Это дает возможность полету фантазии, ограниченной лишь двумя правилами: минимумом внутренних противоречий и соблюдением общего принципа развития мира — его спиральности, проекция которой есть цикличность.

Следуя Штайнеровской «Летописи Мира», восходящей к «Космическим Легендам Востока», история Земли и человечества состоит из семи эпох: полярной, гиперборейской, лемурианской, атлантической, арийской и двух пока еще не получивших свое наименование, связанных с будущими трансформациями ойкумены.

Каждой из этих эпох соответствует своя коренная человеческая раса, характеризующаяся различным соотношением эфирных, астральных, физических тел человека, его «Я», а также души ощущающей (Жизнедуха — Будхи), души рассудочной (Самодуха — Манаса) и души сознательной (Духочеловека, пребывающего в мире коллективной Мудрости — Софии).

Эти названия рас не следует путать с современными представлениями о монголоидной, негроидной и европеоидной расах, имеющих (судя по названию) связь с географическими представлениями об особенностях развития человека в пределах нынешней ойкумены.

Каждая из сакрально-исторических рас имеет не только географическую и историческую родину, она имеет свои архетипические особенности, обусловленные исходным соотношением духовного и рационально-вещественного в становящемся человеке.

И эти особенности были вызваны не просто сложившимися ландшафтно-климатологическими особенностями в той или иной части ойкумены. Не облик Земли формировал расы и «тела» народов, а и то, и другое формировалось сообразно общим энергоинформационным потокам, в которых сливались и внешние космические сигналы, и их земные отзвуки. И здесь не было строгой последовательности причинно-следственных связей: космос — земля, как обратно земля — космос. Эти прямые и обратные связи были связаны замкнутым кольцом, где нет начала и нет конца, но все зависит от всего.

Ибо Земля наша (и человек) обладают не только одной координатой времени — однонаправленной длительностью, но и объемным временем, включающим в себя и координату памяти, обеспечивающей повторение, движение по кругу, и линию осуществления возможностей (см. П. Успенский «Новая модель Вселенной» — С.-Петербург: Изд. Чернышева, 1993, с. 442).

Именно в трехмерном теле времени мы, воспринимаем мир, движущийся не от начала к своему концу, а бесконечно повторяющийся в своих реально возможных вариантах.

Я думаю, что именно такое объемно-временное представление истории позволяет говорить не о последовательных эпохах развития Земли и человеческих рас на ней, а о сложных спиралях времени, то пронизывающих реальный физический мир, то уходящих в нематериальные пространства и вновь возвращающихся в нашу «грешную действительность».

Полярная эпоха — период кристаллизации плотного физического тела, когда часть жизненных функций человека еще оставалась в его эфирно-астральном теле, пребывающем в трехмерном времени. Поэтому полевые тела становящегося человека еще не испытывали однонаправленности (продолжительности) времени и могли общаться сквозь протяженное пространство посредством специального органа на вершине тела (ныне выродившегося в шишковидную железу).

Я думаю, что наличие двух полюсов у Земли определило и одновременное появление физического человека на севере и на юге планеты — в Лавразии и Гондване. И эти люди могли общаться между собой посредством космической связи, ибо каждый из них через свою «макушку» соединялся с ноосферным миром и миром Акаши, опоясавшим всю планету. Сегодня эти возможности первых людей атрофировались в связи с «зарастанием» родничкового места, и наблюдаются лишь у отдельных ясновидящих. По-моему, об этом пишет и В.П. Казначеев, признавая, что «адаптация человечества (к земным условиям жизни — В.Б.) сопровождалась как бы дисэволюцией, потерей основных солитонно-голографических форм интеллекта, которые, по-видимому, были частью других космических форм жизни и живого космического пространства» (Вестник МИКА, вып. 1, Новосибирск, 1994, с. 11).

В этих же работах описаны и «аномальные» явления, обнаруженные в 1992 году в эксперименте «Северное сияние», когда пакет образной информации, интеллектуально сформированный на Крайнем Севере (в зоне «парадоксального течения времени» — выше 73° с.ш.) и ориентированный на небесный объект (полная Луна), устойчиво воспринимался оператором, рожденным в полнолуние, через три и более суток (там же, с. 31).

Со ссылкой на идеи Н.А. Козырева утверждается, что за 73° с.ш. мы оказываемся в зоне гипотетически противоположного хода времени — «от будущего к настоящему».

Думаю, что сохранившиеся от далекого прошлого «аномалии» имеют место и вблизи Южного полюса и сохраняют те особые «рудименты» Полярной эпохи, когда человечество обладало космическим интеллектом.

Отсюда становится более-менее понятной идея о том, что разумное человечество (полярная раса) зародилось именно вблизи полюсов. При этом само понятие «зародилось» следует понимать скорее в обратном смысле.

Сохранившиеся рудименты космического интеллекта полуэфирного мыслесущества соседствовали с проявлением чувственности уплотняющегося физического тела человека.

«Первоначальный человек ... был существом эфирной формы, лишенной плотности» (КЛВ, с. 42).

И лишь по мере уплотнения тела (перехода энергоинформационной материи в биофизическую форму) происходило перераспределение — переход космического интеллекта в чувственную сферу.

О «лучистом человечестве» как о наших далеких предках и о будущих столь же отдаленных потомках говорит и К.Э. Циолковский.

Физический человек в конце полярной эпохи не начал, а еще не разучился космически мыслить, чему способствовали особые условия приполярных зон.

Фантазировать на эту тему можно много, но, думаю, что гипотеза полярного происхождения *Homo sapiens* должна восприниматься не как эволюция интеллекта благодаря развитию мозга живого существа, а как сохранение в развивающемся мозге элементов полевого космического сознания, общающегося с ноо- и духосферой космоса.

Поэтому «Хроника Акаши» есть попытка трансляции прежних космических праобразов в архетипическое сознание (подсознание) становящегося человечества.

Гиперборейско-лемурианская эпохи, по-моему не есть последовательное чередование различных этапов становления человечества.

Думаю, что они протекали одновременно по мере «опускания» человека с полюсов на более низкие земные широты.

Отличительной чертой этой общей эпохи было интенсивное увеличение физических размеров тел живых существ.

Именно количество особей и их масса должны были заменить прежнее интеллектуальное качество, которое постепенно ослаблялось в силу ослабления связей человека с космосом.

Первые этапы «творения» физических живых существ происходили с гораздо большей интенсивностью всех процессов (при больших значениях «хронала», величины обратной длительности времени) — см. А. Вейник «Загадки сотворения мира». Это выражалось в «гигантомании» физических тел растительности, животных и человека, а также в их массовости.

Нити мха были более 2-х метров в обхвате, длина динозавров достигала 35 м, рост лемурианца — 18 м. Великаны проживали и вблизи полярного круга — в Гиперборее.

Гиперборейская земля — северная часть Лавразии простиралась на территории нынешней Чукотки — Якутии — Урала — Скандинавии.

Лемурия — в южном полушарии — от Австралии до Южной Африки, включая бывшие материки, ушедшие на дно Индийского океана. Предположительно,

каменные колоссы на о. Пасхи — это скульптуры древних лемурианских жителей, от которых сохранились и нынешние негроиды.

Возможно, что южно-полярная спираль была не единственной, а существовало две со встречным вращением спирали. Одна охватила бывший материк Индийского океана, а оттуда — разделилась и ушла частично в Индонезию, а частично через Африку в Южную Атлантику.

Другая спираль прошла между Африкой и Южной Америкой и опять же — в Атлантику.

Любопытна картинка лемурийской спирали с переходом в атлантическую спираль на географической карте Земли, приведенной в кн. Г. Бондарева «Оживающая культура» (с. 63).

И все же мне представляется более логичной (красивой) версия не об одной, а о двух спиралях, начинающихся на северном и южном полюсе, проложивших сакральный путь по земной ойкумене. Каждая из этих спиралей раздваивается в свою очередь на две ветви с противоположным направлением вращения.

При этом «в Атлантиде (как и в Лемурии — В.Б.) не было того, что мы называем историческим временем» (с. 64). В это «доосевое время» (по К. Ясперсу) человечество непосредственно ощущало себя в трехмерном времени, постепенно утрачивая эту способность по мере становления физического мира — физической цивилизации. Во временном мире человек с трудом сохранял (в мифологии) себя на плоскости памяти, образованной координатами длительности и вечности, а реальную жизнь соотносил лишь с однонаправленным процессом — от прошлого к будущему.

Эта же атрофия памяти происходила и в Гиперборее, где последующие потомки практически полностью устранили доисторические памятники и пытались предать забвению мифы гиперборейских народов.

Частично они сохранились лишь в Ведической мифологии древних ариев, которую из человеческого исторического сознания пытались вытеснить потомки атлантов.

Но лишь в последнее время «тайная доктрина» Востока проливает некоторый свет на доисторическую Евразию.

Появились гипотезы о прародине евразийского человечества — приполярной Арктиде, ушедшей на дно Ледовитого океана и передавшей историческую палочку Гиперборее.

Хотя эту полумифическую страну многие мифологические источники относят на место современной Гренландии, в северную часть Атлантического океана, мне представляется более правдоподобной гипотеза о двух потоках человечества, протянувшихся двумя спиралями (с противоположным направлением вращения) 5-6 млн. лет назад по общей Гиперборейской Земле — северной части обширного Лавразийского континента, простирающейся от Чукотки и Якутии до Урала и Скандинавии.

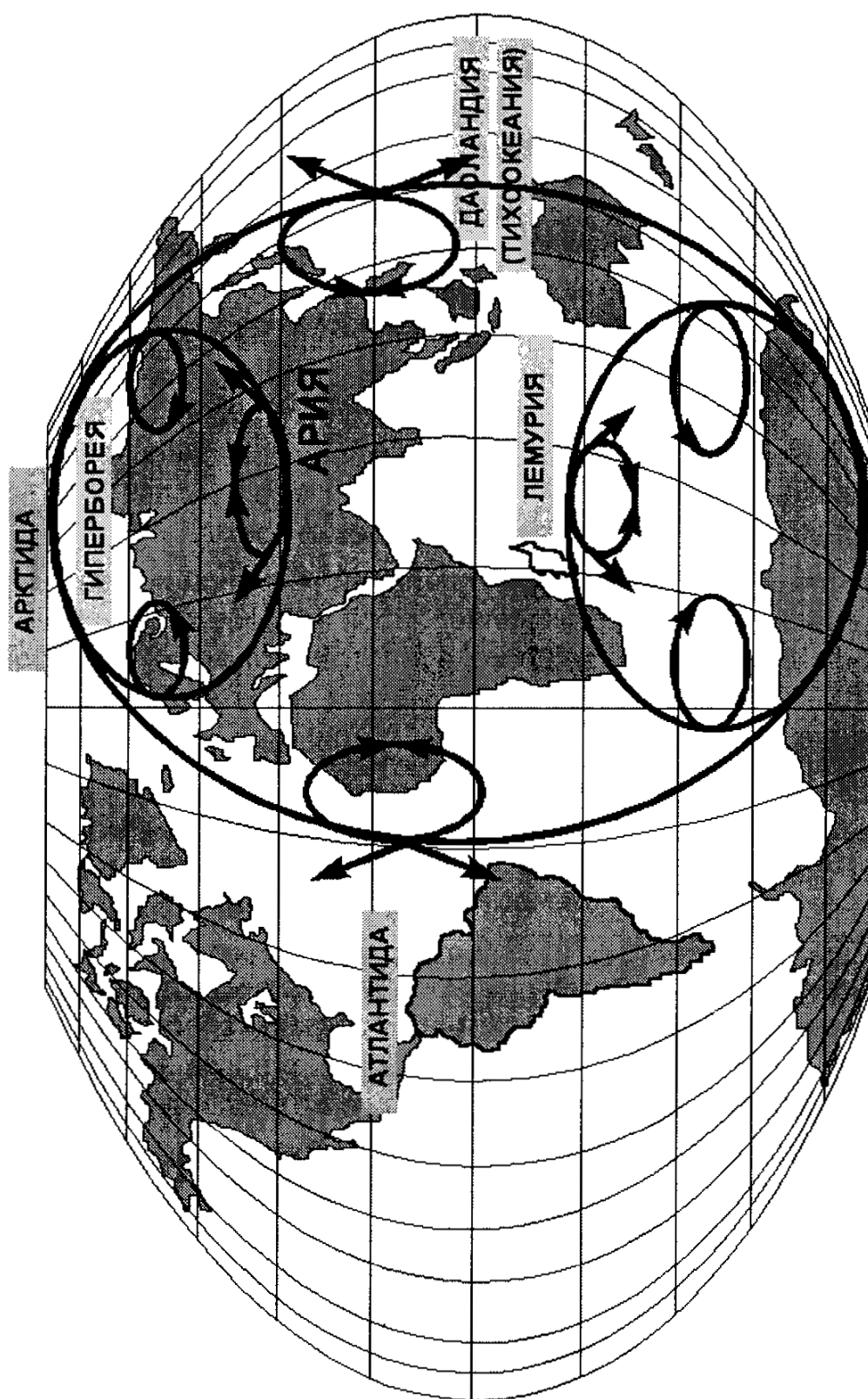

Рис. 3.3

Один поток после гибели Арктиды сместился в район нынешней Якутии и осел вдоль реки Лены, а затем разделился в свою очередь на две ветви, одна из которых через Берингов пролив проникла в Америку; а другая — через Сибирь — Среднюю Азию спустилась в Иран, дав начало арийской цивилизации, о чем упоминают Веды.

Второй поток через Таймыр и Скандинавию проник в Северную Атлантику, а оттуда, совместившись с южным потоком из Африканской Лемурии, обжил легендарную Атлантиду. Об этом Веды не упоминают, ибо они отражают исторические воспоминания лишь восточного крыла Гиперборейской (будущей арийской) расы.

Не очень понятно, почему народ Арктиды назван В.М. Кандыбой русами (думаю, что это ультрапатриотический перехлест, ибо название русов, как и россов появилось даже на сакральной исторической карте Евразии позднее), но предистория евразийской цивилизации, описанная в его книге («История русского народа» — М.: КСП, 1995) вполне достоверно рисует те далекие времена.

Естественно, что симметрия спиралей — южной и северной с их двоящимися витками представляет собой не какое-либо научно-фактологическое событие прошлого, а гипотезу, истинность которой может быть обоснована лишь ее гармонией, восходящей к реальным историческим следам — Атлантиде и Арийской цивилизации, сложившейся на просторах Евразии.

Не соответствует ли восточная спираль правому полушарию мозга, ответственному за образное мышление, а западная — левому с его логичностью. А человечество в целом состоит из двух ветвей, как и мозг — из двух полушарий.

Более подробно рассмотрим именно северные спирали, ибо они дают проработанный образ русского народа и его предков, колесивших по Евразийскому континенту в виде двух основных потоков арийской и норманно-славянской рас, восходящих к общему гиперборейскому народу.

Источниками большинства сведений об этой первоисторической гиперборейской эпохе человечества являются арийские Веды в современной интерпретации их индуистских и русских (славянских) мифологических представлений. При всей спорности суждений о достоверности существования таких источников главным критерием для нас будет историческая обоснованность их утверждений с точки зрения гармонического представления о тех человеческих вихрях, которые бушевали на просторах евразийской ойкумены.

Разумеется, истинность тех или иных представлений не содержит некоего абстрактного Абсолюта, ибо любое явление (даже физическое, не говоря уже об общественно-историческом) неизбежно включает в себя и позицию наблюдателя.

Поэтому, возможно, с позиции грека или немца мировая история явилась бы своей особенной стороной.

Но мировая история с позиции современного и будущего русского человека еще не написана. И этот взгляд может быть не просто любопытен как еще одна историческая версия, а как общемировой прогноз, ибо наступающее третье

тысячелетие — это начало русского (а не славяно-норманнского) этапа мировой цивилизации. Ибо человечество в этот период неизбежно начнет восхождение через мир души рассудочной в мир души сознательной, соединяющий в себе софийную мудрость, которая подспудно таилась и зрела именно в душе русского народа.

Другие народы, в т.ч. и современные европейцы и американцы, слишком много сил отдали становлению души рассудочной. Честь и хвала им за этот неоценимый вклад в мировую цивилизацию, но их жизненный цикл уже вошел на нисходящую ветвь. На их плечах мы возвысимся до той духовной цивилизации, которая соответствует завершающей стадии нашей жизненной волны, конца того витка человеческой спирали цивилизации, который начался гиперборейским коллективным подсознанием — первой стадией земного существования *Homo sapiens*.

Эта спираль проецируется и на евразийскую ойкумену в виде двух: восточных и западных ветвей, начиная с Полюса и заканчивая им же, охватывая по пути весь северный континент, по которому в течение миллионов лет путешествовали народы, идентифицируясь в нации и образуя суперэтноты с той или иной духовно-рациональной доминантой.

Приведенная схема разрешает те противоречия между западной (норманнской) и восточной (скифско-арийской) ветвями гиперборейского происхождения евразийского человечества, свойственными Виртовской теории «происхождения человечества», приведенной в кн. А. Дугина «Гиперборейская теория» и «Мистерии Евразии».

Начало гиперборейской расы не соотносится к какой-то одной точке Лавразии.

Из Арктиды очеловеченные пра-люди, сохранявшие в себе и коллективное космическое подсознание, двумя ветвями встречных спиралей, сместились на юго-восток — в долину реки Лены, где обнаружены культурные останки древнего народа Саха, жившего в этих краях три миллиона лет до н.э.

«Психоэнергетическая культура народа Саха» явилась продуктом (см. В. М. Кандыба, с. 119), содной стороны, еще не утраченной сверхчувствительной (эфирной) связи Человека с Космосом, а с другой, земной адаптации плотного тела аборигена Приполярья, нуждающегося для поддержания своего физического существования в овладении земными орудиями труда для охоты и потребления растительной пищи.

То обстоятельство, что найденные в современных раскопках археолога Ю. Молчанова в здешних местах искусственные каменные орудия подобны инструментам, открытым Лики в Африке (а я надеюсь, что на Таймыре и в Скандинавии будет найдено нечто подобное), говорит о некоей симметрии развития человеческого общества, начавшейся вблизи полюсов и сдвигавшейся постепенно к экваториальной части Земли.

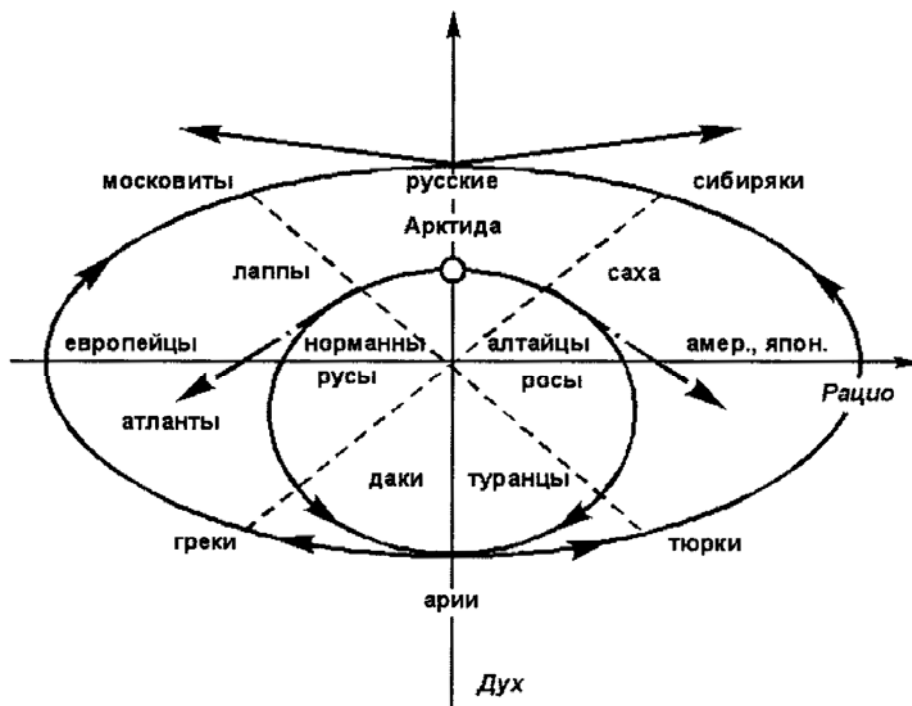

Рис.3.4.

Это подобие орудий труда «первобытного человека», с одной стороны, есть следствие схожих потребностей в идентичных условиях физического существования; а с другой стороны, повидимому, эти орудия имели некоторый общий пра-образ, существовавший в земной ноосфере с еще доисторических времен. И сохраняющаяся связь физических мыслесуществ с космосом, не знающая пространственно-временных ограничений, приводила их к земному воспроизводству общих архетипических пра-образов. А поскольку эти космические пра-образы были не только навеваны опытом прошлых мыслесуществ (из доземной истории), а рождались и в процессе их земного сотворения, то посредством космической ноосферной связи они одновременно становились достоянием всех людей на сходных участках земных спиралей и в северном и южном полушариях.

Не имея достаточно данных о современных гиперборейцах лемурианских прото-человеках и не будучи потомком этих людей, ограничимся северными спиральями.

Северо-западная спираль гиперборейской расы восходит к некоему сакральному центру, помещаемому эзотерическими историками, в частности, Гастоном Жоржелем, на которого ссылается А. Дутин (с. 31), на Северный Урал, вблизи г. Инта на 60-м меридиане. Герман Вирт (там же, с. 36) называет этот центр Мо-Уру — страной Фор-сети (Altland), принадлежащей потомкам древнего Одина, родоначальника гиперборейской расы. В. Кандыба называет основателя Орием, пришедшим (имеющим архетипический пра-образ) на северную Землю из созвездия Орион.

Общим в этих версиях является то, что центром земного (северного) мироздания была знаменитая Полярная звезда — Ур, под которой находилась священная гора Меру с храмом жреца Индры (Инты).

Возможно, что Орий и Один — это просто разные имена одного и того же основателя (предводителя) гиперборейской расы, но, скорее всего, это два потомка — двоюродных брата — предводители двух ветвей гиперборейской расы, вычленившихся из общего первобытного племени, жившего под звездой Ур.

Следует заметить, что это первобытное племя, черты которого сохранились и у обеих гиперборейских рас, было стадным с общим эфирно-астральным телом.

Уплотнение физического тела шло по пути конденсации полевого «эфира» на отдельных особях — биосуществах, а их «разум» продолжал оставаться в виде общего коллективного поля, через которое шло взаимодействие космоса со всем стадом, а уже затем — с отдельными его представителями.

Обращаясь к атлантическому времени (но я думаю, что это больше относится к гиперборейско-лемурианской эпохе), Г. Бондарев пишет, что «люди там были настолько групповыми существами, что это касалось не только их сознания, но даже их жизненного, эфирного тела. Оно было у них как бы одно на целый род или племя. От такого единого тела к индивидуальным эфирным телам шли потоки, вроде некоей пуповины, и через них оживлялись физические тела», (с. 61-62).

Два процесса становления человеческого племени шли параллельно. Живая приполярная пленка дробилась на отдельные существа, размножавшиеся на первом этапе бесполом методом самоделения, ибо условия физического выживания требовали количественного приумножения этих существ (даже муравей в одиночку не выживет). А эфирное космическое поле, конденсируясь на этих первосуществах, продолжало существовать как единое поле, управляющее подсознательным поведением человеческой стаи. Таким поведением обладают и стаи птиц, стаи рыб, рои муравьев и пчел, сохранившие свой коллективно-стадный образ жизни с доисторических времен.

В отличие от них человекоподобные существа, обладающие более развитой мозговой поверхностью, сумели лучше других живых существ притянуть на себя космический духоразумный пра-образ, став на Земле первыми мысле-существами.

Не труд и не Бог создали человека. Эволюция живых существ создавала условия для появления в развившейся мозговой структуре голографического отражения мыслеобраза, извечно находящегося в ноосфере. Голограмма, запечатленная в левом и правом полушариях, как одновременный индивидуальный образ чувственно воспринимаемой физической действительности посредством астрального тела, и сверхчувственного коллективного эфирного мыследухо-пра-образа космического разума, при достижении структурой этих полушарий некоторой общей «критической массы — ожила подобно взрыву — родился индивидуальный (по физическому облику) и коллективный (по подсознательному ощущению мира) Homo sapiens.

Родился — как родовое целое живое мыслящее существо. И путь его — путем индивидуализации сознания к «возвращению» на новом витке спирали — к коллективному соборному восприятию мира, к «планетаризации сознания». На этом жизненном цикле астральное (чувственно-праническое) тело индивидуального существа превращалось в разум, приводящий к организации коллективного бытия, а эфирное (сверхчувственное) тело коллективной стаи, с одной стороны, индивидуализировалось и как таковое у большинства членов стаи атрофировалось, сохраняясь лишь у посвященных, шаманов, ведунов, прорицателей. С другой стороны, это эфирное тело, оставаясь единым для всех представителей данного сообщества, превращалось в эфирное тело народа, формируя его подсознательно действующие коллективные инстинкты, привычки, менталитет, национальный характер.

Эта трансформация сверхчувственного (духовного) в рациональное (и наоборот) развивалась по общей пространственно-временной спирали. Народы, перемещаясь по континентальной спирали, одновременно проходят и этап своего становления: от стаи через индивидуализацию сознания к организации коллективного бытия и к развитию коллективной духовности.

Разумеется, этот путь — сакральная историогеография человечества не есть строго однозначная спираль. От каждой ее точки отпочковывались свои спиральные потоки, которые затем пересекались и вновь сливались с основными ветвями, образуя завихрения, в результате которых одни народы канули в Лету, а другие получали пассионарные толчки и выходили на арену как мощная историческая сила.

Но в приведенной схеме следует подчеркнуть еще одну особенность: не только на единовременно достигаемых участках обеих ветвей спирали формировались схожие народы (их схожесть достигалась посредством космического информационного общения между собой), но и что-то общее имеет место и среди народов, живших в разные времена (находящихся даже на разных ветвях евразийской спирали), но характеризующихся приблизительно равным отношением дух/рацио, т.е. одинаковым значением тангенсоиды человеческого бытия.

Западные гиперборейцы, оставившие после себя на Уральской земле угров, остяков и другие сохранившиеся поныне племена, сместились в Беломорье и Скандинавию, зародив подвижную цивилизацию пра-викингов (лаппов). Именно в скандинавских ведах (эд-дах) упоминается их предок — Один, ставший божеством всего западно-гиперборейского рода.

Не есть ли Лапландия, область западной Гипербореи, аналогом Лаплатской низменности в Южной Америке — той частью исчезнувшей Лемурии, которая заселялась людьми примерно в те же доисторические времена.

Пра-викинги (лаппы, саами) и народ Саха жили в разных географических условиях: первые вблизи моря, вторые — внутри континента, хотя в то время в Якутии был несравнимо с нынешним более теплый климат. Повидимому у них, как у двоюродных братьев, было много общего даже во внешнем облике, хотя сегодня об этом судить достаточно сложно. Русы (саха — В.Б.) утверждали, что их северные

предки были «багатырами», очень рослыми, сильными и мужественными людьми (В. Кандыба, с. 7). Вспомним, что и их современники — лемурийцы были великанами. Судя по скандинавским эддам, и древние лаппы были рослыми людьми, отличающимися необыкновенной силой. В «эддической» мифологии (сб. «В мире мифов и легенд» — СПб: Диамант, 1995, с. 306) описывается страна великанов — Нтунхейм (Утгард), находящаяся на северо-востоке, на краю земли, в дикой скалистой местности.

Гипербореицы жили компактно семьями по 30-50 человек, группирующимися десятками в единый род. Повидимому, этот размер сообщества позволял коллективной эфирной душе охватить всю группу, а с точки зрения физического выживания такие семейства позволяли коллективно справляться с охотой и не требовали особой организации. Все все делали сообща.

Продолжительность жизни «первых» людей оценивалась ими в 1000 лет. Но это долгожительство — относительно. В то время годами измерялась не нынешняя продолжительность, а высокая интенсивность процессов — жизненного цикла (хроналы — по А. Вейнику).

Время шло как бы в десятки раз медленнее нынешнего.

Может быть, и этим частично объясняется кажущаяся продолжительность преемственности человечества, а не только медленной эволюцией природной среды и живых существ.

По крайней мере этим можно объяснить мифологический возраст древних великанов (по преданию, даже более поздний Ной жил 950 лет, а Моисей вел народ израильтян по синайской пустыне дважды по 40 лет).

В китайском мифе Паньгу, проспав 18 тысяч лет, вырос до 90 тыс. ли, и затем еще столько же, упираясь ногами в землю, поддерживал небосвод.

Столь же длительными значились те или иные события у древних гипербореев.

Все северные народы, находясь в определенном соотношении а/в = «рацио/дух», одинаково отличались шаманизмом, с помощью которого уже не все человеческое стадо, а избранные посвященные воспринимали сверхчувственным образом сигналы из космоса и управляли через эфирное тело всего племени подсознательным поведением всех и каждого.

Шаманизм, переросший в ведичество (занятие ведунов), сохранился у многих евразийских народов, подчеркивая и неистребимую веру людей в сверхестественные силы (в чудо) и наличие специальной касты, представители которой обладали (и таили эти навыки в тайне) способностью выходить из «себя» в астральное и эфирное поля, где соединялись с духами и предметами, преодолевая земные законы времени (длительности) и пространства.

Этот особый дар, направленный на благо людей, не просто придавал ведунам магическую силу в глазах окружающих; он сохранял в народе духовность, не отмершую в связи с развитием чувственного опыта познания и рациональной деятельности.

Разумеется, доля «рацио» росла по мере усложнения среды обитания. Райская природа древней Гипербореи уступала место ледниковым похолоданиям, и обе ветви гиперборейской расы, оставляя в местах своего прежнего обитания аборигенов, физиологически адаптирующихся к новым условиям, в массе своей устремлялись на юг, к новым очагам будущих цивилизаций.

Причем эти ветви гипербореев, и лаппы и саха, шли не единственным путем, а от одного племени формировались несколько ветвей евразийской спирали.

Опять-таки следует отметить, что, с одной стороны, в каждой точке географического пространства начинался свой жизненный цикл, меняющий физический облик аборигенов и их образ жизни под влиянием изменившихся условий, но сохраняющий память предков. Сам воздух здешних мест, казалось, пропитан этой памятью.

Нынешние люди Саха, неузнаваемо изменившиеся в росте, размельчились физически, отстали в умственном развитии от своих более мобильных собратьев, ушедших в иные края, но так же хранят духовную память и верования своих предков.

И большой вопрос, что даст более плодотворные результаты — развитие пранического астрального облика и рационализированного Эго, либо сохранение «первобытной» эфирной связи с Космодухом.

С другой стороны, более пассионарная часть первобытного племени, астральная энергия которой превышала потребности чисто физиологического выживания, устремилась на юг не только потому, что там были более легкие условия жизни, а потому, что меридианальные силы как следствие неких космических (пока неясных) причин вели активную часть народа на юг.

Пра-викинги — мореходы спустились в Атлантику и, повидимому, заселили северную часть тогдашней Атлантиды.

Р. Штайнер называет семь подрас атлантической расы человечества, в основном связывая их с предшественниками из лемурийской эпохи: рмоаглы, овладевшие кроме памяти и словом; тлаватли, в среде которых выделилась каста жрецов; толтеки, положившие начало общественно-государственному устройству своего бытия; пра-туранцы, научившиеся пользоваться своими астральными силами для покорения соплеменников и природы; пра-семиты, развившие способность к суждениям и тем самым регулирующие свои желания и стремления; аккадиицы, активно применявшие силу мышления в ущерб духовной памяти; монголы, потерявшие власть над жизненными силами, но сохранившие в своем мышлении наивную древнюю веру во всемогущество духа («Из Летописи мира»).

Как видим, Р. Штайнер совершенно не связывает эти подрасы с географическим расположением Атлантиды, а только с соотношением «рацио/дух», с соотношением демонических и люциферных сил в Человеке.

Рассмотрение Атлантической расы человечества как продолжателя только лемурийской (южной) ветви при отсутствии какого-либо упоминания о ее связи с гиперборейской (северной) ветвью лишает штайнеровскую Атлантиду какого-либо

географического смысла. А отсюда потом делаются совершенно натянутые предположения, что монголы и пра-туранцы (да и пра-семиты) пересекли по экватору столь огромные пространства из Атлантиды в Азию, не оставив по дороге от себя никаких следов ни в вещественной памяти, ни в мифологии народов.

Поэтому сакральная историогеография должна признать, что в Атлантиде, существовавшей географически в Атлантике, сошлись выходцы из северной Гипербореи и южной Лемурии, обладавшие к тому времени схожим уровнем физического и духовного развития.

Не имея возможности вычленять из населения этого обширного континента конкретные наименования человеческих подрас, думаю, что их следует идентифицировать, с одной стороны, с северными и южными атлантами, сохранившими у себя большую долю духовно-чувственного мироощущения, и экваториальными атлантами, в большей степени освоившими мыслительно-рациональное восприятие мира и деяния по его подчинению своим потребностям.

Разумеется, «рацио» оказалось больше свойственно народам, жившим не на самом экваторе, а чуть севернее — на широте будущей Средиземноморской цивилизации. Возможно, это объясняется более интенсивным южным течением в Атлантике, занесшим сверхчувствительных лемурианцев на экватор и далее, и оставивших гиперборейцам меньше географического места в Атлантиде, где они пережили процесс смены подсознательного на разумное (духовного на рациональное) мироощущение.

Но, по крайней мере, учет двух одновременных северной и южной ветвей человеческого развития — гиперборейской и лемурианской диктует необходимость не собирать все последующее человечество на одном Атлантическом континенте, а говорить о наличии двух одновременно существовавших материков — Атлантиды и Тихоокеанской Даоландии (страны Дао) на юго-востоке Евразии.

Название «Даоландия» введено нами весьма условно из сочетания латинского «ланд» — страны и восточного духовного принципа мира — «дао», которого придерживались многие проживающие в том регионе народы.

Сам же этот «материк» может быть соотнесен с территорией нынешнего Китая и Юго-Восточной Азии, включая и Индонезийский архипелаг.

Здесь, в Даоландии сошлись в те доисторические времена восточные ветви Гиперборейской и Лемурианской ветвей человечества, дав начало современной монголоидной расе. Сюда же географически можно отнести и пра-туранцев, ошибочно помещенных Р. Штайнером в Атлантиду.

Недаром этот регион считается одной из пра-родин физического человека, по-видимому, добравшегося до островов Индонезийского архипелага, двигаясь по австралийской ветке лемурианской спирали.

Разумеется, встреча в Даоландии северных и южных ветвей породила множество новых человеческих подрас, которые частично осели в этом регионе, путешествуя «от духа к рацио» лишь во времени; другие же (но их меньше то ли в

силу меньшей пассионарности, то ли в силу местных климатических условий, не заставлявших искать лучших земель) флуктуировали в юго-восточном регионе Евразии, порождая во встречах с другими аборигенами новые народности, число которых также велико.

И мы лишь мало знаем о них, т.к. многие из них селились на вулканических островах Тихого океана, также под действием природных катаклизмов уходящих на дно. А изучение мифологии оставшихся народов силами колонизировавших эти земли европейцев им особенно и не было нужно, ибо они — иноземцы, и им никогда не понять того особенного духа, который царил в сознании людей Даоландии.

Другое дело — континентальные народы Китая, Монголии, Турации (?), древней Индии, сохранившие свою сакральную историю в мифологических Ведах, даоистской космологии и своеобразной материальной культуре, а также в организации своей жизни, отличавшейся издревле высокой централизацией во главе с императорами — наместниками Неба на Земле.

Было бы чрезвычайно интересно рассмотреть становление Даоландской цивилизации, даоландских народов, причины сохранения здесь большего духовного начала жизни при сравнительно умеренной рациональности, а также пути проникновения здешних подрас (как ассимиляции гиперборейских саха и лемурианских «австралийцев») в соседние регионы Полинезии и Америки.

Но это — тема специальной работы для будущих любо-мудрствующих историогеографов.

Мне же остается вернуться к другим ветвям гиперборейской ветви, проникшей на западе в Европу, а на востоке — в Центральную Азию и соединившихся затем в древней Арии.

Разумеется и здесь многое — плод досужих вымыслов. Но я склонен считать мифологическую информацию столь же достоверной, как и письменные записи, навеянные чьими-то рассказами, и археологические раскопки, свидетельствующие не только о физическом перемещении памятников культуры, но и о космических контактах, в результате чего одни и те же пра-образы могли воспроизводиться в различных земных ареалах в подобном виде.

А. Дугин в «Мистериях Евразии» (с. 30) приводит карту Г. Жоржеля, на которой изображен круг евразийской эволюции с центром в североуральской «Инте».

На эту окружность попадают и будущие Париж, Афины, Халдейский Ур (в Месопотамии), Келат (повидимому, в северных предгорьях Гиндукуша), Тибетская столица Лхаса, Улан-Батор, Якутск, отделенные друг от друга равными дугами, которым соответствуют временные периоды по 2160 лет.

Этот круг близок к приведенной в данной работе евразийской спирали, начинающейся из Арктиды (с Северного полюса) и двумя встречными ветвями (западной и восточной) нисходящей (юг ниже севера) к Арии, где по Р. Штайнеру — прародина нынешней индоевропейской расы.

Внутренние ветви этой двойной спирали совпадают по вектору своего движения (Северо-Запад к Юго-Востоку и Северо-Восток — к Юго-Западу) с двумя волнами гиперборейских миграций. Однако наша схема точнее привязывает эти вектора к конкретному земному пути народов, на котором человеческое сообщество все больше приобретало черты рационально-мыслящих людей (с сохранением духа в вертикальной координате времени — в памяти), а затем материализуя эту память в виде преимущественно духовной культуры древних ариев, с частичным проскальзыванием рационального мышления и бытия сквозь время на смежные участия внешней (более поздней) спирали.

Особенно это характерно для китайской цивилизации, где расцветший материальный мир древности сохранился и до недавних пор. Также и материальная цивилизация древней Арии отличается невысоким значением отношения «рацио/дух».

Около миллиона лет назад и лаппы, и саха несколькими потоками двинулись на юг. И хотя веер переселенцев был достаточно широк, в их движении явно просматриваются доминирующие пути, на которых они оставили наиболее выраженные следы.

Еще раз хочу подчеркнуть, что это движение было продиктовано не только очередным похолоданием, к которому офизичившийся (ставший пользоваться физическими ощущениями) человек стал более чувствителен. Но это географическое смещение прото-народов на юг стало их сакральным предназначением — спиралеобразного движения, направленного на освоение земного континента. Человек уже стал не просто частью природы, он выделился, обособился от нее как самостоятельная мыслящая система. «Им овладело любопытство, охота к перемене мест».

В этом движении он все более становился человеком «рацио». Активная часть народа Саха спустилась (поднялась по Лене) к Байкалу, где одна часть людского потока закружилась в вихреобразном потоке на Монгольско-Китайском пространстве Северной Даоландии, а другая — вдоль Саян и Алтая спустилась к Балхашу и осела на юге Туранской низменности, в треугольнике между хр.Копетдаг, Гинду-куш и Амударьей.

Это арийское место близко к пересечению 60-го меридиана и Жоржелевского круга эволюции Евразии на 35° с. ш.

К этому же древнеарийскому ареалу двигалась и западная гиперборейская ветвь, спустившись из Скандинавии на Вислу, и через Северные Карпаты, Причерноморье, Северный Кавказ обогнула Каспий и слилась со своими восточными сородичами.

Характерно, что обе ветви двигались по границе евроазиатской равнины с горами Тянь-Шаня (на востоке) и Скандинавско-Карпатско-Кавказской грядой (на западе).

А место встречи оказалось на том же меридиане, вдоль которого протянулись самые старые Уральские горы. На их севере — Полярный Ур; на юге через Каспий — Ария (недалеко от которой — Халдейский Ур).

Видимо, народы помнили свою далекую Полярную звезду и шли (кругами) к ней же.

Вдоль меридиана (в данном случае 60°) с севера на юг шло некое сакральное движение духа, и в месте встречи с физическим потоком, прошедшим через ось «рацио» и сохранившим его в своем бытии, возникла арийская цивилизация, с которой началось «осевое» время истории.

Разумеется, нельзя сказать, что это движение было строго синхронизировано по времени и имело жесткую однонаправленность.

Одни народы оседали на месте и переставали двигаться, другие ассимилировались с побочными ветвями человеческой спирали, рождая новые этносы, продолжавшие общую тенденцию исторического движения. Возможно, что восточная ветвь двигалась более быстро, и встреча ариев со славянами имела место не в Закаспии, а в Причерноморье. Но все это не меняет общей картины историогеографии евразийского континента.

Лаппы (пра-викинги) на южном Побережье Варяжского моря часто выступают под именем норманнов (как их звали западные кельты) и варягов (по их прозвищу со стороны лесных русов). Сами же русы остались чуть восточнее в стороне от основного потока норманно-славян (пра-славян), которые не пришли на Карпаты из Азии, а сформировались в этих краях как одна из поздних ветвей гиперборейской расы.

Названия многих народов первого «доисторического» полуцикла носят частично условный характер, в основном созвучно тем, кто пребывал на этих землях тысячелетия спустя.

Это объясняется также нежеланием автора придумывать новые имена при отсутствии о них какой-либо достоверной, даже мифологической, информации.

С другой стороны, раз память здешних народов не сохранила наименования своих предков, значит, они прозывались так и ранее. Это и дает мне право переносить их самоназвание на тех, кто жил в соответствующих землях во времена палеолита.

Славяно-балто-скандинавский мир получил также название Гардарики, а ее южный сосед в устье Дуная — Гиперборейской Дакии (В. Кандыба, с. 58).

Карпаты и Алтай характеризуются схожими условиями, и материальная культура в этих отдаленных регионах имеет немало общего, о чем свидетельствуют и археологические находки, датируемые примерно одним и тем же временем — 500 тыс. лет назад. К сожалению, упоминаемые в научной литературе археологические находки, естественно, различающиеся по возрасту, но относящиеся примерно к середине палеолита, часто дают повод выдвигать очередные гипотезы о пра-родине цивилизованного (пользующегося и создающего материальные орудия труда) человечества. На самом же деле обе эволюционно-географические спирали говорят о параллельности (в северном полушарии) развития человеческой географической

истории в соответствии с внутренне присущей ойкумене (как и всему миру) спиральности развития.

Географические широты — это не просто линии на глобусе, равноотстоящие от полюсов, а зоны более-менее одинакового уровня развития материальных (физических) и духовных сил, причем спирали характеризуют совпадение отношений «рацио/дух» у разных восточных и западных народов.

Наверное, дискуссионны предположения о том, что пра-славяне переселились с Карпат в Причерноморье в Гиперборейскую Дакию уже 100 тысяч лет назад, тогда же, когда алтайцы спустились к Балхашу, положив начало древней Турации. Обычно предистория славян относит этот процесс чуть ли не к началу н.э., но все же некоторые сведения (см. В. Кандыба, с. 24) говорят о древнерусских (праславянских) погребениях и «медвежьих пещерах», говорят об охотниках со схожими повадками и орудиями, жившими в столь отдаленные времена и в Сибири, и в Восточной Европе.

«Велесова книга» (М: Менеджер, 1995) упоминает имя прародителя славянских народов — Богумира, созвучное с именем первочеловека, древнего великана скандинавских сказаний Бримира (с. 263), упоминая также, что «род Богумира, к которому принадлежат многие северные славянские племена, столь же древний, как и род Ария, но он не ариев (разрядка моя — В.Б.)» (с. 193).

Из этого, по-моему, можно сделать вывод, что, по крайней мере, пра-славяне — это западная ветвь гиперборейцев в отличие от ее восточной ветви, давшей нашим же предкам азиатского Ария (потомка северного Ория).

Причерноморье иногда считают «прародиной ариев», но это лишь означает, что и отсюда шел поток человеческий на восток, в будущую Арию.

А то, что многие исторические сочинения выводят славян из Семиречья — это не ошибка, а отражение более позднего витка евразийской спирали «восток-запад», действительно относящегося к 1-му тысячелетию до н.э.

Если уже Р. Штайнер предположил, что из Атлантиды в Азию пришли пратуранцы и монголы где-то до всемирного потопа, состоявшегося 13 тыс. лет назад, то, наверное, можно считать этот всемирный западно-восточный поток движением более близких к этим местам потомков гиперборейских славян.

То, что в древнерусской (славянской) истории и мифологии идет спор о норманнском или туранском происхождении наших предков, лишь подтверждает, что оба эти события имели место, только они относятся к разным временным участкам (разным ветвям) евразийской спирали.

К сожалению, арийские мифы и «Велесова книга» в пылу полемики с греческими источниками, не знавшими никого, кроме европейских норманнов позднего времени (III тыс. лет до н.э.), подчеркивали именно движение с востока скифов и россов, которые соединившись с лесными русами (аборигенами северных праславянских земель), сформировали народ «русь» — наших предков новой эры.

Но именно широтные временные параллели свидетельствуют о том, что на Карпатах жили пра-славяне (а вблизи Чудского озера — русы) уже десятки тысяч лет назад.

Просто более поздние переселения народов как-то скрыли от нас факт обитаемости этих земель в те далекие времена.

Наверное, эта историческая параллель народонаселения Карпат и Алтая (с условным названием народов русы и россы) еще нуждается и в осмыслении и в подтверждении материальными свидетельствами. Но эта параллель существует.

Столь же запутанна и параллель между западными (условно — даками) и восточными скифами (туранцами), жившими соответственно на Дону и вблизи Балхаша (на уровне 35° с.ш. на одинаковом расстоянии от Южно-уральского озера, которое было северным продолжением Каспийского и Аральского водоемов того времени). Это были не те скифы, о которых говорил Геродот и память о которых сохранилась во многих скифских курганах. Это были их предки, жившие на этих землях 35-50 тысяч лет назад, в эпоху позднего палеолита.

Опять же названия этих племен соответствуют их более поздним потомкам, но несомненна культурная (и материальная, и мифологическая) связь между обеими частями общего племени древних скифов, их восточными и западными собратьями, даками и туранцами.

К этому времени относятся и культовые языческие сооружения и начинается общинно-государственная организация жизни людей. Человек уже преодолел тот древний максимум своей рациональности — физиологической выживаемости в реальных земных условиях. Он уже перестал быть безвольным придатком природы, он выделился из нее как нечто самостоятельное. Люди того периода обеспечили свою выживаемость чрезвычайной плодотворностью. Многочисленное потомство было обеспечено наличием дичи, рыбы, злаков в обильно растущих лесах и богатых степях той лесостепной полосы вдоль этой широты. К этому времени относится становление и развитие единого древне-русского (славяно-скифского) языка (см. В. Кандыба, с. 20), лишь позднее разделившегося на ряд самостоятельных индоевропейских языков.

В это же время появляется и первая письменность как «черты и резы» на берестяных и глиняных дощечках, появляются многочисленные наскальные изображения зверей, росписи стен в общественных пещерах-святилищах, появляются мифологические сказания о своей истории. Человек стал понемногу выходить из состояния чисто физиологического бытия и уже не жил внешним духом, а сам создавал свои духовные произведения. Переход человеческой ветви ниже линии чистой рациональности означает начало творческого человека.

Человек приручил собаку и лошадь, как средство передвижения, изобрел лук и стрелы — военно-охотничьи орудия.

К этому же периоду относится и образование военной организации древних скифов, ибо само степное их существование требовало перемещения достаточно больших человеческих масс, что невозможно без соответствующего порядка.

Возникла Туранская Орда — упорядоченное военно-скотоводческое государственное образование.

Степная зона Евразии от Дона до Балхаша проходила вдоль геологического разъема, и однотипность образа жизни степняков на востоке и на западе достигалась не только космическими широтными контактами, но и духовно-образным единством, достигаемым за счет подземной сверхпроводимости для пранических астральных сил.

Первое полукружие евразийской спирали завершилось в Арии в 30-м тысячелетии до н.э. вблизи нынешнего Ашхабада. И западные гиперборейцы и восточные сошлись на 30-м меридиане снова под звездой Ур.

В. Кандыба считает, что здесь был основан и первый город Руса — наша южная столица. Все-таки мне представляется, что незачем все движение человечества на евразийском континенте представлять как развитие единого русского народа, так же как не следует всех, и скифов, и ариев считать единым славянским племенем. Русь от этого не потеряет своего исторического значения, ибо ее мировое значение — еще впереди.

Именно в Арии возникла ведическая духовность, ибо 60-й меридиан был диаметром первого витка евразийской спирали, соединившим кратчайшим путем сошедшие вместе гиперборейские спирали со своей полярной прародиной, находящейся под Полярной Звездой — Ур.

Возникла нынешняя арийская раса человечества, положившая начало «осевому» времени современной суперцивилизации.

Арийские племена «устали» от континентального перехода и перешли к оседлому образу жизни, занялись земледелием. Это дало им настолько стабильный источник физического бытия, что их помыслы повернулись от рациональной жизни к духовному творчеству.

Ведическая культура ариев, восходящая в новом качестве к своей духовной прародине, зародила семена всех уже исторически значимых цивилизаций на Евразийском континенте.

Конечно, и древние арии не концентрировались в одной географической точке. Но их связи с соседними народами носили не столько завоевательный характер, сколько характер «духовных выселок», когда арии со своей ведической культурой не покоряли народы, а давали им новые духовные знания, становящиеся религией как главной частью жизни этих народов.

Так произошло и с «покорением» Индии, когда арийские миссионеры проникли в эту древнюю землю и дали здешним племенам, находящимся на западной окраине Даоландии, новый импульс к духовной жизни. Так возникла ведическая индуистская философия, сохранившая и до наших времен арийскую мифологию (со своими именами) в сочетании с идеей «дао». Индуистский буддизм и «тайная доктрина» Востока — это законсервированная арийская мифология,

хранящая сакральную историю человечества, но напрочь забывшая о его сакральном географическом путешествии по Лавразии.

Именно благодаря буддистским монахам, уходившим со своими ведическими знаниями в высокогорные монастыри, и удалось сохранить Ведические традиции ариев во время последнего Всемирного потопа, уничтожившего материальную арийскую цивилизацию 11800 лет до н. э.

Это не было каким-то исключительным событием для Земли. Известно не только из древних мифов, но и из современного моделирования планетарных явлений, что подобные катаклизмы, имеющие космическое происхождение, случаются на нашей планете каждые 22 тысячи лет (см. И.П. Копылов «Электромагнитная Вселенная» — М: МЭИ, 1995).

Ледниковые циклы, землетрясения и периодические потопа, естественно, обуславливали этапы передвижения гиперборейских рас в доисторические времена. Поэтому исчезали с лица земли не только материальные памятники глубокой древности, но и гибли целые народы. И все же оставшиеся люди неумоимо шли по пути своего предназначения, оставляя на прежних местах не только могилы своих предков, но и их сакральный дух, заново возрождавший племена и народы, ибо архетипические пра-образы этих людей сохранялись в нетленной памяти ноосферы.

Последний потоп не только полностью уничтожил Атлантиду и южную часть Даоландии, как прежде была уничтожена и Лемурия; но он прошелся волнами и по степным районам Евразии, оставив после себя многочисленные озера. И лишь горные массивы, опоясавшие с юга Евразийскую равнину и ставшие ограничивающим барьером для гиперборейских потоков, шедших вдоль предгорий, сохранили некоторые материальные следы, а главное, дух прежних цивилизаций.

Но ушла вода, и человек заново принялся устраивать свое земное бытие.

Во многом ему помогли те духовные и материальные знания, которые были сохранены в Ведической культурной традиции ариев.

Послепотопная эра — это то «осевое» время, с которого начался «современный» этап евразийской спирали.

Древний арии (парсы) каждый раз по умножению рода своего производили «выселки» не только в близлежащие земли, но и в места отдаленные, закладывая там новые очаги цивилизации.

Именно отсюда, с отрогов Гиндукуша в 6-8-м тысячелетии до н.э. пришли потомки ариев в Шумер, ставший началом южного витка цивилизаций, расположенных приблизительно вдоль участка спирали, из Арии в Средиземноморье и Западную Европу.

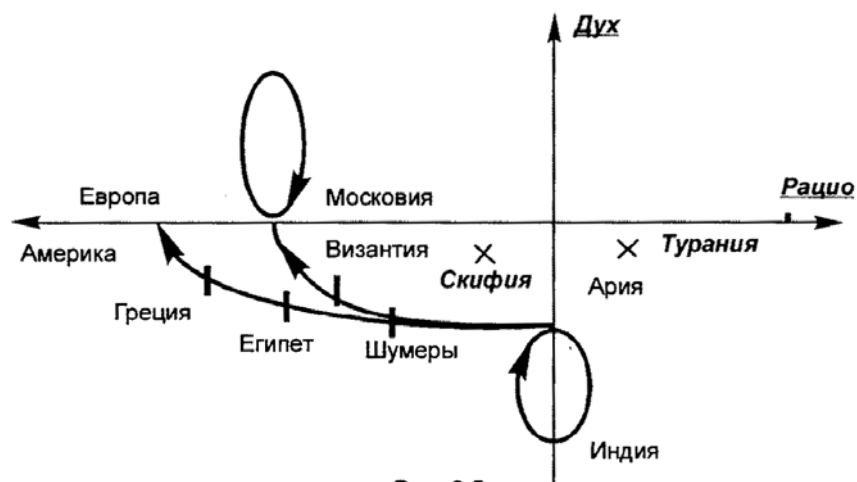

Рис. 3.5

«Длительность этих культурных эпох определяется космическими конstellляциями и равняется 2160 годам — времени пребывания Солнца в одном знаке Зодиака.

Р. Штайнер дает следующую датировку этих культур:

1. Древнеиндийская: 7227-5067 гг.
2. Древнеперсидская: 5067-2907 гг.
3. Египетско-халдейская: 2907-747 гг.
4. Греко-латинская: 747 г. до р.х. — 1413 г. по р.х.
5. Европейская: 1413-3573 гг.
6. Славяно-германская: 3573-5733 гг.
7. Американская: 5733-7893 гг.» (Г. Бондарев, с. 60).

Помимо этой южной ветви спирали, арии возвращались на Русь приблизительно по тому же пути, каким праславяне и даки шли на соединение со своими восточными собратьями в «допотопные» времена.

Эту спираль следует изобразить в другом масштабе, ибо неизмеримо больше становится и размер по оси духовной культуры, но еще больше — по оси «рацио».

Рассмотрим сперва левую (западную) ветвь нового витка спирали — слепопотопного развития арийской расы человечества.

Древнеиндийская культура сделала свой духовный виток и не особенно заботясь о вещественно-рациональном развитии так и осталась в своих прежних границах. Арийские истоки зато дали импульс развитию шумерской цивилизации, начиная с которой стала резко расти материальная культура, сохраняя какое-то время (вплоть до Рима) достаточно высокий уровень духовности. Необходимо только отметить, что именно на этом квадранте малоазийско-средиземноморской спирали

особенно становится заметной тенденция распада родового духа и возрастание роли индивидуального начала.

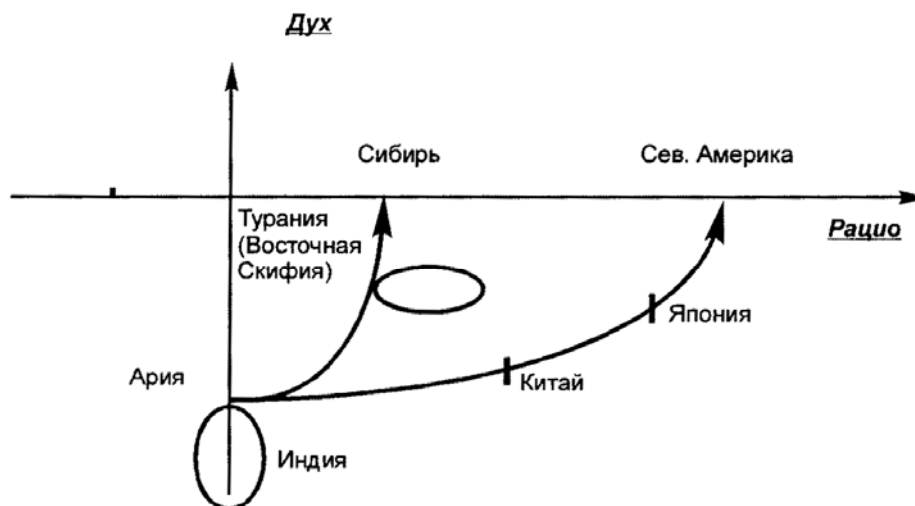

Рис. 3.6

«Все развитие человеческой цивилизации в после-атлантическое время ... основывалось на разрушении, распаде того, что прежде, зонами, составляло фундамент, главный принцип человеческого бытия — родовых основ. С точки зрения высшего духа все это развитие было сплошным декадансом, ибо силой родовых связей человек в прошлом удерживался своим сознанием в сферах космического сознания» (Г. Бондарев, с. 62).

В гораздо меньшей степени этот распад был свойственен той части человека, которая после Арии вернулась в Скифию. Недостаточное (по сравнению со своими средиземно-морскими соседями) развитие производительных сил скифской цивилизации, связанных в основном с подвижностью степняков, вынуждало их больше держаться коллективного родового начала, которое, как у их туранских широтных сородичей, перерастало в своеобразную полувоенную организацию. И хотя как и во всякой организации централизирующая роль лидеров была явно выражена, тем не менее коллективистское начало было главным и у западных, и у восточных скифов, потомков Гиперборейской Дакии и Турании.

Восточная Скифия сохранила в себе материальную память о древнетуранской организации, где родовое начало взрастило имперскую форму управления обществом, но при этом не самоуничтожилось.

Характерным это стало и для Китая, где арийское было не столь заметным, ибо эта страна находилась в ареале Даоландии, смешавшей восточно-гиперборейское (протомонгольское) начало и восточно-лемурийский дух, о котором мы мало что знаем. Хотя было бы интересно именно на примере Южного Китая, а затем и Японии проследить, как две ветви человеческой спирали с юга и с севера, слившись, дали уникальную цивилизацию. Это тем более интересно, что в отличие от современной ей исчезнувшей Атлантиды Даоландия, возможно, сохранила не только мифологическую историю, но и материальные памятники своей глубокой древности.

По двум последним рисункам, сделанным в разных масштабах по оси «рацио» и «духа», трудно провести широтные аналогии. И тем не менее можно сказать, что между древней Грецией (и Египтом) и древним Китаем на рубеже 1-го тысячелетия до н.э. немало общего. Недаром они так стремились «встретиться» друг с другом.

И все же принципиальным различием западной и восточной спирали было то, что атлантический индивидуализм давал толчок к развитию материально-рационального мира, а духовное начало, хотя и развивалось, но больше шло по пути развития индивидуальной рассудочной души, которая никак не хотела интегрироваться в душу народа. Средиземноморские атлантические народы — это были не коллективистские народы, с резко угнетенным родовым духом. И хотя военная организация Римской империи и была для своего времени весьма жестко осмысленной, что было не единожды причиной громких побед, но затухающий культ духовности (даже по сравнению с Грецией, не говоря уже о далекой Арии) разрушил сугубо рационализированную первую слепопотопную европейскую цивилизацию. И даже проникшее на Запад христианство в виде религии индивидуума не спасло Европу от неминуемого «заката».

И хотя «загнивающий» Запад еще дает на унавоженной почве обильные плоды, но в сакральной историогеографии Евразии он обречен сойти со столбовой дороги. Наиболее активная рационально мыслящая часть европейской элиты смещается к своим широтным братьям — в Америку, а историческую инициативу в возрождении (в соответствии с тенденцией спирали) духовных начал европейцы передают скандинавам. Именно в Скандинавии развивается сейчас экологическое движение как часть коллективной духовной заботы общества, идущего от души рассудочной к душе сознательной.

Параллельная этой восточная ветвь: Индия — Китай — Япония также на оси «рацио» переходит на западное побережье Америки, где остался лишь дух предпринимательства, и то после «золотой лихорадки» и нефтяного калифорнийского бума конца прошлого-начала нынешнего века он угас. И сегодня там «правит бал» золотой телец. А понимая, что деньги — это еще далеко не все в жизни человека, духовность пытаются возродить в виде души ощущающей, наполняя страну индустрией развлечений. И она доведена до совершенства, в т.ч. в калифорнийском Голливуде — рассаднике боевиков, секс-фильмов, фильмов ужасов и виртуальных компьютерных систем, развивающих не духовность, а сугубо техноцизм. При этом пока не уделяется внимание тому информационному засорению ноосферы, которое страшнее экологически опасных озоновых дыр и т.п.

Ибо ноосферный вирус насилия и жестокости (зла, вносимого человеком в окружающий мир) уничтожает и духовный мир Шаданакара, разрушая пра-образы человечества, без чего невозможна его земная реализация.

«В мире пра-образов раньше, чем в земном, видны предстоящие изменения; духовный мир чутко отражает складывающиеся в земной жизни тенденции» (Г. Бондарев, с. 99).

В нынешней Даоландии только Япония сохранила свои культурные традиции, перекликаясь с Индией в традициях евразийского буддизма и сохраняя на острове отголоски далекой Лемурийской духовности, о которой мы пока что мало знаем. Япония стоит на перепутье: следовать ли ей в русле рационалистической Америки, повернуть ли ей на Евразийский Север, к своим саха-предкам (что она и пытается сделать пока не в духовной, а в физико-географической плоскости, стремясь пробиться к природным ресурсам Сибири), или круто развернуться на юг, в сторону культурно-материального (и духовного) островного тихоокеанского ареала, перейдя на лемурийско-австралийскую ветвь Гондваны.

Возможно, именно будущая Австралия сумеет найти ту необходимую пропорцию «рацио/дух», которая позволит ей стать новой цивилизацией на столбовом пути этой южной спирали человечества, устремленной в соответствии с общим ходом развития к становлению своего мира сознательной души — мира софийной мудрости.

Но вернемся ближе к своему отечеству, на территории которого арийская спираль стала раскручиваться далее, географически совпадая с первым полукружием от Полярного Ура — к Арии. Второе полукружие в здешних местах, естественно, проходит с более высокой степенью развития производительных сил и социальной организации, унаследовавшей родовую дух своих «допотопных» предков.

Эта коллективная форма бытия преобразовалась в иерархию: империя — община — человек, где центральное место сохранилось не за индивидуумом, а за его групповым сообществом.

Разумеется, обе параллельные и теперь однонаправленные ветви евразийской спирали соответствующими частями влияли друг на друга.

Греция — Византия — Киевская Русь были центрами духовной жизни Европы своего времени. Москва — третий Рим была более опредмечена хозяйственным бытом. Но если Москва еще хранила традиции иконописного, если не монашеского, то хотя бы официального православия — духовной религии не народа, а избранного сословия, то С.-Петербург унаследовал от Италии лишь черты внешней красоты, а не потаенной души искусства.

С возвышением С.-Петербурга как столицы Российской империи Москва «вернулась» к восприятию души русского народа, ушибленной ширью ее лесостепной зоны, по которой взад-вперед прокатывались волны то скифско-готских, то русско-татарских широтных походов.

Далее будет более подробно прослежен путь ариев-аланроссов в Киевскую Русь и их воссоединение в Московии с северными русами, хранящими духовную память посредством своих монашествующих ведунов, которые в отличие от официального христианства сохранили «русский дух» в скитах и провинциальных монастырях. Русское православие — язычество было единым верованием, где душа ощущающая соединилась в народе с практическим бытием в некое органическое единство.

При этом язычество, сохранившее гиперборейские традиции близости к природе, дополняется и ощущением Жизнедуха (Буддхи), восходящего к

древнеарийским традициям, вобравшим в себя и восточный сакральный мистицизм. Неантогонистичное к языческому духу православие приобщало русский народ к миру души рассудочной. Русский человек не пытался низвести Манас (Самодух) до низменных меркантильных надобностей, как это случилось с католицизмом и официальным православием после Петра I, поставившего религию на службу империи. Наоборот, «своим слабым умишком» русский народ пытался возвысить свою мысль до постижения вечного, до понимания триединого мира, где тело, душа и дух составляют Единосущее.

Именно поэтому в русском народе сложилось органическое триединство души ощущающей, души рассудочной и души сознательной.

России нет места в рационалистической Европе.

Единственной попыткой совместить осмысленную западной наукой коммунистическую доктрину с восточным коллективизмом и социальным фанатизмом было установление в нашей стране советского социализма. Ее нельзя признать неудачной. Эксперимент состоялся. Но, по-видимому, он опередил свое время и потому вынужден был прибегнуть для своего утверждения к силовым методам принуждения.

Будущее покажет, насколько именно социализм явится той формой общественного устройства жизни народа, соответствующей соотношению сверхчувственного и рассудочного принципов жизни, которое устраивало бы всех и каждого россиянина.

Нам еще предстоит выработать свою форму жизни, где реализовались бы чудодейственные верования народа, необходимый материальный базис и разум, а также коллективная общинно-имперская форма социума.

Но я думаю, что прогноз для России — благоприятен.

Надо дерзать.

Именно России, как следует из поднимающихся кверху ветвей евроазиатской спирали, перешедшей ось «рацио» и оживающей духовно, принадлежит будущее.

Западная часть России, пользуясь близостью к Европе, больше окунулась в мир Манаса, а восточная и северная сохранили в себе Жизнедух, его слитность с природным началом, откуда вышел первый Номо. И идя навстречу друг другу из Московии и Сибири, именно русские люди, даже при всей скудости своего вещественно-материального достояния, соединятся вновь в центре России, под Уральской звездой Ур в виде единого Духочеловека, обретшего плоть, родовую память и софийную мудрость.

В этом Центре сходится и духовно-энергетическая вертикаль от Арии до Ура, вдоль которой в Россию входит и интенсивно развивающееся исламское религиозно-общинное начало, и подземная нефтегазовая жила от Ирана вдоль Каспия и до Ямала.

Рис. 3.7

Именно России, овладевшей разумностью европейской цивилизации, соединившей веру со знанием, южной пранической силой, сибирским коллективизмом, предприимчивостью и определенным мистицизмом, доставшимся в виде ведического язычества от своих шаманствующих восточных собратьев, надлежит не просто смешать все эти компоненты, а в силу их органического всеединства в отдельном Духочеловеке и в общинном Соборе стать в третьем тысячелетии началом новой Цивилизации.

Евразийский перекресток

Человек спустился с Неба и уйдет в Небо.

Сакральный Евразийский путь от Арктиды до Арии — «доисторический» этап становления первой земной цивилизации. Начиная с «осевого времени» (К. Ясперс), человечество возвращается к своим полярным истокам, с южных окраин Евразии — под полярную звезду Ур.

Сакральность (таинство) первой половины пути (с севера на юг) сменяется осознанием исторического развития евразийской цивилизации.

Но и этот, казалось бы, уже известный этап — от Арии к будущей России таит в себе немало загадок. На часть из них попытаемся ответить, прослеживая миграцию человечества на этом пути, осознавая, что новые этносы и народы, страны и цивилизации возникают под влиянием геокосмической пассионарности, естественной человеческой эволюции (дифференциации и ассимиляции племен) и пра-образов своих предков, населявших эти районы Евразии в «доисторические» времена.

«Местные магнитополевые аномалии» (В. Казначеев, Е. Спирин «Космопланетарный феномен человека» — Новосибирск: Наука, 1991, с. 120) способствовали не только образованию высокоорганизованных разумных существ на основе биофизического материала «группы протогоминид», но и впоследствии своим

энергоинформационным полевым воздействием стимулировали рост жизненной активности отдельных этносов. Пассионарные люди стремились к расширению ареала своего пребывания, и отсюда возникали первые «выселки» и перемещения народов.

Это движение не было простым переселением одних племен в другие районы. Оно было подобно электрическому току, когда перемещаются не сами электроны, а их воздействие на соседей возбуждает последних, и тем самым движется энергетическая волна, а вещественные частицы остаются на месте, то активизируясь, то затухая в своем бытии.

И, наконец, двигаясь в обратном направлении по местам, пройденным во время сакрального пути, народы «вспоминали» своих предков-земляков, восстанавливая их имена и экологическую среду (экос-дом) обитания.

Евразийская территория с ее изрезанными береговыми линиями на западе (контраст: суша-вода) и перепадами: горы-степи обладала дополнительными возможностями для проявления геофизических аномалий, вызывавших интенсивное проникновение космической энергии в приземные слои.

Пассионарность племен, проживавших в этих контрастах рельефа, была сыницирована именно привходящей энергией, повышающей жизненный тонус и структурную организованность местных сообществ.

Но и космос, и земля живут циклами. Поэтому пассионарность тоже не есть постоянная величина, она то усиливается, то ослабляется.

Средний срок жизни цивилизаций, рожденных пассионарными этносами, равен 1000 плюс-минус 200 годам. Этносы в Центральной Азии возникали и трансформировались чаще.

По-видимому, это можно объяснить тем, что космические воздействия, приводящие к мутациям этносов, всплеску их пассионарности, ускоренному развитию и быстрому старению, в Центральной Азии были более частыми и интенсивными в силу природных аномалий — равнин, круто переходящих в горы. Среда предгорий обладает максимальной разностью геопотенциала, и потому именно здесь стущаются геодезические линии, являющиеся отражением интенсивного взаимодействия переменных космических излучений, с магнито-гравитационным полем земли.

Гималаи, возвышающиеся над равнинным Индостаном, Памир и Среднеазиатское плато, Тибет и пустыня Гоби, Саяны и Минусинская котловина — эти контрастные ландшафты Центральной Азии притягивали космические вихри, рождающие новых людей, новые этносы, новые социокультурные сообщества.

В Предгорьях, где били ключи космической пассионарности, усиленно размножались, крепили физически и «вспоминали» свою ноосферную будущность новые расы и этносы.

«Расы и этносы — понятия не только не совпадающие, но исключают друг друга, потому что каждый этнос состоит из смешения двух и более рас первого и второго порядка, а каждая раса входит в состав многих этносов», (Л. Гумилев,

«Этносфера», -М: Экопрос, 1993, с. 55). Однако приводимое отличие расоведения, где классификация идет по соматическим признакам, и этнологии, разделяющей сообщества по характеру поведения, не является столь уж исключаящим друг друга. Расы как «биологические таксоны» с их соматическими отличиями — это более древнее (на уровне лемурийской эпохи) формирование плотного человеческого тела в определенных местах древнего континента (монголоиды, индоевропеоиды и негроиды), а этносы — это природно-ноосферное сообщество человеческих групп, когда соматические признаки людей уже в значительной степени законсервированы.

Этнос — это достаточно организованное и устойчивое сообщество людей. Вначале пассионарность приводит к количественному росту членов сообщества, которое приобретает значимую историческую силу, проявляя эффект пирамиды. Любая система должна размножаться, чтобы увеличить основание пирамиды, а растущее количество элементов должно самоорганизовываться — сформировать структуру с разделением функций между отдельными членами.

Организовавшийся этнос в силу избыточной пассионарности стремится расширить ареал своего существования, втягивая в орбиту своей системы соседние племена и народы.

Великие перемещения людей в пространстве и во времени по евразийскому континенту приводили и приводят к такому смещению рас, этносов и религий, что говорить можно не об отдельном этногенезе или истории культурных цивилизаций при сохранении у их представителей стабильных расовых отличий, а о динамичных человеческих группах — сообществах, вычлняющих себя из общего человечества по особым биосоцио-социальным признакам. Например, мы — сибиряки, мы — американский народ, мы — советский народ.

В условиях всегдашнего перемещения народов из различных центров древней цивилизации встречные потоки волн интерферировали на наиболее удобных землях, давая импульс к созданию новых суперэтнических образований.

«Не было и не могло быть этноса, происходящего от одного предка. Все этносы имеют двух и более предков, как все люди имеют отца и мать. Этнические субстраты-компоненты возникающего этноса в момент флуктуации энергии и живого вещества биосферы (и ноосферы — В.Б.) сливаются и образуют единую систему — новый оригинальный этнос, обретающий в этом слиянии целостность, созидающую свою, опять-таки оригинальную культуру» (Л. Гумилев «Ритмы Евразии» — Экопрос: 1993, с. 84).

Поэтому говорить о некоем расовом и даже этническом предке для каждого из нас невозможно. Мы — дети истории.

Человечество, прошедшее свое «детство» в североевразийской колыбели, спустившись в Арию, стало достаточно взрослым, чтобы начать свой уже земной путь, порождая в соответствии с ритмами континента новые народы и цивилизации.

В истории Великой Степи, занимающей значительную часть Евразии, было три всплеска пассионарности, приведшие к образованию трех суперэтносов, разлившихся отсюда по всему континенту. Во II-м тысячелетии до н.э. к северо-западу от Саян

расцветали пра-скифы (потомки шедших с севера гипербореев-саха), а к юго-востоку возник Древний Китай.

В IV в. до н.э. в этом же ареале возник хуннский суперэтнос в результате слияния с аборигенами пришедших с южной окраины пустыни Гоби племен монгольской расы.

«Третья вспышка — монгольский взлет XII в., инерция которого отнюдь не иссякла» (там же, с. 84).

Отсюда степняки не раз под влиянием изменяющихся земных условий устремлялись вдоль пока неведомых геофизических и биоинформационных линий по поверхности земного континента. «Из Западной Европы через Донбасс, Астрахань, Мангышлак к Султану-вайсу и далее на Бухару проходит гигантский разлом... — кладовая полезных ископаемых». (П.В. Флоренский, цит. по кн. Л. Гумилев «Этносфера», с. 321). Не есть ли этот разлом той направляющей осью, вдоль которой шли на запад предки скифов, а затем армия Чингисхана, перемешиваясь по пути, формируя из рас и этносов нации и народы — наших дальних предков. Если «нация говорит голосом крови», то

В моей крови соединилось
степенство древнее славян
и прыть, которая не снилась
лихим дядьям из-под Саян.

И скифы, и пра-славяне — две ветви общей индо-евразийской семьи, которая сплелась своими корнями в древней Арии. Именно отсюда (см. «Велесова книга» — М: Менеджер, 1995) произошло переселение ариев и в Индийский Пенджаб, и мимо Персии на Кавказ и на Южное Поволжье.

Южный поток переселенцев — исход сыновей Ария — Кия, Щека и Хорива, ставших затем во главе славянских «племен» (с. 195), по пути породил пеласгов— доэллинских жителей Древней Греции, троян, а затем и итальянских этрусков и киммерийцев, которых считают пра-славянского рода, смешавшегося с «выселенцами» из Арии.

Северный же поток родственных этнических племен из Семиречья в степи Южного Поволжья дал тем же переселенцам общее название — скифы.

Разумеется, по мере переселения народов не оставались неизменными их образ жизни и культура, ибо люди приспосабливались к окружающей среде и вместе с ней творили культурные автомодели — мифы и памятники.

Киммерийцы и скифы, соединившись, породили скелотов; а западные гиперборейцы — славян-даков.

Видимо, наличием западных гиперборейцев, пришедших еще ранее из Арктиды и смешавшихся с потоками атлантов, можно объяснить тот тезис Б.А. Рыбакова, что «предки славян — трипольцы уже с III тысячелетия до н.э. жили в

Среднем Приднепровье, потому они не могли прийти из Азии» (Велесова книга, с. 248).

Поскольку на бурном Евразийском континенте народы то вспыхивали как искры в общей истории, то меркли, смешение различных этносов и рас порождало новые народы, и генеалогическое древо наше имеет разветвленную корневую систему.

И возводить свое начало лишь к одному корню нельзя. Можно говорить о своем изначальном собстве, лишь соотнося его к какой-то исторической вехе: ко временам Арктиды и Атлантиды, к эпохе освоения Северного Причерноморья, к Древней Руси или к более поздним временам.

Согласно «Велесовой книге», от Дажьбога (бога Солнца) и Марены (богини Смерти) родились Богумир и Арий. «Род Богумира, к которому принадлежали многие северные славянские племена, столь же древний, как и род Ария, но он не ариев» (с. 193). От Богумира и Славуни произошли Рус и другие северные племена; от Ария-Кимари и Хазар-прародители киммерийцев и хазар (россов — двоюродных братьев русов).

Арии и потомки Богумира и в глубочайшей древности и потом непрерывно перемешивались между собой и с другими народами на бескрайних просторах Евразии.

Нынешняя Россия — великая евразийская держава от Балтики до Тихого океана, и конечно же, нельзя идентифицировать россиян (да и русских как самую большую часть российского суперэтноса) с какой-то одной нацией.

Российская семья народов — это и великороссы, и западные славяне, и поволжские финно-угорские и татаро-башкирские народы, и сибиряки. Это семья формировалась во времени и пространстве на евразийском континенте в результате великих человеческих миграций в широтном и меридиональном направлениях.

Северные гиперборейцы и западные атланты породили обширную гамму восточно-европейских народов, в том числе славян, обретших свою родину на восточных склонах Карпат, германские племена в юго-западной Балтии и норманнов в Скандинавии.

Скифия — общее название европейско-уральской части нынешней России — была заселена в древности (III-II тыс. лет до н.э.) большим количеством весьма подвижных кочевых племен, среди которых только Геродот упоминает больше 10: борисфенийцы, коллипиды, ализоны — на западе; андрофаги, номады (скифы-кочевники), царские скифы, меланхлены (в районе Воронежа); задонские и поволжско-уральские савроматы (сарматы), будины, гелоны (скифы-эллины), урало-приобские тиссагеты, иирки (относимые также к угро-финским племенам, родственные хантам и манси); алтайские аргиппеи (уйгуры), к востоку от них — исседоны, к югу массагеты (между Сыр-Дарьей и Аму-Дарьей), а к северу — аримасты (см. М.В. Агбунов «Путешествие в загадочную Скифию» — М: Наука, 1989).

Скифы пришли из глубин Азии в Северное Причерноморье во II тысячелетии до н.э., вытеснив отсюда киммерийцев, которые частично через Балканы, а частично через Кавказ переселились в Малую Азию, соединившись здесь со своими иранскими сородичами.

Большинство скифских племен (даже в восточной части Скифии) не были монголоидами, а скорее принадлежали тому же расовому корню ариев, которые ранее прошли с Севера через Восточную Сибирь, Алтай, и Среднюю Азию и обосновались в Западном Курдистане, дав начало Шумерской цивилизации.

Англичанин Макен, также выделяя три группы скифов: причерноморских, малоазиатских (скорее — прикаспийских — В.Б.) и восточных кочевников, считает, что скифы — суперэтнос, а не отдельный народ. «Скифы Геродота как народ, возможно, являются искусственным конгломератом, сложившимся в условиях жизни степных кочевников» (цит. по кн. А.И. Доватур, Д.П. Каллистов, И.А. Шишова «Народы нашей страны в «Истории Геродота» — М: Наука, 1982, с. 61).

Г. Трейдлер считает родиной скифов Туркестан, откуда они в VII в. до н.э. под давлением монголов передвинулись в Европу вплоть до Дуная, а спустя тысячелетие в VI в. н.э. германо-славянские племена потеснили скифов обратно на восток — к Дону (там же, с. 65).

Существует версия, что сарматы — это осетины (иранцы). Возможно прародиной восточных скифов являются предгорья Алтая, или Семиречье, где во II-м тысячелетии до н.э. обитали освоившие уже металлическую культуру европеоидные (т.е. восточно-арийские) афанасьевские племена (Л. Шинкарев «Сибирь: откуда она пошла и куда она идет» — Новосибирск, 1985).

Скифы-сарматы-иранцы и скифы-алтайцы-арии, как и их предшественники на юге России киммерийцы — иранцы представляли восточную ветвь древнеарийской цивилизации. В Северном Причерноморье они встретились со своими атлантико-арктическими сородичами в лице древних славян и кельтов.

Карпатские предгорья стали пра-родиной многих европейских народов, среди которых сформировались славянский и германский суперэтнос, соперничающие между собой на протяжении всей современной истории.

Среди пра-славян, обитавших на Карпатах, чех П. Шафарик выделяет вендов и сербов, буддинов и невров — будущих литовцев. Однако «история древних славян — это область гипотез» (А. Доватур и др., с. 34).

«К концу бронзового века, к IX-VIII вв. до н.э. западная половина обширного праславянского мира оказалась втянутой в сферу лужицкой (кельтской?) культуры, а восточная половина соприкасалась с киммерийцами (иранцами?), противоборствуя им, но воспринимая некоторые элементы их культуры...

Праславяне чернолесского времени (чернолесской культуры Среднего Поднепровья), вынужденные отражать наезды кочевых киммерийцев, не только научились ковать железное оружие и строить могучие крепости на южной границе,

но и создали союз нескольких племен между Днепром и Бугом, получивший названием «сколотов».

Смена киммерийцев скифами в VII в. до н.э. привела, очевидно, к тому, что сколотский племенной союз вошел в обширную федерацию, условно называвшуюся Скифией.

...Не подлежит сомнению сильное сращивание праславянской культуры со скифской, восприятия славянской знатью всех основных элементов скифской всаднической культуры (оружие, сбруя, звериный стиль) и в какой-то мере, может быть, даже языка» (Рыбаков Б.А. «Геродотова Скифия» — М: Наука, 1979, с. 226-227).

Хотя некоторые положения концепции Рыбакова Б.А. и оспариваются другими авторами (см. Агбунов М.В., с. 29), тем не менее можно принять, что сколоты (праславяне + западные скифы) — земледельческие и кочевые племена лесостепной Южной России — далекие предки будущих жителей Киевской Руси.

«Язык скифов-кочевников принадлежит к североиранской ветви языков, что четко отделяет настоящих скифов от сходных с ними по ряду культурных черт земледельцев-сколотов. В славянские языки проникли некоторые скифские слова, но это говорит о давнем соседстве, близком общении, но не о тождестве языков пахарей и кочевников... Скифы — пахари (само название — сколоты) говорили на славянском (праславянском) языке» (Б.А. Рыбаков «Киевская Русь и русские княжества» — М: Наука, 1993, с. 8-9).

Столь резкое противопоставление праславянского и скифского языков оппонируется некоторыми историками.

«Скифы никто иной как Славяне», — писал в 1854 г. Егор Классен в «Новых материалах для древнейшей истории... славяно-русов» (с. 33). Такая категоричность является, пожалуй, чрезмерной, но славяно-скифская общность, в т.ч. и языковая, объясняется не только их «давним соседством», но и родовыми связями, восходящими через ноосферу к «доисторическим временам».

М.В. Ломоносов в своих «Трудах по русской истории» придерживается мнения о том, что «скифов почитать должно за первоначальных жителей в наших нынешних селениях». И в то же время он признавал, что «славянский народ был в нынешних российских пределах еще прежде рождения Христова...» (Избранные произведения, Т. 2 — М: Наука, 1986, с. 19-20).

С другой стороны, в крови киевских русичей течет и варяжская (норманнская) кровь, так что, заглядывая вглубь веков в поисках своей родословной, мы встречаем все новые и новые истоки: праславян, скифов, норманнов. А у Московских русичей в более поздние времена и финно-угорскую и тюркскую кровь. Так что нет в наших жилах холодного единокровия, а есть гремучая смесь многих племен и народов.

Нынешний россиянин включает в свою семью и потомков тюрков-монголоидов и сибиряков, порожденных древними жителями Арктиды, уходившими на запад, через северный Урал в Скандинавию и на юг через Байкал, Хакассию и Алтай, а также

последующими тремя обратными потоками переселенцев из Средней Азии, из Северной Даоландии и из Восточной Европы.

Архантропы на Алтае обитали уже 200 тыс. лет назад. Сибирский ученый Ю.А. Мочанов открыл на Алдане в Якутии изделия сумнагинской культуры, имевшие возраст 10-6 тыс. лет. Предположительно (см. Л. Шинкарев, с. 26), что еще 35-25 тыс. лет назад из Монголии и Тувы в Якутию, а далее через Аляску в Центральную и Южную Америку проникали следы древнекитайской (полинезийской-индомалайской) цивилизации.

Л. Гумилев придерживается прямо противоположного мнения, что не тюрки (монголоиды) проникали в Америку, а индейцы III-II тыс. лет до н.э. — в Сибирь («Ритмы Азии», с. 79). Но как бы то ни было, а Восточная Сибирь к тому времени уже стала перекрестком мигрирующих монголоидов и европеоидов.

Хакасские идола — каменные бабы — старше статуй о. Пасхи на две тысячи лет. На степных женских скульптурах отчетливо виден на лбу третий глаз — «кыс-так» — ведический знак связи человека с космосом. Хотя окуневская культура в Хакасии имеет монголоидное происхождение, но более 4-х тысяч лет назад уже существовали связи минусинских сибиряков с Поволжьем и Средней Азией.

А глазковская культура в Прибайкалье (XVII-XIII в до н.э.) уже содержит украшения в виде раковин индонезийских Молуккских островов.

Эти и многие другие примеры, приведенные в книге Л. Шинкарева, свидетельствуют о развитых связях между народами Восточной Азии, проходящих через нынешнюю российскую Сибирь. Само название «Сибери» — по-монгольски означает «страну лесов», хотя на западе Сибирь — это лесостепи, смыкающиеся со степями Северного Казахстана — раздолье для восточно-скифских кочевников.

Степные районы Евразийского континента, по недрам которых проходил евразийский геоконтинентальный разлом земной коры, дали выход геокосмической энергии в человеческое сообщество, приводя к его структуризации.

«История нации... — это история человеческой энергии», — писал Ф. Осборн (цит. по Л. Гумилев «Этносфера», с. 182). А человеческая энергия — пассионарность есть продукт совместного действия космических потоков, геобиоэнергии земли и возникающих этнических сообществ.

Этносы, характеризующиеся недостаточной пассионарностью, в основном, приспосабливались к природным условиям. Их энергии едва доставало для того, чтобы самосохранить себя в условиях окружающей среды. Они не покушались на преобразование природы, а естественным путем регулировали свою численность сообразно с количеством доставшегося на их долю пропитания. Так жили на территории Евразии большинство «лесных» народов, боявшихся покинуть свои чащобы.

Этническая замкнутость (эндогамия) приводила к самоизоляции племен и народов, их нестойкости по отношению к внешней среде и наступлению соседей.

Напротив, этносы, обладавшие избытком пассионарности, стремились к расширению своего ареала, а за счет смешения разных племен во время своей миграции происходило саморазвитие этноса.

«Начало формирования евразийской целостности приходится на степные районы. Оседло жившие племена славян и финно-угров начали подключаться к управлению Евразией позднее кочевников» (В.Т. Марченко в ст. «Евразия как полиэтническая система» — М: Московский центр экологического движения энергетиков, 1993, с. 13).

Однако их «подключение» приводило к еще большему расцвету суперэтноса, обитавшего на евразийских просторах от Монголии до Карпат. Не механическое слияние отдельных народов, а их системная организованность, когда целое больше суммы составных частей, привела в результате «великих переселений народов» к становлению российского суперэтноса.

Системная организованность суперэтноса определяется не только географической средой его обитания, но и «схожестью менталитета» (А.Е. Жарников, там же, с. 5), определяемого общим духовно-психологическим полем сообщества, формируемым одновременно и средой и самими людьми в общении со своим «экосом». Геокосмическая энергия, зарождавшая пассионарные всплески у человеческих сообществ, приводила не только к их миграции, но и к этнической соорганизованности — синэргетичности народов во времени и в пространстве.

Отождествляя скифов и славян, Е. Классен (с. 127) пишет не о разных по происхождению евразийских народах, а по сути о едином народе, делящемся на три касты: военных, земледельцев и пастухов, выступающих на карте мира под именами гетов (готов), ругтов (русов) и алан, имеющих общее европейское происхождение от древних парсов-ариев.

Различные наименования представителей этого общего скифо-славянского народа объединяются Е. Классеном обычаем называть своих собратьев по месту проживания, например, тисса-геты (геты на р. Тисса, хотя уральское местонахождение этого народа, по Геродоту, не совпадает с балканским расположением р. Тисса; может быть в истории была и другая река Тисса — на Урале). Либо название нового народа было связано со смешением племен-каст: россомоны (роксоланы — росс-аланы), этруски (гетты-русы). Народы часто прозывались соседями по виду их занятий: сарматы — сыромятники (кожевники), меланхлены — махланники (носящие зимние малахай), северяне — мурмане (ловчие белок-мурмы). Сами алане — от слов «алань» — низменное ровное место, удобное для пастбища (с. 28). Булгары — белые угры; венгры — червонные угры. Хазары — нарицательное имя («не так» — еретик).

По Е. Классену, ссылающемуся на Авесту Зороастра, древние парсы, жившие на южном склоне Индукуша в высокой части Азии (с. 226) «каждый раз, по умножению рода своего производили выселки»: в Бактрию (Персию, Шумер), в Ливию и Финикию, в Эфиопию и Фивы. Среди 16 парских «выселок», упоминаемых

Зороастром, — в Балтию (венеды), в Индию (Согду), в Балх (Балхаш и Балканию), в Урву-(утры), Верену (Воронеж и венецианскую Верону).

Многие конкретные пути выселок в совершенно различные направления могут быть оставлены на совести автора, достаточно предвзято (с явно славянской прозаданностью) толкующего переселения народов и смену их имен при этом. Но трудно возразить против самой гипотезы «выселок», которая могла осуществляться пассионарным этносом не только по земле, но и в осознании древних и современных историков.

И все же, думаю, такие «выселки» есть следствие и космического «путешествия» пра-народа, влияющего на обитателей других регионов земли посредством ноосферных (языковых, знаковых, культовых, духовных) связей.

Отсюда и возникает, с одной стороны, пестрая картина народов, блуждающих до и после «осевого времени» на евразийских перекрестках, а с другой стороны — народов единого Евразийского суперэтнуса, имеющего далеких пра-отцов и богатую родословную, список которых приведен в нашей таблице.

Разумеется, в каждой из евразийских зон жили и другие народы, да и сама таблица не претендует на исключительную достоверность, ибо многие сведения о рождении и угасании тех или иных этносов в разных источниках (у М. Агбунова и Б. Рыбакова, у Л. Гумилева и у авторов «Истории Сибири», у В. Ключевского и Е. Классена) трактуются по разному.

«Постепенное развитие человеческого рода, в главных чертах, шло по направлению суточного движения солнца. В Азии род человеческий получил начало... С первых дней истории и до нашего времени оно (азиатское племя — В.Б.) без всякого перерыва составляет ядро человечества и центр, вокруг которого вращается вся всемирная история» (Всемирная история Ф. Шлоссера, т. 1, 1867 г., с. 102).

Действительно, на протяжении трех тысячелетий, не говоря о более ранних «выселках» персов, явно просматриваются три «волны» с востока на запад: скифы, хунны, монголы и современное продвижение русских — с запада на восток.

Во время каждого из этих «великих переселений» попадавшие под каток истории народы не исчезали. Они видоизменялись: либо ассимилировались с пришельцами, передавая им и обогащаясь вместе с ними культурными традициями; либо сохраняли в своих анклавах национально-религиозный уклад жизни. От одних к другим, как от мужа к жене и детям, переходило название народов, но все они своим полиэтническим разнообразием приумножали исторический опыт, культуру и цивилизацию, став в итоге общим достоянием человечества.

Период	Регионы					
	Северное причерно- морье	Волго-Дон	Урало- Поволжье	Север. Казахстан	Запад. Сибирь	Восточная Сибирь
Ранее I тыс. до н.э.	киммерий- цы	мелан- хлены	иссагеты и иирки	сарматы	алтайцы- пра- скифы	хакасы
X–V вв. до н.э.	скифы- борисфены	 скифы- норманы, мелан- хлены	угры скифы- сарматы	скифы- массагеты	скифы- аргиппеи	хунны
IV в. до н.э. – р.х.	сколоты	угры сарматы	сарматы гунны	само- дийцы	хунны	хунны, самодийцы
I–V вв.	Готы, сарматы (аланы), гунны	россомоны, угры, сарматы	вогулы, самодийцы, кыпчаки	хунны, согди, печенеги	хунны	сянь-би
VI–X вв.	хазары славяне (поляне и др.)	северяне чудь, анты	манси печенеги	тюркюты	уйгуры тюркюты	
XI–XIII вв.	киевские россы, половцы	чудь владимирс- кие руссы татары	татары	монголы	монголы	монголы
XIII–XV вв.	киевляне Золотая Орда	московиты Золотая Орда	татары	казахи	кыргызы	
XVI–XX вв.	Украинцы, малороссы	Велико- россы	русские татары	русские казахи	русские	русские монголы

Россы и руссы

Для самоидентификации этнической системы многое значит познать историю своего названия. Она — эта история восходит либо к самоназванию народа, либо, чаще всего, к обозначению того или иного племени, этноса со стороны внешних наблюдателей, оставивших в древних письменах словесный символ своих соседей.

Тем более сложно отыскать в глубине веков этимологические свидетельства о изначальном происхождении самого слова Россия, которое обозначает не только название страны в ее новейшей истории, но и название российского суперэтноса, имеющего гораздо больший стаж.

Существует немало различных гипотез на этот счет. В значительной степени эти гипотезы строились и строятся под некоторую заданную сиюминутную политическую цель: свести генеалогическое древо россиян либо к норманнскому, либо славянскому, либо азиатскому истоку. С самого начала отвергая подобные цели

для доказательства своего монопроисхождения и придерживаясь убеждения в полицентричности происхождения человечества вообще и формирования русского народа и русской нации в результате многократного срачивания различных рас и этносов, циклически воздействовавших друг на друга, тем не менее я попытаюсь, не навязывая окончательной разгадки самоназвания своего «собства: почему я рус», высказать некоторые суждения, которые могут расширить круг обсуждаемых версий.

Со-общество (государство) дает название своим гражданам или племена, объединяясь, дают соответствующее название своему союзу по имени одной из ведущих объединительных сил?

Россия как государство назвала нас россиянами, а русичи (русские) дали наименование Древней Руси. При всей правдоподобности этой версии возникает неясность: как Русь преобразовалась в Россию (не по государственному устройству, а по названию). И главное — откуда пошло название «русс» и существовали ли в древней истории «россы»? Или все-таки «руссы» — русь — это жители земли Русской?

В отсутствии письменности на территории нашей страны во времена до н.э. приходится прибегать либо к историческим сочинениям древних греков или арабов того времени, либо к исторической памяти самого народа, в которой «обыкновенно надолго удерживаются события, которые впервые коснулись всего народа. В ней «обыкновенно надолго удерживаются события, которые впервые коснулись всего народа, в которых весь он принял участие и через это совокупное участие впервые почувствовал себя единым целым» (В.О. Ключевский «Русская история» — Кн. 1., М: Мысль, 1993, с. 88).

С самого начала я бы поставил под сомнение происхождение названия народа «росс» или «русс» от собственного имени немецко-балтийского острова Рюген, где якобы обитали ругги-«рюссы» — предки тех, кто впоследствии под именем варягов объединили поднепровские княжества в Древнюю Русь.

Хотя эта версия достаточно правдоподобно изложена В.О. Ключевским.

Под именем варягов европейцы подразумевали норманнов (норд-север, манн-мужчина) — собирательное название германских племен, населявших Северную Европу и приходивших на «княжение» в русские города и на службу к византийскому императору.

«Имена первых русских князей-варягов и их дружинников почти все скандинавского происхождения: Рюрик, Трувор, Олег — O'helgi, Ольга — Helga, Игорь — Ingvar и т.п.» (там же, с. 113). Да и само понятие князь возводят к скандинавскому «конунгу» — вождю, королю. Хотя на этот счет есть и другие мнения.

Версия норманнского происхождения русских как жителей Древней Руси в той или иной степени поддерживалась многими официальными историками Российской империи, в частности и Карамзиным.

История Древней Руси — это история объединения княжеств, возглавляемых варягами Рюриком — в Новгороде, Трувором — в Изборске, Аскольдом — в Киеве,

Туром — на Припяти. «Племена севера (в числе их и русь) завладели некоторыми из славян и до сей поры живут среди них, даже усвоили их язык, смешавшись с ними», — так В. Ключевский цитирует (с. 119) арабского писателя Аль-Бекри (X в.), описавшего славяноваряжские княжества, возникавшие на трассе «из варяг — в греки».

«В древней «Повести о русской земле» первоначальное значение (название Руси) было племенное: так называлось то варяжское имя, из которого вышли первые наши князья. Потом это слово получило сословное значение: русью в X в., по Константину Багрянородному и арабским писателям, назывался высший класс русского общества, преимущественно княжеская дружина, состоявшая в большинстве из тех же варягов» (с. 144-145). Князья, правившие в городах, со всею Русью, т.е. «с дружиной» (с. 132) выходили на полюдь, заставляя «славян платить дань Руси» (с. 133). «Русь — правительственный класс с князем во главе своими заморскими торговыми оборотами поддерживала в славянском населении всего Днепровского бассейна судовой промысел» (с. 134).

Из 25 торговых послов, заключивших договор Игоря с греками в 945 г., все были варягами, хотя представляли себя «гостями от рода русского», но возвращаться на землю Русскую им пришлось через чужеплеменную страну северо-западного Причерноморья.

Поэтому Понтийское море (в это время!) назвать русским было никак нельзя. А до или после — вопрос пока открыт.

Так оценивает В. Ключевский сословное происхождение самого понятия «Русь»: «Русь, торговавшая с Византией, была у себя дома господствующим классом, который обособлялся от туземного славянства сначала иноплеменным происхождением, а потом, ослабяившись, сословными привилегиями» (137).

М.В. Ломоносов считал, что «Рюрик с братьями был сродственник князьям славянским и для того в Россию призван на владение...» И там же: «Варяги, происходя от роксолан, всегда себя русью называли, хотя другие народы их иначе именовали». Опровергая мнение немца Миллера, «якобы чухонцы варягам и славянам имя дали», он считает, что «Осколд (киевский князь Аскольд — В.Б.) речение есть славянское и значит — обоюдный топор» (Труды по русской истории — в кн. Избранное произведение, т. 2 — М: Наука, 1986, с. 20).

Уже в наши дни возродилась версия о том, что еще за столетие до Рюриковичей готы — выходцы из германских и скандинавских племен под предводительством Германариха покорили и объединили славянские и фино-угорские племена в районе озера Ильмень.

Позднее столицей империи готов стал город на Днепре, предшествовавший Киеву; тем самым подчеркивались норманнские корни происхождения Древней Руси (см. Ан. Ананьев «Призвание Рюриковичей или тысячелетняя загадка России» — М: Новости, 1996, с. 55).

С другой стороны, зародившееся в начале XX в. евразийское движение, различало и довольно резко славян по величине расового биохимического

показателя крови. Так, к европейскому типу с коэффициентом выше 2,5 относились западные и южные славяне и романо-германские народы; у восточных славян, русских, также как и у тюркских, угро-финских народов этот показатель крови 1,3-1,5, а у чисто азийских народов: калмыков, бурят и монголов показатель — ниже единицы. Откуда следует, что «сопряжение восточного славянства с туранством есть основной факт русской истории» (Э. Хара-Даван «Чингис-Хан...», в сб. «На стыке континентов и цивилизаций» — М: Инсан, 1996, с. 226).

Я бы не стал обвинять в некоем расизме эту версию евразийцев. По крайней мере голосом крови говорит любая нация.

Но отличительной особенностью русского суперэтнуса является его многокровность как причина и следствие этнической многоукладности.

Как горы вздымаются вверх сжатием двух геологических пластов, так и русская нация взмыла в мировой истории под влиянием «инь-ян»-ского притяжения — отталкивания западной и восточной ветвей древнего человечества.

И сословное и норманнско-племенное значение слова «русс», восходящее к названию острова Рюген, представляется, по меньшей мере, сомнительным потому, что собственные имена в сознании народов появились гораздо позднее, чем названия людей по их какому-либо признаку.

По той же причине, по-моему, не соответствует исторической истине и попытка Б.А. Рыбакова произвести название слова «русский» от слова «росс» — житель реки Рось — правого притока Днепра.

«Поляне, яже ноне зовомая русь», проживали в среднем течении Днепра, от устья Припяти до устья Роси, на территории нынешней Киевской области, действительно были жителями Киевской Руси. Но сама река Рось впадала в Днепр много южнее места основного расселения полян, она не была сколь-нибудь значимым транспортным путем для переселяющихся народов. Русская земля с X по XI в. расширилась на юг на один день пути и простерлась от Ладожского озера до устья р. Рось. Киевский князь Владимир в 1007 г. провожал к печенегам немецкого миссионера Бруно, который называл гостеприимного хозяина «сеньором Руссов», и за два дня пути они доехали до южной границы княжества, проходившей на линии реки Роси. Вряд ли самоназвание народа совпадало с пограничной рекой, которая и стала-то границей много позднее. Да и сама трансформация слов: Рось-русь не поддается внятному объяснению.

С подобным же успехом и восточная пограничная подмосковная Руза и северокавказский Аракс-Рса могли бы считаться пра-родиной «руссов». Возможно скорее обратное: и Рось и Руза и Рса могли получить свое название после того, как на их берега пришли «россы» и «руссы», либо это равнозвучные названия рек отражали некоторую исходную фонетическую общность единого пра-языка.

Пришлые на Русь варяги стали править туземным низшим населением — славянским простонародьем. Значит, коренные славянские племена, в т.ч. и «поляне, яже нонезовомая русь», поселились в этих местах до пришествия варягов. Что же — произошло переименование коренного народа по имени пришельцев-норманнов

«рюссов» или же существует иная этимология (научное обоснование происхождения) слова «русь».

Русь — одно из племен северных славян. Это, по В. Ключевскому, следует и из арабского источника X в., и из Начальной летописи, в которой упоминается о более позднем переименовании полян, живших по приднепровским горам (а не в долине Роси).

Поляне расселились по среднему Днепру, древляне и дреговичи в лесах и вдоль Двины, северяне — по Десне и Сейму, «те же, которые сели около озера Ильменя, прозвались своим именем — славянами... Так разошелся славянский народ» (Изборник. «Повести древней Руси» — М: Художественная литература», 1986, с. 24). Варяжские князья «сели» на все славянские племена по пути из варяг в греки — почему же только поляне стали зваться русью?

Не произошло ли «переименование» полян в русь по другой причине. В «Повести временных лет» описывается судьба полян.

«Поляне же жили в те времена отдельно... родами на своих местах, и каждый управлялся самостоятельно... И были три брата: один по имени Кий, другой — Щек и третий — Хорив, а сестра их была Лыбедь... И построили городок во имя старшего своего брата и назвали его Киев. Был кругом города лес и бор велик, и ловили там зверей, а были те мужи мудры и смыслены, и назывались они полянами, от них и поляне и доньне в Киеве» (с. 26). Кий не был перевозчиком, а «княжил в роде своем, и ходил к царю» византийскому по Днепру, впадающему устьем в Понтийское море; это море слывет Русским.

Подчеркивая тягу отдельных славянских родов к единению, городским укреплениям и дальним походам, летописец не ссылается на варягов, управляющих «славянским простонародьем», а упоминает славянина (полянина) Кия среди «мудрых и смысленных» княжичей.

«По смерти братьев этих (Кия, Щека и Хорива) притесняли полян древляне и иные окрестные люди. И нашли их хазары сидящими на горах этих в лесах и сказали: Платите нам дань» (Изборник, с. 26).

С одной стороны, Понтийское море уже «слывет Русским», с другой — поляне еще не стали русью. Не означает ли это, что названия: Русское море, а за ним Русская земля, и русь — поляне имеют не общее, а различное по времени, но звукоподобное происхождение, которое потом слилось в общем имени Древней Руси.

Л. Гумилев («Ритмы Евразии», с. 524) со ссылкой на А.Н. Насонова описывает Русь XI в. как «систему 9 полугосударств, стоящих на порядок ниже, нежели Русская земля». Большая Русь включала в себя Новгородскую республику, Полоцкое княжество, Ростово-Суздальскую землю и др. «полугосударства», в т.ч. и Русскую землю, состоящую из Киевского, Черниговского и Переяславского княжеств.

Тем самым различались Русь (в целом) и «Русская земля» как объединение трех среднеднепровских княжеств.

Кий как историческое лицо (Л. Гумилев, с. 525) был современником византийского императора Юстиниана и, следовательно, историю Киевской Руси следует вести с VI в. Само же имя Кий происходит, возможно, от слова «куй» — ковать, действия божественного кузнеца, соратника громовержца в его поединке со змеем. Украинское предание связывает с божьим ковалем не только основание города, но и происхождение самого Днепра: «кузнец победил змея, обложившего страну поборами, впряг его в плуг и вспахал землю; из борозд возникли Днепр, днепровские пороги и валы вдоль Днепра (Змиевы валы)» («Славянская мифология» — энциклопед. словарь, — М: Элис Лак, 1995, с. 222).

Откуда пришел в лесной Древний Киев образ Змея-Горыныча, побеждаемого сидящим на храбром коне Георгием Победоносцем?

В славянском фольклоре развито разнообразное представление о зайце: и эротическое в связи с его плодovitостью, и демоническое за связь с нечистой силой (заячий хвост — признак ведьмы), и олицетворение слабости («труслив как заяц») — (Там же, с. 190-192). Причем большая часть отрицательных качеств относится к степному зайцу-русаку.

И змеи, и лошади, и зайцы — это атрибуты мифологии степняков, восходящей к древним индоевропейским образам. Как попали они к лесному славянскому народу?

Следует помнить, что восточные славяне, спустившиеся с Карпат на нынешнюю Средне-Русскую равнину, включая Днепр и Дон, соседствовали на юге с лесостепными районами, где еще жило эхо недавних походов скифов и гуннов, готов и аланов. А восточные границы славянских земель проходили по местам этнической круговерти россомонов, антов и утров.

Нерукописная память народная, сам воздух этих мест не мог не хранить дух, образы и звуковую информацию о здешних названиях рек, животных и людей, достававшуюся в наследство от прежних обитателей этих мест.

В славянской мифологии, как и в любом т.н. «первобытном мышлении», развита традиция поименования живых существ в соответствии с их отличительными признаками, характеризующими это существо в его связи с окружающим миром. Тот же Горыныч и Победоносец прозваны в соответствии с тем, что они несут людям — горе или победу. Правда, есть версия, что огненный Змей прозван «горы-нычем» от слова «гореть» (там же, с. 198). Но так или иначе имя происходит от совершаемого существом действия.

Кострома — костер, Руслан (тюрк. — лев), чудь (название необычного для славян племени), многие другие примеры говорят о том, что имя человека, название города и племени тоже формируется путем перехода качества (прилагательного) в символ — имя существительное.

Причем не только в русском, но и в славянском фольклоре прочно осели многие слова и северного (викинг-витязь) и южного (радуга от египетского бога солнца) и восточного (Див — иранский дэв) происхождения.

Не следует ли поискать истоки слов «русс» и «росс» среди тех прилагательных, которые бы характеризовали отличительные свойства людей, давших начало русской нации и русскому (российскому) народу.

Руслан — храбрый как лев; руст — грубый, неотесанный; русый — светлобурый, средний между темным южанином и белокурым северянином; русалка (русалия) — светлое женское демоническое, как правило, водное существо.

Русалка — русло — ручей — река — Ра (Волга).

О. Сулейменов в кн. «Аз и Я» (Алма-Ата: Жазушы, 1975) выдвигает немало, может быть, и спорных, но не менее, чем другие, правдоподобных версий о трансформации египетско-китайского иероглифа солнца (круг с точкой в центре) в славянские и русские символы-названия. По его мнению, славянская «философия приближена к природе,... их поэты мыслят натуралистически конкретно, соотнося маленький письменный знак количественно соразмерными природными формами. В русском языке собрались такие, например, племенные слова, сохраняющие в семантике описание знака: ря-бина — точка на лице, мелкая красная ягода (цвет и форма солнца); ре-бя (точка в кругу — чреве); ра-ма (от ра-мень — ограда, описание круга)» (с. 291).

При этом славянские репродукции, как и китайские, содержат в основном имя солнца с мягким гласным (ря, ре) и «сохраняют подлинное качество египетского гласного», тогда как «греки и римляне не знали мягких гласные типа — я, е. И передавали их в заимствованных словах через — а, э».

Вообще индоевропейские языки, в т.ч. и славянский, содержат немало слов, восходящих к некоторым первоначалам, обозначающим основные понятия, с которыми приходится сталкиваться человеку, где бы и когда бы он не существовал.

Тот же О. Сулейменов выдвигает несколько на первый взгляд фантастических версий, свидетельствующих о том, что различные племена на протяжении тысячелетий понимали друг друга, ибо фонетика многих языков созвучно обозначала одни и те же явления.

Так, древнетюркская буква — йер (йир) и старосумерский знак «кир» (кур) выражались похожими иероглифами, изображавшими две горы. И оба эти символа обозначали «гористую землю» либо «страну» вообще.

Прототюркский термин «суб» означает «воду».

Древнесемитский «Субер» и тюркский «Суб-йир» означают одно и то же: водянистая страна. Не отсюда ли — Сибирь как болотистая страна (с. 258-259). И хотя мы приходим к одному и тому же нынешнему названию, но «монгольское» «Сибери» — страна лесов и арийское «Субер» — болотистая страна однозвучно характеризуют различные признаки (хотя и не прямо противоположные) огромной страны.

Блуждая по этому первичному звуковому полю, можно найти любые варианты созвучий, которыми люди пытались охарактеризовать те или иные явления, существа и групповые объекты.

Монгольское имя «гун» (хунн — человек) объединило огромную массу кочевых племен, двинувшихся из прикаспийских степей на запад. А как это имя созвучно китайскому «хин» — хань, означающему народ.

Тюрко-монгольский титул «кан» (хан, каган) созвучен норманно-славянскому «каню» (кёниг, кнес, князь) (с. 268).

Герой: Геор-улы (по-тюркски), Гер-акл (по-гречески), Геркулес (по-латыни), Георгий (в христианстве и на Руси) — все они происходят от египетского бога солнца Хора — (Хо-ра).

Общераспространенное слово *ist* (*est*, *es*), означающее «быть, есть, существовать», восходит к древнеегипетской богине жизни Ишт (по-персидски — Изид), которая сама имеет более древнего предка — мать солнца Иштхор, которой поклонялись в Передней Азии уже с IV-III тысячелетия до н.э.

«На глиняном теле этой богине Иштхор часто наносился шумерский детерминатив божества — восьмилучевая звезда. Имя богини ...становилось нарицательным термином со значением «звезда». Сравните поздне-семитские варианты имени Иштхор — Аштарта, Иштар, Истер и индоевропейские названия звезды — астра, астер, стар и т.д.... Именем старинной богини определили понятие древность — История» (с. 300).

От первоисточника «Ра» образуются и «сын солнца» — Раиш, который будет вождем, и титул монарха и определение самой монархии. В Средней Азии любой местный начальник — раис, в Германии — райх, в Древнем Риме — рейз (империя), а затем республика (народовластие).

Тема солнца дает начало многим понятиям. Ражий (радый) — великий, сияющий, радостный. Ражий (рыжий, рысый, русый) — цвет солнца. Раж — страсть, ярость, азарт (образ пламени, огня). Ражий (ружий, о-ружий) — вооруженный.

«Диалекты как бы разделили между собой значения иероглифа (Ра)... Большинство толкований связывают иероглиф с конкретными, реальными, осязаемыми предметами и явлениями. Даже цвет солнца не назовешь абстракцией. Но каких высот поэзии достигают славянские жрецы в процессе овеществления знака! Какие превосходные сравнения находят они в природе. Славянские поэты — языкотворцы похожи на кропотливых художников, вышивающих мельчайшие сюжеты, когда их современники рисуют размашистые полотна малярной кистью... Если знак солнца с лучом (Ра-иш, Ра-ис) позволяет индейцам создать внутренние обширное слово понятие — раса, то терпеливая наблюдательность северного поэта высветлила именем знака каплю утренней влаги на тонком стебле травы — роса».

Итак: Ра — раса — роса — руса — русь.

И хотя поэтически-фонетические изыски не есть та достоверная трансформация общезыковых первичных символов в конкретные имена существительные, в т.ч. имена существительные народов, все-таки значение подобных версий позволяет проложить мост, по которому возможно общение людей в пространстве и во времени.

Первое объединение скифов с пра-славянами (склавенами) дало союз сколотов. Не тогда ли в памяти здешних мест отслоилось общее наименование «-ски». Как общались они меж собой, неизвестно, но очевидно, что древнее «ра», светившее над ними, оставило в их сознании и последующей памяти некоторые «солнечные» производные звуки-слова. Не тогда ли возникло звуко сочетание «ра-ски» — солнечные люди «раски». Затем уже «ру-ски»?

А может быть, река Ра, давшая скифам приют и изобилие, заставила их вспомнить о своей «волжской» прародине» (см. Велесова книга, с. 195), о древнем солнечном рае, в который окунулись они. И вновь: «раски» — стали называть себя обитатели этих мест в низовьях Волги. Недолго продержалось их благополучие. Пришедшие с востока сарматы уничтожили райское племя. Но не померкло солнце Ра. Просто он распалось на мирриады мелких солнц, спрятавшихся в глубинах не одной реки, а множества капель. И росистые травы стали ждать новых пришельцев.

Почти тысячелетие спустя в IV в. н.э. это место заняли «россомоны» (роксоланы), которые наследовали у своих предков и звучное солнечно-травное «росс», и имя скотоводов-кочевников «алан», пройдя с ним до берегов Танаиса-Дона. Роса на пастбищах (алань — равнина, степь) — пусть и короткоживущее, но поэтически непреходящее имя народа, который, возможно, оставил свое гены и в нашей крови.

Протяжное «а-о» в словах, связанных с солнцем «Ра», характерны для племен и народов, проживавших в южных и восточных частях Древней Руси. В этих землях до образования Киевской Руси народ звался преимущественно «рось», «россы», а затем и страна — Ра-сея, Россия. Глухое «у» здесь почти не употреблялось. Зато в западных пра-славянских землях «руссы», «русь» было преимущественным. И происходило оно больше не от росных трав, а от бурого (русого) цвета лиц лесных жителей новгородско-прибалтийских земель и вооруженного (ружный) топором и секирой славянского предка.

Раз-мах, т-рас-са, к-рас-ный, ст-рас-ть, раз-ный — все эти слова так или иначе означают солнечное (ра) раздолье (раз).

Рос-а, рос-сыпь, г-роз-дь, рос-т, рос-кошь, роз-нь — все говорит о большом количестве отдельно взятых предметов и явлений.

Не отголосок ли это степных солнечных просторов, где живительная влага приумножает жизнь и богатство: россы — Ра-асия. Если «асия» означает по-гречески «держава», то Ра-асия (Россия) — солнечная держава.

Западно-славянские слова, характеризующие людей и их среду жизни: **г-руз, б-рус, д-руз-а, рус-алка, ру-да, рыжий-русый, т-руж-еник** и др. больше напоминают нечто потаенное, тяжелое, лесное.

Недаром арабские и византийские авторы называли восточно-славянские скифские племена общим именем «рос» — росс. Сегодняшние русофобы отрицают естественность «российского» прозвания народа, считая «довольно очевидным... заимствованный, в основном западный, характер названия России... КРДС (Картотека

Древнерусского словаря (якобы — В.Б.) не знает россиян раньше эпохи Петра» (О.Н. Трубачев «Русский-российский», в сб. «Русская нация» — М: 1995, с. 31).

Признавая упоминание в Византии страны «России», известный филолог относит все же это название к европейской (польской) моде XVIII в., оставляя исконным поименование народа и страны — русский, Русь.

Действительно, в славянской мифологии почти нет слов с корнем «рос», зато наличествует и бог войны Русвит, и языческий праздник «русалии», близкий к латинскому античному празднику, именуемому «розалии», который заключался в поминовении безвременно умерших, чьи могилы украшались венками из роз.

Характерен пример, приведенный в Словаре Даля: один и тот же цветок «роза» имеет в южных районах России местное название «рожа», а в западных — «ру-жа».

Лесная река **Руз**-а, болгарский город — **Рус**-е и литовский **Рус**-не, эт-**рус**-ки, п-**рус**-сы. Один из первых славянских городов — Старая Русса в лесах около оз. Ильмень, а Новая Русса — в лесах Померании.

По-видимому, самоназвание «рус» имеет отношение к лесу.

Получается, что россы и руссы — не одно и то же племя, а два разных народа, отличающихся друг от друга как степные и лесные братья.

Но сделаем еще раз шаг в историю. Потомки атлантов и арктидов образовали общую евроарийскую (индоевропейскую) расу. В середине II-го тысячелетия до н.э. произошел «период отпочкования славянской языковой семьи от общего индоевропейского массива... Известное единство охватило предков германцев, славян и балтов, простираясь от Эльбы до Днепра... Создание однородной археологической (тшинецко-комаровской) культуры было результатом... консолидации...». Консолидация трех праславянских групп была, по-видимому, естественным процессом самоорганизации: племенной дифференциации и этнической интеграции людских сообществ под влиянием пассионарного толчка, охватившего эту часть человечества. «Славянство того времени не было абсолютно монолитным — единая археологическая культура подразделилась на 10-15 локальных вариантов, которые могли бы соответствовать древним племенам или союзам племен» (Б. Рыбаков «Киевская Русь», с. 13—14).

Как тут не вспомнить о древнеславянской легенде, согласно которой историю людей следует начинать с трех братьев: Чеха, Ляха и Руса. И единокровный народ славянский разделился на три группы потомков этих братьев, каждая из которых объединяла людей по месту проживания и по образу жизни.

Следует напомнить, что греки делили скифов (славян) на военных, земледельцев и пастухов под именем якобы различных народов: геттов, ругов и алан (Е. Классен).

Гетты (готы) — немцы, чехи — потомки Чеха, руги (руссы) — потомки Руса; а аланы (по-аляне, поляки) — потомки Ляха. Любопытно, что аланы и поляне прозываются одинаково от славянского слова «алань» (русское — долина) — ровное место.

Гетты (от слова геть — гетман — воинственный клич), рус — урочище — лес, а аланы — степь. Такова этимология названия племен, вызванная их средой обитания и образом жизни.

В V-III-ем тысячелетии до н.э. в эпоху энеолита произошел пассионарный всплеск славянского суперэтнуса, приведший к расширению ареала их расселения, включая выход к Северному (Балтийскому) морю и в южные степи.

С открытием железа, добываемого из озерной и болотной руды, а также в горах Родопии и Урала (?), праславяне сразу вступили в век металла, обогнав своих лесных и степных соседей. Не отсюда ли воинственность древних геттов (готов). Под их нажимом славяне-венеты ушли с Янтарных берегов Балтики в сторону Ильмень-озера и р. Ловать, а другая группа славян — на Карпаты.

Разумеется, степной и лесной образы жизни праславян оказали значительное влияние на их физический облик, культуру и менталитет. Южане имели обветренные темные лица, северяне — блондины, лесники — русые бородачи.

В степных районах Левобережной Украины, Нижнего Поволжья, Западной Сибири уже в III-II-ом тысячелетии до н.э. развились последовательно ямная, катакомбная и близкая к ним карасукская культуры, а в лесах Средневосточной Европы, Верхней Волги — черно-лесская и дьяковско-городецкая культуры. А освоение железа как оружейного металла породило касту воинов.

Ширь степей вызывала размахистость души; лесной сумрак рождал трудолюбие и тягу к таинственности. Поэтому говорить о каком-либо начале одного народа невозможно. Единая индоевропейская (евразийская) семья вычленила в своем западном крыле прасла-вянство, разделившееся на три большие группы. Причем каждая из этих групп также не оставалась обособленной, а соседствуя с другими народами: на северо-западе Европы с кельтами, на юго-востоке — со скифами, зарождала новые нации и народы.

И чья кровь доминировала в жилах этих людей — наших предков — и сказать невозможно. И самоназвание народа — это тоже достаточно динамичная вещь. Я могу причислить себя и к отцовскому и к материнскому роду. И чью фамилию возьму при этом — не столь важно. Причислять себя к той или иной ветви мирового генеалогического дерева можно только при условии отграничения этой ветви от общего ствола, от общей корневой системы.

Немаловажно, и с какой точки, чьими глазами зришь в глубь веков. Глаза грека Геродота и европейского книжника выглядят ругтов-«россов», а славяне называют одну из своих ветвей «русь». Восточные историки видят степняков-«росов», по-книжному «россов».

До и в начале новой эры заметны скифы-«россы», которых Е. Классен отождествлял со славянами; «народа скифов не было, а прозваны были под этим именем росси» (с. 160).

Аланы кочевали не только на юге, но и продвинулись в сторону Валдая, к истокам главных рек, составляющих поразившее Геродота богатство Скифии. От

этого средне-русская возвышенность и представлена Е. Классеном как Аланские горы. Более того, грек Эфор (400 лет до н.э.) сообщал «о соседстве Скифии с Кельтикой», называя Балтийское море Скифским океаном (цит. по Б. Рыбакову, с. 29).

В начале нашей эры соединившиеся готы и аланы (последние к тому времени под влиянием восточных соседей трансформировались вхуннов) под именем гуннов доминировали во всей Европе. Но если и готы и аланы — две славянские ветви, то гунны-славяне (?). Е. Классен не видит в этом никакого противоречия, считая, что самоназвание славян происходит от воинственного «слава». Не появилось ли объединяющее самоназвание — «славяне» отражением этого славного прошлого слившегося воедино супер-этноса.

Произошел всплеск пассионарности (воинственности) народа, рожденного слиянием восточной и западной арийских ветвей (парсов). Степной народ «россии» не исчез, он (на время) вошел в более мобильную семью гуннов.

Постепенно чисто воинские походы гуннов на запад сменились встречным военно-торговым движением варягов, с берегов Балтики на юг. И те и другие двигались по проходимым степным дорогам и рекам восточно-европейской равнины, просачиваясь сквозь территорию, на которой продолжали существовать и развиваться лесные потомки Руса — ружане.

Они занимались в это время своими исконными лесными промыслами и земледелием, уступив инициативу внешних сношений с греками, римлянами и арабами своим двоюродным братьям — гуннам. Руссо-славянская ветвь не зачахла, а как бы затаилась в истории.

Лесные Руссы не были обособленным народом. Общим именем Русь-Русская земля прозывалась вся территория, на которой проживали лесные племена.

Разумеется, лесные Руссы не были отсталым народом по отношению к своим соседям ни в материальном, ни в духовном отношении. Хотя им и приходилось немало трудиться, не бегая в поисках новых мест, а приспосабливаясь к природе и приспособливая ее к своим надобностям.

Очищая от лесных завалов места, Руссы ставили города-поселения, которых уже в VI в. н.э. в Новгородской земле насчитывалось более сотни.

Е. Классен приводит 16 свидетельств того, что «у славянорусов грамотность древнее, нежели у всех западных народов, даже древнее грамотности римской и греческой» (с. 35). «Жрецы и мудрые между славян писали народные законы на деревянных дощечках» (с. 37). Хотя до нас (и до историков, которые бы зафиксировали этот факт) берестяные грамоты руссов не дошли, однако наличие «буквицы» у северных славян подтверждают византийцы уже в VI веке.

А Е. Классен идет еще дальше: анализируя «Слово о полку Игореве», где описывается древний Боян, который «рища въ тропу Трояню», он не просто поражается литературно-образному творению древнего поэта, но и проводит параллели, приводящие к тому, что именно славяно-русский Боян под псевдонимом

Гомера написал Илиаду, повествующую о Троянской войне. И сами «трояне были никто другой, как Руссы» (с. 44).

И хотя эти параллели представляются не очень доказательными, но и возразить против этой гипотезы Е. Классена трудно. По крайней мере, можно согласиться если не с авторством Илиады, то с утверждением, что «славянам более свойственна поэзия, нежели всем прочим народам». А уже одно это позволяет утверждать высокий культурный уровень докиевской Руси.

И когда летописец Нестор в «Повести временных лет», описывая путь Андрея Первозванного из Синопа по Днепру в страну Варяжскую и вокруг Европы в Византию, называет Понтийское море Русским, то он, по-видимому, основывается на тех же византийских источниках, которые имел в виду и Е. Классен, утверждая «согласно с церковной историей, что Руссы Черноморские имели уже свою церковь в 4-м веке»(с. 36).

По-видимому, летописец смешал в общее название Русь то объединение южных и северных славяно-русских народов, которое произошло много позднее, в Киевский период.

А древнее название Черного моря скорее было связано не с руссами, а с россами — скифами (славянами), которые действительно в начале нашей эры прочно обжили понтийские берега.

«Трояне назывались сперва пеласгами, потом фракийцами» (с. 38). И те, и другие, по мнению Е. Классена, были славяне, «между которых есть Руссы и Россины». По-видимому «россины» и были южными степными славянами-«россами».

«В Троянских владениях была река Рса или Раса — нынешний Араке. ...Волга (тоже — В.Б.) называлась Рсою, когда подвинулись к ней из-за Каспийского моря Руссы (Россы — В.Б.) и Унны (Гунны — В.Б.)» (с. 39). Неудивительно, что «часть троян была племени русского», точнее росского. А от этих россов — степных собратьев северных лесных руссов получило свое древнее поименование и море Русское.

Эту же мысль о славянском ареале вокруг Черного моря развивает и Ф. Шлоссер в своей «Всемирной истории».

«Древние греки — представители одного из индоевропейских родов, пеласгов... Большая же часть нынешних греков произошла от слияния древних элленов с другими, именно — славянскими племенами» (т. 1, М: 1867, с. 159).

Разумеется, и быт, и культура, образ жизни и место проживания народа не остается неизменным даже в пределах исторического времени существования одного этноса. Но и развитие идет не только по восходящей, а спиралеобразно или волнообразно (в пределах одного этнического сообщества): подъем-упадок. Во время подъема свой ареал всасывает в себя соседей, приумножаясь и количественно и за счет их материальной, культурной и духовной организованности. И это слияние двух частей различных этносов создает новую системную организацию, новый народ, сила

которого — в способности не нивелировать, подчиняя, а структуризовать житие всех сообществ, вошедших в новое образование.

Сила — не в одинаковости, а в организованном различии.

Разумеется, при любой перегруппировке народов что-то и теряется, особенно материальное — проходящее. Но остается духовный фантом народа, который, не успев материализоваться в письмена, каменные скульптуры и прочие памятники, все же сохраняется в ноосфере в виде языка, мелодики, мифов, сказочных образов. И они ждут своего часа, чтобы снова вернуться в нашу память, хранящую не только то, что было, но и то, что могло бы быть.

Так, град Китеж, погрузившийся в пучину Светлояр-озера, это не обязательно реальный археологический памятник. Это — исторический образ лесной русской духовной цивилизации, напоминающей о себе сказочными колокольными звонами: не забывайте.

И «лишь тот достоин своего Отечества, кто знает и чтит его историю» — историю не только материальной, но и духовной культуры своего народа.

Лесные руссы — русичи, русь (самоназвание народа) в середине 1-го тысячелетия испытали период перегруппировки своих племен и сообществ.

Западные прибалтийские группы втянулись в орбиту военно-торгового дела, образовав где вместе с воинственными готами, где самостоятельно новую племенную касту: варяги-русь. И Балтика стала называться Варяжским морем. Хотя, наверное, варягами — воинами и торговцами были не только руссы, но и другие близлежащие народы, принявшие этот образ жизни. А восточная часть единого славяно-русского народа, как в более поздние времена старообрядцы, оттеснилась в глубь леса. И будучи предоставленными сами себе в стороне от торгового пути «из варяг в греки» они, конечно же, потеряли прежний культурно-организованный строй жизни. Перестало греметь в истории и самоназвание этого народа — русь. Осталась лишь достаточно аморфная Русь — Земля русская. Но и она длительное время была отделена от грекоримской цивилизации, через которую мы черпаем сведения о самих себе, гуннским движением. Лесная Русь на время отдала историческую инициативу своим степным собратям.

Южные «россы» — гунны потеснили часть северных племен, не увлеченных их трансконтинентальным походом в Европу, в леса.

Та же участь постигла и остатки финно-угорских племен, после того, как наиболее активная их часть устремилась с берегов Волги на Дунай.

На новом месте радимичи и вятичи, оттесненные на Сож и Оку, вернулись к первобытному уровню жизни, что и позволило Нестору сказать об этих лесных жителях: «Живяху в лесе звериньским образом». Когда прежние земледельцы переместились в новые непривычные для них условия лесных чащоб, ясно, что неизбежен упадок культуры и долгий период приспособления к лесному одиночеству, где они учились даже у зверей приспособительным навыкам.

Та же участь досталась и полянам Среднего Поднепровья. Хотя в VI в. после окончания гуннских походов они вышли из болот и лесов и основали город Киев. Значит, была у них в крови генетическая память о прежней организованной жизни.

«Западная половина славянства (пшеворская культура) не испытывала такого резкого понижения уровня» (Б. Рыбаков, с. 33). И северные славяне, для которых лесной образ жизни был привычен, тоже сохранили свою древнюю цивилизацию, хотя и испытывали ностальгию по прежней организованности жизни своей.

Тогда и решили четыре народа: русь, чудь, словены и кривичи пригласить «на владение» ими, т.е. для управления, русь-варягов, которые оказались более подготовленными к тому, чтобы организовать под своим началом племена, населявшие Новгородскую землю. Так русь — варяги вернулись на свою прежнюю родину, где оставались их лесные братья — руссы (русь).

Разумеется, Рюрик со своей дружиной отличался от прежних руссов, но это не должно трактоваться, будто на Русскую землю пришли чужеземцы — варяги.

С точки зрения общественной психологии, призыв «на княжение» чужеземника — противоестественен для любого народа, тем более для русского, в крови у которого всегда было чувство собственного «Я». И приход Рюрика оказался безболезненным потому, что он был тех же славяно-русских кровей.

«Русская земля или Руссы назывались прежде славянами, а когда пришли варяги, то эти Руссы прозвались новгородцами» (Е. Классен, с. 130).

Чередование названия народа — то по языку, то по столице — центру объединения племен не новость в истории. Римляне — собирательное название для италийских племен. Новгородцы — для славяно-угорских племен.

Если до Киевско-Новгородского объединения северные лесные народы именовались руссами, то киевляне (поляне) — россам; «так точно западные Руссы именуются и поныне Русси́нами и Русня́ками, а восточные (степняки — В.Б.) назывались Расью, Рсою, Расами» (Е. Классен, с. 131).

Когда Рюриковичи спустились по Днепру к Киеву, то поместное название объединенного государственного образования вновь уступило место национальному имени — русь.

В походе 944 г. князь Игорь «совокупивъ вой многи, варяги, русь и поляне, словени и кривичи... поиде на греки» (ПВЛ). Варяги, русь и поляне не смешивались летописцем в одно целое.

Позднее северные и южные днепровские народы (племена и княжества) стали объединенной силой по отношению к грекам, хазарам и печенегам.

И вот тогда, чтобы отличиться лесным поднепровцам от степных хазар, поляне и другие соседние славянские племена стали сообща зваться русью, а Киев стал матерью городов Русских.

Так в конце 1-го тысячелетия н.э. два разных по самоназванию народа: северные лесные руссы и южные степные россы, но единокровные по своим общим

славяно-скифским предкам, сформировали новый народ, получивший имя — русь, а государственное объединение стало называться Русью, либо по имени своего главного города — Киевской Русью.

В. Ключевский же утверждает, что «Русское государство (Киевская Русь XI в. — В.Б.) еще не было государством русского народа, потому что еще не существовало самого этого народа: к половине XI в. были готовы только этнографические элементы, из которых потом долгим и трудным процессом выработается русская народность» (кн. 1, с. 141). «Выработка народности» — процесс не только долгосрочный, но и бесконечный, т.к. «народность — исторически сложившаяся языковая, территориальная, экономическая и культурная общность людей, предшествующая нации» (ФЭС, с. 398).

Я думаю, что исторически русской нации как не было тогда, так и нет сейчас, хотя русская культурно-этническая национальность сложилась в основе своей после воссоединения лесных руссов и степных россов, связанного с созданием Киевской, но в более полной степени — Московской Руси.

Подобно тому как Киевская Русь была новым государством по сравнению с Новгородской Русью, так и Московская Русь не стало простым преемником Киева — это было новое государство, потому что оно не просто расширило свои границы сначала на юг, а затем на восток. Происходило слияние различных культурно-этнических национальностей, и каждый раз это объединение создавало новую системную общность — свой особый народ, населявший территорию данного государства.

И хотя каждый раз этот народ назывался русским, но это не было одно и то же.

Северные лесные руссы и южные степные россы объединились не под нажимом пришлых варягов. Организующее начало варягов — русь, давшее наименование (по мужской линии) всему народу, лишь оформило структурно ту общность, которая связывала эти два народа — единокровное скифо-славянское братство.

Позднее, когда на авансцену истории вышло восточное крыло Руси, то произошло новое слияние различных культурно-этнических национальностей, включая славяно-русские и финно-угорские группы.

Новая историческая общность по-прежнему назвалась русским народом, но все же это был уже другой народ, ибо в его крови уже стали не инородным, а по сути собственным телом гены различных национальностей.

На Восток

Киевская Русь, хотя и была яркой исторической вспышкой, осветившей Восточную Европу и позволившей выйти навстречу друг другу пра-славянской и скифской (западной и восточной) ветви единой индоевропейской семьи, но это объединение произошло уже на излете пассионарности обоих народов.

К тому же языческая новгородская славянская «республика» удерживала за собой определенную самостоятельность в конфедерации с Киевом, в котором к тому времени было сильно христианское влияние Византии. Эти противоречия не способствовали ни укреплению единого государства, ни самоутверждению единого народа.

И те и другие попеременно брали себе в союзники степняков — сначала печенегов, а затем половцев — «паганных» язычников.

В XII-XIII вв. Великая Степь вновь обрела пассионарный толчок, проявившийся в создании Батыем татаро-монгольского феодального государства — Золотой Орды, державшей в вассальной зависимости княжества Киевской Руси.

Не в силах вынести централизующую роль объединенного государства, Киевская Русь, несмотря на славянско-этническую общность населявших его территорию народов, распалась, уступив историческую инициативу Московии.

После татарского погрома 1230-1240 гг. Киев насчитывал всего 200 домов. Торгово-варяжская часть киевлян ушла на юго-запад, а тяготеющая к оседлому земледелию часть населения стала смещаться на северо-восток. Едва образовавшись, русская народность «разорвалась надвое»: южных «малороссов» и московско-суздальских «великороссов».

Гораздо позднее наблюдательный Дж. Стейнбек в своем «Русском дневнике» (М: Мысль, 1989) писал, что «украинцы отличаются от русских — это славяне отдельной ветви... Их (украинцев — В.Б.) родной язык совершенно самостоятельный и не связан с русским, а скорее ближе к южнославянской группе языков» (с. 45).

Великорусское племя не завоевывало, а заселяло земли, в которых издавна жили финно-угорские племена; мурома, меря, весь и др., объединенные общим прозвищем «чудь».

«Пришла русь, селясь среди туземной чуди, неизбежно должна была путем общения, соседства кое-что заимствовать из ее быта; чудь, постепенно русея, со всеми своими особенностями... входила в состав русской народности» (В. Ключевский, с. 263).

Удивительно, но факт: единый славянский народ Киевской Руси оказался более раздроблен, чем образовавшаяся из различных по происхождению племен великорусская народность Московии.

Казалось бы, и Московия находилась под татаро-монгольским игом, но своим умением соседствовать, вбирая в себя все лучшее от окружающих, великорусская народность проявила свои адаптационные возможности, что является признаком пассионарного этноса.

Московская Русь была не наследницей Киева, а самостоятельным государством, возникшим много спустя после развала древнерусского государства на отдельные княжества. Распалась одна система и часть ее элементов, интегрируясь с другими племенами и народами, образовала новую общность.

Московия стала Великой Русью не потому, что ее население быстро расплодилось или в силу порабощения ею других народов.

Прозываясь русью, великорусское племя по сути своей было системно организованной «тройной» смесью: религиозно-языческой, антропологически-племенной и преимущественно не торгово-по-среднической, а производственно-сельскохозяйственной и мелкокустарной.

Хотя русь, ушедшая на Оку и Северную Волгу, и была в основном уже христианизирована, но язычники — чудь, сохранив во многом свои верования, не тяготились православным догматизмом (по крайней мере, до церковного раскола и ухода старообрядцев).

Культовый воды и леса поволжских финнов напоминал о язычестве северных руссов. «Христианство, как его воспринимала от руси чудь, не вырывало с корнем чудских языческих поверий (камень и береза — предметы финнского культа): народные христианские верования, не вытесняя языческих, строились над ними, образуя верхний слой религиозных представлений, ложившийся на языческую основу.

Для метавшегося русско-чудского населения христианство и язычество — не противоположенные, одна другую отрицающие религии, а только восполняющие друг друга части одной и той же веры» (В. Ключевский, с. 271).

Такая взаимная веротерпимость неизбежно способствовала безболезненной ассимиляции племен.

Во внешнем облике великорусского племени сохранились как общеславянские черты, так и некоторая сторонняя примесь: «... скули-стость... и типичный нос, покоящийся на широком основании, с большой вероятностью ставят на счет финнского влияния» (В. Ключевский, с. 263).

В северной России не было в то время обширных пахотных земель, поэтому трудиться приходилось небольшими родовыми общинами, выкорчевывая пни, поднимая целину.

В этой трудной борьбе за выживание формировался непритязательный и выносливый народ, которому «легче сделать великое, чем освоиться с мыслью о своем величии» (с. 279).

Но его главное величие заключается не в самовыживании и не в совершении каких-то абстрактных подвигов.

Русский народ велик своей естественной способностью аккумулировать в единое целое силы не только соплеменников, но и других соседей во благо естественного предназначения человека на этой земле — отдать больше, чем взять.

И беря от природы материальные блага, необходимые для поддержания своего физического существования, русский человек выдавал в окружающую социальную и ноосферную среду продукцию своей жизнедеятельности в виде творений, несущих прежде всего духовное начало, умение жить, уча других и учась у других благодетельной деятельностью жизни.

Особенно заметно на оси исторического времени умение русских создавать свой экосказалось в их умении соседствовать: самоотверженно обороняться от злых врагов и в то же время терпеливо воспринимать от них нечто стоящее, не обособляться, а интегрироваться в общих человеческих целях.

Это умение соседствовать с природным и человеческим экосом проявилось на новом витке встречи лесников и степняков во время противостояния Московии и Золотой Орды.

Казалось бы, татаро-монгольское иго должно было навсегда вычеркнуть «русов» из мировой истории, загнав их в лесные дебри и топи.

Перечитывая «Память» В. Чивилихина и «В союзе с Ордой» Л. Гумилева, видишь, что субъективные оценки в истории — вещь несостоятельная и даже опасная.

Монгольский набег (нашествие) Батые и варварское уничтожение Козельска якобы в ответ на участие бывшего местного князя Мстислава в непростительном убийстве монгольских послов при всей фактологической объективности авторов выражали две принципиально разные позиции: формирование русского национализма на пути вечного отщепенства за поруганную честь и понимание исторической неизбежности со-жительства с давними победителями, которые не уничтожили (и не ставили целью) русский народ, а сделали его данником Орды.

Кто на исторической арене не воевал друг с другом, побеждая и испытывая поражения.

Нет, не стыжусь своих я предков —
ни вятичей, ни кипчагов,
хотя любой из них нередко
друг друга был загрызть готов.
Продукт народов и столетий,
я чту историю земли,
где были мы и будем — дети
всечеловеческой семьи.

Дело — не в христианском всепрощении, но и не в разрушительном национализме.

И русский народ точнее современных писателей и историков понял и осуществил историческую неизбежность сосуществования народов на единой земле.

Татаро-монгольское иго не только не уничтожило великорусскую народность и не породило у них чувство вечной неприязни к «пага-ным».

Оно было творчески использовано русским народом для того, чтобы в историческом масштабе научиться у своего временного врага умению побеждать завоевателей и налаживать отношения с другими народами.

Показателен в этом отношении исторический выбор, совершенный русским национальным героем и православным святым Александром Невским, который несмотря на гибель в Орде своего отца Ярослава, пошел на союз с Батыем, даже побратался с его сыном Сартаном.

И это была не временная уступка более сильному сопернику в обмен на его поддержку против тевтонов, которые, в отличие от «ордынцев», стремились не просто победить, а уничтожить славянский народ руссов.

По большим историческим меркам татаро-монгольское «иго» не стало не только ярмом на шее русских, но и в соответствии со своим общим индоевропейским происхождением означало «соединять, сочетать, связывать» (П.Я. Черных, Историко-этимологический словарь, — М: Русский язык, т.1, с. 334). Пассионарность. «ордынцев» в результате их сочетания с москвитями перешла в историческом плане на русский этнос.

Соединение на одной территории — от истоков Волги до Урала большого количества различных по этническому происхождению народов — руси и чуди, татаро-монголов и пришедших с ними других степняков дало в итоге не просто этнический конгломерат, а единый народ единой страны — России.

И это единство было достигнуто благодаря таланту русского народа — соседствовать с другими, впитывая у них все лучшее, не подавляя, а благоприятствуя развитию их собственной культурно-этнической самобытности, но формируя общее языковое пространство для события, что и позволило в конце концов по-новому соединить руссов и россов в единый народ — русские россияне.

При этом происходила ассимиляция потомков древних пра-славян и скифов, двух родственных ветвей общей индоевропейской (арийской) расы.

И, видимо, этот голос далеких предков в немалой степени способствовал тому, что слияние народов в общую этническую народность — русь происходило безболезненно.

Но сохранив за самоназванием общего народа имя одного из братьев — Руса, история определила в названии государства другую тенденцию — подвижничество, опыт соседства и опыт обустройства другой исторической ветви — россов.

Вот почему в названии государства Российского проявилось признание объединительной силы россов во все исторические времена.

И не с запада, не от поляков, как утверждает акад. О.Н. Трубачев, пришла мода на «россиян».

Это новое самоназвание возникло как естественный процесс государственной интеграции населения — давних родственников — скифов-россов на единой лесостепной территории Евразии — от Прибалтики и Черного моря до Тихого океана.

Знаменитая Куликовская битва русских с татарами важна в истории не как военная победа. «Она не избавила Россию от ига,... она возвысила упавший дух русского народа, пробудила в нем сознание своего национального единства» (Д.И. Иловайский «Очерки отечественной истории» — М: Мысль, 1995, с. 188-189).

Печальный опыт междоусобицы киевских, а потом и русских князей, теснимость с запада польско-литовским давлением с его католической веронетерпимостью, соседство воинственной Орды на юго-востоке едва не привели народ к прекращению своего существования.

Но дух выживания подвигнул народ на объединение, а не на размежевание.

А тактика выживания была двунаправленной: сопротивление агрессии и тяга к добрососедству. «Худой мир лучше доброй ссоры» — гласит народная мудрость.

Отбившись от прямых военных угроз своему существованию со стороны запада: тевтонских рыцарей и Ольгерда литовского, а с юго-востока — от нашествия Батыя, московские князья стали действовать «смирной мудростью». Иван Калита, получив не без помощи Орды в 1328 г. великокняжеский стол на Московии, «первый начал выводить русское население из того уныния и оцепенения, в какое повергли его внешние несчастья» (В. Ключевский, с. 344).

Орда — это не беспорядочная толпа, а организованное объединение племен. Недаром оба эти слова (орда и организованность) восходят к общему индоевропейскому началу: по-ряд-ок, о-руд-ие, о-руж-ие как средство достижения и утверждения идеи бога солнца

— Ра (-ряд, -руж) на земле.

Золотоордынские ханы содействовали и организации России, «разумеется, не для блага русского народа и не ради возвеличивания Московского великого княжества, а в видах собственных интересов, а именно, для удобства управления покоренной обширной страной» (Э. Хара-Даван «Чингис-хан...», в сб. «На стыке континентов и цивилизаций...», — М: Инсан, 1996, с. 252).

Преподав русским первые уроки иерархически устроенной полувоенной государственности, ордынские ханы в течении трех столетий укрепляли самостоятельность Московии как своего западного улуса.

В исторической же иерархической системе ее самостоятельные звенья при пассионарном всплеске могут становиться ядрами образования новой системы, сбрасывающей с себя вериги своего прежнего кокона.

Заимствовав у Орды военный порядок, Московия нашла в себе силы организовать удельные княжества в общую государственную структуру, способную не только защищаться от внешних врагов, но и соорудить свою жизнь, а впоследствии и жизнь тех самых соседей, у которых она кое-чему научилась не только в военном, но и в культурном плане.

История — качели

Скифо-арийское переселение индоевропейских народов из Семиречья в Северное Причерноморье сменилось кратковременным, но достаточно заметным для истории встречным движением готов; гуннский поход на Европу сменился переселением восточных славян с Карпат на Днепр и образованием Киевской Руси; татаро-монгольское нашествие на Русь привело к укреплению Московии, повернувшейся лицом на восток, к своей прародине.

Именно Александр Невский заложил основные принципы устройства Руси в союзе с народами Азии, основанные на национальной и религиозной терпимости, что на несколько столетий вперед осуществлялось Московией, привлекая к ней народы, жившие и живущие на сопредельных территориях.

Пассионарный толчок в начале XIII в. охватил всю Восточную Европу, в результате чего смешение соседей образовало новые этносы: на берегах Немана — литовский, в Приднепровье — украинский, и даже в Малой Азии — османский этнос (Л. Гумилев, «От Руси до России», с. 148).

Но в наибольшей степени ноосферная энергия дала толчок великороссам. И Александр Невский первым из всех русских князей воспринял вектор этого пассионарного толчка — на восток.

Недаром именно с него начинается родословная великих и удельных князей Владимирских и Московских (с. 539).

«Пассионарный потенциал Москвы возобладавал над богатством Новгорода, удалью Твери и династическими претензиями Суздаля» (с. 162). Москва возвысилась не благодаря своему выгодному торговому положению, не благодаря ортодоксальному православию, вклад которого в становление единой Святой Руси конечно же велик. Но не это, а именно отчетливо обозначенная ориентация на восток, к единению со своими дальними и давними сородичами, к своей прародине определила пассионарность москвитян.

Москва как губка впитывала в себя всех пришельцев: и русичей, и татар, и литовцев, и чудь и единила их верой, но не столько православной, сколько верой в единение прошлого с далеким будущим.

И хотя это не называлось тогда космизмом, но именно эта великая цель, заложенная в глубинной памяти и руссов и россов и разбуженная деяниями Александра Невского, которого по праву следовало бы величать Александром Великорусским, стало основой московской пассионарности и зарождения нового великорусского (российского) этноса.

Если на западе новые этносы рождались от слияния довольно близких двоюродных племен (литовцев, поляков и руссов), то в Московии новый этнос великороссов произошел в результате единения более отдаленных групп: славянских, финно-угорских и тюркских народов.

Именно это кровосмешение разных народов дало более динамичный, более устойчивый российский этнос, который лишь по имени одного из своих предков Руса

называют русским, а по сути своей вернулся к доисторическому индоевропейскому (евразийскому) пра-началу.

Хотя в становлении российского этноса нельзя отрицать миссионерскую роль православного христианства, гораздо более веротерпимого, чем католичество, но все же, думаю, именно дальние арийские корни, соединившись, дали столь буйную и долгоживущую ветвь евразийского древа.

«Свято место пусто не бывает». По мере угасания энергичности тюркского этноса на берега Волги устремились московские взоры. Но прежде надо было обезопасить тылы. Под предлогом борьбы с вероотступниками — местными боярами, выбравшими союз с католиками, Иван III покончил со старинной новгородской вольницей. «Вечу не быти, посаднику не быти, а государство все нам держати» — с этими требованиями от отправил в Москву обезъязыченный вечевой колокол и стал «Великим князем всея Руси». А сама Русь в XIV в. получила свое нынешнее название — Россия.

Учинив замирение с Крымом — южной ветвью Золотой Орды, Иван III направил свои взоры и стопы к Казани — главному городу на месте Поволжской Булгарии. К тому времени булгары — белые угры еще под давлением хуннов в основном уже ушли к югу за Дунай, а сам город был наполовину занят татарами, вторую часть населения составляли торговые люди различных национальностей: славяне и их двоюродные братья — степняки.

Именно эта часть в немалой степени содействовала присоединению Казанского ханства — остатка Золотой Орды к набиравшей силы Московии, воссоединению руссов и россов. Взятие Казани войсками Ивана IV в 1552 г. завершило присоединение к России народов Поволжья и Западного Приуралья и позволило европейцам заглянуть в TARTAR-ию — так на английской карте Московии назывались земли Заволжья (см. Л. Гумилев, с. 328).

Что это — простое созвучие (Татария — Тартария) или оставшееся в истории благодаря европейским источникам название обширной восточной Земли и ее обитателей.

А еще далее на восток — за Уралом расположилось Сибирское ханство, которое всего за полвека — с начала похода Ермака в 1581 г. до похода Вас. Пояркова и Ерофея Хабарова на Амур (1643-1651 гг.) по сути дела стало восточным крылом Российского государства.

Этот феномен территориального умножения Московской Руси-России, соответствующий акматической фазе российского суперэтноса, нельзя объяснить ни активностью православия, ни слабостью племен, ни военной силой государства, ослабленного в это время борьбой с польским нашествием.

В Смутное время, переживаемое Россией в начале XVII в., ей, казалось бы, не до далекой Сибири.

И тем не менее историческое чудо произошло — мы вернулись туда, откуда вышли наши далекие предки — в предгорья Саян и южную Якутию, пройдя менее

чем за 100 лет путь, на который в западном направлении первым ариям потребовались тысячелетия.

Евразийский виток длиной в десятки тысяч километров и несколько тысяч лет замкнулся.

Мы — на родине.

Именно этим чувством родины только и можно объяснить исторический феномен создания Российского субэтнуса и его государственного оформления.

При раскопках столицы Сибирского ханства города Сибирь — Искера выделяют «два слоя: более древний, или т.н. остяцкий, и более поздний — татарский» (М.Г. Сафаргалиев «Распад Золотой Орды», в сб. «На стыке континентов и цивилизаций...», — М: Инсан, 1996, с. 471).

Остяки (ныне — ханты) — одна из древнейших ветвей финно-угорской семьи народов, по-видимому, закрепились здесь еще со времен первого арктического переселения людей в западном скандинавском направлении.

Не от холода бежали мы и наши предки, не жаркие и богатые страны влекли нас. Мы были втянуты в гигантский космо-планетарный вихрь, закруживший людей на просторах Евразии в поисках друг друга, с целью воссоединения западной и восточной ветви общей арийской расы, смешавшейся с выходцами из Атлантиды и Арктиды.

Аз и Я — первая и последняя буквы русского алфавита, а их начертания «Я» — аз (в древней велесовице) и «Я» — в современной транскрипции совпадают с точностью до одной черты, превращающей плоское изголовье буквы в замкнутую округлость.

Не так ли и мы, начав, закругляемся. А посреди этого цикла (17 буква из 33) будем иметь обращенный символ «R» или по-русски буквы «Р» — рьци, давшей начало главным словам: ра-солнце, рек (река, речь), ро-д, ро-са, ру-сь.

Эта же буква «р» в сочетании с византийским асіа — держава образует собственное имя Р-асея (Россия), которым каждый из нас зовет свою родину.

И в сопричастности с ней мы и ощущаем и понимаем свое Я, свое собство.

И не столь важно, как назовемся мы — россами или руссами, славянами или скифами, европейцами или азиатами; главное — мы единокровные братья, единотельные Атманы, единосущие человеки.

Где мы — в начале, середине или конце пути? — У кольца нет начала и конца. Главное — мы в пути.

Инстинкты, подсознание, разум или соборное чувство движет нами? — Все вместе, ибо только в их всеединстве существует человек как монада ноосферы, монада Вселенной.

И космо-планетарный вихрь — это движущая сила, внешняя и внутренняя для каждого из нас, которая вела и ведет нас по главному стержневому пути человечества:

разъединиться на отдельные потоки, познать мир во всем его разнообразии и вновь слиться в ином времени со своими родителями, успев родить своих потомков.

Род — Народ — Родина — вот земной круговорот человеческого сообщества. И каждый раз — новый виток, где мы кое-что воспринимаем из прошлого, пусть даже очень далекого, а кое-что — из будущего, одновременно воспринимаемого и творимого нами в процессе одушевленного бытия, на гребне очередной «жизненной волны».

История — качели:
то запад — то восток,
добрались мы до цели —
грядет иной виток.

Язык мой — друг мой

«Собство» и «стать» человека (по Г. Сквороде) определяются не только его генеалогическим прошлым.

Среда не в меньшей степени влияет на человека, понуждая его и к немедленной реакции и к накоплению воздействующих факторов в его тезуарусе, а впоследствии и в других телах Атмана, которые, в свою очередь, формируют окружающую нас ауру.

Базис и надстройка, в нашем представлении, не есть причинно-следственная однозначная заданность.

Да, без воды и пищи человек физически погибает, и довольно скоро.

Но что толку в его животном существовании, если Ното лишен общения с окружающим миром, в котором он только и может проявиться как мыслящая, одухотворенная и социальная личность.

Человек — монада Вселенной. Между ним и окружающим миром всегда существует взаимно неоднозначное соответствие.

Искусство жизни — это и есть познание и осознанное использование соответствия между атманическим миром человека и брахманическим образом окружающей Среды — экоса (Шаданакара Земли — по Д. Андрееву).

В этом экосе, состоящем более чем из 200 разноматериальных слоев, следует различать материальную цивилизацию, культуру и духовно-социальную среду, которые, конечно же, не отделены жесткими гранями друг от друга, но взаимно влияют друг на друга и непосредственно и через отдельного индивидуума.

Российский экос — особенно значимый фактор в понимании нашего «собства», ибо евразийские космические вихри всегда будоражили и отдельную особь и коллектив своим пассионарным влиянием не только биофизической энергии, но и планетарной ноосферой, имеющей на многих участках Евразии места с повышенной проводимостью связи: человек — космос.

Каждый из окружающих нас миров — своя динамическая система, самоорганизующаяся вместе с нами и воздействующая на любого из нас либо непосредственно индивидуально, либо с помощью демиургов — народоводителей — посредников, которые переносят ноосферные сигналы на более привычный нам язык побудительных слов и организованных действий.

Когда я говорю о российском экосе, я понимаю не только граждан нынешнего «демократического», недавнего «социалистического», либо прошлого «имперского» государства. Я понимаю под российским человеком тех жителей Евразии, которые сохранили в себе российское «собство» и российскую «стать» как отличительные признаки личности и народа, обусловленные общим языком, общей верой, общим социумом.

Можно говорить по-украински и по-якутски, даже с помощью не звуков, а жестов, но прекрасно понимать друг друга, ибо языки — это только членораздельная речь, это система знаков для самовыражения и взаимообщения.

Язык — означенная душа народа. И если в душах есть синхронизм, если они вибрируют в унисон, то люди понимают друг друга с полуслова, с полунамека. Как дети.

Но слово не только отражало синэргетичность (совпадение) мысли передающего и принимающего. Слово формировало эту взаимоупорядоченность чувств и мыслей двух и более общающихся меж собой людей.

Восклицания настраивали слух людей друг на друга, а возгласы — призывы уже управляли их волей, их поведением.

Сигналы «свой-чужой» идентифицировали групповую общность, а призывы «вперед, ура» или наоборот «стой», «чур меня» подвигали своих визави на действия.

«Посредством слова человек овладел пространством и временем. Слово выделяло предметы из хаоса явлений, давало им форму и окраску, приближало или отдаляло, измеряло. В нем запечатлены события, минуты, часы, годы, время настоящее, прошедшее и будущее» (Ян Парандовский «Алхимия слова» — М: Правда, 1990, с. 136).

Но слово — устное или письменное стало средством общения народа, когда оно из «гласа вопиющего в пустыне» получило знаковое оформление, хранимое на том или ином материальном носителе: на бересте, на камне, на папирусе, на бумаге или в компьютерных символах.

Материальным носителем стала и человеческая память, хранящая с помощью языка жестов, мифов, повторяющихся из поколения в поколение образов историю и душу народа.

Не столь уж и важно, какими знаками выражен язык: иероглифами, послоговым или буквенным письмом.

Важно, что язык объединяет людей, расширяет этническое «мы» и уменьшает круг тех, кто воспринимается нами как «не-мы», как немые (для нас) существа.

Поэтому язык неотделим от образа жизни людей, их кастовой или национальной замкнутости, либо, наоборот, от многообразия форм общения людей друг с другом, с природой, с ноосферой.

Отличительной особенностью русского разговорного и письменного языка является его открытость, благодаря чему он стал организованным вместилищем многих диалектов и наречий, обогащаясь ими, укладывая новые слова — и звуко сочетания не в прокрустово ложе законсервированных форм, а в пластичную живую языковую ткань — благодатную почву не только для неологизмов, но и для неoinформатики вообще.

Язык — это кодировка и идентификация человеческих эмоций, мыслей и образов, возникающих у них в процессе общения с окружающим экосом. И чем разнообразнее сфера и формы этого общения, тем богаче язык народа, тем обширнее его коллективный тезаурус, отражающий не только мертвую суть описываемых явлений, но и эмоционально-психологическое состояние передающего и воспринимающего индивидуума.

У Н. Рериха «сказано о красоте русской речи, о богатстве, о вместимости, о подвижности и выразительности своего родного языка... Человек почувствует не только филологически, но сердечно, какое очарование живет в красоте речи. Прекрасен русский язык. И на нем скажут лучшие мысли о будущем» («О Вечном», — М: Изд. полит, лит-ры, 1991. с. 52-53).

Слово не есть фотография. Оно «окончательно подчинило себе время» (Я. Парандовский, с. 138), являясь нам не только из прошлого, но и связывая нас с будущим.

Как и Россия не есть нечто давнее, застывшее, так и русский народ ведет свою родословную от славян и скифов, от западных и восточных ариев, вобрав в себя на историческом пути и другие народы.

Язык русский — это тоже симбиоз многих языковых семейств, которые не просто суммировались, а путем синтеза сформировали открытую систему, имеющую свой стержень — главную линию и многозначные флуктуации в определении одних и тех же сущностей (эйдосов), обогащающие общезыковую палитру.

Стержень русского языка как отражения сущности русского народа — это триада: я — мы — они. Мироощущение этноса отражается в его языке, а языковое общение с экосом помогает не только раскрытию, но и становлению его сущности.

Взаимоотношения человека с себе подобными и окружающим миром структуризованы в российском этносе, а не только в русском народе, не в виде мирового дерева — от корней к листьям, а в виде спирали, где каждая точка витка оказывает влияние не только на соседние точки временной последовательности, но и на смежные точки других витков — прошлых и будущих.

Спиралеобразный стержень русского языка в его исторически-планетарном развитии — это все новые и новые раскрытия темы: человек — природа — общество во взаимосвязи всех граней этой триады.

Именно эта многогранность непрерывно развивающегося мироощущения русского человека (а под этим именем существует и россиянин) отражается в самой структуре нашего языка.

Русский язык — это язык прилагательных, междометий и сказуемых. В нем гораздо меньше слов существительных. Это свойственно тем языкам, которые запечатлели в первообразном виде всю неисчислимую палитру чувств и отношений человека к конкретному существу, предмету или явлению.

Мы привыкли давать название тому или иному предмету, не по его устоявшейся сути (не по его застывшему эйдосу), а по нашему с ним взаимоотношению. А оно, прежде всего, эмоционально-чувственное, а затем уже логически-вещественное.

«Ни один язык не выражает вещи, но выражает только имена вещей; и человеческий разум не познает вещи, но только признаки вещей, обозначаемые словами» (И. Гердер «Идеи к философии истории человечества», — М: Наука, 1977, с. 236).

«Первослова были обозначением действий, а не предметов» (И. Андреев «Происхождение человека и общества», — М: Мысль, 1988. с. 208).

«Тайна слова заключается именно в общении с предметом и в общении с другими людьми» (А.Ф. Лосев «Бытие. Имя. Космос», — М: Мысль, 1993, с. 642).

Этим обилием цитат совершенно различных авторов мне хотелось бы подчеркнуть ту общую мысль, что слово — это тень действия, отражение взаимоотношения людей с окружающим миром.

Многообразие и иррациональность этих взаимоотношений особенно характера для русского народа, который сам является творческим продуктом истории. Одновременно с самоощущением народа формировался и его язык.

Язык русских — это язык язычников, которые видят не саму сущность предмета, а ее проявление. И до сих пор мы общаемся не с самим предметом, а с тем его образом, который формируется в сознании человека как под влиянием самого объекта восприятия, так и в зависимости от состояния самого субъекта.

Этимология обоих этих слов (язык-язычник) туманна, но интересно предположение П.Я. Черных (Историко-этимологический словарь, т. II, с. 468) о восхождении общего корня «яз-» («jez-») к древне-славянскому «уз-», означающему узкую нить, связывающую узами людей в народ, в племя.

Фантазируя, можно предположить о родстве слов «яз», «-я» и «аз-» в значении «начало», а также «ја» и «јез», означающих «да», как об общем самоутверждении человека: «да, я есть начало» мира сего.

Любопытно проследить и формирование русской азбуки с точки зрения последовательного отношения «я» к окружающему миру.

«Аз и Я» (Азия) — так назвал свою книгу О. Сулейменов, рассуждая об общих евразийских истоках человеческой речи.

Аз есть Я, Аз есть Человек—дуализм природно-космической прародины человечества и самого человека как монады континентального мира. Не является ли это словесное тождество названия самой большой части света и собственного дуального имени «Аз — Я» отражением того единства природного и человеческого, которое является изначальной и конечной точкой земного сообщества.

Не отражает ли русская азбука этот дуализм, эту последовательность человеческого восприятия окружающего мира, отраженную в самом чередовании букв от А до Я.

Первая литера — это самоутверждение человека, его «Аз» как начала, центра мира, что вполне естественно, ибо язык не дан человеку извне, а отражает его собственное антропоцентристское отношение к миру.

Вторая буква «б-буки» означает повтор, самоотражение первичи «аз» на слое русских иероглифов.

«Ба» — это звуковое отображение того вздоха удивления, изумления, которым человек закрепляет свое первое отношение к окружающему миру.

«Буки» — это темное зеркало, вечно второе «Я», которое неотделимо от него самого, как тень всегда сопутствует предмету.

Мы страшимся тени, и «буки» — это «пугало для детей,... нечто неверное, гадательно будущее» (по В. Далю). «Не суйтесь буки наперед азов». Но это вечно вторая буква, вечный спутник — повтор «аз-буки», отражающее своими буквицами полноту личности и ее мироощущения.

Личность — «Аз» не статична, она всегда проявляется в некоем движении, действии. Причем это действие «Аз» — а может проявляться и в материальном и в духовном мире. В первом случае оно закрепляется символом «водить», в во втором — «ведать». Знание — весть — истина (истина) является побудительным стимулом к движению: от «ведаю» — к «веду». «Знаю — направляю». Древнеиндийские и праславянские «веды» составляли совокупность знаний о миро-создании и миро-ведении.

«Жизнь дана человеку прежде всего для самоосознания», — учат «веды». А самоосознание начинается с самопознания. «Ведать» — веющее известие не только о прошлом, но и о будущем, достигаемое путем «видения» и «ведения» (управления). «Вещие» сны, в которых фигурируют и ведун и ведьма — представители белой и черной магии, позволяют нам заглянуть в светлые и темные глубины своего «Я» в его завтрашнем виде.

Вежество — знание, а невежество — кичащееся своей глупостью незнание. Именно ведическое знание (вежество) — это способ самоосознания себя как многотельного Атмана во всей совокупной связи человека с окружающим миром и сообществом себе подобных. В общении с ними необходима вежливость, являющаяся не просто формой соблюдения внешних правил, а внутренним свойством личности, характеризующим его стремление гармонизироваться с окружающим социумом.

Внешняя среда и внутренний мир человека — это два взаимооднозначных отображения. «Для просветленного человека, ... чье сознание объемлет Вселенную, последняя превращается в его тело, а его физическое тело становится воплощением всемирного сознания, его внутреннее видение — выражением внешней реальности, а речь — средоточием вечной истины и мантрической силы» (Лама Говинда — цит. по кн. Фр. Капра «Дао физики», с. 280).

Итак, сперва видение, а затем — речь («веди» — «глагол»). Русская азбука отражает эту ведическую последовательность: глаголить — это озвучивать сознание, звать сотоварищей к единению с истиной — правдой.

«Да» — знак согласия, правды; «дать» — действие, направленное на передачу чего-то стоящего, истинного от себя к другому. Кто больше отдает, тот больше приобретает, ибо вакуум, образующийся во внутреннем «теле» человека после его самоотдачи, немедленно притягивает из окружающего мира новую вещественно-энергетическую субстанцию. И в результате этого обмена человек лишь приумножается в своей организованной творческой сущности.

«Е» — «есть», от глагола «быть» — символ наличия, результат предшествующего действия, потенциал — для будущего, точка в бесконечной спирали развития.

«Есть» — «естество» (все, что есть) — «естина» (истина). Общий корень этих слов «ест» отражает глубокий мировоззренческий смысл: истинно все, что есть. Абсолютная Истина — в самом факте Бытия, в Жизни как она есть.

Жизнь — это не только действие, приводящее к данному состоянию естества; для русского человека жизнь — еще и некоторое ожидание, жажда чуда. Трудно что-либо сказать о происхождении слов «жена», «женщина», но мне представляется, что сама буква «ж» есть озвученный символ женского начала, проявляющегося в традиционно русских понятиях «ждать», «жалеть», «желать» множественной (зело великой) жизни на Земле.

Итак, первая ветвь русской азбуки: Аз (Я) — буки (тень моя, прошлая и будущая) — веда (знание) — глагол (речь) — да (действие) — есть (истинное естество) — жить — земля — все это есть буквенное отражение последовательных стадий природно-космической связи человека с окружающим миром.

Первые буквы русской азбуки одновременно использовались и как количественные характеристики этого мира.

Так, буква «аз» в сочетании с некоторыми иероглифическими знаками (см, Вл. Даль, Толковый словарь) означает единицу либо единицу с последующими нулями: 10, 100, 100 000, миллион.

Буква «б» как тень своей первичности не имеет самостоятельного числового значения.

Буква «в» в кружке или с точками означает: два, две тысячи и т.д.

Буква «д» — четыре или четыре тысячи, «е» с различными титулами — пять (или пять тысяч) и т.д.

До перехода на арабское исчисление на Руси буквы означали и очередность качественно различающихся этапов человеческого самоосознания, и количественные оценки — последовательности цифрового ряда.

Это еще раз говорит о том, что русская азбука, восходящая к древним «ведам» комплексно отражала человеческую связь с миром в ее качественном и количественном выражении.

По-видимому, ее создатели оперировали не просто со случайным набором букв, отражающих в знаковом виде те или иные звуки, а последовательностью этих букв отразили космически-природное проявление человеческого «я», ведающего о своем прошлом и будущем, и осознающего Вечную Истину Жития на Земле, в стране «Аз и Я».

Жития — страстно-эмоционального и осмысленно-коллективного.

Эти домыслы перекликаются с общим выводом Ж. Руссо относительно языка: источник его не в потребностях, а в страстях, и отсюда вытекает, что первоязык должен быть образным: «Первыми мотивами, заставившими человека говорить, были страсти, их первым выражением были тропы (употребление слов в образном смысле, при котором происходит сдвиг слова от его прямого значения к переносному — Энциклопед. словарь).

Образный язык родился первым... Сперва изъяснялись поэтически; рассуждать принялись лишь долгое время спустя» (цит. по кн. К. Леви-Строс «Первобытное мышление», 1994, с. 106).

Эта первозданная образность сохранилась в русском языке и донныне, когда форма (название) предмета воспринимается как его суть.

Нынешнее «слово» и «слава» созвучны, ибо восходят к индоевропейскому началу, означающему «слышать звук», а отсюда к русскому «слух, слыть» — быть известным».

Красота — краса — красный — цвет солнца, слово, получившее затем обобщенное этическое толкование, а может быть, и давшее название самому народу «рос».

Но этот же красный цвет, воспринимаемый не в столь радужном отношении, породил совершенно другое старославянское слово «чърмный», а от него — «чермный», «червоный» и «червь».

Так один и тот же красный цвет, но принадлежащий разным: «хорошему» и «нехорошему» предмету, породил два совершенно отличных друг от друга слова — красота и червь.

Практически все собственные русские имена и фамилии произошли от прилагательных, означающих то или иное качество человека, его профессию, происхождение или другое отличительное свойство.

Наиболее распространенные фамилии — Кузнецов, Ковалев имеют общее происхождение «ку-, ко-», означающее по звуку и по смыслу: «бить», «ковать». Громов — от слова «греметь» — как звукоподражание небесному явлению.

Недаром еще Аристотель говорил: «Первые познания приобретают путем подражания» (Соч., т. 4, — М: Мысль, 1984, с. 648).

Подражая природным звукам, человек пытался их запомнить и повторить в виде звуковых же, а потом и письменных символов, которые, собственно, и явились первичными «единицами мышления».

«Мышления не существует без слов. Слово, и в частности, имя есть необходимый результат мысли... Без слова и имени нет вообще разумного бытия... Слово — могучий деятель мысли и жизни» (А. Лосев, с. 627).

Но слово — это не только фонема, звук. «Жизнь слова только тогда и совершается, когда этимон (корень — В.Б.) начинает варьировать в своих значениях, приобретая все новые и новые... формы...

Этим он перестает быть неподвижным в своем значении, он начинает принимать участие в жизни» (там же, с. 633).

Эта жизненность слова определяется теми вариациями этимона как зародыша, которыми он расцветает в одеянии приставок и суффиксов.

«Прозрачность первозданных корней, обилие и тонкость суффиксов и приставок, древнее роскошество флексий, различие видов глагола» (Вяч. Иванов «Родное и вселенское» — М: Республика, 1994, с. 396) — все это позволило разрастись корневой системе в мощное языковое древо.

Вообще, индоевропейский, а затем и праславянский язык содержит в своей первооснове немного общих фонетических звуков, образующих этимон, означающий сам предмет, например, Ра — солнце, но изобилует словами — фонетическими группами, выражающими чувства или действия людей по отношению к природным явлениям.

И это природное происхождение большинства русских слов, а не вычурность греческого и придуманность латинского, объясняет живучесть нашего языка, близость разговорной речи и литературного описания, несмотря на то, что с течением времени расширялся круг явлений, с которыми сталкивается человек. Расширялся и его словарный запас, вбирая в себя все новые и новые прилагательные, заимствованные у других народов и прочно осевшие на русской языковой почве, если они не нарушали общие правила русского словосложения, где за счет различных приставок и суффиксов однокоренные слова получали широкую гамму оттенков.

«Сложность языка является не пороком, а... свидетельством духовного богатства создавшего его народа», — писал И. Бродский, выступая против языковой реформы русского языка: «Целью реформ должны быть поиски средств, позволяющих полнее и быстрее овладеть этим богатством, а вовсе не упрощения, которые, по сути дела, являются обкрадыванием языка» (Соч. т. 2, — Минск: Эридан, 1992, с. 340).

Именно богатая фонетическая палитра, обширный словарный запас позволили сохранить в русском языке прежде всего его поэтическую образность и цветастость не как нагромождение звуков и знаков, а как человеческое отражение многогранных сторон окружающего мира и себя в нем.

Примером такой многозначности, объемности окружающих явлений может служить этимология слов: «начало (зачин) и конец», восходящая к общему индоевропейскому корню «-чей и кен-» с чередующимися согласными. Общий корень означает «точку, рубеж». Приставки «на-» и «за-» означают «появиться» — «начинать», «зачинать», а суффикс — «-ч» означает завершение пути — «кончить». Сравнить можно также «ис-кон-ный» — «из-нач-альный», где другая приставка «ис-» («из-») означает новый круг; начало конца или конец начала. Также и «кон-о-вод» — зачинщик, затевала, (см. В. Даль «Толковый словарь»).

Так, сравнительно небольшое количество корневых сочетаний с помощью различных приставок и суффиксов создавали объемное, а не плоское представление об окружающем мире, дифференцируя стадии и направления движения по кругу жизни.

С другой стороны, русское словообразование шло и по пути синтеза, обобщая единым именем, казалось бы, совершенно различные вещи.

Так, одно и то же слово «мир» одновременно означает «покой», «общину» и «вселенную». И в этом единообразии проявляется не бедность языка, а глубинное тождество эмоциональных, социальных и космических представлений в мироощущении народа, проявляемом его словесным выражением.

Устный и письменный языки — далеко не одно и то же. Речь появилась вместе с формированием Homo sapiens, являясь его второй сигнальной системой, а «письму как эффективному инструменту мышления,... можно дать самое большее пять или шесть тысяч лет» (А. Уайтхед, «Избранные работы по философии» — М: Прогресс, 1990, с. 367).

Если в устной речи доминирует «эмоциональная выразительность», а уже затем — сигнальность, то в письме они меняются местами, и информационная (содержательная) функция языка выходит на первый план.

Попробуйте прослушать стихотворение и прочитать его в книге. Разница — необыкновенная, хотя слова одни и те же, ибо в первом случае — это двусторонняя беседа, а во втором — разговор с самим собой.

До нас не дошел голос вавилонянина, представителя племени майи и ацтеков, древнего хетта и египтянина — мы многое потеряли. Но если найдены глиняные таблички на месте городских развалин Передней Азии, берестяные грамоты новгородцев и этрусские надписи, то, значит, в ноосфере сохранились и звуковые образы, воспроизводимые голосами древних народов.

Мне представляется, что зная (или предполагая, что знаем) фонетические особенности произношения этих народов, наука криптография с помощью новых

методов знако-звукового раскодирования текстов может когда-нибудь дать возможность нам (или нашим потомкам) услышать звук голоса далеких предков.

Попробуйте вчитаться не в тот или иной авторский перевод «Слова о полку Игореве» или в «Велесову книгу», а хотя бы в адаптированный текст этих древних письменных памятников.

Какие раздолбные звуки, какая мелодика повеет на вас. И все это многократно усилит образность древнего языка, который сегодня мы променяли на сухой информационно-бесстрастный казенный язык газет, журналов, книг, пусть даже и озвученных симпатичными дикторами и дикторшами.

Мелодекламация — синтез звука и текста дают гораздо большее в эмоционально-познавательном плане, чем сухое штудирование печатного слова.

Стихи Пушкина и Есенина, русские романсы и украинские песни находят отзвук в нашей душе своим ритмическим и звуковым эмоциональным созвучием, хотя иностранцы внимают им, как правило, равнодушно.

Музыка — это грезы, а речь — это жизнь.

«Слово и действие становятся высокосмыслительными, когда музыка берет их на свои крылья», — писал А.В. Луначарский (Статьи о литературе, т. 2 — М: Художественная литература, 1988, с. 397).

Именно слова являются синтетическим выразителем человеческих эмоций, ибо в них «есть не только музыка,... не только краски,... не только пластичные формы,... — у них есть и мысль, и страсть, и одухотворенность» (О. Уайльд. — цит. по Н. Гумилеву, Соч., т. 4 — М: Терра, 1991, с. 160).

А высшей формой речи является стих, — добавляет сам Н. Гумилев.

Русский язык — это поэтический язык, возникший от слитности человека с вдохновляющей его многоликой природой (и вдохновение есть не только восторг, но и грусть, радость и печаль в своем нераздельном как жизнь единстве), от стремления к слитности с любимым существом, с сотоварищами, с народом своим, с космосом, который так же близок русскому человеку, как и его земной экосистеме.

Эта слитность многолика, и выражается она прежде всего в обилии устных преданий, мифов, сказок, пословиц и притч, которые полнее, чем письменное слово, выражали многообразие духовного состояния русского человека, определенного многогранностью его бытия и иррациональностью мышления.

Русский язык — не средство международной коммуникабельности людей современного рационального мира.

Русский язык — это средство самовыражения творческой личности, средство сопереживания человека со всем окружающим миром. В русском ораторском искусстве важнее не внешняя логическая связность слов и фраз, а та внутренняя эмоциональная организованность речи, которая зажигает и ведет слушателей туда, к чему обращен горящий взор трибуны.

Эмоциональность создается не обилием красивых и громких слов, а силой образа, формируемого речью, если хотите, гипнозом говорящего, что подразумевает его психологический контакт с окружающими.

Незатейливая русская колыбельная убаюкивала всех нас в детстве, даже тогда, когда мы еще не понимали по-русски. Проповеди с церковного амвона погружали нас в мир непонятных слов, но воспринимались нами как наш внутренний голос — эхо пастырской речи.

На митингах толпа зажигалась, но также и быстро гасла от рубленных по-немецки коротких фраз — слов-приказов. На Руси они действовали лишь во время боевой обстановки, когда крики «ура», «вперед», «бей» и т.п. импульсировали и направляли энергию человеческой массы командирским призывом: делай как я.

Но оставалось в памяти и действовало гораздо более мощно и долго проникновенное комиссарское слово: делай, как я говорю.

Сталинская полу-русская по произношению речь 7 ноября 1941 г., когда он обратился не как командир, а как проповедник к «братьям и сестрам» своим, возымела гораздо большее влияние на русских людей, чем грозные командирские приказы типа «ни шагу назад».

Русское комиссарско-проповедническое слово — это отражение той нутряной синхронности говорящего и внимающего, которая столетиями воспитывалась у народа, привыкшего внимать голосу природы, разнообразному в своем звуковом выражении, но равно обращенному не к разуму и не животным инстинктам, а скорее к подсознательным чувствам, которые доминируют у русского человека на протяжении всей его истории.

Именно подсознание диктовало россиянину не только интуитивные действия в условиях неопределенности многоликой природы, но и интуитивно роднило его с себе подобными, с которыми его сводила судьба. Взаимопонимание между людьми достигалось на подсознательном уровне, а русская речь лишь структурировала это подсознание, втягивая друг друга в синхронизм на полевом звуковом интонационном уровне.

Сила русского языка — в его богатой интонациями образности, достигаемой не просто усложнением словарного запаса за счет общения с инородцами, а структурированием речи, направленной не на самовыражение, а на взаимопонимание.

Язык как средство взаимопонимания выражал в себе эти отношения людей, будучи одновременно и производным от бытия и организатором этого многогранного (физического и духовного) бытия человеческого сообщества.

Эта организующая функция языка реализовывалась и непосредственно как общая коммуникационная система, и косвенно, путем формирования культурной среды, соками которой как материнским молоком питался Человек в процессе своего атманического становления.

Русский нрав

«Проблема самопознания как н р а в с т в е н н о г о (разрядка моя — В.Б.) долга всякой личности» и «связь между самопознанием и практической жизнью частночеловеческой и многочеловеческой личности» была поставлена Н.С. Трубецким применительно к «проблеме русского самопознания» (История. Культура. Язык. — М: «Универс», 1995. с. 111).

Нравственность — моральный кодекс, органически присущий человеку в мире социума либо сформировавшийся путем естественного отбора взаимно приемлемых правил общежития.

Нравится — эмоционально воспринимаемая гармония, синхронность внешнего явления и внутреннего состояния человеческого тела желаний.

Но оба эти понятия, выражающих личностный и общественный моменты поведения человека, восходят к общему корню: нрав — характер, отличительное свойство Личности.

Конечно, среди 150 миллионов россиян есть люди с разными характерами: и вспыльчивые южане и степенно-уравновешенные северяне, рационалисты — западники и восточные мистики. Можно ли в этом случае великого разнообразия личностей говорить о некоем общем национальном либо этническом характере?

На мой взгляд, можно и нужно, ибо российский архетип (изначальный образ) не есть механическая сумма составляющих суперэтнос национальных характеров.

Российский архетип — это системное образование, где результат сложения больше суммы составляющих в силу того, что системная организованность общежития превращает хаос отдельных «молекул» в дополнительную негэнтропийную энергию коллективного поведения. Так, энергия морского прибоя, когда мирриады молекул воды синхронно обрушиваются на берег, много больше, чем сумма индивидуальных запасов энергии всех капель.

Российский архетип много сложнее русского национального характера хотя бы в силу многонациональности нашего суперэтнуса. Важно только, чтобы и эти составляющие действовали не супротив друг друга и не обособленно, а слитно, воедино, в общем потоке жизни, несмотря на все их индивидуальные различия.

Доминанта русского нрава в этом объединении народов определялась не его подавлением других характеров, а способностью увлечь за собой всех общей идеей жизни при сохранении всех индивидуальных национальных особенностей каждого субъекта общежития.

Принципиальным отличием российского суперэтнуса от многих других полиэтнических образований является стремление не к унификации нравов и не к обособленному индивидуализму, а к такой организации общежития соседних народов, которое при сохранении национальной самобытности каждого в главном ориентировало всех на общие ценности, среди которых доминантной была интеграция человека, социума и природы.

Не растворение человека в природе и в обществе, а именно интеграция, когда субъект и среда являются подлинными партнерами, хотя и не с совпадающими собственными интересами, но интуитивно и разумно принимающими общие рамочные правила коалиционного поведения.

Чтобы лучше понять принципиальные особенности российского архетипа и русского нрава, следует еще раз остановиться на вопросе о соотносительности русской нации и российского народа.

Гносеологически понятие «нация» восходит к латинскому «natio» (племя, народ), причем это слово — однокоренное с «natus» (натура, природа) и «nasci» (происходить, начинаться) (см. П.Я. Черных, Историко-этимологический словарь). Тем самым подчеркивается связь национального с природным началом. Между этническими (племенно-родовыми), собственно национальными и общегражданскими (народ-граждане данного государства) отличительными особенностями определенного человеческого сообщества не было существенных отличий. Они сформировались во время исторического развития того или иного сообщества, при переходе от племенного родового союза к государственному обустройству жизни. И этот переход шел через этап формирования нации, объединяющей людей не только по кровному признаку, но и по общности языка взаимного общения, нравов жизни и культуры, которые вкупе образуют собственно национальное самосознание.

Первая стадия этого сообщества — национальность — ближе к чисто этническому объединению, где голос крови является особо весомым при определении групповой общности: мы и не-мы. В данном случае кровь как атрибут плотного физического тела является более устоявшимся признаком генеалогического древа, чем относительно изменчивый язык, нрав и культура. Нация, у которой доминирует голос духовного тела, в т.ч. и подсознание, является более динамичным образованием, она объединяет людей, синхронно чувствующих свое место в мире, обладающих общей культурной средой и согласованно действующих в соответствии с этим общим мироощущением и сформированным им нравственным образом жизни.

Единство нации во многом обеспечивается именно культурно-нравственными традициями, что делает ее более устойчивым сообществом, чем понятие: «народ» данной страны.

Существует еврейская нация, хотя ее представители разбросаны по многим государствам мира.

Характерно, что младороссы, группировавшиеся в Париже, Белграде и других центрах русского зарубежья в 20-х годах, выступали с лозунгом: «Не белые, не красные, а русские!». Они, никогда не жившие и не стремящиеся в Советскую Россию, тем не менее небезосновательно ощущали себя представителями русской нации, и не только по причине своей русскоязычности, а и по русскому общенациональному культурно-нравственному менталитету.

Поэтому трудно согласиться с А. Кара-Мурзой, который, хотя и разделяет имперско-государственную интегративную форму социального сосуществования

индивидов-народ, объединяющую людей по принципу подданства, через «службу себе» (через «государево дело»), от нации, обеспечивающей взаимосвязь «каждого с каждым», но воспринимает нацию как основанное на гражданско-территориальном принципе сообщество индивидов. Считая, будто «Русь структурировалась как военный лагерь», он подчеркивает, что «подданство российскому государству — вот главная характеристика русского народа, перекрывшая (его — В.Б.) этнокультурную идентификацию» (Сб. «Иное. Хрестоматия нового российского самосознания» — М: Аргус, 1995, т. 2 «Россия как субъект», с. 43-46).

Подданными «Императора Всея Руси» были и русские, и татары и многие другие народы, населявшие территорию России, а также и нанятые на службу Петром Великим и другими государями достойные люди: швейцарец Лефорт, датчанин Беринг, немцы Клодт и Росси, сын эфиопского князя Ганнибал, много сделавшие для прославления не только Российской империи, но и для развития подлинно русской национальной культуры и науки.

И все же деяния Петра, приобщавшего российские народы к достижениям европейской материальной цивилизации, шли в разрыве с русской национальной нравственностью, что позволило Н.С. Трубецкому назвать Петровский период российской истории «периодом антинациональной монархии», когда задача технического прогресса «была выполнена именно так, как не надо было ее выполнять, и произошло именно то, чего следовало больше всего опасаться: внешняя мощь была куплена ценой полного культурного и духовного порабощения России, Петр I в то же время наносил русскому национальному чувству самые тяжелые оскорбления и разрушал все те устои, на которых покоилась внутренняя мощь России» (История. Язык. Культура., с. 241-242).

Гораздо более органично содействовала слиянию русского духа и европейской цивилизации его преемница.

Матушка-царица Екатерина II — немецкая принцесса Софья Фредерика Августа Анхальт-Цербстская была прозвана Великой не только за свои обильные амурные похождения и за укрепление границ российской империи. Хотя она до конца дней своих так и не преодолела немецкий акцент, но в отличие от многих других своих сородичей стремилась не только освоить русский стиль жизни, но и сумела сохранить русский нравственный уклад жизни, органично (а не путем Петровой ломки) внутренне насыщая его достижениями европейской культуры и цивилизации.

В своих «Записках императрицы» (М: Наука, 1990) она писала, что «счастье... чаще бывает результатом личных качеств, характера и творения» (с. 1), а потому пыталась понять и воспринять не только русский язык и русские обычаи, но и русский характер, который, можно сказать, стал и ее собственным не от рождения, а от естественного общения с русскими людьми. «Для меня нет ничего приятнее, как действовать с доброжелательством и самою строгою честностью», — писала сама Екатерина (с. 239). В этих словах она запечатлела, по-моему, те главные качества русского характера, ставшие ее личными качествами, которыми позволила ей — коренной немке стать «своей» в русской среде: не только при царском дворе, но и в общественном мнении.

Она понимала и разделяла офицерское и солдатское неодобрительное отношение русских к голштинским пристрастиям своего мужа — будущего императора Петра III, находя эти забавы, по меньшей мере, странными и приносящими власти «ущерб в общественном уважении». Отсюда она с пониманием, хотя, на мой взгляд, и недостаточно обоснованным, относилась к тому, будто «всякий русский от природы, в глубине души своей, чувствует некоторое отвращение к иностранцу,... (поэтому — В.Б.) нигде так не замечают слабых, смешных и дурных сторон иностранца, как в России... Россия может служить для иностранцев пробным камнем их достоинств, и... кто успеет в России, тот наверное может рассчитывать на успех во всей Европе» (с. 174).

Даже своим решительным обращением к русской гвардии, свергнувшей Петра III, она снискала в армейской среде и во всем русском обществе уважение, сохранившееся и на последующие годы, за ее понимание и признание русского национального самосознания.

Разумеется, нельзя отождествлять придворные нравы и характер русского человека, но пример Екатерины II наглядно свидетельствует, что когда власть принимает и поддерживает национальную доминанту общества, оно переживает устойчивое благосостояние.

И даже Пугачевское восстание не могло изменить общей оценки времени долголетнего правления матушки-царицы как одного из «золотых» веков русской истории.

«Служба начальству» и «служение земле» (народно-государственное и национальное) — оба вида «служения» при Екатерине II в наибольшей степени оказались совпадающими. Это видно и на примере воинских дел Потемкина и Суворова, приумноживших славу русского оружия и сами земли русские. Тем самым по сути дела была выполнена национально-историческая миссия русского народа — собирание воедино Русской Земли, начатое еще Александром Невским и Иваном III.

Характерно, что государственное действо по объединению земель и народов совпадало с исконным стремлением русского (российского) народа не к территориально-экономической экспансии и колонизации Малороссии, Кавказа и Сибири, а к воссозданию своей Пра-Родины, от Карпат до Тихого океана, где спиралеобразно перемещались и перемешивались наши предки: арии и скифы, славяне и тюрки.

«Россия не присоединяла Сибири, она создалась Сибирью» (В. Цымбурский, Сб. «Иное», т. 2, с. 230).

И «российское могущество прирастать будет Сибирью», но не за счет Сибири. Это еще раз подчеркивает тот исторический факт, что Великая Сибирская равнина была и будет нашим укоренением, нашей родиной.

Россия как славяно-угоро-тюркское многонациональное государство формировалась не путем случайного присоединения евразийских земель, а путем воссоединения народов, имеющих давние этнические корни и давшие совместный плодоносящий побег — русскую нацию.

Не могу согласиться с К. Касьяновой, утверждающей, что «мы — большой народ и ярко выраженный этнос с древней и оригинальной культурой, но мы п о к а ч т о н е н а ц и я» (разрядка моя — В.Б.) — (см. сб. «Иное», т. 1 «Россия как предмет», с. 164).

Этот вывод она, как и А. Кара-Мурза, и некоторые другие авторы сборника «Иное», делают, исходя из предмысли, будто интеграция племен в Московской Руси, а затем и России происходила чисто по территориальному принципу, когда государство брало на себя военную защиту и обустройство жизни людей, с чем каждой разрозненной группе справиться было труднее, чем сообща, под общим организующим государственным началом. Такой территориально-государственный принцип интеграции формировал единый российский многонациональный народ, но этот процесс сопровождался и укреплением собственно русской нации, которая отличалась не «чистотой крови» (непрерывно смешивалась славянская, финно-угорская и тюркская кровь), не чистотой языка, впитывающего как губка многие иноязычные слова, а чистотой нравов, хотя и суровых, но не разъединенных чужеродным влиянием, а хранящих исконно русское первозданное природное естество.

Это естество, эта природная естественность русского национального характера проглядывает сквозь все государственные и религиозные облачения. Именно она, основанная на отношении к ближнему как к самому себе, еще ранее христианских заповедей стала характерной чертой язычников — русса и росса.

Если следовать социоестественной истории Э. Кульпина («Иное», т. 1) и определять объект этой истории в виде группового субъекта, а его ценностную ориентацию как следование своим нравственным началам, то сразу видна принципиальная разница европейского, восточного и российского архетипов.

Если для европейских народов объектом является индивидуальная личность — Эго, а самоценностью — индивидуальная свобода как стимул развития, то для Востока (особенно отчетливо — для китайского народа) объектом является сразу государство, а главной ценностью — стабильность. Для России же объектом является община, а ценностным ориентиром — «пластичность» жизни как естественное оптимальное сочетание стабильности и изменчивости (с. 215), соответствующее роли общинной жизни в окружающем природном круговороте.

На Западе с его умеренным климатом человек не был так зависим от природы, как в континентальной лесостепной России. Плотность населения позволяла людям существовать там обособленно и в то же время обеспечивала их достаточную коммуникативность. Все это обеспечивало примат эгоцентризма и эго-идеалов индивидуализма.

В Китае, где скученность жизни в долинах плодородных рек издавна была чрезвычайно высокой, со-существование человека с природой требовало жесткой ооганизованности, достигаемой государственно-монархической системой устройства общества.

На евразийских просторах оптимальным способом жизни была общинная система, т.к. в одиночку человеку было трудно освоиться и в лесу, и в степи, а разреженность населения вынуждала общину не ждать по каждому поводу царских указаний, а действовать во многом самостоятельно. Причем в лесной зоне проживания руссов подсечно-огневое земледелие еще в меньшей степени требовало государственного вмешательства, тогда как в степи скотоводство нуждалось в иерархической централизации.

И древнерусские княжества, и Золотая Орда не были в полном смысле государствами, поэтому еще не существовал единый российский народ, а славяно-угорская нация руссов и тюркско-скифская нация руссов уже сформировались в своих главных чертах.

Русские нравы как отражение природного естества соответствовали стремлению людей поддержать «гармонию и равновесие в мире», где человек — часть природы, и следование ее законам для него — наиболее естественный способ существования.

Эта естественность наиболее характерно отражена в русской пословице: «терпение и труд все перетрут».

«Терпение — это, безусловно, наша этническая черта и в каком-то смысле основа нашего характера» (К. Касьянова «О русском национальном характере» — М: Институт национальной модели экономики, 1994, с. 109). Любимое русское слово «надежда» = «надо ждать», хотя «надеяться» имеет корень «деять» — действовать. Ждать и действовать — не противоречие, а естественное для русского человека состояние: действовать и терпеливо ждать результатов, которые наступят, может быть, и не скоро, но обязательно.

Помните притчу о садовнике, закладывающем сад, хотя он и понимал, что собирать плоды уже будут другие после него.

Это стремление жить для будущего — характерная черта русского характера, которая почему-то ассоциируется у многих с фатализмом, с не-практичностью, с приматом загробной жизни. А на самом деле — это интуитивное и осознанное отражение той инерционности бытия, которая связана с отсроченной реакцией природы на человеческое воздействие.

В условиях рискованного земледелия и неустойчивого отгонного скотоводства человек вынужден был терпеливо трудиться; порой его труд пропадал даром, уничтожался стихией, но он вновь и вновь сажал и выращивал, надеясь, что природа рано или поздно отблагодарит его или детей его за труды праведные. «В темном незаметном трудовом пути заключается величие подвига, а трудовой путь любви есть долготерпение», — апостол Павел (цит. по К. Касьяновой, с. 114) лишь фиксирует то, что было свойственно русскому человеку до его знакомства с христианским учением.

Это долготерпение сродни той основательности, с какой каждый русский берется за дело. «Семь раз отмерь», а потом — ... еще раз подумай хорошенько. Не отсюда ли «главное — не делай дурного» (Л. Толстой «Путь жизни» — М: Республика, 1993, с. 286). Наверное, это от русской осторожности, когда идешь по трясине, и

каждый неверный шаг может стать последним. Это — не робость, ибо в ней русского человека упрекнуть сложно, а именно осторожность, доходящая порой до «обломовской» ленности, когда рассуждения о предстоящем деле заменяют само дело.

Русская психология заимствовала у своих степных собратьев стремление к душевной ясности и спокойствию. «Тюрк любит симметрию, ясность и устойчивое равновесие; но любит, чтобы все это было уже дано, а не задано, чтобы все это определяло по инерции его мысли, поступки и образ жизни; разыскивать и создавать те исходные и основные схемы, на которых должна строиться его жизнь и мирозерцание, для тюрка всегда мучительно» (Н.С. Трубецкой, с. 150).

Сравнивая тюрка и семита, Н. Трубецкой подчеркивает, что семит любит «ворошиться в сложно переплетенных и запутанных тонкостях», а тюрк более всего ненавидит «тревожное чувство внутреннего противоречия»; поэтому «семит... подносит тюрку решение, свободное от противоречий,... а тюрк постоянно выбирает такой базой плод творчества семитского духа» (с. 151).

Русский характер вобрал в себя и то, и другое, поэтому и характеризуется не просто спокойствием, а основательностью, граничащей с догматической неподвижностью в деле и в вере.

Вспомним Илью Муромца, который тридцать лет и три года сидел на печи, а потом ... стал могучим богатырем-защитником земли Русской.

Нас не трожь, и мы — не тронем. Но если тронут, то... не обессудьте. В многочисленных испытаниях, которые выпадали на долю русского человека, крепла и закалялась мужественная душа народа.

С долготерпением связано и самоограничение русского человека, который никогда не был избалован ни сытостью, ни достатком, а потому привык (привычка — вторая натура) довольствоваться малым.

«Довольство своим — величайшее из всех богатств», — говорил Эпикур (см. «Разум сердца», с. 164). Это нравственное свойство русского человека, сформированное в результате долголетней истории его взаимоотношений «один на один» с окружающей природной средой, в лесу ли, в степи ли, легло в основу всего русского характера: «Кто нужды не видал, и счастья не знает», — гласит русская пословица (В. Даль «Пословицы русского народа» — М: ННН, 1994, с. 57).

И напрасно мы подходим к русскому человеку с меркой материального богатства. Жизнь приучила нас довольствоваться хлебом насущным да счастьем грядущим. И ниществовать на Руси никогда не было зазорным, потому что человек, не обремененный материальным достатком, всегда компенсировал этот недостаток избытком свободы в духовном мире. А эта свобода всегда была для нас дороже хлеба с маслом. Нищий да юродивый — божьи люди на Руси.

И были они нам не наказанием, а испытанием. И в историческом плане это испытание человек выдержал с честью, не погрязнув душою в материальном достатке.

Трудолюбивые монахи всегда пользовались уважением, а распутные попы, живущие на жертвоприношения верующих, были самым отрицательным персонажем в нашем самосознании.

Материальное накопительство как самоцель всегда приводило на Руси к личным трагедиям, а душевное бескорыстие — к счастью. Достаточно вспомнить русские народные сказки, где алчные сестрицы оставались, как говорят, «при своих», а трудолюбивая и бескорыстная падчерица — Золушка становилась принцессой.

Достаточно вспомнить тургеневских крестьян, бедно живущих, но богато чувствующих. И это — не умиление нагой простотой, это толстовское понимание: «простота есть необходимое условие прекрасного».

И наш современник — герой К. Паустовского дед Семен — Семен Васильевич Елесин, одинокий крестьянин села Солотчи Рязанской области — «старик с совершенно детской душой, истовый труженик и бедняк, но не по бедности, а потому, что он довольствовался в своей жизни самым малым, ... был чистейшим образцом русского характера — гордого, благородного и щедрого, несмотря на внешнюю скудность своей жизни» (К. Паустовский, Избранные произведения в 3-х томах — М.: «Русская книга», 1995, т. 3, с. 103).

«Не от скудности скупость вышла, от богатства» (В. Даль, с. 48). Достаточно вспомнить Фому Гордеева и купеческий мир «Угрюм-реки» В. Шишкова, чтобы понять, что «золотой телец» — особо опасная болезнь для русского человека.

Если мы говорим, сопоставляя природные, в т.ч. и нравственные качества представителей различных наций: «что для русского — пустяк, для немца — смерть», то применительно к денежному испытанию — все наоборот. То, что для немца — естественно (скупость и скопидомство), то для русского — смерть.

«Деньги — оселок. Изведай человека на деньгах. Деньги искус любят» (В. Даль, с. 49).

Русский человек, как известно, не выдерживает этого искуса, потому что богатство как самоцель — для нас противоестественно. «Кто богат, тот и рогат (рога — надменность)», «без денег сон крепче», «не в деньгах счастье» и т.д. и т.п. — многочисленные пословицы отражают нравственное неприятие русским человеком этой материальной самодовлеющей для западного мира меркантильной устремленности.

Разумеется, это самоограничение в материальной жизни русского человека не означает его срединности, однообразной серости. Наоборот, русский нрав — это «все или ничего».

И если в материальном мире доминантой для нас скорее будет «ничего», то в духовном — мы ярые противники посредственности, мы — за «все».

Стремление вырваться из серого однообразного быта, слиться с вольным природным пространством, природным таинством, которое не здесь, а там, в ином (загробном ли, космическом ли) мире даст нам истинное блаженство, этот

мистический фанатизм русской души, «блуждающей в потемках бытия», делает нас особенно восприимчивым к идеям вечности.

Эта ориентированность на вечность — наша судьба.

Душа наша — нараспашку. И это бескрайнее степное раздолье русских полей делает нас людьми вне «осевого» привычного общего времени и пространства.

«Удаль», ценимая русским народом в его героях, есть добродетель чисто степная, понятная тюркам, но непонятная ни романогерманцам, ни славянам» (Н. Трубецкой, с. 138).

От тюрков, по-видимому, перешло в русский нрав и стремление к волевой, которая шире, чем просто свобода, а есть «свобода, соединенная с простором» (Д.С. Лихачев «Земля родная» — М: Просвещение, 1983, с. 51).

Восторг перед простором, особенно разительный на фоне подъяремного труда, был для русского более чем молитва, это был крик души. «Выйти на волю», «погулять на воле» — было мечтой многих, соединив широту души и раздолье земли.

Быстрая езда, которую не может не любить русский, огненная пляска, когда человеку мало места, и он стремится занять собой побольше пространства; колокольный звон, который должен быть слышен как можно дальше, русская протяжная песня, в которой есть неизбывная тоска по простору — все это означает (по определению Н.А. Бердяева), что «русская душа ушиблена ширью».

И эта «ушибленность» делает нас максималистами во всем.

То ли резко континентальный климат делает нас яркими антиподами атлантической умеренности, но во всем мы доходим до крайности: в работе и в разгуле, в неестественной для разумного европейца нищете быта и в роскоши царских дворцов, в диком первобытном варварстве (опять же с позиций западной цивилизации) и в высочайших идеалах духовной нравственности.

Русский максимализм не может вынести, особенно в нематериальной сфере, умеренности, «кое-что». «Богу молясь, лоб расшибет», — это про нас, а тщедушная протестантская рассудительность — это не наше, чужое. Реформаторству — нет, революции — да.

И хотя в результате таких шараханий чаще всего мы имеем один и тот же результат — «разбитое корыто», но дух противоречия «пахнет Русью».

Радикализм во всем — «воровать так миллион, а любить так королеву». Не с гордой похвалой говорю я это, но с осознанием живучести в нас этого максимализма и с признанием необходимости учета этого «эпилептоидного типа личности» (по определению К. Касьяновой) русского человека в прошлой и будущей российской истории.

Эта «эпилептоидность», включая в себя и замедленность реакции в спокойных условиях и взрывчатость в чрезвычайных ситуациях, терпеливая самоограниченность бытия и духовная неистовость составляют особенности русского гено типа.

Российский же архетип, несмотря на доминирующий в нем русский нрав, обладает к тому же замечательным свойством адаптации и самого себя к окружающей среде, и других людей — соседей по жизни и по духу — к своему нравственному идеалу: быть частицей идеального (вечного, божественного) блага если не здесь на Земле, так в Космической ноосфере.

Разумеется, «нравственный портрет» россиянина объемнее и разнообразнее русского генотипа.

Но доминирующие природные черты все равно проступают сквозь исторические напластования материальной и духовной среды общения с себе подобными. И этот симбиоз «нутра» и среды рождает особый слой обитания человека — его национальную культуру, которая «противостоит генотипу. Ее задача не отражать и не закреплять его, а приспособлять к среде, к окружению, некоторым образом обрабатывая, культивируя его. Дело генотипа — создавать затруднения, дело культуры — их преодолевать.

И человек — не есть чистый генотип, а есть продукт длительного взаимодействия между природой и культурой» (К. Касьянова, с. 131).

Природа возвращает нас,
но в выделке натуры
участвуют и божий глас,
и мастера культуры.

Зерцало

Человек видит себя в зеркале. Внешне.

А в каком зеркале можно увидеть свое индивидуальное и коллективное «Я» полностью, включая природный нрав и душу?

Есть такое «зерцало» (от общеславянского корня «-зер-» или «-зр-», означающего зреть: видеть, созреть). И зовется оно — культурой (от латинского «cult», означающего возделывание, созревание).

Итак, культура — это «возделывание» и «видение» себя самого, как человека, «дозревшего» вместе со своими сородичами до определенного уровня развития в самосознании Эго и Атмана вкупе с окружающей природой, обществом и космосом.

Культура — зеркало души народной, одновременно и отражение природного нрава масс и коррекция массовой психологии под влиянием демиургов, засевающих народную ниву семенами — монадами вечного абсолютного идеала.

Предмет культа — «религия» как «отражение, в котором земные силы принимают форму неземных» (Ф. Энгельс), и наоборот, когда природно-космические силы являются в нашем иррациональном сознании как персонифицированные образы различных мифологических персонажей, героев и злодеев, добрых и злых божеств.

Религия — отражение (зерцало) нашего подсознания, но отражение не пассивное, а активно воздействующее на чувства и образное мышление и верования человека.

Не столь важно, верю ли я, главное — я верую. Я — религиозный атеист. И это глубже проникает в меня, в самые подсознательные глубины моего «Я».

Поэтому культура, основанная на религиозной чувственности, обладает таким мощным эмоционально-нравственным зерном, прорастающим из глубины и засеивающим глубины национально-народного самосознания.

Российская культура — это систематизированное, согласуемое в общих чертах отражение суперэтнического, многонационального бытия народов России. И главное в ней — это отражение нераздельной слитности человека и природной среды, слитности внешней и глубинной.

«Природа по-своему социальна, ... она живет сообществом» (Д. Лихачев, с. 55). Ее социальность — в том, что она — сотоварищ человека, управляет им и управляется им же. Пахарь преобразует землю, но и она не только кормит, но и воспитывает человека, то воздавая ему сторицей, то, наоборот, оставляя на голодном пайке.

Мать-сыра земля — это и колыбель человека, и его последний упокой. Вот почему отношение к ней — это тот оселок, на котором проверяется нравственность человека, это и тот «узелок», который вяжет нас с окружающим природным миром.

«Пейзаж России на всем ее богатырском пространстве как бы пульсирует: он то разряжается и становится природным, то сгущается в деревнях, погостах и городах, становится более человеческим. В деревне и в городе продолжается тот же ритм параллельных линий, который начинается с пашни. Борозда к борозде, ... улица к улице. Крупные ритмические деления сочетаются с мелкими, дробными. Одно плавно переходит в другое» (с. 59).

И дом свой человек украшает узорами, и творения рук своих старается изукрасить «узелками», связывая тем самым свое понимание красоты с окружающим природным орнаментом.

Российская славяно-тюркская узорчатость — это отражение гармонического созвучия, переливов солнца и воды, с одной стороны, и музыкального многоголосья в душе человека, с другой. Выписанность в деталях узоров скрашивает внешнюю однообразность бытия в лесных чащобах или в голой степи, подчеркивая глубинную насыщенность жизни различными нюансами, увязанными в общую кружевную сеть.

Подсознание как призма распускает белый свет на многоцветную радужную палитру, где отдельные части спектра синхронизируются с отдельными частями Атмана.

Так, красный (красивый) цвет созвучен физическому плотному телу человека, его материальному субстрату — крови.

Оранжевый и желтый — цвет солнца, вызывающий у человека ощущение тепла и спелости.

Оранжевый цвет символизирует огонь, праническую энергию жизненного тела, а желтый — цвет желаний, вызывающих у человека определенные чувственные эмоции.

Зеленый — цвет надежды, цвет травы и листьев. Соприкасаясь с этим цветом, человек как бы осознает себя зримой монадой, частицей «зеленого мира» — мира природных растений, мира растущих знаний. Зеленый — цвет приумножающегося разума, добываемого в общении с развивающейся средой.

Голубой и синий — цвета подсознательного и природно-духовного соприкосновения с бездонной вечностью — небом, организующего и упорядочивающего всю нашу внутреннюю и внешнюю самость — единство всех тел Эго. Голубой — цвет любви, цвет сопричастности с вечностью, а синий — цвет небесных куполов — символизирует преодоление пространства.

Фиолетовая часть спектра символизирует соборное начало в человеке (от греч. *phileo* — любящий друг). Фиолетовый цвет как переход от синего небесного цвета одной радужной гаммы к цвету крови другого высшего коллективного «Я» означает переход Атмана на новый виток жизненной сферы — от индивида Эго к соборному «Мы».

Также и в музыке, являющейся прозрачным зеркалом космических ритмов и ассоциированных с ними биоритмов человека.

При общей семиступенчатой системе — гептатонике существуют различные гаммы — звукорядные последовательности, образующие созвучия.

Гамма.. есть уже внесение искусственных «расчленений, форм, системы мер и величин» в природно-космический «голос», но эта искусственность — не нарочитая, а зеркальная отраженность музыки небесных и земных сфер посредством человеческого эха и его ритмических пульсации.

Для евразийских просторов, где в изобилии наличествуют и горы, и реки, и леса, и степи, космо-ритмы и био-ритмы, казалось бы, настолько многообразны, что найти те согласованности этих звуков и метрических ритмов из общего числа возможных сочетаний трудно. На самом же деле эти ритмы природы и человека не существуют обособленно друг от друга.

Они настолько тесно согласованы между собой, что проявляются в историческом зеркале конкретного геосоциозноза как взаимнооднозначные соответствия музыки природы и звуков, искусно воспроизведенных человеком данного «ценоза».

Пение и танец, объединяемые музыкой, это потребность человека отобразить своим «голосом» то, что он слышит и ощущает ритмически в окружающем мире, в том числе и внутри себя.

В степи тихо: шелест травы, скрип барханов и речитатив одинокого всадника, переходящий изредка в монотонный галопирующий звук несущегося табуна.

И музыка степи «не столько эмоциональна, сколько информационна,... долго рассказывают песней» акыны и ашуги о том нечастом и немногом, что видят они на

своем долгом пути по безбрежному пустому пространству. «Большинство азиатов поют в унисон» (Н. Трубецкой, с. 136).

Поэтому «рисунок мелодии — без скачков, мелко-изгибчатый, переливается у суставов, как гибкое кошачье тело кочевника» (Г. Гачев «Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос» — М: Прогресс-Культура, 1995, с. 107). И в кочевом танце — малоподвижны ноги, зато руки, шея и голова работают за все части тела.

У горцев же «в отличие от тишины степи кочевника ... природа особо властно жива, грозна и возвышенна — и все время дает о себе знать звуком... В горах звук не протяжный, а резкий, отрывистый,... (напоминающий — В.Б.) шумы с гор: камнепады и рокот рек (с. 106).

Лес — это симфония, где каждое дерево поет своим тембрональным голосом, в своей тональности, а многочисленный подлесок — окрашивает все это полутонами и абберациями. И на этом полифоническом тоне искрометные колоратурные переливы птиц. И потому русская песнь характерна своим многоголосьем, искусно повторяющим многоголосицу леса с явно выраженным человеком-запевалой, который не потерялся в общем хоре, а «ведет свою песню».

И другие исполнители, вступая в песню вслед за запевалой, импровизируют, повторяя на свой лад главную мелодию, «и тем не менее эти импровизации чудесно, с безошибочным инстинктом и музыкальной целью творят совершенную гармонию... Народный хор есть свободное единение многих личностей в одно целое» (Н.О. Лосский «Условия абсолютного добра» — М: Изд.полит, лит-ры, 1991, с. 315).

Хоровая и оркестровая полифония отражает соборное начало в музыке. «Изобретение клавирина — фортепиано подменяет симфонический эффект эффектом индивидуального монолога... На место звукового мира как реальной вселенской воли становится аналогичный звуковой мир как представление, или творчество, воли индивидуальной». (Вяч. Иванов «Родное и близкое» — М: Республика, 1994, С. 149).

Сегодня на смену индивидуальному исполнителю вновь приходят ансамбли, и музыка вновь приобретает полифонию и технически-космическое звучание.

Важно, чтобы новые музыкальные формы не заглушили природных голосов, исторгаемых струнами русского сердца.

Разумеется, не только природные голоса отражаются в русской песне, то заунывно-тоскливой или размашисто-вдохновенной как степь, то пронзительно-грустной или шумливо-хороводной как лес, то грозной или росной как водный поток или капли росы.

Русская музыка — это прежде всего «жаль», светлая как березовая роща либо глубокая как омут, на неосуществленное на этой земле воссоединение человека со вторым — Я: любимой женщиной, любимыми друзьями, любимым миром.

Эта вечная неудовлетворенность содеянным, неосуществленность любви как природная подоснова русской музыки, литературы и вообще русской культуры не расхолаживает человека, а наоборот, стимулирует его стремление к слитности с близкими по духу людьми, с родной Матерью-землей и Отцом-небом, к слитности в

вечном всеединстве с призрачным идеалом, счастьем одновременно для себя и для всех.

Вся русская культура — это не расчлененные на части (слово и музыка, рисунок и ритм) отдельные зеркальные отображения человека и окружающей среды, **а насыщенная бесконечной иррациональностью синкретичность (единство) национального мироощущения.** Для русской культуры наиболее характерно представление Человека как монады (тождественной целому части) Абсолюта со всей его нерасчлененностью на Добро и Зло, Красоту и Уродство, Жизнь и Смерть.

Православие не создало русской культуру, ибо культура как голограмма народной жизни существовала всегда. Оно органически вписалось в русскую созерцательную культуру, придав ей дополнительные средства выразительности посредством приобщения к византийскому книжничеству и зодчеству, письменности и знаниям.

Русская культура с ее природной религиозностью сохранила вживе православие, его ритуалы, догмы и традиции, не дав им задохнуться в своей косной содержательности и внешней обрядовости.

Хотя лучшие памятники глиняной, деревянной языческой скульптуры погибли во времена введения христианства на Руси, православие преуспело в создании соборов на месте языческих капищ. Преследуя ритуальные цели общения с Высшим Миром, русские соборы как и тюркские минареты являли собой произведения «застывшей музыки», как сталактитовые сосульки и сталагмитовые свечи то ли спускающиеся сверху, то ли возносящиеся ввысь.

Храмовая архитектура озвучивала в камне эту связь Земли с Небом, вбирая в себя и хоровое пение и соборную слитность верующих с Всевышним.

Соборы возвышались над окружающей действительностью, создавая и поддерживая в людях сознание (подсознание) исключительности храма как культов сооружения, ибо только через культовый образ русский человек воспринимал свое природное единение с Богом.

«Основной характер русской архитектуры в целом может быть определен как гениальное понимание композиции, привлекающей внимание внушительным размахом, декоративною формою и очаровательною интимностью», — писала Т. Толбот Райе в книге «Russian Art» (цит. по Н. Лосскому, с. 320).

Храмовое зодчество во Владимирско-Суздальской области, Новгороде и в Москве надолго стало эталоном для других архитектурных сооружений, а для верующего народа стало символом Небесного града.

Необходимо отметить, что уже в Москве храмы строились не только по византийским канонам, но и с учетом остроконечности, шпильобразности восточных минаретов. Таким новым архитектурным обликом, отражающим различные течения западных и восточных стилей, является Храм Василия Блаженного, построенный в честь взятия Казани и хранящий некоторые татарские черты.

Гораздо позднее 8 высотных зданий, построенных в 50-е годы XX столетия, придали Москве своеобразный евразийский облик.

Да и во многих селах России церкви соединили в себе черты византийской купольности в сочетании с восточной остроглавостью.

Православие не уничтожило полностью русского (славянского, финско-угорского и тюркского) язычества. Оно накрыло голое тело язычника сетчатым покровом каменной и книжной мудрости, сквозь которую неизменно источались полевые ауры «первобытного» русса-росса, аборигена гор, лесов и степей Евразии, сохранившего на исторических скрижалях не только свое многоликое природное естество, но и особый дар вестничества.

«Вестник — это тот, кто будучи вдохновляем даймоном, дает людям почувствовать сквозь образы искусства в широком смысле этого слова высшую правду и свет, льющийся из миров иных» (Д. Андреев «Роза мира», с. 186).

Даймоны — это люди предшествующей жизненной волны, предшествующего витка жизненной спирали, которые своими духовными творениями наполнили нашу ноосферу. И с помощью поэтов-вестников мы становимся обладателями высшей мудрости.

Мы воспринимаем эту мудрость не из книжных православных писаний, а из того зеркала — русской культуры, которое сохранило нашу связь с космосом; а мы — язычники оказались наиболее восприимчивы к этим сигналам из ноосферы, где будущее сливается с прошлым, потому что всегда строили свою жизнь в соответствии с этими природно-космическими законами. А русская культура помогала нам не только ощущать, но и осознавать свою тождественность с Космосом.

Русская культура — это прежде всего поэзия. Не как стихотворная форма отражения своего внутреннего мира и себя как элемента окружающей среды. Поэзия — не просто образная форма отражения действительности. Русская культура — поэзия в смысле возможности «говорить не о том, что было, а о том, что могло бы быть... Поэзия больше говорит об общем, история — о единичном» (Аристотель, Соч. т. 4, с. 655).

Русская культура является поэтическим способом самовыражения нашего народа, говорящего преимущественно «об общем», даже если это общее выражено через монадическое индивидуальное мироощущение Поэта. Каждый русский человек — пахарь или ученый, полуграмотный странник или заядлый книголюб — в душе своей Поэт; его мироощущение — это соборная поэзия чувств, мыслей и души, тела и дела, того, что составляет саму жизнь, во всем ее не только реализованном содержательном бытии, но и в возможном ноосферном и духосферном существовании.

В своей «Нобелевской лекции» И. Бродский подчеркнул эту «грядущую», поэтически-ноуменальную роль искусства: «другого будущего, кроме очерченного искусством, у человека нет» (т. 2, с. 456). Подчеркивая различие между логическим и поэтическим мировосприятием, он говорит: «философия государства, его этика, не

говоря о его эстетике — всегда «вчера»; язык, литература — всегда «сегодня» и часто — ...даже и «завтра» (с. 453).

В данном случае ставится знак равенства между «завтра» — тем, что будет, и поэзией, изображающей то, что могло бы быть. Могло бы быть — значит, будет.

В этой увязке прошлого и будущего посредством поэтического вневременного их соединения — суть русской многокоординатной внеземной культуры вообще и литературы, в частности.

«Существует... три метода познания: аналитический, интуитивный и... посредством откровения. Отличие поэзии от прочих форм литературы в том, что она пользуется сразу всеми тремя (тяготая преимущественно ко второму и третьему, ибо все три даны в языке;... порой с помощью одного слова, одной рифмы пишущему стихотворение удается оказаться там, где до него никто не бывал, — и дальше, может быть, чем он сам бы желал... Стихосложение — колоссальный ускоритель сознания, мышления, мироощущения» (с. 461-462).

Перефразируя его же замечание о цветаевской (да и вообще русской поэзии), следует признать не как утопичность, а как русскую потребность жить сразу в разных мирах: «чем невыносимее действительность, тем (сильнее — В.Б.) воображение» (с. 429).

«Навык отстранения от действительности,.. являющийся едва ли не первой предпосылкой творчества и присущий в определенной степени всякому литератору, развился в случае Цветаевой д о с т а д и и и н с т и н к т а (разрядка моя — В.Б.)» (с. 414).

Но эта «инстинктивность» присуща не только цветаевской поэзии — она есть свойство всей русской поэзии, где роль чувства (и эмоций и подсознания) превалировала над рассудочными образами поэзии Шекспира и Омара Хайама. Последний — назидателен:

Коль можешь, не тужи о времени бегущем,
не отягчай души ни прошлым, ни грядущим.
Сокровища свои потратить, пока ты жив.

Великий Шекспир в своих «Сонетах» (№ 44) признавался:

Пускай моя душа — огонь и дух,
но за мечтой, родившейся в мозгу,
Я, созданный из элементов двух —
земли с водой, — угнаться не могу.

В отличие от них — и это принципиальная особенность русской поэзии как «зеркала души народной» — она не гналась за мечтой, она опережала ее. Самозадачей русской поэзии и русской жизни было не потратить сокровища при жизни, а вырастить в земной душе человека райский сад, пусть даже пользоваться его будущими плодами будут другие — далекие потомки.

Поэт в России больше чем поэт, он — Пророк.

Восстань, поэт, и зри и внимли,
исполнись волею моей —
и обходя моря и земли,
глаголом жги сердца людей.

Эта заповедь — наставление русскому Поэту диктовалось не абстрактным Богом, а Всеединым Природным Космосом, который придал русской поэзии не только созерцательно-мистический, но и деятельно-пророческий удел.

Удел — и дар, и ответственность.

Дар русской поэзии — ее природное изначалие. «Искусство есть та же природа... Произведение искусства — то же произведение природы, но *д о л ж е н с т в у ю щ е е* (разрядка моя —В. Б.) быть просвещенным светом разума и совести» (М. Цветаева. Собр. соч. в семи томах, т. 5 — М: Эллис Лак, 1994, с. 346-347).

Русская поэзия — «наитие стихий».

Все поэтические образы на Руси — не повествовательное изображение красивой «лады» или щедрого «богатея», «смирной» природы или «заунывного»дела.

Стихия — огненная заря, буйное море, светлое солнце, синяя мгла, стон и плач на земле Русской. Начиная от князя Игоря и до Великой Отечественной войны.

Судьба России — быть вечно взвихренной природными и общественными стихиями.

И в этом мраке настоящего узреть и уверовать в светлое будущее можно было только «по наитию». Им-то и отличались русские поэты-ведуны, черпавшие свою пророческую убежденность и силу в интуитивном осознании, не в противостоянии, а в единении людском и человечески-природном. Это единение было не созерцательным, а ведическим, и рождало оно на земле русской не столько талантов, сколько гениев.

«Гений: высшая ступень подверженности наитию — раз, управа с этим наитием — два. Высшая степень душевной разъятости и высшая — собранности. Высшая — страдательности и высшая — действенности». Эти слова М. Цветаевой, сказанные о Пушкине, характеризуют русскую поэзию в целом, а сама поэзия — плод и кредо всей народной жизни.

Национально-природное изначалие русской поэзии опирается на три точки: стих — рокот стихий, стих как запев (моего «Я» в хоре «Мы»), стих — заклинание.

В русской поэзии очень мало спокойных стихов, они, в основном, надрывны как надрывна душа русская в море будних слез и в оглушающей тишине степных просторов.

«Чем ближе становится человек к стихиям, тем зычнее его голос, тем ритмичнее — слова» (А. Блок, цит. по кн. Л. Тимофеева «Слово в стихе» — М: Сов. писатель, 1987, с. 43).

Русский стих как и русский характер при всей его личной выразительности всегда лишь отзвук того, чем страдает и чему радуется общество. Недаром А.С. Пушкин писал:

И неподкупный голос мой
был эхо русского народа.

Русская поэзия сохранила в своем лексиконе, в своей музыкальности, в своем ритме страсть того заклинания, которое было началом эмоционального мироощущения язычников и отражало веру народа в могущество слова-заговора, доступное знахарям, шаманам, кликушам — родоначальникам племени поэтов.

Заговоры — заклинания были повелительной формой обращения к природе, к богу, к товарищам, к народу.

Народный заговор — это заклинание:

«Одолень трава! Одолей ты злых людей. Лихо бы на нас не думали, скверного не мыслили...» («Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия» — М: Книга принтшоп, 1990, с. 293).

Плач Ярославны, обращенный к Днепру Славутичу, это — заклинание: «Прилелей же господин, моего милого ко мне, чтобы не слала я к нему слез на море рано» (Изборник, с. 92).

В «Утреннем размышлении о божием величестве» М.В. Ломоносов просил-заклинал:

«Творец! покрытому мне тьмою
прости премудрости лучи
и что угодно пред тобою
всегда творити научи».

Обращенное к друзьям-декабристам заклинание Пушкина:

«Во глубине сибирских руд
храните гордое терпенье,
не пропадет ваш скорбный труд
и дум высокое стремление».

И, наконец, блоковское заклинание-приказ:

Революционный держите шаг!

Н. Гумилев писал: «Перед А. Блоком стоят два сфинкса, заставляющие его «петь и плясать» своими неразрешенными загадками: «Россия и его собственная душа. Первый — некрасовский, второй — лермонтовский» (т. 4, с. 278).

Я думаю — эти сфинксы стоят перед каждым из нас. И каждый по-своему пытается разрешить эти вечные загадки: родина и поэт.

Русская литература сильна разномнением своих гигантов — гениев. Ф.М. Достоевский, которому не откажешь в мужестве вскрытия духовных нарывов русского человека, видит разгадку в устремлении индивидуальной и коллективной души народа к христианской святости, которая одна-де и способна преодолеть зло и мерзость нашей жизни. «Русский народ весь в православии. Более в нем и у него ничего нет, да и не надо». (Ф. Достоевский, цит. по кн. Вяч. Иванов «Родное и вселенское», с.334).

Другой ведун русской души — Л. Толстой как «зеркало русской революции» (по определению В.И. Ленина) преодолел этот якобы единственный путь уничтожения зла путем всеобщей любви к Богу, признав, что «жизнь, какая бы она ни была, есть высшее доступное нам благо» («Путь Жизни» — М: Республика, 1993, с. 400). Но истинное благо должно быть деятельным. «Просить Бога о том, чтобы кто-то дал нам благо в этой жизни, все равно что человеку, сидя над источником, просить источник о том, чтобы он избавил его от жажды. Нагнись и пей» (с. 410). Но нет блага индивидуального. «То только истинное благо и добро, что благо и добро для всех» (с. 405).

Еще более «мобилизованным и призванным» к деятельному участию в жизни общества считал себя Вл. Маяковский. Его величие в том, что он органично соединил в своем творчестве (и в своей жизни) стадность окровавленной души — «нате!», лексическое и ритмическое новаторство — «язык улицы» и не умозрительно-словесное, а естественно-духовное и деятельное служение делу революции.

Маяковский — «первый русский поэт-оратор». У него «один читатель — Россия» (М. Цветаева, т. 5, с. 378).

Сравнивая двух ровесников — Б. Пастернака и В. Маяковского, можно, следуя М. Цветаевой, равно почитавшей обоих, сказать, что первый — «родник», утоляющий жажду одиночки, а второй — «ревуший водопад», сила которого не только в реве стихии, но и в том, что его энергия крутит колесо истории.

Так пусть у каждого русского поэта свой ответ на нашу народную загадку: Россия и его собственная душа. Важно, что неоднозначная истинность этого ответа проверяется природными истоками и целеустремленностью «в завтра».

Народность русской поэзии — в том единстве, которое проявляет поэт по отношению к природе — родине, своим соотечественникам, утверждая свое общинное «собство», свой нынешний и завтрашний земной и небесный дом-экос.

Обычно поэты обращаются к звездам, ища в их недостижимости ту желанную гармонию бытия, которой так не хватает нам на земле.

Но все чаще и чаще звучит намерение поэта «на землю взглянуть с воспаленных высот ноосферы»; борясь со злом, начать с себя: не оплакивать Землю, а взять ее в свои теплые руки:

Земля,
скованная кованым каблуком,
в ком

тверже железа,
Я возьму тебя в теплые руки,
и сквозь пальцы
ты вытечешь россыпью слез
по лицу моему.

.....
Не сложно воспевать небесный рай —
ты на земле прекрасное создай.

Космос на Земле — это возвращение на новом витке жизненной спирали к тем истокам, которые дали нам жизнь, вспоили и вскормили молоком земной Матери, взрастили и обучили нас Отцовской мудростью.

Что такое Отечество
как не образ отца,
вставшего на уровень века.
Но можешь ли ты любить человечество,
если не любишь одного человека,
не считая себя.

Любовь в русской поэзии — это слияние «Я» и «другого Я» в одно целое, слияние Личности и Человечества, Человека и Природы, как монады и целого.

Принимая эти исконные природно-родовые истоки как плодородную почву, на которой только и может вырасти стоящая душа Сына Отечества, только и может вырасти ее истинное зеркало — народная культура, в качестве вектора, дающего направление новому витку развития нашего общества, следует принять идею русского космизма, суть которого — всеединство Я — Мы — Они: Человека, Социума и Природы.

Плоть и дух России

Россия — живое существо.

Она состоит из плоти и духа.

«Плоть России есть государство русское» (Г.П. Федотов «Судьба и грехи России», т. 1 — С.-Петербург: изд. «София», 1991, с. 46).

Дух России — есть душа ее народа и та объединительная идея, которая на протяжении многих веков пестовала душу и крепила плоть. Понять эту идею — значит сделать осознанным наше общественное бытие и стать созидателем судьбы новой России.

Что первично для России — то ли народное устремление объединиться в нечто целое, дабы защитить себя от внешних напастей и обустроить свою жизнь; то ли сама

государственность, возникшая по воле первых «собирателей земель русских» — московских князей, создававших из своих подданных — племен и этнических сообществ, втянутых в ареал московского влияния, этот самый народ российский.

Как бы мы ни пытались взглянуть в историю — нет ответа, что сначала, что потом. И не потому, что нам трудно добраться до истоков становления России как социума и как государства. Просто история России еще раз демонстрирует иллюзорность основного вопроса философии о первичности бытия или сознания.

И плоть и дух существа формируются во взаимодополнении друг по отношению к другу. И когда они действуют в согласии, существо крепнет и развивается; когда же векторы их устремлений оказываются направленными супротив друг друга, система грозит рухнуть.

Разумеется, и сами «тела», и вектор их устремлений не являются чем-то неизменным и раз навсегда заданным.

Более того, как всякое живое существо, и Россия когда-то появилась на свет во времени и пространстве; когда-то и она завершит свой жизненный цикл, и на новом витке исторической спирали иная страна (или иные страны) станут ее преемниками.

Да и в самой истории России ее государственное тело то расширялось в своих границах от волжско-окского междуречья до Балтии и Тихого океана, то ссыхалось, теряя Прибалтику, Украину и Среднюю Азию.

И дух России то наполнялся радостью избавления от чужеземного ига, то вновь ввергался в смог религиозного фимиама; то торжествовал по случаю уничтожения монаршей тирании, то задыхался от неестественной для него свободы как человек, помещенный в разреженное пространство.

Но большие территориальные просторы России и многоликие народы ее понуждали и плоть и дух страны к самоорганизации в некую иерархическую систему, где каждый регион и каждый народ имели свою национально-этническую и хозяйственную автономию при сохранении и общего имперского правления и общероссийской цивилизации.

Государственная «плоть» России оформилась не как ответ на монгольское нашествие Чингисхана и Батые, а скорее как обособленная часть созданного ими Евразийского союза против тевтонского и ливонского давления, стремящегося отчленив от Руси то Новгородско-Прибалтийские земли, то Украину и Малороссию.

«Власть хана давала хотя бы призрак единства мельчавшим и взаимно отчуждавшимся вотчинным углам русских князей» (В. Ключевский, т. 1, с. 366).

Нравится это кому-либо или нет, но по большому историческому счету именно Орда, сохраняя порядок в русских землях, по сути дела помогла становлению Русского государства, поддерживая княжеский союз, руководимый московским князем.

Иван Калита — собиратель земель русских, действуя на Орду «смирной мудростью», получил в 1328 г. из рук хана «великокняжеский стол, который с тех пор уже не выходил из-под московского князя» (там же, с. 344).

Орде объективно была нужна крепкая Русь и для сбора подати со своевольных князей и для защиты своих северозападных границ, подвергшихся после крестовых походов европейцев в Иерусалим натиску со стороны рыцарей Ордена, стремившихся к расширению своего жизненного пространства («лебенсraum») за счет восточно-славянских земель. Эти же потуги на захват российских земель проявлялись и позднее, во времена Смуты на Москве, когда поляки посадили на русский престол Лжедмитрия. В освобождении Москвы тогда решающую роль сыграло не только ополчение Минина и Пожарского, но и татарский полк, пришедший из-под Казани.

Нашествие Наполеона и Гитлера с запада ставило целью уничтожение Российского государства, по крайней мере, в пределах европейской равнины.

Орда, совершая набеги и обкладывая Русь данью, наоборот, стремилась поддержать объединительные усилия московских князей, среди которых было немало и «западников».

Надо заметить, что к этому времени древняя Русь уже окончательно распалась на Юго-Западную, Северо-Восточную и Новгородскую земли, в каждой из которых преобладало различное отношение к Орде и Западу.

Чисто славянская доминанта поведения наследников Киевской Руси, в наибольшей степени подвергшихся разорительным набегам Орды и степных ее предшественников — заклятых врагов — «поганных половцев», бросала их в объятия Запада.

Новгородчина испытывала еще со времен Рюрика давление со стороны немецкого этноса, стремящегося ассимилировать славянские народы, как это ранее произошло с прибалтами.

Еще в 1147 г. католический папа Евгений III «благословил «первый крестовый поход германцев против славян», преследуя цель стать полновластным хозяином всего христианского мира.

И только Северо-Восточная Русь, объединив в одно целое и славянские, и угро-финские племена и многочисленных наследников скифов, выжила за счет того, что единое составилось многими.

«Те русские княжества, которые отказались от союза с татарами, были захвачены частично Литвой, частично Польшей, и судьба их была очень печальной. В рамках западноевропейского суперэтноса русичей ждала участь людей второго сорта» (Л. Гумилев, «От Руси до России», с. 147).

Вошедшая в монгольский суперэтнос Северо-Восточная Русь не только сохранилась в истории при соседстве с Ордой, но и вызрела и выросла до гигантских размеров Российской Империи.

Еще и еще раз надо оценить роль в русской истории Александра Невского, который сделал в свое время верный исторический выбор. «Сформулированная Александром доминанта поведения — альтруистический патриотизм — на несколько столетий вперед определила принципы устройства Руси. Заложенные князем традиции союза с народами Азии, основанные на национальной и религиозной

терпимости, вплоть до XIX столетия привлекали к России народы, жившие на сопредельных территориях» (там же, с. 147).

Казалось бы, воля одного человека повернула колесо истории Руси на восток. И это в то время как западное миссионерство принесло на Русь и православное христианство и плоды просвещения — письменность и науку.

И все же восточный альянс оказался сильнее. Я думаю, здесь сказалось не только субъективное решение А. Невского и его поддержка Батыем и другими правителями Орды, но и, главное, — внутренний, звучащий в его потаенной душе, «глас народа», помнящего о своем едином евразийском происхождении, о своем неоднократном «путешествии» по этим просторам во времена древнеарийского и скифского переселения народов.

«Судьбой народа руководят в гораздо большей степени умершие поколения, чем живущие» (Г. Лебон «Психология народов и масс» —СПб: Макет, 1995, с. 20).

Судьбой российского народа руководят его славяноскифские и более ранние арийские предки.

Скифский «голос» в крови русского народа совпал с волею Александра Невского — и Россия состоялась, обрела свою «плоть».

«Наш язык знает не совпадающие по значению, но всегда волнующие слова: отечество и родина... Отечество (страна отцов) связывает нас с миром политическим, а родина-мать с матерью землей» (Г.П. Федотов, т. 2, с. 252).

Разумеется, лишь «согласие» родителей приведет к появлению жизнеспособного потомка, в данном случае российского социума.

В этой связи особенно характерно признание Г.П. Федотова:

«Москва питается северной Русью, ее духовными силами, ее трудовой энергией, но чувствуя ее за плечами, она смотрит на юг и восток...

Грозные цари взнуздали, измучили Русь, но не дали ей развалиться, расползтись по безбрежным просторам...

Вечная борьба со степью... как будто чужда ненависти. Овладевая степью, Русь начинает ее любить; она находит здесь новую родину. Волга, татарская река, становится ее «матушкой», «кормилицей...

Европеец... и русский... остро пронзены азиатской душой Москвы. Пусть не святыне и дикие, но вечно родные степи — колыбель новой русской души. В степях сложилось казачество (даже имя татарское), которое своей разбойной удачью подарило Руси Дон и Кавказ, Урал и пол-Азии. В степях сложился и русский характер, о котором мы говорим как о чем-то исконном и вечном. Ширь русской природы и ее безволие, безудержность, порывистость — и тоска, тяжесть и жестокость. Ненависть к рубежам и страсть к безбрежному. Тройка («и какой же русский не любит быстрой езды!»), кутежи, цыганские песни, «бессмысленный русский бунт», и мученический подвиг, и надрыв труда» (т. 1, с. 59-60).

Эта кажущаяся пестрота пронзительной азиатской души России — ее полифонический голос, исполнивший на сцене Евразии свою историческую симфонию — созвучие с голосами других народов, обитавших и обитающих на нашем континенте. Это созвучие было природно-стихийным.

Дирижером этого симфонического оркестра могла и должна бы стать элита общества, ее религиозные и духовные наставники.

Их роль в истории России, хотя и была значимой как посредника между властью и народом, но, к сожалению, не определяла ни направления государственного строительства, ни духовные устремления народа.

Несмотря на особую «святость Руси» мне все же представляется, что *религиозность русского народа была больше язычески-природной*, а духовенство больше следовало, чем направляло эту религиозность.

Несомненно, введение христианства на Руси способствовало приобщению русской знати к цивилизации Византии и Европы.

Книги, техника храмового зодчества, многие научные достижения пришли на Русь с запада, благодаря миссионерским усилиями православных монахов, византийских и итальянских архитекторов, голландских и английских судостроителей, немецких ученых и докторов.

Без этого влияния Россия еще медленнее приобщалась бы к достижениям европейской цивилизации, оставаясь в своей провинциальной доморощенной сермяжности. Но и переоценивать роль византийских миссионеров и местного духовенства в организационном строительстве русского государства и духовном воспитании народа, по-моему, не следует.

«Киев создавался на византийской почве» (т. 1, с. 73).

«Греческий священник с крестом, сопровождаемый дружинником с мечом, проповедовал не только новую религию, но и подчинение во имя этой религии княжеской власти» (Н.М. Никольский «История русской церкви» — М: Изд. полит, литры, 1983, с. 24).

«Путята крестил Новгород мечом, а Добрыня огнем» (там же, с. 23). Надо отдать должное: христианская религия по сути не меняла да и не стремилась уничтожить языческий подсознательный дух русского народа. Она довольствовалась, и преуспела в этом, привнесением в этот языческий дух внешней «христианской сознательности», сквозь которую прорывалось «дохристианское подсознание». По сути дела, на Руси «складывался принципиально новый, подвижный тип «мировоззрения» — православно-языческий двоеверный синкретизм» (Введение христианства на Руси. — М: Мысль, 1987, с. 265).

Православие приобщало Русь к цивилизации, однако долго еще не затрагивало глубинных чаяний народа. И находясь между князьями и народом, не доминировало в поведении и тех и других, а приспособлялось к действиям и помыслам.

Роль христианства в становлении, а затем и предотвращении распада государства не была определяющей.

Местное духовенство не смогло предотвратить распад Киевской Руси, главным образом, потому что ее миссионерское дело не затрагивало основ русской и государственной и народной жизни.

Византийское православие было рупором книжной мудрости, пытались создать начала юридического права, дополнительного к праву князей, но оно долго не находило отклика в русской душе и в русской мысли, которые питались лишь собственными языческими соками.

Лишь немногие церковные иерархи, такие, как например, первый русский (по происхождению) Киевский митрополит Иларион пытались утвердить религиозное христианское начало как ту духовную силу, которая соединила разрозненные племена в единый «русский народ», впервые упоминаемый в «Слове о законе и благодати».

Здесь «митрополит говорит о русском народе как о целостности, объединенной под властью Божией вокруг религиозного христианского начала... В этом стремлении к христианской святине как национальному идеалу — истоки русской соборности, «собранности» вокруг Церкви, сознания духовной общности народа, коренящейся в общем служении, общем долге» (Митрополит Иоанн «Самодержавие духа — очерки русского самосознания» — Спб: Изд. Царское дело, 1995, с. 35).

К сожалению, желаемое выдается митрополитом Иоанном за действительное.

Православная церковь стремилась стать «дублирующей политической структурой, помогавшей центростремительным силам противостоять силам центробежным» (Введение Христианства на Руси, с. 134), но это стремление по сути выражалось не самостоятельным идейным и духовным деланием, а лишь моральной поддержкой «сильных мира сего» против тех, кто хотел из-под этой силы выскользнуть.

Это объяснялось во многом тем, что Православная Церковь сама нуждалась в сильной государственности, но той, которая уберегла бы ее земли и вотчины от своего злейшего врага — католичества. Ибо «конечной целью всех устремлений пап продолжала оставаться мечта о порабощении русской Церкви. В своих посланиях папы требуют принуждать русских к принятию католичества и, наконец, объявляют всю Русскую землю на вечные времена собственностью, грозно предписывая рыцарям искоренять «проклятый греческий закон и присоединять Русь к римской церкви» (Митр. Иоанн, с. 84).

Именно этой религиозной конфронтацией двух ветвей христианства, каждая из которых пуще всего жаждала укрепить на этой земле свои духовные и мирские хозяйственные права, объясняется нынешнее стремление Церкви представить Александра Невского «святым заступником Русской земли», избавившим «святини русского Православия... от латинского поругания».

«Не бойтесь убивающих тело, — провозглашает Слово Божье, — бойтесь того, кто может и тело и душу погубить в геенне.

Душа России жила и дышала благодатью церковной. Монгольское рабство не грозило ей, неся смерть лишь государственному телу раздробленной удельной Руси. Смертельным повреждением угрожало русской жизни еретичествующее латинство. Благоверный князь знал это, поэтому уделом его жизни стала забота о сохранении мира с Ордой, под прикрытием которого он мог бы все силы бросить на отражение Рима» (там же, с. 83).

Опять-таки делается попытка отъединить душу и тело России, представив «богу — богову, а кесарю — кесареву».

Для Церкви, как видим, даже «смерть государственного тела» не была трагедией, а самым опасным представлялось латинство, ибо оно угрожало всей «русской жизни». По сути же церковь был тогда еще далека от жизни, а беспокоилась лишь о самосохранении в борьбе с католичеством.

Принципиальная разница между А. Невским и церковными иерархами заключалась в том, что князь в союзе с Ордой закладывал основы государственного тела будущей России, а Церковь разговорами о душе России стремилась к самовывживанию.

Душа России в то время еще не была заполнена «церковной благодатью», как и потом, в период расцвета святости на Руси. Православие в первый период формирования Московской Руси было занято своим организационным самостановлением, оно в лучшем случае проникло в сознание внешнего культурного слоя тогдашнего общества.

Идеи становятся деятельной силой, овладевая массами, только тогда, когда они медленно трансформируются из области сознательного в область подсознания и чувств.

Миссионерное православие в тот период еще не стало доминирующим чувством народа. Оно само становилось на ноги на русской почве благодаря тому, что трудолюбиво училось естественной народной духовности, языческой природной религиозности, записывая народные сказания о вольной жизни церковным языком уставов.

Душа же России ... опиралась на подсознание простого народа, который принимал православие на веру, но его деятельная духовная натура дышала благодатью природно-этнической, а отнюдь не книжно-церковной.

И потому, думаю, велико значение Александра Невского в русской истории, что он выступал не против Рима, а за союз с Востоком, понимая внутренним чутьем, что и душа народа скорее примет природное восточное мировоззрение, чем западную схоластику; и телу государственному нарождающейся России нужно было особое обустройство, более близкое иерархическому управлению по типу Орды, чем прежнее княжение типа Киевской Руси, оказавшееся нестойким не только из-за внешних набегов с запада и с востока, а из-за внутренней неорганизованности в связи с отсутствием у древних поднепровцев той идеи общества, которая объединила бы в единое целое княжеские верхи и простой люд.

У Московии, в силу бытового слияния разнокоренных племен, такая идея всеединства природы, человека и общинного социума, когда руссы и россы, лесные и степные братья ощутили далекий голос общих предков, уже стала проявляться как на уровне естественного подсознания людей всех сословий, так и на уровне правителей, поворачивающих колесо государственной жизни в восточном направлении.

Я считаю, что Московское государство не только сложилось, но и выжило потому, что в этом регионе в результате соседского общежития различных народов, объединенных к тому же постоянным переливом пассионарности от одних к другим в пределах общей исторической судьбы — вихреобразного перемещения и перемешивания народов на просторах Евразии, сформировался особый национальный субстрат в виде многонародной нации.

Именно эту «плотную народность — великорусское племя» (по определению В. Ключевского, т. 1, с. 369), эту многонародную нацию Н.С. Трубецкой (см. История. Язык. Культура, с. 423) назвал впоследствии «евразийской». Тот, кто опираясь на этот многонациональный субстрат как на единое целое, заложил идею русского государства как организационной структуры органического (природно-духовного и суперэтнического) единения народов — князь Александр Невский — и является, по моему мнению, первым «евразийцем» в нашей и будущей истории.

К сожалению, Церковь еще переживала период религиозной обструкции друг по отношению к другу, искала в лучшем случае временных союзников, а потому не стала духовным наставником русского народа и русских князей в период устроения единства души и тела России как общего евразийского государства и общей семьи народов.

Ситуация изменилась, когда в Византии произошел раскол православия на официальную религию, пошедшую под влиянием Палеологов, пытавшихся удержаться на константинопольском троне базилиевсов за счет помощи Запада, на религиозную унию с папским престолом, и афонское монашество, хранившее традиции православия и несшие их в народные массы.

На Руси рьяным последователем афонских монахов и основателем первой киновии (монашеского общежития) был Сергей Радонежский. Его несомненной заслугой в русской жизни было то, что он соединил в себе религиозную христианскую устремленность не к мирским благам, а к духовным ценностям, с деятельным участием в создании «общежительных монастырей», которые играли в гуще и глуши народного бытия роль не только духовного врачевателя, но и роль «домов общественного призрения»: больниц, школ, библиотек и т.п.

Вот эта деятельная близость отца Сергия к деятельной и духовной жизни простого люда позволила ему и его последователям стать подлинными наставниками народных масс, а уже отсюда и прислушивавшихся к этому внутреннему голосу своих подданных русских правителей.

Между церковью официальной, кормящейся около государственного тела России и поддерживающей власть из инстинкта самосохранения, и народным православием существовал великий раскол. Первая строила в городах храмы,

которые своим величием отражали пышность (мощь) власти, церковного и государственного иерарха. Последователи же преподобного Сергия строили монастыри и несли людям не просто образцы смирения, а организовывали общинную жизнь.

Попытка соединения обеих церковных ветвей была предпринята во времена Дмитрия Донского митрополитом Алексеем, предложившим преподобному Сергию после себя митрополичий престол в Москве, от которого тот отказался в пользу своей истинно миссионерской деятельности.

Почему же Сергий, погруженный в истинно духовную жизнь простого народа, и, казалось бы, далекий от дел государственных, все же подвигнул князя Дмитрия на Куликовскую битву?

Самым простым и отчасти справедливым является официальный ответ, гласящий, будто православие стало одним из столпов российской государственности, а отсюда и глубинный клич из народа на борьбу с нехристями за святую Русь.

Но ведь и Орда и сама Русь (до того и после) всегда отличались веротерпимостью; и именно это предопределило само возникновение православной Московии и достаточную прочность многонациональной и полурелигиозной Российской империи.

Сказать, что простой русский народ так уж натерпелся от татаро-монгольского ига, что только и ждал удобного момента освободиться от «поганных», можно. Но это не совсем так. Ведь с начала правления Ивана Калиты, замирившегося с Ордой, «бысть оттоле тишина велика по всей Русской земле», ибо «престаша татарове воевати землю Русскую» (цит. по В. Ключевскому, т. 1, с. 345).

Церковная и государственная историография умалчивает, что Сергий выступал не против татар вообще, и даже не против мусульманина Мамаю, враждующего с законным наследником ханов Золотой Орды — Тохтамышем, стоявшим во главе волжских и сибирских татар.

Сергий рьяно выступал против латинян, которые с помощью Мамаю пытались под видом генуэзских купцов проникнуть на Русь.

Но когда суздальский епископ Дионисий спровоцировал убийство татарских послов, а Мамай в ответ учинил резню в Нижнем Новгороде и пошел на Москву, Дмитрию Донскому не составило большого труда добиться благословения Сергия на общенародную битву с Мамаем, пытавшимся объединиться с литовчанином Ягайло.

Куликовская битва не была ни первой ни последней в этом военном противостоянии Дм. Донского с Мамаем. И считать, как это делает Л. Гумилев («От Руси до России», с. 174), будто именно Куликовская битва, где из 150 тысяч русских 120 тысяч пало на поле брани, стала становлением объединенного русского суперэтноса, вдохновленного идеями православия, нет достаточных оснований.

Суздальские князья по-прежнему интриговали против власти Дм. Донского, в результате чего даже давний его союзник — Тохтамыш заподозрил русских в сговоре с Литвой и позднее разорил Москву.

Так православное духовенство, борясь против своего заклятого врага — латинян, обратило народные устремления против «татар», и те неизбежные столкновения соседей, которые явились следствием их пассионарной активности в истории, были преподнесены официальной историографией как пресловутое татаро-монгольское иго и борьба русского народа за свою независимость, за «святую Русь».

Кстати, значение слова «иго» — не только «гнет, ярмо», но и более общее — «соединение, перемычка».

Именно в этом последнем соединительном значении можно говорить о русско-татаро-монгольском «иге», а не в смысле противостояния, взаимоподчинения и угнетения народов друг другом.

Золотоордынские ханы-язычники были более веротерпимыми к русскому православию.

«Все чины православной церкви и все монахи подлежат лишь суду православного митрополита, отнюдь не чиновников Орды и не княжескому суду... Кто осмелится издеваться над православной верой или оскорблять церковь, монастырь, часовню — тот подлежит смерти без различия, русский он или монгол.

Да чувствует себя русское духовенство свободными слугами Бога».

Что это — наставление Московского князя или митрополита? Нет, это указ хана Узбека (см. Э. Хара-Даван «Чингис-хан...», в сб. «На стыке континентов и цивилизаций...», (с. 263).

Вот такому добрососедству в вере и в быту и следовали, по большому счету, наши народы, в то время как православные иерархи проповедовали противостояние двух религий и двух наций.

Преподобный Сергей, заслугой которого несомненно является деятельное участие в становлении подлинно народного православия, поневоле внес свою лепту в это противостояние двух евроазиатских народов. И не желая того, он по сути дела сыграл на руку своим заклятым врагам-латинянам, отворотив лик России от востока и содействуя прозападным тенденциям в русском обществе.

И хотя государственное тело России, пусть и замедлило свой рост противостоянием с остатками Орды, но неизменно приумножалось движением на Урал, душа России металась между цивилизованным западом и метафизическим востоком. И в этих метаниях духовные наставники России не могут определиться и до сих пор.

Разумеется, метались не только духовники. Метались и правители России. Крутой поворот колеса исторического развития России предпринял Петр I, попытавшись обустроить страну по западному образцу.

И многое ему удалось. По крайней мере, в России стало две столицы: одна глядела в окно, прорубленное в Европу, другая была пронзена азиатской душой.

Двуглавый орел раздирал тело и душу России надвое.

Больная совесть народа

Так назвал кто-то из видных революционеров (кажется, В.Г. Белинский) русскую интеллигенцию.

Ее болезнь состояла в раздвоенности: умом она тяготела к западной цивилизации, но «умом Россию не понять» — сердцем интеллигенция стремилась соединиться с душой народной, которая была полна языческого природного евразийства.

Надо прямо сказать, что русская интеллигенция всем своим поведением, действенным и лозунговым, так и не смогла преодолеть свою болезнь; а по большому счету усугубляла раскол общества на умничающие «верхи» и подсознательно умствующие «низы».

Книжное умничание русской интеллигенции в виде пиетета перед западной цивилизацией, несущей на Русь материальные средства культуры: письменность, зодчество, художества, застилало ей глаза и не позволяло видеть исконный природный подсознательный ум народа, шедший не от формы, а от сути духовной и бытовой жизни.

Но форма и содержание — это не следствие и первопричина, а всего лишь две взаимодополняющие стороны жизни. В этом отношении интеллигенция всегда противопоставляла природный тяжелый инерционный нрав русского человека и внешнюю так называемую «культурность», несомую образованностью и организованностью западных учителей.

Достаточно вспомнить, что первая группа из 18 молодых людей, посланная Борисом Годуновым для обучения за границу в надежде использовать этих будущих интеллигентов на ниве народного просвещения, так и не вернулась на родину. К сожалению, и впоследствии большинство прошедших западный курс наук также оставались на западе, польстившись на лучшие условия работы и жизни на чужбине. Так образованность вела к космополитизму, а народ оставался, как говорят, «при своих интересах» — при внешнем невежестве, но при глубокой природной сметке, давшей миру своих Левшей и малахитовых дел мастеров Данил.

Русская культура, основанная на природном воображении и таланте певцов и строителей, художников и музыкантов, ученых и поэтов, развивалась сама по себе, а образованность общества, осуществляемая, как правило, чужеземными учителями и гувернантками, затрагивала лишь узкий слой высшего общества. Между «низами» и «верхами» была дистанция огромного размера. «В люди» пробивались лишь единицы типа Ломоносова, Максима Горького. Именно они-то и составляли тот здоровый слой русской интеллигенции, который сплачивал общество воедино, но как узок этот слой во всей русской истории.

И глубоко прав А. Блок, писавший в статье «Народ и интеллигенция»: «Между интеллигенцией и народом была и есть та самая «недоступная черта», которая определяет трагедию России... Если интеллигенция все более пропитывается «волею к смерти», то народ искони носит в себе «волю к жизни»...

Гоголь и другие любили представлять Россию как воплощение тишины и сна. Но... заливаются колокольчик и... тройка, вокруг которой «гремит и становится ветром разорванный воздух», — летит прямо на нас. Бросаясь к народу, мы бросаемся прямо под ноги бешеной тройки» (Соч. в 2-х т. — М: Изд. худож. литры, 1955, т. 2, с. 89-90).

И это, написанное великим эстетом и интеллигентом в начале XX в., характеризует взаимоотношения между народным физическим телом общества — его массой и элитарным слоем интеллигенции на всем протяжении и прошлой и нынешней российской истории.

Родословная русской интеллигенции восходит к эпохе Петра I, (первого русского интеллигента — по определению Д.С. Мережковского), пытавшегося вспахать народную природную целину и засеять ее семенами западных, в основном немецких «цветов образования». И делалось это, сильничая над русской полубоярской, полукрестьянской ментальностью.

Укоренившийся местный чертополох глушил иноземные ростки, а тот слой пахарей-рассадников, который только и мог взрастить «разумное, доброе, вечное» на российской почве, раздваивался между внешней образованностью и не принимающей ее народной массой, которая то сонно прозябала в глуши российских просторов, то вдруг спохватывалась и яростно махала дубиной налево и направо, круша все и вся. А потом, утомившись, вновь заваливалась на печь или в беспробудном пьянстве глушила заунывную тоску о несостоявшейся жизни.

На мой взгляд, следует различать деятелей русской культуры и интеллигенцию. Первые, питавшиеся народными соками, сумели не только сохранить предания и сказки Арины Родионовны, русскую камаринскую, «Троицу» А. Рублева, но и органично вплести народную культуру в нетленное полотно современного искусства.

Они понимали главное в русской душе — ее возвышенность над бытием, именно возвышенность, а не оторванность.

Интеллигенция же на Руси была «идейной» и «беспочвенной», по определению Г.П. Федотова (т. 1, с. 70). «В идее сливается правда-истина и правда-справедливость» (там же). Но интеллигенция так и не смогла сформировать «русскую идею», ибо питалась в основном западными соками. Ее ученичество у Запада привело к потере собственного взгляда на русскую жизнь, а потеряв почву под ногами, интеллигенция застряла посередине между государственно-университетской «образованщиной» и православно-народной «культурой» — бескультурьем.

Недаром и сам термин «интеллигенция», введенный в русский обиход в 1886 г. П.Д. Боборыкиным, означал по сути всего лишь «образованный класс», оставляя в стороне такие необходимые качества «мыслящего пласта» общества как понимание самосознания русского народа, проявляющегося не только в годы суровых военных испытаний, но и в рутинной повседневности, явно чуждой нашей национальной психологии.

Не распознав правду-истину, интеллигенция уж тем более не сумела принять правду-справедливость, которая и составляла суть народного бытия и духа.

«У нас питомником интеллигенции было дворянство» (Г.П. Федотов, т. 1, с. 146). Но дворянство само есть порождение Петровских реформ, которые раскололи Россию надвое: «на два общества, два народа, переставших понимать друг друга. Разверзлась пропасть между дворянством... и народом... — та пропасть, которую пытается завалить своими трупами интеллигенция XIX в.» (там же, с. 80). Характерным было движение декабристов, пытавшихся совместить революционно-демократические идеи западного либерального общества с русской действительностью. Но даже В.И. Ленин был вынужден признать, что «страшно далеки они от народа». И хотя они разбудили Герцена, «колокол» которого звучал набатом в ушах русской интеллигенции, но передовые умы России еще долго пребывали в растерянности, к кому примкнуть: к власти или к простолюдинам. И «она (интеллигенция — В.Б.) целое столетие делала общее дело с монархией... Она целый век шла с царем против народа, прежде чем пойти против царя и народа (1825-1881) и, наконец, с народом против царя (1905-1917)» (там же, с. 82).

Период самоопределения русской интеллигенции затянулся более чем на столетие. Внутренние споры «западников» и «славянофилов» были так далеки от реальной жизни, которая шла своей колеей, оставляя на обочине российскую интеллигенцию.

Проникновение образованности в массы породило разночинцев — народников. Но и они, вместо того, чтобы словом и делом вести простой люд за собой, кинулись на колени перед народом.

Преклонение перед патриархальным крестьянством, а затем и перед полуграмотным пролетариатом было не понято и не принято ни тем, ни другим.

И даже победивший в 1917 г. пролетариат вышвырнул из страны почти всех интеллигентов старой закваски не потому, что он не нуждался в умственном слове. Он отторгнул тех, кто за словами о мировом социализме не понимал особенностей русской духовности; тех, кто за словами о православной благодати русского народа не видел убожества его материальной жизни.

Русским революционерам, в основном, интеллигентам новой волны, удалось повести за собой народные массы только тогда, когда они, с одной стороны, предложили им вполне понятные ответы на экономические вопросы: земля — крестьянам, фабрики — рабочим, сыграв на частнособственнических чувствах первых и общинных интересах — вторых.

Но еще более важным условием их успеха было то, что они сумели исконную русскую веру в социальную справедливость сделать новой массовой религией — опиумом для народа.

По сути дела, это был единственный и уникальный случай в русской истории, когда интеллектуальная элита общества сумела повести за собой народные массы, к сожалению, лишь на ломку старого прогнившего строя, на «последний и решительный бой», разрушивший до основания старый мир. Однако строительство

нашего нового мира было отдано на откуп новой власти, также достаточно быстро оторвавшейся от народа, но еще в большей степени, чем монархия, невзлюбившей критикующих все и вся интеллигентов.

Партия как организующий идеологический орган сумела на первых порах соединить интеллектуальный потенциал российской интеллигенции, выученной у западных специалистов, со стихийной народно-православной тягой народа к социальной уравнительности, создав на русской почве новый общественный порядок.

И как бы сегодня мы критически не воспринимали этот «социальный эксперимент», он впервые в русской истории показал принципиальную возможность (в отличие от Петровских и Горбачевско-Ельцинских реформ) соединения интернационального экономизма с исконно нашим глубинно народным мировоззрением, обращенным не к немецкой практичности, а скорее к азиатской созерцательности и импульсивности в труде, в любви, в жизни.

К сожалению, отсутствие у партии долгосрочной программы действий, соединяющей стратегический ум интеллигенции и недопустимость (особенно для России) однообразия прежних лозунгов, привело к вырождению социальной идеи и необходимости спасать государственное тело страны за счет ущемления и уничтожения ее души, «больной совести» народа, которая так и не смогла стать здоровым началом общества.

Интеллигенция, которая так до конца и не поняла «наше собство», встала перед дилеммой: встать на колени перед народом или перед властью. Она выбрала последнее.

Ее едва хватало на робкие критические стрелы в безвоздушное абстрактное пространство. В наше время — в период гласности она наверстала упущенное: стала кидаться одновременно и на поверженную власть и на народ, обвиняя его в том, что он «отстал» от мировой цивилизации. Но она так и не поднялась до роли народного демиурга, не сумев выдвинуть идею — религию, которая бы сохранила наше национальное евразийское своеобразие с земными материальными потребностями народа во благах цивилизации.

Идея Рериха и других моралистов в личном осознании каждым россиянином своего духовного космического предназначения — это сказка, красивая, но не могущая накормить и одеть народ.

Русский квазипатриотизм, славяно-националистические предложения А.И. Солженицына «обустроить Россию» в отрыве от ее «среднеазиатского подбрюшья» также далеки от исторической перспективы, как и попытки монетаристов типа Гайдара навязать россиянам бездуховно-материальные «общечеловеческие ценности».

Пожалуй, только один из современных российских интеллигентов — А. Сахаров сумел предложить Евразийскую конституцию, которая могла бы сохранить единство всех народов Союза на началах подлинной гуманности и общинности.

Но и он и его т.н. последователи — неолибералы, возвеличивая Человека как Личность, не воспринимали наше Отечество как иерархическую суперэтническую систему, сила которой приумножается сохранением своего национального своеобразия каждым из народов и согласованностью их устремлений в главном — в приверженности общему евразийскому экосу, общей евразийской космоприродной спирали развития человечества.

Россия до тех пор будет находиться на перепутье и не найдет свою дорогу, пока ее лучшие умы не сумеют соединить наше иррациональное восточное «собство» с западным рационализмом и американской практичностью.

А точнее говоря, нельзя соединять одно с другим.

Просто надо выращивать наше будущее на собственной почве, переваривая мировой опыт собственной душой и собственным телом.

Путеводную звезду России можно увидеть лишь собственными глазами.

Увидим?!

ЧАСТЬ VI. МЫ — РОССИЯ

Канун

Я начинаю эту последнюю (?) главу своего триптиха накануне Президентских выборов в России, намеченных на 16 июня 1996 г.

До этого срока еще ровно месяц, и можно было бы отложить свои размышления до того момента, когда определится очередная правительственная программа этой истерзанной бытом и социальными экспериментами страны. Ельцин, Зюганов или кто-то еще?

Но какое это имеет значение? Роль личности в истории определяется тем, насколько власть действует в согласии с историческим спиралеобразным стрелем развития всего человечества с учетом особой роли в мире своего народа.

Затормозить это развитие можно ценой потери главного — времени. Может быть, и не одно поколение окажется потерянным, «выпадет в осадок». По большому историческому времени этот откат от главного стрелы может оказаться ничтожно малой величиной. Но каково нам — тем, кто будет блуждать вокруг столбовой дороги, тратить свои невосполнимые силы и свое невозвратное время.

К сожалению, любой из нынешних претендентов, по-моему, не понял главного: Отечество нельзя возродить без усилий самого народа, сверху, по рекомендации чужих или своих доморожденных пророков, также оторванных от русской почвы и пытающихся научить нас чужому опыту.

Народ уже давно самоопределился. Он отторгает и отторгнет всякого и все, что будет противоестественно для его нрава, воспитанного многовековым предшествующим опытом. Надо только видеть и понимать эту историческую ретроспективу не на 5 и даже не на 75 лет назад, а на много столетий, главное, событий, выковавших наш собственный национально-исторический характер — наш архетип. *Чужого нам не надо, но и своего — не отдадим.*

Нет, мы — не замшелые консерваторы, которые любой ценой стремятся сохранить «status quo». Наша супернациональная, точнее говоря, суперэтническая ментальность и ее отражение в структуре общества и государства — вещь, хотя и достаточно инерционная, но подверженная тем внешним воздействиям, не ломающим ее через коленку, а врастающим в нее как новые побеги на старом стволе, который в свое время, обесплощенный, будет отторгнут новой структурой. И это стремление привить новые нравственные побеги на ствол русского характера может быть плодотворным, только если это не противоречит исходному архетипу. От садовника требуется не только желание, но и умение предвидеть последствия, как правило, интуитивно, ибо в природе нет ни теории, ни опыта подобных социальных экспериментов.

Вернее, опыт-то есть, но и Петр I, и Ленин-Сталин, и ныне Ельцин-Гайдар — реформаторы-силовики пытались сломать ствол российского дуба, а на его место посадить западную розу. В результате — ни розового дуба, ни дубовой розы. Ибо нет приспособленного к нашей почве ствола — идеи.

Задачей пророков, которых можно Сыскать только в своем Отечестве, является трансформировать нравственные устремления народа и ведическое знание, основанное на осознании общего космического строжневого пути, в новую русскую идею, которая, в свою очередь, подвигнет народ не на слепое следование власти, а на самодвижение в том направлении, которое он понимает и принимает нутром, подсознательно, но пока-что не может выразить словесным лозунгом.

Может быть, можно было бы обойтись и без лозунгов в надежде на то, что все само собою скажется, само собою образуется.

Но массе нужно организующее и воленаправляющее начало, нужна идея, которая бы двинула ее решительно вперед.

Она-то и должна быть озвучена властью предержащим лидером, если он хочет идти во главе исторического процесса, а не быть затоптанным той самой русской тройкой, которую долго запрягать, но уже если кинется в путь, то...

Нынешние претенденты так и не смогли сформулировать эту новую идею, без которой движение в историческом направлении невозможно, а возможно лишь топтание на месте, напрасная трата сил и времени.

А может быть, и вовсе не пытались, акцентируя внимание лишь на экономических реформах, которые есть не самоцель, а лишь одно из средств создания материальных условий бытия народа. Но «не хлебом единым жив человек», а русский — тем более.

Он жив прежде всего идеей. А «идеи начинают оказывать свое действие только тогда, когда они после очень медленной переработки преобразовались в чувства и проникли, следовательно, в темную область бессознательного», — писал еще в середине прошлого века социолог Г. Лебон в кн. «Психология народов и масс» (СПб. 1995, с. 14). И почти сто лет спустя этот же тезис был повторен в Кратком курсе истории ВКП(б): «Идеи, овладевшие массами, становятся мощной производительной силой».

К сожалению, прямолинейные лозунги типа «наша цель — коммунизм» либо «сделаем всех собственниками» не затрагивают душу народа, не переходят из стадии голословных утверждений в чувственное, подсознательное для масс.

Но и также и одни морализаторские лозунги «Живой этики» Рериха типа «самоусовершенствования» или призывы построить «духовный ведический социализм» (Вл. Данилов «Евангелие от ариев» — М.: Воля России, 1996), предав забвению материальные потребности людей, сводя их к вегетарианскому питанию, лишены какого-либо прочного основания.

А потому народ остается равнодушным и к носителям этих т.н. идей, хоть слева, хоть справа.

И это равнодушие переносится и на личности лидеров, которых масса воспринимает не по их программам, а лишь по внешнему имиджу.

Причем следует различать роль лидера, организующего движение народных масс, и лидера-вещуна, который сознательно или скорее подсознательно проник в

карту общепланетарных течений жизни и как штурман выбирает по ней курс своего народа.

Представить себе С. Радонежского, А.М. Горького или А. Д. Сахарова в роли Правителей государства невозможно, а Дм. Донской, В. Ленин и Б. Ельцин в значительной степени управляли страной по заветам этих «вещунов». А сейчас. Нет идей, нет «вещуна» — «в стране хаос».

Поэтому правителя страны надо избирать не всенародно, а советом «мудрейших».

В противном случае толпа на выборах изберет не достойного капитана, а «демагога — вождя народа» по своим, как правило, внешним примитивным представлениям.

Как грубо, но вместе с тем искренне ответила одна из избирательниц на вопрос корреспондента «Литературной газеты», что она думает о Ельцине:

— Мужчина видный, голос громкий. А что он выпивает и женщин любит, так на то он и мужик.

Вот чем формируется в глазах обывателя образ-имидж Лидера.

А мы — о каких-то идеях. И все же...

Выборы состоятся, генсеки и президенты приходят и уходят, а внутренняя потребность народа в какой-то сверхидее была и останется.

И размышлы мои на эту тему не потеряют своей актуальности еще долго, поскольку не то что сформулировать для народных масс России эту идею в канун ХХI века никто пока не смог. Потребность в такой идее еще далеко не всеми осознана.

Навязать народу путеводительную идею извне трудно и даже почти невозможно. А вот возбудить массы к интуитивному осознанию необходимости, востребованности новой общественной идеи и необходимо, и возможно. По крайней мере, пытаться сделать это крайне важно.

XX век — это трамплин в третье тысячелетие, и не со дня рождества Христова, а с того исторического момента, когда человечество почувствовало себя духовно осознающей Личностью, наполненной идеей не бессмысленного существования, а всеобщего служения Абсолюту, принявшему образ Бога.

Бог, как я уже писал, это горизонт, отражающий наше текущее (данное, относительное) представление об Абсолютном, которое не только многогранно и неисчерпаемо, но и динамично развивается по общей космической спирали. А ее параметры сами зависят от той ноосферной энергии (информации, образов, идей), которую мы — люди генерируем в окружающий космос.

Первая тысяча лет на Руси — это был период языческого подсознательного слияния отдельного человека с абсолютной идеей; вторая — прошла под знаком стихийного православия, не уничтожившего идею культа Природы как Абсолютного Начала, а умножившего гранность этой Идеи появлением человекоподобного Бога.

Канун Третьего Тысячелетия — это появление триединой:

Идеи — Природы, Духа — Разума и Социума.

Но это должны быть не изолированные грани триптиха, а взаимообусловленные, пронизывающие друг друга слои живой Природы, разумного Духа и духовного Разума.

Разумеется, Мир — не трехгранник. Каждый из его семи миров (см. вып. 2 «Путь Эго») делится на семь составляющих, а каждая из составляющих — на свою семирицу и т.д. И эта многокоординатность мира как океан в капле воды взаимно отражается в Человеке как самосознающей и себя и окружающую Среду монаде Человеческого Социума и космической Ноосферы. Отражается не как фотография прошлого и настоящего, но и как скрытая потенция будущего.

Каким будем Мир, таким будет и Человек. И наоборот, путь естественного развития Человека определит судьбу Человечества и страженья Мира.

Управляем ли этот процесс или он предопределен некими общими законами космической природы? Да ... и да.

Предопределен ... настолько общим законом спиралеобразного развития множества открытых миров с собственным циклом жизни индивидуальной подсистемы, но с наращиванием негэнтропии всего объединения взаимодействующих частей.

Этот общий закон для систем, включающих не только косный мир, но и самосознающую часть природы — субъективную индивидуальную и групповую личности, всегда оставляет свободу выбора, перекрывающую почти все реальные возможности субъектов, так что создается иллюзия полной свободы воли, полного самоуправления.

И эта полоса самоутверждения человечества — не узкий проход между Сциллой и Харибдой, хотя неумелые лоцманы могут и бросить наш земной корабль на скалы.

Поэтому по большому счету прав историк М. Гефтер, утверждая в кн. «Иное. Россия как идея» (М: «Аргус», 1995, с. 91): «что делать?» у каждого (мира, народа, человека) — собственное, свое. А вот «чего не делать» подлежит скрупулезно оговоренной унификации, поэтапному обобщению и обобществлению».

Многие грани этих ограничений носят общечеловеческий характер, но у каждого народа, у каждой страны есть и свое дополнительное «вето», основанное на собственной ментальности, собственном мироощущении и собственных принципах мирозидания.

Сегодня в канун третьего тысячелетия мы — человечество должны прежде всего сделать осознанный выбор самоограничительных рамок, того, чего нельзя делать, ибо незнание границ допустимости наших действий и неумение предотвратить свой волюнтаризм, чреватый нарушением этих границ, является главной опасностью для человечества, представляющего собой корабль с мощным двигателем, но со слабой навигационной системой и с полутрамотным штурманом.

А Сцилла и Харибда современности — это, с одной стороны, угроза техногенного и информационного истощения жизнеобеспечивающих ресурсов планеты, в том числе угроза ядерного, химического, сексуально-наркотического, телевизионного и др. самоуничтожения человечества; с другой стороны, — атрофия духовно-разумных начал жизни, без чего мы обречены на животное-растительное потребительски-плотское существование, не привнося в ноосферу новые знания, образы, идеи, без чего эта сфера жизни — наша питательная среда станет отравленной скоропортящимися продуктами бездуховного меркантилизма, разврата и агрессии.

Раньше эти угрозы были не столь актуальными, ибо наш потребительский аппетит не мешал самовосстановлению природы, а наше природопочитание (язычество) несло нас по течению, естественно избегающему столкновения с рифами и скалами, опасными для существования общечеловеческого племени. И мы все, разбросанные по разным материкам и континентам, не мешали друг другу, не пытались верховодить, крутя штурвал общего корабля.

Сегодня мы приобрели огромные энергетические и коммуникационные возможности, приобрели силу, а еще больше — самомнение о своих способностях, нам хочется «поругать» влево-вправо и с размахом. *Мы научились «что-то» делать, но еще не поняли того, «чего делать нельзя».*

И это осознание «чего делать нельзя» имеет для России в канун третьего тысячелетия самодовлеющее значение, ибо наша страна в силу своих географических просторов, в силу разнородности населяющих ее европейских и азиатских народов, каждого со своим отличным от других природным, религиозным и нравственным менталитетом, в силу своего исторического опробования различных социальных и государственных схем, в силу сохранившегося в подсознании языческого и впитавшегося в душу народа монотеистического миро-ощущения представляет собой уникальную в мировом масштабе модель мироустройства, на которой мировая судьба обыгрывает всевозможные сценарии и варианты своей реализации.

Канун третьего тысячелетия для России — это переломный момент ее истории, ибо мы — на излете своей пассионарности, начавшейся 850 лет назад с зарождения Московии. Россия как основная часть бывшей романовской империи, бывшего СССР устала нести бремя супердержавы, она — при смерти своего прежнего материально-географического тела.

И из-под обветшавшей личины должно появиться что-то новое, обремененное памятью своего прежнего существования (от этого не избавишься), но таящее в себе иные возможности организовать себя как новое сообщество «разноединых» субъектов.

Каждый — индивидуум, со своим «Я», но не как капля воды, однородная с массой океана, а как монада общества, несущая в себе его общую генетическую структуру, подчиняющаяся его общей динамике — стрелевому потоку бытия и духа, и в то же время окрашенная своей индивидуальностью, своими линиями на ладонях, своими отпечатками пальцев, ума, духа и судьбы.

Но есть индивидуализм и индивидуальность. «Он» — стремится к доминанте своего «Я», «Она» — к прочувствованию и пониманию своего «Я». Западный индивидуализм и российская индивидуальность — без осознания принципиальной разницы между ними, при той то ли путанице понятий, то ли осознанной нивелировке всех и вся под прессом так называемых «общечеловеческих ценностей» невозможно сформировать ни свой индивидуальный сценарий жизни, ни сформулировать ту идею, которая когерентным лучом направит энергию индивидуумов в общий поток жизни, не тождественно, но синхронно объединяющей жизнь каждого в коллективную судьбу страны и общества.

Разумеется, в разных странах и степень организации общества различна, различны и организующие факторы, в том числе и роль лидеров. В России субъективизма гораздо больше, как плохого, так и хорошего. Иногда он подавляет индивидуальность своих граждан не столько властью личного авторитета, сколько авторитетом личной власти, доставшейся, как правило, по воле случая — судьбы.

Для русских авторитетна не Личность, а харизматическое восприятие Лидера, который и вроде бы «свой в доску» и в то же время недостижим в силу своего властного положения.

Таким был Сталин с его внешней скромностью, Хрущев, по-свойски кажущий «кузькину мать» всем этим чопорным джентльменам в ООН. Таким предстает в предвыборной ярмарке и Ельцин — импозантный среди серого окружения и привлекающий своим пышным царским выездом к народу, своей истинно русской импульсивностью в действиях и решительностью в словах.

Как бы «правильно» ни говорил Зюганов, его сутубо внешний облик не вызывает у простого люда энтузиазма, ибо в нем много рассудительности и мало «огня в глазах». На выборы надо идти не с программой, а с броскими лозунгами, зажигательными словами, в резонанс не со своим собственным миропониманием, а с потаенными чаяниями массы избирателей.

Харизма А.И. Лебеда как решительного генерала, обещающего главное — навести в хаосе воровского индивидуализма хоть какой-то порядок, привлекает к нему симпатии не только восторженных поклонниц, но и степенных разумных мужиков. Недаром он про себя и про Ельцина уверенно заявил: мы — мужики, значит, договоримся.

Да, нам нужны договаривающиеся «мужики», им — вера. Но еще больше нам нужна вера не на один день, а уверенность и для себя и для потомков. Нужен не только сиюминутный харизматический лидер, которого СМИ могут «раскрутить», а могут и «закрутить» либо предать забвению.

Нужна Личность, соответствующая задачам рубежа тысячелетий, Личность как носитель российской общественной идеи третьего тысячелетия.

Култ Личности для россиян — не самое худшее. Была бы Личность.

Роль Личности в русской истории всегда была гипертрофировано значима, но особенно ответственна она во времена великих переломов, подобных тех, которые мы переживаем в этот поистине исторический переломный момент.

Мы сильны задним умом, понимая «опосля», что опять поставили «не на ту лошадку» и опять проиграли.

Так давайте же попытаемся не просто выбрать из двух зол меньшее, не просто интуитивно угадать, с кем и куда нам плыть дальше.

И если Личность — демиург народа еще не заявил о себе и о своем видении «русской идеи» на третье тысячелетие или хотя бы на его начало, то «не следует ли попытаться самим сказать, если не о том, «что делать», то хотя бы о том «чего делать нельзя».

Попытаемся же в это смутное время понять разумом и осознать чувством свое «собство», понять, что же мы русские — «такое», в чем наша слабость и сила, с кем и с чем нам сподручнее обрести себя в качестве граждан своего Отечества и всего Мира в новом наступающем XXI веке.

Так уже совпало по времени, а я думаю, что в этом есть и некоторая природно-космическая закономерность, что **начало нового века, а тем более тысячелетия — это не просто «круглая дата», это начало нового мироустройства, основанного на парадигме «единства разнообразия» всех народов и личностей.**

И Россия как модель этого нового Мира, наиболее адекватная природно-космическому и национально-социальному «Всеединству», опять «впереди планеты всей». Это «пионерство» во всем — ее судьба и предназначение.

На мой взгляд, главное, чего нельзя делать россиянам — это потерять свой чувственный индивидуализм, поддаться стремлению унифицировать себя в т.н. «общечеловеческих ценностях», которые есть нивелирующий хаос похлеще социалистической уравнительности, ибо ведет к духовной энтропии народа.

С другой стороны, России пора перестать «выпендриваться» перед всем миром своей военно-ядерной мощью, которая опасна не сама по себе, а тем, что ее соединение с неосознанной волей политиков, мнящих себя хозяевами мира, приведет к появлению сверхкритической массы, запускающей цепную реакцию деления и уничтожения и страны, и мира.

России пора перестать мнить себя супердержавой, обладающей несметными природными, в первую очередь топливно-энергетическими ресурсами. Ибо третье тысячелетие научит, наконец, людей, питаться энергией космоса и земли не путем ее количественного обжорства, а путем эффективной регуляции внутренних жизненных потоков энергии «ци», путем использования солнечного тепла и света, космических воздушных вихрей и продуцированной биомассы для самообеспечения всех и каждого в конкретных полезных энергетических услугах.

Я думаю, России пора перестать грезить о некоем духовном космическом водительстве для всего человечества.

Мы своей безудержностью при реализации опорочили благородную социалистическую идею, с помощью которой ее авторы — и Христос, и К. Маркс пытались воздать каждому по труду (по делам его), требуя взамен от каждого — по способностям. Но извечное стремление человека (любой системы) к минимуму действия позволяло каждому «проехаться» за счет соседа, не растрачивая весь свой потенциал, от чего он, к сожалению, стал гнить организм изнутри.

Так же невосприимчивой окажется и идея русского космизма — великорусской исключительности богоизбранного народа, каким уже представляли и жители «поднебесного Востока», и евреи, и немцы, и американцы.

Казалось бы, живи, как живется. Ан нет. Жизнь — это не слепое следование общим эволюционным законам природы: плодись и размножайся.

Чувственная подсознательная и разумно-духовная индивидуальность россиян — это как самоосознание женщиной своей исключительности, достигаемой гармонией тела и внутренней привлекательности, исходящей из тайнства глаз и умения держаться в обществе, не шокируя его своей экстравагантностью, но и не будучи «серым чулком».

Россия — женского рода, и ей прежде всего надо понять, что ей не идет и чего не следует делать.

Но еще важнее понять свой архетипичный имидж русской красавицы, не раскрученной в шоу как «Мисс Мира», а как наиболее гармонично развитой Личности, ибо «красна пава пером, жена — нравом... Не наряд жену красит — домостройство» (В. Даль, Пословицы русского народа — М.: ННН, 1994, с. 233).

Нравственное домостройство — вот привлекательный образ России. Но для этого надо прежде всего понять себя — жителей этого дома на общей улице земли. Россия — всего-навсего дом, и строиться он должен для его обитателей, а не наоборот. Не «спасем Россию», как вещают политики, а «построим Россию» в соответствии с нравственными и социальными интересами тех, кто будет жить в этом доме в течение следующего тысячелетия.

А для этого в канун нового исторического этапа мы должны прежде всего осознать, что мы собой представляем, чего мы хотим, а уж затем — строить свой дом.

Восток — Запад

Дихотомия «Восток — Запад» всегда была основой и мышления, и политики многих стран, даже тех, кто не примыкал непосредственно к двум этим полюсам, разделенным по принципу «или-или: третьего — не дано».

И для каждой из этих цивилизаций (я пока говорю о цивилизациях, хотя эти миры отличались и по гораздо более глубоким историческим причинам), существовали две главные системы ценностей. Один фактор определяет генеральный объект, второй — смысл и цель его существования, указывая, на что объект ориентирован. Это — ценность — вектор. Для Европейской цивилизации подобный

объект — Личность, а вектор — Развитие (обращенность вперед, в будущее); для Дальневосточной — Государство и Стабильность (обращенность назад, в прошлое).

Основные ценности цивилизаций: (по Э. Кульпину — в ст. «Иное. Россия как предмет» — М.: Аргус, 1995, с. 220):

**Европейская
цивилизация**

Личность, Свобода, Равенство,
Братство
Труд — Эквивалент (обмен —
— деньги — В.Б.)
Частная собственность
Закон (право)
Развитие

**Дальневосточная
цивилизация**

Государство
Мир, Порядок, Традиции
Иерархия
Ритуал
Прошлое ... Знание
(традиции — В.Б.)
Стабильность

Разумеется, как и любая схема, она учитывает далеко не полный перечень ценностей той или иной цивилизации.

Так, например, доминанта римского права консервировала государственное имперское устройство, которое быстро распалось под ударами варваров, для которых эти категории товарно-денежных отношений послушных индивидуальных граждан не существовали вовсе. А мнимая законсервированность дальневосточного (особенно, японского общества) никак не вяжется с его материально-финансовым взлетом. Следует только отметить, что при этом и в японском деловом мире и в культуре стабильность общественных традиций не только не помешала, а наоборот, содействовала появлению японского чуда отнюдь не по американским и западноевропейским канонам.

Поэтому приведенные ценности цивилизации не есть сами по себе плохи или хороши, консервативны или прогрессивны, не есть полный перечень внутренних целей того или иного общества. И все же они дают некоторое представление о двух явно не совпадающих по своей истории и по своим исконным целям Мирах, которые уже в XX веке перестали быть изолированными на планете, а вступили в тесное коммуникационное взаимодействие.

И вот эти моменты соприкосновения двух достаточно полярных начал, нахлест друг на друга ареала их прежнего изолированного существования как слияние кислоты и щелочи неизбежно вызывает некоторую пенистую реакцию, по мере затухания которой возникает или пассивная «соль» или новый энергичный элемент, образующий и проявляющий свои активные свойства.

Так возникла греко-римская империя, где природное дионисейство (языческая радость жизни) эллинов попала под государственно-структурный диктат италийцев, а сверхорганизованные легионы римских консулов пали под анархическим натиском импровизирующих по ходу событий варваров.

Походы крестоносцев из Европы на Ближний Восток надолго отделили скотоводов-арабов от городских иудеев, борьба между которыми продолжается и до сих пор.

Славяне разделились на восточных и западных. Последние приобщились к европейской рационалистической цивилизации, а восточные — ассимилировались с финно-угорскими и тюркскими племенами, создав своеобразную историческую общность — Россию, которая не просто заняла на евразийском континенте срединное промежуточное положение между Востоком и Западом, а стала собственной исторической цивилизацией, потенциал которой и вектор долговременных устремлений — таинство предстоящего землетрясения, сам факт которого и даже время мы можем предсказать, а вот сила взрыва и направление лавовых потоков — вещь за семью печатями.

Да, Россия набухла внутренними противоречиями, взрыв неизбежен, но полоса разлома не пройдет по оси Восток-Запад, отдав европейскую часть в лоно западной цивилизации, а Сибирь отнеся к восточному ареалу.

Уральские горы — слишком старые земные нагромождения, они могут как-то затормозить атлантические дождевые ветры, дующие на восток, но уже восточный суховей, идущий из Средней Азии подобно полчищам Тимура спокойно рассыпается и по берегам Волги, по Дону и Причерноморью, как российскому, так и ныне украинскому.

Надо знать, где эпицентр будущей Российской цивилизации, которая, принципиально, не есть смесь западно-восточных полярных начал. Россия никогда не будет «золотой серединой», соединившей в себе и западный рационалистический индивидуализм и восточный государственный мистицизм с его пассивным ожиданием чуда от доброго царя.

Все эти начала — и деятельный индивидуализм личностей и пассивное послушничество толпы, и стихийный необузданный бунт, и самоистерзание вплоть до массового самосожжения, и юродство, и гениальность, и радость каторжного труда и лень, перемежающаяся беспробудным пьянством — это не заимствованные у кого-то черты национального характера.

Это — та основа русского духо-бытия, которую не унавозишь привезенной извне почвой и на которой не вырастишь иноземный чудо-цветок. На русском болоте не растут розы, а русские березы чужды по своему колориту чахлым атлантическим кипарисам.

Но русская почва — это иносказательная основа нашего духо-бытия. Боюсь, в силу своих географических просторов и исторических корней основные ценности российской цивилизации не укладываются в ту прокрустову схему социально-естественной истории (СЕИ), с помощью которой Э. Кульпин пытается определить основные черты генезиса той или иной цивилизации, существовавшей и существующей и будущей на нашей планете.

История не есть продукт взаимоотношений Личности и Общества, в которых всегда побеждает, превалирует то или другое. История не есть продукт коллективного

обустройства жизни, определяемого складывающимся природно-ландшафтным своеобразием: южный темперамент горцев, меланхолическая рассудительность северных оленеводов, угрюмость лесников и непоседливая прыть степняков.

История — это процесс зарождения, развития и угасания жизни не только одного индивида, но и целого племени, целого этноса, целой цивилизации. Разумеется, на всех этапах жизненного пути коллективного объекта его субъективные характерные черты не остаются неизменными. Более того, одна нация, завершая свой земной цикл, может сбросить с себя не только внешний хитон, но и настолько измениться внутренне, что перед нами — как бы новое историческое образование, которое под прежним именем или в виде сродного младшего брата начнет новый земной путь.

Так было, например, с ариями, которые продолжились на земле под разнообразными именами индоевропейских народов; так завершили свой земной путь славяне, а их потомки — поляки, словаки, украинцы и русские не только осели в различных районах мира, но и выработали свой собственный менталитет, несвойственный их далеким предкам.

Наблюдающийся процесс ассимиляции наций — второе антивавилонское столпотворение, с одной стороны, как бы нивелирует этнос, (например, явно заметна европеизация японцев, метизация негроамериканского населения), а с другой — многие нации пробуждают в себе и культивируют свои собственные не внешние, а исконные черты, подчеркивая кстати и не очень свои национальные исторические традиции и особенности.

И дело не просто в ущемленной гордости малых народов и их попытках вновь заявить о себе.

Дело, скорее, в том, что эти малые, как правило, изолированно проживающие народы, в меньшей степени соприкоснулись с нивелирующим воздействием той или иной крупной цивилизации, стершей из памяти малого народа его обычаи, привычки, язык, своеобразную культуру.

Слишком мало осталось тех первобытных народов, которые отличались синкретическим единством природы, своего социума и своей культуры, выросшей не из досужих размыслов ремесленников, а из духовной общности с окружающей средой, с которой человек находил не только материальное, но и духовное единство.

Первобытность, по словам К. Стросса-Леви, это не примитивизм, а непоруганное цивилизацией единство человека, социума и природы, то, к которому мы обращаем свои взоры в канун третьего тысячелетия.

Как ни странно, Россия в своем внутреннем содержании, хотя и испытала немало экспансий со стороны восточной и западной цивилизаций, сохранила эту синкретичность духо-бытия, сохранив не первобытный образ жизни, а ту детскую непосредственность, которая отличает неустановившийся и жадно впитывающий все новое организм. Но не как всеядная губка, заполняемая любым раствором, а действуя избирательно в соответствии с некоторыми исторически сложившимися традициями,

воспринятыми от ассимиляции руссов и россов и совместно воплотившимися в душу и плоть единого народа.

Россия — «иное»

В дихотомии «Восток — Запад» Россия не есть середина пути. Она — то самое исключенное (при традиционном рассмотрении) третье, которое на самом деле существует и явно нарушает сам принцип биполярности (дихотомии) мира и делает мир системным множеством самостоятельных миров.

Если следовать исторической гипотезе, что некогда два человеческих потока из Арктиды прошли: один — на юг в Среднюю Азию, второй — на запад через Урал в Скандинавию, то позднейшие встречные перемещения народов: скифов и аланов в Европу, а славяноугров в Сибирь — это не было первооткрывательство новых земель, это было обратное возвращение по забытому пути предков, где катакомбные захоронения предков на Волге и хакасские «бабы» в Сибири — не были чем-то чужеродным, а напоминали собственные доисторические памятники (до «осевого времени» — по К. Ясперсу), но русские вернулись на могилы своих далеких предков.

Во-вторых, гигантский геологический разлом от Алтая до Урала и Средне-Русской возвышенности — это не просто географическая ниточка, вдоль которой проходили миграции народов с востока на запад и с запада — на восток. Повидимому, энергетическая активность этих разломов была не постоянной по времени, а предшествовала пассионарному всплеску народов, обитавших вдоль этого разлома, а следовательно, и их активному перемещению по евразийскому континенту.

Мне кажется, не климатические изменения были первичным фактором,двигающим народы, а те выплески энергии, точнее говоря, накапливающийся потенциал между космическими зарядами, притягивающимися к вершинам Саян, Альп и Гималаев, и их вторыми подземными полюсами, действие которых через геологические разломы земной коры концентрировалось вблизи монголо-уральской аномалии. Народы же как стрелки магнитного компаса, а может быть, под влиянием тонких торсионных полей, сопутствующих магнитным и иным природным аномалиям (см. сб. «Сознание и физический мир», вып. 1. Изд.: «Яхтсмен», 1995, с. 30) чутко реагируют не только на геофизическое, но и на поля космического сознания, пришедшее к нам из предшествующих волн жизненного цикла.

Помимо двухполюсной системы «Восток — Запад» в мире есть еще как минимум одна самостоятельная цивилизация — Россия, имеющая свои историко-естественные космически-духовные корни; и вектор мировой истории в значительной степени будет определяться тем потенциалом, той скрытой от глаз нынешних слепых внутренней силой, которой обладает даже не страна наша, а земля наша, как бы ее не именовали те или иные временщики — историки.

Ранее уже говорилось, что географическое объединение земель от Балтики до Тихого океана, невиданное по своим историческим меркам, произошло менее чем за 200 лет — срок ничтожно малый по всем временным понятиям. И это не было проявлением военной силы или любого другого завоевательного таланта русских

государей. Это было следствием естественного возвращения руссов и россов на свою доисторическую родину, высадка их на ту почву, от которой они когда-то отпочковались.

Закончился очередной цикл их планетарного перемещения.

Ни народы Средней Азии, ни Кавказа, ни Украины и Прибалтики, которые находились в гораздо более ослабленном состоянии, так и не приняли русских за своих и потому распад СССР был воспринят ими как разрыв со своим «старшим» неродным братом. А Сибирь, где местные племена даже расово отличались от славяно-финно-угорских пришельцев, не покорились, а ассимилировались с москвитянами в единый русский народ.

Значит, было у них что-то исконно общее, заложенное в генах далеких предков.

По моему разумению, лишь до начала капиталистического проникновения в Россию в конце прошлого века страна была монолитной империей (не от власти императора, а от собственного императива-первоосновы собственного мироустройства и мироощущения).

Споры западников и славянофилов касались лишь внешнего культурологического слоя общества, не затрагивающего глубинные основы здешнего мироздания.

Если воспользоваться также схемой Э. Кульпина, то основные ценности Российской цивилизации были

Российская цивилизация

Община

Справедливость, со-природность, вера

Триада ценностей второго ряда значимости:

труд как средство существования — противоестественность стяжательства, довольствоваться малым — чем бог послал, подаяние не как чванство, а как божья заповедь.

Отсюда — право не писаной грамоты, а рассудительности старейшины, общинная собственность на землю и орудия труда, земство как обустройство общинной жизни.

В итоге *цель существования цивилизации — высшая предназначенность.*

«Высшая» — не в смысле верховенства над другими, а в смысле приобщения не к мелкому житейскому, а к возвышенно-духовному.

Я считаю порочной ранжировку: высшее — духовное и низшее — материальное, равно как и наоборот, первичность материи и вторичность сознания. Попытки установить главенство одного над другим — корень многих наших исторических несчастий и бед).

«Высшая» в данном случае скорее дань традиционному представлению, что *дух легче вещиизма и потому стремится вверх.*

Характерным для россиян является именно «предназначенность», пассивное ожидание для себя высшей миссии, а потому до поры до времени «ничегонеделание».

Илья Муромец тридцать лет и три года не слезал с печи, а когда бог (народ) призвал, то стал первым защитником земли русской.

Обломов не понимал суеты Штольца, но по-своему прожил жизнь счастливую, угодную богу.

Не за царя, а за Отечество сражались гренадеры Суворова и партизаны Отечественной войны 1812 года. Не за партию Сталина и коммунистические идеалы сибирские полки брали штурмом неприступные высоты, а за то, что «враги сожгли родную хату».

И при всей своей неистребимой ненависти к подлинному врагу — русская веротерпимость к инакомыслящим, в том числе и военнопленным, которых не превращали в рабов-изгоев, а воспринимали также как и любого божьего человека.

Да и мало ли еще принципиальных особенностей русского народного характера, русских традиций, русского образа жизни делало их совершенно непохожими на те две полярные силы, которые якобы определили историю столкновений человеческих цивилизаций «Восток — Запад».

Россия — «иное», **особая цивилизация**, и не как противовес этим двум антиподам, а как свой собственный мир, жизнь которого определяется своими законами, обычаями, своим вектором развития. И не надо подгонять нас к той или иной исторической общности. Надо принять нас такими как мы есть, постараться избежать коррозии нашего сердца от меркантильной ржавчины Запада и замшелой созерцательности Востока.

Будет Россия нести на себе печать собственной исторической индивидуальности — станет она одним из центров будущего мира.

Подпадет она под влияние внешней лакировки бакалейных товаров западного предпринимательства или под догматическое коммунно-конфуцианство — не быть великой стране, и долго ждать, когда на ее обломках вырастет новое, совершенное мироздание, согретое космической пассионарностью будущих жителей этого региона, понимающих, что их **будущее — это всеединство духа, бытия и космического предназначения**.

Пока не поздно, нам надо понять, что возродить страну из нынешнего пепла, в котором смешались останки белых и красных, православия и атеизма, жар раскаленных сердец бойцов за народное дело и тихо усопших в своей замкнутой отшельнической обители, бунтарский дух разбойников и революционеров, тихие останки колымских и соловецких узников, может не всепрощение, не всеобщее покаяние, а та конструктивная русская идея, которая объединит и левых и правых, и мертвых и живых, и преуспевающих и обездоленных.

И эта идея — не возрожденная Россия, ибо страна — государство — это лишь форма обустройства общественной жизни.

И эта идея — не исключительность России как провозвестника нового мирового порядка на Земле, наступившего с приходом нового Мессии.

И эта идея — не готовность коллективного перехода в некий потусторонний мир, в новую брамфатуру Земли, где зло исчезнет, а воцарится вечный мир и покой.

Русская идея, которая оправдала себя тысячелетним своим существованием, это — *идея полноты человеческой жизни во всем своем неантагонистическом существовании*, когда человеческое сообщество строится по иерархическому принципу самоуправляющихся общин, когерентность действий которых достигается духовным началом, согласно которому, какой бы дорогой мы ни шли, *наша цель — не частный результат, а Абсолют*. Перефразируя слова одного русского революционного поэта, можно сказать:

Только тот наших дней не меньше,
только тот на нашем пути,
кто сумеет за каждой мелочью
Абсолютную правду найти.

Есть ли такой Абсолют в западной и дальневосточной цивилизациях? Нет и нет.

Рациональный запад после изгнания греческих богов живет мелкими задачами текущего бытия, он давно выбросил на свалку истории или в лучшем случае сдал в музей древне-арийские устремления к богу Солнца — Митре; ницшеанский «герой» Заратустра — это украденное имя иранского провозвестника Зороастра. И даже католическое христианство стало не религией западного мира, а робкой попыткой откреститься от ежедневных наваждений земного Сатаны, заставляющего думать не о вечном, а о приумножении земных богатств и радостей плотской жизни.

Недаром Шпенглер, сравнивая различные стадии мировых цивилизаций, писал о «Закате Европы». И вся философия Запада, начиная от Платона и до Гегеля — это плод досужего ума романо-немецких схимников, пытавшихся «высосать из пальца» только запекшиеся сгустки умопостигаемой субстанции, оставляя в стороне иные более продуктивные для мировой динамики тенденции мира природного духа.

Нельзя понять, как цветет и плодоносит яблоня, находясь за закрытыми ставнями кенигсбергского замка, запертого на замок. А без этого кругооборота природы нельзя понять истинный стрежень развития космического мира, в котором мы не всемогущие штурвальные (куда хочу — туда кручу), а всего лишь лоцманы, задача которых — не дать посадить нашу землю и ее пассажиров на мель.

Немцы и французы пытались колонизировать русские земли, но не потому, что им нужно было наше «лебенсraum» — жизненное пространство, а для того, чтобы разгадать ту тайну Мальчиша-Кибальчиша, которая и не тайна вовсе, а образ мышления коллективного русского. И заморскими пряниками да сладким вареньем не вывели буржуины эту тайну у Мальчиша-Плохиша, которых у каждого народа, увы, предостаточно; они стремились и сумели посулами «сладкой» жизни для избранных перетащить на свою сторону внука Мальчиша-Кибальчиша, показав ему

красивую обертку от уже съеденной конфетки и громко хохоча над незадачливой сладкоежкой.

И как ни хватило нам того маленького Сережки из одноименной повести-фильма В. Пановой, который на этот примитивный розыгрыш по-достоинству ответил: «Дядя, а ты — дурак?».

Дураками в большинстве своем оказались мы, готовые променять на «Марсы» и «Сникерсы», «Кока-колу» и «Макдональдсы» ту гордость великоруссов, которая покоилась на природно-духовном величии народа и которую нельзя было купить ни золотом, ни серебром.

И сейчас главным козырем так называемых демократических реформ пытаются выдать наклеенную бутаторскую обертку законсервированного пива, не пользующегося спросом у себя в Баварии, полные полки заморских товаров, где за внешним антуражем кроется натуральная безвкусица, «свободу» болтовни, секса, насилия, выдаваемого за издержки материального образа жизни, где «одним — бублик, а другим — дырка от бублика: это и есть демократическая республика».

Почему после этой слащаво-рекламной бутаторски причесанной западной жизни, попадая домой, на родные дорожные ухабы, в орбиту местного хамства, элементарной обираловки за все, в чем был и не был виноват, понимаешь, что все это — отрывки того «заповедного» мира, а под этим наносом «цивилизации» ощущаешь простор улиц и полей, не вымученную наклеенную улыбку американцев, а искреннюю горечь и искреннюю радость своих земляков, с каждым из которых уже через пять минут после знакомства можно крепко выпить «за дружбу».

Да, окалина западной цивилизации здорово разъела нашу кожу, впитывается в поры, закупоривая выход естественных потоков внутренней энергии, все больше и больше превращая нашу жизнь в игру по заморским правилам.

Нет, я не за железный занавес между людьми. Люди — носители своеобразной культуры, своеобразных духовных и материальных ценностей, и их общение только обогащает друг Друга.

Но не надо забывать, что немца можно до смерти опохмелить русской водкой, а наш ребенок может испортить свое здоровье гамбургерами и ананасами.

Недаром медики предостерегают, что малыша надо кормить теми продуктами, которые растут в природной среде его обитания. Иначе микроорганизмы из воздуха вступают в конфликт с микроорганизмами из пищи, и эта борьба наносит вред организму самого ребенка.

Из всего этого следует, что адаптация человека к иной среде обитания — вовсе не безболезненный процесс не только для биофизического тела, но и для его духовно-разумных тел и тела соборности, так развитого у россиянина и атрофированного у западного человека.

Не стыдясь прослыть ретроградом, сторонником автаркии, изолированности нации, посмею утверждать, что человек находится в гармонии со **своей** природно-родовой средой, и попытка приобщить его к космополитическим

«общечеловеческим ценностям» — это попытка втиснуть наш духовно-физический организм в новую среду. Может быть, это общение и не станет смертельным для человека, но то, что нужны будут дополнительные усилия по адаптации — несомненно.

Ибо адаптация — это не только смена сознания, замена одних устоявшихся правил жизни на чужие. Она — возможна и в известной степени необходима, ибо от общения с другими цивилизациями (культурами) наше знание, наше поле жизни становится более насыщенным и разнообразным. Больше — выбор.

Но подлинная адаптация, либо обогащающая, либо разрушающая данный конкретный социум (народ, класс, нацию), происходит, когда внешние изменения формы жизни (устремления, интересы, привычки) переходят на генетически-подсознательный уровень, меняя саму структуру менталитета этого социума.

А у всех ли есть этот адаптационный ресурс, и стоит ли его так расточительно тратить, атрофируя при этом свои родовые (природно-духовные) связи? Кого-то это обогатит новыми впечатлениями, новым обновленным стилем жизни — дай им бог удачи.

Но истинная сила *разнородного общества* — не в его унификации, неважно, всеобщем индивидуализме или всеобщей равнодостаточности, а в *единстве разнообразия*, где каждый «мирок» находится в гармонии со своей средой, а полевые взаимодействия сред, не хаотически сталкиваясь друг с другом, не приводят к возрастанию общей энтропии, а, наоборот, повышают негэнтропийность открытой системы за счет общего упорядочения ее структурного движения, где индивидуальная турбулентность (вихреобразность) среды при общей направленности вращения (общем спине) создает стремительный поток жизни, увлекающий за собой все части целого.

Разумеется, российская индивидуальность так же противопоказана по большому счету и дальневосточной цивилизации, где главенствует в общественном сознании не Личность, а унифицированная Личность — Государство, освященное ритуалами и традициями древних.

Существует, к сожалению, превратное впечатление, будто дальневосточная (преимущественно китайская) цивилизация остановилась в своем развитии на тысячелетия, не создав ни новой науки, ни новой культуры, ни нового духовного вклада в мировую цивилизацию. Но этот взгляд — лишь с точки зрения рационалистического западника.

Недаром среди китайцев существует негромко афишируемый анекдот: «Как эти европейцы различают друг друга — ведь все они на одно лицо».

Китайско-индийское-японское мировоззрение при всем их различии коренным образом отличалось и отличается от нынешнего западного, вобравшего в себя материализм античности и умозрительно-нравственную заповедь католицизма со всей его внешней благовоспитанностью и темным таинством скрытой от постороннего взгляда души.

Католик общается с исповедником «один на один», а православному нужно общественное покаяние или общая тризна.

Основой дальневосточного мировоззрения (я отличаю его от цивилизации как материально-социального мироустройства) является следование универсальному космическому порядку, который властвует и над природой, и над социальной группой людей, и над отдельным человеком, а также над его помыслами и чувствами, находящимися в этом общем потоке жизни. Все предопределено, и личная суетливость субъекта мало что может изменить в этом подлунном мире.

Но Восток — дело тонкое, он не так примитивен, как это может показаться западному анархисту.

«Сливаясь с дао, человек сливается с природой» (Н.В. Тузов «Философия теории Единой идеи» — М.: Мысль, 1994, с. 13).

По преданию (см. Евг. Панов «Отсюда нам видно потоков рожденье», газ. «Деловой мир», 12.07.96), в «Изумрудной скрижали» Гермеса Трисмегиста, т.е. пришедшей к нам из допотопной эры, сформулирована уникальная доктрина единства и сходства строения Макрокосма и Микрокосма, а также симметрии этого космического принципа аналогии: то, что внизу, подобно тому, что наверху, а то, что вверху, подобно тому, что внизу».

Это же относится и к Мегакосму — Человеку. Но человек — не безликая частица природы, он — ее монада, отражающая в себе целое. Природа — в вечном спиралеобразном движении, и человек — тоже. Если он делает что-то вразрез с миропорядком, нарушает общую гармонию, его ждет неминуемое кармическое воздействие, которое служит ему личным возмездием, но не карающим мечом, обрекая его на вечное отторжение от слаженного потока этой и последующей жизни, а возвращая его путем личных усилий к «праведному образу» жизни.

Причем эта космическая праведность, естественно, менее подвержена общественным человеческим видоизменениям, т.к. космос-более инерционная система, чем социум. И поддержание этих традиций потребовало более консервативного государственного устройства, ибо кто-то должен талмудировать общие правила духовно-социальной жизни, переводя их с интуитивного подсознательного восприятия на обычный человеческий язык.

«Порядок в обществе, по Конфуцию, устанавливается благодаря идеальной всеобщности: правильному отношению человека к природе и другим людям. Центральное место в системе Конфуция занимает концепция «человеколюбия», представляющая собой совокупность идей: «преданность государю», «верность долгу», «сыновнюю почтительность», «великодушие», «уважение к старшим» и др. ... *Добродетель — это следование указаниям природы ... Цель — слияние природной и социальной нравственности в человеке и государстве*» (Н. Тузов, с. 14-16).

Казалось бы, что в этом предосудительного.

Мы все приходим сейчас к ясному осознанию, что человеческая гордыня, вознося Личность на пьедестал всемогущего Бога, сделала двойную ошибку: Человек

— не верх мирового совершенства, а всего лишь живое существо, сотканное из противоречий добра и зла, духа и физического тела. Он в массе своей не стал той единой монадой, которая тождественна целой Вселенной, он лишь — ее потенциал. С другой стороны, возмнив себя вершителем мирового разума и мирового духа, Человек в гордыне своей противопоставил себя общей тенденции мирового исторического процесса. И он, этот процесс, имеющий свои внутренние действующие пружины, приводящие к спиралеобразному развитию триединого мира — космоса, социума и личности, ломает о скалы Сциллы и Харибды всех и каждого, кто уклоняется по своей воле и по своему неразумению от общего стрелы мчащегося вечного потока.

И дальневосточная цивилизация во главу угла своего тысячелетнего курса поставила жесткое следование этой заповеди — подспудному доверию своей исконной связи с природой (А.Ф. Лукьянов «Становление философии на Востоке» — М.: 1992, с. 142).

Сегодня, когда человечество во всем мире начинает понимать, что *истинная гармония в мире — это человек в единении с социумом и природой*, дальневосточное мировоззрение уже не представляется столь архаичным даже западному прагматику. И движение зеленых, модель устойчивого развития общества — это есть не что иное, как переиначить на новый современный лад извечные принципы дальневосточной цивилизации — использование «дэ» (силы) для движения по правильному пути «дао».

Да и восточная философия не стояла на месте. Ее кажущаяся замороженность таила для многих «великую доктрину» не только космогенеза, но и становления справедливого общества. И даже «великая культурная революция», наделавшая столько переполоха в мировом сообществе, по сути стала пусть болезненной, но неизбежной очистительной операцией, которая не затронув политических основ традиционного китайского (в данном случае коммунистического) общества, раскрыла дорогу для экономических преобразований: диктатура в политике и свобода в экономике. Отсюда — без революционных потрясений, без социального противостояния в обществе, ибо по местным традициям преуспевающий бизнесмен никогда не станет кичиться своим достатком, а использует его для расширения сферы своего дела — своего жизненного пространства, уважая неимущего соседа как своеобразную Личность, гордящуюся своими благами — скромностью, простодушием, трудолюбием, согласием с природным началом.

Я далек от идеализации восточной цивилизации, ибо там в угоду и под прикрытием божественного предназначения уживается столь вопиющее материальное расслоение общества.

Но надо в каждом видеть не то, что отторгает, а то, что единит его с тобой. Поэтому XXI век — это смена лидерства исторических цивилизаций — от самодовольного Запада, включая и бездуховную Америку — к органично устроенному Востоку с его всеединством материального и духовного, а главное, пониманием неизбежного пути «дао», по которому пойдет и наука, и философия и жизнь.

Не конвергенция, а «разномирие»

А что же Россия в этой исторической схватке. Примет ли она меркантильно-рационалистический путь Запада, или вспомнит свое древнее родство с ариями-родоначальниками индуистского восточного толкования развития мира.

А может быть просто конвергирует в себе и то, и другое, и что-то свое?

Но прежде чем перейти к этой главной для нас теме, следует обратить внимание, что ось Запад — Восток — не единственная, вокруг которой вертится мир.

Я согласен с Юр. Кобищановым, который в статье «На пути к интеграции (О цивилизационных условиях, в которых предстоит жить странам бывшего СССР в XXI веке)», опубликованной в «Независимой газете» от 02.07.96 дает прогноз развития и других центров мировой цивилизации. В частности, разделяя Запад на Америку и Европу и отождествляя Дальний Восток с азиатско-тихоокеанским регионом, где подчеркивается роль «молодых экономических тигров», автор выделяет еще и исламский мир Ближнего и Среднего Востока. А я бы отнес к новым мировым центрам (пусть не по экономическим показателям, а по своеобразному культурно-этнически-природному влиянию) и Африку, и Южную Америку, и пустынный Север, где живет главная природная достопримечательность — духовная красота и откуда (из Арктиды) вышел весь род человеческий или, по крайней мере, наша большая семья.

Каждый из этих центров трудно отнести к разряду мировых цивилизаций, ибо под этим понимается, как правило, развитие материально-культурной базы, а перечисленные мной мировые центры обладают другим несомненным достоинством — своеобразием своего Мира, сохранившегося в водовороте колониально-финансовых пространств, не сумевшего лишить народы этих центров их исторического природного естества.

Пассионарность любого этноса расходуется по-разному. Люди, живущие в условиях неоптимальных для физического тела температур используют внешнюю энергию для физического поддержания своего существования. Другие — для покорения жизненного пространства. А.Л. Чижевский считает, что «величайшие центры умственной жизни человечества первоначально локализуются в местах с оптимумом температуры» (цит. по Ю.В. Елкову «Общий закон природы», вып. 4.— М.: 1995, с. 10).

Это связано с тем, что привлеченную космическую энергию не надо тратить на физическое жизнеобеспечение, и вся она идет на формирование внутренней структуры человеческого тела и социума. Монголы использовали эту избыточную пассионарность на формирование своей государственно-военной организации, арабы и индусы — на упорядочение внутреннего духовного пространства, евреи — на формирование собственного и коллективного тела Разума, позволившего им адаптироваться к любой инородной жизненной среде, пытаясь расширить его интеллектуально-финансовые ниши.

Вообще «денежная сфера играет роль дополнительного пространства» (там же, с. 11), в освоении которой находит выход дополнительная энергия — пассионарность евреев и американцев, стесненных жизненным пространством.

«Лебенсраум», которого немцы искали на Украине и в России, это не единственный вид расширения своего физического ареала.

Древний Египет никогда не занимал обширных пространств, но его роль в мировой цивилизации достигалась заполнением пустовавшей в тот момент культурно-научной сферы — будущей ноосферы.

Исламский мир, о котором мы, к сожалению, знаем так мало, ибо все внимание историков было обращено к эллинско-римской цивилизации — это не только историческая тайна, это и тайна будущего.

И дело даже не в канонах этой молодой религии, по которым живут около миллиарда человек, а в той взаимосвязи «религия — цивилизация» (без обозначения первое — второе), которая в этом южноазиатском географическом пространстве создала свой особый «послеарийский» мир со своим единством «земного и небесного». Именно этой синкретичностью (единством) духовного и материального исламское мироощущение близко, как мне кажется, глубинным представлениям и россиян.

Наверное, поэтому исторически ислам и православие лучше уживались между собой в рамках России, чем православие и католицизм, которые, несмотря на общие христианские корни, были антогонистами и постоянно враждовали в борьбе за души людей.

Древняя шумерская цивилизация недаром слывет колыбелью разумного человечества, дав толчок оседлому земледелию, клинописи, первым городам, астрономии и т.п.

Можно предположить, что персы были всего лишь западной ветвью ариев, пришедших с севера и частично ушедших в Индию, а частично — на Ближний Восток.

Но при этом они успели создать собственную культуру, отражающую в поэзии и, особенно, в орнаменталистике, и общие вибрации космоса и свой собственный ритм как камертон космических волн, настроенный на собственную частоту своего народа.

Боюсь показаться назойливым, но думаю, что расцвет персидской культуры — следствие тех поэтических зерен, занесенных сюда северными ариями и попавшими на плодородную почву, как продукт голографического отражения универсальных космических ритмов на плоскости арийского мироощущения.

Внутренне я согласен с Вл. Даниловым, утверждающим в «Евангелии от ариев», что «до насильственного крещения Русь была Арийской, т.е. Ведической. По законам Вед жили и народы Сибири, Кавказа, Средней Азии», однако не принимаю его антиэтнического, что «арий — святой» независимо от его национального происхождения.

И вообще, было бы небесполезно на гораздо более глубоком и полном историческом материале проследить влияние древних ариев, возможно, пришедших из Сибирской Арктиды и разбросавших на благодатную почву Персии и Индостана семена своей древней культуры, которая есть отражение в человеческом сознании разницы между Космическим Абсолютом и реальной земной жизнью.

Но как бы то ни было, грядущая история заставляет всерьез и надолго считаться с той количественной и качественной ролью, которую будет играть уже в XXI веке исламский мир. Да, пока он неоднороден, ибо буряты и татары, казахи и узбеки — далеко не одно и то же, что чеченцы и афганцы, турки и арабы.

Но, во-первых, численность мусульман уже в Советском Союзе приближалась по численности к русским, а во-вторых, попытка республик Средней Азии примкнуть к исламскому миру делает его не только количественно, но и экономически (за счет нефти и газа) ведущим районом мира. К тому же характерной особенностью исламского мира является народность его религии, т.е. сознательно-подсознательное подчинение всех: и старых, и малых — законам шариата.

Такой религиозной ортодоксальности мир не знал со времен народного православия, которое сохранило традиции староверов и играло на Руси роль, более значимую, чем официальное христианство, которое быстро стало недуховной основой народной жизни, а неким своеобразным придатком государственных органов. Вспомним хотя бы учреждение Синода Петром I-м и нынешнее взаимное заигрывание патриарха Алексия II и президента — богомольца Ельцина.

Церковь (религия) в эпоху государственно-материалистического доминирования в жизни граждан должна играть собственную независимую роль, не прибегая к строительству своих храмов за счет средств налогоплательщиков-атеистов, или градоначальников, вознамерившихся увековечить свое заляпанное меркантильными делами имя в лике полусвятых.

Ислам с его традициями, с его глубоко религиозным фанатизмом — это сила помощнее государственных законоположений. Как говорил Гейдар Джемаль — председатель Исламского комитета России — в одном из своих интервью: «Ислам — это высокоидеологичная социально резко ориентированная доктрина» (НГ — 25.07.96).

В Исламе нет того разделения между светским и духовным, к которому мы привыкли в христианстве. Именно это единство материального и трансцендентного, бытового и божественного делает эту религию не внешним миром, а собственно жизнью его приверженцев. Не религиозный фанатизм, а проникшее в подсознание единство себя, социализма и всего мира под духовным водительством Мухаммеда делает мусульманина подлинно духовно-материальным активным существом. И когда мы говорим о мировых центрах, то исламский центр — это серьезный фактор в будущей мировой истории. Его нельзя в полном смысле отнести к цивилизации — это скорее организованный и сконцентрированный духовный центр, в котором сила Корана превышает силы земных законоположений, установленных людьми.

В отличие от многих других мировых религий ислам, восходящий к зороастризму, проповедовал не одностороннее поступательное развитие мира в соответствии с предрасположением единого благодетельного бога, а видел «зависимость миропорядка от борьбы добра и зла» — Ахурамазды и Анхра-Майнью (Ормузда и Аримана). В этой борьбе победа не всегда доставалась творцу мира, стоящему во главе светлых богов, она не была предопределена свыше. Ариман не был вечно побеждаемым предводителем злых демонов-дэвов.

Дэвы несли в себе не универсальную гармонию мира, а олицетворяли то неизбежное земное плотское начало, без чего человек не может существовать как живое существо. В этом смысле наличие дэв неизбежно — в противном случае мир бы стал бестелесной гармонией, не имеющей жизненного остова.

Ормузд и Ариман — это олицетворение двух начал «инь» и «ян», каждое из которых не рождает ничего, а в соединении — основа всего.

Добро и зло не могут существовать порознь, они — два полюса одного магнита, одного нравственного поля, которое сопутствует, в котором живет человечество.

Характерно в учении зороастризма также и то, что гармония мира — не есть вечно раскручивающаяся в светлое будущее спираль. «Земля, по учению Зороастра, ... создана из более грубой материи, чем духовные сущности, и просуществует двенадцать тысяч лет» (Н.В. Тузов, с. 17) для того, чтобы победить мировое зло путем своего самоуничтожения. Характерно, что несколько больший цикл был вычислен и советским ученым И.П. Копыловым как период между всемирными потопами, являющимися следствием воздействия на земной мировой океан космических электромагнитных сил.

По-видимому, всемирные потопа, имеющие определенную историческую периодичность, есть «генеральная уборка» нашей Земли от расплодившегося на ней множества друг друга уничтожающих противоположностей нынешней земной физической жизни.

Эта вечная борьба Добра и Зла доходит до энтропийного состояния хаоса двух полярных начал, они аннигилируются в силу неспособности направить равнодействующий вектор, равный нулю, в ту или иную сторону. И этот физический мир срывается, исчезает из брамфатуры Земли, уступая место иному слою трансфизического (по отношению к нынешней физике) мира, обладающему еще неисчерпанной потенцией борьбы противоположностей, от которой развивается новое материально-духовное сознание.

Нынешний мир — на пороге своей исчерпаемости.

По оценкам И.П. Копылова («Электромагнитная Вселенная», М.: МЭИ, 1995) «в ближайшие 300-500 лет нас ожидает глобальное потепление, которое связано с торможением Земли,... так как количество выделяемого тепла пропорционально квадрату изменения частоты вращения планеты» (с. 74-75), а «в двадцать четвертом и двадцать пятом веках частота вращения Земли перестанет уменьшаться, ... что приведет к похолоданию и снижению уровня Мирового океана»(с. 77).

Совершенно из других метафизических представлений Д. Андреев утверждает, что «решающее столкновение между Христом и Антихристом ... должно произойти через два или три столетия, когда обе стороны будут готовы к второму пришествию Христа и смене эонов» (Энциклопедия «Мистики XX в.» — М.: Миф-Локид, 1996, с. 357).

Чем бы ни руководствовались эти авторы, они подчеркивают одно — цикличность смены миров на нашей Земле, происходящей в результате неких энергетических трансформаций между открытыми космопланетарными системами, а также между энергиями как субстанциями физического и трансфизических миров.

Разумеется, перспектива нового «всемирного потопа» и «смены эонов» жизни в третьем тысячелетии не дает оснований разумному человечеству сидеть и ждать «у моря погоды». Во-первых, за это время мы можем и научиться управлять энергетическими трансформациями с помощью ноосферного структурного упорядочения; с другой стороны, все мы хотя и смертны, но живем для того, чтобы «дать миру больше, чем нам было дано».

И мы — русские можем и должны, исходя не из задач и возможностей сиюминутной политической ситуации, а беря на вооружение достаточно длительные 50-100-летние циклы истории этноса, определить стратегию и тактику своего поведения в мире окружающих нас различных цивилизаций, которые будут не только стремиться к выравниванию своих духовно-материальных начал и сближению религий в некую интеррелигиозную «Розу Мира».

Понимая двухнаправленный процесс уравнивания человеческих устремлений и непрекращающейся борьбы Ормузда и Аримана, мы должны увидеть свое будущее в виде собственной «русской идеи», которая на этот период 200-300 лет может организовать наш народ, запастись его структурную энергию как становой хребет нашего суперэтноса, который не сможет перерасти в супернацию, а будет организованной семьей народов.

Не предрекая судьбу других цивилизаций, я все же склонен считать, что европейско-американский и азиатско-тихоокеанский регионы находятся на пороге сытого увядания, ибо у них уже сегодня отсутствуют сколь-нибудь конструктивные идеи кроме «Америка (ранее— Германия) превыше всего», «Мой дом — моя крепость», «Солнце всходит на Востоке» и т.п. — это идеи национальной исключительности, стремления обеспечить обильное животное существование, одобренное индивидуальным брюзжанием по поводу того, что Вселенная как огромный молох перемалывает человеческий материал, не оставляя места для утопических идей, для трансперсонального таинства, без чего жизнь человека и человечества теряет свою атманическую сущность.

Бунт хиппи 50-х- 60-х годов — это не был бунт пресыщенных самодовольных молодых людей, жаждущих приключений и острых ощущений. По оценкам Фр. Капра («Уроки мудрости» — М: Изд. Трансперсонального института, 1996), это был «протест контркультуры против американского образа жизни... Эта субкультура (хиппи — В.Б.) обладала вполне определенными чертами и значительной степенью

единства. Она имела собственные ритуалы, свою музыку, поэзию и литературу, общее увлечение духовностью и оккультизмом; ей была свойственна м е ч т а о м и р н о м и п р е к р а с н о м о б щ е с т в е (разрядка моя — В.Б.)» (с. 16).

«Европейское студенческое движение, в значительной степени марксистски ориентированное, не было способно обратить свой взор к реальности в 60-е годы» (с. 18). Под влиянием угасания марксистской идеи, продемонстрировавшей свою неспособность и к экономическому процветанию, и к возвращению идей «пражской весны», духовное движение на западе обратилось к мистицизму и «зеленому движению».

Понимая, что «природа и разум составляют необходимое единство», общество еще не пришло к пониманию того, что *«мир — это не скопление отдельных объектов, а сеть отношений между различными частями единого целого»* (с. 14).

Экзистенциализм Кьеркегора, живая этика Рериха, призывы Л. Толстого к нравственному самоусовершенствованию человека и т.п. индивидуалистические «очищения» от скверны бытия не давали и не дадут результата, потому что страдали главным пороком — забывали об организующей роли общества, соединяющего вещественный, чувственный, разумный, духовный и другие миры Брахманического Всеединства, где *единство — это не совокупность, а система*.

И понимание этого Всеединства должно стать не уделом интеллектуальных одиночек, а массовой народной идеей, доступной и горькому пропойце, и седовласому ученому, и не терпящему единообразия художнику.

Красота сама по себе не спасет мир, так же как и наука, нацеленная на умножение прежде всего материального богатства, а уже затем — на познание смысла жизни и цели развития общества.

Нынешняя попытка россиян приобщиться к либерально-демократическим ценностям западного мира лишь ускоряет деградацию русского народа, создавая временную иллюзию приобщения к «общечеловеческим ценностям».

Более перспективно, на мой взгляд, соединение остатков русского народного христианства, социалистической идеи разумного материального стимулирования (каждому — по труду, а не по-воровски нажитому первичному капиталу) с исламским организованным миром (как когда-то Московия многому научилась в сожительстве с Ордой) и с прото-буддизмом — арийским чувством единства с окружающей природой — ее естественными циклами, ее первозданной красотой северного и гималайского неба, олицетворявшей близость к Космосу, к его запредельным глубинам.

Привлекательна по форме, но не по сути и идея «духовного ведического социализма», излагаемая В. Даниловым в «Евангелии от ариев». Правда, эта «Система, основанная на Абсолютных, исчерпывающих Знаниях о Мире», опять противопоставляет духовность материальности, хотя суть Атманического Человека именно в их сочетанном взаимодействии, как инь и ян, как добро и зло, как вера и наука.

Русское народное христианство — язычество, как и ислам, наиболее полно отражали это единство земного и высшего, проявляющееся не только в ритуалах, а во всей полноте жизни.

По-видимому, обе эти ветви — позднеарийские, сохранившие в своей сути древнее синкретичное единство бытия и духа. И эта общность роднит Россию с исламским миром больше, чем более позднее различие в языке и вере.

Древнерусский язык и санскрит — братья «по крови». И хотя позднее они разбрелись по разным «весям», их праединство более глубокое, чем христианская попытка отделить и противопоставить славян и азиатов.

Глубоко убежден, что попытка «обустроить Россию», предлагаемая А.И. Солженицыным на основе единства праславянских народов — это не утопия, это путь — в никуда.

Русское славянство — это миф. И чем раньше мы поймем, что центр будущей России — это Сибирь с ее «среднеазиатским подбрюшьем», а не Санкт-Петербург и не Москва, погрязшие в западно-индивидуалистическом торгашестве, тем больше шансов на новом витке исторической спирали вернуться к своему древнему арийскому пра-дому (экосу) и сделать нашу Родину одним из ведущих культурных центров Мира, богатого своим Единым разнообразием.

Ельцинская Россия — это нежизнеспособное сообщество, это границы, территория его власти, но не его идеи.

Идею самобытной России г-да Горбачев и Ельцин бросили на жаровню все сжигающей западной цивилизации.

Мир вступает в добровольное самоуничтожение своей самобытности, чему способствует информационная, энергетическая и финансово-товарная коммуникабельность.

Мир может быть сохранен только путем возвеличивания другой ипостаси жизни — культурного, духовного своеобразия своих индивидуальных различий. Не самоизоляция народов, не железные занавесы между странами с различными социальными системами, а понимание цикличности мирового развития (цикла жизни каждого человека, каждого сообщества, каждой системы), с тем, чтобы успеть за отведенное время не только взрасти самим, но и дать жизнь грядущим поколениям с их собственным жизненным восприятием.

А во-вторых, исходный тезис человечества — природно-родовое единство, антитезис — индивидуальное развитие личностей в пределах общего социального неантогонистического сообщества, и наконец, синтез — «человечество начинает рассматривать себя как одну сложную систему деятельности в тотальном поле существования» (Д. Радьяр «Планетаризация сознания» — М.: Изд-во «Вакслер», 1995, с. 194).

На пути к этому целому человек прошел 3 стадии отношений с другими субъектами и средой:

— матрональные, когда он зависел и был защищен семьей и средой;

— ассоциативные, когда он учился понимать мир по ассоциативному представлению о взаимоотношениях с себе подобными;

— холистичные (понимание целостности своего «я» с «мы» и «они» — обществом и природной средой).

«Чрезмерно индивидуализированный индивидуализм ненормален; и вот почему наше нынешнее западное (либерально-демократическое — В.Б.) общество разваливается.

Человек — индивидуум не есть конечное разрешение проблемы человеческого существования... Сознание (должно быть — В.Б.) настроено на гармоничное соединение с группой разумов, объединенных общей целью. Одна из основных таких целей — участие в построении такого общества, основанного не на «локальных» условиях социальной, культурной или религиозной исключительности, а на глобальном понимании целостности (холистичности — В.Б.) человечества и Земли» (там же, с. 80-81).

При этом понятие «общества» в отличие от массового социума должно быть тоже сужено до размеров той группы людей — бригады, товарищества и т.п., где взаимоотношения индивидов определяются не их заочным контактом, а непосредственным общением.

В такой и только такой сравнительно компактной группе единение может происходить сразу по всем каналам, через все соприкасающиеся полевые оболочки — и на физическом объединении в труде и празднестве, и на чувственных отношениях симпатии, и на разумном понимании друг друга, и на духовном — подсознательной когерентности (общей направленности поиска смысла жизни).

Смысл холистичности — целостности — не в скоплении одно- и разнородных элементов, а в их системной сорганизованности, где сообщество (подсистема) — это самостоятельно существующая часть целого, со своим собственным ареалом жизненной среды, в пределах которого действуют собственные цели и задачи жизни.

Но при этом этот групповой (коллективный) индивидуализм именно своим неантогонистическим существованием кооперируется за счет энергетического обмена (жизненной, духовной, физической энергии) в общую систему.

В этой общей системе сохраняются и частные спектры циклических процессов, по которым функционируют подсистемы, но проявляется, а иногда и доминирует общий ритм социума и космоса.

То сообщество, собственный ритм жизни которого, включая и материально-физические процессы, смену экономических и научных, культурных и нравственных парадигм, ближе к общему ритму, общему стрессовому потоку, который не задан извне, а является результатом взаимодействия сообществ природы и космоса, и будет на данном этапе жизненного цикла олицетворять мировое лидерство — мировые тенденции не религиозной, а планетарной жизни.

Холизм как философия целостности (Всеединства) синтезирует объективное и субъективное в единый Универсум.

«Величайшим символом будущего будет Земной Шар, а не крест» (с. 285), а новая функция человечества состоит в наделении планеты сознанием» (с. 288).

И отвечая на вопрос о будущем — «конвергенция или Мир миров», М. Гефтер уверенно отвечает: «мы солидарно придем к доминанте равноразности, к Миру, где все все составляющие — страны ли, конгломераты их, меньшинства ли внутри большинства — превратятся в Миры, полноценно соотносящие себя с человеческим универсумом» («Иное. Россия как идея» (с. 120).

«И Россия, волею судеб, историческим ходом событий, космическим предназначением, составившая для многих народов именно это единство разных народов,... она — проекция мирового сообщества, модель нынешних и возможных катаклизмов с условием разрешения их в ХХI в. в Мире равноразных миров» (с. 58), а я бы сказал, модель будущего «единоразного» Мира.

К вопросу о...

Итак, высшая предназначенность России — своим примером в очередной раз показать, как должен строиться «равноразный мир» в начале III-го тысячелетия, чего в нем «нельзя», а чему стоит следовать.

Лидерство — не в том, чтобы быть лучше и выше других.

У жизненной спирали человечества нет ранжируемой шкалы, есть лишь деление на тех, кто улавливает мировую тенденцию и, адаптируясь к ней, обеспечивает не только свое выживание, но и задает ориентиры для других; и на тех, кто подчиняясь собственной гордыне, а чаще всего просто не ведая, в какую сторону разворачивается мир, плывет наперекор и нарываясь на скалы, оставляет в Истории свои несмываемые лишь памятью следы.

Не фатальное — «будь что будет», но и не горделивое — «так хочу» определяет судьбу любой страны и любого народа.

Будущее всегда повторяет скорректированное человеческими деяниями прошлое. История не повторяется «один к одному», но в ее разнотемповых циклах таится многое для понимания сегодняшней ситуации и вектора будущего развития.

Волны материально-вещественной цивилизации катились из Передней Азии через Древний Рим, Западную Европу в Северную Америку, и ее завтрашний след проявится в Японии и других странах азиатско-тихоокеанского региона, где уже подрастают и резвятся «молодые тигры».

Волна культуры из Древнего Египта переместилась в Элладу и, пережив Ренессанс, отраженным светом мерцает в «закатившейся Европе». Но эта локальная волна оставила в стороне самобытные культуры Востока и Африки, тайну народа майи, славяно-азиатский культурный ареал.

«Искусство (культура — В.Б.) — это законное царство индивидуального, царство наций, этих великих коллективных индивидуальностей» (Вас. Ванчугов «Очерк истории философии «самобытно-русской», РИЦ «Пилигрим», 1994, с. 236). Эти

волны культуры то поднимали на гребень одни нации, то опускали их в пучины мировой истории.

Более медленная волна духовного мироощущения из древне-арийского источника расслоилась на религиозные ветви: католицизм и православие, буддизм и ислам, а также, развернувшись обратной стороной, проявила нетеистические идеалы, в том числе и коммунистические.

Идеалы добра и справедливости, хотя и понимаемые каждым народом по-своему, были и будут стряпней всей человеческой истории. По этой дороге к счастью идут все, каждый – своим путем. Только не надо всех загонять в общую колею, ибо не могут все идти единым строем, а наталкиваясь на застрявших или отстав далеко от ушедших, мы либо устраиваем всеобщую свалку, либо обособляемся в одиночестве.

Поэтому любая общественная идея была и будет не моноидеалом для всех, а системой идей для каждого сообщества (семьи, рода, этноса, класса, народа), которые при всем своем различии укладываются в некие общие ограничения.

Каждый ведет себя по-разному, но в общих «рамках приличия», которые утверждают прежде всего то, «чего нельзя» в данных конкретных исторических условиях.

Множество путей достижения целей и человечества и каждого народа — сообщества определяют и множество форм государственной организации социума: богдыханская и римская тирании, греческие города — полисы, Орда и Российское государство, современные парламентские республики и федеративные образования типа СССР и США.

Ни в чем нет и не может быть единообразия. Каждый народ выбирает сам или смиряется с навязанной ему организацией своей общественной жизни, созвучной его духовным, культурным и материальным представлением о Мире и о своем месте в нем.

«Пусть расцветают все цветы», но сад естественным образом отражает мировую палитру. В оркестре каждый инструмент ведет свою партию, кто-то солирует, кто-то аккомпанирует, а звучит ... гармония.

Гармония — не монотон, а созвучие индивидуальных голосов.

Каждый народ должен иметь свою миссию. «Народ, не верящий в собственную миссию, превращается в этнографический материал» (Г. Джемаль — НГ, 25.07.96).

Россия, прежде всего, как сообщество народов, а уж затем как государство всегда была семьей, интегрирующей индивидуумы. К сожалению, часто эта интегрируемость сводилась к жесткому единообразию и тогда: кто не с нами, тот против нас.

Лишь организованное по системному принципу разнообразие (со свободой каждого социума, но в рамках ограничений со стороны более широкого сообщества) позволяет и каждому и всем, адаптируясь к изменяющимся внешним условиям, полнее реализовать исторический сценарий, где у каждого своя роль, своя миссия в жизни.

Продemonстрировав свою силу, заключающуюся, прежде всего, в организации сожительства разных народов, Россия, в свою очередь, не потеряла и не должна потерять свою индивидуальность, свою исключительность в мировом общежитии.

В Едином «равноразном Мире» Россия всегда демонстрировала свое «собство» как в духовно-культурном, так и в социальном плане. В чем-то мы преуспели, в чем-то — не очень, но спутать нас с другими ... трудно.

Наше главное отличие от других — чувство коллективизма и стремление к абсолютности бытия (все — или ничего), а отсюда и природно-общественный экстремизм. Мы — от природы — такие.

И эта самобытность была, есть и, надеюсь, будет, если мы из своей истории вынесем главное: наш народ без собственной идеи жить не может (и попытки деидеологизировать страну — это прямой путь к уничтожению нашего сообщества); государственное устройство России (И Московской Руси, и Российской империи, и СССР, и, надеюсь, Российской Федерации) соответствовало той идее, которой жило общество.

Мне бы не хотелось вновь возвращаться к так до конца и не определенному соотношению: этнос, нация, народ и к формам их организованного бытия — различным видам государств, где главное — границы и право, а также органы, поддерживающие жизнеспособность сообщества объединившихся людей.

Нет первичности и вторичности и здесь: государство (форма общежития) или народ, проживающий на территории и под сенью данного государства. Одно стимулирует другое.

Примем (пока без обсуждения), что Россия — это и то и другое в своей неразрывной совокупности.

Сегодня много говорят о т.н. русском народе, но с прямо противоположных исходных позиций.

Одни призывают к созданию Русской республики как мононационального государства русских, забывая, что сама русская нация (этнос) сложилась как единство славяно-тюркских и угрофинских племен под крышей общего дома — государства — Московии.

Другие предлагают считать представителями русского народа всех (и татар, и башкир, и якутов и т.д.), проживающих на территории России. А русские в Эстонии — уже не русские? Да и кто дал нам право лишать другие народы своего национального имени.

«Россия — семья народов» (Вл. Соловьев). Именно в «семейственности», где действует не только голос крови (ибо в семью приходят невесты из других родов), но и синхронно (гармонично) действуют индивидуальные чувственные, психические, духовные и другие поля, где проявляются общие хозяйственные, экономические и социальные интересы, суть российской «общинности». В единой семье славянофилы любили Россию как мать, а западники — как дитя (Н. Бердяев, Сочинения — М.: Раритет, 1994, с. 268). А Блок воспринимал Россию как «жену поэта».

Многонациональность дала России необходимое разнообразие «общин», каждую со своим «семейным» укладом. То, что в нашем общем доме принято общаться на русском языке, вобравшем в себя множество тюркизмов и неологизмов, сохраняя и усиливая при этом главное качество — образность, не вызывает ни у кого чувство диктата со стороны «старшего брата».

Также и по отношению к т.н. «русской идее», которая не есть чисто русское изобретение и даже не кредо всех народов, проживающих в общероссийской семье.

Это — межнациональная идея, восходящая к общим арийским первоисточкам, где чувство близости к космосу и повторения в обществе, в каждом человеке природного первоначала, естественного единства духовного, чувственного и материально-вещественного миров и тел было наиболее развито.

То, что эта идея в наше время возрождается на базе не только интуиции, но и разума, несомненно, заслуга «самобытно русской» (по языку и по духу) философской школы, всегда опиравшейся не на абстрактные рассуждения, а на жизненные реалии. «Русская философия чужда абстрактности, отвлеченности, она подчинена жизненным интересам, интересам народа» (Вас. Ванчугов, с. 310).

Именно эта философия пытается заглянуть в будущее, основывая свой поиск идеала на присущем нам чувстве природной (космической и общинной) сопричастности.

Может быть, именно это семейно-любное отношение россиян к своей общей Родине и позволило И.А. Ильину высказаться: «Русская идея есть идея **сердца**» (цит. по кн. Арс. Гулыга «Русская идея и ее творцы» — М.: Соратник, 1995, с. 236).

Не рационалистическое сожителство и не слепое долженствование, не случайное чувственное «хочу» и не догматически религиозное послушание объединяло людей в общежитие на просторах Евразии, а осознание, прежде всего чувственно-подсознательное и только в последнее время проявляющееся в виде словесного описания «тайной доктрины» и русского космизма, «древней мудрости» — подобия между природно-космическими циклами и земной жизнью человека и человечества.

Сердце как центральное звено атманического человека пропускает через себя и психически-духовные и энергетические волны полевых структур мира. Говоря сердцем, человек одновременно говорит и голосом крови, и голосом разума.

Подобно тому как горьковский Данко сердцем, вырванным из собственной груди, осветил людям путь выхода из мрака, так и русская «идея общинного сердца» на протяжении всей российской истории стягивала в единую «семью народов» разноразличных, разноразличных жителей Евразии, которые прошли по континенту циклический спиралевидный путь — от древнеарийской цивилизации до общероссийского дома.

Недаром и в Новосибирске и на Алтае и в Хакасии сооружены монументы, означающие центр континента. Вокруг этого центра и разворачивается спираль евразийского общежития народов.

Идея экоса — общего дома арийских народов — это и есть идея «всеединства» — полноты жизни в едином природно-космическом пространстве, где человек — самосознающая часть Вселенной, повторяющий в своей индивидуальности и в своем социальном общежитии структуру и общую тенденцию развития Универсуума.

Но общие тенденции реализуются в неповторимой индивидуальности народа, сложившейся как в силу внешних (природных и соседских) условий, так и собственного менталитета — продукта своего мироощущения.

И здесь действует принцип обратной связи, отвергающий причинно-следственные условия. Характер человека и народа не есть производная внешней среды. Общество своими действиями, своим отношением к окружающим формирует во многом эту среду.

Но связь общество — среда не есть только одномоментный акт взаимодействия. Народ наследует родовые черты этноса, отражающие его давние духовные и материальные природно-социальные связи; народ же и таит в себе свое будущее, определенное собственной культурой.

Культура (от слова «культ» — возделывать) — это *автомодель самосознающего народа*. Она формируется в процессе отношений общества со средой; она же и формирует образ жизни этого общества.

Руссы и россы, изойдя из единого арийского (а возможно и более раннего арктического) корня, пройдя по разным историческим и географическим путям, снова соединились в единый российский народ, названный так по имени своего государства. Только не будем забывать, что в общей российской семье живут и другие нации. Но их индивидуальность не отрицает, а наоборот, делает более выпуклым, более объемным само представление о своеобразии объединенного народа, живущего сообразно со своим коллективным представлением о мире и о своей роли в нем.

В дальнейшем еще вернемся к понятиям о таксонометрии человеческого сообщества: этносу, нации, народу. Но они, как мне представляется, не есть продукт только внешней среды; их трансформация определяется уровнем развития идеи, определяющей бытие данного сообщества.

Т.н. «русская идея» не есть идея русской нации или российского народа как совокупности граждан Российского государства.

Идея есть организующая и направляющая сила сообщества, объединяющегося «под общими знаменами», цель и средство этого объединения.

Она может быть и интернациональной (идея социализма, православия) и местнической (стремление реализовать право нации на собственное государственное самоопределение).

«*Русская идея*», общая для россиян и среднеазиатов, сибиряков и жителей Кавказа, *есть идея общежития*, идея экоса — обустройства коллективной жизни, основанной на соответствии социальной жизни общему природно-космическому порядку с доминантой духовной целеустремленности к абсолютным идеалам добра и справедливости.

По своим коренным признакам «русская идея» близка карийским началам «духовного ведического социализма» (В. Данилов «Арийский путь»), однако она шире, т.к. не ограничивается одним духовным мирозерцанием, а имеет целью организовать всю земную жизнь сообщества людей, объединяющихся под «ведомством» космизма.

С другой стороны «русская идея» не претендует на универсальный характер, т.к. общежитие разных народов складывается с учетом их собственного исторического опыта и собственных представлений о личном и общем благе.

«Русская идея» — это по-русски означенная идея коллективного бытия, подчиненная стремлению по-своему приблизиться к Абсолютному Всеединству личности и социума.

Переход от простого сообщества к организованному социуму осуществляется тогда, когда действия индивидуумов упорядочиваются некими общими правилами (ограничениями — чего нельзя делать и идеями, определяющими цели индивидуальной и коллективной деятельности).

Именно идея своей организующей ролью структурирует жизнь того или иного сообщества; а оно, в свою очередь, ощущая свое прошлое и свое будущее предназначение, наполняет эту подсознательно ощущаемую идею здравым смыслом и словесным (модельно-символическим) содержанием.

Поэтому в связке «общество-идея» также бессмысленно искать причину и следствие. Важно только осознать, что идея была, есть и будет непременным атрибутом жизни любого сообщества. Попытка деидеологизировать жизнь означает разрушить ее организующее начало, превратить народ в бесформенную массу хаотически шныряющих по миру индивидуумов.

Каждый из них может обладать изрядной долей потенции, но этот ресурс может расходоваться зазря в столкновении с другими индивидуумами, пока кто-то из них не сумеет превратить свою энергию в идею, способную организовать бытие всего общества.

Эта идея может быть и химерической, опирающейся лишь на какую-то одну из сторон человеческой многотельной сущности: материального благополучия с забвением духовности, национал-социализма как антипода коллективности человеческого бытия, всеобщей уравнительности, дестимулирующей развитие.

Такие идеи живут по историческим меркам недолго. Здоровый общественный организм, живущий своим объемным многогранным миропредставлением, довольно быстро отторгает эти идеи-фиксы.

А вот осмысленная идея, сообразная с индивидуальным менталитетом сообщества, укладываемая в рамки допустимого исторического процесса, способна не просто означить свой путь, но и целенаправленно свои силы по этому пути, не растрачивая их понапрасну на бессмысленные шараханья из стороны в сторону.

Плодотворность идеи определяется тем, каков коэффициент полезного использования обществом ресурса окружающей среды и своего потенциала для

наполнения ноосферы не отходами своего бытия, а продуктами своего производства, способными сделать жизнь последующих поколений более разнообразной, полезной и гармоничной.

Вспомните закон жизни: отдать больше, чем взять.

Идея — катализатор и ускоритель этого процесса. Русская (российская) «идея сердца» — квинтэссенция народной жизни, основанной на эмоционально-чувственном неравнодушном отношении к миру (живому и неживому), стремлении ухватить суть (середину, центр) всех и космических, и бытовых явлений и жить сообразно с нутром (сердцем) принятыми абсолютными понятиями (ценностями) своего индивидуального счастья и коллективного блага.

«Абсолютизация» идейной жизни не есть прерогатива только одного российского социума, она сродни восточному мистицизму и язычеству первобытных (не примитивных, а с первичностью — приоритетом бытия, определяемого природной доминантой) племен и народов, близка многим фанатически настроенным сообществам, жизнь которых подчинена религиозным ортодоксам.

Но принципиальное отличие российского сообщества, и давешнего и недавнего, состоит в том, что «абсолютизация» пронизывает все стороны жизни: и духовную, и бытовую, и социальную.

В единстве бытия и веры,
бросаясь в крайности, без меры,
наощупь мы торим свой путь
за горизонт...

На этом пути наш посох — природная нравственность, способ существования — соборный коллективизм, наша цель — творчество.

Если Бог сотворил тварный мир со всей его потенцией, со всем его раздраем, то мы со-товарищи сердцем сотворим Эковселенную, вмещающую помимо единой совокупности гео-, био-, социо-, ноосферы и самого бога как организующее начало.

Наша идея — не идея Бога, а идея Космического Собора, одновременно и творимого людьми и творящего наше общественное бытие.

Российская триада

Ни в одной стране мира, пожалуй, в народный обычай так прочно не вошло какое-либо количественное понятие, как российская тройка: троица, триптих, триада.

Недаром эта цифра соответствует старорусской букве «веди». Веды и 3 — в каком-то смысле синонимы, означающие трехмерное (минимальная размерность объема) мироведение.

Оставляя в стороне старинные русские сказки-мифы, где всегда действовали три сына, само действие было троекратным, на распутье всегда было три дороги, даже

у интернационального марксизма в России явно были вычленены три составные части.

Также и «русская идея» не может не состоять из трех граней, отражающих как зеркало народной жизни три стороны нашего мироощущения: чувство, разум, дух; природа, социум, космос.

Не на подобной ли трехгранной пирамиде держалась до революции 1917 г. идея российской государственности: народность, самодержавие, православие — хотя и более привычно звучащая в другой последовательности своих составных частей, где на первое место ставилась религия (одна из российских конфессий), затем — форма имперского централизованного управления, а уже в конце — собственно признание самостоятельной объединительной силы, признающей право русского народа (народов России) на свое собственное (а не навязанное извне церковью и государством) представление о жизни и цели бытия.

В послеоктябрьской Российской Империи (Советском Союзе) тоже действовала триада ценностей: земля — крестьянам, фабрики — рабочим, мир — народам, под которыми большевики сумели объединить многомиллионные массы не только на революционное завоевание власти, но и организовать обустройство жизни народов на одной шестой части планеты.

Я думаю, глубоко неправ Н.А. Бердяев, будто революционеры «неспособны проникнуть в интимную тайну национального бытия» (цит. по кн. Арс. Гулыга «Русская идея и ее творцы» — М.: Соратник, 1995, с. 169). Скорее, наоборот, именно революционеры — большевики (а на первых порах — и представители других партий, собственно и выдвинувшие эту триаду), число которых не превышало в 1917 г. и 50 тысяч, подняли на ноги и повели за собой большинство русского народа, потому что использовали в своей пропаганде и своих (пусть не всегда последовательных) действиях именно глубинные чаяния 150 миллионов людей, как экономическую, так и интимно-чудоожидательную тягу народа к свободе, равенству и братству не в далекой загробной жизни, а здесь — на грешной, но родной земле.

При этом не национальный и не религиозно-православный фактор стал главной движущей силой революции, а именно социалистическая, а затем и коммунистическая идея осуществления рая не на небесах, а в земных условиях — и немедленно.

Разве не этому учили нас русские народные сказки — о золотой рыбке, о скатерти-самобранке, о Емеле на печи и об Илье Муромце, который сиднем сидел тридцать лет и три года (опять повтор цифры 3) и вдруг ни с того, ни с чего стал чудо-богатырем.

Уж если быть откровенным, то самым сокровенным желанием русского человека было ожидание чуда.

Поэтому и «новая русская идея» не может не быть чудодейственной. Сухим рационализмом — работать и жить по средствам — россиян не возбудишь.

Как неприемлемы и призывы жить во имя далекого светлого будущего — это мы уже проходили.

Вот 400 или даже «500 дней» — это по-нашему, хотя и понимаем, что это — чушь. Чушь и ... чудо.

«Пришел, увидел, победил» — только такого мессию ждали и принимали народные массы. И православие было воспринято ими не в последнюю очередь потому, что такое чудо обещало. На Руси особенно почитаема была Владимирская икона Божией Матери за то, что она сама по себе отвратила от стен Москвы Тамерлана в 1395 г., хана Ахмата — в 1480 г. и Гирея — в 1521 г. Не доблесть и мужество народа русского — а именно чудотворная икона. Разумеется, вера приумножала силы народа, как военные, так и трудовые. Но она никогда не была самодостаточной силой для мирообустройства. «На Бога надейся, а сам — не плошай» — в этой народной пословице смысл реальной жизни, цель и сила всех деяний людей.

Трудолюбие и воинская доблесть достались россиянам не от православия и религии вообще, а от практической жизненной потребности существовать в тяжелых условиях окружающей действительности. Владимир Мономах, Александр Невский, Сергей Радонежский и многие другие святые почитаемы на Руси и по сей день не только за свои усердные моления, но и за практические дела, связанные с правдоустройством жизни народной.

Пусть не прозвучит богохульством, но я бы переиначил слова Александра Невского. Вместо его (или приписываемого ему) призыва к воинам: «Не в силе Бог, а в Правде» на мой взгляд более характерно суть русской интимной и практической жизни отражает тезис: «Не в Боге сила, а в Правде».

Правда и совестливость — вот характерные черты русского истинно народного духа, которые составляли и составляют основу российской духовно-этической соборности, те абсолютные ценности русского народного характера, которые во все времена и во всех общественных формациях были и, надеюсь, останутся нашей непреходящей ценностью. Другое дело — как и во имя чего были использованы нашими правителями и духовными наставниками эти ценности.

Правда, право и православие — однокоренные слова, но далеко не тождественные по смыслу.

Давайте признаемся, что православие — лишь одна пусть даже и доминирующая среди населения России (и ряда других славянских стран) религия. Но Россия — не моноконфессиональная страна. Она состоялась и может состояться в будущем не как чисто православное сообщество, а именно как семья народов, каждый из которых религиозен по-своему, а может быть и вообще атеистичен.

Важно, чтобы при этом духовность, поддерживаемая духовниками, не оказывалась «моральным кодексом», содержащим все правильные сентенции, но не создающим чувства чуда. Опять — чу... Чудеса?!

Чуждость — необычность, воспринимаемая чувственно — вот подлинная основа русской религиозности. И сегодня интерес к церкви обусловлен у большинства

верующих и неверующих этим ощущением чудности, рождающимся в храме, благодаря сочетанному воздействию мало понятного молитвенного речитатива, обрядового таинства, соборной интимности (где все — вместе, и каждый — наедине с всевышним).

Неискоренима эта российская чудность. И не связана она напрямую с какой-либо религией или всеми ими, взятыми вместе. Разве не чудность влечет детей в мир сказок, а современных взрослых — в мир виртуальных ощущений, создаваемых компьютерными играми.

Разве не чудность — песни у ночного костра под звездным небом, где ты — не один, а слился вместе со своими сотоварищами не только общей мелодией, но и общим таинством окружающей природы.

Чувственная слитность, где каждый прорывает свое — «Я» и становится неотъемлемой частью таинственного окружающего мира, не растворяясь в нем, а возвышаясь до него, — это и есть чудность. Подобные чувства не доминируют в характере других народов. А для нас это — естественно и необходимо.

Разве не поиск чудности определяет наше любопытство, стремление проникнуть в тайну непознанного, наше изобретательство.

Недаром говорят в мире: если хочешь что-то организовать — обращай к американцам, а если что-то изобрести — то к русским. Русские чудaki: и мастеровые и философы (Левша и дед Щукарь, Шукшинские мужики с изюминкой) — вот истинные выразители русского неумного характера.

Чудит чудак,
Мудрит мудрец,
Пусть кое-как,
лишь бы — не так,
а так — конец.

Жизнь бесконечна, только если человек ощущает и действует не так, как было или есть, а так, чтобы приблизиться к горизонту, олицетворяющему сегодняшние представления об Абсолюте.

Поэтому на Руси никогда не приживется: живи так, как все. *Русские действуют коллективно, а живут (чувствуют и думают) каждый по-своему*; тогда как американцы, наоборот: думают одинаково (стереотип мышления, доходящий до инструктивного рационализма системы Форда или медицинского лечения по каталожным аналогам), а действуют — индивидуально: каждый сам за себя.

Не осознав этой принципиальной разницы, невозможно представить общей идеи, которые бы зажгла сердца русских людей.

Другой отличительной особенностью русского правожития — это стремление жить не по писаным канонам, а опираясь на общественное мнение, которое выражает *высшую цель права — справедливость* (с-Прав-едливость). Не формально-

юридическую и бездушно уравнительную, а по человечески совестливую справедливость.

«Судить не по праву, а по совести» — главная заповедь русского правосудия.

Высшее право — это совесть самого человека.

«Совесть есть состояние нравственной очевидности», — писал И.А. Ильин — сторонник «естественного права, которое дается человеку «от природы», связано с его совестью, сливается с моралью» (цит. по кн. Арс. Гулыги, с. 244).

Мораль же — это не писанное, а духовное вызревшее состояние общественного правосознания. Разумеется, массе можно внушить многое, что она сочтет самоочевидным и станет требовать: «распни его», как это было и во времена Понтия Пилата, инквизиции, «охоты за ведьмами» в цивилизованных странах и сталинских репрессий от имени народа.

Но ведь и строгое соблюдение формальной юриспруденции в законопослушном Риме, в Веймарской республике и в «демократических» Соединенных Штатах Америки не спасало граждан от жестокостей Нерона, фашизма и Ку-клукс-клана.

«Право есть низший предел или определенный минимум нравственности» (Вл. Соловьев). Продолжая эту мысль, Арс. Гулыга пишет: «Нравственность не может ограничиваться жизнью одного человека, таковой вообще нет: жизнь человека протекает в обществе. Право — минимум нравственности; максимум ее и всеполнота ее реализации — любовь» (с. 112). Поэтому истинное правосознание (если бы знать, что такое истина как абсолютное понятие) должно основываться не на противопоставлении, а на взаимодополняющем сочетании формально-логического и духовно-совестливого начал, соединяющихся в соборности — единства Любви и Разума, Чувства и Мысли.

Совесть — вот главный критерий и самого человека, и всей его деятельности. *Живи по совести — главная заповедь русского человека.*

При этом не столь важно, чем конкретно ты занимаешься — трудишься в поле или любомудрствуешь, выращиваешь детей или садовничаешь, молишься или купечествуешь — главное, будь в ладу (гармонии) со своей совестью, а именно она определит твое место в мире и в «миру». Совестьливый человек — высшая народная похвала на Руси.

Но совесть — это со-весть, коллективное ведение жизни.

На Руси суд — это «мирской суд», а суд божий — это суд общественной совести. Мировой судья стремился прежде всего примирить враждующие стороны.

А высшим наказанием для провинившегося было его изгнание из общего «мира», а не современное заключение в тюрьму, где действует свой коллективный мир со своими правилами «общага». Принцип перевоспитания, основанный на естественном стремлении человека вернуться из одиночного изгнания в коллективный мир, подменяется переводом человека в другое сообщество, где

преступный мир необратимо сделает любого оступившегося человека «своим» до конца дней его.

Если отлучение от «мира» есть для россиянина наказание, то можно ли ориентировать его на проповедуемый ныне индивидуализм в хозяйственной жизни? По-моему, это противостоит «общинному» природному характеру русского человека; а то, что противостоит, не может дать ничего стоящего. Разрыв между характером и навязываемыми извне условиями жизни — явно конфликтная ситуация. Другое дело, что у отдельных людей характер может не совпадать с традиционно родовыми пристрастиями, поэтому и загонять всех в общий «колхоз» недопустимо.

Человек должен иметь возможность выбора. Право самому принимать решения относительно своего бытия и своей веры — это наивысшая степень нравственности.

Русский человек всегда был соткан из противоречий: стремление к «вольнице» и стремление к «миру» в равной степени уживаются в нем. И это — не раздвоение личности, это свидетельство многогранности его духовной и бытовой жизни. Свобода воли и общинность — это две взаимодополняющие черты характера, олицетворяющие природное ощущение простора (пространства) и социальную (межличностную) среду, когда индивид подчиняет свое «Я» общему «Мы» не по принуждению, а по осознанию соборности своей Личности.

«Роевое начало» русской жизни — понятие Л. Толстого и личностное начало «маленького человека» — понятие Н. Гоголя и Ф. Достоевского — антитезы лишь по форме. Сущностное органическое единство общего и индивидуального в русском характере отражается в его соборном мироощущении.

«Соборность означает сочетание свободы и единства многих людей на основе их общей любви к одним и тем же абсолютным ценностям» (Н.О. Лосский, цит. по кн. Е. Троицкий «Что такое русская соборность?» — М.: 1993, с. 27).

Абсолютная ценность для русского человека — это **правда**, раскрывающаяся в триаде: **истина, добро, красота**.

Истина — естина — от слова «есть» (П. Флоренский) — это живое естественное существование, единство идеально-духовного и практического начал, проявляющихся особенно явственно в российском соборном мироощущении и миробытии. Истина — в самой жизни, в самом конкретно-рациональном и возвышенно-чудном бытии.

«Явленная истина есть любовь. Осуществленная любовь есть красота» (П. Флоренский, цит. по кн. Вас. Ванчугов, с. 225).

Идеал целостной жизни русского человека — «всеобщее исцеление во всеобщем преображении» (Е. Трубецкой).

Но всеобщее преображение — не есть пассивное ожидание чуда. Преображение есть творческий процесс, требующий организации самого мироустройства, причем

«мир» — это одновременно и Вселенная (космос) и человеческое общежитие, которое должно быть соответствующим образом обустроено.

Но обустройство России — это не создание мононационального русского или славянского государства, что предлагает А. Солженицын и иже с ним.

Соборность тем и отличается от национализма и национал-социализма, что предполагает в качестве главного действующего фактора общенародной жизни не голос крови, не голос веры (православия и христианства вообще, как и любой другой религии), не голос разума, приводящий к научно обоснованной логически сконструированной картине мира, а всеединство людей, вещей и идей.

Соборность есть интегрирующее начало жизни, свойственное в наибольшей степени именно российской семье народов, единой много-народной нации евразийцев, прошедших долгий исторический путь древних ариев, многократно ассимилировавшихся с соседями, и обогащенными от этого возвращающихся неизменно «на круги своя»: Сибирь — Передняя Азия — Хазария — Московия — Сибирь.

В этом семейно обустроенном евразийском мире главное — не общая территория, а общее самосознание и его соборное уложение

Обустройство России может быть жизнеспособным только как иерархически организованное общежитие всех народов, независимо от национальностей, рас и вероисповеданий, объединенных не единством пространственно-временного проживания, а общей идеей соборной жизни, где соборность — симфоническое всеединство, гармоническая согласованность интересов (целей и действий) всех и каждого.

Всеединство — не уравнивание всех и вся под лозунгами т.н. общих человеческих ценностей, а многообразие различных индивидуальностей, совмещающих свое «Я» с общим «Мы» не путем подчинения одного другому, а путем их слияния, когда часть эквивалентна целому. «Я» и «Мы» — равновеликие системы уже хотя бы потому, что сосуществуют совместно, не растворяясь одна в другой, а создавая путем взаимообогащения нечто целое, по системному признаку большее, чем сумма составных частей.

«Я» возвышается не от того, что оно самее, чем «Мы», а тем, что вырастает из общей массы, питается ее соками как яблоня на унавоженной почве, как съедобные грибы из прелой грибницы.

Но единичный росток не расцветет и не даст потомства, потому что ему нужно оплодотворяющее соседство, а любой плодоносящий сад довольно быстро придет в запустение, если ему время от времени не будут делать прививки от более молодых растений из соседнего сада.

Живучи только те особи, которые адаптируются к естественным изменениям окружающей среды и сами влияют на эту среду, подпитываясь и приумножаясь потенциальной энергией.

Но и «Мы» — это не однородная масса безликих «Я», это структурированная соборная организация индивидуумов, живущих в общем экосе и имеющих общее самосознание — общее представление о Правде как духовной основе человеческого бытия.

Итак, «**экос**» как общее домоустройство совместной жизни сообразно природным началам, **соборность** как гармоничность отношений «Я» и «Мы», **правда** (истина, добро, красота) как цель и средство духовных и практических устремлений индивидуального и общественного бытия — вот российская триада, которая вызревает на почве евразийского сообщества народов, их семейственности и под ноосферным притяжением русского космизма.

Можно придать этой триаде более звучное лексическое оформление, но суть от этого измениться не может.

Природный Экос — Общинная Соборность — Космическая Правда — вот триединство российской идеи, которая была, есть и будет основой и нашего самосознания, и нашего миропостроения (в смысле социального и духовного космического обустройства жизни общества и государства).

Я сам ощущаю некоторую тяжеловесность, излишнюю неконкретность и вычурность данного триадического созвучия.

Природный евразийский Дом — Семья народов (Община) — Естина (Правда как абсолютная ценность жизни) — тот же набор составляющих общей единой идеи народов, объединившихся под началом России как «старшего брата» в своем вечном стремлении к Абсолютной Истине на Земле.

Гармония с природой, гармония между людьми, стремление к абсолютным ценностям бытия (максимализм) во всей полноте совместных духовных и обыденных устремлений — вот российское всеединство вещей, людей и идей — отличительная основа российской жизни на земном и около-земном пространстве.

«Удобный экос»

В детстве я любил играть в градоустроителя. На маленьких бумажных квадратах надписывал: жилой дом, магазин, детский сад, больница, завод и т.п., а затем раскладывал эти листочки на общем столе, изображавшем в моем представлении город, в том порядке и в таком количестве, чтобы всем, как мне хотелось, было всего достаточно и все близко. Разумеется, мои представления о жизненных функциях города были достаточно примитивны, но попытки увязать отдельные элементки в общую систему (тогда я еще не знал и слова-то такого) остались в моем миропредставлении на всю жизнь.

Я понимал, что есть нечто самодостаточное для функционирования микрорайона, в котором можно жить: и работать и отдыхать, справлять индивидуальные и общие потребности. Еще не зная, как это нечто проявляется, я обозначал центр своего микрорайона листочком с надписью «Дом Советов», около

которого всегда оставлял свободную площадь, на которую, по моему разумению, время от времени должны были собираться все жители, дабы не забыть друг друга, а всегда иметь возможность сообща поговорить о чем-то взаимно важном да и просто поздороваться.

Этот центр не всегда располагался посредине территории, на которой я раскладывал свой план.

Он мог быть ближе то к производственной, то к жилой части моего городка, но получалось, что именно в этот центр было удобнее, проще всего добираться со всех улиц, со всех заводов, со всех домов — своеобразный центр притяжения всего микрорайона.

Люди из «моих» домов ездили на работу, с работы шли по магазинам, забирали ребятшек из детского сада, иногда вынужденно посещали больницу, в выходные дни шли в кино, в клуб, ездили за город. Одним словом, они жили, как мне представлялось, своей полноценной Обыденностью, но с неизменным стремлением в праздники (или в дни особых событий) к совместному сбору в центре своего городка. Это был не ритуал, а потребность «моих» людей.

Нет, я не стал ни архитектором, ни проектировщиком, ни управленцем городских поселений. Но эта детская игра научила меня конструировать системы, обладающие разными функциями, но неизменно подчиняющиеся общему правилу — быть удобными для тех, кому они предназначались и тяготеть к некоему центру притяжения, являющемуся сердцевинной всей организованной структуры системы.

Быть удобными. Этого качества для меня было достаточно, хотя я и не мог даже сам себе объяснить, в чем эти удобства выражались. Скорее всего я воспринимал этот критерий планирования интуитивно, рассматривая получившуюся схему в целом с какого-то подсознательного восприятия складывающейся гармонии. Я часами мог перекладывать свои «кубики» до тех пор, пока не находил наиболее правильного, удобного, по моим тогдашним представлениям, их месторасположения на общем плане, который был не статичной формой, а моделью динамичного удобного бытия.

И сегодня это понятие — быть удобным — я не могу (думаю и никто не сможет) формализовать, ибо придуманная мною жизнь горожан была достаточно многогранной (а реальная жизнь — тем более).

Удобно — и все. Пытаясь сейчас как-то раскрыть это понятие, я не нахожу полностью адекватного представления. Иногда проскальзывают некие словесные аналогии, например: у-доб-но и доб-ро (доб — рот — но), возводящие принятый мной показатель качества сложной социальной системы к качественной эмоционально-этической оценке.

Наверное, эта (как и всякая) аналогия не есть тождество, но сам факт наличия общих критериев обустройства жизни достаточно большой человеческой группы и нравственных представлений о цели их деятельности — делать добро, представляется оправданным.

Обустройство жизни — не есть извне привнесенный способ организации духовного и практического бытия людей. Это — процесс их самоорганизации, когда полевое взаимодействие различных субъектов проявляет не только их индивидуальные частоты собственных колебаний (собственного движения), но и некий спектр частот общих движений системы.

Эта составляющая — чувство соборности — наличествует у каждого субъекта, находящегося в связи с другими субъектами. И доминирующая роль его поведения в подавляющем большинстве случаев определяется этими подпроцессами общего движения. Только отдельные «сильные» личности со своей энергетикой могут действовать индивидуально. Но в большинстве случаев этот индивидуализм вырывает человека из «мира», делает его изгоем, обрекая на нетворческое прозябание, бесцельное энтропийное расходование своего жизненного (энергетического) ресурса.

И только тот, у кого частота собственного движения близка к частоте движения общего, вступает в резонанс с общественными устремлениями, либо заряжаясь от окружающих дополнительной потенцией, либо своей энергией усиливая общий поток, становясь вождем народа (букв, демагогом), ведающим, как вести массы к коллективным целям, когда соединяются добротность и удобство жизни.

Подобный резонанс может иметь место не только у индивидуума, но и у части и у целого человеческой массы, общающейся между собой.

И тогда группа объединившихся лиц (клан, класс, партия) становится ведущей силой всей массы людей.

Разумеется, чисто внутренней энергии отдельной группы надолго не хватит для водительства больших масс. Тогда эта группа пытается организовать массу не своей энергией, своей моральной или физической силой, не своим духовным и нравственным авторитетом, а объединяя их некими внешними границами, внешними правилами, внешней угрозой.

Так рождается самая распространенная, но не самая эффективная форма организованного общежития — государство.

Кому как покажется, но вместо удобства жизни вступает в силу гос (господство — власть) — удар — ство как принудительный инструмент организации народной массы.

Если еще раз вкратце проследить историю развития общественных формаций, то следует с очевидностью признать, что их суть и форма, в частности, производительные силы и производственные отношения не подчиняются закону причинно-следственной связи, а отражают естественный принцип «будстрапа» — доминирующего действия обратной связи между интересами людей и организацией их жизни.

Уже первобытный коммунизм являл собой форму общественной жизни, наиболее удовлетворявшей естественные, в основном, биологические потребности протолюдей. Только коллективный труд создал человека.

В процессе общения человек сумел не только физически выжить, умножая себе подобных: плодovitость была естественным способом самовыживания. Человек освоил средства общения с окружающими. Коллективный человек стал менее уязвим для внешних врагов. Чисто биологическое продолжение своего «Я» частично сменилось общественным соборным «Мы».

Организация стала компенсировать недостаток индивидуальных физических сил для выживания.

Но организация сразу подразумевает нетождественность, неравенство отдельных людей. С течением времени в обществе появляется разделение труда. Сначала из общей массы выделяются раз-вед-чики и вед-ущие, прокладывающие путь и организующие жизнь вед-омых. Затем из «разведчиков» вычленяется группа ведунов — знахарей, штурманов общественной жизни и вест-ников (учителей), а ведущие формируют вод-ителей (вождей), воинов (охотников и защитников) и про-вод-ни-ков, лиц, обеспечивающих инфраструктуру общественного бытия (бригадиров, надсмотрщиков, торговцев, работников коммунально-бытовой сферы).

Эти 5 групп (ведунов — вестников, вождей, воинов, проводников и основную массу ведомых) характерны для всех типов общественных формаций, а их роль и соотношение меняется по мере роста производительности труда в пользу организаторов общества, проводников-планировщиков, тех, кто делает и чья общественная функция — делать жизнь людей удобной.

«В идее государство есть корпорация, а в действительности оно является учреждением. Проблема разрешается через сочетание учреждения с корпорацией, однако при соблюдении аристократической природы государства» (И. Ильин «Родина и мы» — Смоленск: «Посох», 1995, с. 342).

Этой аристократией, привносящей в казенную жизнь государства идеологически-ведические начала является интеллигенция, мало что могущая, но, по крайней мере, знающая, как...

Организационная функция общества не может осуществляться «на общественных началах». Она требует не только количественного роста числа проводников тех идей, которые привносят в жизнь общества ведуны-вестники; необходимо использование специальных механизмов и методов их деятельности. Все это понуждает водителей формировать особую структуру организации жизни, где на первый план выступает задача не идеологического, а силового навязывания данному сообществу людей тех или иных форм бытия.

И особенно подсознательно раздувается идея врага.

Человек послушно воспринимает это навязывание. Почему? «Уже в силу общечеловеческой природы, объединяющей нас со всеми людьми, следует признать у нас способности и склонности к совершению всего того зла (как и добра — В.Б.), которое когда-то совершалось другими... Никому из нас не дано находиться за пределами черной коллективной тени (по Юнгу — В.Б.), отбрасываемой человечеством» (В. Одайник «Психология политики» — «Ювента, 1996, с. 82).

Поэтому «само существование врага, на которого можно свалить все зло, включая сюда и наши несбывшиеся мечты о перевоспитании и усовершенствовании жизни, — огромное облегчение для нашей совести и для компенсирующего чувства идеализма. Вы можете тогда по крайней мере сказать не колеблясь, кто дьявол; и будете совершенно уверены, что причина ваших бед находится вовне, а не в вас самих... Наше психическое, следовательно, нуждается во враге и даже вносит свой вклад в его создание». (Там же, с. 86, 87).

В первую очередь навязывается идея разделения людей на своих и чужих, спекулируя на естественном стремлении людей группироваться по какому-либо признаку: расовому, национальному, территориальному или по общности социальных интересов, по приверженности некоей общей идее.

Живая система — человеческое сообщество — не есть нечто собранное из неизменных индивидуальностей. Процесс организации системы — двухсторонний: индивидуальности группируются в некие человеческие таксоны (см. Л. Гумилев) по совпадению (синхронизму) собственных устремлений (биологических, духовных, социально-трудовых), но это общее движение, в свою очередь, когерирует (втягивает в синхронизм) поведение индивидуумов, оказавшихся в сфере общения данной группы людей.

Группа закрепляется, когда людям становится удобно быть вместе.

Это «удобство» закрепляется снижением доли коллективных усилий, в т.ч. и тяжести «коллективной тени» — ответственности, приходящей на каждого члена группы.

Но совместное пребывание не может быть равным для всех, всегда существует некий оптимальный размер группы, когда каждый — на виду, никому не удастся проехаться за чужой счет, и в то же время коллективно удобнее справлять жизнь: добывать пищу, удовлетворять потребность в общении друг с другом, общем воспитании потомства и заботе о предках, радоваться общим радостям, жить общими интересами.

Группа сплачивается, когда есть не только внутренние объединительные стимулы, но есть и те, кто по отношению к ней выступает как чужаки — чужой род, чужое племя, чужестранцы, иноверцы.

Этот процесс обособления отдельных частей (групп), внутри которых связи более жесткие, чем с элементами соседних групп, свойственен не только социуму, но и природе вообще.

Попробуйте из атома вырвать электрон и пересадить его на орбиту соседнего атома — сколько потребуется привнести извне энергии. Грибы, растущие из общей грибницы, не сливаются в нечто бесформенное целое, а имеют собственную ножку и шляпку. Эффект «ужа и ежа» — слитности и отдельности, стягивания змей в клубок и ошетинивания особей друг против друга при слишком тесном сближении — это общий принцип природы, который в человеческих группах тоже проявляется, но в большинстве случаев приводит не к пассивному противостоянию, а и к отторжению (конкуренции) индивидуумов, выполняющих одинаковые функции на общем поле.

Первичная социальная ячейка — семья достаточно монолитна, ибо в ней человек и особь противоположного пола имеют все возможности для более полного раскрытия своих физиологических, экономических, эстетических, духовно-нравственных потребностей, своего «Я», который становится полноценным только в условиях интеграции со своим двойником. И эта интеграция приводит к появлению общих интересов, общих целей, общих детей.

Но та же семья становится прочнее, если на горизонте появляется третий, чье вторжение угрожает самому ее существованию.

Но если в семье интеграция идет и на биологическом уровне, то принципиальное отличие социума от живой и неживой природы в том, что постепенно интегрирующим фактором человеческого сообщества становятся уже соображения поддержания устойчивого состояния собственного экоса — экономической и нравственной среды обитания.

Тот, кто живет в нашем «доме» — свой, тот, кто в другом — чужой, хотя компромиссом всегда является не просто добрососедство, а наличие более «общего дома» — улицы, поселения, района, страны, который требуется опять же коллективно обустроить для совместного общего в нем проживания.

Роль группы — общины наиболее существенна в организации общественной жизни людей, ибо в ней действуют не только правила, но и родовые начала общежития.

Общественная система всегда строится по иерархическому признаку: община — землячество — государство.

По мере усложнения системы расширяется понятие ареала — зоны проживания данного сообщества, причем эта зона от родовой и территориальной общности переходит к экоэтическому ареалу своего «дома», в котором, главное, людям должно быть удобно.

В Экосе — главное, чтобы устремления людей были направлены на создание «удобного» мира, для себя и своих, оставляя двери открытыми и для соседей.

Мир удобен тогда, когда у людей есть нечто, возвышающее их над собственными индивидуальными интересами.

Все великие идеи человечества — идея познания, идея денег, идея социального партнерства, идея ноосферы и т.д. — это идеи, которые обязательно требовали коллективных усилий, коллективного взаимодействия.

И когда говорят, что мир развивается только благодаря усилиям индивидуумов — это значит: за деревьями не видеть леса.

Мир удобен только тогда, когда «Я» и «Мы» сосуществуем в общем Экосе, вместе творя общее дело.

Общее дело — одно из неперенных условий коллективного сосуществования, ибо любая система может существовать только будучи динамичной целеполагаемой системой.

Элементарные частицы существуют благодаря своему непрерывному спиновому вихревому вращению. Зеленый лист живет, пока в его клетках с помощью солнечной энергии идет процесс трансформации углекислого газа в кислород. Живой организм существует, пока доставляемый вместе с кровью кислород служит источником непрерывного окислительного процесса, в результате чего необходимая для жизнедеятельности энергия способствует восполнению короткоживущих отмирающих клеток. Так энергия идет на приумножение и структуро-образование организма, приводя не только к самоподдержанию своего тела, но и к воспроизводству себе подобных.

Все заняты общим делом, направленным на расширенное воспроизводство.

«Общее дело» Н. Федорова направлено на физиологическое выживание всего человечества за счет преодоления индивидуальной смерти каждого человека (или оттягивания ее на 200-300 лет).

Конечно, эта идея привлекательна, ибо соединяет интересы каждого и всех в общем устремлении.

Но для *Homo sapiens* важно не физическое выживание, а расширение своего мира своим творчеством.

Только общественный человек творит, делает общее дело, умножая окружающую среду более качественными продуктами собственного производства, нежели он сам есть.

Я, кажется, опять отвлекся. Но не осознав, что цель нашего бытия на земле — найдя свое особое место и осознав свою особую роль в жизни всех окружающих, внести свой творческий (индивидуальный или групповой) вклад в общее дело, бессмысленно говорить об организации нашей соборной жизни, как структурного оформления того принципа удобства коллективной жизни, реализация которого сводит «Я» и «Мы» в общую динамично развивающуюся систему.

В организации этого соборного бытия опасно и нельзя ориентироваться на какой-то единый принцип выделения системы из окружающей среды и противопоставления ее этой среде.

Во-первых, развитие возможно только в открытой системе, там, где идет процесс непрерывного взаимообмена с окружающей средой. Система живет, только реализуя принцип; отдать больше, чем взять. Взять менее организованную энергию, а отдать концентрированный творческий продукт.

Во-вторых, организованное человеческое сообщество нельзя строить на принципах единства крови. Хотя мононациональное объединение и обладает дополнительными центростремительными силами, но оно делает это государственное объединение авторитарно замкнутым и нежизнеспособным.

Также как и построение интернационального социального государства — утопия, ибо отрыв идеи от физического способа существования людей делает это образование эфемерным.

В-третьих, ориентация только на природную общность территории проживания делает человеческое объединение оторванным и от биологически-расовых и от этических (этнически-нравственных) корней, а потому лишает его социальной устойчивости.

Это — то, чего нельзя делать (нельзя допускать) при самоорганизации человеческой иерархической общности.

А возможны — все те формы общественного обустройства жизни, которые будут не препятствовать, а способствовать реализации триединой идеи удобства жизни: дом, добрососедство, творение общего дела.

И государство как вид организации человеческого сообщества — не самоцель, а лишь одна из форм общежития народов.

Народ — семья народов — человечество — носитель идеи жизни и творец ее иерархической самоорганизации.

Россия — не государство. А что?

Народ и государство — это сущность и форма общественной жизни социума. Не русский народ принял форму Российского государства; и не Российская империя сформировала свой многонациональный народ.

И народ и государство рождаются, живут и умирают одновременно. Так, само становление великорусской народности как устойчивой исторической реальности не просто совпало со временем, а стало одновременно и причиной и следствием образования Московской Руси как западного улуса и антипода Орды. Недаром Герцен писал, что русский народ попал из плена Золотой Орды в плен Российского самодержавия.

«История России сложилась таким образом, что народ все свои надежды и упования связывал с государством, смотрел на него как на демиурга общественных отношений и в целом жизнеустройства. Между тем, все беды, которые выпали на нашу долю, имеют своим источником государство — левиафан, подмявшее под себя общество, отождествившее себя с ним» (А.Х. Бурганов «Откуда и куда идешь, Россия?» — М.: Инсан, 1996, с. 69).

Ради справедливости, надо добавить, что государство стало не только источником всех наших бед, но и самым фактором (условием) нашего исторического существования.

Возникшее как форма общественного единения людей в ответ на внешние угрозы с Запада и Востока самому существованию складывающейся исторической общности волжско-окских народностей, государство Московия стало гарантом нашей независимости. И чем сильнее становилось централизованное авторитарное государство, тем отчетливее проявлялась тяга соседних племен и народов «встать под сильную руку» Москвы.

Центростремительным фактором интеграции народов в условиях их борьбы за свое существование была сила государства. Оно же способствовало не только защите от внешних опасностей, но и организации самой жизни своих сограждан.

И люди, повинаясь своему «коллективному бессознательному», охотно подчиняются власти, ожидая и требуя от власти взамен на беспрекословное подчинение столь же безоговорочного удовлетворения своих насущных потребностей.

Власть должна, по их мнению, не только защитить, но и накормить, одеть, одним словом, удовлетворить индивидуума.

Возникает своего рода негласный договор: власть вправе грабить народ, держать его в повиновении, а взамен — народ требует от государства всего самого насущного.

Разумеется, нельзя ждать и требовать от государства одновременно авторитарной силы как средства самозащиты от окружающих врагов и демократической слабости (вечевого устройства) во внутренней жизни. Либо — то, либо — другое.

Все государства сформировались в результате силового единения племен и народов (Россия, Австро-Венгрия), в борьбе религиозных конфессий (гугенотов и католиков во Франции), в междоусобных войнах за ту или иную идею общественной жизни (война Севера и Юга в США).

По мере угасания внешних угроз слабела и централизованная власть государства, уступая место т.н. демократическим институтам — вечу, парламенту, советам. Но вся власть народа, даже в самых что ни на есть по нынешним представлениям демократических странах, есть не что иное, как единственная возможность граждан более или менее свободного выбора вождя народа (демагога) или коллективного вождя — той или иной политической группы — партии.

При этом выбор определяется, как правило, не принципиальными политическими соображениями, ибо различия между демократами и консерваторами, например в Америке, гораздо менее существенны, чем различия между их символами — слоном и ослом. Потому на Западе столь важна роль имиджмейкеров — людей, создающих внешний облик претендентов на роль демагога. Ибо в большинстве случаев выбор определяется не Личностью и уж тем более не политической программой претендентов, а их умением подать себя избирателям в достаточно выгодном свете. Даже любимец публики Фр. Рузвельт во время своих предвыборных выступлений искусно скрывал свою физическую немощь, дабы не вызывать у избирателей сомнений в своей дееспособности.

А публика весьма решительно могла отмежеваться от своих недавних кумиров, как например, это случилось с У.Черчиллем, не потому, что избрала более достойного, а просто из-за того, чтобы продемонстрировать свою пусть кажущуюся, но власть над теми, кто привел ее к победе в войне, но кто не стал столь нужен в мирное время. Победителей — не судят, от них — избавляются.

В этой кичливости толпы наглядно видна психологическая особенность массы, по прихоти своей возносящей и ниспровергающей кумиров, а по сути стремящейся уравнивать всех на своем уровне, по своим меркам. Не высовывайся, пока тебя не подсадили, не возомни, что ты что-то собой представляешь. Тебя представляют.

Тот из лидеров, кто понимает свою зависимость от толпы, пытается подстроиться под нее, подыграть ее примитивным интересам, сойти за своего. Блестящий пример тому в нашей стремительной действительности — Владимир Вольфович Жириновский, а в недавнем прошлом — «душка» Керенский.

Но толпа недолго дает им командовать собой. Она как девица легкого поведения быстро отдается первому встречному, и столь же быстро охладевает к нему, не испытывая при этом никаких глубинных чувств.

Большей властью над толпой обладают те, кто, понимая сиюминутность ее увлечения, далее берут массы в ежовые рукавицы, постоянно обращая ее естественную агрессивность не на себя, а на истинных, а по большей части придуманных внутренних и внешних врагов. Такими в истории XX столетия были и Ленин-Сталин, и Гитлер, и Мартин Лютер Кинг, всколыхнувший негритянскую толпу в Америке, и Б. Ельцин — «могильщик российского коммунизма», и его друг Билл Клинтон, натравливающий мировое общественное мнение на арабских террористов, а по сути играющий на низменных чувствах американцев — быть полновластными хозяевами мира, быть самыми, самыми...

«Общественным мнением на Западе называется не стабилизированное, прочное, глубоко укоренившееся в народе убеждение, а, скорее, известные, очень изменчивые народные настроения, возникшие к тому же не самостоятельно, а искусственно привитые политическими партиями. Политические партии в (так называемом — В.Б.) демократическом государстве инспирируют такое «общественное мнение» по любому вопросу политики. Партии вызывают и пробуждают политические настроения, разжигают страсти и их культивируют. Такое общественное мнение, по большей части, создано искусственно, вздуто и не отвечает ни интересам отдельных слоев, ни интересам государственного целого. Существуют особые приемы такого возбуждения «общественного мнения» — это политическая агитация, вооруженная ныне всеми приемами новейшей рекламной техники. Оттого «общественное мнение» в демократической Европе меняется так же, как погода. Сегодня оно склоняется на сторону консерваторов, завтра — на сторону социалистов», — писал еще в 20-х годах нынешнего века Н.Н. Алексеев в статье «Евразийцы и государство» (см. сб. «Мир России — Евразия» — М.: Высшая школа, 1995, с. 186-187).

Российская «погода» в отличие от атлантической умеренности подвержена еще более резким переменам. И связано это не только с природной континентальностью, но и с экстремистским менталитетом русского народного характера, на который среда обитания наложила неизгладимый отпечаток.

Но еще больше, чем континентальный климат, на характере русского народа сказалась человеческая среда обитания, где дружба и вражда соседей чередовались в зависимости от смены их общественных интересов, а те, в свою очередь,

определялись возникающими и распадающимися союзами. То россияне дружили, то воевали с Ордой, то вместе с татарами воевали против поляков, то с немцами и австрийцами — против французов, то с французами и поляками — против немцев.

Такая достаточно частая смена партнеров и недругов определялась не капризностью россиян, а их особым срединным положением на евразийском континенте, когда не народ, а государство вынуждено было приобретать союзников не по прихоти, а по нужде, дабы в этом извечном противостоянии «восток — запад» (Азия — Европа) устоять как самостоятельный народ со своей государственностью.

Для России государственность была неизбежной, вынужденной формой общественного обустройства народной жизни, ибо без крепкой централизованной власти, которая была не столько символом, но и самим фактором сильного государства, невозможно было выжить в условиях непрекращающегося за всю историю давления на Русь извне. Но любая медаль имеет и обратную сторону.

«Государство пухло, а народ хирел» (В. Ключевский).

С одной стороны, доминантой российского государства была внешняя, а не внутренняя политика, стремление распространить власть двухглавого орла на все более широкий ареал евразийских земель.

С другой стороны, внутренняя политика была противоречивой. Со времен Петра I самодержавие все больше и больше ориентировалась на казенную промышленность, т.к. именно она давала государственному хозяйству необходимую для поддержания военной мощи страны горнорудную продукцию, армейское снаряжение и другую технику. Милитаризация всей хозяйственной жизни страны была историческим уделом России.

В то же время активное развитие крупных производств стимулировало развитие пролетариата, которому «нечего терять, кроме своих цепей». Индустриализация страны приводила к появлению класса могильщиков капитала, создавала условия для ускоренного созревания зерен социалистического мироотношения.

«Октябрьская революция свершилась, потому как она была неизбежна. И она по замыслу могла быть в своей главной тенденции, по своим движущим силам ... только социалистической» (А. Бурганов, с. 76).

Сегодня не следует изображать эту революцию ни злом, ни благом для российского народа. «Нет такого явления ни в природе, ни в обществе, чтобы оно несло в себе лишь хорошее, доброе. Все состоит из плюсов и минусов» (там же, с. 77).

Эта революция достигла успеха (а более чем 70-летний срок существования советской власти есть несомненный успех социализма), потому что она опиралась не на узко государственно-патриотические идеи, а на глубинные чаяния народа о чуде, о социальной справедливости, об интернациональных представлениях о человеческой «семье народов», как это имело место в многонациональной России.

Для Российского государства идеи социализма были чужды. Для российского общества, которое воспитано на глубоких народных истоках и является рупором

«народной воли», идеи социализма были хоть и занесены извне, но очень хорошо отражали исконно народные устремления, а потому и были поддержаны почти всем народом.

Несомненным идеологическим достижением большевиков и лидера коммунистов — В.И. Ленина было органическое слияние научного интернационального коммунизма с подлинно российским социалистическим народным мировоззрением, ясное представление о том, что идеи социального общества шире любой государственной идеи.

Желая поражения «своему» (российскому) правительству в империалистической войне, большевики привели народы России к победе социализма, понимая Россию не как государство, а как своеобразное социальное образование на территории Евразии. И если Финляндия и Польша исторически не восприняли идеи социализма, т.к. были больше заражены духом не восточного коллективизма, а западного индивидуализма, то их потеря для Советской России была естественным процессом. В то же время многие народы Средней Азии, у которых было много существенных отличий от коренного населения России, тем не менее достаточно вписались в новый социум.

Религиозные разногласия между исламом и православием оказались для народной жизни менее значимыми, чем социально-религиозные противоречия между коллективистским православием и католическим индивидуализмом.

Главным при этом явилось то, что нация, отождествляемая с той или иной религией, воспринималась большевиками как культурная, а не социально-экономическая общественная формация. Недаром в народе говорят: армянин — национальность, еврей — профессия, а быть русским — судьба. Судьба у нас такая — быть мировой лабораторией новых социальных отношений. И эти отношения формируются в обществе, а не в государстве.

Россия — это не империя, не нынешнее федеративное государство. Россия — это общая судьба народов, объединившихся вокруг Москвы под сенью то двуглавого орла, то рубиновых звезд. Россия — это страна (не государство), «семья народов», имеющая не общие границы единой территории, а при сохранении национально-культурной самостоятельности отдельных народов — общий природно-нравственный и духовно-социальный менталитет.

Единство природного фактора (большая схожесть беломоро-кавказской и западно-сибирской равнин по сравнению с западно-европейским ландшафтом), сходство жизненного лесостепного уклада, а еще больше — единство цели: выстоять в борьбе с земными неурядицами и повторить на земле небесную (космическую) спиралевидную сущность — вот общие черты евразийского (российского) менталитета.

В XX веке эта космическая сущность выразилась в попытке создать земной рай — коммунизм.

И эта социальная цель интегрировала народы на духовном и бытовом уровне гораздо сильнее, чем их национально-религиозные различия.

Единый советский народ — действительно новая историческая межнациональная общность людей, которая не замыкалась рамками СССР, а имела свой более широкий ареал на территории Евразии.

Ассимиляция русских с украинцами и казаками, прибалтами и евреями по сути не уничтожала национальные черты ни тех, ни других, а взаимно обогащала всех не только их культурным достоянием, но и новыми идеями социальных отношений.

Советский Союз заведомо не пытался остаться на базе одной доминирующей нации, а создавал равные условия для духовного и социального развития всех. Сколько народностей получило свой язык, свою письменность, возможности для развития своей национальной культуры.

И имевшие место перебои, когда у туркмен, например, число научных сотрудников и лиц с учеными степенями на тысячу жителей было выше, чем у жителей многих европейских районов СССР, — это перебои в создании условий для развития всех народов, а не принципиальный порок той системы.

И Россия в этом Союзе занимала особое место «старшего брата», который, даже не имея своего юридически оформленного надела, брал на себя ведущую роль в управлении общим «семейным» хозяйством.

Когда с началом «перестройки» ослабели узы централизованного управления, по сути, только прибалты всерьез заговорили о выходе из Союза, потому что их исторический менталитет, жизненный уклад, был более сориентирован на атлантический индивидуализм, нежели чем на коллективное хозяйствование.

И этот момент был наиболее благоприятен для цивилизованного гражданского развода, для реализации декларированного права наций на самоопределение, как это в свое время имело место с Польшей и Финляндией.

Вместо этого ура-патриоты (ярые государственники) возопили о необходимости сохранения «единого и неделимого», забыв о том, что Союз создавался путем добровольного объединения самостоятельных государственных образований на месте бывшей Российской Империи. И потому столь же добровольно он мог отпустить желающих на «вольные хлеба». Тем более, что те же прибалты добивались вначале права на самостоятельное хозяйствование, а полное обособление откладывалось на «далекое потом». Но запретительные действия центра ускорили процесс деконсолидации Союза.

И совсем уже провокационными были призывы к выходу из Союза самой России, на которой этот Союз и держался. Хотя в устах писателя В. Распутина это было высказано как якобы самое абсурдное предложение, но ... мысль была озвучена.

А межрегиональная депутатская группа, не получив поддержки на Съезде народных депутатов СССР, смешав в кучу и позицию «агрессивно-послушного большинства» и ура-патриотов, сделала акцент на завоевание власти в ведущем субъекте Союза, взяв курс на отделение России, возбуждая поиск врага в лице нерусских народов, якобы паразитирующих за счет «старшего брата».

И она — эта группа, лидером которой по сути были Г. Попов и Ю. Афанасьев, а для внешнего мира — «обиженный» властью Б. Ельцин, добились развала Союза, а не украинские «самостийщики», добились, исходя не из исторической необходимости и реальной потребности народов СССР, а из желания властвовать — пусть даже и не на всей территории прежнего государства.

Этот исторический факт, мне представляется, важен не только по своей печальной сути, но и как наглядное свидетельство того, что государство — вторично по сравнению с идеей (пусть даже и ложной) о национальной самостийности и национальных приоритетах.

Справедливости ради следует сказать, что Советский Союз не был однородным образованием. Прибалтика, Западная Украина и Западная Беларусь, где сильны были не только католические настроения, но и весь жизненный уклад базировался на иных исторических традициях и ценностях в духе евроатлантического индивидуализма, явно не вписались (пока?) в общесоюзное ментальное пространство. А другие республики, в т.ч. и закавказские и среднеазиатские, не помышляли о выходе из Союза не потому, что они паразитировали на российских ресурсах, а потому, что у них был схожий уровень мироощущения, а религиозные разночтения единого мира частично шунтировались официальным атеизмом.

Государство как учреждение неизмеримо уже социально-полиэтнической системы, какой был СССР и какой еще предстоит стать России.

Но если Советский Союз был объединенной системой народов с явно выраженной и понятной массам идеей всеобщего социального равенства, идеей не только государственной, а далеко выходящей за рамки даже полиэтнического сообщества — идеей социальной, близкой по духу к евразийской ментальной идее, то России еще предстоит найти свой идеологический стержень, без чего она не может состояться ни как государство и уже тем более как социальная общность.

Россия — больше, чем империя,
и шире, нежели страна,
она — грядущая мистерия,
народным духом создана.

Россия — это целый живой многогранный мир.

Если плотью этого мира является государство, то в качестве духа — российская идея. А поскольку дух всегда шире плоти, его нельзя втиснуть в рамки плотного тела, то и дух России — ее идея — шире гражданского государственного обустройства.

Дух России, пусть в своем специфическом виде, был присущ и тем выходцам из страны, которые говорили в своих семьях по-русски, дышали русской культурой, ностальгировали по родным местам.

Но этим же духом вдохновились и те, кому обрыдла атлантическая чопорность, западный меркантильный рационализм.

Даже А. Жид в своем «Возвращении из СССР» (М: Изд-во политической литературы, 1990), в целом негативно отзываясь о порядках в Стране Советов, вынужден признать «налицо факт: русский народ кажется счастливым» (с. 135) и далее «Нет хлеба, но будет зато чем гордиться» (с. 130). Это как раз свидетельствует о том, что «не хлебом единым» живет русский человек, а наличие у «советских собственной гордости», позволяющей «на буржуев смотреть свысока» есть свидетельство высокого народного духа, который невозможно вызвать распоряжениями партии и правительства, а есть признак того, что коренной дух России, дух гордости и самоуважения, не угас и в смутные сталинские времена.

Это сегодня он зачах под натиском чужеземной рекламы.

И до тех пор, пока не возродится этот дух, говорить о возрождении России не приходится.

Да, Россия не может состояться только как государственное учреждение. Полиэтническая система не может сколько-нибудь длительно существовать в бюрократических рамках: либо она потребует жесткой диктатуры и жесткого централизованного управления не только экономикой, но и всеми сферами жизни; либо она превратится в охлократию — власть толпы с самыми примитивными социальными интересами — грабь награбленное.

И то, и другое мы уже проходили, но как будто с завязанными глазами проходим еще раз по тому же самому кругу.

Россия может состояться только как некое духовно-социальное единение народов в общий союз, основанный не на принципах принуждения, а на базе природных коллективистских начал, которые были, есть и будут свойственны нашей полиэтнической евразийской системе.

Россия — это Соединенные губернии Евразии с иерархическим принципом построения регионально самостоятельных объединенных структур (Север, Средне-Русская равнина, Юг — Кавказ, Поволжье, Урал, Сибирь, Дальний Восток), с подобного же рода региональными объединениями Казахстана, Средней Азии, Афганистана и др. структурами.

Об этом типе государства — Соединенных Штатах Евразии — говорил еще на I-м съезде народных депутатов СССР академик А.Д. Сахаров.

Идеи Хельсинского Соглашения о нерушимости послевоенных границ «приказали долго жить» в связи с распадом Югославии и Советского Союза и воссоединением Германии.

Сегодня мы находимся в стадии перегруппировки народных и государственных союзов.

События в Боснии и Приднестровье, в Абхазии и Чечне достаточно убедительно, на мой взгляд, свидетельствуют о том, что сейчас нельзя цепляться за нерушимость государственных границ, а важнее говорить о праве наций (и народов) на самоопределение.

Право на цивилизованный развод, оговаривающий при этом права детей, есть общепринятая процедура жизни. Не лучшая, конечно. Но еще хуже силовое стремление заставить не любящих по тем или иным причинам людей жить (существовать) вместе.

Ничего, кроме взаимной озлобленности, это не принесет.

Следует не декларировать, а сделать священным право народов, не только государств, но и отдельных регионов, жить так, как они считают для себя лучшим. Будет хорошо им, станет хорошо и соседям.

Сегодня ничего другого, кроме права Чечни-Ичкерии жить по своим законам, нельзя предложить для успокоения Кавказа. Отделиться от России и другие народы — их право. Надо лишь оговорить соответствующие условия, дабы люди разных национальностей не чувствовали себя в новых государствах изгоями. Так, как это случилось в Прибалтике.

Россия может состояться не как «единая и неделимая» Империя, а только как конфедеративный Союз земель и народов, где главное — коллективный дух и коллективные интересы, а не общие границы и единая власть.

Когда же ура-патриоты и власть предержащие российские политики твердят о недопустимости нарушения целостности России и ссылаются при этом на недавно принятую Конституцию, остается только пожалеть их и себя. Они не понимают, что «насиленно мил не будешь», что Конституция — это рукотворный временный документ, а в жизни народ руководствуется больше не однажды им проголосованным решением, а многовековым опытом общегития.

Региональная самостоятельность земель, определяемая их географической, хозяйственной связностью и относительной обособленностью, внутренней национально-религиозной общностью, может быть скомпенсирована более значимым для жизни народов фактором — их социальнодуховной общностью, которую еще предстоит возродить в новых исторических условиях на новых принципах евразийского всеединства.

И эта общность уже не потребует жестко очерченных государственных границ, общей армии, единого хозяйственного управления.

Если Россия и Чечня могут построить свои союзные отношения на хозяйственно-экономическом единстве интересов (России нужен чеченский коридор для транспорта каспийской нефти, для выхода к горам Кавказа), то для интеграции всех других регионов чисто экономического единства уже недостаточно.

Россия — духовная грядущая мистерия, где духовность — не есть нечто религиозно-мистическое, а лишь подчеркивает необходимость «брахманической» полноты Мира Сущего, охватывающего различные стороны народной жизни: быт и пассионарные волны, перекачивающиеся от одних народов к другим, экономику и культуру, мир разума и духовной ментальности, ноосферный мир и мир стихий, природно-космический и социальный миры.

Россия — не государство со всеми его атрибутами.

Россия — грядущее «семейное» общежитие народов, где у каждого может быть свой дом — экос, свое государственное устройство, а вместе Мы — система, нечто общее, большее, чем сумма составляющих.

Куда идем?

Стоило победившему на выборах Президента России Б.Н. Ельцину высказаться о необходимости разработки национальной идеи, как вся пишущая братия бросилась обсуждать ... нет, не саму идею, не ее смысл и суть, а поставленную задачу.

Ах, как актуально! Да нет, господа хорошие. Поздновато. Сто лет назад, когда Вл. Соловьев в 1888 г. выступил в Париже (заметьте, не в Москве и С-Петербурге, а в Париже) с лекцией под названием «Русская идея», это было своевременное. А еще лучше — в середине прошлого века, когда Ф.М. Достоевский впервые употребил само словосочетание «русская идея». Тогда речь шла действительно о национальной идее русского народа, о его самоидентификации в многонациональном сообществе народов России. Но привело это лишь к великорусскому черносотенному национализму.

Интеллигенция пыталась в начале века определить новые «Вехи», но общество пошло по пути, отмеченному иными — социалистическими вехами. Этот путь отвечал исконным чаяниям народа: вере в чудесное само собой осуществившееся материальное благополучие, надежде на всеобщее равенство, любви к абсолютной правде — истине.

«Пролетариату нечего терять, кроме своих цепей. Приобретет же он весь мир» — одного этого достаточно, чтобы воодушевить наиболее организованные и активные рабочие массы.

Социализм в России — не случайность, а историческая закономерность, ибо как никогда российские «вера, надежда, любовь» совпали с интернациональными идеями коммунизма.

«Русский эксперимент» — состоялся!

Россия стала страной, в которой впервые в истории человечества была осуществлена вековая мечта угнетенных и обездоленных — было создано общественное устройство именно в их интересах» (А. Зиновьев «Русский эксперимент» — М.: «Наш дом», 1995, с. 435).

«Как бы ни пошло развитие человечества в будущем, история человечества немыслима без истории коммунизма. Коммунизм не может исчезнуть бесследно. Он уже сделал свое великое дело. Он уже вошел в плоть и кровь человечества, как это произошло до него с христианством» (там же, с. 428). Не только с христианством, но и с другими религиями — буддизмом, исламом.

Но не надо хныкать о том, что «русский народ в массе своей либо остался совершенно безучастным к происходившему на его глазах разгрому коммунизма, либо поддержал разрушителей и стал соучастником беспрецедентного в истории

преступления против самого себя, против угнетенных, обездоленных и униженных во всем мире как в прошлом, так и в настоящем и будущем» (там же, с. 435).

В 20-х годах русский народ остался «безучастным» к разгрому религиозных храмов, но от этого религия — не умерла. На наших глазах народ остался «безучастным» к разгрому не коммунизма как идеи, а к слову олицетворявшей ее на данный момент партийно-государственной машине.

Но идея социальной справедливости — осталась. И будет жить вечно. Не равенства, а справедливости. Существенная разница, хотя оба слова — однокоренные.

Нет, не прав А. Зиновьев, с горечью заключая, что «русский коммунизм погиб».

Погибла лишь одна из форм осуществления этой идеи, оказанной догматическим ее навязыванием всем и вся, не учитывающая реалий современного мира, в первую очередь возможности и необходимости соединить материальные и духовные интересы людей.

Как ни странно, но именно материализм, как основа коммунистической доктрины, утверждавший, что бытие первично, а сознание — вторично, продемонстрировал свою реальность в житейском споре, что лучше: капитализм с его материальным благополучием или социализм с приматом идеи над бытом.

Но главная ошибка и бесперспективность любого строя состоит в попытке установить очередность в общей связке: материальное — идеальное. Они сосуществуют только вместе.

И потому путеводная идея всего человечества может быть только биполярной или многополярной, как и все в мире.

И быт и дух — два полюса одной
глобальной человеческой семьи,
а мы — лишь содержание родной
словами не измеренной земли.

Это содержание «Мы» несводимо лишь к нашей приверженности той или иной социальной идее.

Социум — это лишь один из миров нашего многогранного существования.

Не менее важен тот исконный дух России, который питается прежде всего природной энергией Земли и Космоса.

Россиянин (пока еще) ближе к природе, особенно, в российской глубинке, где купаются в живой речке, а не в искусственном бассейне, ходят босиком по траве и песку, а не по экранирующим земную энергию синтетическим газонам, дышат чистым зимним воздухом, не испорченным автомобильными выхлопами, пьют парное молоко без консервантов.

Именно еще доступная нам близость к природе иницирует в душах деятелей русской культуры космические мотивы, гармонию цвета и звука, присущую неисчерпаемой по своей глубине природе, а не выспренным упражнениям уставших

от монотонности жизни сюрреалистов, народную орнаменталистику и архитектуру, созвучную природным рационализму и красоте, а не повсеместно насаждаемым однотипным железобетонным монстрам.

Типизация и унификация культуры — неизбежно влечет к ее энтропийности и вырождению.

Самое большое зло — это загрязнение среды не производственными отходами — пока природа обладает необходимым ресурсом и способностью к самовосстановлению. Гораздо большую опасность для человека представляет информационное загрязнение ноосферы продукцией т.н. «массовой культуры»; описанием и показом убийств, насилий, секса, пустопорожней мелодраматической жизни пресыщенных бездельников и бездельниц. Средства массовой информации становятся средствами массового отравления сознания и души человека низменными инстинктами, бездуховностью и бессмысленностью.

Против этого у отдельно взятой человеческой особи нет противоядия, а если общество молчаливо потакает этому разложению индивидуума, то разрушается и само общество. Лишь природная близость единичного и целого устраняет то противоречие между индивидуальностью и всеобщим стандартом жизни, в котором погряз урбанизированный запад.

Не противостояние между социализмом и капитализмом — суть нашей эпохи, и даже не их конвергенция как механическое слияние плюсов и минусов того или иного «изма», а гармония природы, человека и социума.

Все «измы», которыми мы привычно оперируем, так до конца и не могут раскрыть суть того общества, к которому мы интуитивно стремимся, порою шарахаясь из одной крайности в другую: от материализма — к идеализму, от социализма — к капитализму. И наоборот.

И все же есть она — магистраль того общественного движения к абсолютному счастью, она для каждого выступает своим ему одному лишь ведомому пунктиром, а для всех вместе — размытой спиралью, где главное — не точечные пространственно-временные координаты, а... тенденции, учитывающие взаимовлияние космоса и индивидуального человека, всего человечества и отдельной семьи, ландшафта и этноса, государства и народа, России и ее социума.

Магистраль эта в своих тенденциях повторяет «Спираль миров», а идем мы по «Пути Эго», но ... идем.

Мы — Россия. Нам мало одной государственной идеи, к которой так равнодушен русский человек. Равнодушен взаимной любовью и ненавистью. Никто не в силах создать идеальное государство, в котором эти противоречия между Личностью и машиной были бы преодолены. Не только в реалии, но и мысленно, даже в планировочной игре.

Только детскому интуитивному воображению понятно, что Это... должно быть удобным; если не для всех, то для того большинства, которое не кичится своей ролью «угнетенных, обездоленных и униженных», а пытается расширить свое амплуа,

осознав себя творческим началом жизни, понимая, что для общего дела нужно не пассивное ожидание чуда, а сотворение.

Важно только, чтобы вектор твоих индивидуальных усилий совпал с вектором общественного движения. Тогда сила и жизнь каждого, будучи когерентной общему потоку, не пассивно понесет тебя по волне, а будет умножать силу общества, где и Я, и Мы, и Они, не сшибаясь между собой в хаотическом броуновском движении, будут реализовывать общий негэнтропийный принцип жизни: отдать больше, чем взять.

Не надо поворачивать реки вспять, не надо пассивно охранять природу, не надо надеяться на приходящее чудо.

Чудо — в том, чтобы понять незыблемые в своей абсолютной основе законы живой природы и жить, сообразуясь с ними.

И дело — не в индивидуальном самовоспитании, когда один смог, а другой — не сумел гармонизировать себя и общество. Общество, более могущественное, чем государство, может и должно взять на себя функцию управления (формирования общественных правил и отслеживание их соблюдения всеми, а не только избранными) культурной и нравственной жизнью своих членов.

Как же перевести на русский язык эти законы, которые управляют нами. Кажется, вот-вот, и мы сумеем облечь их в словесную формулировку (христианство, коммунизм, космизм), но каждый раз поток жизни вырывается из искусственных словесных берегов и, разрушая теоретические нагромождения, несет нас вперед (назад?).

Каждый раз мы видим, что все (?) окружающее уже когда-то было, но все равно ноуменальный (умопостигаемый) мир демонстрирует нам и отличие одного витка от предыдущего. И только поняв эти отличия, можно представить себе (сознательно и интуитивно), что прибавит к нашему (или наших потомков) существованию очередной виток. Разумеется, это приращение за виток есть производная общей жизни. Но и она сама подвержена периодическим колебаниям (со своими приращениями).

Поэтому осознать, куда идем, можно лишь на определенный исторический период, когда тенденции можно считать устойчивыми. Но при переходе от одного тысячелетия к другому поток жизни меняет не только свою первую производную, но и более высокие динамические показатели.

И поэтому многие наши прогнозы носят гипотетический характер. Но чем более полный исторический спектр мы будем рассматривать, свою историю вкупе с историей окружающего социума, тем уже и уже канал домислов, тем более определенным и более очевидным предстает нам завтрашний день.

Будет ли он? — Да.

Буду ли Я? — Нет.

Будем ли мы? — Очевидно.

Будет ли Россия?

Как государство — нет. Как идея — да!

Российская идея, которая может называться «русской» лишь постольку, поскольку мы говорим и пишем на общепринятом русском языке, — это триадическая идея: государственное тело и социум, сконструированные по принципу иерархического собора; душа народа, склонная к чудности, правде, красоте как «явленной истине»; природный космизм, когда земная жизнь людей гармонизирована с естественным спиралевидным развитием Вселенной.

По какому же пути должно пойти наше общество, чтобы очевидность (вероятность) будущего возрождения России как нашего многогранного Мира Сущего состоялась?

Чем скорее мы поймем, что будущее России — не в силовой защите ее порубежной целостности, а в духовном интересе, экономическом удобстве совместного проживания народов в единой общей «семье», тем более привлекательной станет идея Большой России как Евразийского Союза больших и малочисленных наций и государств.

Россияне, как бы они ни назывались: казаки или сибиряки, кавказцы или казахи, татары или северяне, — это не просто обитатели определенной территории и граждане одного государства. Россияне — это те жители планеты, чье жизненное кредо совпадает с общим смыслом российской идеи: жить в гармонической близости к природе, действовать по добрососедски, отдаваться делу и вере целиком, без остатка. И они останутся россиянами, где бы ни жили в данный момент: на Урале или за Океаном, в Москве или Севастополе, в Тюмени или в Средней Азии.

Российское же государство — это не столько административно-территориальное образование из нынешних земель, а ядро будущего Евро-Азиатского Союза, в котором главной функцией будет не военно-полицейское умиротворение внешних и внутренних «противников», а организация системы жизнеобеспечения и интеллектуального духовно-социального развития общества, состоящего из граждан различных национальностей, с гордостью ощущающих себя, где бы они ни проживали, членами одной большой семьи: мы — российский народ.

Да, у себя дома я могу быть русским или чеченцем, белорусом или узбеком, башкиром или чукчей. Но одновременно же Я — россиянин.

И я буду говорить это с гордостью, потому что не только у себя на Урале или на Кавказе, в Сибири или в Москве буду чувствовать себя уважаемым сородичем, но и в любой столице мира с достоинством и самоуважением будем представляться: Мы — из России.

Но для этого прежде всего нам нужно осознание нашего места в мире, места возрожденной духом России.

Права Е.Н. Мельникова, утверждающая, что «задача всех граждан состоит в том, чтобы умом, головой, мозгами (и духом — В.Б.) понять свою прекрасную страну Россию, выпустить на простор российский интеллект, впустить в страну мировой. Это самый дорогой и мощный ресурс развития» («Час X. Россия 21 век» — М.: 1996, с. 667).

Россия вышла из СССР в прямом и переносном смысле.

Искусственная кастрация прежде единого Союза, его периферийных районов, попытка скукожиться до размеров чисто национально-русского государства не только сузила жизненное пространство, но и лишила нас уверенности в себе, доставляемой прежде коллегиально-родственным, «семейным» проживанием в общем «доме». Идея «советскости» предана хуле и даже заменена многими борзописцами словечком «совки», что отнюдь не вызывает чувства самоуважения.

Не надо драму, переживаемую обществом, превращать в трагедию или фарс.

К нашей нынешней ситуации очень подходят слова А.В. Луначарского о том, что литературное отражение жизни — «это зеркало перед человеком, и не такое, заглянув в которое он испугался бы и начал бы искать гвоздь и веревку, а такое, взглянув в которое, он увидит, что ему нужно помыться и побриться» («Статьи о литературе», т. 2 — М.: Художественная литература, 1988, с. 386).

Да, нам нужно привести себя в порядок, отряхнув со своего костюма пыль и прах ушедших времен. Но не надо рвать на себе рубаху, лучше засучить рукава и примерившись, поняв «как», приступить к деятельному возрождению России.

Здоровый дух — в здоровом теле. Но часто и тело укрепляется душевным комфортом гораздо надежнее, чем пилюлями или силовыми упражнениями.

Возрождение России — это прежде всего устранение дискомфорта жизни народов в общем доме — Экосе, вызванное их принудительным поселением вместе с принуждением жить по неким общим законам, не учитывающим народных традиций и обычаев, народной ментальности. Один из способов погубить народ — это вырвать его из привычной среды обитания, как это было недавно с северянами, детей которых отрывали от родителей и стойбищ и свозили на полгода в интернаты. И от привычной жизни они отлучались, и к новой «цивилизации» не привыкали.

Как с горечью и надеждой пишет нынешний Президент Республики Саха (Якутия) Мих. Николаев: «На Севере наиболее отчетливо видны плоды безжалостного разрушения окружающего материального и внутреннего духовного мира человека. За несколько десятков лет оказались попранными традиции гармоничных взаимоотношений человека и природы, а, следовательно, разрушен и гармоничный внутренний мир...

Экологический кризис стал результатом следования ложной установке в отношениях человек-природа, при которой природу необходимо покорять, особенно непокорные Север и Арктику (возможные места нашей прародины — В.Б.). Утилитаризм и антропоцентризм этой установки, исходившей из понимания технологического превосходства человека над природой, стали исторической ловушкой. Наступило время отчуждения между людьми и целыми поколениями, пренебрежения культурными традициями, утраты смысла жизни, эксплуатации одних регионов планеты другими...

Преодоление отчужденности человека от человека (человека от родной ему природы — В.Б.) — куда более трудная задача, чем преодоление отчужденности государства от человека...

...Духовность (не отождествляемая с религиозностью — В.Б.) и сегодня должна стать мощным рычагом переустройства нашей жизни, ключом к пониманию и достижению поставленных целей на пути возрождения Якутии и России...

Главное для будущих поколений все же не обретение знаний и профессиональных навыков... Мы убедились, что это — не самое трудное... Постигание смысла, на мой взгляд, это и есть та духовность, дорогу к которой так тоудно найти...

Рациональное и духовное освоение мира должны идти рядом ... Мы быстро придем к материальному благополучию. Но долог и труден путь к взаимной любви и состраданию. Непросто выйти за пределы эгоистических интересов, своекорыстия, мелочных расчетов. А без этого ни о каком возрождении Отечества не может быть и речи. Поэтому будем славить духовность в лице матери, знания и природы» («Независимая газета» от 02.07.96).

Я и не заметил, как увлекся цитированием этой замечательной статьи не религиозного просветителя, а Президента Республики.

По-моему, даже дело не в его профессии или должности, а в том глубоком понимании роли духовных (природно-этических) начал в возрождении России.

Мне импонируют эти взгляды северянина еще и потому, что они, на мой взгляд, возвращают нас на современном этапе исторической спирали к тем арктическим первоосновам, когда Арктида рассматривалась как прародина евразийских народов, и утверждалось, что «могущество России прирастать будет Сибирью и Северным Океаном» (М. Ломоносов «Избранные произведения» — М.: Наука, 1986, т. 1, с. 490).

Возрождение России — это приобщение к ее истокам.

Возрождение России — это, прежде всего, создание условий для развития ее глубинки, там, где еще сохранилось умение и стремление народа своим трудом, а не заемным капиталом создавать подлинные материальные и духовные ценности жизни.

Возрождение России — это новый виток ее культуры, не просто созерцательное отражение человека среди природы, а в первичном смысле слова (cultur — возделываю), путем восприятия, заимствования у природы ее способности доставлять людям продукты и энергию, необходимые для жизнеобеспечения человека и как сырья для изготовления других потребительских товаров, применение которых создает людям необходимый комфорт существования.

«Культура возможна только в скрещивании, сочетании, взаимопроникновении законов природы и законов духа» (Е.Н. Мельникова «Час X. Россия 21 век», с. 216).

Возрождение России — это государственная забота не о валовом производстве сырьевых и потребительских товаров, а, в первую очередь, обеспечение

инфраструктуры бытия: энергообеспечения, транспорта и связи, телекоммуникаций, развитие природных заповедников и мест отдыха, здравоохранения и образования.

Инфраструктура должна не обособлять регионы, не обрекать их на самовывживание в изоляции, а создавать условия для интеграции людей, для взаимного их развития, для эффективного использования богатейших природных ресурсов в интересах всех и каждого.

Возрождение России — это сочетание хозяйственной самостоятельности регионов с учетом природно-самобытного разделения труда (зачем выращивать кукурузу на севере или в Средней Азии — пусть там занимаются лесным промыслом или хлопководством), сочетание с государственной политикой развития стратегически важных для существования единого государства регионов (северного шельфа и Приморья как открытых окон в соседний мир).

«Думать глобально, действовать локально» (Э. Тоффлер, цит. по кн. Мельниковой Е.Н. «Час X. Россия 21 век», с. 208).

Возрождение России — поддержка народных талантов.

Они появляются, как правило, вблизи мест с сохранившейся природной гармонией. И не надо тащить их обязательно в Москву, надо, чтобы таланты не чахли, а вызревали на родной почве.

Сумели же мы в последние годы создать условия для появления и становления скрипача В. Репина и борца А. Карелина в Новосибирске, пловца Попова — в Волгограде, хоккейной «Лады» в Тольятти, писателей В. Распутина и В. Астафьева — в Иркутске и Красноярске.

Возрождение России — в моральной и материальной поддержке своих соотечественников, куда бы их не забросила судьба (вот чему не грех поучиться у нынешних американцев, хотя эта заботливость о попавших в беду — исконно русская черта).

Возрождение России — в использовании общемировых технологических, организационных, правовых достижений человеческой цивилизации сообразно (а не вопреки) исконно народным понятиям о праведном суде, о порядке и правилах общежития, об этических особенностях использования современных достижений науки (генной инженерии, новых источников энергии, природобезопасных вездеходов, атомных подледных танкеров и многих других проявлений человеческого ума). Для России как никакой другой страны природоподобная техника на основе бионики может дать необходимую гармонию естественных и искусственных безопасных средств производства и орудий труда.

И, наконец, **возрождение России** — это новая наша реализация принципа социальной справедливости, не расслоение общества на богатых и бедных, а принцип распределения по труду. Ценно только то, что заработано.

Рента должна допускаться лишь по отношению к природным ресурсам, а не к банковскому капиталу.

На пьедестал — творческого работника, а не рантье, живущего на доходы от известно как сколоченного капитала.

Будущее России — не в том, что она будет первенствовать на планете в военном или научном, экономическом или культурном отношении, а в том, что она станет примером системной организации жизни людей: целеустремленности в XXI век и далее; соборной семейственности, когда сила общества — не в унификации жизни, а в разнообразии ее форм у разных народов; гармонии духовного и рационального, не посягающих на первенство друг перед другом.

Будущее России в том, что телом своим она изберет не государство с его властным механизмом единения народов, а общество, интегрируемое единством идеи творческой жизни на земле и разнообразием форм реализации этой жизни сообразно собственным устремлениям равноправных народов Евразийского Союза.

Послесловие

В Начале было Слово.

Я — Сказал.

Завершая свой триадический опус, я не хочу перечитывать написанное. Знаю, что многое можно было сказать короче, четче, иначе.

Но не в этом ли разнообразном «иначе» кроется главное: и жизнь (прошлая, настоящая и будущая) и формы ее отображения реализуются далеко не в единственном варианте. С какой ноги встанешь, так и увидишь все вокруг. Но ног — две, а жизнь — не есть черно-белое полотно. Нет двух совершенно одинаковых листиков на дереве, отпечатки пальцев различны у каждого. А состояния души настолько разнообразны, что куда там всем цветникам мира.

И все же по большому счету разнообразие не есть хаос; а судьба человека, жизнь человеческого социума и природная динамика подчиняются одним и тем же тенденциям — движению по спирали, расходящейся, сходящейся и вновь ... вперед и шире.

И так всегда, везде и во всем.

1. **Человек — не венец Природы, а перекресток семи миров**, составляющих не всю суть, а лишь видимые грани Сущего. Семь тел Человека, семь форм социума, семь граней Мира Сущего находятся в строгом соответствии, что позволяет понимать одно через другое.

Физическое тело человека — государство — вещественный мир; жизненная прана — пассионарная группа (партия) — энергетический мир; чувственное тело — семья — биологический мир желаний; разум — ведическая группа общества — информационный мир (ноосфера); человеческий дух (подсознание) — этнос, нация, толпа (коллективное бессознательное) — интеллигибельный мир (мирвоображения, в котором все возможно); душа — культура — мир стихий (духовный мир); «соборное» тело (чужое «Я») — народ (общество, объединенное единой идеей) — социальный мир.

Одно невыводимо из другого, но они и не могут быть друг без друга.

2. **Мир — холистичен** (olos — целое). **Любой объект — открытая система.** Черпая из окружающей среды вещество, энергию, информацию и т.д., живая система, в т.ч. и человек, отдают в среду более качественные (обладающие большей негэнтропией) продукты своей жизнедеятельности.

Основное правило жизни: отдать больше, чем взять.

3. **Все развивается по двойной спирали:** в живой системе от $-\infty$ до $+\infty$, в межсистемной среде — наоборот. В точках т.н. «разрыва происходит переполюсовка мира, хаос расслаивается и образующаяся разность потенциалов создает стимул для нового витка.

4. Нет единого пространства и времени. **Любая система живет в своем пространственно-временном измерении**, имеет свой жизненный цикл, свой ареал действий. Коалиционные системы могут обладать общим пространством и временем. В межсистемной среде может происходить трансформация времени в пространство, информацию, энергию, вещество и наоборот.

5. В интеллигибельном многомерном (минимум — 7) мире **все, что постигается умом и чувством — все возможно.**

6. **Материя есть все, что существует.**

По большому счету **в мире нет причинно-следственных связей** (они могут искусственно вводиться лишь для замкнутых систем), **а действует принцип обратной связи** — закон «будстрапа»: **все зависит от всего.**

«Материя и сознание ... на каком-то фундаментальном уровне составляют единство» (Сб. «Сознание и физический мир», вып. 1 — М.: 1995, с. 25).

Нет первичности материи и вторичности сознания (и наоборот) — это две стороны одной «медали». Сознание — особый вид материи.

7. **Полевые тела**, содержащие чувства, информацию, образы и т.п. невещественные продукты, **столь же материальны**, как и физические элементы, в т.ч. и энергетические импульсы.

Они одновременно и продуцируются и продуцируют физические тела, **формируются как голографическое отражение внешнего и внутреннего мира субъекта.**

8. **Энергия структурирует объект.** Пассионарность придает обществу организованность.

Энергия (негэнтропия — организованность) есть фактор перехода от менее качественного к более качественному состоянию объекта.

Вещество переходит в чувства, чувство — в энергию, энергия — в информацию, информация формирует образы, идеи. И обратно.

9. ***Homo sapiens* существует во Вселенной извечно.** Его земная форма есть голографическое отражение космической высокоорганизованной ноосферы (духосферы) на разведенную в воде белково-нуклеиновую эмульсию.

Пришельцы из космоса — не физические тела, а организованный образ.

10. Спираль развития говорит: ***откуда пришли, туда же*** (с поправкой на новый виток) и ***уйдем***.

Человечество (по К. Циолковскому) со временем превратится в единый вид лучистой энергии.

11. Гипотеза: человек как плотное тело выделился из полевой среды вблизи полюсов. ***Мы — из Арктиды***.

12. ***Человек живет стремлением к Абсолюту*** (к абсолютной истине, к абсолютному благу), к полной гармонии со средой. Однако всей своей деятельностью он лишь отдаляет горизонт, к которому стремится.

Бог, идеал — посредник между ним и Абсолютом. Он формируется человеком и формирует его же.

13. ***Русский космизм — гипертрофированная тяга к Абсолюту***.

14. В поисках своего места на земле ***мы совершили двойной евроазиатский виток***, из Арктиды — в Переднюю Азию — через Скифию — на Русь — в Сибирь; из Арктиды — через Таймыр и Урал в Скандинавию — в Славянию — на Русь — на Восток — к Северному океану. По первому пути через степи шли россы, по второму — через леса — руссы, затем «братья» соединились в Московии и сформировали единый российский народ.

15. ***Россия — не государство и даже не народ, а судьба*** тех, кто живет сообразно с российской триадической идеей: полной гармонией с природой, соборно организованным добрососедством, стремлением быстрее придти к Абсолюту за счет максимализма, не исключая и шараханья из крайностей в крайность (кстати, об этом пути говорит и теория оптимального управления).

16. ***Россия — «семья» народов***, она больше живет не индивидуальным разумом, а коллективным чувством, в т.ч. подсознательной интуицией, которая «говорит»: живи сам и не мешай жить другим.

Объединит нас нечто более общее, чем границы, законы, экономика.

Объединит нас духовно-социальная идея холистического (системного) всеединства и общее дело.

17. ***Вариант идеи всеединства: живи сообразно с природой, действуй — сообща, твори — стремись отдать больше, чем взял***.

Общее дело — сделай удобным для себя и гостеприимным для страждущих свой «дом» — природный и социальный Экос.

18. **Россия — Евразийский Союз народов**, а не государств, открытый для всех дом, в котором каждый готов жить не по принуждению, а потому, что ему здесь хорошо!

В этом Евразийском Союзе ислам и православие имеют больше общего, чем православие и католицизм.

Поэтому Россию нельзя отождествлять со славянским миром. Он более неоднороден, чем объединенный мир восточно-евразийских народов.

19. **Россия — модель будущего мира**, в котором мирно уживаются народы с различным образом жизни, различными верованиями, различными социальными устремлениями. Но мир не будет поделен на обособленные друг от друга равноправные «разности». Ареал распространения народов будет шире пространственно-территориальных границ отдельных стран; их жизнь будет развиваться по своим культурно-временным спиральям.

Земля и Космос станут коллективно обитаемым Домом, коллективный Разум организует жизнь народов, а общая Идея жизни, самоценная сама по себе, станет стречем развития человечества как целого социума.

21. Человек, социум, природа — микрокосм, мегакосм, макрокосм — **Я, Мы, Они — равновеликие системы**, равные уже самим фактом своего существования.

Они находятся во взаимно-многозначном соответствии друг с другом.

Происходит окосмичивание природы, гуманизация социума, планетаризация сознания.

Человек — самосознающая часть природы и социума, **«резюме Вселенной»**.

Но «человек — социум — природа» — холистическая открытая система, в которой все части могут существовать только как единое целое.

«Я — Мы — Они» — только вместе!

Да будет так!

ГЛОССАРИЙ

Апория	(от греч. а - отрицание, порос - выход) — трудноразрешимая проблема, связанная обычно с противоречием между данными наблюдения и их мысленным анализом
Апостериори и априори	(от лат. из последующего и из предыдущего) — знания, получаемые из опыта или предшествующие опыту, независимые от него
Астрал	(астральное тело) — передаточное звено между высшим началом человека и его физическим мозгом (телом) - материальным носителем астрала является нервная система
Аура	энергетическая оболочка физического тела
Брамфатура	(по Д. Андрееву) — окружающая небесное тело совокупность разноматериальных слоев, объединенных общностью протекающих в них процессов физического и метафизического бытия
Брахман и Атман	Мировая Сущность и ее человеческое воплощение
Бутстрап (будстрап)	(от англ. bootstrap) — обратная связь
Векторная деформация	(по Ю. Иванову) — направленное искажение исходного интерференционного поля, вызванное сдвигом фаз, или аритмией источников волнообразных движений — осцилляторов. В открытом пространстве в.д. приводит к самодвижению, в закрытом — к действию на препятствие
Гетерогенность	Разнородность
Гомогенность	однородность

Голография	— метод записи, воспроизведения и преобразования волновых полей, основанный на интерференции волн
Демиург	(от греч. Демос - народ, эргос - работа) — творец для народа; в отличие от бога теистических религий, творящего мир из ничего, демиург творит многообразный «народный» мир на основе вычленения из вечного кругооборота материи и души созвучно (в резонансе) с мироощущением данного народа
Евангелие	(от греч. euangelion) — благая весть, исповедь (в данной работе — второе значение)
Интеллигибельный	— умопостигаемый
Когерентность	— согласованное протекание (во времени ил пространстве) нескольких волновых процессов
Лептон	— электронные частицы со спином $1/2$, не участвуют в сильном взаимодействии
Либи́до	— часть «тела» (множества) желаний, связанная с бессознательным стремлением индивида слиться со своей «второй половиной» в единое целое
Логос	(от греч. слово, суждение) — явленный смысл
Монада	(от греч. монад — единица, единое) — неделимая часть целого, соответствующая ему, отражающая все его основные свойства; отражает единство микрокосмоса и макрокосмоса
Негэнтропия	— характеристика организованности систем

Ноумен	— умопостигаемая сущность в отличие от феномена как проявления объекта, воспринимаемого путем чувственного познания (созерцания, ощущения и т.д.)
Онтогенез	— совокупность преобразований, претерпеваемых единичным организмом от зарождения до конца жизни (термин введен нем. биологом Э. Геккелем в 1866 г.)
Ортогенез	— теория развития живой природы, утверждающая, что эволюция организмов происходит в строго определенном направлении, исключая роль случайных мутаций и естественного отбора
Осевое время	(по К. Ясперу) — условное время начала человеческой цивилизации (приблизительно 10 тыс. лет назад), до которого неизвестны результаты человеческой деятельности (в виде археологических и др. вещественных предметов)
Прана	(праническая энергия) — жизненная энергия, которая через эфирное тело человека ассимилируется его организмом
Пространство-пси	(по Д. Панину) — окружение каждой элементарной частицы, движущееся вместе с ней
Ритмодинамика	(по Ю. Иванову) — волновая картина мира, в которой дискретность материи трактуется как ритмический процесс энергетических всплесков с периодичностью 2π
Сакральный	— тайный, сокровенный

Синархия	(по В. Шмакову) — иерархическое строение и раскрытие космоса как Универсуума, сначала в идеальном (умозрительном) виде, а затем в проявлениях феноменального мира
Синкретичность	— нерасчлененность знания, явления, системы на составные части, свойственна образному восприятию цельного мира на стадии недифференцированного познания. Отличается от интегрального подхода, объединяющего особым способом отдельные дифференцированные элементы
Синергетика	— самоорганизация системы за счет коллективных, корпоративных эффектов. За счет синергетических свойств система больше (мощнее) чем сумма ее составных частей
Спайдер-эффект	(по Ю. Иванову) — n-мерная интерференционная картина распределения линий смены знака фазы от различных по частоте источников (осцилляторов)
Тезаурус	(от греч. библиотека) — отображение (модель) внешнего мира, а также самоотображение системы, рассредоточенное внутри нее или концентрирующееся в специальных органах-частях системы
Универсуум	— мир как целое
Шаданакар	(по Д. Андрееву) — собственное имя брамфатуры нашей планеты. Состоит из большого числа разноматериальных слоев, инопространственных и иновременных
Филогенез	— то же, что онтогенез, но для мира живых существ в целом

Эволюция и инволюция	— прямой и обратный ход развития, приобретение или атрофия (утрата) новых свойств
Эго	— «Я есмь», множественная сущность Человека
Эзотерика	(от греч. esotericos) сокровенный, тайный, скрытый
Эйдос	(от греч. вид) — чистая сущность; идея — форма объекта, неотделимая от его материального субстрата
Экос	(экосистема, от греч. oikos — дом, жилище, местопребывание) — совокупность взаимосвязанных «природы, общества и человека». Однокоренные слова: Эко-номика — наука о хозяйственном управлении Экосом, Эко-логия — наука о гармонизации отношений всех частей Экоса
Эманация	(от лат. истечение, распространение) — проявление Сущего
Энергия	— осуществление, действие в противовес потенции как возможности
Энергия полевая	взаимодействие полей
Энергия структурная	— потенциальная энергия, запасенная в структуре вещества или системы, образующихся за счет энергии, поступающей из внешней среды; производит действия (выделяется) при изменении структуры (примеры: энергия живой клетки, энергия химических связей, радиоактивность)

Энергия-пси	(по Д. Панину) — энергия «чистого» движения, проявление (действие) пустоты («Пустого Нечто») при его возмущении за счет того или иного фактора
Энтелехия	— проявление сущности
Энтропия	— характеристика дезорганизации системы
Эон	(от греч. век, вечность) — часть времени, свойственная определенному состоянию развития мира
Эфирное тело	— проводник праны, энергетический дубликат физического тела